

200 ЛЕТ РУССКО-СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ В ТАРТУ

UNIVERSITAS TARTUENSIS

SLAVICA TARTUENSIA V

SLAVICA TARTUENSIA

V

UNIVERSITAS TARTUENSIS
TARTU ÜLIKOOL TARTУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Slaavi filoloogia õppetool Кафедра славянской филологии

200 ЛЕТ РУССКО-СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ В ТАРТУ

SLAVICA TARTUENSIA

V

TARTU 2003

Редактор серии *Slavica Tartuensia* и ее V тома А. Д. Дуличенко

Редакция серии *Slavica Tartuensia*: Estonia, 50090 Tartu, Näituse 2.
Tartu Ülikooli slaavi filoloogia õppetool. Prof. dr. Aleksandr D. Duličenko.
Tel. 372 7/375 351; fax 372 7/376 352; e-mail: aleksd@ut.ee

© Авторы статей и редактор, 2003

Настоящий выпуск серии *Slavica Tartuensia* включает материалы международной юбилейной конференции «200 лет русско-славянской филологии в Тарту», прошедшей 10–12 октября 2002 г. На участие в конференции было подано 45 заявок из различных стран. Сборник содержит 36 докладов, переработанных в статьи. По преимуществу это тексты, касающиеся вопросов истории славянского языкознания. За исключением статьи польского автора, все работы печатаются на русском языке.

В подготовке книги неоценимую помощь оказали молодые сотрудники кафедры славянской филологии Э. Романчик и Л. Рябова, И. Абисогомян, И. Табакова и С. Вомм. По ряду библиографических вопросов консультации были получены от проф. С. Г. Исакова.

Издание настоящего тома финансово поддержано ректором Тартуского университета и фондами Integratsiooni Sihtasutus (Tallinn) и Tartu Kultuurkapital.

ISSN 1406–3522

Tartu Ülikooli Kirjastus/Tartu University Press
www.tyk.ut.ee
Order no. 343

СОДЕРЖАНИЕ

«200 лет русско-славянской филологии в Тарту»
(1802–2002). Юбилей, конференция, программа 9

I. ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ В ТАРТУ

С. Г. Исаков (Tartu)

Основные этапы развития русского литературоведения в
Тартуском университете (1802/03–1950-е гг.) 14

А. Д. Дуличенко (Tartu)

Славянское языкознание в Тарту в XIX–XX вв. 31

П. И. А. БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ: ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОГО И
СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ (БОДУЭНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВА-
НИЯ)

В. М. Алпатов (Москва)

И. А. Бодуэн де Куртенэ и лингвистика XX в. 69

Е. В. Вельмезова (Москва)

Языковая эволюция в работах И. А. Бодуэна де Куртенэ 79

Б. М. Гаспаров (New York)

Идея фонемы в евразийском контексте: Бодуэн и Ильмин-
ский..... 91

З. А. Пахолок (Луцьк)

Роль И. А. Бодуэна де Куртенэ в становлении и развитии
научного таланта Н. Крушевского 101

А. Золтан (Budapest)

Взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ на палатализацию за-
дняязычных в работах О. Ашбота 112

Э. Романчик (Tartu)

И. А. Бодуэн де Куртенэ и кашубский языковой вопрос 119

Г. А. Лилич (С.-Петербург)

Профессор И. А. Бодуэн де Куртенэ как экзаменатор 134

III. НАПРАВЛЕНИЯ И КОНЦЕПЦИИ В ИСТОРИИ ТАРТУСКОЙ СЛАВИСТИКИ

А. Кюннан (Tartu)

Михкель Веске и субстратные прибалтийско-финские топонимы Северной России 139

С. И. Рагрина (Tallinn)

«Руська мова» Великого Княжества Литовского и русинский язык (к развитию концепции Тартуской школы славистики) .148

И. В. Абисогомян (Tartu)

Славянская филология в Тартуском университете в последнее десятилетие (1992–2002 годы) 159

И. П. Кюльмоя (Tartu)

О некоторых вехах в развитии тартуской русистики 170

Е. И. Костанди (Tartu)

О некоторых вопросах синтаксиса в трудах тартуских исследователей 177

В. Ю. Франчук (Київ)

Вопросы языка и культуры в эпистолярном наследии тартуских и харьковских славистов 183

Е. Е. Королева (Daugavpils)

О Балтийской экспедиции Института этнографии АН СССР 50-х гг. XX в. и диалектологических исследованиях Тартуского университета 192

М. Ю. Досталь (Москва)

Проблемы истории российского славяноведения в «Ученых записках Тартуского университета» 70–80-х гг. XX в. 202

Н. А. Нечунаева (Tallinn)

Славянские гимнографические рукописи из коллекции Научной библиотеки Тартуского университета 213

IV. СЛАВИСТЫ И ВОСПИТАННИКИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ВКЛАД В РАЗВИТИЕ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

О. В. Никитин (Москва)

В. И. Григорович и развитие славянской филологии в России XIX в. (предварительные замечания) 223

J. Treder (Gdańsk)

Piotr I. Prejs i Izmael I. Sriezniewski a Kaszuby 228

Л. А. Рябова (Tartu)

В. Полевой: один из первых опытов создания сравнительной грамматики славянских языков 248

Л. В. Дуличенко (Tartu) О забытых словах и значениях (на материале «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля)	256
И. В. Чуркина (Москва) А. С. Будилович	262
С. Б. Евстратова (Tartu) Отражение представлений первобытных славян о природе в работах А. С. Будиловича и в современной этнолингвистике	274
Ю. С. Кудрявцев, В. П. Щаднева (Tartu) Л. Г. Мазинг как преподаватель и ученый	285
Е. В. Антушева (Tartu) Ильинский-этимолог (тартуский период)	295
О. Н. Паликова (Tartu) «Русско-эстонский словарь» (1940–1947) П. Арумаа, Б. Правдина, Й. В. Вески	301

V. РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ В ТАРТУ

М. Салунере (Tartu) В. М. Первощиков — профессор русского языка и словесности Дерптского университета	311
Л. П. Лантсва (Москва) Российский филолог-славист Е. В. Петухов и его деятельность в Юрьевском университете (1895–1918)	325
Л. Н. Киселева (Tartu) Ю. М. Лотман — заведующий кафедрой русской литературы Тартуского университета	336
Л. Пильд (Tartu) О генезисе русского символизма в трудах З. Г. Минц	350

VI. ИЗ ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ СЛАВИСТИЧЕСКИХ КУРСОВ

Т. К. Шор (Tartu) Курс славянских литератур в Тартуском университете (1875–1918)	359
К. П. Алликметс (Tartu) Способы предъявления социокультурной информации в учебниках русского языка для эстонцев	378
Х. Виссак (Tartu) Тартуская традиция создания пособий и словарей по специальности «правоведение»	390

Э.-О. Хааз (Tartu)

О синтаксисе в учебном процессе в Дерпте в XIX в. 399

Г. М. Пономарева (Tartu)

Студенты славянского отделения Тартуского
университета (1919–1944) 404

* * *

Памяти проф. С. В. Смирнова (с приложением библио-
графии его трудов). *А. Д. Дуличенко* 415

**«200 ЛЕТ
РУССКО-СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ В ТАРТУ»
(1802–2002)**

ЮБИЛЕЙ, КОНФЕРЕНЦИЯ, ПРОГРАММА

В 2002 г. Тартуский университет отмечал две знаменательные даты — 370-летие своего основания (1632) и 200-летие со дня вторичного открытия (1802). В рамках этого торжества свой 200-летний юбилей отметила и русско-славянская филология.

По инициативе кафедры славянской филологии и в сотрудничестве с другими кафедрами и Национальным Комитетом славистов Эстонии в 2000 г. была разработана концепция юбилейных мероприятий. Предусматривалось проведение научной конференции и издание ее материалов. 29 июня 2001 г. состоялось первое заседание инициативной группы, на котором был избран состав юбилейной комиссии, являвшейся одновременно оргкомитетом конференции: доктор филологич. наук, орд. проф. А. Д. Дуличенко (председатель), доктор филологич. наук, проф. С. Г. Исаков, кандидат филологич. наук, орд. проф. И. П. Кюльмоя, кандидат филологич. наук, PhD, доц. Ю. С. Кудрявцев, кандидат педагогич. наук, доц. С. Б. Евстратова, кандидат филологич. наук Г. М. Пономарева. Последовали еще три заседания комиссии — 5 декабря 2001 г., 25 июня и 3 октября 2002 г., на которых обсуждались практические вопросы, связанные с организацией и проведением юбилейной конференции. На заседании 5 декабря 2001 г. было решено провести конференцию 10–12 октября 2002 г., при этом непременным условием участия в ней ставилась связь темы доклада с историей тартуской славянской филологии. По составу участников конференция мыслилась как международная. В ее программу было включено 45 докладов из Эстонии, России, Украины, Польши, Словении, Латвии, Венгрии; четверо докладчиков не смогли по различным причинам участвовать в конференции»; два докладчика (Б. М. Гаспаров и Е. Тредер) прислали свои тексты, которые и были оглашены на заседаниях.

На юбилейные торжества комиссия пригласила славистов-пенсионеров, работавших на отделении русской и славянской филологии и внесших весомый вклад в его развитие. Кроме того, приглашения были разосланы также посольствам славянских стран, аккредитованным в Эстонии, митрополиту Таллинскому и всея Эстонии Корнилию.

Открытие конференции состоялось в Белом зале Музея истории университета на холме Тоомемяги. По поручению ректора

университета с приветственным словом выступил проректор проф. В. Кальм, затем слово взяли посол России К. К. Провалов, посол Польши В. Врублевский, митрополит Таллинский и всея Эстонии Корнилий. Посол Польши подарил кафедре славянской филологии комплект польской филологической литературы. На пленарном заседании с обобщающими докладами по истории славянской филологии в Тарту выступили С. Г. Исаков и А. Д. Дуличенко, после чего работа конференции продолжилась в новом для отделения русской и славянской филологии помещении — здании «Новый анатомикум» (ул. Näituse, 2). Сразу же после пленарного заседания участники конференции и ее гости сфотографировались в Белом зале.

В связи с активным интересом к научной деятельности и личности крупнейшего языковеда, когда-либо работавшего в Тартуском университете, И. А. Бодуэна де Куртенэ (8 докладов), одно из заседаний было посвящено ему. Бодуэнологическое заседание прошло 11 октября в ауд. 140 Главного здания университета. До заседания проф. А. Д. Дуличенко провел для участников конференции экскурсию по сохранившимся домам, в которых в 1883–1893 гг. проживал Бодуэн де Куртенэ. Экскурсии по университету и по городу провела для гостей конференции доц. С. Б. Евстратова.

Конференция вызвала большой резонанс в местных СМИ и, в частности, в печатных изданиях, см., напр.: Н. Синдецкая. *Юбилей эстонской славистики*. Молодежь Эстонии, Таллин, 2002, № 236, 10 октября; *Славные даты — 200 и 10 лет. 10 лет кафедре славянской филологии Тартуского университета*. [Интервью И. Табаковой, взятое у проф. А. Д. Дуличенко]. Эстония, Таллин, 2002, № 195, 10 октября; *Millalt hakati TÜs vene keelt õpetama?* Universitas Tartuensis, 2002, № 31 (2109), 11. oktoober; Н. Синдецкая. *Тройной праздник эстонской славистики*. Молодежь Эстонии, Таллин, 2002, 17 октября; В. Василькова. *Сохрани мою речь*. День за днем, Таллин, 2002, № 42, 25 октября; А. Петухов. *Два века тартуской славистики*. Вести неделя плюс [таков ли порядок слов в названии газеты?!], Таллин, 2002, 26 октября.

Работа конференции была бы затруднена, если бы не финансовая помощь, которую мы получили на ее проведение и печатание сборника материалов. Пользуясь случаем, юбилейная комиссия сердечно благодарит за финансовую поддержку ректора Тартуского университета проф. Я. Аавиксоо, декана философского факультета проф. Б. Клаас, фонды Intergratsiooni Sihtasutus (Таллин) и Tartu Kultuurkapital, посольство России в Эстонии и лично посла К. К. Провалова.

**Программа международной научной конференции
«200 лет русско-славянской филологии в Тарту»
(10.10 – 12.10.2002)**

10 октября

Музей истории Тартуского университета, Белый зал

11.00. **Открытие пленарного заседания**

Приветственное слово проректора проф. В. Кальма

Приветствия официальных лиц и гостей конференции

Исаков Сергей Геннадиевич (Тарту). Основные этапы развития славянско-го литературоведения в Тартуском университете (1802/03–1950-е гг.).

Дуличенко Александр Дмитриевич (Тарту). Славянское языкознание в Тарту в XIX–XX вв.

Открытие памятной доски на Отделении русской и славянской филологии (Näituse, 2)

Вечернее заседание

Ringauditoorium (Näituse, 2)

Председ.: А. Кюннап, С. И. Рагина

16.00. *Франчук Вера Юрьевна* (Киев). Вопросы языка и культуры в эпистолярном наследии тартуских и харьковских славистов.

16.20. *Никитин Олег Викторович* (Москва). В. И. Григорович и славянская филология в России XIX в.

16.40. *Кюннап Аго* (Тарту). Михкель Веске и субстратные прибалтийско-финские топонимы северной России.

17.00. *Кудрявцев Юрий Сергеевич, Щаднева Валентина Петровна* (Тарту). Г. Л. Мазинг как преподаватель и ученый.

17.50. *Чуркина Искра Васильевна* (Москва). А. С. Будилович и его деятельность в Тартуском университете.

18.10. *Евстратова Светлана Борисовна* (Тарту). Отражение представлений первобытных славян о природе в работах А. С. Будиловича и в современной этнолингвистике.

18.30. *Тредер Ежи* (Гданьск). Prejs i Sriezniewski a Kaszuby. (Прейс, Срезневский и Кашубия).

11 октября

Утреннее заседание, посвященное И. А. Бодуэну де Куртенэ

Экскурсия по сохранившимся домам, в которых жил И. А. Бодуэн де Куртенэ (проводит проф. А. Д. Дуличенко)

Ауд. 140 Главного здания университета

Председ.: В. М. Алпатов, А. Д. Дуличенко

9.15. Посещение домов, в которых проживал И. А. Бодуэн де Куртенэ

10.00. *Алпатов Владимир Михайлович* (Москва). И. А. Бодуэн де Куртенэ и лингвистика XX в.

10.40. *Вельмезова Екатерина* (Москва). Языковая эволюция в работах И. А. Бодуэна де Куртенэ.

- 11.00. *Кенда-Еж Кармен* (Любляна). Glasovna podoba slovenskih narečij v raziskavah Jana Baudouina de Courtenayja. (Фонетический облик словенских говоров в исследованиях И. А. Бодуэна де Куртенэ).
- 11.20. *Гаспаров Борис Михайлович* (Нью-Йорк). Идея фонемы в евразийском контексте: Бодуэн и Ильминский.
- 12.10. *Золтан Андраш* (Будапешт). Взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ на палатализацию заднеязычных в работах О. Ашбота.
- 12.30. *Романчик Елена* (Тарту). И. А. Бодуэн де Куртенэ и кашубский вопрос.
- 12.50. *Лилич Галина Алексеевна* (Санкт-Петербург). Профессор И. А. Бодуэн де Куртенэ как экзаменатор.
- 13.10. *Пахолок Зинаида Алексеевна* (Луцк). Роль И. А. Бодуэна де Куртенэ в становлении и развитии научного таланта Н. Крушевского.
- Экскурсия по городу (проводит доц. С. Б. Евстратова)

Вечернее заседание

Ringauditoorium (Näituse, 2)

Председ.: Л. П. Лаптева, И. П. Кюльмоя

- 16.00. *Досталь Марина Юрьевна* (Москва). Проблемы истории русского славяноведения в тематических выпусках «Ученых записок Тартуского государственного университета» в 70–80-е гг. XX в.
- 16.20. *Рябова Людмила Александровна* (Тарту). В. Полевой: один из первых опытов создания сравнительной грамматики славянских языков (Дерпт, 1851).
- 16.40. *Лаптева Людмила Павловна* (Москва). Российский филолог-славист Е. В. Петухов и его деятельность в Юрьевском университете (1895–1918).
- 17.00. *Салупере Малле* (Тарту). В. М. Перевошиков — профессор русского языка и словесности Дерптского университета.
- 18.10. *Королева Елена Евгеньевна* (Даугавпилс). О Балтийской экспедиции Института этнографии АН СССР 50-х гг. XX в.
- 18.30. *Пономарева Галина Михайловна* (Тарту). Студенты-слависты Тартуского университета (1918–1944).

12 октября

Утреннее заседание. Секция А

Ringauditoorium (Näituse, 2)

Председ.: Г. А. Лилич, А. Золтан

- 10.00. *Рагрина Светлана Ивановна* (Таллин). «Руська мова» Великого Княжества Литовского и русинский язык (к развитию концепции Тартуской школы славистики).
- 10.20. *Дуличенко Людмила Васильевна* (Тарту). О забытых словах и значениях (на материале «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля).
- 10.40. *Паликова Оксана Николаевна* (Тарту). Русско-эстонский словарь (1940–1947) П. Арумаа, Б. Правдина, И. В. Вески.
- 11.30. *Абисогомян Ирина Валерьевна* (Тарту). Славянская филология в Тартуском университете.

- 12.10. *Антушева Елена Викторовна* (Тарту). Г. А. Ильинский-этимолог (тартуский период).

Утреннее заседание. Секция Б

Ауд. 207 (Näituse, 2)

Председ.: С. Г. Исаков, Л. Н. Киселева

- 10.00. *Тороп Пеэтер Хербертович* (Тарту). Тартуско-московская школа и проблема славянской семиотики.
- 10.20. *Шор Татьяна Кузминична* (Тарту). Курсы славянских литератур в Тартуском университете (1875–1918).
- 11.30. *Киселева Любовь Николаевна* (Тарту). Ю. М. Лотман — заведующий кафедрой русской литературы.
- 11.50. *Пильд Леа Лембитовна* (Тарту). З. Г. Минц — исследователь пред-симболистской эпохи в русской литературе.
- 12.10. *Пярли Юлле Карловна* (Тарту). Роль кафедры русской литературы в развитии методики преподавания литературы в Эстонии.

Вечернее заседание

Ringauditoorium (Näituse, 2)

Председ.: Ю. С. Кудрявцев, К. П. Алликметс

- 15.00. *Нечунаева Наталья Алексеевна* (Таллин). Славянские гимнографические рукописи из коллекции Научной библиотеки Тартуского университета.
- 15.20. *Кюльмоя Ирина Павловна* (Тарту). О некоторых вехах в развитии тартуской русистики.
- 15.40. *Хааг Эрика-Оксана* (Тарту). Синтаксис в учебном процессе в Дерпте в XIX в.
- 16.00. *Синдецкая Наталья* (Таллин). Об эстонско-польских (тартуско-варшавских) культурно-литературных связях 1918–1939 гг.
- 16.30. *Костанди Елизавета Ильмаровна* (Тарту). Синтаксическая проблематика в трудах филологов-русистов Тартуского университета.
- 16.50. *Ровнова Ольга Геннадьевна* (Москва). Вопросы русской аспектологии в трудах Тартуского университета.
- 17.10. *Алликметс Кира Павловна* (Тарту). Способы предъявления социокультурной информации в учебниках по русскому языку для эстонцев.
- 17.30. *Виссак Хелле Юхановна* (Тарту). Тартуская традиция создания пособий и словарей по специальности «правоведение».

Сергей Геннадиевич Исаков
Tartu

**ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В ТАРТУСКОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ
(1802/03–1950 ГОДЫ)**

Русское литературоведение в Тартуском университете – преподавание русской литературы на начальном этапе – развитие литературоведения в XIX в. – особенности литературоведческих исследований в первой половине XX в.

Изучение в Тартуском (Дерптском, Юрьевском) университете русской и славянской филологии начинается после восстановления университета в 1802 г., точнее с 1803 г., когда была создана кафедра российского языка и словесности (см. об истории кафедры: Петухов 1900; Правдин 1954, 130–164; Issakov, Smirnov 1982, 473–484). По уставу 1803 г. в состав кафедры входили профессор русского языка и литературы и лектор русского языка. Поскольку подавляющее большинство студентов университета в ту пору составляли немцы, не владевшие государственным языком, то основной задачей кафедры считалось преподавание практического русского языка и лишь во вторую очередь чтение специальных научных курсов по русской филологии для желающих, которых поначалу было достаточно мало: прибалтийские немцы особого интереса к русской филологии не проявляли. Изучение истории русской литературы и «объяснение произведений замечательнейших русских прозаиков и стихотворцев» даже еще в 1860-е гг. рассматривалось прежде всего как завершающая часть обучения студентов-немцев русскому языку. Причем курс русского языка и словесности считался обязательным для студентов всех факультетов (исключая теологов), все они должны были сдавать экзамен по русскому языку. На деле экзамен был формальностью, как формальностью оставалось и обязательное посещение лекций и практических занятий по русскому языку и словесности. Вокруг вопроса о преподавании русского языка студентам шла многолетняя и сложная борьба (см. об этом подробнее: Буди-

лович 1900, 1–73; Петухов 1900, 3–25; Исаков 1973, I, 40–47, 62–64; 1974, II, 194–198), на всех перипетиях которой мы не будем здесь останавливаться.

В силу всего этого читавшиеся в Дерптском университете курсы по истории русской литературы носили в первые две трети XIX в. не строго научный, а научно-популярный, «общеобразовательный» характер, много внимания уделялось объяснениям произведений русских авторов. Историей русской литературы первые профессора российского языка и словесности — за исключением В. М. Перевошикова — не занимались. Теория же словесности преподавалась на немецком языке профессорами с кафедры красноречия, древней классической филологии и эстетики. Не случайно в современных монографических обзорах истории науки о русской литературе дерптские профессора до А. А. Котляревского даже не упоминаются (см. Возникновение 1975).

Впрочем, не нужно думать, что положение с преподаванием литературоведческих дисциплин в других университетах Российской империи обстояло много лучше. До университетского устава 1835 г. в университетах России были лишь кафедры красноречия и стихотворства, изучение истории русской литературы не было вообще предусмотрено. Лишь с 1835 г. возникают кафедры русской словесности и начинается более или менее регулярное чтение научных курсов по истории русской литературы, поначалу, в основном, ограничивавшихся древнерусской словесностью (см. Пиксанов 1946, 3–18; Гудзий 1958; Белецкий 1959, 5–30).

Кстати, в этом отношении в системе преподавания, принятой в Дерптском университете, даже был небольшой плюс: произведения древнерусской словесности были попросту непонятны студентам-немцам, поэтому основное внимание и в общих курсах, и на практических занятиях уделялось произведениям авторов конца XVIII – начала XIX в. или же современной русской литературе. Между тем в других университетах России современная литература не считалась предметом, достойным университетской науки, и даже еще во второй половине XIX столетия университетские курсы истории русской литературы в лучшем случае завершались Пушкиным и пушкинской эпохой. Исключения редки.

Обратимся непосредственно к профессуре кафедры русского языка и словесности. Первоначально пост профессора кафедры был предложен Н. М. Карамзину, но тот отказался: Тогда на этот пост был избран Григорий Андреевич Глинка (1774–1818), хотя и не получивший специального филологического образования, но широко просвещенный и эрудирован-

ный человек. Кстати, он был первым дворянином на профессорской кафедре в России (ныне достаточно престижная должность профессора в те времена считалась малопрестижной и была уделом разночинцев). Появление дворянина на профессорской кафедре было в ту пору явлением столь необычным, что Н. М. Карамзин даже посвятил этому специальную заметку в своем журнале (Карамзин 1803, 197). Как и все профессора-русисты до последней четверти XIX в., Глинка читал курсы как по языку, так и по литературе («Русская литература», «О похвальных речах Ломоносова», «Об эпических поэмах Хераскова 'Россиада' и 'Владимир'», «Русское стихосложение»). Из его трудов тартуского периода следует отметить книгу «Древняя религия славян» (1804), представляющую собой попытку реконструкции древнего славянского языческого Олимпа. Вопрос о национальной мифологии в это время вообще стал очень актуальным — он был частью более общей проблемы народности и национальности литературы и культуры (см. об этом: Азадовский 1958–1963, 128). К сожалению, труд Глинки научного значения не имеет. Автор не критически относился к источникам, включая в число древнеславянских божеств персонажи литературных произведений XVIII в., присовокупляя к ним и плоды собственной фантазии. Кроме того, Глинка был автором одного из первых учебников русского языка для учебных заведений Прибалтики и Финляндии (*Elementarbuch der Russischen Sprache zum Gebrauch der Kreis-schulen in Lief-, Ehst-, Kur- und Finnland*. Mitau, 1805), включавший и хрестоматию по русской литературе (см. Исаков 1973, I, 28–31). В 1810 г. Глинка покинул Дерпт.

На его место был избран Андрей Сергеевич Кайсаров (1782–1813) — незаурядная личность, наиболее яркая фигура среди ученых-русистов Тартуского университета в первые две трети XIX в. Человек прогрессивных убеждений, враг крепостного права, тесно связанный с миром русской литературы — в 1801 г. он входил в Дружеское литературное общество (см. о нем: Лотман 1958). Обучаясь в Геттингенском университете, Кайсаров издал там на немецком языке «Опыт славянской мифологии» (1804; вслед за тем книга вышла и на русском языке — «Славянская мифология», 1807, 2-ое издание под названием «Славянская и русская мифология», 1810). Эта книга в свое время пользовалась широкой известностью и научным авторитетом, хотя с современной точки зрения она не отвечает строгим научным требованиям. В Тарту Кайсаров работал недолго — только в 1811–1812 гг. В университете он прочитал курс «Древняя русская история в памятниках языка» и выступил со знаменательной речью «О любви к отечеству». Это бы-

ла первая речь на русском языке, прочитанная на торжественном заседании в университете и проникнутая идеями русского патриотизма. Текст выступления был издан университетом на русском и немецком языках. В Тарту же Кайсаров выступил с проектом создания общества переводчиков с весьма широкими функциями. Оно должно было не только заниматься проблемами перевода, но и развитием языка, созданием русской научной терминологии и т. д. Кайсаров входил в группу передовых профессоров, боровшихся против крепостного права в Прибалтике. В 1812 г. Кайсаров отправился в действующую армию, возглавил походную типографию при штабе русской армии и в 1813 г. погиб в бою. Кайсаров создал предпосылки для превращения Тарту в центр русистики и славистики. К сожалению, его преемниками эти предпосылки реализованы не были.

В 1814–1820 гг. профессором русского языка и словесности в Дерптском университете был Александр Федорович Воейков (1778 или 1779–1839), известный поэт и журналист. Кстати, дерптский период его жизни — это годы наибольшей славы Воейкова-сатирика. Но как ученый и лектор он был совершенно беспомощен. Научный уровень многочисленных курсов, которые Воейков вел в университете (среди них «Изложение современного состояния русской литературы с биографическими и критическими замечаниями и с чтением образцов», «Критический анализ русских авторов», «История русской литературы», «Древняя, средняя и новая русская поэзия» и др.), был крайне низок. Пожалуй, единственная заслуга Воейкова в том, что он способствовал созданию русского культурного очага в Тарту, оставившего заметный след как в истории культурной жизни края, так и в истории русской литературы: с ним, в частности, связана поэтическая школа русского дерптского студенчества во главе с Н. М. Языковым (см. об этом: Luther 1920; Исаков 1985, 59–76). К сожалению, русский культурный очаг в старом Дерпте в первой трети XIX в. до сих пор не был предметом серьезного научного исследования, монографического анализа.

После Воейкова пост профессора русского языка и словесности был предложен В. А. Жуковскому и В. К. Кюхельбекеру, но оба отказались, не считая себя достаточно подготовленными к профессорской деятельности.

Преемником А. Ф. Воейкова стал Василий Матвеевич Перовщиков (1785–1851), до этого работавший в Казанском университете (см. о нем: Петухов 1900, 47–60; Буз, Зорин 1999, 558–560). Он тоже «баловался» сочинительством (издал в Дерпте сборник своих сочинений и переводов «Опыты», 1822),

но все же, в отличие от Воейкова, был в первую очередь ученым-филологом и позже, в 1835 г., избран членом Российской Академии. В Дерптском университете в 1821–1830 гг. Перовошиков читал традиционные курсы истории русской словесности с обозрением произведений наиболее выдающихся писателей, занимался «филологическим и эстетическим объяснением» русских поэтов и прозаиков и т. д. В Дерпте Перовошиков работал над «Историей российской словесности», отрывки из которой появились в печати. Однако этот большой труд, над которым Перовошиков работал несколько десятков лет, так и не был завершен и не увидел света. Лекции Перовошикова, без сомнения, носили более научный характер, чем лекции Глинки и Воейкова, но, по воспоминаниям современников, посещались почти исключительно представителями русской колонии в Дерпте (Арнольд 1892, 148–149). К тому же его взгляды на литературу были откровенно устарелыми: величайшим поэтом Перовошиков почитал М. М. Хераскова, «образцом слога русской прозы Шишкова» (Языковский архив 1913, 35, см. также с. 178), творения же А. С. Пушкина лектор порицал. Отзывы современников о Перовошикове противоречивы (см.: Пирогов 1962, 235–236).

С 1830 по 1835 гг. кафедра русского языка и словесности была вакантна. Лишь в 1835 г. профессором был избран воспитанник Московского университета и в это время преподаватель Ришельевского лицея в Одессе Михаил Петрович Розберг (1804–1874), который в следующем году приступил к своим обязанностям и занимал пост профессора до 1867 г., т. е. тридцать лет. В Дерпте в 1838 г. Розберг защитил докторскую диссертацию «О развитии изящного в искусствах и особенно в словесности». Это, между прочим, первая диссертация на русском языке, защищенная в стенах Тартуского университета. Впрочем, научного значения она не имеет: как убедительно показал Г. Шпет, это простая компиляция из трудов Ф. Шеллинга и Ф. Аста (Шпет 1922, 338–339).² Розберг был личностью любопытной (см.: Исаков, Рогинский 1978, 145–169). Он был знаком с А. С. Пушкиным, библиотека Тартуского университета обязана ему посмертной маской великого поэта, привезенной из Тригорского. В Дерпте Розберг пытался издавать журнал на русском языке «Дерптский наблюдатель». Но как ученый он ничем себя не проявил, почти не оставил собственных оригинальных научных трудов, хотя и был избран сначала адъюнктом (1841), а позже академиком (1849) Петербургской АН по Отделению русского языка и словесности (ОРЯС). В Дерптском университете, кроме практических занятий по переводу с русского на немецкий и обратно (эти

занятия входили в число обязательных для всех изучающих русский язык студентов), он читал, как и Перевошиков, в основном сводные курсы по истории русской словесности и по разбору произведений русских писателей XVIII–XIX вв.

Весьма меткую характеристику Розберга оставил его бывший студент, позже университетский библиотекарь Эмиль Андерс:

«Он был основательным знатоком своего языка и литературы и вообще очень образованным человеком, исполненным многих идей и приверженным культу духа, вероятно, единственному культу, который он признавал... Как профессор он не усердствовал, прогуливал больше, чем это позволялось коллегией, и был удовлетворен тем, что каждый студент в течение многих семестров обязан был записываться на его лекции и оплачивать их (хотя бы он их и не посещал — С. И.). Он прославился тем, что предъявлял на экзаменах столь гуманные требования, что ни один студент не заботился об овладении его предметом» (Anders 1911, 150).

Точно не известно, сколько студентов специализировалось по русской филологии в первые две трети XIX в.; можно предполагать, что очень мало. В документах той поры узкая специализация выпускников (если таковая и была) чаще всего не фиксировалась, да и вообще специальность филолога была непопулярна.³ Первым выпускником университета в кандидатском дипломе которого отмечены в качестве более узкой специальности «Русский язык и литература», был Алексей Солнцев (см. о нем: Эстонский исторический архив = ЭИА, ф. 402, оп. 2, ед. хр. 23595 и 23596). Судьба первого «достоверного» русиста в Тартуском университете тоже по-своему любопытна. Он учился на философском факультете в 1837–1841 гг., в 1852 г. получил степень кандидата за исследование, посвященное процессу создания народных песен вообще и русских в особенности. В 1859 г. Солнцев представил Совету историко-филологического факультета свою магистерскую диссертацию «О византийском влиянии на развитие русской литературы» (полное название работы несколько иное, значительно более длинное), но Совет отклонил ее. Как утверждали современники, причиной этого был какой-то неодобрительный отзыв о протестантизме в диссертации Солнцева. Эта история получила довольно широкую огласку, о ней язвительно писал А. И. Герцен в заметке «Das liefländische Athen» в «Колоколе» в январе 1860 г. (см. Герцен 1958, 227–228, 531–532).

С последней трети XIX в. начинается новый период в истории преподавания и изучения русской и славянской филологии в Тартуском университете, когда он постепенно превращается в немаловажный центр этих наук. По новому универ-

ситетскому уставу 1865 г. кафедра российского языка и словесности была переименована в кафедру русского языка в особенности и славянского языковедения вообще. Если в первый период профессора и лекторы кафедры больше всего внимания уделяли преподаванию русского языка студентам-немцам и сравнительно мало занимались научными исследованиями, то в новый период (последняя треть XIX – начало XX вв.) перед кафедрой встали уже и иные задачи: подготовка квалифицированных филологов-русистов (в первую очередь преподавателей русского языка для средних учебных заведений Прибалтики) и научно-исследовательская работа в области русистики и славистики.

Открывает новый период видный ученый-славист Александр Александрович Котляревский (1836–1881), в 1868 г. ставший профессором русского языка и славянского языковедения в Дерптском университете (о нем см.: Пыпин 1895, I–СЛ; Правдин 1954, 147–153; Азадовский 1958–1963, II, 149–156; Баландин 1975, 85–91). Воспитанник Московского университета, где его учителями были Ф. И. Буслаев и О. М. Бодянский, Котляревский, в сущности, был первым, кто, помимо общих для студентов всех факультетов курсов по русскому языку и словесности, стал последовательно читать и более узкие, сугубо научные спецкурсы для студентов, специализирующихся по русской и славянской филологии. Он же был первым, кто начал в Тарту вести серьезные научные курсы по славистике, в том числе «Энциклопедию славяноведения», «Славянские древности», «Историю славянских литератур». Во многом новаторский характер носили и общие курсы Котляревского, в которых он преимущественное внимание уделял новейшей русской литературе («История новой русской литературы», «Новейшие русские писатели», «Толкование новейших русских поэтов и прозаиков» и др.). Вероятно, впервые в университетах России Котляревский прочитал курс «История русской литературы XIX в. с Пушкина».

В Тарту Котляревский проявил интерес к эстонской культуре. Он принимал участие в деятельности Ученого Эстонского общества, опубликовал статью из области эстонской мифологии — о древнеэстонском божестве Тарапита.

Котляревский типичный шестидесятник по своим убеждениям, был первым из русских профессоров, кто стал выступать в Тарту с публичными лекциями перед широкой аудиторией.

Котляревский был ученым-славистом широкого профиля: он занимался проблемами языка и литературы, истории и археологии, фольклора и этнографии славян, шире — пробле-

мами древней славянской культуры вообще. Как исследователь, он примыкал к мифологической школе в гуманитарных науках, хотя и не разделял ее крайностей. Основные его труды посвящены истории балтийских (поморских) славян. Собственно литературоведением. Котляревский в дерптский период жизни занимался мало.

Преподавательская деятельность А. А. Котляревского в Тартуском университете продолжалась недолго: по болезни он уже осенью 1872 г. покинул Тарту и в следующем, 1873 г. ушел в отставку с поста профессора.

Преемниками Котляревского на посту профессора кафедры русского языка и славянского языковедения, как это ни странно на первый взгляд, были ученые-литературоведы П. А. Висковатов и Е. В. Петухов. Первый из них еще изредка читал и некоторые лингвистические курсы, а также вел практические занятия по языку; второй же читал только историко-литературные курсы. Это были солидные исследователи, оставившие свой след в истории русской науки о литературе. Благодаря им, пожалуй, впервые Дерптский-Юрьевский университет стал одним из центров русского литературоведения.

Павел Александрович Висковатов (Висковатый; 1842–1905) занимал пост профессора с 1874 по 1895 гг. Многочисленные лекционные курсы Висковатова с 1879 г. четко делились на общие (для студентов всех факультетов) и специальные (для филологов). К первым относились «История новой русской литературы», «История русской литературы с Жуковского», «Русские поэты и прозаики» и др.; ко вторым — спецкурсы по русскому фольклору, истории древнерусской и новой русской литературы (Шор 1985, 48–57), а также курсы по славистике — по истории литератур болгар и сербов, славянским древностям. Читал Висковатов и общий курс «История славянских литератур», также предназначенный для студентов-филологов. Висковатов выпустил «Сжатый обзор истории новой русской литературы» (первоначально на немецком языке — 1881, 2-ое изд. — 1886; на русском языке — 1892).

Известность Висковатов приобрел своими многолетними исследованиями жизни и творчества М. Ю. Лермонтова (см. Мануйлов, Гиллельсон, Вацура 1960, 127–129, 177–179; Фридендер 1987, 3–30; Мануйлов, Назарова 1989, 5–23; Шор 1987, 24–34; 1989). В 1889–1891 гг. он издал первое полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова в 6 томах, где было опубликовано много (около ста!) до тех пор неизвестных текстов его произведений, разысканных Висковатовым. Шестой том этого издания составила первая научная биография поэта — «Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество» (1891), напи-

санная Висковатовым на основе обширного, впервые введенного в научный оборот фактического материала, в том числе бесед с людьми, лично знавшими поэта. Если текстологические принципы Висковатова уже в то время подвергались критике, то написанная им биография Лермонтова и до сих пор не потеряла своего значения; не случайно недавно она была дважды переиздана.

Висковатов был автором либретто известной оперы А. Рубинштейна «Демон». Из-под пера Висковатова вышло и несколько работ о Жуковском. Профессор поддерживал связи с эстонскими культурными деятелями (М. Веске, Ю. Кундер и др.), откликнулся прочувствованным стихотворением на смерть вождя эстонского национального движения К. Р. Якобсона, интересовался прошлым и настоящим Эстонии (ему принадлежит очерк истории Тарту), занимался археологическими раскопками близ Пюхтицы, сотрудничал в изданиях Ученого Эстонского общества.

По уставу 1865 г. должность лектора русского языка была заменена штатной единицей доцента русского языка и литературы. Доценты в первую очередь вели практические занятия по языку, но иногда читали и теоретические курсы, в том числе и литературоведческие. В частности, курсы истории русской литературы и разборы произведений русских поэтов и прозаиков вели В. А. Яковлев (1871–1873), М. В. Прахов (1877–1878) и А. А. Соколов (1878–1880). Аркадий Александрович Соколов, выпускник Дерптского университета, ученик А. А. Котляревского, читал и славяноведческие дисциплины, в том числе историю болгарской литературы. Он был специалистом по словенской, а также по словацкой литературе, автором труда о зарождении литературы словенцев (Соколов 1878).

В 1890-е гг. Тартуский университет перешел на русский язык преподавания, изменился национальный состав студенчества и, соответственно, изменились функции кафедры русского языка и славянского языковедения. Отпала необходимость в практических занятиях по русскому языку для студентов, им не владеющих: с 1893 г. такие занятия прекратились. Увеличилось число студентов-филологов, специализировавшихся по русскому языку и литературе. Теперь стала возможной более узкая специализация преподавателей кафедры. Сменивший в 1895 г. П. А. Висковатова на посту ординарного профессора Евгений Вячеславович Петухов (1863–1948), как отмечено выше, читал только курсы по литературе, доцент же кафедры, а с 1907 г. второй ее профессор специализировались по русскому языку.

Петухов работал профессором Юрьевского университета свыше двадцати лет — до 1918 г. По совместительству с 1908 г. он был и профессором по кафедре истории русской литературы в Высших женских курсах в Тарту. В университете Петухов на протяжении многих лет читал общий курс истории русской литературы, охватывавший период от древности до второй половины XIX в. Он читал также многочисленные спецкурсы по русской литературе и фольклору, в том числе по богатырскому эпосу, по источниковедению и методологии изучения русской литературы, по русской литературной критике XIX в., по творчеству А. С. Пушкина, А. И. Герцена, Л. Н. Толстого и др. Это было новым и необычным для университетского и академического литературоведения. По воспоминаниям современников, лекции Петухова отличались глубоким анализом произведений, яркой характеристикой историко-литературного процесса и «тонкой, изящной формой изложения» (Букатевиц 1977). Петухов вел также практические занятия и руководил курсовыми работами по русской литературе (последние только с этого времени стали обязательными).

В Тарту Петухов развернул интенсивную научную деятельность и в 1916 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук. Ему принадлежит целый ряд исследований в первую очередь по истории древней литературы (ей посвящены и магистерская, и докторская диссертации Петухова), а также по новой русской литературе (о жизни и творчестве В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Н. М. Языкова, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева и др.). Особое значение имеют тщательно подготовленные Петуховым научные публикации текстов (Бужинский 1901; Языковский архив 1913), а также его исследования по истории высшего образования и науки в России. Фундаментальная двухтомная история Дерптского-Юрьевского университета Петухова (Петухов 1902 и 1906) до сих пор сохраняет свое значение. Отдельные работы Петухова посвящены славянским литературам и культурам.

Из лекций, читанных Петуховым в Юрьевском университете, вырос его капитальный обобщающий труд «Русская литература. Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода» в 2 томах (т. I. Древний период, 1911; т. II. Новый период, 1914). Изложение материала в этом труде доведено до середины XVIII в. Первый том был удостоен большой премии Петербургской Академии наук. По методологии своих исследований Петухов ближе всего к культурно-исторической школе в литературоведении. Сущность своего научного метода он видел

«в установлении связи одних литературных явлений с другими, в объяснении литературы фактами и запросами русской жизни и общим ходом того литературно-исторического процесса, который сближал русскую литературу с литературной жизнью других народностей» (Петухов 1912, V–VI).

В Тарту Петухов принимал активное участие в русской культурной и общественной жизни. По его инициативе было создано Учено-литературное общество при Юрьевском университете (1897–1917; см. о нем: Исаков 1982, 49–53). Дальнейшая преподавательская и научная деятельность Петухова протекала в Крымском (Таврическом) университете и педагогическом институте (см.: Лукьяненко 1927, 145–149).

Из ученых-нефилологов, имеющих отношение к науке о литературе, обязательно надо отметить профессора психиатрии Тартуского университета в 1891–1916 гг. Владимира Федоровича Чиж (Унанянц 2001, 3–10). Он был автором серии психобиографий, в которых одним из первых русских медиков подверг психиатрическому анализу жизнь, личность, творчество, деятельность Пушкина, Гоголя, Достоевского, Тургенева и ряда исторических лиц (см. его работы «Пушкин как идеал душевного здоровья», 1899; «Тургенев как психопатолог», 1899; «Достоевский как криминолог», 1901; «Болезнь Н. В. Гоголя», 1904, и др.). Не случайно в 2001 г. некоторые из этих работ были переизданы (Чиж 2001).

Мы уже отметили выше, что с конца XIX в. в Тартуском университете увеличивается число студентов, специализирующихся по русской и славянской филологии. Среди них было немало в будущем крупных ученых-литературоведов, многие из которых начинали свою научную деятельность в Тарту. В 1880 г. экстерном окончил Дерптский университет замечательный русский библиограф и историк литературы С. А. Венгеров (см. Issakov 1981, 93–99). Тартуский университет закончил и некоторое время работал в нем приват-доцентом историк русской литературы и философии Евгений Бобров, позже профессор Казанского, Варшавского и Донского университетов. Выпускниками *alma mater Jurieviensis* были: видный русский фольклорист, этнограф и диалектолог, член-корреспондент АН СССР и академик Болгарской АН Дмитрий Зеленин; историки русской литературы профессор Московского и Ленинградского университетов, также член-корреспондент АН СССР Николай Пиксанов и профессор Василий Десницкий. Воспитанниками университета были также крупный польский литературовед, культуролог и критик, специалист по истории славянских культур и литератур, профессор Ягеллонского университета в Кракове и Виленского университета,

академик Мариан Здзеховский, замечательный польский библиограф и историк литературы Габриель Корбут и др.

С закрытием русского Юрьевского университета летом 1918 г. завершился важный этап в истории русской и славянской филологии в его стенах.

В созданном в 1919 г. эстонском Тартуском университете русская и славянская филология заняла достаточно скромное место. Обстоятельства не способствовали ее развитию. Но все же русская и славянская филология в университете не заглохла. Акцент, правда, переносится именно на последнюю. Это выразилось в том, что вместо существовавших в Юрьевском университете двух кафедр по русской и славянской филологии с тремя профессорами была создана одна — кафедра славянской филологии — с одним профессором. В связи с тем, что опять возникла потребность в обучении студентов практическому русскому языку, была восстановлена должность лектора русского языка, которую бессменно с 1919 по 1940 г. занимал Б. В. Правдин.

Первый профессор славянской филологии Леонхард Готтхильф Мазинг был лингвистом. Историко-литературные курсы стал вести выпускник Петербургского университета эмигрант Сергей Владимирович фон Штейн (1882–1955). В качестве приват-доцента в 1919–1928 гг. он читал курсы по истории славянских литератур и спецкурсы по творчеству Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, А. А. Блока, «Достоевский и Пушкин (опыт сравнительной характеристики)» и др. В 1928 г. Штейн попытался защитить в Тартуском университете докторскую диссертацию «Пушкин и Гофман», в которой доказывал, что Пушкин был мистиком и испытал сильнейшее влияние немецкого писателя. Оппоненты показали необоснованность многих положений диссертации, к тому же выявились факты плагиата. Докторская степень Штейну присуждена не была. Вскоре после этого он покинул Эстонию и в дальнейшем обосновался в Югославии (см. о нем: Štejn 1935; Пономарева, Шор 1999, 317–331).

В 1927 г. профессором славянской филологии стал датский славист Адольф Стендер-Петерсен (1893–1963). Воспитанник Петербургского и Копенгагенского университетов, он был к этому времени уже весьма известным специалистом в области славянской филологии, автором исследования по польской драматургии XVIII в. (его докторская диссертация). В Тартуском университете в 1927–1931 гг. Стендер-Петерсен преподавал широкий круг как лингвистических, так и литературоведческих дисциплин по славистике и русистике. Он читал также историю древнерусской литературы, вел практические занятия

по разбору текстов славянских авторов (древнерусских, сербско-хорватских, польских, чешских), семинары по «Слову о полку Игореве» и творчеству Н. В. Гоголя и т. д. В Тарту Стендер-Петерсен завершил свой большой труд о польской иезуитской драме XVI–XVIII вв., который вышел отдельным изданием в 1931 г. в «Трудах» Тартуского университета (Stender-Petersen 1931).

Период профессорства Стендер-Петерсена был наиболее успешным в истории кафедры славянской филологии 1920–1930-х гг. К сожалению, он был коротким. В 1931 г. Стендер-Петерсен возвратился в Данию, где стал работать на созданной им кафедре славистики в Орхусском университете. Ее он занимал много лет. Стендер-Петерсен заслуженно считался одним из крупнейших на Западе специалистов по русской литературе. Он был автором трехтомной «Истории русской литературы» (на датском языке, 1952; немецкий перевод 1957), членом Польской АН, Датского королевского общества (Датской АН), президентом Объединения славистов Северных стран и редактором известного журнала «Scando-Slavica» (см. о нем: Stender-Petersen 1964, 232–251; Lettenbauer 1965, 1–16; Исаков 1993, 32–35).

Уже упоминавшийся выше лектор русского языка Борис Васильевич Правдин (1887–1960), воспитанник Московского университета, широко образованный филолог, стал сначала эпизодически, а после отъезда А. Стендер-Петерсена с 1933 г. и постоянно вести курс истории новой русской литературы, семинары и практикумы по этому же предмету (см. о нем: Исаков 1996, 222–238). Можно еще отметить, что магистр Вальмар Адамс в 1932 г. прочитал спецкурс по русской литературе эпохи символизма. Достоинно также внимания, что профессор всеобщей и эстонской литературы в Тартуском университете, крупнейший эстонский поэт XX в. Густав Суйтс вел в 1920 г. семинар «Русские влияния в эстонской литературе», а в 1936/37 уч. г. прочитал курс «Избранные разделы из русской литературы».

Естественно, существенные изменения в Тартуском университете произошли после установления в Эстонии советской власти в 1940 г. Правда, в 1940–1941 гг. эти изменения еще мало затронули преподавание русской литературы. По существу новый период начинается только после Второй мировой войны, когда *alma mater Tartuensis* превратилась в более или менее стандартный советский университет, работавший по общесоюзным учебным планам и программам. В 1947 г. была создана отдельная кафедра русской литературы, которую возглавил доцент Вальмар Теодорович Адамс (1899–1993), в те-

чение двух лет остававшийся единственным преподавателем на кафедре. Условия для развития научной и преподавательской деятельности в области литературоведения в послевоенный период были крайне неблагоприятны. Один за другим следовали «исторические» постановления ЦК ВКП(б) «О журналах ‘Звезда’ и ‘Ленинград’», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» и др. Началась кампания борьбы с космополитизмом. Вышедшая в 1946 г. в серии «УЗ ТартуГУ» монография Адамса «Идиллия Гоголя ‘Ганц Кюхельгартен’ в свете его природоописаний» была подвергнута уничтожающей критике. Всё это привело к фактически полному прекращению исследовательской работы в области литературоведения в университете. В 1950 г. доцент Адамс был арестован и осужден по пресловутой статье 58. Еще до этого, в 1949 г., он был освобожден от обязанностей заведующего кафедрой русской литературы (см.: Пономарева 1998, 53–65). В 1949–1954 гг. кафедрой возглавлял Б. В. Правдин. По мере своих сил и возможностей он старался сохранить на кафедре традиции старого русского литературоведения, но как человек крайне осторожный и крайне запуганный никак не подчеркивал этого. С 1950 г. преподавателем-почасовиком кафедры стал Ю. М. Лотман, с 1952 г. штатным преподавателем — Б. Ф. Егоров. Когда в 1954 г. Правдин по состоянию здоровья ушел на пенсию, его сменил на посту заведующего кафедрой Борис Федорович Егоров, с этого же года Ю. М. Лотман стал доцентом кафедры (см.: Егоров 1998, 66–76). Вскоре последовала хрущевская «оттепель». Начался совершенно новый период в жизни страны и, естественно, в истории кафедры русской литературы, как и в истории русского литературоведения в Тартуском университете — период, когда Тарту постепенно выдвинулся в число ведущих центров литературоведческой науки не только в СССР, но и во всем мире. Но этот период — уже предмет другого исследования.

¹ См. об этом: Обзор деятельности. 1866, 96. См. также письмо Н. М. Карамзина председателствующему Кураториуму (Vorsitzenden des Curatorium): Karamsin 1866.

² Встречающиеся в научной литературе утверждения о том, что диссертация М. П. Розберга основана на эстетике Гегеля (см. Правдин 1954, 144–145), не соответствуют действительности.

³ За первые 50 лет существования университета его закончило всего 60 филологов [см. Promotions-Buch Historisch-philologischen Fakultät. — Эстонский исторический архив (ЭИА), ф. 402, оп. 9, ед. хр. 555].

ЛИТЕРАТУРА

- Азадовский 1958–1963 — М. К. Азадовский. *История русской фольклористики*. [Т. I]—II. Москва: Учпедгиз, 1958–1963.
- Арнольд 1892 — Ю. Арнольд. *Воспоминания*. Вып. I. Москва, 1892.
- Баландин 1975 — А. И. Баландин. *Мифологическая школа*. Академические школы в русском литературоведении. Москва: Наука, 1975, 15–99.
- Белецкий 1959 — А. И. Белецкий. *Наука о литературе в истории Харьковского университета*. Учені записки Харківського державного університету. Т. СІ. Харків, 1959, 5–30.
- Будилович 1900 — А. С. Будилович. *Несколько данных и соображений об успехах русского языка в Юрьевском (б. Дерптском) университете в истекающем столетии*. Сборник Учено-литературного общества при Имп. Юрьевском университете. Т. III. Юрьев, 1900, 1–73.
- Бужинский 1901 — *Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727)*. Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев, 1901.
- Буз, Зорин 1999 — Е. М. Буз, А. Л. Зорин. *Перевозицков*. Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. Москвв, 1999, 558–560.
- Букатевич 1977 — Н. И. Букатевич. *Минувших дней воспоминания*. Тартуский гос. ун-т (газ.), 1977, № 10, 13 мая.
- Возникновение 1975 — *Возникновение русской науки о литературе*. Москва: Наука, 1975.
- Герцен 1958 — А. И. Герцен. *Собр. соч. в 30 т. Т. 14*. Москва: Изд-во АН СССР, 1958.
- Гудзий 1958 — Н. К. Гудзий. *Изучение русской литературы в Московском университете (дооктябрьский период)*. [Москва]: МГУ, 1958.
- Егоров 1998 — Б. Егоров. *На рубеже пятидесятих*. Вышгород, Таллинн, 1998, № 3, 66–76.
- Исаков 1973–1974 — С. Г. Исаков. *Русский язык и литература в учебных заведениях Эстонии XVIII – XIX столетий*. Вып. I. XVIII – первая половина XIX века. Тарту, 1973; вып. II. 1860–1880-е годы., 1974.
- Исаков, Рогинский 1978 — С. Г. Исаков, А. Б. Рогинский. *К биографии академика М. П. Розберга*. Петербургская Академия наук и Эстония. Таллин: Валгус, 1978, 145–169.
- Исаков 1982 — С. Исаков. *Учено-литературное общество при Тартуском университете (1897–1917)*. Filoloogiateadused Tartu Ülikoolis (Konverentsi teesid – 15. dets. 1982)/Филологические науки в Тартуском университете (Тезисы конференции — 15. дек. 1982 г.). Тарту, 1982, 49–53.
- Исаков 1985 — С. Исаков. *Русские писатели и Эстония*. Изд. 2-е, испр. и доп. Таллин: Валгус, 1985.
- Исаков 1993 — С. Исаков. *Профессор Тартуского университета А. Стендер-Петерсен и научные связи Запада и Востока*. 17th Baltic Conference on History of Science: Baltic Science between the West and the East /XVII Балтийская конференция по истории науки: Балтийская наука между Западом и Востоком. Tartu, 1993, 32–35

- Исаков 1996 — С. Г. Исаков. *Б. В. Правдин — педагог, ученый, поэт.* С. Г. Исаков. Русские в Эстонии, 1918–1940. Историко-культурные очерки. Тарту, 1996, 222–238.
- Карамзин 1803 — Н. М. Карамзин. *Дворянин-профессор в России.* Вестник Европы, С.-Петербург, 1803, ч. IX, № 11, с. 197.
- Лотман 1958 — Ю. М. Лотман. *Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени.* (УЗ ТартуГУ. Вып. 63). Тарту, 1958.
- Лукьяненко 1927 — А. М. Лукьяненко. *Очерк научной и педагогической деятельности проф. Е. В. Петухова к моменту ее сорокалетия (1887–1927).* Известия Крымского пед. ин-та, 1927, кн. I, 145–149.
- Мануйлов, Гиллельсон, Вацуру 1960 — В. А. Мануйлов, М. И. Гиллельсон, В. Э. Вацуру. *М. Ю. Лермонтов. Семинарий.* Ленинград: Учпедгиз, 1960.
- Мануйлов, Назарова 1989 — В. А. Мануйлов, Л. Н. Назарова. *П. А. Висковатый — биограф М. Ю. Лермонтова.* П. А. Висковатый. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. Приложение к факсимильному изданию. Москва: Книга, 1989, 5–23.
- Обзор деятельности 1866 — *Обзор деятельности Имп. Дерптского университета. На память о 1802–1865 гг.* Дерпт, 1866.
- Петухов 1900 — Е. В. Петухов. *Кафедра русского языка и словесности в Юрьевском (Дерптском) университете.* Юрьев, 1900 (оттиск из «УЗ Имп. Юрьевского ун-та»).
- Петухов 1902 — Е. В. Петухов. *Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902). Т. I: Первый и второй периоды (1802–1865).* Юрьев, 1902.
- Петухов 1906 — Е. В. Петухов. *Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет в последний период своего столетнего существования (1865–1902). Исторический очерк.* С.-Петербург, 1906.
- Петухов 1912 — Е. В. Петухов. *Русская литература. Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода.* Изд. 2-е. Юрьев, 1912.
- Пиксанов 1946 — Н. К. Пиксанов. *Русское литературоведение в Петербургском–Ленинградском университете. Труды юбилейной научной сессии. Секция филологических наук (ЛГУ).* Ленинград, 1946, 3–18.
- Пирогов 1962 — Н. И. Пирогов. *Собр. соч. в 8 т. Т. VIII.* Москва, 1962.
- Пономарева 1998 — Г. Пономарева. *Перед оттепелью. История кафедры русской литературы конца 1940-х – начала 1950-х годов.* Вышгород, Таллинн, 1998, № 3, 53–65.
- Пономарева, Шор 1999 — Г. Пономарева, Т. Шор. *Сергей Штейн: миф и реальность. Труды по русской и славянской филологии.* Литературоведение. [Тарту], 1999, 317–331.
- Правдин 1954 — Б. Правдин. *Русская филология в Тартуском университете.* УЗ ТартуГУ, Тарту, 1954, вып. 35, 130–164.
- Пыпин 1895 — А. Н. Пыпин. *Очерк биографии профессора А. А. Котляревского.* Сборник ОРЯС, С.-Петербург, 1895, т. 50, 1–СЛ.

- Соколов 1878 — А. Соколов. *Зарождение литературы у словенцев. Примус Трубер*. Киев, 1878 (отгиск из «Университетских известий», Киев, 1878, № 3).
- Унанянец 2001 — Н. Т. Унанянец. *Судьба профессора Чижга*. В. Ф. Чиж. Психология злодея, властелина, фанатика. Записки психиатра. Москва: Республика, 2001, 3–10.
- Фридендер 1987 — Г. Фридендер. П. А. Висковатов и его книга о Лермонтове. П. А. Висковатов. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. Москва: Современник, 1987, 3–30.
- Чиж 2001 — В. Ф. Чиж. *Болезнь Н. В. Гоголя. Записки психиатра*. Москва: Республика, 2001.
- Шор 1985 — Т. К. Шор. *Курс истории русской литературы П. А. Висковатова в Тартуском университете, 1874–1895*. Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi, Tartu, 1985, XVI, 48–57.
- Шор 1987 — Т. Шор. *Лермонтоведение в Тартуском университете*. Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi, Tartu, 1987, XIX, 24–34.
- Шор 1989 — Т. К. Шор. *Из истории русского литературоведения второй половины XIX в. Павел Александрович Висковатов, 1842–1905. Автореферат кандидат. диссертации*. Тарту, 1989.
- Шпет 1922 — Г. Шпет. *Очерк развития русской философии. Ч. I*. Петроград, 1922.
- Языковский архив 1913 — *Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829)*. Под ред. Е. В. Петухова. С.-Петербург, 1913.
- Anders 1911 — *Aus den Erinnerungen des Bibliothekars Emil Anders. Alt-livländische Erinnerungen. Gesammelt von Fr. Bienemann*. Reval, 1911, 90–154.
- Issakov 1981 — S. Issakov. *S. Vengerov ja Tartu Ülikool*. Keel ja kirjandus. Tallinn, 1981, № 2, 93–99.
- Issakov, Smirnov 1982 — S. Issakov, S. Smirnov. *Vene ja slaavi filoloogia Tartu Ülikoolis*. Keel ja kirjandus, Tallinn, 1982, № 9, 473–484.
- Karamsin 1866 — *Nikolai Michailowitsch Karamsin*. Neue Dörptsche Zeitung, 1866, № 280, 1 Dez.
- Lettenbauer 1965 — W. Lettenbauer. *Adolf Stender-Petersen †*. Zeitschrift für slavische Philologie, Berlin, 1965, Bd. XXXII, H. 1, 1–16.
- Luther 1920 — A. Luther. *Alt-Dorpat und das russische Geistesleben. 2. Aufl.* Berlin – Riga – Leipzig, 1920.
- Stender-Petersen 1931 — A. Stender-Petersen. *Tragoediae sacrae. Materialien und Beiträge zur Geschichte der polnisch-lateinischen Jesuitendramatik der Frühzeit*. [Acta et commentationes Universitas Tartuensis (Dorpatensis), XXV/1]. Tartu (Dorpat), 1931.
- Stender-Petersen 1964 — [Цикл публикаций, посвященных памяти А. Стендер-Петерсена, и библиография его работ]. Scando-Slavica, 1964, t. X, 232–251.
- Štejn 1935 — *Sergije Vladimirovič Štejn. Njegov rad u korist jugoslavenskoruskog zbližavanja. O 35-godišnjici njegove naučnoknjiževne djelatnosti (1900–1935)*. Dubrovnik, 1935.

Александр Дмитриевич Дуличенко
Tartu

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ТАРТУ В XIX–XX ВЕКАХ

История славянского языкознания (resp. филологии) – 200-летие славянской филологии в Тарту (1802–2002) – 5 основных периодов развития славянского языкознания в Тарту – преподавание славянских языков – важнейшие труды по славянскому языкознанию – схема движения славистических институций (кафедр) в Тартуском университете за 200 лет – библиография важнейших трудов, созданных тартускими славистами – задачи и перспективы исследования истории славянского языкознания в Тарту

Тартуская славистика и периодизация ее истории

Два века развития славистики, связанной с одним университетским центром, вполне достаточно для того, чтобы задуматься над созданием ее синтезированного труда. Пока такой истории нет. Заметим, однако, что тартуская славистика привлекала к себе внимание ряда исследователей на протяжении всего XX в. Напомним о некоторых работах тартусцев: Петухов 1900; Биографический словарь 1903; Правдин 1954, 130–164; Исаков 1973–1974; Смирнов 1975, 132–141; Issakov, Smirnov 1982, 473–484; Дуличенко 1996, 83–88 и др. Не забудем также о тех историках славистики Москвы, Санкт-Петербурга и других городов Советского Союза и России, которые так или иначе затрагивали различные аспекты славистической науки, творимой в Тарту, — вспомним библиографический словарь о дореволюционных славистах России, в котором представлены статьи об А. И. Александрове, А. С. Будилевиче, И. А. Бодуэне де Куртенэ, П. А. Висковатове, Н. К. Грунском, Г. А. Ильинском, А. С. Кайсарове, А. А. Котляревском, Л. Г. Мазинге, Е. В. Петухове, А. А. Соколове (Славяноведение 1979), или трехтомник М. Г. Булахова «Востонославянские языковеды», куда вошли некоторые из выше названных языковедов-славистов (Булахов 1976–1978).

Содержание славянского языкознания и, шире, славянской филологии включает в себя, с одной стороны, теоретические исследования, воплощающиеся в статьях и монографиях, с другой стороны — практические шаги, выражающиеся в подготовке к изданию различных учебников и пособий по языкам и литературам, в создании кафедр, специализированных обществ, центров и т. д., а также постоянный процесс университетского преподавания. Учитывая это, а также принимая в известной мере во внимание общественно-политические и проч. ситуации, можно предложить следующую периодизацию славянской филологии и славянского языкознания в частности в Тарту, под которыми мы понимаем соответствующие направления, развивающиеся как в стенах Тартуского университета, так и вне его (имеем в виду прежде всего издания по славистике, которые появлялись с XIX в. вне прямой связи с университетом):

I период: 1802/03 г. — первая половина 70-х гг. XIX в.;

II период: последняя четверть XIX — начало XX вв.;

III период: 1919 — 1940-е гг.;

IV период: 1945/1946 — начало 90-х гг.;

V период: с начала 90-х гг. XX в. и далее.

I период: 1802/03 — первая половина 70-х гг. XIX в.

Для первого периода характерны следующие особенности. Прежде всего это введение в 1802 г. при вторичном открытии Дерптского университета должности «лектора российского языка», а в 1803 г. — «кафедры российского языка и словесности». Первым лектором был хорват по происхождению Иосиф Антоний Елачич (Joseph Antonius Jellachich/Josip Jelačić; родился приблизительно в 1763 г.), до того работавший в Риге, а затем в Дерпте. Вероятно, он слабо знал русский язык, поскольку для проверки уровня его языковых познаний при университете была составлена комиссия, отметившая «die ihm fehlende grammaticalische Kenntnisse» (Эстонский Исторический архив = ЭИА, ф-402, оп. 3, д. 620, л. 4). Некоторые потомки И. Елачича оставались в Эстонии до XX в., о чем можно судить по поэтическим текстам на русском языке Г. Елачича и Н. Елачича в ревельском (таллинском) журнале «Облака» за 1920 г.

Первым профессором был русский по происхождению Григорий Андреевич Глинка (1774—1818), занимавший кафедру с 1803 по 1810 гг. Важнейшей особенностью первого периода является то, что профессор представлял не просто славянскую филологию, но славистику вообще, т. е. это было время еще нерасчлененной науки о славянстве: Глинка преподавал как русскую литературу, так и русский язык, а в самом начале сво-

ей деятельности в Тарту он издал книгу «Древняя религия славян» (1804). В 1811 г. его сменил Андрей Сергеевич Кайсаров (1782–1813), учившийся в Геттингенском университете и издавший там «Славянскую мифологию» (1804), затем переведенную на русский язык. Вместе с однокурсником А. И. Тургеневым он совершил оттуда путешествие по славянским странам, увлекся славянскими культурами и языками и задумал «Сравнительный словарь славянских наречий» (написано только предисловие, опубликованное в 1958 г. Ю. М. Лотманом). Кайсаров работал также над древнерусским словарем «Index vocabulorum Glofsarii mediae et infimae Rusſitatis» (1811), рукопись которого подготавливается ныне к печати в Геттингене (В. Лефельдт, А. Д. Дуличенко). Профессор Геттингенского университета Р. Лауэр подготовил к изданию собрание сочинений Кайсарова. Работа Кайсарова в Дерптском университете, как и вообще его жизнь, была недолгой: в 1812 г. он отправился на войну с французами и в 1813 г. погиб. Курсы литературы и языка читали профессор Александр Федорович Воейков (1778 или 1779–1839) и Василий Матвеевич Перевошиков (1785–1851), затем Михаил Петрович Розберг (1804–1874). При Розберге лишь лектор Иван Яковлевич Павловский (1800–1869) был связан с преподаванием русского языка, а в историю тартуской славистики он вошел как составитель фундаментальных «Полного немецко-русского словаря» (1856) и «Полного русско-немецкого словаря» (1859), позднее неоднократно переиздававшихся и сохранивших значение до сих пор (Павловский 1856; Павловский 1859). Даже когда в 1865 г. эта кафедра была преобразована в «кафедру русского языка в особенности и славянского языковедения вообще», занимавший ее с 1868 по 1872 гг. Александр Александрович Котляревский (1836–1881) писал научные труды по русской литературе и по русскому языку, по истории, мифологии, фольклору, а также этнографии, будучи, таким образом, славистом энциклопедического склада (магистерская диссертация 1868 г. «О погребальных обычаях языческих славян» и докторская — по древней истории поморско-балтийских славян, 1874 г.). Такой же широтой отличались и его лекции — от «Истории славянских литератур» до «Истории славянских языков», от «Энциклопедии славяноведения» до «Славянских древностей» и под. (Smirnov 1999, 141–143). В целом можно сказать, что в первый период в университете преобладает практическая направленность курсов, связанных с преподаванием русского языка немецкоязычным студентам. Правда, преподавание не достигало цели, что вынуждало Министерство народного просвещения и самого царя неоднократно ставить вопрос об усилении внимания

к русскому языку. Тем не менее именно в это время стали появляться первые учебные пособия по русскому языку в основном для немецкоговорящих, а что касается лингвистических работ теоретического плана, то они, как это ни парадоксально, появляются главным образом вне рамок университета.

В 1838 г. лектор И. Я. Павловский издает учебник русского языка для немцев — «Russische Sprachlehre für Deutsche» (Dorpat, 1838; в 1843 г. переиздан под названием «Theoretisch-practischer Cursus der Russischen Sprache», Mitau und Leipzig, 1843). Тогда же в Дерпте появляется весьма слабое пособие «Russische ABC- und Lesebuch < ... >» В. Благовещенского, переиздававшееся и в последующие годы. В 1844 г. выходит первое пособие по русскому языку для эстонцев Йоханна Швелле, большую часть которого занимал русско-эстонский словарь «Weike wenne keli ABD-ramat < ... >» (см. об этом подробно: Исаков 1973, 89 и далее).

Особо следует сказать об Иване Михайловиче Николиче (1820–1879), «русском сербе», служившим учителем русского языка в Дерптской гимназии. В 1843 г. он выпускает отдельной книжкой свой небольшой «Опыт пояснения видов русских глаголов», в котором один из сложных вопросов русской морфологии излагается в сравнении с немецким языком. В 1846 г. этот же автор выпускает по-немецки «Этимологическую часть русской грамматики, обработанной для немцев» и, наконец, в 1847 г. «Синтаксис русского языка, составленный сравнительно с немецким языком» — последние две книги вышли несколькими изданиями (Николич 1843; Николич 1847). В этих работах отмечается научность подхода И. М. Николича к языковому материалу и нередко интересные трактовки тех или иных явлений русского языка (см. об этом: Щаднева 1996, 89–91). В 1843 г. «учитель высших классов русского языка» Н. Варадинов выпускает небольшую книжку о «русском слоге» — очерк истории русского литературного языка, опирающийся на характеристику языка писателей XVIII–XIX вв. (Варадинов 1843). На это «рассуждение» откликнулся рецензией Ф. Буслаев в жур. «Москвитянин» (1844, ч. 3, № 5, с. 55–59).

Русский вид — одна из популярных тем в тартуских изданиях середины XIX в. Объяснить это можно потребностями преподавания русского языка в немецких по языку школах и гимназиях. Спустя десять лет после появления научно-методической книжки Николича о виде появляется еще одна — об употреблении русского вида, автором которой был Ф. Невдачин (Невдачин 1852). В 1844 г. опубликовано сочинение студента медицины К. Яухци о «системах в спряжении русских

глаголов» с характеристикой вида, залога и времени (Яухци 1844). Автор этой работы был награжден университетом серебряной медалью.

Особо следует сказать об одном из первых в России опытов создания сравнительной грамматики славянских языков Владимира Николаевича Полевого, фрагмент которой отдельным изданием вышел в Дерпте в 1851 г. (Полевой 1851). На эту работу небольшой рецензией откликнулся Срезневский (ИОРЯС, СПб., 1852, т. I, вып. 2, стлб. 57–70; см. также статью Л. А. Рябовой в настоящем сборнике). Необходимо обратить внимание на деятельность дерптской гимназии, издававшей ежегодник «Jahresbericht über den Bestand und die Thätigkeit des Dorpatschen Gymnasiums für das Jahre <...>», в котором печатались также некоторые из названных авторов. Все эти работы заслуживают более детального рассмотрения и оценки как с позиций уровня грамматической мысли того времени, так и позиций нашего времени.

К этому добавим также и такой внешний фактор, который по крайней мере начиная с XX в. воодушевляет славистов Тартуского университета, — речь идет о наличии среди его питомцев студентов, впоследствии ставших выдающимися языковедами, филологами, — и не только. Это прежде всего будущий создатель многотомного «Словаря живого великорусского языка» Владимир Иванович Даль, учившийся в Дерпте медицине в 1826–1829 гг.; в будущем один из основоположников русского славяноведения, а пока студент классической филологии и немецкой философии в 1834–1839 гг. Виктор Иванович Григорович. В 1828–1838 гг. в дерптской гимназии преподавал русский язык Петр Иванович Прейс (1810–1846), также один из основоположников славяноведения в России. Именно в Дерпте он начал серьезно заниматься славистикой и даже опубликовал в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1836 г. статью «О волохах Нестора <...>».

Таким образом, первый период можно назвать временем становления славянской филологии и славистики вообще в Тарту в условиях немецкоязычного образования. Несмотря на нерасчлененность славистики, уже видны углубленные поиски в лингвистическом направлении — от А. С. Кайсарова до И. Я. Павловского, а также И. М. Николича, В. Н. Полевого и некоторых других.

II период: последняя четверть XIX – начало XX в.

Второй период следует, по нашему мнению, считать с 1874 г., когда «кафедру русского языка в особенности и славянского языковедения вообще» занимает Павел Александрович Виско-

ватов (1842–1905). По иронии судьбы Висковатов, оказавшись в должности профессора этой кафедры, читал лекции исключительно по русской литературе, а также по некоторым другим славянским литературам — сербской, болгарской и т. д. и, таким образом, славянским языкознанием не занимался, как и не занимался им сменивший его в 1895 г. (до 1918 г.) профессор литературы Евгений Вячеславович Петухов (1863–1948). Нужно сказать, что в Дерпте момент вычленения из славистики славянской филологии и разделение последней на славянское языкознание и славянское литературоведение в целом совпал по времени с аналогичным процессом, проходившим по всей России. Еще при профессоре Висковатове на кафедре в 1878–1883 гг. приват-доцентом состоял воспитанник Дерптского университета, ученик А. А. Котляревского Аркадий Александрович Соколов (род. в 1848 г.), работавший одновременно старшим учителем в Дерптской гимназии. Среди его курсов следует выделить «Об отношении славянского языка к сродственным языкам» (1880-I; римская цифра означает семестр), «Русская грамматика сравнительно с древне-славянским языком» (1881-II), «О важнейших результатах сравнительного языковедения относительно славянской филологии» (1882-II). В «Jahresbericht über den Bestand und die Thätigkeit des Dorpatschen Gymnasiums für das Jahre 1879» Соколов опубликовал «Очерки ведийской жизни с краткими указаниями на родственные черты в языке и быте славян». Соколов, кстати, являлся автором первых в России работ по словенской («Зарождение литературы у словинцев. Примус Трубар», 1878) и словацкой («О современном состоянии языка и литературы у словаков», 1879) литературам. В 1883 г. он был переведен в Варшаву на должность директора III мужской гимназии. После этого следы его теряются. Наши поиски в марте 1999 г. в Варшаве архивных материалов, касающихся Соколова, не привели к результатам (архив Варшавского учебного округа во время Второй мировой войны сгорел).

Утвердилось справедливое мнение о том, что второй период является расцветом тартуской славистики, что подтверждается как серьезностью и разнообразием читаемых курсов, так и уровнем теоретических исследований.

Одновременно с литературоведом Петуховым на кафедре стал работать в должности сначала и. о. доцента (с 1903 г.), затем экстраординарного (с 1907 г.) и ординарного (с 1912 по 1915 гг.) профессора Николай Кузьмич Грунский (1872–1951), специалист в области славянской письменности и памятников, русского и украинского языков. Его магистерская диссертация «Памятники и вопросы древне-славянской письменности» издана в Юрьеве (Тарту) в 1904 г. в двух томах: первый том состоит

из 4 частей и посвящен представлению и анализу Киевских глаголических листков, Пражских глаголических листков, вопросам хорватской глаголицы, а второй том — происхождению имперфекта в языке древнецерковнославянских памятников (Грунский 1903/04–1905/06). Он писал также об Охридском евангелии (1906) и о Зографском евангелии (1907). Грунский издал несколько учебных пособий по старославянскому языку (Грунский 1906а; Грунский 1906б), тексты древнерусских памятников, а также лекции по русскому языку (Грунский 1914). Во многом новаторский характер имела его докторская диссертация по вопросам изучения синтаксиса славянских языков (Грунский 1911). Лекционные курсы Грунского: «Древне-церковно-славянский язык» (1903-I и другие семестры до 1915 г.), «История русского языка» (1904-II и далее), «История разработки синтаксиса русского и славянского языков» (1909-II, 1910-I), «Русский синтаксис» (1907-I/II), «Русский язык» (1909-I и далее) и «Русский язык (диалектология)» (1911-I, 1912-II) и др.

Наконец, Грунского сменяет Григорий Андреевич Ильинский (1876–1936), но, правда, не надолго, — он работает здесь с 1916 по 1918 гг.; до того Ильинский работал в университетах С.-Петербурга, Харькова, а также в Нежинском Историко-филологическом институте (в год переезда в Юрьев он издал в Нежине «Праславянскую грамматику» — труд объемом в 536 с.). К юрьевскому периоду его деятельности относятся такие работы, как «Мнимая ассимиляция редуцированных гласных в праславянском языке» (1917), ряд статей по славянской этимологии в жур. «Русский филологический вестник», публикация «Кто был черноризец Храбр» (1917) и некоторые др. (см., напр.: Smirnov 1992, 286–289). В связи с военными событиями и эвакуацией в 1918 г. университета в Воронеж «кафедра русского языка в особенности и славянского языковедения вообще» прекратила свое существование.

Однако спустя полтора десятка лет после создания «кафедры русского языка в особенности и славянского языковедения вообще», в 1880 г., была открыта новая лингвистическая «кафедра сравнительной грамматики славянских наречий», на которую в конце 1882 г. ординарным профессором был проведен Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ/*Jan Niciślaw Baudouin de Courtenay* (1845–1929) — выдающийся языковед и славист и самый крупный ученый за 200 лет существования русско-славянской филологии в Тарту. Оставив Казань, где вместе с Н. Крушевским создал так наз. Казанскую лингвистическую школу, он переехал в Дерпт, проработав здесь 10 лет, — с 1883 по 1893 гг. Преподавательская деятельность И. А. Бодуэна де Куртенэ в Дерпте заслуживает особого разговора. За 10 лет он сумел раз-

работать и прочитать лекции и провести практические занятия по более чем 30 курсам. Если идти за «Обозрением лекций в Императорском Дерптском университете», издававшемся посеместрово, то это будут:

- 1) «*Древне-церковный славянский язык, с упражнениями*» (1886-II);
- 2) «*Русская грамматика*» (1884-I, 1889-I, 1893-I), «*Упражнения по русскому языку*» (1885-I), «*Русский язык (грамматика, диалектология)*» (1886-I), «*Сравнительная грамматика русского языка*» (1888-I), «*Диалектологические упражнения*» и «*Упражнения по диалектологии*» (1886-III, 1889-III);
- 3) «*Польский язык (грамматика, диалектология)*» и «*Польский язык*» (1893-I), «*Славянские упражнения (к польскому языку)*» (1885-III), «*Сравнительная грамматика польского языка*» (1883-III, 1888-I);
- 4) «*Упражнения по славянским языкам (чешский и словинский)*» (1884-II), «*Чешский язык (грамматика, упражнения)*» (1887-III, 1892-II);
- 5) «*Болгарский язык (грамматика, упражнения)*» (1887-II);
- 6) «*Упражнения по славянским языкам (чешский и словинский [словенский])*» (1884-II), «*Упражнения по славянским наречиям (словин[ский]=словенский)*» (1885-I), «*О славянских говорах в северной Италии*» (1892-I);
- 7) «*Практические упражнения по славянским наречиям (чтение и объяснение лузацко-сербских текстов)*» (1888-I);
- 8) «*Сравнительная грамматика славянского языка и других ариоевропейских (индогерманских) языков*» и «*Упражнения по сравнительной грамматике <...>*» (1889-II), «*Сравнительная морфология славянского и других ариоевропейских (индогерманских) языков*» (1891-III), «*Репетиция сравнительной морфологии*» (1891-III), «*Сравнительная грамматика славянской языковой области*» (1893-II);
- 9) А. «*Упражнения по литовскому языку*» (1884-I, 1885-I), «*Объяснения Юшкевича <...>*» (1886-I), «*Литовский язык (грамматика, упражнения)*» (1887-I, 1889-III); Б. «*Лингвистическая география латышского племени*» (1892-I);
- 10) А. «*Диалектология и лингвистическая география славянских племен*» (1889-I), «*Диалектология и лингвистическая география юго-западных славян*» (1889-II), «*Очерк лингвистической географии славян*» (1893-I); Б. «*Лингвистическая география латышского племени*» (1892-I);
- 11) «*Основы всеобщей грамматики*» (1883-II), «*Упражнения по языковедению*» (1883-III, 1884-I) и «*Упражнения по языковедению (в связи с фонетикой)*» (1887-I), «*Беседы о важнейших сочинениях и статьях по общему языковедению*» (1884-III), «*Беседы о сочинениях В. фон Гумбольдта*» (1885-II), «*Очерки антропофонии (физиология звуков) и общего учения о звуках*», «*Очерки по антропофонии и истории звуков (продолжение антропофонии)*» и «*Очерк антропофонии и общей фонетики*» (1888-III, 1891-III, 1892-I), «*Беседы о новых работах по языковедению, совместно с Л. Мазингом*» и «*Чтение и разбор новейших лингвистических трудов, совместно с Л. Мазингом*» (1891-III, 1892-I); сюда же, видимо, следует отнести и: «*Упражнения по этимологии и семасиологии*» (1888-II), «*Этимологические упражнения*» (1892-III, 1893-III).

Работа с архивным материалом показывает, что архивное (т. е. рукописное) нередко не соотносится с печатным. Мы обна-

ружили некоторые удивительные расхождения. 19 августа 1885 г. Бодуэн де Куртенэ принимает у студента В. Жемчужина экзамен, который называется «Ethnographie und linguistische Geographie Russlands», — в «Обозрении» за 1885 г. этого курса нет! (ЭИА, ф-402, оп. 2, д. 23184, л. 16). 30 мая 1888 г. Бодуэн принимает экзамен у А. Петри под названием «Slavische Ethnographie und linguistische Geographie», однако в «Обозрении» такой курс не обозначен! (ЭИА, ф-402, оп. 2, д. 18743, л. 8). Все это требует специальной перепроверки.

Кто же были слушатели Бодуэна де Куртенэ? Согласно журналу записи студентов к профессорам — «Dorpater Universitat. Konsil. Verzeichnis der Zuhorer der Vorlesungen» (ЭИА, ф-402, оп. 4, д. 1098), к Бодуэну де Куртенэ в 1883–1893 гг. записался 201 студент (в это число входят и повторы, т. е. записи одних и тех же студентов в разные семестры). В то время как к проф. П. А. Висковатову слушать по-немецки русскую литературу записывалось от нескольких десятков до ста и более студентов, к Бодуэну де Куртенэ их шло значительно меньше — в некоторые семестры он работал с 3–4 студентами. Мы составили на основе архивных данных таблицу численности слушателей Бодуэна по годам:

Слушатели проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ в Тартуском университете по годам и по семестрам:

год	I сем.	II сем.	общ. число
1883		15	15
1884	15	21	36
1885	18	17	35
1886	10	9	19
1887	6	8	14
1888	11	10	21
1889	5	9	14
1890	5	3	8
1891	10	6	16
1892	4	6	10
1893	13		13
Итого	97	104	201

Среди студентов было немало соотечественников Бодуэна де Куртенэ, т. е. выходцев из Польши; кроме того, его лекции слушали русские студенты, немцы, эстонцы, латыши. Архивные разыскания помогли нам выявить как состав слушателей, так и судьбу каждого из них. Разумеется, для нас важна в первую очередь судьба учеников Бодуэна. Среди них были талантливые молодые языковеды. Самым выдающимся учеником Бодуэна в

дерптский период был Рудольф Гутман (1868–1927), эстонец по происхождению. Под руководством Бодуэна де Куртенэ он написал и опубликовал магистерскую диссертацию «Трата и замена в языке» (Гутман 1900), которую, однако, защитить в родном университете ему так и не удалось из-за противодействия проф. С. А. Будиловича; зато защита успешно прошла в Киевском университете у проф. Т. Д. Флоринского. В начале XX в. Гутман побывал у басков, пытаясь связать баскскую языковую проблему с финно-угорскими языками. С 1919 по 1927 гг. он был профессором романской филологии Тартуского университета. Учеником Бодуэна де Куртенэ был и латыш А. Глейе, занимавшийся индоевропейскими древностями (хеттские и ликийские памятники), а также поисками следов древних финно-угров далеко на западе Европы. В 1896 г. он защитил в Дерпте магистерскую диссертацию по сравнительному языковедению, работал в Одессе и в Томске, а затем вернулся в Латвию. У Бодуэна де Куртенэ учился также известный эстонский языковед Яан Йыгевеер.

Следует сказать и об Александре Ивановиче Александрове (1861–1917), закончившем, правда, Казанский университет в то время, когда Бодуэн навсегда покидал Казань. В 1884 г. по инициативе Бодуэна де Куртенэ Александров был прикомандирован к Дерптскому университету, защитил здесь магистерскую (1886), а затем и докторскую (1888) диссертации по литуанистике; кроме того, он занимался сравнительным языковедением и славянской филологией.

По утверждению А. А. Леонтьева, «именно дерптский период [следует считать] вершиной творческой биографии Бодуэна» [в сб.: И. А. Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти), Москва, 1960, с. 12]. Правда, этот исследователь не приводил доказательств к высказанному соображению.

Каковы же действительные теоретические достижения Бодуэна де Куртенэ в Дерпте? Научной школы здесь Бодуэн де Куртенэ, как нам кажется, не создал, хотя, как мы уже отметили, у него были талантливые ученики, продолжатели его языковедческих идей. В Дерпте Бодуэн де Куртенэ написал более 35 работ. Его славистическая деятельность здесь связана прежде всего с подготовкой к печати ряда фундаментальных работ, с преподаванием новых не только для российских, но и европейских университетов курсов и с диалектологическими экспедициями к славянам северной Италии. Самое значительное место здесь занимает *словенская диалектология*. В первый год работы в Дерпте в жур. «Archiv für slavische Philologie» за 1884–1885 гг. появляется большое исследование Бодуэна де Куртенэ словенского говора с. Циркно в восточной части Горицы. В 1890, 1892 и

1893 г. на средства Дерптского университета он предпринимает поездки к словенцам долины Резья (северная Италия), говору которых значительно раньше он посвятил докторскую диссертацию «Опыт фонетики резьянских говоров» (1875) и к которым неоднократно выезжал еще из Казани. В поездки из Дерпта он перепроверил материал, собранный им в 70-е гг., — все это в виде дополнений и исправлений фонетического, лексико-семантического и проч. характера вошло в первый том его «Материалов для южнославянской диалектологии и этнографии» (1895). К сожалению, новые записи живой резьянско-словенской речи, собранные в эти экспедиции, так и остались не опубликованными, как не опубликован и его фундаментальный «Резьянский словарь» (резьянско-словенско-русско-итальянский) — первый славянский диалектный словарь, в котором резьянско-словенское слово передается тончайшей транскрипцией. Словарь был открыт в конце 50-х гг. Н. И. Толстым, частично им опубликован в 1966 г.; ныне весь текст словаря подготовлен к печати совместно с А. Д. Дуличенко (Тарту) и М. Матичетовым (Любляна) и планируется к изданию в издательстве Словенской Академии наук и искусств в Любляне (Duličenko 1993, 381–389; Дуличенко 1998, 394–405). Примечательно, что после возвращения из своей первой поездки в северную Италию Бодуэн де Куртенэ обращается к Совету историко-филологического факультета с предложением вести занятия «по словенской и резьянской диалектологии» (ЭИА, ф-402, оп. 157, лл. 79–80) и получает одобрение. В Дерпте нашелся лишь один студент, пожелавший заниматься словенско-резьянскими говорами с профессором, открывшим их для науки. Это был Рудольф Гутман (Дуличенко 1995а, 5; Duličenko 1995б, 12). В поездку 1893 г. он привозит две рукописи «Резьянского катехизиса» и делает поправки к своему первому изданию 1875 г. и второму, включенному в первый том «Материалов для южнославянской диалектологии и этнографии» (1895). Бодуэн подготовил этот катехизис, находясь в Резии, — он вышел в Удине в 1894 г. в транскрипции (Baudouin de Courtenay 1894). К этому прибавляется также другой памятник резьянской письменности «Christjansko uzhilo» (составивший третий выпуск «Материалов», 1913). Сказанное подтверждает мысль о выдающихся достижениях Бодуэна де Куртенэ в области славянской (resp. словенской) диалектологии (Дуличенко 1982, 36–39; ср. такую высокую оценку его достижений, данную словенским диалектологом Т. Логаром: Logar 1987/88, 1–7).

Диалектологические экспедиции в Резию подтолкнули Бодуэна де Куртенэ к разработке новой дисциплины — *лингвистической географии*, принципы которой он развивал в своих полевых исследованиях и в лекционных курсах. До него этого еще

никто, по сути, не сделал: Г. Венкер и Ж. Жильерон, которых считают создателями данного направления, в те годы лишь собирали и картографировали свой материал, а с теоретическими работами фактически не выступали. Бодуэн не только лично собирал по специальной программе диалектный материал и определял границы распространения говоров, но и использовал для этого своих многочисленных корреспондентов на местах. Уже в 80-х гг., как мы отметили выше, он принимал у студентов экзамены по «Этнографии и лингвистической географии России» и «Славянской этнографии и лингвистической географии», в 1889 г. стал читать курс «Диалектологии и лингвистической географии славянских племен», затем «Диалектологии и лингвистической географии юго-западных славян» и даже «лингвистическую географию латышского племени», т. е. распространил принципы новой дисциплины на неславянскую языковую область. В год отъезда из Дерпта этот курс принимает вид «Очерка лингвистической географии славян». Трудно найти что-то более новаторское в последние десятилетия XIX в., нежели это направление!

Большим достижением Бодуэна де Куртенэ следует считать и разработавшиеся им в Дерпте принципы другой новой дисциплины — *морфонологии*, отраженные в его работе «Два вопроса из учения о 'смягчении' или палатализации в славянских языках», опубликованной во втором томе только что организованного «Ученых записок Имп. Юрьевского университета» (1893). В дальнейшем эта дисциплина получит в лингвистике всеобщее признание.

Наконец, укажем на некоторые идеи Бодуэна де Куртенэ, связанные с *теорией языка и языковедением*. В дерптский период он пишет и печатает такие работы, как «Mikołaj Kruszewski, jego życie i prace naukowe» (1888), «O zadaniach językoznawstwa» (1889), «O ogólnych przyczynach zmian językowych» (1890), в которых, как писал проф. С. В. Смирнов, «излагает социально-психологическое воззрение на язык и его развитие, выступает против теории безысключительности действия звуковых законов, проводит разграничение синхронии и диахронии, закладывает основы фонологической теории» (Смирнов 1975, 135; см. также: Smirnov 1958, 747–753; Smirnow 1991, 39–71). С последним связаны и его лекции по так наз. *антропофонике* (см. выше).

Итак: *словенская диалектология – принципы лингвистической географии – основы морфонологии – общая теория языка* (социально-психологический подход, разграничение синхронии и диахронии, аспекты фонологической теории и др.). Нет сомнения в

том, что эти достижения И. А. Бодуэна де Куртенэ следует считать одной из вершин его научного гения.

Последний год пребывания И. А. Бодуэна де Куртенэ в Дерпте был связан с процессом перехода Юрьевского университета с немецкого на русский язык — в соответствии с политикой правительства, которое безуспешно пыталось внедрить в течение почти всего XIX в. в остзейском крае его преподавание в школах и в университете. Назначенный в 1892 г. ректором Юрьевского университета проф. Антон Семенович Будилович (1846–1908) как раз и реализовал это требование. В 1893 г. он сменил Бодуэна де Куртенэ на кафедре сравнительной грамматики славянских наречий (resp. языков), проработав до 1901 г. Он достойно продолжил бодуэновскую традицию чтения для студентов серьезных университетских курсов, которые приобретали у него следующий вид: «Сравнительная грамматика славянских наречий» (1896-I, 1897-II, 1898-I), «Введение в славяноведение» (1894-II, 1895-I) и «Введение в славянскую филологию» (1898-II, 1899-II), «Славянская диалектология» (1899-I), «Славянские наречия» (1896-II, 1897-I) и «Практические упражнения по западнославянской диалектологии (чтение и объяснение словенских [словацких], чешских, серболужицких и кашубских и польских текстов)» (1894-I), «Северо-западные славянские наречия» (1900-I) и «Обзор югославянских наречий, с практическими занятиями» (1900-II) и др., «Обзор звуков и форм русского языка сравнительно с прочими славянскими наречиями» (1893-II), «Обзор русского синтаксиса, сравнительно с прочими славянскими наречиями» (1894-I), «Спецкурс по древнеславянскому языку и письменности» (1895-II) и «Грамматика церковнославянского языка» (1897-II) и др. В год переезда в Дерпт Будилович издал в Варшаве двухтомный труд «Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы» (1892) (см.: Смирнов 1985, 70–81).

После отъезда Будиловича из Юрьева кафедру сравнительной грамматики в 1902–1917 гг. занимал Леонхард Готтхильф Мазинг (1845–1936; официально и в публикациях, как правило, стоит: Леонхард Мазинг), до того состоявший в течение многих лет доцентом университета (с 1880 г.). Несмотря на то, что Мазинг закончил теологический факультет Дерптского университета (в 1868 г.), он все же посвятил свою жизнь именно славистике, занимаясь изучением славянских рукописей, путешествуя по Болгарии, а также в связи с интересами к кавказским языкам — на Кавказ. Именно благодаря его содействию И. А. Бодуэн де Куртенэ смог переехать из Казани в Дерпт. Еще в 1876 г. он защитил в Лейпциге докторскую диссертацию о сербско-хорватском ударении, сделав открытие, касающееся двуслогового ха-

рактера восходящего и однослогового — нисходящего ударений (почти сто лет спустя вывод был подтвержден экспериментальным исследованием П. Ивича и И. Лехисте) (Masing 1876). В 1886 г. он защитил в России магистерскую диссертацию «*Studien zur Kenntnis des Izbornik Svjatoslavs vom Jahre 1073 nebst Bemerkungen zu den jüngeren Handschriften. I.*», а в 1890 г. — докторскую «*Zur sprachlichen Beurteilung der macedonischen Slaven. I. Vertretung von tj und dj*» (Masing 1890; расширенный вариант в 1891 г.). Мазинг удачно дополнял И. А. Бодуэна де Куртенэ своими разнообразными и серьезными по содержанию курсами, среди которых мы бы назвали: «Древне-церковно-славянский язык» (1884-II, 1885-I, 1887-I, 1891-I), «Новоцерковно-славянский язык, сравнительно с нынешним русским» (1885-II), «Древнерусские тексты (лингвистическое объяснение)» (1891-I, 1893I), «Пояснения к русской грамматике» (1889-II) и «Русская грамматика» (1891-I), «Новоболгарский язык (грамматика и чтение текстов)» (1889-II, 1891-I), «Сербский язык (грамматика и народные песни)» (1885-II), просто «Сербский язык» (1892-I, 1893-II) и «Сербо-кroatская грамматика и чтение сербо-кroatских текстов» (1889-I) и многие др. Некоторые курсы, как мы уже видели, он вел с Бодуэном де Куртенэ. Став ординарным профессором, Мазинг читает такие курсы, как «Славянские наречия» (1902-I), «Обозрение грамматики польского и сербохорватского языков» (1905-II), «Польский язык (грамматика и тексты)» (1906-II) и др. Кафедра сравнительной грамматики славянский наречий прекратила свое существование в 1918 г. в связи с военными действиями и затем переездом университета в Воронеж. Мазинг остался, однако, в Тарту (см.: Булатова 1975, 142–158; см. также статью Ю. С. Кудрявцева и В. П. Щадновой в этом сборнике).

Ко второму периоду истории тартуского славянского языкознания (resp. славянской филологии) следует отнести и деятельность проф. Дмитрия Николаевича Кудрявского (1867–1920), занимавшего, правда, кафедру немецкого и сравнительного языкознания (1898–1918 гг.), однако проявлявшего также интерес к истории русского языка и другим вопросам славянского языкознания. Кстати, именно Кудрявский впервые перевел на русский язык и издал в Юрьеве «Введение в сравнительную грамматику индо-европейских языков» (1914); в 1933 г. переработанный и дополненный А. Сухотиным перевод книги вышел в Москве и Ленинграде вторым изданием.

В последнюю четверть XIX – начале XX вв. вне университета появляются некоторые издания, касающиеся прежде всего русского языка и проблем его преподавания. Так, в 1860 г. в Дерпте был издан русский букварь для эстонцев Г. Пороменского

(неоднократно переиздавался) — «Vene keele Abits gamat. Русский букварь», однако в целом теоретический уровень учебников для эстонцев был не высок (см.: Исаков 1873–1974, 56 и далее). В 1881 г. вышла анонимная книжка «К спряжению русского глагола», а в начале XX в. В. Нифонтов написал специальное пособие для учащихся по русскому глагольному виду (К спряжению 1881; Нифонтов 1906).

Если говорить о тех, кто учился в Тартуском университете и в дальнейшем проявил себя в той или иной области, то это биограф и историк литературы Семен Афанасьевич Венгеров (в 1880 г. экстерном закончил курс университета), славист и литуанист Эдуард Волтер (1877–1880), филолог и этнограф Дмитрий Константинович Зеленин (1900–1904), в дальнейшем известный польский литературовед, публицист и критик Мариан Здзеховский, польский библиограф и историк литературы Габриэль Корбут (1888–1890); учился и работал здесь латышский языковед Янис Эндзелин (1893–1908), эстонский филолог Яан Йыгевек и др. (Issakov, Smimov 1982, 473–484).

III период: 1919–1940-е гг.

Третий период славянского языкознания в Тарту не столь богат. Его можно назвать периодом свертывания, поскольку с возобновлением в 1919 г. работы университета была разрешена лишь должность (и кафедра) профессора славянской филологии. В 1919–1925 гг. ее занимал уже вышедший к тому времени на пенсию Л. Г. Мазинг. Если судить по семестровому бюллетеню лекций — «Eesti Vabariigi Tartu Ülikooli ettelugemiste kava» (с 1919 г.; с 1928 по 1940 гг. — «Eesti Vabariigi TÜi loengute ja praktilise tööde kava»), Мазинг читал общелингвистические и славистические курсы. С ним работал также литературовед Сергей Владимирович Штейн. С 1927 по 1931 гг. кафедру занимал датский славист Адольф Стендер-Петерсен (1893–1963), читавший, согласно указанному бюллетеню, лекции по истории польского языка, введению в славянскую филологию, сравнительной грамматике славянских языков, истории русского языка, древнеславянскому языку и др. В 1927 г. он защитил докторскую диссертацию о славяно-германских лексических заимствованиях — «Slavisch-germanische Lehnwortkunde» (вышла в виде монографии в том же самом году). В 1919–1940 гг. приват-доцент кафедры Виллем Эрнитс (1891–1982) читал курсы по славяно-финно-угорским языковым контактам, вел практические занятия по некоторым славянским языкам. В 30-е гг. курс русского языка вел лектор Борис Васильевич Правдин (1887–1960), кстати, один из составителей «Русско-эстонского словаря» (Арумаа, Правдин,

Вески 1940–1947) (Исаков 1996, 222–238; см. также статью О. Н. Паликовой в этом сборнике). В начале 30-х гг. заявил о себе как об очень перспективном слависте и индоевропеисте Пеэтер Арумаа (1900–1982), занявший в 1934 г. должность профессора славянской филологии (до 1944 г.). Он читал лекции по славянским языкам, по праславянской фонетике и т. д., был одним из составителей вышеназванного русско-эстонского словаря. В эмиграции вышла его трехтомная праславянская грамматика — «Urslavische Grammatik» (1964–1983). Вместе с ним практический польский язык, а также курс старопольского языка вел лектор из Польши Ежи Каплинский (с 1933 г.) и лектор чешского языка Л. Зильберштейн (с 1937 г.). В 1918–1921 гг. в Тартуском университете работал и Макс Фасмер (1886–1962), правда, на должности профессора сравнительного индоевропейского языкознания, однако он читал также спецкурс «Заимствования в славянских языках» и вел «Этимологические упражнения о заимствованных словах в славянских языках». Вопросами русской фонетики и местными говорами занимался также финно-угровед Пауль Аристе (1905–1990) (см.: Ariste 1941).

IV период: 1945/46 – начало 90-х гг. XX в.

В четвертый период, после Второй мировой войны, уже в Советской Эстонии, славянская филология переживает свое второе рождение: в Тартуском университете открывается отделение русской филологии, в рамках которого в 1946 г. организуется кафедра русского языка, а в 1947 г. — кафедра русской литературы. В 1954 г. кафедра русского языка была поделена на практическую и специальную, однако вскоре снова воссоединена, а в 1975 г. из нее вычленилась кафедра методики преподавания русского языка (ныне — секция русского языка в рамках Центра языков). Одной из основных задач кафедр Тартуского университета была подготовка преподавателей русского языка и литературы для школ и иных учебных заведений республики, что требовало также усилий по созданию учебных пособий и методических разработок. Проводилось также научное исследование проблем русской, а позднее и славянской филологии.

Основанные в 1893 г. «Ученые записки Имп. Юрьевского университета/Acta et commentationes Imp. Universitatis Jurievensis (olim Dorpatensis)» (с 1893 по 1917 вышло 183 тома) возобновлены в период Эстонской республики с измененным названием «Eesti Vabariigi Tartu Ülikooli Toimetised/Acta et commentationis Universitatis Dorpatensis» (с 1921 по 1944 гг. издано 111 томов), а с 1946 г. выходили в основном под названием «Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised/Ученые записки Тартуского государственно-го университета» (с 1946 по 1995 выпущено 976 томов). С 1958 г.

кафедра русского языка и кафедра русской литературы начали выпускать в рамках «Ученых записок» специальную серию «Труды по русской и славянской филологии», с 1965 г. разделенную на две серии — лингвистическую и литературоведческую. Эти «Труды» издавались до 1990 г. И лишь с 1997 г. лингвистическая серия («новая серия») возобновлена, однако уже вне рамок «Ученых записок». Для 50-х – первой половины 70-х гг. характерны следующие направления лингвистических исследований в Тартуском университете: исторические аспекты языка (на материале старославянского, древнерусского и других славянских языков), русские говоры Причудья, синхронная лексикология и синтаксис русского языка, проблемы двуязычной лексикографии и сопоставительного изучения русского и эстонского языков, история славянского языкознания в России.

В 50–60-е гг. исследованием исторической морфологии и синтаксиса старославянского и древнерусского языков занимался доц. Анатолий Борисович Правдин (1927–1969). Его кандидатская диссертация «Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках» была опубликована в 1956 г. в «Ученых записках Института славяноведения АН СССР» (Правдин 1956, 3–120). Это серьезное исследование, в котором на материале старославянских и древнерусских памятников письменности анализируются все возможные случаи употребления дательного приглагольного, выступающего в синтаксической функции обстоятельства (места, цели и причины, реже — времени) и дополнения (при переходных глаголах — в значении адресата предоставления, адресата причинения, адресата сообщения, при непереходных — в значении пользы и вреда, объекта психического движения, объекта общения, ощущающего лица, при возвратных глаголах, а также при некоторых приставочных глаголах; особое внимание уделено дательному предназначения и субъекта действия и состояния). Исследователь доказывает, что «исходным значением приглагольного дательного падежа является значение предмета, к которому направлено не охватывающее его, не овладевающее им в полной мере действие». Именно это значение объединяет все остальные частные значения данного падежа. При изменении глагольного управления этот падеж приходит в соприкосновение с винительным чаще, чем с другими, поскольку он также является падежом направления. А. Б. Правдин исследовал также вопрос о дательном падеже в полабском языке (1961). Ему принадлежат также работы по истории именного управления в русском языке (на примере приаъективного употребления дательного падежа), конструкциям с двойным дательным и двойным винительным и др. В 1962 г. вышла его небольшая книга-пособие по

истории имени (Правдин 1962). Доц. Карл Иванович Бахман (1914–1992) занимался русско-эстонскими языковыми связями (в 1956 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Исследование русских лексических заимствований в эстонском языке (по материалам публицистики и лексикографии второй половины XIX и начала XX вв.)»), а в 1962 г. кандидатскую диссертацию «Германизмы в лексике памятников русской деловой письменности XV–XVII вв.» завершила Агния-Агнесса Рейцак (1927–1972). Традицию исторического подхода продолжила доц. Елена Иосифовна Гурьева, защитившая в 1968 г. кандидатскую диссертацию «Гипотаксис в старославянском языке. (На материале Мариинского и Остромирова евангелия)». Специальные работы она посвятила анализу различных типов придаточных предложений старославянского языка, вопросу выделения законченных синтаксических структур — предложений из старославянских текстов и др. Ею изданы также учебные пособия для студентов по исторической грамматике русского языка и по старославянскому языку (например: Гурьева 1970; Гурьева 1971). Вопросами исторического формо- и словообразования занимался доктор филологических наук доц. Павел Самойлович Сигалов, автор работ по истории глаголов различных способов действия — комплетивного (с приставкой *до-*, имевшие древнейшее результативное значение), ограничительного (с приставкой *по-*, имевшие также результативное значение, из которого развилось значение ограничительное, и классифицируемые на глаголы состояния, неопределенного движения, речи, обозначающие звуковые явления, физические действия и т. д.), пердуративного (с приставкой *про-* — *просидеть*, *проговорить*) и др. (обобщено в кандидатской докторской диссертации «Вопросы теории русского исторического словообразования», защищенной в 1978 г.). В статье «К истории зловых причастий-прилагательных» (1967) им анализируются стадии развития указанных форм — до их вхождения в состав предиката, в период вхождения в состав предиката, употребление в качестве составной части грамматического времени. Анализ в этих работах подкреплялся материалом русского и других славянских языков. В 1974 г. П. С. Сигалов и Б. М. Гаспаров издали в качестве учебного пособия сравнительную грамматику славянских языков, в которой рассмотрены фонетические изменения от и.-е. времени до исторической эпохи, а также устанавливаются причины морфологических изменений (Гаспаров, Сигалов 1974). С 80-х гг. вопросами истории русского языка и, в частности, фонетики занимается доц. Ю. С. Кудрявцев.

Изучение речи русских старожитов, селившихся в западно-Причудье спорадично с XII–XIII вв., но более или менее регуляр-

но с XVII в. в связи с церковным расколом, было начато в 20–30-е гг. XX в. прежде всего инициативой Пауля Аристэ. После Второй мировой войны интерес к этому русскому этно-языковому острову, в котором проживают староверы и православные, был подстегнут Балтийской этнографо-антропологической экспедицией, отправленной сюда в 1952 г. [см. статью Е. Е. Королевой в этом сборнике]. Институтом этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. В 50–60-е гг. исследованием русских причудских говоров занималась Татьяна Филаретовна Мурникова (1913–1989). В статье «Русские говоры в Эстонии» (1960) она впервые дала общую характеристику местной русской речи Причудья. Ей же принадлежит и «Описание русского говора острова Пийрисаара» (1962; остров Piirisaar находится в Чудском озере), в котором дана характеристика его вокализма, консонантизма, а также морфологии и синтаксиса. Доц. Хелли Хейтер занималась главным образом исследованием русского говора села Ийзаку (к северо-востоку от Чудского озера), где русское население проживает уже с XII–XIII вв., постепенно ассимилируясь с эстонским и теряя свой язык (через смешение). Результаты ее исследований отражены в кандидатской диссертации «Фонетика и морфология островного русского говора Ийзаку на территории ЭССР», защищенной в 1970 г. Доц. Вера Васильевна Мюркхейн дала описание говора села Мехикорма, расположенного на юго-востоке Эстонии, на берегу так наз. Теплого озера, соединяющего Чудское с Псковским (кандидатская диссертация «Фонетико-фонологическое и морфологическое описание русского старожильческого говора Мехикорма Эстонской ССР», 1970). В исследованиях Хейтер и Мюркхейн особое внимание обращается на русско-эстонские языковые контакты. Ими же была составлена «Инструкция по собиранию материалов для словаря русских говоров Эстонской ССР» (1972). К сожалению, к началу 80-х гг. по субъективным причинам изучение русских старожильческих говоров западного Причудья по существу прекращается.

В конце 60-х – в 70-е гг. появляется серия работ доц. Эды Вайгла, посвященных изучению эмоциональной лексики русского языка («О понятии эмоциональной лексики», 1968; «Образность и эмоциональность в лексике современного русского языка», 1971, и др.). Указанную лексику она делит на две категории — собственно эмоциональные слова (к которым относит эмоционально-усилительные, шутливые и др. слова) и эмоционально-оценочные. Последние классифицируются: 1) на слова, денотат которых представляет собою «эмоциональную оценку явления безотносительно к каким бы то ни было конкретным его свойствам, характеристику его с точки зрения восприятия» (*мерза-*

вец, а также бранные слова), 2) на слова, в которых эмоциональная оценка базируется на субъективном восприятии явлений (*гад*) и 3) на слова, содержащие номинацию, выражаемую эмоциями (*страшно интересно*). Исследовательница много внимания посвятила также изучению проблем перевода русской эмоциональной лексики, в частности, на эстонский язык. Результаты ее работ отражены в кандидатской диссертации «Эмоциональная лексика современного русского языка и проблемы ее перевода (на русско-эстонском материале)» (1978).

Синхронному синтаксису русского языка посвящены работы доктора филологических наук доц. Бориса Михайловича Гаспарова. В частности, он пытается применить к синтаксису генеративный подход («О генеративном принципе описания синтаксических структур», 1968), предлагает парадигматический метод классификации синтаксических единиц («Опыт классификации синтаксических структур современного русского языка на основе строения их парадигм», 1970; «Построение модели формальных классов современного русского языка», 1971), обращает внимание на синтагматику, выделяя такие типы связи между компонентами предложения, как формальная, формально-дистрибутивная, дистрибутивно-формальная и, наконец, собственно дистрибутивная [«Опыт теории синтагматических связей (на материале современного русского языка)», 1971]. Гаспаров подробно описал неопределенно-субъектные предложения как функциональный класс синтаксиса, выделив и охарактеризовав такие их типы, как неопределенно-личные, безличные, инфинитивные, обобщенно-личные (апеллятивные) и инклюзивные («Неопределенно-субъектные предложения в современном русском языке», 1971). Полученные им результаты были обобщены в его кандидатской докторской диссертации «Проблемы функционального описания предложения. (На материале современного русского языка)» (1971). Позднее он продолжит изучение синтаксической синтагматики в плане описания связей между предложениями в тексте на основе ограничений их грамматического оформления («Принципы синтагматического описания уровня предложений», 1975), просто формальных синтаксических связей — синтагмы с субъектным управлением, с субъектным примыканием и с нейтрализованной субъектной связью («Структура формальных связей предложений в современном русском языке», 1975) и др. Им опубликованы также лекции по синтаксису простого предложения (Гаспаров 1971).

Вопросы сопоставительного изучения русского и эстонского языков и русско-эстонской лексикографии были поставлены в 60-е гг. в работах А.-А. Рейцак. Она разрабатывает подходы к сопоставительному изучению лексики («О некоторых возможно-

стях сопоставительного изучения русской и эстонской лексики», 1965) и фразеологии («О некоторых возможностях сопоставительного анализа русской и эстонской фразеологии», 1967). Ей же принадлежат изданные в форме книг собрания русских и эстонских пословиц и фразеологизмов (Рейцак 1966; Рейцак 1975).

Что касается лексикографии, то она представлена в основном двуязычным типом словарей — прежде всего это русско-эстонские и эстонско-русские. В 1966 г. был выпущен первый и единственный до настоящего времени чешско-эстонский словарь Александра Райда и Савватия Васильевича Смирнова (Raid, Smirnov 1966), к которому на эстонском языке приложен также очерк чешского языка, написанный Смирновым.

Исследования по истории славянского языкознания систематически проводил с 60-х гг. доктор филологических наук проф. С. В. Смирнов (21.VIII.1929–3.IX.2002). Опираясь на архивные источники, а также свидетельства современников, он изучает роль и место в русской славистике крупнейших ее представителей прежде всего XIX в. и их связи со славянскими странами. Так, в 1965 г. им были изданы «Письма И. А. Бодуэна де Куртенэ Л. Г. Мазингу», найденные финно-угроведом проф. П. Аристэ и переданные им в Литературный музей им. Ф. Крейцвальда в Тарту (где они до сих пор и хранятся). Письма написаны по-немецки из Казани, т. е. еще до переезда в 1883 г. в Дерпт, и из Кракова, т. е. после отъезда туда из Дерпта в 1893 г. (первое письмо отсюда датировано 1894 г.). Особо рассмотрен вопрос о научных связях И. А. Бодуэна де Куртенэ и И. И. Срезневского (1973), других славистов; ряд публикаций Смирнова посвящены русско-чешским научным контактам в первой половине XIX в. («Первые русские слависты и Чехия», 1973; «К истории русско-чешских научных связей в I половине XIX века», 1974). Наряду с вопросами литературоведческого и историко-культурного характера — основного своего научного интереса, вопросов изучения и преподавания русского языка в Эстонии в XVIII–XIX вв. касался также доктор филологических наук проф. Сергей Геннадьевич Исаков (напр., Исаков 1973–1974).

Со второй половины 70-х гг. существенно расширяется состав сотрудников кафедр по русистике в Тартуском университете, а проблематика исследований начинает постепенно выходить за рамки русского и старославянского языков, т. е. в изучение систематически вовлекаются и другие славянские языки. Эта тенденция особенно усиливается с 1992 г. в связи с созданием кафедры славянской филологии, составляющей с этого времени вместе с кафедрами русского языка и русской литературы (а первые три года и кафедрой семиотики и культурологии) отделение русской и славянской филологии философского

факультета. Появляются и новые серии научных сборников в рамках «Трудов по русской и славянской филологии» или вне этих рамок. В 1977–1982 гг. выпущено под редакцией М. А. Шелякина пять сборников серии «Вопросы русской аспектологии» и в 1978–1979 гг. — два выпуска серии «Лингвистическая семантика и семиотика»; в 1981–1983 гг. под редакцией С. В. Смирнова выходят два тома серии «Из истории славяноведения в России»; с 1985 г. под редакцией А. Д. Дуличенко издается новая серия «*Slavica Tartuensia*» (вне рамок «Трудов <...>»), в которой, помимо работ по русскому языку и истории славистики, большое место занимают исследования по остальным славянским языкам, в том числе и по славянским литературным микроязыкам.

Из синхронного направления наиболее показательны исследования, демонстрирующие системный и функциональный подходы к языку. В связи с вопросами русского языка здесь следует назвать работу доктора филологических наук проф. Михаила Алексеевича Шелякина по категории вида и способам глагольного действия, в которой рассматриваются уровни аспектуальности, сущность категории вида, его грамматическая семантика, формы глаголов в их отношении к виду и др.; в этой книге нашли отражение предыдущие публикации автора на данную тему (Шелякин 1983). Несколько позднее он обращается к морфологии имени — сначала местоимений, рассматривая их грамматические формы, значения по разрядам и функционирование, а затем и существительных и прилагательных (Шелякин 1986; Шелякин 1989). Функциональными вопросами русской грамматики занимается в последнее время кандидат филологических наук проф. Ирина Павловна Кюльмоя; ее интересуют кратно-соотносительные глагольные конструкции и примыкающие к ним структуры, формальная обусловленность вида и времени в сложных предложениях (кандидатская диссертация «Структура и функционирование кратно-соотносительных конструкций в современном русском языке», 1985), явления засвидетельствованности и итеративности и др. Доц. Елизавета-Карина Ильмаровна Костанди обращается к синтаксису предложения, текста и их компонентам (напр., «Наблюдения над упстреблением видо-временных форм в газетном тексте», 1982 и др.). Появляются также работы, в которых языковые категории рассматриваются с прагматического аспекта. Это перформативные высказывания (И. П. Кюльмоя), синтаксические связи с точки зрения их участия в выражении прагматической направленности предложения и целого текста [статьи Е. И. Костанди и ее кандидатская диссертация «Языковые средства выражения прагматической направленности

газетного текста (на материале хроникальной информации)», 1988] и др.

В изучении грамматики заметен также выход за пределы системно-функционального подхода. Так, в 1977 г. Б. М. Гаспаров предлагает рассмотреть русскую морфологию как предмет социограмматики, сравнивая ее с «западноевропейским языковым стандартом» [«Введение в социограмматику»; продолжено в: «Структура русского языка с типологической точки зрения. (Введение в социограмматику). Морфология имени», 1979]. К изучению устной речи этот автор попытался подойти с семиотической позиции («Устная речь как семиотический объект», 1978), а доктор филологических наук проф. Юрий Михайлович Лотман (1922–1993) — с историко-культурной («Устная речь в историко-культурной перспективе», 1978; «К функции устной речи в культурном быту пушкинской эпохи», 1979).

Во второй половине 70-х гг. доктор филологических наук проф. Александр Дмитриевич Дуличенко работает над обоснованием лингвистической категории *литературный микроязык*. Им была разработана типология микроязыков, выявлен их генетический статус, условия и факторы формирования, исследованы вопросы соотношения литературного языка, диалекта и койне, специфики нормы и кодификации, их функционального спектра. Теория литературных микроязыков разрабатывалась на славянском материале, а сами микроязыки были классифицированы на основе их контактного или дистантного отношения к языку-корню — на островные (югославо-руси́нский в Югославии и Хорватии, градищанско-хорватский в Австрии, молизско-славянский и резы́анский в Италии, банатско-болгарский в Румынии, карпаторуси́нский в США и Канаде) и периферийные, или матичные (прекмурско-словенский в Словении, чакавский и кайкавский в Хорватии, ляшский в Чехии, восточнословацкий в Словакии), а также кашубский в Польше, занимающий периферийное положение по отношению к польскому (точка зрения польской славистики) или же автономное (русская, немецкая славистики) [его хабилитационная докторская диссертация «Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)», защищенная в 1981 г., и монография: Дуличенко 1981].

Со второй половины 70-х гг. продолжают активно вестись исследования сопоставительного характера. В основном они касаются двух языков — русского и эстонского. Русско-эстонскими сопоставлениями в области фразеологии и лексики продолжает заниматься Э. Вайгла [«Опыт сопоставления фразеологических оборотов единой образной основы (на русском-эстонском материале), 1984; «Мотивация и национальная специфика слова. (Опыт сопоставительного изучения предметной номи-

нации в русском и эстонском языках)», 1988 и др.]. Что касается двуязычной лексикографии, то в этом плане достигнуты определенные результаты, напр., в составлении учебных словарей: в 1984 г. издан эстонско-русский (составители Galina Kaarma, Irina Külmoja, Tiitu Lagle, Helle Leemets, Aleksandra Linnas, Asta Õim), а в 1985 г. — русско-эстонский (составители Eda Vaigla, Leeni Simm, Hele Pärn, Helge Kubo) (Эстонско-русский <...> 1984; Русско-эстонский <...> 1985). Самым значительным достижением двуязычной лексикографии Эстонии является четырехтомный русско-эстонский словарь, вышедший в 1984–1994 гг. (составители разных томов Rein Kull, Tiitu Lagle, Helle Leemets, M. Liiv, I. Martoja, Tiitu Erelt, H.-M. Mändmets, Helle Tam, Elli Riikoja, Anne Romet, Henn Saari, Leeni Simm, Savvati Smimov, Asta Õim, Eda Vaigla) (Русско-эстонский <...> 1984–1994). В нем принимали участие и сотрудники Тартуского университета. Ведется также работа и по составлению русско-эстонских и эстонско-русских словарей профессиональной лексики (см., напр., статью Х. Виссак в этом сборнике).

История славянского языкознания и славистики вообще со второй половины 70-х гг. разрабатывается с особой интенсивностью. Результатом исследований С. В. Смирнова в этом направлении явилась его хабилюционная докторская диссертация «Русское и славянское языкознание в России (I половина XIX века)» (защищена в Ленинградском/Санкт-Петербургском университете в 1978 г.), в которой освещены основные пути зарождения славянского языкознания, даны анализ и оценка описательных грамматик русского языка, работ по сравнительной грамматике славянских языков, определена роль ряда известных ученых в развитии славистики (главным образом Ф. И. Буслаева) в указанный период. В тот же год вышла и монография о научной славистической деятельности Буслаева с приложением полной библиографии его работ и публикаций о нем (Смирнов 1978б). В 1980 и в 1991 гг. издан двухтомник о славистах и славяноведении в России в XVIII–XIX и середины XIX – начала XX вв. в биографических очерках и в воспоминаниях современников; инициатором и основным исполнителем этой работы был Смирнов (см.: Смирнов, Сафронов, Дмитриев 1980; 1991). Смирнов являлся одним из соавторов коллективной монографии Института славяноведения и балканистики АН СССР «Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян» (Москва, 1988).

V период: от начала 90-х гг. XX в.

В целом этот период характеризуется исследованием различных вопросов русского и других славянских языков. К тому же с этого времени при кафедре славянской филологии впервые вводится подготовка специалистов по чешскому и польскому языкам (см. также статью И. Абисогомян в этом сборнике). Читаются традиционные курсы по русской грамматике и истории русского языка, по старославянскому языку, по грамматике и истории вышеназванных славянских языков, излагаются теоретические основы словенского, сербско-хорватского языков, история и типология современных славянских литературных микроязыков и др.

В рассматриваемый период продолжается традиция изучения истории русского языка. PhD доц. Юрий Сергеевич Кудрявцев занимается русской исторической фонологией и морфонологией. Его статьи 80-х и первой половины 90-х гг. собраны и представлены в качестве нехабилитационной докторской диссертации в 1996 г. (см.: Кудрявцев 1996). Автор, касаясь тех или иных фонологических и морфонологических единиц, пытается понять причины и механизмы их изменений, при этом он нередко пересматривает уже сложившиеся в этом отношении взгляды и точки зрения. Кудрявцеву принадлежат также работы по этимологии ряда слов — *вы, лава, возле, товарищ, селезень* и др. В последние годы этого автора интересуют также русско-эстонские исторические языковые связи («Древнейшие русско-эстонские языковые контакты», 2000).

Приостановленное в начале 80-х гг. изучение русских говоров Причудья оживляется лишь с середины 90-х гг. На прошедшей в 1993 г. в Таллине конференции «Русские в Эстонии (1918–1940)» автором этих строк был поставлен вопрос о необходимости возобновления таких исследований, после чего при кафедре русского языка Тартуского университета началась подготовка магистерских работ, а при кафедре славянской филологии разработан и реализован научный проект «Русское меньшинство Эстонского Причудья: язык, традиции, соседство культур и народов» (1997–2000; руководитель А. Д. Дуличенко; его публикации «Русские недисперсные языковые массивы Эстонии: проблемы и перспективы изучения», 2000; «О формах существования (стратах) русского языка в Эстонии: некоторые проблемы изучения», 2002 и др.).

В 1993 г. вышла грамматика русского языка М. А. Шелякина, в которой в форме справочника, предназначенного для иностранцев и преподавателей русского языка как иностранного, дается систематическое изложение фонетики, морфологии (вме-

сте со словообразованием) и синтаксиса; особое внимание обращено на трудные случаи русской грамматики; языковые единицы характеризуются также с функциональных позиций (Шелякин 1993). Шелякин является также одним из авторов серии коллективных монографий «Теория функциональной грамматики», издававшейся Ленинградским отделением Института языкознания АН СССР с 1987 г. («Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис», 1987 и последующие выпуски), а также пособия по функциональной грамматике русского языка (Шелякин 2001). В 2002 г. этот же автор выпустил справочник по русскому языку (Шелякин 2002). В 90-е гг. наметился интерес к исследованию вопросов грамматической и текстовой координации в русском языке (напр., А. Д. Дуличенко: «Размышления о числовой координации в русском языке I. Собаки бежали, задрал [каждая свой] хвост», 1998). PhD Валентина Петровна Щаднева занимается синтаксическим нулем, который она рассматривает как способ проявления дискурсивно обусловленной языковой имплицитности (ее нехабилитационная докторская диссертация «Дискурсивно обусловленные невербализованные компоненты высказывания», 2000).

В 1994 г. в Мюнхене вышла монография А. Д. Дуличенко «Русский язык конца XX столетия», в которой с лингвистических и социолингвистических позиций исследуются процессы и тенденции, вызванные в русском языке социальным потрясением, известным под названием «перестройка»; автор обращается не только к лексико-семантическому уровню, анализируя лексические доминанты эпохи, смену лексических парадигм, деидеологизацию и новую идеологизацию семантики слова и проч., но и рассматривает процессы в области словообразования, «малого синтаксиса», языкового смещения и др. (Дуличенко 1994). Этому же автору принадлежит и этносоциолингвистическая антология, включающая большой объем «горячих» текстов времен бурных дискуссий в СССР — «перестройки»; значительную часть книги составляют тексты, так или иначе трактуемые лингвистические и социолингвистические аспекты русского языка и этнические аспекты — русского народа (Дуличенко 1999). Во второй половине 90-х гг. заметен интерес к социолингвистическим аспектам и состоянию русского языка в Эстонии (С. Б. Евстратова, И. П. Кюльмоя, В. П. Щаднева, А. Д. Дуличенко и др.), а также Прибалтики (А. Д. Дуличенко разработан и опубликован в 2002 г. проект «Русский язык в постсоветской Прибалтике: проект социолингвистического исследования»). Лингвистическую и лингвокультурологическую направленность имеют публикации и защищенная в Санкт-Петербургском университете

кандидатская диссертация Людмилы Васильевны Дуличенко «Антрополоксемы с негативным значением и их лексикографическое представление» (2000), а также опубликованный ею словарь антрополоксем, т. е. наименований лиц, содержащий свыше полутора тысяч единиц (Дуличенко 2000).

Традиция исследования других, кроме русского, славянских языков в Тартуском университете была по существу прервана после Второй мировой войны. Лишь с середины 70-х гг., как мы уже отметили, начинают регулярно проводиться исследования и других славянских языков. Пишущий эти строки опубликовал в 1998 г. синтезированный очерк словенского языка, в котором представлена история формирования фонетики и грамматики, письменности и литературного языка словенцев, его диалектной и социальной стратификации, контактов и связи с другими языками и т. д. («Словенский язык», 1998); вместе с Н. И. Толстым и М. Матичетовым им подготовлен к печати «Резьянский словарь» И. А. Бодуэна де Куртенэ (см. выше). Этим же автором исследуются вопросы социальной дифференциации сербско-хорватского языка конца XX столетия («O stratifikacijskome modelu jezika Hrvata u autohtonome i otočkom arealu», 1995; «Сербский, хорватский, боснийский, черногорский: распад 'договорного' языка?», 1996, и др.); вопросы специфики серболужицкого языка (напр., «Феномен литературно-языкового параллелизма у серболужичан в европейском лингвокультурном контексте», 1990) и др. Издан первый том его избранных трудов по югославо-русинской филологии (Дуличенко 1995). Высказанный им в начале 80-х гг. прогноз о возможности нового пополнения состава славянской языковой Микрославии оправдался: в последнее десятилетие XX в. появился западно-полесский литературный микроязык, отмечены также попытки (правда, неудачные) создания в Литве так наз. вичского и гальшанского, возрождение идеи карпаторусинского в Украинском Закарпатье, в Восточной Словакии, в Польше, а также в Венгрии, эгейско-македонского в Греции (напр., «Славянские микроязыки в Европе на пороге XXI века», 2000).

Привлечение других славянских языков для сравнения еще достаточно редки (напр., Ю. С. Кудрявцев: «Сопоставительная характеристика мягких согласных фонем в сербскохорватском, болгарском, русском и эстонском языках», 1991; А. Д. Дуличенко: «Хорватскосербский и градишанско-хорватский: теоретические аспекты сопоставительного анализа», 1991, и некоторые другие). И. П. Кюльмоя пишет в основном о специфике морфологических категорий и синтаксических структур в русском и эстонском языках, выражающих императивность, условность, квантитативность, эвиденциальность и под. («О внеимпе-

ративном употреблении формы повелительного наклонения в русском и эстонском языках», 1991; «Выражение количественности в русском и эстонском языках», 1993, и др.). Доц. Светлане Борисовне Евстратовой (Мельцер) принадлежат работы по выявлению специфики посессивности, средств выражения времени, значений и функций частицы *же* и др. (напр., «Русская частица *же* и ее соответствия в эстонском языке», 1994, и др.). Сопоставительным анализом грамматических категорий и средств их выражения занимаются также В. П. Щаднева, Е. И. Костанди и др.

Что касается истории славянского языкознания, то в новейший период проведены интересные исследования и обнаружены ценнейшие памятники. С. В. Смирновым написан и издан краткий очерк истории русского славяноведения до начала XX в. (Смирнов 1993; ранний и более краткий вариант опубликован в 1978 г. в Праге, см.: Смирнов 1978а). Другие работы Смирнова этого времени посвящены характеристике научной деятельности различных русских славистов, среди которых П. И. Прейс, И. И. Срезневский, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. С. Будилович и др. (напр., «Działalność J. N. Baudouina de Courtenay na Uniwersytecie w Dorpacie», 1991, и др.). В 2002 г. в Москве вышла его последняя книга «Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX вв.» (Смирнов 2001). Автор настоящих строк занимается разысканием в архивах и библиотеках разных стран документов по истории русского и вообще славянского языкознания. Так, им была обнаружена и опубликована рукопись поэтического сборника основоположника югославо-русинской литературы и литературного языка Гавриила Костельника, хранившаяся в Архиве АН России в С.-Петербурге (1994). В этом же архиве им была обнаружена рукопись первой кашубской грамматики, написанная Флорианом Цейновой в 40-е гг. XIX в.; грамматика была подготовлена к печати совместно с В. Лефельдтом и издана Геттингенской АН в 1998 г. (Duličenko, Lehfeldt 1998). Дальнейшие кашубологические разыскания автора этих строк связаны с находками протографа кашубской рукописи конца XVIII в., послужившей источником кашубской части «Сравнительных словарей всех языков и наречий» (изданы в двух томах в С.-Петербурге в 1787–1789 гг.), рукописей П. И. Прейса, И. И. Срезневского, Ф. Цейновы, Ф. Лоренца и др. (напр., «И. И. Срезневский. Замечания о наречии кашебском», 1997, и др.). В Тарту им были также обнаружены некоторые ценные рукописи по славистике, напр., неизвестный ранее Тартуский список латино-славянского словаря Епифания Славинецкого 1712 г., оригинал рукописи Габриеля М. Корбуа «Deut-

sche Lehnwörter im Polnischen» [об этом серия «Рукописи Дерпта (Тарту)» в Slavica Tartuensia IV, 1998] и др.

В 1993 г. инициативой кафедры славянской филологии был создан Национальный Комитет славистов Эстонии (президент проф. А. Д. Дуличенко), который является коллективным членом Международного Комитета славистов. В 1996 г. выпущен справочник Комитета (Национальный Комитет 1996).

Движение славистических институций (кафедр) в Тартуском университете за 200 лет

Если говорить об историческом развитии славистических институций в виде кафедр и о смене тех, кто их занимал в то или иное время (в советское время руководить кафедрой могли и доценты!), то в целом этот процесс на протяжении XIX–XX вв. можно изобразить в виде нижеследующей хронологической последовательности. Следует только иметь в виду, что предлагаемая таблица носит предварительный характер и, вероятно, потребует в дальнейшем некоторых уточнений. Автор благодарит проф. С. Г. Исакова за консультации по отдельным вопросам.

год создания	кафедра	заведующие	годы работы
1802	Должность «лектора русского языка»		
1803	Каф. русского яз. и словесности	Г. А. Глинка:	1803–1810
		А. С. Кайсаров:	1811–1813
		А. Ф. Воейков:	1814–1820
		В. М. Перевощиков:	1820–1830
		Вакансия:	1830–1836
1865	Каф. рус. яз. в особенности и славянского языковедения вообще	М. П. Розберг:	1836–1865
		М. П. Розберг:	1865–1867
		А. А. Котляревский:	1868–1873
		П. А. Висковатов:	1874–1895
		литературовед	1895–1918
		Е. В. Петухов:	1907–1915
1880	Каф. сравнительной грамматики слав. наречий/языков	языковед	1907–1915
		Н. К. Грунский:	1916–1918
		языковед	1916–1918
		Г. А. Ильинский:	1916–1918
1880	Каф. сравнительной грамматики слав. наречий/языков	И. А. Бодуэн де Куртенэ:	1883–1893
		А. С. Будилович:	1893–1901
		Л. Г. Мазинг:	1902–1917

1919	Должность/кафедра слав. филол.	Л. Г. Мазинг:	1919–1925
		А. Стендер- Петерсен:	1927–1931
		П. Арумаа:	1934–1944
1946– 1950	Каф. рус. яз. (межфакультетская)	В. Т. Адамс:	1946
		И. Фельдбах:	1946–(1950?) 1951
1947→	Каф. рус. лит-ры	В. Адамс:	1947–1949 (1950?)
		Б. В. Правдин:	1949 (1950?)– 1954
		Б. Ф. Егоров	1954–1960
		Ю. М. Лотман:	1960–1977
		В. И. Беззубов:	1977–1980
		С. Г. Исаков:	1980–1992
		Л. Н. Киселева:	1992→
1948– 1950	Каф. рус. филол.	Б. В. Правдин:	1949–1950
1950– 1954	Каф. рус. яз.	И. Фельдбах:	1950 (?)– 1951
		Е. Тобиас- Мальшевская:	1951–1952
		Л. О. Ватман:	1952–1954
1954– 1957	Каф. рус. яз. (спецпредмет)	Ю. Г. Скиба:	1954–1955
		А. Б. Правдин:	1955–1957
1954– 1957	Каф. рус. яз. (общий предмет)	Л. О. Ватман	1954–1957
1957→	Каф. рус. яз.	А. Б. Правдин:	1957–1963
		С. В. Смирнов	1963–1975
		М. А. Шелякин:	1975–1978
		С. В. Смирнов:	1978–1980
		М. А. Шелякин:	1980–1992
		И. П. Кюльмоя:	1993→
1975– 1991	Каф. методики преподавания рус. яз.	А. А. Метса:	1975–1991
1991→	Секция рус. яз. Центра языков	К. П. Алликметс, А. Яанессе, Л. А. Веди́на	1991→
1992→	Каф. слав. филол.	А. Д. Дуличенко:	1992→

Несколько слов о научно-методических разработках русского языка

Завершая представление развития славянского языкознания в Тарту, следовало бы сказать также несколько слов о научно-методических исследованиях, которые регулярно ведутся с

50–60-х гг., а также об учебниках русского языка для эстонцев (см. также статью К. П. Алликметс в этом сборнике). В 1972–1975 гг. в Тартуском университете выходил методический сборник «Русский язык в эстонской школе» (выпуски 1–3). С 1976 по 1988 гг. в рамках «Ученых записок ТартуГУ» издавалась серия «Русский язык в эстонской школе → Русский язык в вузе». По методике преподавания русского языка эстонцам вышли специальное пособие в 1986 г. А. Метса, Т. Казесалу, Э. Васильченко, Ы. Вахар (Лекции <...> 1986). Из множества учебников, предназначенных для школы и вуза, можно в качестве образца привести: выдержавшее два издания пособие для студентов «Язык ... ситуации ... общение» доц. Киры Павловны Алликметс и кандидата педагогических наук проф. Антидеи Метса (Алликметс, Метса 1980), пособие для гуманитарных вузов, изданное в 1988 г. (авторы Aino Rodima, Maria Matina, Ludmila Dulitšenko, Margarita Isko, Irja Tiits) (Пособие <...> 1988), учебное пособие для учащихся национальных школ СССР (Алликметс, Метса 1991) и др.

О некоторых перспективах изучения истории славянского языкознания в Тарту

Подводя предварительные итоги, следует подчеркнуть, что за два столетия славянское языкознание (resp. славянская филология) в Тарту развивалась, переживая то взлеты, то падения. И все же, несмотря на это, достижения здесь весьма значительны, а потому многие из них вошли в сокровищницу мировой славистики. По нашему мнению, в ближайшей перспективе необходимо предпринять усилия по решению ряда важнейших задач по истории нашей славистики. Прежде всего речь идет о том, чтобы:

- 1) составить библиографию славянского языкознания (resp. славянской филологии) в Тарту с 1803 по начало XXI в.;
- 2) создать библиографический справочник тартуских славистов — по аналогии с теми, что уже имеются, ср. «Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь» (Москва, 1979);
- 3) проводить систематическое изучение истории славянского языкознания (resp. славянской филологии) в Тарту, что потребует перечитывания трудов прошлого, верификации многих высказанных ранее оценок и исправления ошибок в датах, именах и т. д.;
- 4) стимулировать написание диссертаций по истории славянского языкознания (resp. славянской филологии) в Тарту;
- 5) наконец, создать синтезированный труд «История славянского языкознания (resp. славянской филологии) в Тарту. 1802/1803 – начало XXI в.».

В последние годы кафедра славянской филологии Тартуского университета занимается разработкой проекта такой истории, для реализации которой приглашаются сотрудники всех других кафедр отделения русской и славянской филологии и отдельные слависты.

Библиография по славянскому языкознанию в Тарту (XIX–XX вв.)

Делается попытка предварительной (а потому пока неполной) библиографии тартуской лингвистической славистики.

Примечания:

- 1) приводятся только отдельно изданные книги и тома продолжающихся изданий, за исключением работы А. Б. Правдина (1956), а также статей по истории славянской филологии в Тарту;
- 2) в тексте очерка в круглых скобках и в кавычках подаются только статьи; подробные библиографические сведения о них можно найти, основываясь на годе издания, в «Ученых записках ТартуГУ» и в известных библиографических указателях;
- 3) Слово *Таллин* до 1992 г. в Эстонии писалось по-русски с одним *н*, после того — с двумя, однако непоследовательно;
- 4) УЗ — Ученые записки;
- 5) ТартуГУ — Тартуский государственный университет.

Алликметс, Метса 1991 — К. Алликметс, А. Метса. *Поговорим, поспорим. Учебное пособие для углубленного изучения русского языка в старших классах национальных школ*. Ленинград: Просвещение, 1991, 320 с.

Алликметс, Метса 1980 — К. Алликметс, А. Метса. *Язык ... ситуации ... общение. Учебное пособие по развитию речи для студентов эстонских вузов*. Таллин: Валгус, 1980, 248 с.; изд. 2-е, испр. и доп., 1987, 271 с.

Арумаа, Правдин, Вески 1940–1947 — П. Арумаа, Б. Правдин, Й. Вески. *Русско-эстонский словарь*. В 2-х т. Тарту, 1940–1947, 848 с., 849–1452 с.

Варадинов 1843 — Н. Варадинов. *Нечто о русском слоге, для программы к годичному испытанию в Аренбургском уездном дворянском училище <...>*. Дерпт: тип. Шюнманна, 1843, 23 с.

Вопросы русской аспектологии. Отв. ред. М. А. Шелякин. [I.] (Известия Воронежского педагогического института, 146). Воронеж, 1975, 151 с.; [II.] (УЗ ТартуГУ, вып. 434). Тарту, 1977, 162 с.; [III.] *Семантика и функционирование категории вида русского языка*. (УЗ ТартуГУ, вып. 439). Тарту, 1978, 142 с.; [IV.] *Категория вида и ее функциональные связи*. (УЗ ТартуГУ, вып. 482). Тарту, 1979, 128 с.; [V.] *Аспектуальность и средства ее выражения*. (УЗ ТартуГУ, вып. 537). Тарту, 1980, 140 с.; [VI.] *Семантика аспектуальности в русском языке*. (УЗ ТартуГУ, вып. 625). Тарту, 1982, 138 с.

Гаспаров 1971 — Б. М. Гаспаров. *Из курса лекций по синтаксису современного русского языка. Простое предложение. Пособие для студентов заочного отделения*. Тарту, 1971, 241 с.

- Гаспаров, Сигалов 1974 — Б. М. Гаспаров, П. С. Сигалов. *Сравнительная грамматика славянских языков. Ч. 1–2. Пособие для студентов*. Тарту, 1974, 1–246, 247–496 с.
- Грунский 1903/1904–1905/1906 — Н. К. Грунский. *Памятники и вопросы древне-славянской письменности*. Т. 1. Вып. 1–4; т. 2. Юрьев, 1903/1904–1905/1906.
- Грунский 1906а — Н. К. Грунский. *Грамматика древнецерковнославянского языка*. Воронеж, 1906, 50 с. (оттиск из «Филологических записок»).
- Грунский 1906б — Н. К. Грунский. *Лекции по древнецерковнославянскому языку*. Юрьев, 1906, 162 с.; 2-е изд.: Юрьев, 1914, 111, XVIII с.
- Грунский 1911 — Н. К. Грунский. *Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков*. Т. 1, вып. 1–2. Юрьев, 1911, 169 с.; Т. 2, Юрьев, 1911, 338 с.
- Грунский 1914 — Н. К. Грунский. *Из лекций по русскому языку*. Вып. 1. Юрьев, 1914, 112, 110 с.
- Гурьева 1970 — Е. И. Гурьева. *Историческая грамматика русского языка. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников*. Тарту, 1970, 196 с.
- Гурьева 1971 — Е. И. Гурьева. *Старославянский язык. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников*. Тарту, 1971, 233 с.
- Гутман 1900 — Р. Гутман. *Трата и замена в языке. В вопросе о так называемом «языковом разложении»*. Юрьев, 1900, 113 с.
- Дуличенко 1981 — А. Д. Дуличенко. *Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)*. Таллин: Валгус, 1981, 323 с.
- Дуличенко 1994 — А. Д. Дуличенко. *Русский язык конца XX столетия*. (Slavistische Beiträge, Bd. 317). München: Otto Sagner, 1994, XII, 347 S.
- Дуличенко А. Д. (ред. и издатель). *Габор Костяник Гомзов. Жалосцинки — серенчи и милей. (По народным руск. [им] шпиваню у IV. шпиваньох)*. Публикация текста и вводное слово проф. др. Александер Д. Дуличенко. Нови Сад: Руске слово, 1994, 79 с.
- Дуличенко 1995 — А. Д. Дуличенко. *Jugoslavo-Ruthenica. Роботи з рускей филологи*. Нови Сад: Руске слово, 1995, 333 с.
- Дуличенко 1999 — А. Д. Дуличенко. *Этносоциolingвистика «Перестройки» в СССР. Антология запечатленного времени*. (Slavistische Beiträge, Bd. 378). München: Otto Sagner, 1999, (8), 583 S.
- Дуличенко 2002 — А. Д. Дуличенко. *Книжка о русском языке. Ввод до рускей филологи у документах и коментарох*. Нови Сад: Руске слово, 2002, 223 с.
- Дуличенко 2000 — Л. В. Дуличенко. *Словарь обидных слов. Наименования лиц с негативным значением*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2000, 270 с.
- Из истории славяноведения в России*. Отв. ред. С. В. Смирнов. [I] (УЗ ТартуГУ, вып. 573. Труды по русской и славянской филологии). Тарту, 1981, 148 с.; II. (УЗ ТартуГУ, вып. 649. Труды <...>). Тарту, 1983, 136 с.
- К спряжению 1881 — *К спряжению русского глагола*. Дерпт: тип. Г. Лакманна, 1881, 16 с.
- Кудрявцев 1996 — Ю. Кудрявцев. *Очерки по русской фонологии и морфологии*. (Dissertationes philologiae slavicae Universitatis Tartuensis 1). Тарту, 1996, 157 с.

- Лекции по методике преподавания русского языка.* А. Метса, Т. Казесалу, Э. Васильченко, Ы. Вахар. Таллин: Валгус, 1986, 239 с.
- Лингвистическая семантика и семиотика.* Отв. ред. М. А. Шелякин. I. *Семантика номинации и семиотика устной речи.* (УЗ ТартуГУ, вып. 442). Тарту, 1978, 135 с.; II. *Семиотика устной речи.* (УЗ ТартуГУ, вып. 481). Тарту, 1979, 175 с.
- Национальный Комитет 1996 — *Национальный Комитет славистов Эстонии (НКСЭ) 1996.* Отв. ред. А. Д. Дуличенко. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1996, 100 с.
- Невдачин 1852 — Ф. Невдачин. *Несколько замечаний касательно употребления видов в русских глаголах.* Dorpat: I. S. Schünmann's Wittwe und S. Mattiesen, 1852, 32 с.
- Николич 1843 — И. Николич. *Опыт пояснения видов русских глаголов.* Dorpat: I. S. Schünmann's Wittwe, 1843, 18 с.
- Николич 1847 — И. Николич. *Синтаксис русского языка, составленный сравнительно с языком немецким.* Дерпт: тип. Лаакманна, 1847, VI, 97 с.; изд. 4-е., Ревель: тип. насл. Линдфорса, 1870, 142 с.
- Нифонтов 1906 — В. Нифонтов. *О видах русского глагола. Пособие для учащихся русскому языку.* Юрьев: тип. Бергмана, 1906, 40 с.
- Павловский 1856 — И. Я. Павловский. *Полный немецко-русский словарь.* Ч. 1–2. Рига: тип. Штеффенгагена, 1856, XX, 704, 564 с.; изд. 2-е, испр. и доп., Рига, 1867.
- Павловский 1859 — И. Я. Павловский. *Полный русско-немецкий словарь.* Ч. 1–2. Рига: тип. Штеффенгагена, 1859, XII, 376, 470 с.; изд. 2-е, испр. и доп. И. Николичем и Н. Асмусом, Рига: тип. Стеффенгагена, 1879, XII, 1340 с.
- Полевой 1851 — В. Полевой. *Опыт сравнительной грамматики славянских языков по четырем главным наречиям: ю.-славянскому, великороссийскому, чешскому (богемскому) и польскому <...>. Имя существительное.* Дерпт, 1851, [2], 32 с.
- Пособие по русскому языку для студентов гуманитарных специальностей.* А. Родима, М. Матина, Л. Дуличенко, М. Иско, И. Тийтс. Таллин: Валгус, 1988, 272 с.
- Правдин 1956 — А. Б. Правдин. *Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках.* УЗ Института славяноведения, Москва, 1956, т. XIII, 3–120.
- Правдин 1962 — А. Б. Правдин. *Историческая морфология русского языка.* Ч. I. *Имена.* Тарту, 1962, 90 с.
- Рейцак 1966 — А.-А. Рейцак. *О принципах и методах изучения словарного состава.* Тарту, 1966, 147 с.
- Рейцак 1975 — А.-А. Рейцак/Reitsak. *Избранные русские фразеологизмы с эстонскими соответствиями/Valimik vene fraseologisme eesti vastetega.* Таллин: Валгус, 1975, 704 с.
- Русско-эстонский <...> 1984–1994 — *Русско-эстонский словарь/Vene-eesti sõnaraamat.* I. Tallinn: Valgus, Eesti TA Keele ja kirjanduse Instituut, 1984, 959 с.; II, 1988, 863 с.; III, 1992, 752 с.; IV, 1994, 752 с.
- Русско-эстонский <...> 1985 — *Русско-эстонский учебный словарь/Vene-eesti õppesõnastik.* Сост. Э. Вайгла и др. Таллин: Валгус, 1985, 407 с.

- Смирнов 1978a — S. I. [V.] Smirnov. *Kratkij očerk istorii russkogo jazykoznanija*. Praha: Universita Karlova, 1978, 108 с. (текст книги кириллицей по-русски).
- Смирнов 1978б — С. В. Смирнов. *Федор Иванович Буслаев (1818–1897)*. Москва: МГУ, 1978, 96 с.
- Смирнов 1993 — С. В. Смирнов. *Очерк истории славяноведения в России*. Таллинн, 1993, 172 с.
- Смирнов 2001 — С. В. Смирнов. *Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX вв. Справочное пособие*. Под общей ред. акад. О. Н. Трубачева. Москва: Флинта – Наука, 2001, 336 с.
- Смирнов, Сафронов, Дмитриев 1980 — С. В. Смирнов, Г. И. Сафронов, П. А. Дмитриев. *Русское и славянское языкознание в России середины XVIII–XIX вв. (в биографических очерках и воспоминаниях современников)*. Ленинград: ЛГУ, 1980, 212 с.
- Смирнов, Сафронов, Дмитриев 1991 — С. В. Смирнов, Г. И. Сафронов, П. А. Дмитриев. *Русское и славянское языкознание в России середины XIX – начала XX вв.* Ленинград: ЛГУ, 1991, 230 с.
- Труды по русской и славянской филологии 1958–1988.* (УЗ ТартуГУ, вып. 65...825); *Труды <...> Лингвистика. Новая серия.* Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 1997, I, 248 с.; II. *Прагматические аспекты исследования языка*. Тарту, 1999, 314 с.; III. *Язык диаспоры: проблемы и перспективы*. Тарту, 2000, 282 с.; IV. *Русские староверы за рубежом*. Тарту, 2000, 278 с.; V. *Русский язык: система и функционирование*. Тарту, 2001, 199 с.; VI. *Проблемы языка диаспоры*. Тарту, 2002, 319 с.
- Шелякин 1983 — М. А. Шелякин. *Категория вида и способы действия русского глагола. (Теоретические основы)*. Таллин: Валгус, 1983, 216 с.
- Шелякин 1986 — М. А. Шелякин. *Русские местоимения (значение, грамматические формы, употребление)*. Материалы по спецкурсу «Функциональная грамматика русского языка». Тарту, 1986, 91 с.
- Шелякин 1989 — М. А. Шелякин. *Морфология современного русского языка. (Введение в морфологию. Имя существительное. Имя прилагательное)*. Тарту: ТГУ, 1989, 120 с.
- Шелякин 1993 — М. А. Шелякин. *Справочник по русской грамматике*. Москва: Русский язык, 1993, 356 с.; изд. 2-е, исправл., 2000, 356 с.
- Шелякин 2001 — М. А. Шелякин. *Функциональная грамматика русского языка*. Москва: Русский язык, 2001, 288 с.
- Шелякин 2002 — М. А. Шелякин. *Русский язык. Справочник*. Таллинн: Коолибри, 2002, 344 с.
- Щаднева 2000 — В. П. Щаднева. *Дискурсивно обусловленные невербализованные компоненты высказывания. (Dissertationes philologiae slavicae Universitatis Tartuensis 8)*. Тарту, 2000, 212 с.
- Эстонско-русский учебный словарь/Eesti-vene õppesõnastik*. Сост. Г. Каарма и др. Таллин: Валгус, 1984, 559 с.; 2-е изд., испр. и доп., 1990, 591 с.
- Яхци 1844 — К. Яхци. *Рассмотрение господствующих систем в спряжениях русских глаголов и опыт, каким образом можно бы упростить этот предмет <...>*. Дерпт: тип. Лаакмана, 1844, VIII, 82 с.
- Ariste 1941 — P. Ariste. *Vene keele häädamine*. Tartu: Teaduslik kirjandus, 1941, 79 lk.

- Baudouin de Courtenay 1894 — G. Baudouin de Courtenay. *Il catechismo resiano*. Udine, 1894, 113 p.
- Duličenko, Lehfeldt (Hrsg.) 1998 — A. D. Duličenko, W. Lehfeldt (Hrsg.) *F. Ceynowa. Kurze Betrachtungen über die kašubische Sprache als Entwurf zur Grammatik*. Herausgegeben, eingeleitet und kommentiert von A. D. Duličenko und W. Lehfeldt. (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Dritte Folge. № 229). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1998, XI, 151 S.
- Masing 1876 — L. Masing. *Die Hauptformen des serbisch-chorwatischen Accents. Nebst einleitenden Bemerkungen zur Accentlehre, insbesondere des Griechischen und des Sanskrit*. Inauguraldissertation < ... > (Mémoires de l' Académie Impériale des sciences de St.- Pétersbourg, VII série, t. XXIII, N 5). St. Pétersbourg, 1876, VIII, 96 S. (отгиск).
- Masing 1890 — L. Masing. *Zur sprachlichen Beurteilung der macedonischen Slaven. I. Vertretung von tj und dj*. Inaugural-Dissertation. St. Petersburg, 1890, (4), 109 S.
- Raid, Smirnov 1966 — A. Raid, S. Smirnov. *Česko-estonský slovník/Tšehhi-eesti sõnaraamat*. Tallinn: Valgus, 1966, 443 lk.
- Slavica Tartuensia*. Отв. ред. А. Д. Дуличенко. I. Исследования по истории славянского языкознания. (УЗ ТартуГУ, вып. 710). Тарту, 1985, 144 с.; II. Славянские литературные языки и историография славяноведения. (УЗ ТартуГУ, вып. 811). Тарту, 1988, 171 с.; III. Славяно-славянские и славяно-финно-угорские сопоставления/Slovensko-slovenska i slovensko-ugrofsinska poredenja. Отв. ред. А. Д. Дуличенко и Б. Тошович. (УЗ ТартуГУ, вып. 932). Tartu, 1991, 206 с.; IV. Языки малые и большие ... In memoriam acad. Nikita I. Tolstoi. Tartu, 1998, 317 с.

Публикации по истории славянской филологии и библиографии в Тарту

- Библиография публикаций членов НКСЭ [Национального Комитета славистов Эстонии] за 1993–1994 гг. Национальный Комитет славистов Эстонии (НКСЭ) 1996. Тарту, 1996, с. 22–36.
- Биографический словарь 1902–1903 — *Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Юрьевского университета за 100 лет его существования (1802–1902)*. I–II. Юрьев, 1902, 666 с.; 1903, 656 с.
- Булатова 1975 — Р. Булатова. *Леонгард Готтхильф Мазинг (1845–1936)*. Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi, Tartu, 1975, I, 142–158.
- Булахов 1976–1978 — М. Г. Булахов. *Восточнославянские языковеды. Библиографический словарь. Т. I–III*. Минск: Изд-во БГУ, 1976–1978, 316 с., 350 с., 384 с.
- Дуличенко 1982 — А. Д. Дуличенко. *И. А. Бодуэн де Куртэнэ и славистика (дерптский период 1883–1893 гг.)*. Filosoofiateaduskond Tartu Ülikoolis/ Филологические науки в Тартуском университете. (Тезисы конференции — 15 дек. 1982 г.). Tartu, 1982, 36–39.
- Дуличенко 1995а — А. Д. Дуличенко. *От славян Италии до басков Испании. Забытая жизнь и судьба Рудольфа Гутмана*. Русская газета, Тарту, 1995, № 104, 14 сентября, с. 5.

- Дуличенко 1996 — А. Д. Дуличенко. *Русско-славянское языковедение в Эстонии*. Russian linguistics, Dordrecht etc., 1996, vol. 20, 83–88.
- Дуличенко 1998 — А. Д. Дуличенко. *Н. И. Толстой и резьяница. К открытию «Резьянского словаря» И. А. Бодуэна де Куртенэ. Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого*. Т. I. Москва: Индрик, 1998, 394–405.
- Исаков 1973–1974 — С. Г. Исаков. *Русский язык и литература в учебных заведениях Эстонии XVIII–XIX столетий*. Вып. 1–2. Тарту, 1973–1974, 157 с., 226 с.
- Исаков 1982 — С. Г. Исаков. *ТГУ [=Тартуский государственный университет] и русская филология*. Русский язык в эстонской школе, Таллин, 1982, № 5, 57–60.
- Исаков 1996 — С. Г. Исаков. *Б. В. Правдин — педагог, ученый, поэт*. С. Г. Исаков. *Русские в Эстонии. 1918–1940*. Историко-культурные очерки. Тарту, 1996, 222–238.
- История Тартуского университета 1632–1982*. Таллин: Периодика, 1982, 279 с.
- Петухов 1900 — Е. В. Петухов. *Кафедра русского языка и словесности в Юрьевском (Дерптском) университете*. Юрьев, 1900 (отгиск из «УЗ Имп. Юрьевского ун-та»).
- Правдин 1954 — Б. В. Правдин. *Русская филология в Тартуском университете*. УЗ ТартуГУ, 1954, вып. 35, 130–164.
- Славяноведение 1979 — *Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь*. Москва: Наука, 1979, 429 с.
- Смирнов 1972 — С. В. Смирнов. *Русское языкознание в Тартуском университете*. Aspekt, Helsinki, 1972, № 2, 34–38.
- Смирнов 1975 — С. В. Смирнов. *Русское и славянское языкознание в Тартуском университете*. Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi, Tartu, 1975, I, 132–141.
- Смирнов 1985 — С. В. Смирнов. *А. С. Будюлович как лингвист*. Slavica Tartuensis I: Исследования по истории славянского языкознания (УЗ ТартуГУ, вып. 710), 1985, 70–81.
- Смирнов 1999 — С. В. Смирнов. *И. А. Бодуэн де Куртенэ в Дерпте*. Славянская филология. Вып. VIII. С.-Петербург, 1999, 197–204.
- Щаднева 1996 — В. П. Щаднева. *Страничка из истории дерптской русистики середины XIX в. (Иван Михайлович Николитч и его исследования русской грамматики)*. Национальный Комитет славистов Эстонии 1996. Тарту, 1996, 89–91.
- Труды по русской литературе и семиотике Тартуского университета 1958–1990*. Указатели содержания. Тарту, 1991, 139 с.
- Duličenko 1993 — A. D. Duličenko. *O rezijanoloških obravnavah J. Baudouina de Courtenayja v derptskem obdobju 1883–1893*. Slavistična revija, let. 41, Ljubljana, 1993, št. 3, 381–389.
- Duličenko 19956 — A. D. Duličenko. *Il resiano cento anni fa a Tartu*. All’ombra del Canin/Ta pod Čaninowo sinco, anno 68, Udine, 1995, № 2, p. 12.
- Issakov, Smirnov 1982 — S. Issakov, S. Smirnov. *Vene ja slaavi filoloogia Tartu Ülikoolis*. [Русская и славянская филология в Тартуском университете]. Keel ja kirjandus, Tallinn, 1982, № 9, 473–484.

- Logar 1987/88 — T. Logar. *J. Baudouin de Courtenay – slovenski dialektolog. Jezik in slovstvo*, let. XXXIII, Ljubljana, 1987/88, št. 1–2, 1–7.
- Smirnov 1958 — S. Smirnov. *J. Baudouin de Courtenay tegevus Tartu-perioodil*. Keel ja kirjandus, Tallinn, 1958, № 12, 747–753.
- Smirnow 1991 — S. Smirnow. *Działalność Jana Niecisława Baudouina de Courtenay na Uniwersytecie w Dorpacie. Działalność naukowa, dydaktyczna i społeczno-polityczna Jana Niecisława Baudouina de Courtenay w Rosji*. Wrocław etc., 1991, 39–71.
- Smirnov 1992 — S. Smirnov. *Professor Grigori Iljinski*. Keel ja Kirjandus, Tallinn, 1992, № 5, 286–289.
- Smirnov 1999 — S. Smirnov. *Tartu Ülikooli professor Aleksandr Kotljarevski*. Keel ja kirjandus, Tallinn, 1999, № 2, 141–143.
- Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi* [Вопросы истории Тартуского университета], Tartu, 1975, I →.
- Tartu Ülikooli ajalugu* [История Тартуского университета]. 1632–1798. I. Tallinn: Valgus, 1982, 319 lk.; <...> 1798–1918. II. Tallinn: Eesti Raamat, 1982, 430 lk.; <...> 1918–1982. III. Tallinn: Eesti Raamat, 1982, 429 lk.
- Tartu Ülikooli ajalugu* [История Тартуского университета]. 1632–1982. Tallinn: Perioodika, 1985, 279 lk.

Владимир Михайлович Алпатов
Москва

И. А. БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ И ЛИНГВИСТИКА XX ВЕКА

Лингвистика – лингвистика XX в. – роль И. А. Бодуэна де Куртенэ в развитии лингвистики XX в. – И. А. Бодуэн де Куртенэ и Ф. де Соссюр – статика и динамика – прогнозы в лингвистике

Проблематика, заявленная в названии статьи, неисчерпаема. Поэтому мы остановимся лишь на двух проблемах: соотношения идей И. А. Бодуэна де Куртенэ с идеями Ф. де Соссюра и представления Бодуэна о развитии лингвистики в XX в.

Основателем новой, сформировавшейся в начале XX в. научной парадигмы языкознания, всегда считается Ф. де Соссюр. Наряду с этим широко распространена и точка зрения о значимости идей Бодуэна. Однако вопрос о соотношении роли этих двух выдающихся ученых вызывает споры.

Одна из точек зрения еще в 1931 г. была высказана учеником Ивана Александровича Е. Д. Поливановым:

«Посмертная книга F. de Saussure'a, которая многими была воспринята как некое откровение, не содержит в себе буквально ничего нового в постановке и разрешении общелингвистических проблем по сравнению с тем, что давным-давно уже было добыто у нас Бодуэном и бодуэновской школой» (Поливанов 1968, 185).

В России еще в недавнее время подобную точку зрения активно пропагандировал покойный Г. П. Мельников. Однако имеется и иная точка зрения, согласно которой Соссюр пошел значительно дальше. Ее в 40-е гг. четко выразил В. Матезиус:

«Бодуэн <...> создал понятие фонемы <...>. Однако он не смог из своей новаторской концепции сделать все выводы для лингвистического метода, ибо был введен в заблуждение изменчивым светом психологии и слишком большое внимание уделял факту постоянного изменения в языке. Что не увидел Бодуэн, то отчетливо отметил Фердинанд де Соссюр. Выдающийся швейцарский лингвист стал строго различать в языкознании диахроническую (динамическую) и синхронную (статическую) точку зрения. И эту идею в ее методическом значении трудно переоценить» (Матезиус 1960, 90).

Не будем больше рассматривать многочисленные высказывания на данную тему. Однако в целом достаточно очевидно, что

мировой резонанс идей Соссюра значительно превосходит соответствующий резонанс идей Бодуэна. Это очевидно в двух отношениях. Во-первых, идеи Бодуэна более повлияли на лингвистику Восточной Европы (не только на русскую и польскую, но и на чешскую), чем на науку западноевропейских стран и особенно США; роль же Соссюра общепризнанна везде. Во-вторых, Соссюр всегда рассматривается как создатель общелингвистической теории, в которой прежде всего выделяют два кардинальных положения: о языке и речи, о синхронии и диахронии. Бодуэна же вспоминают прежде всего в связи с двумя терминами «фонема» и «морфема» (при том, что ни один из них им не изобретен), т. е. речь идет не об общей теории языка, а о теории отдельных языковых ярусов, т. е. о вопросах, на порядок более частных. Характерный пример — историографическая статья Л. Ельмслева 1950 г. «Метод структурного анализа в лингвистике», посвященная формированию и развитию лингвистического структурализма. Вся статья сводится к анализу концепции Соссюра и определению того, в чем он был прав, а в чем не прав. Бодуэн же и Крушевский упомянуты один раз в связи с термином «фонема» (Ельмслев 1960, 51).

Итак, с одной стороны, идеи Бодуэна настолько существенны, что могут рассматриваться как более важные по сравнению с идеями Соссюра. С другой стороны, их влияние на науку XX в. в целом уступает влиянию соссюровских идей. В чем здесь дело?

Вопрос осложняется тем, что можно говорить и о других основателях лингвистики XX в. Рядом с Бодуэном работал Н. В. Крушевский, который сформулировал свою новаторскую теорию еще в «Очерке науки о языке» 1883 г. (Бодуэн, хотя начал публиковаться раньше, большинство своих теоретических идей сформулировал в печати позже). И еще один факт, не столь известный. Ученик Соссюра и один из публикаторов его «Курса» Альбер Сеше еще в 1908 г. опубликовал книгу, где фактически содержатся и противопоставление языка и речи, и противопоставление синхронии и диахронии (пара Соссюр – Сеше чем-то напоминает пару Бодуэн – Крушевский). См. об этом (Wunderli 1976), а также наше предисловие к русскому изданию книги Сеше (в печати). Однако богатую идеями концепцию Крушевского современная исследовательница назвала «потерянной парадигмой» (Williams 1993). Книга Сеше не вызвала резонанса, а подготовленная при его участии книга его учителя через восемь лет сразу стала знаменитой. Почему же именно книга Соссюра? Безусловно, тут можно говорить о нескольких причинах.

Две из этих причин лежат на поверхности. Безусловно, не могла не играть роли национальная принадлежность того или

иногo ученогo. Не будем разбиратЬ запутанный и нередкo слыжащий предметом ненаучных спекуляций вопрос о национальной принадлежности Бодуэна и Крушевского. И Россия, и Польша имеют достаточнo оснований считать их «своими». Однако обе эти страны для Запада всегда воспринимались как периферия. Дело было даже не в языке. Основным языком лингвистической науки в XIX в. и во многом в начале XX в. был немецкий, а книга Крушевского была на него переведена еще при жизни автора, Бодуэн также публиковал немало работ по-немецки. «Курс» же Соссюра был издан в немецком переводе только в 1931 г., когда уже был знаменит. Важнее было то, что Женева стояла ближе к центру мировой науки, чем Казань, Юрьев, Краков или Петербург. Однако печальная судьба идей Сеше показывает, что данная причина не была единственной.

Другая явная причина состоит в том, что идеи Бодуэна, в отличие от идей Соссюра (но также и Крушевского, и Сеше), никогда не были изложены в канонической форме. Бодуэн в 1902 г. с излишней скромностью писал:

«Я разменялся на мелкие гроши и вместо чего-нибудь цельного и заслуживающего нимания сочинял какие-то осколки и обрывки» (Бодуэн 1963, 2, 19).

Из более четырехсот работ ученогo всего несколько монографий, и те посвящены сравнительно узким темам. Лишь две работы приближаются к жанру систематического изложения теории. Однако это — учебник введения в языкознание, по необходимости упрощенно излагающий идеи автора (к тому же не изданный, а лишь литографированный), и статья «Язык и языки» в энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Последняя в наиболее концентрированном виде излагает теорию Бодуэна, но в силу специфики жанра кратка и тоже слишком популярна. Чтобы понять суть идей Бодуэна, надо как минимум прочесть весь его двухтомник 1963 г., и то в нем представлено далеко не все. К этому надо добавить и то, что ученый никогда не «успокаивался на достигнутом» и все время что-то менял в своей концепции. Характерно, что В. А. Звегинцев в своей известной хрестоматии по истории лингвистики, где каждый автор представлен текстами общетеоретического характера, не смог найти в богатом наследии Бодуэна представительную работу данного жанра. Ему пришлось выбрать как наиболее «теоретическую» очень раннюю публикацию 25-летнего ученогo, где его концепция представлена еще в не вполне сформировавшемся виде.

Здесь можно видеть параллель между Бодуэном и Соссюром. Оба (хотя, вероятно, по разным причинам) не хотели печатать связное изложение своей теории («Курс» Соссюра, как из-

вестно, был скомпонован из студенческих конспектов после смерти автора). Любопытно, что и в том, и в другом случае у ученого нашелся ученик (соответственно Крушевский и Сеше), который такое изложение опубликовал. В обоих случаях учителя предъявляли претензии к ученикам, что те поторопились с публикациями, в которых использовали их идеи, не излагавшиеся в печати. Дальнейшая история, однако, была в двух случаях различной. Сеше, переживший учителя, добровольно ушел в его тень, а Бодуэн, намного переживший ученика, перестал о нем вспоминать.

Однако и данная причина не может полностью объяснить причины успеха книги Соссюра. Книги Крушевского и Сеше не выдержали конкуренцию с «Курсом» еще в большей степени, чем разрозненное изложение концепции Бодуэна во многих его публикациях.

Еще одна причина может быть связана со временем публикации той или иной работы. Как известно, научная теория имеет успех тогда, когда она изложена вовремя. «Изобретатели велосипеда» имеют столь же печальную судьбу, что и ученые, опередившие время. Последние получают признание в лучшем случае много лет спустя. Крушевский в 1883 г., когда младограмматизм еще был перспективным направлением, а построение индоевропеистики далеко не было закончено, высказывал свои идеи явно преждевременно. Во многом это относилось и к Бодуэну, сформулировавшему большинство своих теоретических идей в период с 80-х гг. XIX в. по первые годы XX в. В то время основные научные дискуссии шли по вопросам разных подходов к изучению истории языка (напр., о правомерности понятия исторического закона), а призыв обратиться к «статике» шел слишком вразрез с общепринятыми принципами. Даже в 1908 г., когда появилась книга Сеше, ее идеи могли казаться слишком непривычными. Вспомним, что и Соссюр, умерший в 1913 г., до конца жизни чувствовал свое одиночество и боялся высказывать свои «крамольные» идеи в печати (см. об этом: Холодович 1977, 665–668). Однако к 1916 г. идеи синхронного подхода уже, что называется, носились в воздухе.

Как известно, в «Курсе» Соссюра имена Крушевского и Бодуэна не упоминаются. Однако сохранился его отзыв о них в незаконченной рецензии на упомянутую выше книгу А. Сеше 1908 г. Указывая, что публикация книги, специально посвященной лингвистической теории, — очень необычное явление и что даже самые крупные ученые вроде Уитни не решались на такой смелый шаг, Соссюр пишет:

«Некоторые русские лингвисты, прежде всего Бодуэн де Куртенэ и Крушевский, были ближе, чем другие, к теоретическому взгляду на

язык, не выходя при этом за пределы собственно лингвистических соображений» (Соссюр 1990, 166).

Из этой цитаты очевидно, что Соссюр знал «Очерк» Крушевского (известно, что немецкий перевод «Очерка» был в его библиотеке) и какие-то (какие?) работы Бодуэна (видимо, на немецком языке). Очевидна и их высокая оценка. Вероятно, в чем-то их идеи повлияли на швейцарского ученого, хотя Е. Д. Поливанов вряд ли был полностью прав, отрицая какой-либо личный вклад Соссюра.

И тут мы подходим к еще одной, возможно, главной причине, обусловившей успех идей Соссюра. Для ее рассмотрения надо обратиться к ряду работ Бодуэна, в том числе связанных с его пониманием соотношения «статики» и «динамики» в языке.

Эти два понятия ученый постоянно различал, начиная с 70-х гг. XIX в. Еще в программе казанского курса 1877–1878 гг. он писал:

«Исследованием законов равновесия языка занимается статика, исследованием же законов движения во времени, законов исторического движения языка — динамика» (Бодуэн де Куртенэ 1963, I, 110).

Здесь же к статическим законам отнесены, в частности, «законы сочетания звуков в один данный момент существования языка» (Бодуэн де Куртенэ 1963, I, 110). Статика и динамика, разумеется, могут быть сопоставлены соответственно с синхронией и диахронией Соссюра. Сходна и критика игнорирования изучения современных языков лингвистами той эпохи у обоих авторов.

Однако можно видеть и существенные различия. Напр., в 1897 г. Бодуэн писал:

«Нет неподвижности в языке <...>. В языке, как и вообще в природе, все живет. Все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой — явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики» (Бодуэн де Куртенэ 1963, I, 349).

Отсюда вытекает, что статическое рассмотрение языка правомерно и необходимо, но адекватно язык может быть познан лишь в его динамике.

И иначе полагал Соссюр:

«Лингвист, желающий понять это состояние (языка. — В. А.), должен закрыть глаза на то, как оно получилось, и пренебречь диахронией. Только отбросив прошлое, он может проникнуть в сознание говорящих. Вторжение истории может только сбить его с толку» (Соссюр 1977, 114–115). «Противоположность двух точек зрения — синхронической и диахронической — совершенно абсолютна и не терпит компромисса» (Соссюр 1977, 116).

Общее в двух концепциях — признание необходимости различать две точки зрения на язык. Различие можно видеть сразу в

двух существенных пунктах. Во-первых, у Соссюра эти точки зрения абсолютно несовместимы, чего нет у Бодуэна. Во-вторых, иные иерархические отношения между точками зрения. Для Бодуэна статика — предельный случай динамики, т. е. главное в языке — динамика. Для Соссюра же главный акцент заключается в необходимости уметь отвлекаться от диахронии. Постоянно у него подчеркивается особая важность именно синхронного подхода: только он важен для носителя языка и только он дает возможность адекватно понять «сознание говорящих».

Впоследствии Дж. Гринберг писал:

«Самой глубокой из всех теорий была, вероятно, теория Крушевского и Бодуэна де Куртенэ, часто рассматриваемых как ранних предшественников структурализма, поскольку они включали в свои работы явное сравнительно-исторический компонент» (Greenberg 1979, 287).

Однако нам думается, что именно это включение, которое представляется важным и нужным в исторической перспективе, снизило влияние идей Бодуэна в годы, когда они впервые высказывались. Это относится не только к нему, но и к Крушевскому, и даже к Сеше. У всех перечисленных авторов, как и у Соссюра, немалое место занимает динамический (диахронный) компонент. Однако, сравнивая четырех лингвистов, нельзя не отметить, что раздел, посвященный диахронии, в «Курсе» Соссюра наименее интересен и достаточно традиционен. И в книге Крушевского, и в книге Сеше, и во многих трудах Бодуэна одной из главных проблем является построение теории языковых изменений. Сам Иван Александрович на протяжении более полувека постоянно рассматривал вопрос о том, почему язык изменяется. И ничего подобного у Соссюра, для которого диахрония — набор изолированных фактов.

В течение всего XIX в. мировая лингвистика развивала и шлифовала единственный в ту пору строгий метод — сравнительно-исторический. Постепенно становилось ясно, что применение этого метода сильно сужает проблематику науки о языке. Требовалось сделать рывок совсем в иную сторону. Ощущение кризиса языкознания в начале XX в. было у многих. Н. Я. Марр, которому нельзя отказать в меткости иных критических высказываний, писал, что индоевропейцы в своих исследованиях зашли слишком далеко, и им «трудно возвратиться, не разбив вдребезги своих кумиров» (Марр 1937, 144). Разумеется, Соссюр, в отличие от экстремиста Марра, не требовал этих кумиров разбивать, но он предложил игнорировать их существование. Разработка сравнительного метода, замечательного самого по себе, и связанных с ним теоретических проблем мешала решительному размежеванию с прежней наукой. Разде-

лением синхронии и диахронии Соссюр предложил программу развития лингвистической теории, не связанного с достижениями компаративистики. Это не значило, что компаративистикой не надо заниматься. Но эта дисциплина, по-прежнему количественно значительная, отошла на периферию развития лингвистической мысли. Показательно, что проблема причин языковых изменений после 1916 г. оказалась вне зоны внимания большинства лингвистов-теоретиков. Одним из редких исключений здесь был прямой ученик Бодуэна Е. Д. Поливанов.

Вернемся к оценкам В. Матезиуса. По сути он критикует Бодуэна именно за то, за что его позже похвалит Дж. Гринберг: за «слишком большое внимание факту постоянного изменения в языке» и за отсутствие строгости в различении статики и динамики. То, что сейчас выглядит как большая глубина теории, тогда, в 40-е гг., казалось недостатком, а жесткость позиции Соссюра — ее достоинством. Показательно, что так пишет один из основателей Пражского кружка, далеко не крайнего направления структурализма, в отличие от ряда других его направлений не отказывавшегося от диахронических исследований.

Другое критическое замечание Матезиуса связано с психологизмом Бодуэна. Иван Александрович постоянно повторял высказывания вроде:

«Сущность человеческого языка исключительно психическая. Существование и развитие языка обусловлено чисто психическими законами. Нет и не может быть в речи человеческой или в языке ни одного явления, которое не было бы вместе с тем психическим» (Бодуэн де Куртенэ 1963, I, 348).

Конечно, такой подход был свойствен и многим другим ученым того времени, в том числе и Крушевскому, и Сеше, не совсем он чужд и Соссюру, особенно в начальной части его «Курса». Однако Бодуэн проводил его, пожалуй, наиболее последовательно, а Крушевского критиковал, в том числе и за недостаточный, по его мнению, психологизм. У Соссюра же намечается совершенно иной подход к языку, не связанный с человеческой психикой (понимание языка как «системы чистых отношений» и др.). Характерно и то, что он в упомянутой черновой рецензии критиковал Сеше за рассмотрение лингвистики в качестве «простого ответвления <...> индивидуальной или коллективной психологии» (Соссюр 1990, 167). Позднее структурная лингвистика отказалась от психологического компонента вовсе.

За недостатком места мы не можем подробно обсуждать сходства и различия Соссюра и Бодуэна по другому кардинальному вопросу соссюровской теории — о языке и речи. Отметим только, что Бодуэн, с одной стороны, несомненно, разграничи-

вал язык и речь (что видно даже из приведенной в предыдущем абзаце цитаты), с другой стороны, нигде не проводил столь жесткого разграничения этих двух понятий, как это мы видим у Соссюра. Тем более у него нет установления иерархии двух данных понятий и дисциплин, их изучающих. Напр., антропофоника, наука явно речевая, и психофонетика, наука явно языковая, рассмотрены как лежащие в одной плоскости и равно необходимые (сходным был и подход Сеше). Совсем иначе расположены внутренняя и внешняя лингвистика у Соссюра. Не заявляя прямо о второстепенности внешней лингвистики по сравнению с внутренней, швейцарский ученый подводит собеседника к такой мысли.

О причинах популярности концепции Соссюра в одной из российских монографий последних лет удачно сказано:

«Ф. де Соссюр (скорее, даже его последователи) изменил предмет исследований, причем сделано это было замечательным образом — простым проведением границ: вот — синхрония, а вот — диахрония; это — язык, а это — речь» (Рахилина 2000, 343).

Этого «простого проведения границ» не было ни у Бодуэна, ни у Крушевского, ни даже у Сеше, по-видимому, действительно использовавшего в своей книге идеи своего учителя, зафиксированные в черновиках Соссюра начала 1900-х гг. Обустройство этих границ, действительно, завершили уже последователи Соссюра, но именно его подход дал возможность это сделать. Как известно, все гениальное просто, а идеи Бодуэна или Сеше были слишком сложны, чтобы перевернуть науку о языке.

Бодуэн за свою долгую творческую жизнь постоянно заботился о расширении горизонтов науки о языке, а развитие той или иной науки связано с тем, что эти горизонты то расширяются, то сужаются. Наука развивается по спирали, а Бодуэн пытался охватить как бы целый ее виток. Соссюр же одновременно выделил область первоочередных задач лингвистики (синхронное изучение языка) и указал на дисциплины, лежащие за пределами этого. Поэтому концепция Бодуэна (естественно, не в полном виде) могла выступать не столько как альтернатива Соссюру, сколько как дополнение его идей. Многие структуралисты отмечали, что Соссюр близко подошел к теории фонемы, но так ее и не сформулировал, поэтому теория фонемы Бодуэна, «очищенная» от психологизма, оказалась кстати. То же можно сказать и о теории морфемы.

Е. Д. Поливанов, познакомившийся с идеями Соссюра тогда, когда он уже прошел курс обучения у Бодуэна, вполне закономерно не увидел в этих идеях ничего принципиально нового: проблематика та же, только в суженном виде, а ее решения те же, но менее содержательные. Но и В. Матезиус по-своему был

прав: большая содержательность идей Бодуэна и психологизм его концепции в ту эпоху мешали, а «простое проведение границ» (о котором фактически пишет и Матезиус) дало науке больше.

Однако сейчас мы можем взглянуть на идеи Бодуэна иначе. На новом витке спирали многое воспринимается не так, как когда-то. Если отграничение лингвистики от психологии в первой половине XX в. оказалось необходимым, то в опубликованной в 1968 г. книге «Язык и мышление» Н. Хомский пишет о лингвистике как об «особой ветви психологии познания» (Хомский 1972, 12). Выше мы уже приводили слова Дж. Гринберга об особой глубине теории Крушевского и Бодуэна (не только по сравнению со структурализмом, но и по сравнению с генеративизмом). Жесткое разграничение языка и речи, синхронии и диахронии, как и связанное с этим сужение объекта лингвистической науки, когда-то сыгравшее свою историческую роль, теперь все более рассматривается как прошлое науки; см., напр., статью с характерным названием «Расставаясь со структурализмом» (Живов, Тимберлейк 1997, 3–21). И в связи с этим бодуэновские идеи сохраняют свою ценность.

В 1901 и 1904 гг. Бодуэн опубликовал в двух вариантах статью, в которой подводил итоги лингвистики XIX в. и давал прогнозы развития этой науки на XX в. И любопытно, что эти прогнозы в целом кажутся в большей степени сбывшимися сейчас, чем в середине прошлого века. Вот, напр., прогноз 8:

«Первым, кардинальным требованием объективного исследования должно быть убеждение в безусловной психичности (психологичности) и социальности (социологичности) человеческой речи» (Бодуэн де Куртенэ 1963, II, 17).

Или прогноз 15:

«Языковые обобщения будут охватывать все более широкие круги и все более соединять языкознание с другими науками: с психологией, с антропологией, с социологией, с биологией» (Бодуэн де Куртенэ 1963, II, 18).

Предсказал ученый также расцвет лексической семантики, исследования в области языковых картин мира и др., что никак не соответствовало исследовательской практике ни в первые годы XX в., ни в первые десятилетия после этого. Если в первой половине века лингвистика в какой-то степени развивалась вопреки прогнозам Бодуэна (были и прогнозы, которые стали сбываться скоро, однако они были основаны на экстраполяции уже существовавших тенденций), то во второй половине века и особенно в его конце она стала все более им соответствовать (подробнее см.: Алпатов 2002, 140–147). Некоторые прогнозы ученого, вероятно, окажутся актуальными в XXI в., напр., прогноз 16:

«Этимологические и семасиологические исследования окажут огромное влияние на психологию и дадут ей совершенно новый материал для выводов и обобщений» (Бодуэн де Куртенэ 1963, II, 18).

Итак, идеи Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ, в силу ряда причин оказавшиеся в первой половине XX в. менее влиятельными по сравнению с идеями Ф. де Соссюра, оказываются достаточно востребованными в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов 2002 — В. М. Алпатов. *Сто лет спустя, или сбываются ли прогнозы?* Вопросы языкознания, Москва, 2002, № 6, 140–147.
- Бодуэн де Куртенэ 1963 — И. А. Бодуэн де Куртенэ. *Избранные труды по общему языкознанию. Т. I–II.* Москва: Изд-во АН СССР, 1963.
- Ельмслев 1960 — Л. Ельмслев. *Метод структурного анализа в лингвистике.* В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. Москва: Учпедгиз, 1960, 49–56.
- Живов, Тимберлейк 1997 — В. М. Живов, А. Тимберлейк. *Расставаясь со структурализмом.* Вопросы языкознания, Москва, 1997, № 3, 3–21.
- Март 1937 — Н. Я. Март. *Избранные работы. Т. IV.* Москва – Ленинград, 1937.
- Матезиус 1960 — В. Матезиус. *Куда мы пришли в языкознании.* В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. Москва: Учпедгиз, 1960, 86–91.
- Поливанов 1968 — Е. Д. Поливанов. *Статьи по общему языкознанию.* Москва: Наука, 1968.
- Рахилина 2000 — Е. В. Рахилина. *Когнитивный анализ предметных имен.* Москва: Русские словари, 2000.
- Соссюр 1977 — Ф. де Соссюр. *Труды по языкознанию.* Москва: Прогресс, 1977.
- Соссюр 1990 — Ф. де Соссюр. *Заметки по общей лингвистике.* Москва: Прогресс, 1990.
- Холодович 1977 — А. А. Холодович. *Ф. де Соссюр. Жизнь и труды.* Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 1977, 650–671.
- Хомский 1972 — Н. Хомский. *Язык и мышление.* Москва: МГУ, 1972.
- Greenberg 1979 — J. Greenberg. *Rethinking Linguistics Diachronically.* Language, Bloomington, vol. 55, 1979, № II, 275–291.
- Williams 1993 — J. R. Williams. *Paradigm Lost: the Linguistic Theory of Mikolaj Kruszewski.* Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 1993.
- Wunderli 1976 — P. Wunderli. *Saussure als Schuler Sechehayes?* Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science, III (Studies in the History of Linguistics, vol. 9). Amsterdam: John Benjamins, 1976, 419–474.

Екатерина Валерьевна Вельмезова
Москва

ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВ В РАБОТАХ И. А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ

История славянского языкознания – И. А. Бодуэн де Куртенэ и Дерптский университет – понятия языковой истории, развития и эволюции

После избрания Советом Дерптского (ныне Тартуского) университета в 1882 г. И. А. Бодуэна де Куртенэ ординарным профессором сравнительной грамматики славянских наречий, ученый переехал из Казани в Дерпт, где проработал с 1883 по 1893 гг. Этот период — время зрелого творчества ученого, время создания новых концепций — был одним из наиболее плодотворных в его жизни. Как писал один из исследователей научного наследия Бодуэна де Куртенэ, С. В. Смирнов, «в Дерпте его научный талант проявился наиболее ярко» (Смирнов 2001, 211; еще ранее об этом писал А. А. Леонтьев 1960, 12). Именно в этот период ученым было написано и большинство работ, посвященных теме языковых изменений,¹ — истории, развитию и эволюции языка и языков. Правда, синонимы на первый взгляд, слова эти, при внимательном прочтении работ Бодуэна де Куртенэ, оказываются несущими разные смыслы. Раскрытие их и всей важности соответствующих коннотаций для понимания «общелингвистических»² взглядов Бодуэна де Куртенэ и составит цель нашего исследования. Обратившись к особенностям эволюционистской концепции ученого, мы попытаемся показать, что именно обуславливало ее своеобразие, по сравнению с работами его современников, интересовавшихся той же тематикой³.

Ратовавший за необходимость восстановления в правах синхронного языкознания на фоне общего увлечения историзмом, Бодуэн де Куртенэ всегда уделял большое внимание и вопросу о — позаимствуем по возможности как можно более нейтральное слово у самого исследователя — «изменениях»⁴ в конкретных языках и в человеческом языке в целом. В численном отношении специальных работ ученого по этой тематике и не так много, однако во многих его трудах приводятся замечания об истории отдельных языков и развитии человеческого

языка: даже исследования в области синхронии и общего языкознания, кажется, нередко интересовали Бодуэна де Куртенэ именно в связи с вопросами диахронии — вопросами истории и развития языка и языков.

«Без изменений может быть только застой, абсолютный покой. Там, где нет изменений, где господствует абсолютный покой, там не может быть речи о сравнении, о сопоставлении, о поисках причин, там науке нечего делать» (Бодуэн де Куртенэ 1963е, I, 244: далее без указания автора!), —

писал лингвист в 1890 г., подчеркивая, что любая наука должна так или иначе исследовать изменения, происходящие с ее объектом во времени. А через одиннадцать лет, в 1901 г., намечая основные направления лингвистики XX в., Бодуэн де Куртенэ пишет:

«Понятие развития и эволюции языка должно стать основой лингвистического мышления» (1963о, II, 17).

Что имел в виду исследователь, говоря именно о *развитии* и *эволюции* языка, а не об *истории*?

Сам Бодуэн де Куртенэ далеко не всегда был последователен и однозначен в интерпретации трех этих «терминов»⁵. Даже в работах, написанных приблизительно в одно время, они могли отсылать к совершенно разным концептам. Изложим далее основные встречающиеся в работах Бодуэна де Куртенэ значения каждого из них.

Начнем с противопоставления *истории* и *развития*⁶.

1. В работе 1892 г. «Очерк истории польского языка» *развитие* конкретного языка (в данном случае — польского) противопоставляется его *истории* как некоторая реально существующая, эмпирическая данность — теоретическому понятию, метаязыковому концепту:

«Руководствуясь стремлением к наиболее точному разграничению понятий, следовало бы отличать объективное развитие, объективно осуществляющуюся во времени последовательность различных языковых состояний, или развитие польского языка, от более или менее научного описания и объяснения этого развития, или от истории» (1963и, II, 294–295).

Точно так же изначально и независимо от исследователя существующему *развитию* отдельных составляющих «уровней» языка (выделяемых, разумеется, уже лингвистами) — фонетики/фонологии, морфологии, синтаксиса и т. д. — противопоставляются соответствующие теоретические описания, их *истории*.

Основной парадокс состоит здесь в том, что исследователь говорит об «объективном развитии» того, что, по его мнению, является не более чем фикцией — коллективного, «племенного»

(польского, русского и т. д.) языка. Как полагал Бодуэн де Куртенэ, только язык индивидуума существует реально, тогда как «так называемые племенные или национальные языки <...>, как бы оторванные от реальной базы, представляются нам результатом усреднения» (1963д, II, 190).

В 1897 г. Бодуэн де Куртенэ писал в автобиографии:

«Сущность человеческого языка исключительно психическая. Существование и развитие языка обусловлено чисто психическими законами. Нет и не может быть в речи человеческой или в языке ни одного явления, которое не было бы вместе с тем психическим» (1963в, I, 348).

Психология же эпохи Бодуэна де Куртенэ занималась в основном отдельным индивидуумом — что не могло не повлиять как на концепцию ученого, так и на другие концепции — как менее, так и более традиционные, задающие тон большинству исследований эпохи, — от младограмматиков до итальянских неолингвистов, с которыми Бодуэн де Куртенэ сходил в признании реально существующим только языка индивидуума.

Началом, исходной точкой изменений в языке в концепции Бодуэна де Куртенэ также полагается человек — эволюция обуславливается прежде всего индивидуальными, а не социальными причинами. Правда, в отличие от очевидного индивидуального психологизма младограмматиков, взгляды Бодуэна де Куртенэ на эту проблему не столь однозначны:

«Объяснение языковых изменений может быть только психологическое и до некоторой степени физиологическое. А психическая и физиологическая жизнь свойственна только индивидууму, но не обществу <...>. А то, что у разделенных между собой индивидуумов они происходят подобным образом или даже одинаково, то это зависит, во-первых, от одинаковости уклада и условий существования, во-вторых, — при психических изменениях — от само собой разумеющегося взаимного общения обобществившихся индивидуумов» (1963е, I, 224).

Упоминающиеся «одинаковость уклада и условий существования» и «взаимное общение обобществившихся индивидуумов» предполагают и некоторый социальный контекст, обуславливающий изменения⁷. Вспомним в этой связи и известный тезис Н. Я. Марра о сугубо социальной обусловленности языковых особенностей: причина языковых изменений —

«глубоко идущие революционные сдвиги, которые вытекали из качественно новых источников материальной жизни, качественно новой жизни и качественно нового социального строя. В результате получалось новое мышление, а с ним и новая идеология в построении речи и, естественно, новая ее техника. Отсюда различные системы языков» (Марр 1933–1937а, IV, 61).

Бодуэну де Куртенэ, конечно, до такой аргументации более чем далеко — как далеко ему и до третьей возможности объяснения языковых изменений (наряду с индивидуальными и социальными причинами), апеллирующей к внутренней логике развития, присущей языку, — о чем, в частности, писали А. Шлейхер (Schleicher 1873) и ... Н. В. Крушевский, что трудно было бы предположить, учитывая огромное влияние Бодуэна де Куртенэ на последнего: «Развитие языка объясняется природой его элементов» (Крушевский 1883, 13).

Говоря о причинах языковых изменений, — как и в случае определения начальной точки изменений языка — Бодуэн де Куртенэ во многом следовал за Г. Паулем, однако исследовал эту проблему гораздо более подробно. В отличие от младограмматиков, объяснявших языковые изменения не знающими исключений фонетическими законами и аналогией, Бодуэн де Куртенэ выступал против механического понимания звуковых законов, рассматривая их как результат скрещенного действия множества различных, часто противоречивых факторов и призывая изучать каждое звуковое изменение в данном языке и в данное время. Уже в работе 1871 г. «Некоторые общие замечания о языковедении и языке» ученым выделено пять факторов, вызывающих развитие языка: привычка, стремление к удобству, бессознательное забвение, бессознательное обобщение и бессознательное стремление к дифференциации (Бодуэн де Куртенэ 1963г, I, 58). В более поздних работах основным из этих факторов называется стремление к удобству и экономии усилий, которому, однако, противостоит консерватизм носителей языков⁸:

«Языковая жизнь является непрерывной органической работой <...>.

А в органической работе можно заметить стремление к экономии сил и к нерастрачиванию их без нужды, стремление к целесообразности усилий и движений, стремление к пользе и выгоде» (1963е, I, 226).

Очевидно, эти вступающие в действие противоречивые факторы обуславливают и то, что единственное направление развития языка не всегда может быть однозначно определено; что же касается развития и взаимодействия разных языков, то на первое место выдвигается положение о сложных и многообразных явлениях, которые нельзя сводить только к дивергенции. В «духе времени» (ср. понятие *скрещения языков* Г. Шухардта, доведенное до крайности Н. Я. Марром), Бодуэн де Куртенэ пишет о *смешанном характере и скрещении языков*:

«Все существующие и когда-либо существовавшие языки произошли путем смешения» (1963в, I, 348).

При этом, однако, языковос развитие не имеет никакой цели:

«Все языковые изменения, которые можно определить как постепенное изменение языка, происходят не планомерно, не как результат стремления к заранее поставленной цели <...>» (1963м, I, 263).

2. Второе противопоставление *истории* и *развития*, пожалуй, было единственным, более или менее четко сформулированным самим Бодуэном де Куртенэ. *Развитие* противопоставляется *истории* как изменения непрерывные — изменениям, прерывающимся во времени, дискретным:

«<...> развитие — это непрерывная и непрестанная протяженность однородных, но разных явлений, связанных между собою непосредственной причинностью, или же, в следующей степени научного совершенства, развитие — это непрерывная продолжаемость существенных изменений, а не явлений.» (1963е, I, 251).

Отсюда следует, заключает ученый, что *развитие* может быть свойственно только языку индивидуума, а не «племенному» языку — как свойственно оно, к примеру, живому организму:

«Чтобы развитие можно было действительно считать развитием, оно должно непрерывно продолжаться. Таково развитие клеток в организме, развитие отдельных частей организма растений и животных, развитие семени в растение и т. д. <...> Что касается языка, то о развитии языковых особенностей можно говорить только у индивидуума. В отношении племенного языка об этом речи быть не может. <...> Он может иметь только историю» (1963з, I, 207–208).

Дискретный характер изменений во времени, свойственный «племенным» языкам, предполагает возможность изучения каждой такой «точки» — состояния языка на оси времени — как особой системы. Именно поэтому изменения языков и понимались Бодуэном де Куртенэ как системные — в противоположность, напр., подходу Ф. де Соссюра, отрицавшего системный характер диахронии¹⁰. Ср. известное высказывание ученого о возникновении ротацизма в немецком:

«Немецкое S потому могло развиваться в R, что вся немецкая звуковая система была тогда совершенно отличной от славянской системы, в которой S такому изменению не подверглось» (1963д, I, 195).

В каждый момент *истории*, согласно концепции Бодуэна де Куртенэ, мы имеем в языке наслоение «пластов», возникших в разные периоды времени:

«Результатом языковых изменений являются разные наслоения, разные, так сказать, пласты в составе и строении каждого языка, слои, аналогичные геологическим пластам в строении земной коры» (1963е, I, 248)¹¹.

Эта цитата вызывает в памяти другой образ — «спутанный клубок элементов», принадлежащих к разным этапам развития

языка, — образ, созданный упоминаящимся выше Н. Я. Марром¹².

3. Третье противопоставление *истории* и *развития* в работах Бодуэна де Куртенэ кажется нам наиболее спорным и неоднозначным — но, в то же время, и наиболее интересным, особенно в свете предыдущего. Неоднозначность и спорный характер его заключаются в том, что оно проводилось не во всех работах и не было столь же отчетливо сформулировано самим ученым, как предыдущее.

В ряде случаев под *историей* в концепции Бодуэна де Куртенэ понимаются изменения в некотором конкретном «племенном» языке, происходящие во времени. См., напр., следующее его высказывание:

«Применяя к отдельным частям грамматики любого языка понятие хронологической последовательности, сравнивая разновременные состояния одного материала, получаем историю языка» (1963н, II, 101).

В то же время изменения, происходящие в человеческом языке вообще, называются скорее *развитием* — так, к примеру, можно говорить о «законах развития человеческого языка» (1963г, I, 60).

Именно в этом последнем значении «термина» *развитие* (изменения во времени, происходящие с общечеловеческим языком) Бодуэн де Куртенэ говорит и об *эволюции*, «постепенном развитии» языка (1963о, II, 7).

Из данного противопоставления (с одной стороны, конкретных — и в то же время являющихся не более чем фикцией — «племенных» языков, имеющих *историю*, и, с другой, — существующих реально языков индивидуумов и общечеловеческого языка, *развивающихся* во времени) следует важный вывод: если и индивидуальным языкам, и общечеловеческому языку свойственно — как и живым существам! — развиваться, то и грань, отделяющая их изучение (в отличие от рассмотрения коллективных языков) от изучения живых организмов, становится гораздо менее однозначной, чем это можно было бы предположить, исходя из «общелингвистических» взглядов Бодуэна де Куртенэ и основных его теорий¹³. Не возвращаемся ли мы в какой-то — конечно, минимальной — степени в этой части концепции Бодуэна де Куртенэ к биологической метафоре, против засилия которой в языкознании так восставал исследователь:

«Причислять язык к «организмам», языковедение же к естественным наукам есть пустая фраза, без фактической подкладки» (1963в, I, 348)¹⁴?

Не считая возможным — в отличие от того же Н. Я. Марра — рассматривать вопрос о происхождении «общечеловеческого» языка (даже к идее реконструкции конкретных праязыков он от-

носился достаточно скептически, считая ее проявлением «археологического характера» языкознания XIX в.), Бодуэн де Куртенэ все же пытался анализировать эволюцию человеческого языка начиная с гипотетических переходных этапов развития от животного к человеку. Так, к примеру, им выделяются три основных различия в механизме образования звуков животными и произнесения их человеком. Это — в последнем случае — большее разнообразие работы полости рта; если животные

«и произносят ртом, то в произношении участвует вся полость рта без различения ее отдельных частей, без частной локализации. В человеческом же произношении замечается большее разнообразие работ полости рта, и локализация в полости рта составляет главный его признак» (1963ж, II, 120); «главные органы звукообразования у животных приходится искать внизу и сзади, то есть в первую очередь в гортани <...>. В человеческой же речи мы видим <...> многообразие видов работ, которые могут выполняться отдельными подвижными органами полости рта, как, например, небной занавеской, губами, а прежде всего — языком, этим главным органом речи. Локализация речевых работ в отдельных органах и в отдельных точках полости рта есть главная особенность человеческой речи» (1963м, I, 258).

Дальнейшее развитие этих тенденций, по Бодуэну де Куртенэ, наряду со стремлением к экономии усилий и в сфере аудиции имеет место и в эволюции человеческого языка. Отсюда такие явления, как ассимиляция и диссимиляция, метатеза, дизреза и т. д.

Другим языковым уровнем, интересовавшим исследователя, была семантика — в этом отношении он находился в оппозиции к основным тенденциям современной ему как описательной, так и исторической лингвистики: ср. высказывание Н. Я. Марра о том, что в старой науке «существовали законы фонетики — звуковых явлений, но не было законов семантики» (Марр 1933–1937б, III, 103). В отличие от далеко идущих марристских дедуктивных обобщений, выводы Бодуэна де Куртенэ гораздо более осторожны¹⁵. К примеру, он выделяет две противоположные тенденции семантического развития языков:

«Течение, проявляющееся в иносказаниях, в метафорах, в «народной этимологии», облегчает поэтическое творчество, облегчает оживление и конкретизацию речи. Наоборот, течение, проявляющееся во все большем обособлении и абстрагировании слов, облегчает трезвое, прозаическое мышление, облегчает строго научную работу человеческого разума. Таким образом, в зависимости от имеющейся в данном случае потребности, человеческий разум действует то в одном, то в другом направлении» (1963е, I, 245).

Все упомянутые выше «обычные» изменения носят бессознательный характер. В то же время, Бодуэн де Куртенэ (в отличие, к примеру, от Ф. де Соссюра) допускал и возможность «довольно

могущественного влияния человеческого сознания на язык» (Бодуэн де Куртенэ 1963г, I, 50). Отсюда, вероятно, и его большой интерес к влиянию и вмешательству такого рода: созданию литературных и искусственных, «тайных» языков и т. д. (ср.: Алпатов 1998, 126).

Как можно видеть, эволюционистская концепция Бодуэна де Куртенэ несет на себе отпечаток эпохи, в которую жил и работал исследователь: практически все поднимающиеся в ней проблемы обсуждались в работах так называемых «диссидентов индоевропеизма», а многое было общим и с концепциями их предшественников в лингвистике — школой младограмматиков и даже, как можно видеть, учением А. Шлейхера. В то же время многие идеи исследователя содержали в свернутом виде программу того, что далее было развито в лингвистических теориях XX в. В целом концепция развития человеческого языка Бодуэна де Куртенэ — как можно видеть, не всегда непротиворечивая сама по себе — вобрала в себя отдельные элементы до того казавшихся непримиримыми теорий, сняв многие основные противоречия между ними.

¹ Исследователями научного наследия Бодуэна де Куртенэ уже отмечалось, что среди его работ практически нет трудов, посвященных частным проблемам языкознания, в которых речь не шла бы обо всем комплексе смежных с ними явлений. И, напротив, одна и та же мысль может часто повторяться в трудах, посвященных самым разным проблемам (Смирнов 2001, 211; Кудрявцева 2000, 110). Основные работы Бодуэна де Куртенэ по интересующей нас тематике вошли в его двухтомник (Бодуэн де Куртенэ 1963, I–II).

² См. одну из наиболее цитируемых в России работ, посвященных Бодуэну де Куртенэ, — «Общелингвистические взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ» (Леонтьев 1959, 115–124, а также Леонтьев 1963).

³ В этой статье мы продолжим исследование данной проблемы, впервые представленное в работах (Вельмезова 2001, 24–25; Вельмезова 2002, 14–21).

⁴ Сошлемся на одну из основополагающих его работ на данную тему — «Об общих причинах языковых изменений» (1963е, I, 222–254).

⁵ О непосредственности Бодуэна де Куртенэ в этом отношении см. также: Рылов 2001, 32–34.

⁶ Нельзя исключать вероятности влияния на труды Бодуэна де Куртенэ работ по сравнительно-исторической проблематике его учителя — И. И. Срезневского, одним из первых в отечественном языкознании разграничившего историю и развитие языка.

⁷ Недаром Ф. М. Березин, цитирующий Л. В. Щербу, заметил, что «признание языка индивидом и утверждение о фиктивности существования языка коллектива <...> во многих случаях у Бодуэна только кажущееся» (Березин 1968, 106), тогда как «психологизм Бодуэна де Куртенэ не является философской основой его мировоззрения» (Щерба 1974, 385).

«Языковые изменения возникают не где-то в сферах подсознательного, в душе человека, как говорили младограмматики, а в лингвистическом процессе, т. е. во время передачи языковых представлений от одного человека к другому. Причем психический момент, присущий, по представлению Бодуэна де Куртенэ, только отдельному индивидууму, и происходящие в речи индивидуума языковые изменения объясняются психическими факторами. Но «психический мир не может развиваться без мира социального, а социальный мир зависит от коллективного существования психических единиц» <...> Анализируя языковые явления, Бодуэн де Куртенэ опирается не на психологический социологизм, а на социальную, коллективную психологию <...>» (Березин 1975, 153). Это признание Бодуэном де Куртенэ языка индивидуальным и социальным явлением одновременно получило дальнейшее развитие у ученика исследователя Е. Д. Поливанова, постулировавшего «строгое разграничение сферы непосредственного воздействия социальных факторов и собственно внутренних законов развития «языковой техники» (Журавлев 1991, 112), внешних и внутренних «сил». Это отразилось, в частности, в его фундаментальной формуле: «Экономический быт влияет на субстрат языка, а изменение субстрата отражается на эволюции языка» (Поливанов 1968, 222, прим. 21); при этом есть и «(не социального) порядка факторы звуковых и грамматических изменений» (там же, 85–86).

⁸ Ср. дальнейшее развитие этих идей у Е. Д. Поливанова (Поливанов 1968), Р. О. Якобсона (Jakobson 1976, 315–336.) и, в особенности, у А. Мартине (Martinet 1955).

⁹ Направление, безусловно существующее, — ср. также с утверждениями А. Мейе, Э. Сэпира и О. Есперсена о том, что языки в основном развиваются в одном общем направлении (Meillet 1926, 65; Sapir 1949, 155; Jespersen 1964, 364).

¹⁰ Распространение понятия системности на диахронию получило развитие в трудах Пражского лингвистического кружка, где диахрония представляла как совокупность языковых срезов: «Синхроническое описание не может целиком исключить понятие эволюции, так как даже в синхронически рассматриваемом секторе языка всегда налицо сознание того, что существующая стадия сменяется стадией, находящейся в процессе формирования» (ГЛК 1967, 18).

¹¹ Ср. также упоминание о «разновременно образованных, древних и новых» слоях языка в работе И. И. Срезневского «Мысли об истории русского языка» (1849) (Срезневский 1959).

¹² Следует отметить, что Бодуэн де Куртенэ — в отличие от столь многих своих современников, от А. Мейе до Н. С. Трубещкого — с большим уважением относился к деятельности Н. Я. Марра, доверяя его компетенции и признавая многие теоретические выводы — и знаменитую «яфетическую теорию» в целом, и, в частности, лежащий в ее основе тезис о родстве кавказских языков с семитическими (1963к, II, 349). В свою очередь, и Н. Я. Марр относил Бодуэна де Куртенэ к «предельно свободомыслящим лингвистам» (Марр, 1933–1937в, II, 387–388). Вообще же тема «И. А. Бодуэн де Куртенэ – Н. Я. Марр» — от изучения во

многом сходной проблематики их исследований до анализа общей терминологии в трудах двух ученых — еще ждет своих исследователей.

- ¹³ Ср., правда, следующую точку зрения, выделяющуюся из общего тона большинства исследований и комментариев к творчеству Бодуэна де Куртенэ: «И. А. Бодуэн де Куртенэ подходил к творчеству Бодуэна де Куртенэ: «И. А. Бодуэн де Куртенэ подходил к творчеству Бодуэна де Куртенэ с естественно-научных позиций, рассматривая язык как явление психофизиологическое прежде всего, что объяснялось интересом к естественным наукам, в особенности, к дарвинизму. <...> Показателен в этой связи и тот факт, что И. А. Бодуэн де Куртенэ решал проблему происхождения языка на основе эволюционной теории Ч. Дарвина» (Черепанов 1969, 11).
- ¹⁴ Интересно, что в изложении именно этой проблемы Бодуэн де Куртенэ использует такие выражения, как «живой язык» (1963а, II, 135), «рудименты» (1963д, I, 65), «наследственность языка» (1963д, II, 195) и т. д.
- ¹⁵ Впрочем, в отдельных случаях Бодуэн де Куртенэ все же был склонен к излишней генерализации того или иного явления. Так, говоря о фонетических изменениях на протяжении человеческой истории, он делает заключение о тенденции к перевесу переднеязычных согласных над заднеязычными в развитии человеческого языка в целом, оперируя фактами из истории только одной семьи языков — «ариевропейской» (так он называет индоевропейскую семью языков) (1963б, I, 145); вывод о неизбежной диссимиляции звуков [r] и [l] ([ʎ]) при первоначальном произношении в двух соседних слогах одного и того же слова двух одинаковых звуков постулируется на основании фактов, замеченных, как пишет Бодуэн де Куртенэ, «у всех известных нам народов» (1963е, I, 230), а именно — ...польского и русского! В той же статье ученый пишет: «Чтобы мысль моя не оставалась мертвой и непонятной, я приведу некоторое количество примеров, объясняющих природу языковых изменений <...>. Само собой разумеется, что примеры я буду черпать главным образом из всем нам понятного польского языка, изредка только прибегая к другим, наиболее известным языкам» (там же, 229). Как видим, в каких-то случаях анализа одного языка Бодуэну де Куртенэ может быть вполне достаточно, чтобы говорить об «общечеловеческом» языке в целом!

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов 1998 — В. М. Алпатов. *Н. В. Крушевский и И. А. Бодуэн де Куртенэ*. В. М. Алпатов. История лингвистических учений. Москва, 1998, 116–128.
- Березин 1968 — Ф. М. Березин. *Общие проблемы языка в работах И. А. Бодуэна де Куртенэ*. Ф. М. Березин. Очерки по истории языкознания в России (конец XIX – начало XX в.). Москва, 1968, 100–122.
- Березин 1984 — Ф. М. Березин. *Казанская лингвистическая школа*. Ф. М. Березин. История лингвистических учений. Москва, 1984, 133–157.
- Бодуэн де Куртенэ 1963 — И. А. Бодуэн де Куртенэ. *Избранные труды по общему языкознанию. Т. I–II*. Москва, 1963:
- Бодуэн де Куртенэ 1963а — *Значение языка как предмета изучения*, II, 129–138.

- Бодуэн де Куртенэ 1963б — *Из патологии и эмбриологии языка*, I, 142–145.
- Бодуэн де Куртенэ 1963в — *Некоторые из общих положений, к которым довели Бодуэна его наблюдения и исследования явлений языка*, I, 348–350.
- Бодуэн де Куртенэ 1963г — *Некоторые общие замечания о языковедении и языке*, I, 47–77.
- Бодуэн де Куртенэ 1963д — *Николай Крушевский, его жизнь и научные труды.*, I, 146–202.
- Бодуэн де Куртенэ 1963е — *Об общих причинах языковых изменений*, I, 222–254.
- Бодуэн де Куртенэ 1963ж — *Об одной из сторон постепенного человеческого языка в области произношения, в связи с антропологией*, II, 118–128.
- Бодуэн де Куртенэ 1963з — *О задачах языкознания*, I, 203–221.
- Бодуэн де Куртенэ 1963и — *Очерк истории польского языка*, II, 294–310.
- Бодуэн де Куртенэ 1963к — *Проблемы языкового родства*, II, 342–352.
- Бодуэн де Куртенэ 1963л — «*Фонетические законы*», II, 189–208.
- Бодуэн де Куртенэ 1963м — *Человечение языка*, I, 258–264.
- Бодуэн де Куртенэ 1963н — *Языкознание.*, II, 96–117.
- Бодуэн де Куртенэ 1963о — *Языкознание, или лингвистика XIX века*, II, 3–18.
- Вельмезова 2001 — Е. В. Вельмезова. *И. А. Бодуэн де Куртенэ об эволюции языка и языков*. Бодуэновские чтения «Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика». Международная научная конференция. Труды и материалы. Т. I. Казань, 2001, 24–25.
- Вельмезова 2002 — Е. В. Вельмезова. *И. А. Бодуэн де Куртенэ об истории, развитии и эволюции языка и языков*. УЗ Казанского гос. ун-та, Казань, 2002, т. 143, 14–21.
- Журавлев 1991 — В. К. Журавлев. *Теория языковой эволюции Е. Д. Поливанова*. Вопросы языкознания, Москва, 1991, № 4, 112–123.
- Крушевский 1883 — Н. В. Крушевский. *Очерк науки о языке*. Казань, 1883.
- Кудрявцева 2000 — Е. А. Кудрявцева. *И. А. Бодуэн де Куртенэ об истории языка*. И. А. Бодуэн де Куртенэ: ученый, учитель, личность. Красноярск, 2000, 110–113.
- Леонтьев 1959 — А. А. Леонтьев. *Общелингвистические взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ*. Вопросы языкознания, Москва, 1959, № 6, 115–124.
- Леонтьев 1960 — А. А. Леонтьев. *Творческий путь и основные черты лингвистической концепции Бодуэна де Куртенэ*. И. А. Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти). Москва: АН СССР, 1960, 5–27.
- Леонтьев 1963 — А. А. Леонтьев. *Общелингвистические взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ*. Автореферат канд. дисс. Москва, 1963.
- Марр 1933–1937а — Н. Я. Марр. *Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык*. Н. Я. Марр. Избранные труды. I–V. Москва – Ленинград, 1933–1937; т. IV, 1937, 53–84.
- Марр 1933–1937б — Н. Я. Марр. *Язык и мышление*. Н. Я. Марр. Избранные труды. I–V. Москва – Ленинград, 1933–1937; т. III, 1934, 90–122.

- Март 1933–1937в — Н. Я. Март. *Письмо и язык*. Н. Я. Март. Избранные труды. I–V. Москва – Ленинград, 1933–1937; т. II, 1936, 379–392.
- ПЛК 1967 — *Пражский лингвистический кружок*. Москва, 1967.
- Поливанов 1968 — Е. Д. Поливанов. *Статьи по общему языкознанию*. Москва, 1968.
- Рылов 2001 — С. А. Рылов. *Идея 'языкового развития' в трудах представителей Казанской лингвистической школы и проблема развития грамматической структуры предложения*. Бодуэновские чтения «Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика». Международная научная конференция. Труды и материалы. Т. I. Казань, 2001, 32–34.
- Смирнов 2001 — С. В. Смирнов. *Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845–1929)*. С. В. Смирнов. Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX вв. Москва, 2001, 201–224.
- Срезневский 1959 — И. И. Срезневский. *Мысли об истории русского языка*. Москва, 1959.
- Черепанов 1969 — М. В. Черепанов. *Отражение принципов Казанской лингвистической школы в исследованиях Н. В. Крушевского*. Саратов, 1969.
- Щерба 1974 — Л. В. Щерба. *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград, 1974.
- Jakobson 1976 — R. Jakobson. *Principes de phonologie historique*. N. S. Troubetzkoy. *Principes de phonologie*. Paris, 1976, 315–336.
- Jespersen 1964 — O. Jespersen. *Language. Its nature, development and origin*. New York, 1964.
- Martinet 1955 — A. Martinet. *Economies de changements phonétiques. Traité des phonologie diachronique*. Bern, 1955.
- Meillet 1926 — A. Meillet. *Convergence des développements linguistiques*. A. Meillet. *Linguistique historique et linguistique générale*. Paris, 1926, 61–75.
- Sapir 1949 — E. Sapir. *Language. An introduction to the study of speech*. New York, 1949.
- Schleicher 1873 — A. Schleicher. *Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissenschaft*. 2. Aufl. Weimar, 1873.

Борис Михайлович Гаспаров
New York

ИДЕЯ ФОНЕМЫ В ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ: БОДУЭН И ИЛЬМИНСКИЙ*

История лингвистической мысли – Бодуэн де Куртенэ и Казань – Ильминский и система обучения «инородцев» русскому языку – теория фонемы

Хорошо известно, что идея фонемы была сформулирована в годы пребывания И. А. Бодуэна де Куртенэ в Казани (1875–1883). В работах, посвященных Бодуэну и его идеям, Казань обычно фигурирует лишь в качестве внешнего — хотя, конечно, вполне благоприятного — «обстоятельства места». Однако если взглянуть на более широкий контекст, в котором протекала работа Бодуэна в Казани, становится заметнее та роль, которую казанская среда сыграла в становлении идеи фонемы. Более того, я убежден, что и сама идея, будучи помещена в данный контекст, обнаруживает в себе некоторые черты, без этого остающиеся незамеченными. То, что для последующих поколений лингвистов выглядело чисто теоретической концепцией, имеющей универсальное значение, при своем зарождении было тесно связано с духовным климатом, идеологическими всяниями, этническими проблемами, характеризовавшими Российскую империю в целом, и Казань и окружающие земли в частности, во второй половине XIX в.

По прибытии в Казань Бодуэн организовал лингвистический кружок, собиравшийся еженедельно у него на квартире. Наиболее важными для нас фигурами в этом собрании являлись Н. В. Крушевский, В. А. Богородицкий и В. В. Радлов. Философские интересы и познания Крушевского оказались очень полезными для выработки понятийного аппарата новой лингвистической школы. Богородицкий проявлял особую склонность к детальному описанию акустических и артикуляторных свойств звуков живого языка — область интересов, которая привлекала также Бодуэна. Наконец, уникальные познания Радлова в области неиндоевропейских языков также отвечали интересам Бодуэна. Именно по инициативе последнего в Казань

ском университете было возобновлено преподавание татарского языка — впервые после перевода казанской ориентологии в Петербург в 1854 г. Для этой цели в университет был приглашен Радлов, под руководством которого Бодуэн занялся изучением тюркских языков. Ко всему этому надо добавить, что все члены кружка, за исключением самого Бодуэна, имели богатый опыт в качестве преподавателей, инспекторов, составителей учебников и пособий по русскому языку в школах для нерусских детей (татар, башкир, чувашей и др.). Сочетание теоретических интересов в области лингвистики, изошренных фонетических экспериментов и практических проблем преподавания неродного языка — все это на фоне многонационального и многоязычного окружения создавало уникальную социальную и интеллектуальную амальгаму, послужившую питательной средой для новой лингвистической теории.

На протяжении всей своей деятельности Бодуэн проявлял острый интерес к проблеме соотношения между звуками речи и их отражением на письме. Эта теоретическая проблема приобрела осязаемые черты в казанской ситуации. Идея о том, что в разных языках могут по-разному соотноситься фонетические и графические различия, выступала с особой наглядностью в условиях тесного сосуществования русского и татарского (а также других тюркских и финно-угорских) языков. Существует явное различие в отношении той роли, которую выполняют гласные и согласные в оформлении слова в русском и тюркских языках: в первом характер гласного определяется качеством предшествующего согласного, тогда как во вторых характер гласного определяется соотношением с другими гласными в слове (по принципу гармонии). Это различие создает разные психологические ожидания у говорящих, ведущие к неправильному восприятию того, что они слышат в чужом языке. Дети с родным татарским языком, изучающие в школе русский язык, пытаются определить характер безударных гласных в слове в соответствии с характером гласного под ударением, т. е. привести менее ясно слышимые звуки в «гармонию» с ударным гласным. Эти помехи в восприятии реально звучащей речи, вызываемые различием «психофонетической» настроенности, находят отражение в характерных ошибках, допускаемых татарскими учениками в школьных диктовках: слово *глухой* ученики передавали как *глохой* или *глухуй*, слово *ворота* — как *ворото* или *варата* (Богородицкий 1881). Богородицкий с энтузиазмом указывал на эту область как

«непочатый еще угол для исследователя: русская речь татар и других инородцев; русская речь в устах немца, перса, армянина и пр.; в устах поляка, чеха и т. д. Все это ждет исследований» (Богородицкий 1900).

Проблемы соотношения между произношением и его передачей на письме представляли интерес не только для описательной и теоретической фонетики; они приобретали первостепенную важность в работе русско-татарских школ, в которых обучались дети крещеных татар. Идея подобных школ, в которых преподавание опиралось бы на родной язык учеников как наилучшее средство приобщения «инородцев» к православию и русской культуре, была задумана и на протяжении десятилетий с огромной убежденностью проводилась в жизнь Н. И. Ильминским.

Николай Иванович Ильминский лучше известен историкам, изучающим национальную политику Российской империи, чем лингвистам. Знаток восточных языков (он был профессором ориентологии Казанского университета) и церковнославянской письменности, человек, пользовавшийся покровительством таких могущественных фигур имперского мира, как Д. А. Толстой и К. П. Победоносцев, он отказался от «высокой» академической и бюрократической карьеры, посвятив свою жизнь делу просвещения «инородцев», — просвещения в духе православия и русских духовных ценностей, но на основе их родного языка и культуры. Избранный в Российскую академию, Ильминский отклонил звание академика, потому что оно потребовало бы его переезда в Петербург, а значит, оставления дела, в котором он видел свою миссию.

Ильминский создал широко разветвленную сеть просветительных учреждений для крещеных «инородцев». Ее основанием служила сеть начальных школ, в которых дети приобщались на элементарном уровне к религиозному образованию и русскому языку, — и то и другое на основе их родного языка. Образцом для них служила казанская Школа для крещено-татарских детей, созданная в 1865 г., первоначально на личные средства двух профессоров-ориентологов — Ильминского и Е. А. Малова, но вскоре получившая поддержку со стороны частных лиц и правительства. Казанская школа сделалась центром, от которого по всей восточной части империи расходился все более широкий круг школ для крещеных детей самых различных народностей — от Волги до Камчатки, от казахских степей до земли «самоедов». После смерти Ильминского в 1891 г., его последователи и почитатели сравнивали его со Стефаном Пермским (Победоносцев 1892).

Теневые аспекты деятельности Ильминского хорошо известны (Гераси 1997, 325–348). При всей искренней озабоченности делом народного просвещения Ильминский видел в своей деятельности средство привести своих подопечных в лоно русской духовности — средство более действенное, чем грубое

русификаторство эпохи Александра III. В этой статье, однако, предметом нашего внимания будут не политические аспекты деятельности Ильминского, но ее филологическая сторона — те представления о природе языка, которые он стремился поставить на службу своим миссионерским целям.

Трудно представить себе что-либо более различное, чем убежденность Бодуэна в равенстве всех народов, защита им свободы личности от посягательств государства, официальной религии и патриархальных традиций, с одной стороны; и тяжело-консервативный, елейно-патронирующий дух межнациональной имперской «соборности» (разумеется, под духовным руководством русского народа), лежащий в основе воззрений Ильминского, с другой. И, однако, в их воззрениях на природу языка и методы его изучения и преподавания обнаруживается удивительно много общих черт. Оба были убежденными сторонниками образования на родном языке. По словам Ильминского,

«богослужение и поучение на языке родном производят на инородческих прихожан действие пробуждающее и оживляющее. Родные звуки, даже сами по себе, бьют прямо в созвучные стороны сердца» (Ильминский 1895, 30).

При всем различии в стиле выражения Бодуэн подобно Ильминскому, остро чувствовал различие между «живым» знанием языка и схоластической приверженности к «букве» механического заучивания языковых форм, хотя идеологически он интерпретировал этот феномен совершенно иначе — как препятствие на пути к свободе мысли и правам личности и народов:

«Кто имел несчастье пройти курс заурядной школьной грамматики <...> со смешением письма и языка, букв и звуков <...> физиологии с психологией, тот только с трудом отучится, а может быть и никогда не отучится, смешивать человека с паспортом, <...> национальность с государственностью, <...> различие пола с различием прав интеллектуальных, политических и экономических <...> (Бодуэн де Куртенэ 1906, II, 133).

Мне кажется, что это сходство не является ни случайным, ни парадоксальным. И Бодуэн, и Ильминский, каждый со своей точки зрения, глубоко чувствовали двойственную природу языка: тот духовный, психологический мир, который стоит за его «звуками» и незримо в них соприсутствует. В этом отношении и просветительская деятельность Ильминского, и теоретические поиски Бодуэна решительно расходились с позитивистским воззрением на язык как простую совокупность материальных форм, господствовавшим и в академической науке, и в деле преподавания языков, и в государственно-бюрократической русификаторской политике.

Я не располагаю свидетельствами о прямых контактах между Ильминским и Бодуэном в годы пребывания последнего в Казани. Мне кажется, однако, что связь между этими двумя казанскими деятелями имела под собой прочную основу, не зависевшую от личных отношений между ними. Такой основой являлась общность как многих людей, принадлежавших к кругу Ильминского и Бодуэна, так и тех лингвистических и методических задач, которые ставились и решались в обоих этих кругах. Мысли Ильминского о том, как и для чего, какими средствами и в какой степени следует обучать ребенка его родному и чужому языку, воплощались Радловым, Богородицким, Н. Ф. Катановым — участниками лингвистического кружка Бодуэна — в учебниках, хрестоматиях, переводах, фонетических транскрипциях, работа над которыми побуждала к постановке и решению множества конкретных задач в области фонетики и теории письма. Сферы деятельности Ильминского и Бодуэна составляли как бы непрерывный континуум, в котором задачи преподавания русского языка нерусским детям, проблемы правописания и транскрипции, описание фонетики различных языков в ее отношении к письму и, наконец, общая теория звукового строя языка выступали в органическом переплетении друг с другом.

Система Ильминского вызвала потребность в создании учебных материалов, в которых элементарные тексты по-русски сопровождалась бы переводами и двуязычными словариками. Это, в свою очередь, потребовало решения проблемы — какую систему письма использовать для материалов на родном языке учеников? Ильминский пришел к выводу, что арабское письмо оставалось малопонятным для его учеников. Вследствие этого он принял решение опираться при обучении на современный татарский разговорный язык; поскольку этот язык не получил формальной кодификации в татарской письменной традиции, открывалась возможность снабдить его такой формой письма, которая лучше, чем арабская письменность, отвечала бы свойствам его фонетики. Высказывания Ильминского по вопросу о живом языке и передаче его на письме поражают своим сходством с позицией Бодуэна:

«<...> непосредственное знакомство с крещеными татарами, киргизами и частью туркменами охладило мою прежнюю ревность к книжному татарскому языку и воспитало во мне решительное уважение к живой народной речи как единственному памятнику данного языка. Народный язык я стал считать особенно важным и необходимым в деле миссионерском и учебном. Арабско-татарский алфавит я разлюбил, особенно тогда, когда <...> увидел его несоответствие киргизской фонетике и вообще неспособность к выражению звуковых особенностей разных тюркских наречий» (Ильминский 1892, 5–6).

Ильминский пришел к убеждению, что кириллический алфавит лучше подходит к передаче звуков тюркских языков. Однако Ильминский и его сотрудники имели возможность убедиться, к каким катастрофическим последствиям ведет навязывавшаяся петербургской бюрократией система обучения, опиравшаяся на учебники, в которых материал национального языка коверкался почти до неузнаваемости в силу примитивной передачи его кириллическими буквами, рабски следующей правилам русской орфографии. Напр., казанские деятели неоднократно указывали на непригодность «Краткого учебника для татарских школ» В. Казаса (Симферополь, 1877).

Катанов отмечал, что принятая в этом учебнике транслитерация уничтожает эффект гармонии гласных в татарских словах (Катанов 1900). Принципиальное новшество в использовании кириллического алфавита, введенное Ильминским, состояло в сохранении гармонии гласных при передаче татарских слов русскими буквами. Прежняя, «русифицированная» транскрипция использовала буквы *я, ю, ё*, которые в русском алфавите указывают палатализацию предшествующего согласного, а не особое «умлаутное» качество гласного. Ильминский предложил вместо этого употреблять буквы *ä, ü, ö*, отражающие альтернацию гласных по правилу гармонии, а не качество предыдущего согласного звука. Если перевести реформу транскрипции, осуществленную Ильминским, в термины теории письма Бодуэна, можно сказать, что это новшество нейтрализовало передачу различий между согласными и выявило различия между гласными, отразив тем самым разницу функций, принадлежащих этим группам звуков в русском и тюркских языках. Теперь нам нетрудно проследить те конкретные звенья, которые соединяли в единый континуум зарождавшуюся на рубеже 1880-х гг. в Казани теорию фонемы с деятельностью Школы для крещено-татарских детей.

Ключевым понятием, соединившим практические наблюдения над звучащей речью с целью адекватной ее передачи на письме с теоретическим вопросом о природе звуковых единиц языка, явилось понятие фонетического чередования, или альтернации. Определение этого феномена, выделение различных типов альтернаций и описание их характера в разных языках — преимущественно славянских и тюркских — занимает огромное место в работах самого Бодуэна и его учеников (Kruszewski 1881; Radlow 1882; Baudouin de Courtenay 1895). Понятие альтернации позволяет выявить два принципиально различных типа звуковых чередований, происходящих в речи: в одном случае, изменение звука осознается говорящим, в другом — появляется в его речи автоматически, как следствие воздейст-

вия соседних звуков. В различных языках материально сходные изменения звуков могут получить разный альтернативный статус в зависимости от того, как эти изменения переживаются в сознании говорящего. Так, имеется взаимная зависимость между палатализацией согласного и «умлаутным» характером следующего за ним гласного: мягкий согласный вызывает передвижку гласного вперед и, напротив, умлаутный гласный оказывает палатализирующее воздействие на предшествующий согласный; причина этой связи чисто физическая, обусловленная координацией работы органов речи в пределах одного слога. Однако в славянских и тюркских языках этот физический процесс получает различное осмысление в сознании говорящих. В слогах типа *ма-мя*, *мо-мё* говорящий по-русски осознает изменение согласного, тогда как изменение гласного происходит автоматически; в аналогичных случаях говорящий по-татарски сознает изменение гласного, не замечая того действия, которое оно произвело на предшествующий согласный.

В практической сфере преподавания языка это различие проявлялось в тех ошибках, которые ученики делали в произношении и написании слов чужого языка, — в силу того что их восприятие определялось системой представлений, выработанных в родном языке; это, в свою очередь, делало необходимым выработать такую транскрипцию и систему письма, которая была бы адекватной звуковому строю каждого языка. Мы уже видели, какие усилия предпринимали в этом направлении Ильминский, Богородицкий, Радлов и др. В теоретической сфере — это различие позволило поставить вопрос о соотношении физического и психического аспекта в звуках языка, т. е. о двойственной — материальной и идеальной — природе языковых явлений. Кульминацией усилий в этом направлении явилось определение понятия фонемы.

Бодуэн пронизательно сознавал бесплодность мышления и деятельности, принимающей во внимание внешние формы вне отнесенности их к духовным сущностям, что было типично для идеологии позитивизма вообще и для современной ему лингвистики в частности. В этом отношении его мысль органически вписывалась в круг идей и дел, составлявших содержание интеллектуальной жизни в Казани и несших на себе несомненный отпечаток той среды, в которой и для которой эта деятельность совершалась. Смещение и столкновение языков, этносов, культур, религий способствовало осознанию «преходящего» характера всех внешних форм, развивало способность отличать, говоря словами Бодуэна, звук от буквы, человека от паспорта, физический феномен «говорения» от его истоков в сознании. В условиях этой среды высвечивалось то общее, что было в ин-

теллектуальной позиции таких на поверхности различных фигур, как Бодуэн и Ильминский, — признание неразрывной взаимной связи между внутренними духовными сущностями и их внешним проявлением.

В основе такой позиции у Ильминского лежит православная духовная традиция — в том новом философском и идеологическом воплощении, которое эта традиция получила в русской мысли XIX столетия, от Киреевского и К. С. Аксакова до Достоевского и Владимира Соловьева, ее центральной темой стало преодоление характерного для «Запада» обособления идеального и материального, мысли и действия, субъективного и объективного, индивидуального и коллективного.

Позиция Бодуэна — это позиция раннего предвестника модернизма, идеи которого предвосхищают и подготавливают интеллектуальный прорыв начала XX в. Казань оказывается той средой, где эти два течения, столь несходные по своему происхождению и идеологической модальности, сливаются в единую амальгаму конкретных идей, устремлений, человеческих контактов. Именно здесь, в «глухой» провинции, в «глухие» 1880-е гг. (как все это стало выглядеть впоследствии, ретроспективно, с точки зрения сначала авангарда, а затем советской идеологии), складывается та уникальная духовная инфраструктура, которая ляжет в основу русского Серебряного века с его слиянием эстетического и интеллектуального модернизма с традициями русской религиозной философии и этики.

Таковы были духовные основания «психологизма» Бодуэна. Он впервые увидел язык в двойной перспективе: как собрание поддающихся эмпирическому наблюдению материальных форм и как их идеальный отпечаток в сознании говорящих. Дуализм в подходе к языку, т. е. расщепление предмета исследования на идеальный «язык» и эмпирическую «речь», является, как известно, одной из основополагающих аксиом структурной лингвистики, и Бодуэну принадлежит заслуга едва ли не самого раннего формулирования этого принципа. Однако дуализм Бодуэна возникает из психологической экстраполяции наблюдаемого в речи материала, а не из логико-реляционной модели, как у его последователей в XX в.

Это различие, как мне представляется, имеет принципиальное историческое значение — если видеть в истории нечто большее, чем подготовку «единственно научного», восторжествовавшего впоследствии метода. Принципиально смешанный характер языка, личностная, психологическая природа языкового знания — все эти аспекты остались так же чужды структурной лингвистике, как и современной Бодуэну академической науке.

В заключение мне хочется упомянуть эпизод интеллектуальной жизни 1920–30-х гг., который можно рассматривать как своего рода послесловие рассказанной здесь истории. Он связан с возникновением «евразийской» философии истории, начальным импульсом к которому послужила книга «Европа и человечество» (София, 1920) Н. С. Трубецкого — будущего создателя структурной фонологии. Не вдаваясь в подробности этого эпизода в истории русской мысли и истории лингвистики, скажу лишь, что для Трубецкого фонология в качестве новой антипозитивистской науки о звуках языка была неразрывно связана с тем, что он считал характерной чертой «евразийской» ментальности: способностью подняться над внешними фактами, охватывая любой предмет в широком обобщении, обнаруживающем его скрытую сущность; в этом отношении теория фонемы в глазах Трубецкого противостояла традиционной эмпирической фонетике, как евразийский тип мышления — духу «западного» позитивизма (Gasparov 1987, 49–78). Связь идей Трубецкого с фонологией Казанской школы хорошо известна и признавалась им самим. Теперь, после того как мы рассмотрели «евразийский» субстрат казанской фонологии, можно утверждать, что ассоциация между евразийством и теорией фонемы была не просто фактом личного самосознания Трубецкого, но имела под собой историческую почву. В этой перспективе история становления концепции фонемы оказывается тесно сопряженной с «евразийской» социальной проблематикой, идеологией и историософией.

---

*Настоящая работа является версией статьи: Гаспаров 1997, 302–324.

ЛИТЕРАТУРА

- Богородицкий 1881 — В. А. Богородицкий. *Изучение малограмотных написаний*. Воронеж, 1881.
- Богородицкий 1900 — В. А. Богородицкий. *Неправильности русской речи у чуваш*. (Диалектологические заметки, II). Казань, 1900.
- Бодуэн де Куртенэ 1906 — И. А. Бодуэн де Куртенэ. *Значение языка как предмета изучения*. И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. Москва, 1963, 129–138.
- Гаспаров 1997 — Б. Гаспаров. *Евразийские корни фонологической теории: Бодуэн де Куртенэ в Казани*. Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. Москва, 1997, 302–324.
- Ильминский 1892 — Н. И. Ильминский. *О применении русского алфавита к инородческим языкам*. Н. И. Ильминский. Избранные места из педагогических сочинений. Казань, 1892.
- Ильминский 1895 — Н. И. Ильминский. *Письмо к Победоносцеву 11 апр. 1883*. Письма Н. И. Ильминского к Обер-прокурору Святейшего Си-

- нода Константину Петровичу Победоносцеву. Казань, 1895.
- Катанов 1900 — Н. Ф. Катанов. *Отчет о поездке 1898-го года в Уфимскую губернию*. Казань, 1900.
- Победоносцев 1892 — К. П. Победоносцев. *Н. И. Ильминский*. С.-Петербург, 1892.
- Baudouin de Courtenay 1895 — J. Baudouin de Courtenay. *Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen. Ein Kapitel aus der Psychophonetik*. Strassburg, 1895.
- Gasparov 1987 — В. Gasparov. *The Ideological Principles of Prague School-Phonology. Language, Poetry and Poetics. The Generation of the 1890s: Jakobson, Trubetzkoy, Majakovskij*. Berlin – New York – Amsterdam, 1987, 49–78.
- Geraci 1997 — R. P. Geraci. *The Il'minskii System and the Controversy Over Non-Russian Teachers and Priests*. Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. Москва, 1997, 325–348.
- Kruszewski 1881 — N. Kruszewski. *Ueber die Lautabwechslung*. Казань, 1881.
- Radlow 1882 — W. Radlow. *Die Lautalternation und ihre Bedeutung für die Sprachentwicklung, belegt durch Beispiele aus den Türksprachen. Abhandlungen des fünften internationalen Orientalisten-Congress gehalten in Berlin im September 1881*. Berlin, 1882.

Зинаида Александровна Пахолок
Луцьк

РОЛЬ И. А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ НАУЧНОГО ТАЛАНТА Н. В. КРУШЕВСКОГО

Начало научной карьеры Н. В. Крушевского – Варшавский университет – преподаватели М. М. Троицкий, И. В. Цветаев – первый научный руководитель М. А. Колосов – окончание университета – знакомство со вторым научным руководителем И. А. Бодуэном де Куртенэ – Троицк – советчик и консультант – Казанский университет – атмосфера творчества – учитель, коллега, приятель.

И. А. Бодуэн де Куртенэ [1(13).III.1845–3.XI.1929] оставил после себя много блистательных учеников, но среди них звездой первой величины в науке остается Н. В. Крушевский [6(18).XII.1851–31.X(12.XI).1887], на которого выдающимся теоретиком и практиком-новатором было оказано бесспорное влияние. История этих отношений может быть описана на основе трех источников, доступных нам: во-первых, эпистолярного наследия Н. В. Крушевского; во-вторых, до сих пор оказавшиеся неизвестными факты его биографии; в-третьих, статьи Бодуэна де Куртенэ «Николай Крушевский, его жизнь и научные труды» (Бодуэн де Куртенэ 1963, I, 146–202).

Начало научной карьеры Н. В. Крушевского следует относить к студенческим годам, когда в 1871 г. после окончания Холмской греко-католической гимназии (с серебряной медалью) он,

«сдав экзамены по латинскому, греческому, русскому языкам, общей и российской истории, поступил на историко-филологический факультет Варшавского университета» (Пахолок 2001, 81).

В этом учебном заведении происходило формирование его научных интересов под влиянием вузовских преподавателей, первым среди которых следует назвать М. М. Троицкого (1835–1822), представителя эмпирической философии. Троицкий вводил в научный обиход России идеи Ф. Бэкона, Дж. Локка, Д. Гартли, Д. Юма, Дж.-С. Милля, А. Бэна. Преподавательская деятельность Троицкого началась в то время, когда после тринадцатилетнего (1850–1863) изгнания философии из универ-

ситетского преподавания философское образование в России находилось на очень низком уровне. В российском обществе царил частично немецкий материализм, частично кантовский позитивизм, продолжали звучать отголоски немецкого идеализма. В такой обстановке появляется капитальный труд ученого — докторская диссертация «Немецкая психология в текущем столетии. Историческое и критическое исследование с предварительным очерком успехов психологии со времен Бэкона и Локка» (Троицкий 1867). В этой работе изложение английского эмпиризма составляет лучшую и самую ценную часть книги. Троицкий сравнивает английскую психологию с французской и немецкой с двух точек зрения — метода и психологического анализа. Психологическое исследование заключалось в поисках закономерностей между психологическими явлениями методом простого наблюдения. Анализ разума привел к разным теориям ассоциаций, которые в исследованиях Бэкона, Гартли, Юма и др. разрастаются в т. н. ассоциативную психологию.

Троицкий был не только талантливым ученым, но также и интересным лектором. Ректор Варшавского университета проф. Н. М. Благовещенский (1821–1892) так охарактеризовал преподавательскую деятельность ординарного профессора кафедры философии:

«Лекции проф. Троицкого отличались живостью, ясностью и строгою последовательностью изложения, и потому постоянно находили внимательную аудиторию» (Благовещенский 1875, 2).

Один из студентов, на курс ниже Николая Крушевского, оставил воспоминания о преподавателе древней философии, психологии и логики Варшавского университета:

«Это была обаятельная личность. Он был во всех отношениях идеальный профессор. Глубокие знания, острый ум, ясность понимания соединялись у него с удивительною образностью изложения и замечательным даром увлекать слушателей. Когда Троицкий читал свои лекции, то было истинным наслаждением не только слушать, но и смотреть на него, вы почти видели, как у него возникали в голове мысли, которые он старался в изящной и понятной форме сейчас же изложить своим слушателям. Про него можно сказать, что он разжевывал науку и вкладывал ее в головы студентов. К этому следует прибавить чарующую улыбку, которая при удачном выводе или обобщении появлялась на лице профессора, и некоторые его жесты, вполне гармонизировавшие с его речью. Сравнения его бывали очень поэтичны, речь пластическая и во всяком слове проглядывало глубокое знание» (Тур 1912, 409–410).

О влиянии Троицкого на Крушевского писал Бодуэн де Куртэ-нэ, надо полагать, основываясь на рассказах самого выпускника Варшавского университета, который в студенческие годы

«главным образом работал над философией, слушая прилежно лекции по философии, и самостоятельно изучал английских философов. Себя

самого он считал учеником профессора Троицкого, от которого получил очень много полезного и которому обязан точным методом исследования. Огромное значение имело изучение основных логических и психологических трудов английских философов, конспектирование этих трудов, переработка их и т. д. Это была превосходная школа мышления, побуждавшая к точной формулировке своих мыслей, а также к удачному обобщению деталей» (Бодуэн де Куртенэ 1963, I, 146–147).

Вторым педагогом, который оказал воздействие на формирование личности и научных интересов Крушевского, был преподаватель кафедры римской словесности И. В. Цветаев (1847–1913), отец русской поэтессы Марины Цветаевой, будущий основатель Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Знакомство состоялось на втором курсе, затем продолжилось в переписке (Пахолок 1999, 159–182) и в личных контактах, которые имели дружеский характер. Теплые отношения между ними не прервались даже тогда, когда в апреле 1874 г. Цветаев уехал в заграничную научную командировку и в Варшаву не вернулся.

Цветаев высоко ценил Крушевского, подтверждением чего может служить его письмо к профессору Киевского университета В. С. Иконникову (1841–1923), в котором, в частности, читаем:

«Говоря по-товарищески, я не обинуясь скажу Вам, добрейший Владимир Степанович, что за время моей студенческой и преподавательской жизни не видел человека столь энергичного и твердого в раз принятых намерениях. Он всегда возбуждал тем большее удивление, что работать ему приходилось при неблагоприятных условиях. Студентом он нередко и подолгу прихварывал, после, с женитьбой, он редкий месяц не призывал по несколько раз доктора как для жены, так и для детей. Кроме ученых достоинств, меня всегда привлекали и нравственные свойства этого Поляка... Чуждый неизбежной слащавости и какой-то приниженности, он всегда держался просто и резко отличался от других рациональным взглядом на вещи» (Пахолок 1999, 177).

Цветаев уехал на стажировку в Италию, а Крушевский стал,

«кроме философии, очень живо интересовался языкознанием, или лингвистикой, главным образом в применении к славянским языкам. Единственным ученым лингвистом в Варшавском университете был тогда профессор Колосов. Поэтому Крушевский старался пользоваться его лекциями, а также личным общением с ним» (Бодуэн де Куртенэ 1963, I, 147).

Предмет научных интересов известного слависта составляли старославянский язык, древнерусская литература и язык, русский народный язык и устное народное творчество, поэтическое искусство славян. Проблемы языкознания он рассматривал не

только в специальных лингвистических исследованиях, но и в литературоведческих работах.

Под руководством М. А. Колосова (1839–1881) Крушевский начал заниматься и освоил все тонкости лингвистического анализа, написав выпускное сочинение «Заговоры как вид русской народной поэзии». Позже он вспоминал:

«работая над кандидатской диссертацией, я познакомился с русской народной поэзией и вообще с народным эпосом и ним связанной лингвистикой. Психологией и лингвистикой я стал заниматься все более, думал со временем держать магистерский экзамен» (Пахолок 1999, 163).

Молодой ученый в своей работе определил понятие «заговор», а истоки обозначаемого им явления отнес к психологической природе человека, рассмотрев структуру и содержание любовных присушек.

Научный руководитель 9 июня 1875 г. писал в представлении в совет историко-филологического факультета:

«Прилагаю при этом на рассмотрение гг. членов факультета два сочинения, написанных в течении истекшего учебного года, на данные мною темы, студентами Маркевичем и Крушевским. То и другое из этих сочинений я признаю достойным высшей денежной премии, о выдаче которой авторам имею честь ходатайствовать перед факультетом... Сочинение Крушевского 'Заговоры' имеет своим предметом тот вид народно-поэтических произведений, который всего меньше подвергался научной разработке. Это обстоятельство и — с другой стороны — то, что при выполнении своей работы автор должен был стать на зыбку почву сравнительной мифологии, лишает многие из сделанных им выводов научной прочности, даст возможность во многом не согласиться с ним. Тем не менее <...> сочинение это заслуживает вполне внимания и одобрения факультета. Оно рекомендует автора как человека способного и мыслить, и трудиться. Возможная, по местным условиям, полнота источников и умение пользоваться ими; строгая логичность мышления; анализ данных, представляемых предметом исследования, и <...> способность к широкому обобщению их, — такие качества труда г. Крушевского, думаю, достаточно оправдывают мое ходатайство о выдаче ему равной с Маркевичем награды. Замечу в заключении, что оба рекомендуемых мною сочинения написаны правильным и чистым русским языком» (Колосов 1875, 107–107/об.).

Студенческая работа Крушевского была отмечена не только научным руководителем, но и другими преподавателями, представлена к денежной награде и печатанию, о чем 30 августа 1875 г. сообщал в торжественном докладе ректор Варшавского университета проф. Н. М. Благовещенский (Благовещенский 1875, 18). Первый научный труд Крушевского был напечатан в 1876 г. в университетском журнале (Крушевский 1876, 3–69). Следует отметить, что тема этого исследования, уровень вы-

полнения продолжают оставаться в центре внимания фольклористов, лингвистов, психологов, культурологов, поэтому возникла необходимость перевести его на украинский язык (Крушевський 2002).

Итак, анализируя научную деятельность Крушевского, необходимо еще раз подчеркнуть, что она началась в Варшавском университете под руководством преподавателей и известных деятелей науки — Троицкого, Цветаева, Колосова. Область интересов молодого ученого лежала в сфере философии, психологии, лингвистики и проявилась в написании выпускного сочинения «Заговоры как вид русской народной поэзии». Несмотря на то, что материалом изыскания послужили, главным образом, русские заговоры, работа Крушевского имела более широкий и глубокий объект — он исследовал не столько заговоры как фольклорный жанр, сколько первобытное миропонимание и психику, отраженную в них. Несомненно, основным достижением в начале творческого пути Крушевского следует признать написание кандидатской диссертации, которая была представлена к денежной награде, опубликована и стала раритетом.

С такими познаниями и свершениями Крушевский предстал перед Бодуэном де Куртенэ встреча с которым состоялась в 1875 г., когда первый научный руководитель

«посоветовал ему после окончания университета, для дальнейшего усовершенствования в этой науке, направиться в Харьков к профессору Потемне или же в Казань к нижеподписавшемуся (Бодуэну. — З. П.). Такой же совет дал Крушевскому тогдашний ректор Варшавского университета профессор Благовещенский. Но так как Крушевский не мог получить в Варшавском университете стипендии для подобной цели, а на платное место как в Харькове, так и в Казани рассчитывать было нельзя, то, следовательно, от этого плана дальнейшего обучения лингвистике под руководством одного из специалистов нужно было временно отказаться» (Бодуэн де Куртенэ 1963, I, 147).

Выпускник занял место учителя древних языков и классного наставника в классической гимназии Троицка Оренбургской губернии (ныне Троицк находится в Челябинской области России). По дороге к месту назначения Крушевский заехал в Казань с намерением получить профессорскую стипендию при университете, но безуспешно. Все же Казанскому университету он был обязан знакомством с Бодуэном де Куртенэ, который стал добрым советчиком и научным консультантом Крушевского. Знакомство продолжилось в переписке, длившейся три года. К сожалению, пока не удалось обнаружить ее следы.

В Троицке Крушевский был вынужден зарабатывать на будущие научные изыскания, но, кроме преподавания греческого и латинского языков, он занимался изучением трудов по сравнительно-историческому языкознанию, а также переводом на русский язык гимнов «Риг-Веды». Сохранившиеся рукописи Крушевского свидетельствуют о том, что в этот период, помимо изучения древнеперсидского, древнебактрийского и литовского языков, он совершенствовался в древнегреческом. Основным пособием в работе служили «Компендиум» и «Хрестоматия» А. Шлейхера (Черепанов 1968, 102), а помощницей оказалась жена, Ю. А. Ханкевич (1846–1928), которая хорошо знала греческий язык.

Только в 1878 г. он вместе с семьей переезжает в Казань и становится профессорским внештатным стипендиатом Казанского университета. В этот период Крушевский слушает лекции по сравнительной грамматике и принимает участие в практических занятиях по славянской диалектологии у Бодуэна де Куртенэ, переводит санскритские и литовские тексты, готовит рефераты по важнейшим лингвистическим трудам и занимается сбором и обработкой материала для магистерской диссертации. Сохранившиеся рукописи Крушевского (Фонд Богородицкого 898) позволяют заключить, что им были подготовлены рефераты работ Л. Мазинга, В. Ягича, К. Бругмана, Г. Мейера, К. Апеля, Г. Штейнталя, В. Шерера, Г. Пауля.

По инициативе Крушевского молодые ученые В. А. Богородицкий, С. К. Булич, А. И. Александров, а также В. В. Радлов собираются субботними вечерами на квартире у Бодуэна де Куртенэ на заседание лингвистического кружка, которым руководит хозяин квартиры. Именно здесь заслушиваются сообщения о лингвистических трудах последнего времени — К. Бругмана, Г. Остгофа, Ф. де Соссюра и результаты собственной деятельности участников. Крушевский много внимания уделял литовскому языку. Так, в это время он переводит текст одной из сказок в сборнике А. Шлейхера с литовского на украинский говор деревни Солотвино (Черепанов 1968, 103). Пояснения к выступлениям — слова и формулы — писались на классной доске, стоявшей в комнате. На заседаниях царило воодушевление и горячий интерес к науке, на них родилось новое научное направление — Казанская лингвистическая школа. Бодуэн де Куртенэ вспоминал:

«Крушевский, сначала очень мало подготовленный по части самого языкознания, благодаря, однако ж, с одной стороны, врожденным способностям и философской подготовке, с другой стороны, усиленным занятиям при моем участии, очень быстро одолел первые труд-

ности и мог считаться дельным специалистом» (Бодуэн де Куртенэ 1963, I, 49).

Несомненно, эта атмосфера творчества, которую задал Бодуэн де Куртенэ, способствовала тому, что Крушевский за год написал работу «Наблюдения над некоторыми фонетическими явлениями, связанными с акцентуацией» (Крушевский 1879б, 93–104) и получил кандидатскую степень; в 1881 г. за диссертацию «К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма» (Крушевский 1881, 109) — степень магистра; в 1883 г. за диссертацию «Очерк науки о языке» (Крушевский 1883, 148) — степень доктора. Но особое место в научном наследии Крушевского занимает перевод «Восьми гимнов Риг-Веды» (Крушевский 1879а, 105–114), первого известного памятника индийской литературы, состоящего из религиозных гимнов арийских племен в эпоху их переселения в Индию.

Своими казанскими впечатлениями Крушевский делился с Цветаевым в письме 17 февраля 1879 г.:

«Лучшего руководителя, чем Бодуэн, я не мог найти. Читает он о русском спряжении. Но гораздо больше у него можно научиться на разнообразных практических упражнениях. Голова его в придумывании различных упражнений просто неистощима. В особенности много пользы приносит фонетический перевод с одного родственного языка на другой. Кроме того, упражняемся вообще в славянской диалектологии, читаем рефераты о новейших книгах по сравнит[ельному] языкознанию, читаем Веды, Hitopades'у. Есть у него и свои недостатки: самолюбие, жестокость, раздражительность. Лекции его полны содержания совершенно нового с внутренней стороны, с внешней безобразны, потому что он совершенно лишен дара слова. Вследствие своей угловатости нравится он немногим, врагов у него пропасть. Кроме Беляева и Булича, всякий в факультете не прочь ему напакастить. <...> Вообще — Бодуэн здесь недолго пробудет. Его раздражительность превращается просто в болезнь» (Пахолок 1999, 165–166).

Об этом периоде Бодуэн вспоминал так:

«Я не скрывал перед ним ни одного из своих замыслов, которые приходили мне в голову во время моих раздумий о языке, но которые только частично я опубликовал и мотивировал в печати, в большинстве же случаев — то ли в результате определенного рода лени и апатии, то ли из-за отсутствия литературных дарований — или совсем не публиковал, оставляя их для частного употребления, или же публиковал в отрывочной, программной форме, этим самым обрекая свои мысли на игнорирование и забвение. Таким образом, чрезвычайно легким способом Крушевский получил не только материал для обдумывания, не только факты для сопоставления, но и детальные выводы, и обобщения, которые в такой форме он не мог найти в научной литературе и которые потом облегчили ему составление понятий данной науки, создание из них системы и получение новых, уже действительно самостоятельных выводов или хотя бы только новых, более удач-

ных формулировок, что раньше высказывали другие лингвисты» (Бодуэн де Куртенэ 1963, I, 149–150).

Влияние Бодуэна де Куртенэ на Крушевского сказалось не только в непосредственном общении во время работы как в стенах университета, так и вне его. Бодуэн де Куртенэ советовал, наставлял, подсказывал, делился своими научными взглядами. Именно по инициативе наставника Крушевский начинает переписываться с Яном Карловичем (1836–1903), известным польским этнографом, языковедом и музыкантом. Между Карловичем и Бодуэном де Куртенэ велась оживленная переписка, датируемая 1875–1887 гг. Своему ученику Бодуэн де Куртенэ рекомендовал обратиться к знатоку и собирателю фольклора за консультацией по вопросам этимологии.

Письма Крушевского к Карловичу относятся к 1879–1884 гг., наиболее интенсивному и плодотворному периоду преподавательской и научной деятельности лингвиста (Пахолок 2000, 221–232). Крушевский писал письма на польском языке, полагая, что он может быть не понят, если использует какой-либо другой язык. Эта переписка имеет все признаки делового характера, отражает официальные отношения людей, которые никогда лично не были знакомы.

«С большой радостью я узнал от г. Свентоховского, — сообщает Крушевский, — что Вы ему пообещали рецензию на мою книжку [«Очерк науки о языке»]. Это для меня неожиданная честь. Эта книжка, хотя она необработана и написана весьма спешно, стоила мне много работы и раздумий. Тем болезненнее был для меня упрек — сделанный, правда, не г. Бодуэном, однако здешними лингвистами младшего поколения — что я не отделил в книге того, что принадлежит мне, от того, что я позаимствовал из ‘Principien’ Пауля» (Пахолок 2000, 227).

В письме от 20.XII.XII.1883 г. Крушевский после отъезда Бодуэна де Куртенэ из Казани, назначенного профессором кафедры сравнительной грамматики славянских наречий Дерптского университета, пишет:

«От Бодуэна иногда получаю письма. Ему не очень хорошо живется в Дерпте, где его немцы воспринимают просто как русификатора. Писал недавно, что под влиянием пожарной паники он выполняет обязанности контролера ночных сторожей.

Мы здесь ждем университетский устав, который нас должен стереть с лица земли. Министр прислал к нам на кафедру латыни поляка [иначе: полячка] Нагевского, человека забаллотированного чуть ли не всеми российскими университетами. О Воеводском, который стал ему поперек дороги в Одессе, выражается Наг[евский] не иначе, как ‘прохвост’. Карьерой он обязан жене, которой наслаждались попечители. По приезду он тут же обнаружил чрезвычайную способность видеть, ‘где что плохо лежит’, и ворует на все стороны. А в польских

кружках играет роль мученика за польское дело. Хорошо, что нет Бодуэна, иначе он бы сейчас же затеял с ним скандал» (Пахолок 2000, 228).

В оценках Крушевского его второй научный руководитель предстает как личность деятельная, доброжелательная, но не лишенная недостатков, которые, однако, не помешали возникновению теплых отношений. Бодуэн де Куртенэ признавался, что к Крушевскому он «питал по-настоящему дружеские чувства» (Бодуэн де Куртенэ 1963, I, 201). Искренность в отношении со стороны Крушевского проявилась в том, что научный руководитель и коллега крестил его вторую дочь Станиславу, родившуюся 5 июня 1879 г. в Казани. Бодуэн де Куртенэ часто бывал в гостях у Крушевских и, наблюдая за тем, как растут и учатся говорить их дети, записывал слова и выражения, которые вошли в его работу по детской речи.

Не только наставник был авторитетом для своего ученика, но и обладавший гигантской работоспособностью Крушевский — для него. Несмотря на широкий научный диапазон, Бодуэн де Куртенэ ощущал влияние

«в разговорах со столь высоко талантливym учеником» и не побоялся признать, что сам многому научился у Крушевского, поскольку он «влият <...> возбуждающе» (Бодуэн де Куртенэ 1963, I, 149) и «всегда превосходно умел выделить важное, отбрасывая второстепенное, и это важное использовать для дальнейшего самостоятельного мышления» (Бодуэн де Куртенэ 1963, I, 150).

Можно предположить, что успехи Крушевского были весомее, если бы так рано не закончился его земной путь, обремененный тяжелым недугом и приведшим к преждевременной отставке. Время активной работы Крушевского как лингвиста восемь лет — 1878–1886 гг., поэтому он

«не проложил никакого нового направления в науке (при столь коротком времени для этого нужна была бы либо необычайно счастливая случайность, или же необычайно гениальная голова), не высказал новых истин, но сумел известным уже истинам придать ясную и логическую форму. Частично под влиянием научного руководства в Казани, а главным образом благодаря свойственной ему трезвости ума он остановился на более редких и не пользовавшихся тогда особой популярностью направлениях и научных стремлениях» (Бодуэн де Куртенэ 1963, I, 199).

Бодуэн де Куртенэ был вторым научным руководителем Крушевского, именно он ввел своего последователя в мир общего и сравнительного языкознания. История их отношений укладывается в две формы: это переписка 1875–1878 гг., 1883–1887 гг. и непосредственное общение 1878–1883 гг., которое состоялось между учителем и учеником, двумя коллегами и приятелями. Нельзя отрицать первостепенную роль Бодуэна де Куртенэ в становлении лингвистической эрудиции Крушевского, который

пришел к учителю с твердым убеждением заниматься языкознанием, имея школу известных деятелей науки. Но познания своего ученика Бодуэн де Куртенэ назвал «довольно узкими и неточными, хаотическими и недостаточно между собой связанными лингвистическими знаниями» (Бодуэн де Куртенэ 1963, I, 198), признавая за ним лишь философское образование, знание логики и психологии, которые он «основательно переработал и усвоил на пользу своей богато одаренной умственной организации» (Бодуэн де Куртенэ 1963, I, 199).

Отношение Бодуэна де Куртенэ к Крушевскому было двояким: с одной стороны, Бодуэн де Куртенэ признавал способности и таланты своего ученика, с другой стороны, очень резко высказывался в его адрес. Отзывы Бодуэна де Куртенэ всегда полярны, включают положительные и отрицательные высказывания, у него нет полутонов. Такая противоположность в суждениях объясняется особенностями личности, во-первых, качествами характера Бодуэна де Куртенэ — вспыльчивостью и порывистостью; во-вторых, вызвана не столько строгостью учителя, который вложил много труда в своего ученика, сколько ревностью, так как Бодуэн де Куртенэ видел, что Крушевский в некоторых вопросах его перерос.

Обвинение Бодуэна де Куртенэ в необъективности строится на том, что несмотря на преждевременную смерть Крушевского, труды и высказанные в них идеи яркого представителя Казанской лингвистической школы не стали достоянием истории науки, хотя и активно использовались учеными XX в. Именно поэтому возникла необходимость в переводе его трудов на другие языки (Kruszewski 1967; Kruszewski 1995) и переиздании оригиналов (Крушевский 1998), так как издания XIX в. были малодоступными для широкого круга исследователей. Тем не менее, в прошлом столетии проявилась тенденция говорить об ученом в связи с его учителем, и Крушевский всегда оставался на втором плане, как бы в тени. Возможно, исследователи нового века прояснят ситуацию, поскольку не только деятельность, но и жизненный путь талантливой личности требует дополнительного внимания и оценки.

ЛИТЕРАТУРА

- Благовещенский 1875 — Н. М. Благовещенский. *Отчет о состоянии императорского Варшавского университета за истекший 1874–1875 академический год*. Годичный акт Имп. Варшавского ун-та, 30-го августа 1875 года. Варшава, 1875, 1–18.
- Бодуэн де Куртенэ 1963 — И. А. Бодуэн де Куртенэ. *Николай Крушевский, его жизнь и научные труды*. И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. Москва, 1963, 146–202.

- Колосов 1875 — М. А. Колосов. *В историко-филологический факультет. Cesarski Uniwersytet w Warszawie. Archiwum Państwowe M. St. Warszawy, sygn. 385, 1875, 107–107/об.*
- Крушевский 1876 — Н. В. Крушевский. *Заговоры как вид русской народной поэзии. Варшавские университетские известия. Варшава, 1876, № 3, 3–69.*
- Крушевский 1879а — Н. В. Крушевский. *Восемь гимнов Риг-Веды. УЗ Имп. Казанского ун-та, Казань, 1879, т. 46, 105–114.*
- Крушевский 1879б — Н. В. Крушевский. *Наблюдения над некоторыми фонетическими явлениями, связанными с акцентуацией. УЗ Имп. Казанского ун-та, Казань, 1879, т. 46, 93–104.*
- Крушевский 1881 — Н. В. Крушевский. *К вопросу о гуне. Исследования в области старославянского вокализма. Русский филологический вестник, Варшава, 1881, т. 5, № 1, 1–109.*
- Крушевский 1883 — Н. В. Крушевский. *Очерк науки о языке. УЗ Имп. Казанского ун-та, Казань, 1883, т. 19, 1–148.*
- Крушевский 1998 — Н. В. Крушевский. *Избранные работы по языкознанию. Москва, 1998, 295 с.*
- Крушевський 2002 — М. Крушевський. *Замовляння як вид російської народної поезії. Упоряд., перекл., вступ. стаття, додатки З. О. Пахолок. Луцьк, 2002, 192 с.*
- Пахолок 1999 — З. А. Пахолок. *Плоды забвения, или Кто зажжет свечу? (Письма Н. В. Крушевского И. В. Цветаеву). Русский исторический вестник, Москва, 1999, т. 2, 159–182.*
- Пахолок 2000 — З. А. Пахолок. *Письма Николая Крушевского к Яну Карловичу. Русский исторический вестник, Москва, 2000, т. 3, 221–232.*
- Пахолок 2001 — З. О. Пахолок. *Рід Крушевських — духовний феномен на порубіжжі культур і епох. Науковий вісник Волинського державного університету імені Лесі Українки, Луцьк, 2001, № 9, 79–87.*
- Троицкий 1867 — М. М. Троицкий. *Немецкая психология в текущем столетии. Историческое и критическое исследование с предварительным очерком успехов психологии со времен Бэкона и Локка. Москва, 1867, 660 с.*
- Тур 1912 — К. Н. Тур. *Студенческие годы. (Воспоминания о Варшавском университете). Русская старина, Москва, 1912, № 9, т. 151, 402–442.*
- Фонд Богородицкого 898 — [Рукописи Н. В. Крушевского в архиве РАН, (С.-Петербург), вместе с рукописями В. А. Богородицкого]. Фонд Богородицкого 898, разряд IV, оп. 62.
- Черепанов 1968 — М. В. Черепанов. *Опыт научной биографии Н. В. Крушевского. Некоторые вопросы теории и методики преподавания русского и иностранного языков. Саратов, 1968, 99–113.*
- Kruszewski 1967 — M. Kruszewski. *Wybór pism. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1967, 172 s.*
- Kruszewski 1995 — M. Kruszewski. *Writing in General Linguistics. Amsterdam, 1995, 188 p.*

Андраш Золтан
Budapest

ВЗГЛЯДЫ И. А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ НА ПАЛАТАЛИЗАЦИЮ ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ В РАБОТАХ О. АШБОТА

История славянского языкознания – венгерская славистика – Оскар Ашбот – И. А. Бодуэн де Куртенэ – палатализация заднеязычных – третья палатализация – восприятие бодуэновской интерпретации прогрессивной палатализации О. Ашботом

Будапештская славистика моложе тартуской почти на 50 лет — первая в Венгрии кафедра славянской филологии была основана в 1849 г. при (тогда еще) Пештском университете (ср. материалы юбилейного сборника: Nyomárkay [szerk.] 1999). Новая кафедра не сразу удовлетворила все требования своего времени. Европейским стандартам эта кафедра начала соответствовать с того времени, когда ее возглавил первый венгерский славист с неоспоримой международной репутацией — Оскар Ашбот (1852–1920).

По первоначальному образованию Ашбот был индоевропеистом. В студенческие годы он изучал санскрит и ряд индоиранских языков, а также сравнительную грамматику индоевропейских языков в Будапештском, Лейпцигском, Берлинском и Геттингенском университетах; докторскую диссертацию на тему латинского языкознания он защитил в 1875 г. в Геттингене (см.: Asbóth 1875). Интерес к славистике возник у него под влиянием трудов В. Ягича и хабилитацию он защитил в 1880 г. в Будапештском университете уже по славянским литературам и языкам. С осени 1880 г. он работал в этом университете сначала приват-доцентом, с 1885 г. экстраординарным, а с 1892 г. ординарным профессором славистики. На протяжении почти сорока лет Ашбот читал лекции в Будапештском университете по введению в славянскую филологию, по старославянскому языку, по грамматике русского, чешского, словацкого и болгарского языков, а также по истории русской литературы (Kiss 1996, 14–26).

В центре научных интересов Ашбота находились вопросы славяно-венгерских языковых контактов. Ему принадлежат

основополагающие исследования по отдельным пластам славянских заимствований в венгерском языке и этимологии целого ряда венгерских слов как славянского, так и иного происхождения. Наряду со славяно-венгерской проблематикой, Ашбот высказался и по собственно славистическим вопросам (см. обзор его научной деятельности в работах: Штернберг 1964, 425; Н. Tóth 1970, 327–328; Kiss 1996, 72–157; библиографию работ Ашбота см.: Lukácsi et al. 1972; Nyomárkay [szerk.] 1990 [по указателю]; Kiss 1996, 167–172).

Русский язык Ашбот начал изучать самоучкой, а потом он совершенствовал свое знание во время поездок в Россию. Первое его путешествие имело место летом 1882 г. Во время этой поездки, которая продолжалась более двух месяцев, Ашбот вел дневниковые записки на русском языке (см.: Штернберг 1964, 425–444). Он провел в России также лето 1889 г. Кроме того, имеются сведения также о двух коротких пребываниях Ашбота в Санкт-Петербурге в 1903 и 1913 гг. Во время своих поездок в Россию он познакомился с рядом ведущих русских ученых — славистов и лингвистов. Судя по его переписке, он был лично знаком с И. А. Бодуэном де Куртенэ, Ф. Ф. Фортунатовым, Я. К. Гротом, В. И. Ламанским, В. Ф. Миллером, А. А. Шахматовым (Н. Tóth 1970, 327–355; ср. Kiss 1996, 46). В 1906 г. Ашбот — вместе с такими авторитетами, как А. Мейе и Л. Нидерле — был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге (см. выписку из протокола заседания Отделения русского языка и словесности от 18 ноября 1906 г.: Н. Tóth 1969, 49–51).

Личное знакомство Ашбота с Бодуэном де Куртенэ, по наблюдениям И. Х. Тота, могло состояться во время второго путешествия венгерского ученого по России в 1889 г. (Н. Tóth 1970, 334), когда Бодуэн де Куртенэ был профессором Юрьевского (Тартуского) университета (1883–1893). Так как об этой поездке не сохранилось никакого дневника или путевых заметок, обстоятельства и место этого знакомства остаются нам неизвестными; из одной ссылки Ашбота мы знаем только, что главную цель этой поездки составляло комплектование и проверка материала по славянской акцентуации (Asbóth 1891, 3; ср.: Kiss 1996, 43–44). Известно, однако, что будапештский славист следил за работами своего знаменитого тартуского коллеги, использовал его достижения в своих работах, иногда и полемизировал с его взглядами.

В 1907 г. Ашбот в редактируемом им самим журнале «Nyelvtudomány» («Языковедение») опубликовал объемистую работу на тему изменения заднеязычных в славянских языках

(Asbóth 1907; работа на самом деле ограничивается рассмотрением изменения $k > \check{c}$ и $k > c$).

В первой части своего исследования Ашбот остановился на изменении $k > \check{c}$. Здесь он обосновывает выбор собственно славястической темы для статьи в венгерском языковедческом журнале тем, что знание звуковых законов очень важно для венгерского языкознания ввиду показательного количества славянских заимствований в венгерском языке. Так, напр., $\check{c}$ (орфографически *cs*) в венг. *abroncs* 'обруч, обод', *parancsol* 'приказать', *rocska* (< устар. *roncska*) 'ведро, бадья, подойник (с одной ручкой)' восходит к $\check{c}$ их славянских этимонов (соответственно *obrǫčъ*, *porǫčiti*, *рǫчька*), в которых оно возникло из k вследствие палатализации перед гласными переднего ряда, так как все три славянских слова являются дериватами от *roka* 'рука' (Asbóth 1907, 18–19). Во второй части своей работы Ашбот занимается изменением $k > c$, и тем самым он приходит к проблеме прогрессивной (названной впоследствии «третьей», или «бодуэновской») палатализации.

И. А. Бодуэн де Куртенэ начал публиковать свои работы о причинах непоследовательности прогрессивной палатализации заднеязычных в славянских языках в тартуский период своей деятельности. Хронологически первую свою публикацию на эту тему он напечатал в «Ученых записках Императорского Юрьевского университета» под заглавием «Два вопроса из учения о 'смягчении' или палатализации в славянских языках» (Бодуэн де Куртенэ 1893/1983, 369–379). Здесь Бодуэн де Куртенэ формулирует свои взгляды на славянские палатализации в форме ответа на вопрос Ф. П. Кеппена, который обратился к нему с просьбой выяснить хронологию перехода $g > z$ в русских топонимах на *-уга/-уза* на территории, которая раньше была занята финскими племенами. Вопрос, заданный Кеппеном, послужил поводом для Бодуэна де Куртенэ высказать мнение на эту тему, сложившееся у него уже давно, ср.:

«На отношение между фонемами (звуками) g (z) и z (g) [или же dz] в славянских языках у меня есть с давних пор (по крайней мере, с 1880 года) свой собственный взгляд, который я позволю себе сообщить Вам вкратце» (Бодуэн де Куртенэ 1893/1983, 374).

В следующем, 1894 г. Бодуэн де Куртенэ опубликовал статью на эту же тему на немецком языке в журнале «Indogermanische Forschungen» (Baudouin de Courtenay 1894, 45–57). В начале этой статьи, которая называется «Einiges über Palatalisierung (Palatalisation) und Entpalatalisierung (Dispalatalisation)», Бодуэн де Куртенэ тоже указывает на то, что эти взгляды он развивал уже давно, 12–13 лет тому назад, в своих университетских лек-

лекциях, сначала в Казани, а потом в Дерпте, но у него не было случая изложить их письменно:

«Die unten mitgeteilten Erklärungen entwickelte ich schon längst, etwa seit 12–13 Jahren, in meinen Kollegien, anfangs in Kasan und dann in Dorpat, habe aber bis jetzt keine Veranlassung genommen, mich darüber auch im Druck auszusprechen».

При этом в качестве свидетельства в пользу своего утверждения он приводит ссылки на свои казанские лекции 1880 г. из работ Н. Крушевского (Baudouin de Courtenay 1894, 45–46).

Таким образом, взгляды Бодуэна де Куртенэ на т. н. третью палатализацию, сложившиеся еще в казанский период, стали известными научной общественности в изложении самого автора в юрьевский (тартуский) период его деятельности. Знал ли Ашбот русскоязычную статью Бодуэна де Куртенэ 1893 г. из «Ученых записок Имп. Юрьевского университета», нам неизвестно, поскольку в его работе на тему палатализации заднеязычных в славянских языках имеются ссылки лишь на немецкоязычную статью 1894 г. из «Indogermanische Forschungen».

В той части своей работы, в которой он останавливается на изменении $k > c$, Ашбот подробно пересказывает, иногда и буквально цитирует взгляды Бодуэна де Куртенэ на условия и механизм 3-й палатализации (Asbóth 1907, 190–191). С точки зрения славянских заимствований венгерского языка прогрессивная палатализация в славянском для Ашбота приобретает значение прежде всего в связи с суффиксами *-ьсь*, *-ьсе*, *-ьса*, *-ьса*, которые часто встречаются в славянских этимонах венгерских слов, ср., напр.: *malac* ‘поросенок’ < южнослав. **mladъсь*, *palóc* ‘представитель одной этнографической группы венгров’ < южнослав. **plavъсь*, *pálca* ‘палка’ < слав. **palica*, *medence* ‘бассейн’ < слав. **mědъньса*, *jérce* ‘молодая курица’ < слав. **jarica*, *tömlóc* ‘тюрьма’ < слав. **tътьньса* (Asbóth 1907, 185–188). Согласно объяснению, данному Бодуэном де Куртенэ,

«только те заднеязычные консонанты подверглись ассимилирующему влиянию предшествующих палатальных сонантов, $\check{i}$, $\check{i}$, $\check{d}$, (e), $\check{r}$, $\check{r}$, которые вместе со следовавшим за ними сонантом-вокалом составляли главный по ударению слог данного слова. Иначе: k , g , x (ch) подверглись палатализации, поведшей затем к c , z (dz), s <...> только тогда, когда предшествовало им $\check{i}$, $\check{i}$, $\check{r}$, $\check{d}$, (e) (развившееся потом в e) и когда следовал за ними ударяемый вокал» (Бодуэн де Куртенэ 1893/1983, 377).

К основному положению Бодуэна де Куртенэ о роли ударения в осуществлении или неосуществлении прогрессивной палатализации Ашбот относился скептически. Он указывал на случаи *сѣрдце*, *сѣнце*, которые Бодуэн де Куртенэ объяснял влиянием аналогии, но действие аналогии как раз в этих древних

образованиях Ашбот считал маловероятным. Он также не принимал объяснения Ягича, который, чтобы спасти теорию Бодуэна де Куртенэ, выдвинул гипотезу о том, что в рус. *сърдце*, *сѡлнце* ударение первоначально падало на последний слог (*сърдцѡ, *сѡлнцѡ), и только позже было перенесено на начальный слог (ср.: Jagić 1901, 129). Ашбот указывал также на суффикс *-isa*, в котором ударение никогда не падает на последний слог. В этом суффиксе он видит самое слабое звено в аргументации Бодуэна де Куртенэ. Не соглашался он и с объяснением Я. Розвадовского, который предполагал, что суффикс *-isa* — это на самом деле готовый уже суффикс *-sa*, абстрагированный из слов с суффиксом *-ьsa* и присоединенный к старым индоевропейским основам на *-ī-* (ср.: Rozwadowski 1897–1900, I, 27). Рассматривая литературу, возникшую на эту тему после выхода указанных работ Бодуэна де Куртенэ, Ашбот с некоторым пониманием относился к тем ученым (напр., Х. Педерсен, Г. Хирт, А. Мейе, Ф. Лорентц), которые приняли, как он выражался, «на первый взгляд очень заманчивое» объяснение Бодуэна де Куртенэ (ср.: Pedersen 1905, 383; Hirt 1895, 90; Meillet 1902–1905, 346; Lorentz 1904, 266), хотя он сам в данном вопросе не разделял их взглядов. Ашбот отвергает и гипотезу А. А. Шахматова, согласно которой прогрессивная палатализация не проходила, если после заднеязычных следовали лабиализованные гласные, в том числе и ъ (ср.: Шахматов 1896, 703–704).

Заканчивая обзор существующих в данное время взглядов на прогрессивную палатализацию в славянских языках, Ашбот присоединяется к мнению таких ученых (как, напр., К. Бругман, А. Лескин и В. Вондрак), которые не приняли бодуэновскую интерпретацию этого явления и считали причины и условия этого изменения и в дальнейшем не до конца выясненными или спорными (ср. Brugmann 1904, 167–168; Leskien 1905, 52; Vondrák 1906–1908, I, 266–268), как это, впрочем, нередко делается в пособиях по сравнительной грамматике славянских языков и в более новое время (ср., напр., Бернштейн 1961, 209: «Наша наука, к сожалению, удовлетворительного объяснения всем указанным случаям дать пока не может»). Судя по многочисленным работам на эту тему (ср. обзоры в работах: Агутаа 1964–1985, II, 31–42; Бирнбаум 1987, 102–103, 195), «бодуэновская» палатализация до сих пор непрестанно привлекает внимание исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

Бернштейн 1961 — С. Б. Бернштейн. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*. Москва: Изд-во АН СССР, 1961.

- Бирнбаум 1987 — Х. Бирнбаум. *Праславянский язык. Достижения и проблемы в его реконструкции*. Москва: Прогресс, 1987.
- Бодуэн де Куртенэ 1893/1983 — И. А. Бодуэн де Куртенэ. *Два вопроса из учения о «смягчении» или палатализации в славянских языках*. УЗ Имп. Юрьевского ун-та, Юрьев, 1893, № 2, 1–20; перепечатано в: J. N. Boudouin de Courtenay. *Dziela wybrane. T. V*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1983, 369–743.
- Шахматов 1896 — А. А. Шахматов. *К истории звуков русского языка. Смягченные согласные*. Известия ОРЯС, 1896, I, 695–379.
- Штернберг 1964 — Я. И. Штернберг. *Дневник поездки в Россию Оскара Ашбота в 1882 году*. *Studia Slavica (Academiae Scientiarum Hungaricae)*, Budapest, 1964, t. 10, 425–444.
- Arumaa 1964–1985 — P. Arumaa. *Urslavische Grammatik. I–III*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1964–1985.
- Asbóth 1875 — O. Asbóth. *Die Umwandlung der Themen im Lateinischen. Eine sprachwissenschaftliche Untersuchung*. Göttingen: Peppmüller, 1875.
- Asbóth 1891 — O. Asbóth. *A hangsúly a szláv nyelvekben*. Budapest, 1891. (Értekezések a Nyelv- és Széptudományok köréből XV/8.)
- Asbóth 1907 — O. Asbóth. *A szláv torokhangok változásai*. *Nyelvtudomány*, Budapest, 1907, I, 12–47, 105–142, 180–196.
- Baudouin de Courtenay 1894 — J. Baudouin de Courtenay. *Einiges über Palatalisierung (Palatalisation) und Entpalatalisierung (Dispalatalisation)*. *Indogermanische Forschungen*, 1894, IV, 45–57.
- Brugmann 1904 — K. Brugmann. *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1904.
- Hirt 1895 — H. Hirt. *Der indogermanische Akzent. Ein Handbuch*. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1895.
- Jagić 1901 — V. Jagić. *Einige Streitfragen: 6. Zum doppelten slavischen Palatalismus*. *Archiv für slavische Philologie*, Berlin, 1901, Bd. XXIII, 121–129.
- Kiss 1996 — L. Kiss. *Asbóth Oszkár*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1996.
- Leskien 1905 — A. Leskien. *Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik – Texte – Glossar. 4. Aufl.*. Weimar: Hermann Böhlau, 1905.
- Lorentz 1904 — F. Lorentz. *Slavische Miscellen. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, 1904, Bd. 37, 264–273.
- Lukácsi et al. 1972 — [Lukácsi Pál, Pándi Lajos, Hőnig Antal, Ágoston Klára, Ludvig Mária, Magay Edit]. *Библиография работ Оскара Ашбота 1852–1920*. *Analecta Linguistica*, 1972, II/2, 32–42.
- Meillet 1902–1905 — A. Meillet. *Études sur l'étymologie et le vocabulaire de vieux slave*. (Bibliothèque de l'École des hautes études, 139). Paris, 1902–1905.
- Nyomárkay (szerk.) 1990 — *A magyarországi szláv nyelvtudomány bibliográfiája 1985-ig/Библиография венгерской языковедческой славистики до 1985 г.* Szerkesztette Nyomárkay István vezetésével a szerkesztő bizottság: Gregor Ferenc, Hollós Attila, Zoltán András. Budapest: ELTE, 1990.
- Nyomárkay (szerk.) 1999 — *Szlavisztika a magyar felsőoktatásban. Szerkesztette Dr. Nyomárkay István, Kálmán Ildikó és Vig István*

közreműködésével. Budapest: ELTE, 1999.

- Pedersen 1905 — H. Pedersen. *Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent.* Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, 1905, Bd. 38, 297–421.
- Rozwadowski 1897–1900 — J. Rozwadowski. *Quaestiones grammaticae et etymologicae, I–II.* (Rozprawy Wydziału Filologicznego, t. 25, 28 [Seria 2, t. 10, 13]). Kraków, 1897–1900.
- H. Tóth 1969 — H. Tóth Imre. *A magyar-orsz tudományos kapcsolatok történetéhez.* Magyar tudomány, 1969, 76, 49–51.
- H. Tóth 1970 — H. Tóth Imre. *Ásbóth Oszkár orosz tudósokhoz írt levelei.* (Adalékok a magyar-orsz tudományos kapcsolatok történetéhez). Az Egri Ho Si Minh Tanárképző Főiskola Közleményei, 1970, VIII, 327–355.
- Vondrák 1906–1908 — V. Vondrák. *Vergleichende slavische Grammatik. I–II.* Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1906–1908.

Элена Васильевна Романчик
Tartu

И. А. БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ И КАШУБСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ ВОПРОС

История славянского языкознания – И. А. Бодуэн де Куртенэ – кашубская языковая проблема – дискуссионные вопросы

В последние десятилетия кашубский язык (КЯ) все чаще привлекает внимание славистов. На новый уровень кашубологическая проблематика вышла после того, как в 1980 г. в докторской диссертации А. Д. Дуличенко «Славянские литературные микроязыки» (Дуличенко 1980, очерк о КЯе см. с. 340–348) КЯ оказался вписанным в принципиально новый контекст — контекст славянских микроязыков: автор включил его в круг других славянских литературных микроязыков, которые подверглись историко-филологическому и типологическому исследованию. Собственно, с этой работы и начинается у нас новая волна научного интереса к КЯу: сама возможность рассмотрения феномена КЯа в типологическом аспекте вывела его за узкие рамки полонистики, заставив во многом по-новому подойти к проблематике. В этой диссертации впервые представлен синтезированный очерк становления и развития кашубского литературного языка. Вышедшая в свет год спустя монография (Дуличенко 1981) вызвала дискуссию на тему «Существуют ли в Польше региональные языки?», развернувшуюся в 1988 г. в варшавском журнале «Język polski» (см. об этом: Романчик 2002, 3–4, 21–22). Центральной проблемой дискуссии стал статус КЯа. Проблема не нова — споры ведутся уже больше столетия, время от времени вспыхивая с новой силой. Несмотря на солидный возраст проблемы, окончательного разрешения она не нашла до сих пор (см., напр.: PSJK 1992). В свете современной полемики особый интерес представляет обращение к истокам данной проблемы. Здесь следует оговорить, что история изучения КЯа и история польско-кашубского языкового вопроса¹ (ПКЯВ) — не одно и то же, несмотря на то, что на протяжении долгого времени последний занимает центральное положение в кашубологии. Если на-

чалом изучения КЯа с некоторой долей условности мы можем считать включение кашубской лексики в «Сравнительные словари всех языков и наречий»², составленный по инициативе Екатерины II (Сравнительные словари 1787–1789; 1790–1791) и появление приблизительно в то же время работ К.-Г. Антона (Anton 1783–1789), то ПКЯВ, как таковой, возник значительно позже — подробнее к этому вопросу мы вернемся ниже, пока лишь заметим, что современником и непосредственным свидетелем появления ПКЯВа был выдающийся лингвист И. А. Бодуэн де Куртенэ.

Излишним было бы напоминать о чрезвычайно широком спектре научных интересов Бодуэна. Отметим лишь, что в этом спектре оказался и КЯ. Специально кашубской проблематике посвящены три статьи Бодуэна: «Кашубский ‘язык’, кашубский народ, и ‘кашубский вопрос’» (Бодуэн де Куртенэ 1897, 306–357; 83–126), «Kurzes Resumé der ‘Kašubischen Frage’», увидевшая свет в 1904 г. (Baudouin de Courtenay 1904, 366–405), и небольшая заметка 1916 г. в журнале «Echo polskie» (Baudouin de Courtenay 1916, 2–4). Данные КЯа и факты, связанные с особенностями бытования КЯа, затрагивались или привлекались в качестве иллюстративного материала также и в других бодуэновских работах. Естественно, что мнение по ПКЯВу столь авторитетного лингвиста не могло не привлечь внимания участников современной полемики. Однако, как ни парадоксально покажется на первый взгляд, апелляции к точке зрения Бодуэна встречаются как среди сторонников, так и среди противников признания за кашубским статуса самостоятельного языка. Обстоятельство тем более примечательное, что речь идет не об обращении исследователей к разным статьям Бодуэна, а о противоположных интерпретациях уже в первой из названных выше работ. Учитывая это, представляется целесообразным в первую очередь выяснить причины подобных разночтений данной работы Бодуэна де Куртенэ — именно такую задачу ставит перед собой автор настоящей статьи. Это пространная работа, равно интересная и как часть бодуэновского наследия, и как веха в истории кашубологии. Не удивительно, что она не обойдена вниманием исследователей: наряду с «Kurzes Resumé <...>», (о ней см.: Popowska-Taborska 1989, 405–411; также: Посвянская 1960, 47–50).³ Тем не менее работа остается «проблемной», поскольку, как сказано выше, не дает однозначного представления о взгляде Бодуэна на КЯ.

Прежде всего следует вспомнить обстоятельства обращения Бодуэна к кашубской проблематике. Сразу обратим внимание на употребление словосочетания *кашубский вопрос*:

«Давно мне хотелось высказаться по 'кашубскому вопросу' (здесь и далее курсив наш — Э. Р.) и в особенности подвергнуть обстоятельной оценке *вызвавшее этот вопрос* сочинение львовского ученого Стефана Рамулта, под заглавием 'Slownik...'⁴ <...> и вот я дождался нового сочинения⁵ г. Рамулта <...>, которое мне напомнило о взятой на себя обязанности и побудило приступить к ее исполнению»⁶ (Бодуэн де Куртенэ 1897, 307, далее будут указываться только страницы).

Здесь следует напомнить о том, какую же оценку Бодуэн дает словарю Рамулта (Ramułt 1893). После критического обзора кашубской лексикографии и изложения критических замечаний в адрес Рамулта Бодуэн заявляет:

«Это бесспорно одно из самых выдающихся сочинений по славянскому языковедению за последнее время; в польской же литературе оно является настоящим ее украшением. По части изучения кашубской языковой области не было до сих пор ничего подобного. Заслуга г. Рамулта становится тем очевиднее в виду того, что у него, собственно говоря, не было предшественников, работавших в том же направлении и с той же целью. Были, правда, разные кашубские словарчики и сборники слов, но ни в одном из них мы не замечаем того стремления к фонетической точности, того внимания обозначить мельчайшие оттенки кашубского произношения, какое украшает образцовый в этом отношении труд г. Рамулта» (с. 332).

«По точности и последовательности в обозначении звуковых оттенков г. Рамулт может быть поставлен почти в одном ряду с Вуком Стефановичем Караджичем и, затем, с исследователями литовской языковой области, с Куршатам, Барановским и Явнисом» (с. 336).

Напоминание необходимо, поскольку в настоящее время словарь Рамулта оказался на маргиналии кашубологических штудий. Безусловно, это можно объяснить объективными причинами: во-первых, появлением более совершенного многотомного словаря Б. Сыхты (Sychta 1967–1976, I–VII), с опорой на который ведется основная часть исследований КЯа в последние десятилетия; во-вторых, все еще недостаточной разработанностью кашубологической проблематики в современной славистике. Но этими обстоятельствами никак нельзя оправдать недостаточное внимание к словарю со стороны историков кашубской лексикографии; так, в самой полной на сегодняшний день работе на эту тему — очерке Х. Поповской-Таборской (Popowska-Taborska 1996, 11–66) — словарь Рамулта никак особо не выделяется, не говоря о том, что ему не приписывается эпохального значения⁷.

Не следовало бы, однако, забывать о значимости словаря Рамулта в становлении кашубологии. Помимо значения для кашубской лексикографии, сочинение Рамулта — впрочем, уже по независящим от создателя причинам — сыграло важнейшую роль в становлении кашубского языкознания: оно повлекло за собой отзыв Бодуэна. Стремясь дать «обстоятельную оценку»,

он оказался автором первой серьезной аналитической работы по КЯу (исторической фонетике), выполненной лингвистом-профессионалом высокого уровня. Кроме того, говоря о значении словаря, нельзя не подчеркнуть еще раз обстоятельство, на которое указывает Бодуэн в первой из приведенных нами цитат. В наше время словосочетание *кашубский вопрос* получило широкое распространение, часто употребляется почти синонимично с *кашубское языкознание* (большая часть кашубологических работ направлена на его разрешение, что во многом обусловило изучение КЯа почти исключительно в сравнительном аспекте). Реже вспоминается о том, что возник *вопрос* как реакция на словарь Рамулта. При этом возник не как научный, а развернулся в виде травли автора на страницах печати и в ожесточенных тенденциозных спорах между польскими и немецкими учеными. Камнем преткновения стало высказанное Рамултом мнение о самостоятельности КЯа.

«Мало, вероятно, найдется сочинений научного содержания, за которые приходилось бы авторам подвергаться столь ожесточенным и несправедливым нападкам. Из соотечественников г. Рамулта, писавших об его сочинении или же по поводу его сочинения, только немногие отнеслись к нему без желчи и без оскорбительных подозрений; все же остальные встретили его дружным хором ничем незаслуженного негодования» (с. 321);

«После выхода в свет словаря Рамулта ксендз Поблоцкий оказался одним из самых ярких фанатиков, устроивших против Рамулта настоящую травлю...» (с. 336).

Хотелось бы отметить по обстоятельству, что кашубский вопрос, возникший как политически окрашенный, сохранял это окраску практически на всем протяжении минувшего столетия. В свете сказанного любопытно высказывание о словаре Рамулта известного польского слависта В. Маньчака:

«Точка зрения, что кашубский был отдельным языком безосновательна. При таком положении вещей встает вопрос, как такой талантливый человек, каким был Рамулт, мог прийти к такому ошибочному выводу? <...> Слепление Рамулта было столь сильным, что он не посчитался даже с тем, что, выдвигая свой ошибочный тезис, он работает на немецкую пропаганду и тем самым выступает против собственного народа» (Mańczak 2002, 74).

Тут с горечью приходится констатировать, что монолог Бодуэна о национализме в науке, стремлении к безусловной истине, возвышенном смысле слова *ученый* и целомудренной науке остался не услышанным (с. 330–331). Политическая подоплека лингвистической проблемы вызвала резкое неприятие Бодуэна:

«Злоупотребление якобы научными приемами для каких бы то ни было посторонних, политических, пропагандистических, торговых и тому подобных целей есть, говоря без обиняков, проституция науки» (с. 331).

Статья Бодуэна являлась попыткой представить анализ словаря и отраженных в нем языковых фактов, «не руководствуясь при этом ни политическими, ни какими бы то ни было другими предубеждениями» (с. 321). Анализ действительно проведен очень тщательно и до сих пор сохраняет научное значение в области кашубской фонетики. При этом можно констатировать, что перед нами выразительный образец применения Бодуэном его общетеоретических представлений и выводов, сделанных им в 90-е гг., к решению частной лингвистической проблемы. Более того, есть основания предполагать, что именно в ходе работы над статьей Бодуэн пришел к развитию некоторых ранее высказанных идей.⁸ Таким образом, для понимания статьи необходимо иметь в виду, что представляла собой система общелингвистических взглядов Бодуэна в конце 1890 гг.

Наиболее последовательно и в то же время лаконично изложена она во фрагменте из автобиографической статьи, написанной для «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых» под ред. С. А. Венгерова⁹ — «Некоторые из общих положений, к которым привели Бодуэна его наблюдения и исследования явлений языка» (с. 348–351). «Положения» написаны в том же году, что и «Кашубский ‘язык’, кашубский народ, и ‘кашубский вопрос’» и изложены в виде тезисов в 22 пунктах. Не рискуем выделять из них более или менее важные, поскольку адекватно понять, что Бодуэн вкладывает в те или иные высказывания, можно лишь в контексте всей системы его взглядов, и редукция того или иного «положения» чревата искажениями всей системы и каждой ее составляющей.

На это обстоятельство следует обратить особое внимание. Мы можем назвать тексты Бодуэна *иллюзорно прозрачными*: на первый взгляд они кажутся понятными, но язык Бодуэна в целом характеризуется использованием большого числа собственных терминов, смело вводимых лингвистом в свои тексты. При этом зачастую значения новых терминов не раскрываются в четких сопровождающих определениях; также Бодуэн не оговаривает, какое содержание он вкладывает в общеупотребимые термины. Так, напр., очень показательны, что великий лингвист не дал определения понятию *язык*, ограничиваясь отдельными характеристиками языка с той или иной точки зрения (фонетической, «психической», знаковой и т. д.) — в зависимости от проблематики статьи. Кроме того, по мере эволюции взглядов на язык конкретное понятийное наполнение того или иного термина у Бодуэна изменялось, что, как будет показано ниже, приводило к некоторой непоследовательности.

Эта особенность текстов сделала их «открытыми», с одной стороны, для дальнейшего развития намеченных Бодуэном

идей; с другой стороны — для разного рода заблуждений и спекуляций. Апелляции к Бодуэну нередко превращаются в выхватывание «удобных» цитат, без учета того, что за ними стоит; *вычитывание* из проблемных определений заменяется *вчитыванием* в терминологию Бодуэна собственных взглядов интерпретаторов.

Во многом недостаточное внимание к бодуэновскому тексту явилось, на наш взгляд, основной причиной и полярных выводов относительно мнения Бодуэна по КВу. Речь здесь не идет о случаях, пример которых представлен в статье А. С. Посвянской: автор последовательно излагает содержание бодуэновской статьи, но в заключение приписывает Бодуэну вывод, которого в первоисточнике мы не находим. Приписывается он на том лишь основании, что этот вывод «единственно верный»¹⁰.

Основным «проблемным узлом» статьи Бодуэна является фрагмент (с. 323), где автор оговаривает введенный Рамултом лингвоним *поморский язык* — *język pomorski*. Находя определяющую часть *поморский* вполне резонной и даже удобной, он категорически не соглашается с определяемым *язык*:

«Но если я не имею ничего против прилагательного *поморский*, то вижу принципиальную ошибку в соединении с этим прилагательным существительного *язык*. Вообще следует избегать в языковедении термина *язык*, когда дело идет о живых языковых явлениях. Этот термин годится только для обозначения *искусственного литературного языка* <...>. Когда же дело идет о живых, естественным путем развивающихся, проявлениях языковой деятельности, то уже гораздо уместнее вместо термина *язык* употреблять выражение *языковая область*, *языковая территория*, т. е. область или территория, которой свойственны такие-то и такие-то языковые особенности. В этом смысле и следует говорить о *поморской* или *кашубской языковой области*, в различии от польской» (с. 323).

Хотелось бы еще раз напомнить, что КВ и возник вокруг словосочетания *кашубский язык*, точнее слова *язык*. Однако ошибочно было бы, ухватившись за это высказывание Бодуэна, утверждать, что он отрицал самостоятельность КЯа: если КВ встал прежде всего как вопрос статуса, то Бодуэн поднимает вопрос терминологии.

Итак, не *язык*, а *языковая область*. В дальнейшем, на протяжении всей статьи Бодуэн преимущественно рассуждает именно об особенностях, свойственных *польской* и *кашубской языковым областям*. Напр.:

«Так как словарь Рамулта есть словарь живой *языковой области*, являющейся не целью и везде однообразною, но видоизменяющейся по многочисленным говорам, то мы вправе требовать, чтобы этим

диалектическим разнообразиям было отведено подобающее место в самом словаре» (с. 324);

«Хотя здесь так решительно осуждается всякая попытка считать кашубскую языковую область чем-то особым...» (с. 343);

«Остаются три самые важные особенности, на основании которых мы имеем право всю поморскую или кашубскую языковую область отделить от всей польской» (с. 101).

Вместе с тем Бодуэн не всегда последователен, и, помимо введенного им термина *языковая область*, на страницах статьи мы встречаем также следующие наименования того, что в бытовом, нетерминологическом сознании покрывается словом *язык*:

1) «язык»:

«Обратим теперь внимание на непоследовательности и вообще недостатки в принятой г. Рамултом письменной передаче звуков кашубского или 'поморского' языка» (с. 324);

«По сообщению Рамулта <...> в кашубском 'языке' следует различать гласные краткие и долгие» (с. 347).

Как видно из приведенных примеров, речь везде идет о передаче текста Рамулта, который квалифицирует объект своих исследований именно как язык. Кавычки в данном случае легко объясняются вышеуказанным терминологическим несогласием Бодуэна с подобным определением;

2) *язык*:

«Перечень характеристических для кашубского или поморского языка особенностей, отличающих будто бы этот язык от языка польского <...>, дается здесь в хаотическом и далеко не прозрачном виде» (с. 325);

«Но надо заметить, <...> г. Рамулт ознакомился основательно с кашубским языком уже только в зрелом возрасте и все-таки сделал для него то, чего не сумели сделать природные кашубы, занимавшиеся научным рассмотрением своего языка. Только после труда г. Рамулта возможно приступить к составлению фонетики и морфологии кашубского языка, построенной на достоверном материале» (с. 336).

В первом из приведенных примеров, согласно логике предыдущей группы, следовало бы использовать кавычки. Почему в остальных случаях не используется бодуэновское *языковая область*, остается неясным;

3) *пропуск определяемого*:

«Кроме того, есть в поморском или кашубском производные, вторичные носовые гласные, развившиеся из сочетания чистого гласного с общеславянским носовым согласным» (с. 353).

Судя по роду прилагательного, трудно допустить, что имеется в виду что-то иное, нежели *язык*. Так что данный случай примыкает к предшествующему;

4) *речь*:

«Точно так же лучший до появления Рамултова словаря кашубский словарь отличного знатока *кашубской речи* и природного кашубы, ксендза Густава Поблоцкого¹¹» (с. 335);

«Укажу теперь на факты, которые г. Рамулт старался возвести на степень характеристических признаков *кашубской речи* в различии от польской» (с. 349).

Вопрос о различении понятий *язык* и *речь* в работах Бодуэна поднимался неоднократно. В основном можно согласиться с мнением Т. С. Шарадзенидзе, что, хотя некоторые намеки на разделение этих понятий в работах Бодуэна наблюдаются, четкого терминологического различения он не проводит (Шарадзенидзе 1980, 36–37). Собственно, он и не употребляет *речь* как термин; в приведенных высказываниях содержание этого понятия сводится к *'то, как говорят кашубы'*;

5) *говоры*:

«Я же все-таки, рискуя даже быть осмеянным и освистанным, позволяю себе быть другого мнения и утверждать, что все *кашубские говоры*, вместе взятые, составляют особое целое, в противоположность всем *польским говорам*, вместе взятым» (с. 343).

Судя по всему, здесь речь идет именно о говорах — в обычном понимании этого термина. Следовательно, его употребление никак не противоречит бодуэновскому тезису о необходимости различать *язык* и *языковую область*;

6) *наречие* — встречается только в цитатах из А. Ф. Гильфердинга (с. 343);

7) *кашубизм, полонизм*:

«Нельзя тоже никоим образом считать губно-губное *w*, рядом с зубно-губным *v*, признаком *кашубизма*, в различии от польской языковой области» (с. 346);

«Но и этого различия нельзя считать характеристическим признаком *кашубизма*, в противоположность *полонизму*, ибо через подобное различие проходила тоже и польская языковая область» (с. 349).

Здесь мы имеем дело с довольно туманным понятием, так как речь не может идти о значении, свойственном образованным по сходной словообразовательной модели словам типа *германизм, старославянизм* и т. п., обозначающих черты, характерные для немецкого и старославянского языков соответственно. По всей видимости, имеется в виду то, что в польском языке передается словами *kaszubszczyzna, polszczyzna*.

8) *языковой мир*:

«<...> правда, малорусская языковая область составляет особый *языковой мир* в различии от великорусского» (с. 38).

В данном случае *языковой мир* употребляется, вероятнее всего, образно. Его терминологическое значение остается в целом неясным.

Как соотносится с перечисленными вариантами термин *языковая область*, Бодуэн не поясняет. Тем не менее различие между ними, причем достаточно серьезное, он проводит (см. выше). Однако, заявив о необходимости употреблять термин *языковая область* или *языковая территория*, Бодуэн недостаточно раскрыл его содержание, не дал непротиворечивого определения. Надлежит ли *территория* и *область* понимать буквально, т. е. в географическом смысле, или эти сочетания употребляются образно, как широко распространенное *языковой мир*? А может быть, *языковой мир* существовал для Бодуэна не только как метафора, а как некое реальное пространство, которое делится на отдельные области? «Лингвогеографическая» версия кажется вполне вероятной, так как в это время Бодуэн активно занимается вопросами лингвистической географии, к необходимости изучения которой пришел еще в Дерпте. Первый случай употребления сочетания *языковая область* нам удалось обнаружить в переводной (с немецкого) статье 1884 г. «Обозрение славянского языкового мира»:

«Славяне распадутся на следующие отличные друг от друга диалектные группы: на востоке славянской *языковой области* мы находим русских, т. е. славян, говорящих на различных русских диалектах. Русская диалектная группа распадается на две большие подгруппы: северную <...> и южную» (Бодуэн де Куртенэ 1963б, I, 129).

Очевидно, что в приведенной цитате, как следует и из дальнейшего рассуждения, речь идет о лингвогеографическом делении. Рассматривать ли в таком случае как понятия одного — лингвогеографического — уровня слова *область* и *территориальный* в следующем высказывании :

«Затем возможно сравнительное обозрение двух или нескольких даже разнородных по своему первоначальному историческому источнику языковых областей, в которых вследствие их территориальной близости замечаются сходные языковые явления» (Бодуэн де Куртенэ 1963в, 30–32)?

По приведенному выше фрагменту статьи «Кашубский 'язык' <...>», *языковая область* — это «живые, естественным путем развивающиеся проявления языковой деятельности» (с. 323). Едва ли *проявления языковой деятельности* можно причислять к пространственным феноменам. Важно и то, что в работе 1884 г. Бодуэн не придает словосочетанию *языковая область* принципиального, терминологического значения. Из известных нам работ именно в «Кашубский 'язык' <...>» Бодуэн впервые категорически заявляет о разделении понятия *язык* и *языковая область*. Примечательно, что в «Основных положениях» такой тезис не заявлен, зато он появляется 1902 г. в «Сравнительной грамматике славянских языков», причем именно как принци-

альный¹². В более поздних работах Бодуэн использует термин *языковая область* уже регулярно.¹³

Несмотря на указанные затруднения в определении содержания термина *языковая область*, совершенно очевидно, что он противопоставлен понятию *литературный язык*¹⁴. Вполне закономерно, что, отождествив понятия *язык* и *литературный язык*;

«Вообще следует избегать в языковедении термина *язык*, когда дело идет о живых языковых явлениях. Этот термин годится только для обозначения *искусственного литературного языка*» (с. 323),

Бодуэн отказывается признать такой статус за *поморским*, как общим для кашубов, словинцев и кабатков. Имея программную установку на изучение живых языков в их географической и социальной протяженности, именно с таких позиций Бодуэн подходит к словарю Рамулта. Потому от его внимания ускользнуло, что труд Рамулта по сути своей — проект общепоморского литературного языка. Бодуэн отмечает, что

«В предстоящем виде словарь г. Рамулта производит впечатление не сборника объективно отмеченных фактов, но чего-то среднего, чего-то являющегося равнодействующей из разнообразных фактов и результатом компромисса, чего-то имеющего притязания на условную норму. Да ведь и сам г. Рамулт заявляет, что 'язык его словаря представляет обобщение особенностей срединных говоров, на которых говорит большинство кашубов'» (с. 324).

Ставя это в упрек лексикографу, Бодуэн не принимает во внимание причины и цели «усреднения» в словаре Рамулта. Отсюда — стремление Бодуэна рассматривать отношения «между всей польской и всею кашубской языковыми областями». Это, в свою очередь, обусловило методику бодуэновского анализа КЯа, привело к становлению и актуализации термина *языковая область (территория)* и более глубокому развитию идей, легших позднее в основу специальной лингвистической дисциплины — лингвистической географии. С другой стороны, теоретические разыскания «затемнили» точку зрения Бодуэна на КВ. В свете всего сказанного ироничной представляется фраза, которой Бодуэн закончил статью:

«Из предшествующего явствует в достаточной степени мой собственный взгляд на взаимное отношение кашубской и польской языковой области» (с. 126).

Как видно из приведенных цитат, ученый действительно отрицает существование *поморского (кашубского) языка*. Но не потому, что считает его польским диалектом —

«Остаются три самые важные особенности, на основании которых мы имеем право всю поморскую или кашубскую языковую область отделить от всей польской» (с. 101), —

а потому, что приходит к новому пониманию термина *язык*: ср. с рассуждением о русском языке в Примечаниях под 12 (Бодуэн де Куртенэ 1963в, 30–32). Еще раз отметим, что для Бодуэна *язык* или *не язык* — вопрос терминологии, а не статуса. Кроме того, о *трех самых важных особенностях* ученый говорит очень подробно. Какие это *особенности* и почему именно их Бодуэн выделяет как *самые важные* — тема отдельного разговора.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что понять точку зрения Бодуэна по тому или иному конкретному вопросу можно лишь с учетом всей системы его лингвистических воззрений.

¹ Проблема статуса КЯ и его отношение к польскому языку. Интересно заметить, что проблема не сводится только к вопросу: является ли кашубский отдельным языком? Проблематичен и вопрос, является ли он диалектом польского, поскольку далеко не все исследователи склонны рассматривать КЯ как региональный вариант польского языка. Более того, с генетической точки зрения КЯ относят к другой группе языков. Так, напр., Ф. Лоренц считал, что кашубский и словинский языки развились на базе поморских диалектов надбалтийской группы языков, в которую также входили на сегодняшний день мертвые полабские (лютические) языки. Группа надбалтийских языков, польский язык и лужицкие языки (чаще лужицкие языки рассматривают как самостоятельную подгруппу) образуют, по Лоренцу (Лоренц 1905–1906; Lorentz 1925), лехитскую подгруппу западнославянских языков. Польский диалектолог З. Штибер считал, что в древности КЯ занимал промежуточное положение между лехитской, в которую Штибер включает полабский и поморский языки, и восточной (представленной польским языком) подгруппами (Stieber 1956, 38–39; Stieber 1974, 406–417, 408). В таком случае большое число общих черт в польском и кашубском языках следует рассматривать как сближение в результате длительного языкового соседства, следовательно, близость двух языков — явление вторичное.

² «Словари» содержат лексический материал 200 европейских и азиатских языков, передаваемый в кириллице транслитерацией. Здесь КЯ впервые выделяется как отдельный славянский язык (всего в словаре выделяется 13 славянских языков) и представлен 183 лексическими единицами.

³ Работы эти, правда, сводятся преимущественно к более или менее добросовестному реферированию статьи Бодуэна.

⁴ Имеется в виду «Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego» (Ramult 1893).

⁵ Речь идет о работе С. Рамулта, рукопись которой в июне 1896 г. была представлена Филологическому отделению Краковской Академии наук, «Statystyka ludności kaszubskiej» (Ramult 1899). Бодуэн был официальным референтом этой работы.

- ⁶ Мотивация определила всю структуру бодуэновской работы: первая часть статьи (с. 307–321) посвящена рассмотрению (точнее реферированию) статистического сочинения Рамулта — авторское название части «Статистика кашубского населения»; вторая часть представляет, по сути, рецензию на словарь Рамулта — «Кашубский словарь г. Рамулта» (с. 321–337); третий блок, разбитый Бодуэном на две части, посвящен собственно «кашубскому вопросу»: часть третья «Взгляд господина Рамулта на отношение кашубского языка к польскому и на место кашубского языка в славянском языковом мире вообще» (с. 337–343); четвертая часть — «Мой собственный взгляд на взаимное отношение языковых областей 'поморской' (кашубской) и польской» (с. 43–126); обе части разворачиваются в форме полемики с Рамултом и, безусловно, являются наиболее ценными с научной точки зрения.
- ⁷ Кстати заметить, что вполне резонные критические замечания Бодуэна в адрес словарей Ф. Цейновы, А. Гильфердинга, П. Стремлера, Л. Бискупского, Я. Дердовского, Г. Поблоцкого в указанном очерке практически не учитываются (с. 321–337).
- ⁸ В свете настоящей конференции уместно вспомнить слова А. А. Леонтьева о том, что «Почти все из того, что создал Бодуэн в дальнейшем (т. е. после отъезда из Дерпта. — Э. Р.) было лишь развитием высказанных в дерптский период идей» (Леонтьев 1960, 12).
- ⁹ *Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович*. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 5. Под ред. С. А. Венгерова. С.-Петербург, 1897, 18–45.
- ¹⁰ «Таким образом, уже в конце прошлого века Бодуэн де Куртенэ сумел в одном из сложнейших вопросов — в установлении правильных исторических, культурных и языковых взаимоотношений между кашубами и поляками — занять правильную позицию. Он рассматривал наречие кашубов как переходное, сохранившее еще многие собственно кашубские черты, но уже в значительной степени сблизившееся с польским языком, по отношению к которому оно является уже одним из его диалектов, но диалектом во многом чрезвычайно своеобразным, противопоставляемым всем остальным, чисто польским диалектам. Следовательно, и в этом запутанном вопросе точка зрения Бодуэна оказалась правильной и подтвердилась дальнейшими исследованиями (ср., напр., работы К. Нича: «Stosunki pokrewieństwa języków lechickich», «Mowa Kaszubów» и др.)» (Посвянская 1960, 50). Отрицание выводов Бодуэна о самостоятельности некоторых малых славянских языков можно считать абсолютно господствующим в лингвистике, в том числе и русской, вплоть до середины XX в.
- ¹¹ G. Pobłocki. *Słownik kaszubski z dodatkiem idyotyzmów chełmińskich i kociewskich*. Chełmno, 1887, 160 s.
- ¹² «Употребляемый постоянно термин *язык* имеет в применении к живому языковому миру во всем его разнообразии весьма неустойчивое значение. Так, например, термином *русский язык* обозначается весь комплекс русских говоров (олонецкий, рязанский, даже разные говоры малорусские и т. п.). Термин же *язык* непременно должен указывать на законченное определенное целое. Вследствие этого термин *русский язык* нельзя прилагать ко всем вообще людям, говорящим по-русски,

так как русская речь отличается нескончаемым своеобразием. О русском языке можно говорить лишь в смысле литературного языка, языка нормализованного и подчиняющегося известным правилам. Самым же подходящим термином при объективном рассмотрении какого бы то ни было живого языкового мира будет языковая область или языковая территория, например, русская языковая область, греческая языковая область, славянская языковая область и т. д.» (Бодуэн де Куртенэ 1963в, II, 30–32). Примечательно, что тут же Бодуэн предлагает еще одно терминологическое нововведение: «Так как грамматика, строго говоря, имеет дело только с одним языком, то вместо термина сравнительная грамматика лучше всего подставить термин сравнительное обозрение или сравнительное рассмотрение известной группы языков или же языковых областей (территорий)» (там же).

- ¹³ Ср. в статье «Язык и языки»: «Строго говоря, термин язык в значении чего-то однородного и нераздельного можно применять только к языку индивидуальному. Однородный племенной язык представляет фикцию. Существуют только языковые территории, языковые области, языковые миры, сплошные или же прерываемые. В такой языковой области мы встречаем различные говоры или диалекты, — точнее, области говоров или диалектические области, и как реальные существа — индивидуальные языки. Рядом с этим во многих языковых областях выросли и развились языки объединяющие, языки 'искусственные', языки литературные, письменные, освященные обычаем и 'невольным соглашением' всех членов данного языкового общества, языки, которым свойственны известные идеальные нормы, известные объединяющие предписания и правила. Неверно утверждение, что тот или другой язык делится на наречия, говоры (диалекты) и т. д. Не язык, а группа говоров делится на отдельные говоры, конечною, дальше уже неделимою единицей этого постепенного деления являются индивидуальные языки как действительные реальные существа. Одним из говоров, на которые распадается известная языковая область или известная группа говоров, и к тому же говором особенно привилегированным и живущим в исключительных условиях, является язык литературный и общенациональный» (Бодуэн де Куртенэ 1963г, II, 75–76).

- ¹⁴ Ср.: «Наконец, очевидна необходимость подчеркнуть разницу между языками в естественном (природном) состоянии и искусственно выращенными языками, языками литературными» (Бодуэн де Куртенэ 1963д, II, 216).

ЛИТЕРАТУРА

- Бодуэн де Куртенэ 1897 — И. А. Бодуэн де Куртенэ. «Кашубский язык», кашубский народ и «кашубский вопрос». ЖМНП, 1897, ч. 310, март – апрель, 306–357; ч. 311, май – июнь, 83–126.
- Бодуэн де Куртенэ 1963а — И. А. Бодуэн де Куртенэ. *Некоторые из общих положений, к которым привели Бодуэна его наблюдения и исследования явлений языка*. И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. Москва, 1963, 348–350.

- Бодуэн де Куртенэ 1963б — И. А. Бодуэн де Куртенэ. *Обозрение славянского языкового мира*. Там же, I, 127–137.
- Бодуэн де Куртенэ 1963в — И. А. Бодуэн де Куртенэ. *Сравнительная грамматика славянских языков*. Там же, II, 30–32.
- Бодуэн де Куртенэ 1963г — И. А. Бодуэн де Куртенэ. *Язык и языки*. Там же, II, 67–95.
- Бодуэн де Куртенэ 1963д — И. А. Бодуэн де Куртенэ. *О задачах языкознания*. Там же, II, 203–221.
- Дуличенко 1980 — А. Д. Дуличенко. *Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)*. Т. I. (1–2), II (1–2). Дисс. на соискание ученой степени доктора филологических наук. Минск, 1980. (Машинопись).
- Дуличенко 1981 — А. Д. Дуличенко. *Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)*. Таллин, 1981.
- Леонтьев 1960 — А. А. Леонтьев. *Творческий путь и основные черты лингвистической концепции И. А. Бодуэна де Куртенэ*. И. А. Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти), Москва, 1960, 5–27.
- Лоренц 1905–1906 — Ф. Лоренц. *О померельскомъ (древно-кашубскомъ) языкѣ до половины XV в.* Извѣстія Имп. АН по ОРЯС, т. X, С.-Петербургъ, 1905, кн. 3, 69–209; XI, 1906, кн. 1, 53–117.
- Посвянская, 1960 — А. С. Посвянская. *И. А. Бодуэн де Куртенэ о польском языке*. И. А. Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти). Москва, 1960, 44–52.
- Романчик 2002 — Э. Романчик. *Из польско-кашубских языковых сопоставлений. (Существительные на -ość, -stwo)*. Дисс. на соискание ученой степени magister artium (славянская филология). Тарту, 2002. (Машинопись).
- Сравнительные словари 1787–1789 — *Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій <...>*. Ч. I–II. Санктъ-Петербургъ, 1787–1789; изд. 2-е: 1790–1791.
- Шарадзенидзе 1980 — Т. С. Шарадзенидзе. *Лингвистическая теория И. А. Бодуэна де Куртенэ и ее место в языкознании XIX–XX веков*. Москва, 1980.
- Anton 1783–1789 — К.-G. Anton. *Erste Linien eines Versuches über der alten Slaven Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse, I–II*. Bautzen, 1783–1789; репринт: Bautzen, 1976.
- Baudouin de Courtenay 1904 — J. N. Baudouin de Courtenay. *Kurzes Resumé der «Kašubischen Frage»*. Archiv für slavische Philologie, Berlin, 1904, Bd. XXVI, 366–405.
- Baudouin de Courtenay 1916 — J. N. Baudouin de Courtenay. *Stosunek «Kaszubów» do «Polaków»*. Echo polskie, Buenos Aires, 1916, № 29, 2–4.
- Lorentz 1925 — F. Lorentz. *Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache*. Berlin, 1925.
- Mańczak 2002 — W. Mańczak. *O pochodzeniu i dialekcie Kaszubów*. Gdańsk, 2002.
- Popowska-Taborska 1989 — H. Popowska-Taborska. *Kaszubszczyzna w pracach Jana Baudouina de Courtenay*. Jan Nieciślaw Baudouin de Courtenay a lingwistyka światowa. Wrocław, 1989, 405–411.

- Popowska-Taborska 1996 — H. Popowska-Taborska. *Dzieje kaszubskiej leksykografii*. H. Popowska-Taborska, W. Boryś. *Leksyka kaszubska na tle słowiańskim*. (Język na pograniczach 15). Warszawa, 1996, 11–66.
- PSJK 1992 — *Problem statusu językowego kaszubszczyzny. Materiały z sesji popularnonaukowej 17 X 1991*. Gdańsk, 1992.
- Ramułt 1893 — S. Ramułt. *Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. I–II*. Kraków, 1893.
- Ramułt 1899 — S. Ramułt. *Statystyka ludności kaszubskiej*. Kraków, 1899.
- Stieber 1956 — Z. Stieber. *Stosunek kaszubszczyzny do dialektów Polski lądowej*. Konferencja Pomorska (1954). *Prace językoznawcze*. Warszawa, 1956, 37–48.
- Stieber 1974 — Z. Stieber. *Świat językowy Słowian*. Warszawa, 1974.
- Sychta 1967–1976 — B. Sychta. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. I–VII*. Wrocław etc., 1967–1976.

Галина Алексеевна Лилич
Санкт-Петербург

ПРОФЕССОР И. А. БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ КАК ЭКЗАМЕНАТОР

*История славянского языкознания – И. А. Бодуэн де Куртенэ
и Дерптский университет – педагогическая деятельность Бо-
дуэна де Куртенэ*

Пять крупных университетов по праву гордятся тем, что виднейший славист прошлого И. А. Бодуэн де Куртенэ входил в разные годы в число их профессоров: Казанский (1875–1883), Дерптский (1883–1893), Краковский (1893–1899), Петербургский (1900–1918), Варшавский (1918–1922). Если научные идеи Бодуэна получили довольно глубокое освещение в трудах по истории языкознания, то деятельность его как педагога изучена еще мало. Между тем она органически связана с научной работой выдающегося ученого, развивавшего и в своих университетских лекциях теоретические положения, «которые в дальнейшем оказывались основополагающими для целых лингвистических направлений» (Звегинцев 1964, 235).

К наиболее плодотворным периодам научно-педагогической деятельности Бодуэна несомненно относилось его пребывание в Дерпте. Исследователь его творчества А. А. Леонтьев отмечает:

«Есть все основания считать именно дерптский период вершиной творческой биографии Бодуэна, временем, когда его научный гений проявил себя наиболее ярко и наиболее законченно: почти все из того, что создал Бодуэн в дальнейшем, было лишь развитием высказанных в дерптский период идей» (Леонтьев 1960, 12).

В Дерптском университете Бодуэн не только читал лекции по сравнительной грамматике славянских и других индоевропейских языков, общей фонетике, диалектологии и лингвистической географии славянских языков, но и проводил практические занятия по общему языкознанию, этимологии и по семи славянским языкам. Всего в его ведении находилось 30 (!) аспектов преподавательской работы (Смирнов, Дмитриев, Саф-

ронов 1991, 65 и сл.). Большое место занимала преподавательская деятельность Бодуэна и в других университетах. В 1929 г. Л. В. Щерба писал:

«<...> тысячи теперешних учителей русского языка получили от него тот или иной первоначальный импульс в области занятий языком» (Щерба 1957, 86).

В указанном коллективном труде С. В. Смирнова, П. А. Дмитриева и Г. И. Сафронова приведены интересные воспоминания учеников Бодуэна об его лекциях. Так, М. Фасмер писал:

«Редко мне в университете приходилось видеть ученых, так любящих свой предмет, так глубоко его понимающих, так страстно им увлекающихся и увлекающих других. Достоинство его лекций прежде всего следует видеть в их самостоятельности <...>. Этим он открывает своим ученикам совершенно новые области лингвистики, приучает их к такому же свободному, непредубежденному взгляду на предметы и цели исследования и воспитывает в них своим примером уважение и стремление к такой самостоятельности» (Смирнов, Дмитриев, Сафронов 1991, 88).

Восторженно отзывался о лекциях Бодуэна известный русист В. И. Чернышев:

«Вскоре после моего переселения в Петербург я узнал, что приехавший сюда временно профессор Бодуэн де Куртенэ будет читать в университете публичную лекцию. Я не упустил случая прослушать эту лекцию. <...> Бодуэн де Куртенэ говорил о значении категории грамматического рода в языках, не отличающих род и отличающих его. Речь его меня очаровала и поразила. Никакой артист в театре, никакой певец на сцене не привлекал так моего внимания, а главное, не приносил столько радости моему сознанию. Я чувствовал, что мне открывался свет знания, найденный пронизательной мыслью ученого» (Чернышев 1970, 676 и сл.).

Как уже было отмечено, немалое место в педагогической работе Бодуэна занимали семинары и практические занятия со студентами. Хорошее представление об этой стороне его деятельности дает, в частности, знакомство со специальными учебными пособиями, предназначенными для подготовки студентов к экзаменам по теоретическим дисциплинам. Так, начиная с 1875/76 академического года он почти ежегодно публиковал подробные программы своих лекций по общему курсу языковедения, применительно к русскому и другим славянским и индоевропейским языкам (Булахов 1976, 30; Шардзенидзе 1980, 121 и сл.).

Щерба особенно подчеркивал большое теоретическое значение книги Бодуэна «Сборник задач по 'Введению в языковедение', по преимуществу применительно к русскому языку», отмечая при этом, что «составление, а тем более переделки подобных вещей являются, конечно, жертвой для большого

ученого» (Щерба 1957, 88). Остановимся на некоторых сторонах этой книги, которая важна, как нам кажется, для воссоздания облика ученого и педагога.

Книга «воинствующе антитрадиционна» уже своей композицией. Начнем с того, что она не имеет обычного введения, — его роль выполняет весьма оригинальный последний раздел: «Послесловие и указания, как пользоваться этим задачником». Целесообразно процитировать здесь начало этого раздела, в котором содержится «кредо» Бодуэна-экзаменатора:

«В качестве профессора Петербургского Университета и Высших Женских Курсов я волей-неволей должен принимать участие в бесцельной, бессмысленной, оглупляющей и вообще вредной работе, называемой 'экзаменами'. При громадном количестве желающих получить паспортную отметку 'удовлетворительно' или даже 'весьма удовлетворительно' придумывание все новых вопросов составляет настоящую пытку, поглощающую много умственной энергии. Можно бы, конечно, упростить себе эту задачу, придерживаясь, так сказать, грамофонного метода: составить программу, разделить ее по номерам, <...> затем, устроив экзаменационную лотерею 'по билетам', набрать в рот воды и спокойно оценивать, правильно ли действуют пущенные в ход грамофоны, именуемые студентами или курсистками. Должен сознаться, что я никак не могу помириться с таким способом производства экзаменов, и поэтому теряю очень много времени и умственного труда на придумывание вопросов и на беседу с экзаменующимися. Заставлять всех студентов <...> проходить через экзаменационное горнило по 'введению в языковедение', равно как и по всем прочим факультетским 'наукам', есть просто бессмыслица. Но раз эта бессмыслица сделана обязательною, то, не желая относиться к ней цинически формально, надо ее как-нибудь осмыслить.

С моей точки зрения следует гоняться не за насаждением в голове разных более или менее интересных сведений, не за отождествлением человеческой головы со справочною книжкой, а необходимо привить этой голове понимание основных вопросов данной науки. Понять надлежащим образом хотя бы один научный вопрос из области существующего, происходящего и переживаемого гораздо ценнее, нежели проглотить много непереваренных частных и пересказывать собственными словами содержание прочитанных книг» (Бодуэн де Куртенэ 1912, 89 и сл.).

Структура «Сборника задач» Бодуэна определяется рядом его теоретических и методических постулатов. Остановимся на некоторых из них.

На первое место в книге выходит критика существующих учебников (преимущественно русского языка).

«Его беспощадная критика ходячих школьных грамматик, — писал Щерба, — <...> несомненно сыграла громадную роль в сдвиге в этой

области, наблюдаемом у нас за последнее десятилетие» (Щерба 1957, 86).

В этом смысле немаловажно значение рассматриваемого нами «Сборника задач». Характерны названия двух самых первых разделов пособия: «А. Из одобряемых и рекомендуемых учебными комитетами учебников. <...> Б. К ходячему мнению, повторяемому тоже учебниками». Из 337 вопросов сборника 45 сформулированы в таком стиле: «Допустимы ли, с логической и дидактической точки зрения, следующие утверждения учебников <...>?». Затем приводятся примеры из учебников, где наблюдается смешение буквы и звука, неправильное морфологическое деление слов, неразличение живых и неживых грамматических категорий и словообразовательных типов. С методической точки зрения важны рекомендации Бодуэна, побуждающие студента к теоретическому осмыслению выявляемых недостатков в ходячей учебной литературе, ср. вопрос 28 на с. 12: «Чем следует заменить все эти ложные показания и бессмыслицы? Как следует формулировать заменяющие их научные определения <...>?».

Наглядно опровергая 'ходячее мнение', что «слова состоят из звуков», Бодуэн в вопросе 39 на с. 15 приводит 25 (!) искусственных образований типа *пермисат*, *мырмылет*, *судумаха-лока*, *мякирикота*, *корголго*, *сумтуркул* и др., подводя учащегося к осознанию значимости морфем.

Как известно, лингвистическим воззрениям Бодуэна был свойственен психологизм, который, однако, сочетался с признанием и социального характера языковых явлений и процессов. Роль социальных моментов в развитии языка подчеркнута в «Сборнике задач» в разных его частях, особенно в разделе К. «Морфологическая ассимиляция ('аналогия') и семасиологическая ассимиляция ('народная этимология', 'народное словопроизводство', осмысление)». Данные явления, по словам Бодуэна, могли появиться благодаря определенным «психически-социальным условиям». Интересны приведенные (едва ли не впервые) примеры «народного словопроизводства»: *секутор* вместо *эксекутор*, *гувернянька* (гувернантка), *прижим* (режим) и др. (с. 69 и сл.).

Нельзя не обратить внимания на то, что и в содержании, и в стиле «Сборника задач» нашли отражение политическая ангажированность ученого, его яркий темперамент. Так, отнюдь не случайно среди слов, предлагаемых учащимся для научного транскрибирования и морфологического анализа (с. 45–47), помещены следующие ряды примеров: *сходка*, *стачка*; *лозунг*, *офицер*, *жандарм*; *митинг*, *сборище*; *народность*, *народник*; *война*, *борьба*, *битва*, *стрельба*, *пальба*, *кнут*, *нагайка*,

начальственное усмотрение; православие, самодержавие; партия, реакция, контрреволюция, провокатор, провокация; патриот, шпион, шпик и др. Нагнетание актуальных по содержанию политических слов-понятий — как голос тревожной эпохи, который бьется в университетские стены.

Как же протекал сам экзамен у Бодуэна? В конце своего «Послесловия» к книге он подчеркивает:

«Само собой разумеется, что было бы крайним педантизмом и просто нелепостью требовать от экзаменуемых переработки всех содержащихся в «Сборнике» задач. Совершенно достаточно выбрать по несколько задач из каждого отдела и решить их сознательно» (с. 91).

Сохранились и воспоминания слушателя об экзамене у Бодуэна. В. Шкловский пишет:

«Иду не как на экзамен: экзамены у Бодуэна де Куртенэ были легкие. Он, хотя и задавал трудные вопросы, но не удивлялся незнанию. Огорчался прежней ложной учености и шрамам, оставшимся на теле языкознания от пут классической филологии, увлечения многотчением. Удивлялся тому, что люди за книгой не видели жизни языка, за словом — мысли» (Шкловский 1961, 109).

ЛИТЕРАТУРА

- Бодуэн де Куртенэ 1912 — И. А. Бодуэн де Куртенэ. *Сборник задач по «Введению в языковедение», по преимуществу применительно к русскому языку*. С.-Петербург, 1912.
- Булахов 1976 — М. Г. Булахов. *Восточнославянские языковеды. Библиографический словарь*. Т. I. Минск, 1976.
- Звегинцев 1964 — В. А. Звегинцев. *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. Ч. I. Москва, 1964.
- Леонтьев 1960 — А. А. Леонтьев. *Творческий путь и основные черты лингвистической концепции И. А. Бодуэна де Куртенэ*. И. А. Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти). Москва, 1960, 5–27.
- Смирнов, Дмитриев, Сафронов 1991 — С. В. Смирнов, П. А. Дмитриев, Г. И. Сафронов. *Русское и славянское языкознание в России середины XIX – начала XX вв.* Ленинград, 1991.
- Чернышев 1970 — В. И. Чернышев. *Избранные труды в двух томах*. Т. II. Москва, 1970.
- Шарадзенидзе 1980 — Т. С. Шарадзенидзе. *Лингвистическая теория И. А. Бодуэна де Куртенэ и ее место в языкознании XIX–XX веков*. Москва, 1980.
- Шкловский 1961 — В. Шкловский. *Академик Краковской академии И. А. Бодуэн де Куртенэ*. Знамя, Москва, 1961, № 9 (цит. по: С. В. Смирнов, П. А. Дмитриев, Г. И. Сафронов. Указ. соч., 109–114).
- Щерба 1957 — Л. В. Щерба. *И. А. Бодуэн де Куртенэ и его значение в науке о языке (1845–1929)*. Л. В. Щерба. *Избранные работы по русскому языку*. Москва, 1957, 85–96.

Аго Кюннап
Tartu

МИХКЕЛЬ ВЕСКЕ И СУБСТРАТНЫЕ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ ТОПОНИМЫ СЕВЕРНОЙ РОССИИ

Финно-угорско-русские языковые и этнические отношения — М. Веске о генезисе населения северной и средней части России — дискуссионность некоторых вопросов в трудах современных финно-угроведов — прибалтийско-финские апеллятивы в Северо-русском регионе — оценка труда Веске «Славяно-финские культурные отношения по данным языка» (1890)

Михкель Веске (1843–1890) первым из эстонских языковедов защитил свою докторскую диссертацию на Западе — в 1872 г. в Лейпциге. Работал в 1874–1887 в Тартуском университете лектором эстонского языка, стал в 1886 г. преподавателем финно-угорских языков в Казанском университете. Веске внедрил в Эстонии новый для того времени сравнительно-исторический метод. Он совершил лингвистические экспедиции к мордве и мари и издал работу о марийских диалектах. В 1890 г. в Казани вышла его книга о славяно-финно-угорских культурных отношениях по языковым данным (Веске 1890).

Эта книга состоит из четырех частей: 1) финно-угорские слова в русском языке; 2) славянские, русские и литовские слова в финно-угорских языках; 3) общие слова в русском, других славянских, литовском и финно-угорских языках; 4) индекс приведенных в книге слов. Веске отмечает, что население северной и средней России являлось когда-то полностью финно-угорским. Позже на этой территории появились русские. Далее Веске рассматривает финно-угорские субстратные топонимы на указанной территории (к северно-русской части я еще вернусь).

Основная часть книги — анализ словаря. Из индекса слов в конце книги видно, что анализ Веске охватывает следующее количество слов различных языков и диалектов: славянские реконструированные основы — 130, русские слова — 332, литовские — 94, финские — 464, эстонские — 366, ливские — 82, водские — 40, вепские — 46, мордовские (эрзянские и мокшан-

ские) — 112, марийские — 57, коми — 67, саамские — 72. В анализе можно найти также и лексику других языков.

Я не являюсь специалистом в области этимологизации слов и поэтому не берусь давать оценку достоверности этимологий Веске. К тому же такая оценка имела бы значение лишь с точки зрения истории науки. Кроме того, во многих случаях все еще отсутствуют окончательные критерии для подобной оценки. Укажу лишь, что на основании более современного анализа В. Фенкера можно говорить приблизительно о 1300 уральских (финно-угорских и самодийских) заимствованиях в русском языке (Veenker 1967). И, наконец, заимствованные слова: они не являются, на мой взгляд, ни единственными, ни даже самыми важными доказательствами межъязыковых контактов. Но во времена Веске — как часто все еще и в наши дни — ударение делалось на анализе словаря.

Несмотря на это, Веске был основоположником чего-то, что имеет в современной уралоистике исключительную важность.

Лингвисты С. Г. Томасон и Т. Кауфман пишут (Thomason, Kaufman 1988, 238–251), что когда носители балтийских и столетиями позже — славянских языков распространились в северном и восточном направлениях, они встретили носителей неиндоевропейских языков, скорее всего финно-угорских. Имеется, по меньшей мере, два исторических обстоятельства, показывающих, что носители разных финно-угорских языков перешли на балтийские и славянские языки. Древние летописи подтверждают контакт славянского и финно-угорского населения к 862 г., но возможно, что контакт состоялся уже в VI в. Балтийцы вошли в контакт с финно-уграми еще раньше. Носители прибалтийско-финских языков на побережье Финского залива от Нарвы до Петербурга и в окрестностях побережья Белого моря начали переходить на русский язык в XIII в. Но финно-угорские языки оказали влияние на все славянские языки, следовательно, до распада славянской языковой общности и тем самым до появления прямых доказательств славяно-финно-угорских контактов.

Далее Томасон и Кауфман рассуждают так: если предки русских вступили в контакт с финно-уграми в VI в., то понадобилось некоторое время для распространения финно-угризмов от северных славян до южных. Такое распространение могло иметь место до X в., когда, видимо, еще сохранялись контакты между всеми славянами. Самые новые славяно-финно-угорские контакты проявляются, естественно, в северных диалектах русского языка. Томасон и Кауфман считают финно-угорский субстрат в славянских языках скорее умеренным, чем сильным: большинство наследственных индоевропейских черт в них со-

хранилось. Они приводят анализ ряда конкретных возможных финно-угорских субстратных явлений в славянских языках, учитывая при этом и возможность параллельного однотипного развития в обеих языковых семьях.

Из того факта, что предполагаемый финно-угорский субстрат в славянских языках — фонетический и морфосинтаксический, а лексического субстрата практически нет, Томасон и Кауфман делают вывод о том, что можно говорить о смене языка, а не просто о заимствованиях (там же, с. 239–240). Т. е. имеется в виду, что при смене языка новый язык осваивается неизбежно, а с ошибками в произношении, в образовании морфологических форм и предложений (о таком финно-угорском субстрате в славянских языках см. подробнее, напр.: Кюннап 1998, 261–267). Лично я сам считаю, что рассматриваемая смена языка началась значительно раньше, чем предполагают Томасон и Кауфман, и длилась, возможно, в течение тысячелетий.

Я хотел бы подчеркнуть, что ученые становятся в последнее время все чаще приверженцами т. н. пионерской теории, согласно которой появление нового археологического культурного комплекса не обязательно связывать с массовым прибытием нового населения — достаточно перемещения немногочисленных распространителей-пионеров этой культуры. А лингвисты стали все более связывать смену языка с престижем языка: языковое большинство могло перейти на язык меньшинства, если новый язык был для него престижным. Индоевропейский язык земледельцев был для финно-угрозязычных охотников и рыбаков престижным, так как земледелие обеспечивало проживание в 50 раз большему числу людей, чем охота и рыболовство.

Следовательно, можно предположить, что на финноугрозязычную территорию распространилось лишь небольшое количество славян, но их язык был там усвоен со стороны большого количества финно-угров. Археолог П. Лиги, на мой взгляд, обоснованно считал (Ligi 1994, 822–823), что никакой обширной славянской земледельческой колонизации территории нынешней Северо-Западной России в период с 500 г. по 1300 г. н. э. археологические и антропологические материалы не подтверждают. Именно очень небольшим количеством славянских иммигрантов объясняется большое генетическое сходство эстонцев, карелов, вепсов и живущих по соседству русских. Лиги был убежден, что на большей части территории Древнерусского государства основным процессом была смена языка, а не биологическая ассимиляция. Обрусели и меряне. Русские в окрестностях Москвы также генетически очень сходны с прибалтийскими финнами. Лиги предпочитает пользоваться такими терминами, как *языковой престиж*, *двуязычие*, *власть*, *социальная*

мобильность и *доминирующая роль знати*. Местная финно-угорская знать Северо-Западной России обрусела, простой народ сохранял свой финно-угорский язык дольше.

Переходя к проблематике субстратной прибалтийско-финской топонимии Северной России, приведу оценку известного исследователя субстратной топонимии указанной территории А. К. Матвеева, соответствующую идеям книги Веске:

«В основном Веске ограничивается тем, что приводит этимологии Шегрена и Кастрена, но иногда и свои интерпретации. Они не всегда удачны. <...> Есть в работе Веске и другие явные ошибки. Однако и в этом во многом устаревшем труде исследователь [субстратной] т[опонимии] Р[усского] С[евера] (СТРС) может найти для себя немало интересного». (Матвеев 2001, 18–19)

«В методологическом отношении ценно замечание о необходимости применения звуковых законов не только к нарицательным, но и к собственным именам, а также мысль о том, что древняя чужь некоторое время говорила на двух языках, постепенно забывая родную речь и переходя на русский» (Веске 1890, 2).

Это четкое указание на билингвизм очень важно для понимания особенностей СТРС. Существенным представляется и вывод Веске о том, что прибалтийские финны не были первоначальным населением Русского Севера: до них здесь обитали другие финно-угры — предки или родственники коми-зырян, остяков (ханты), вогулов (манси) или каких-либо вымерших племен (Веске 1890, 15).

Я хочу обратить внимание на данные, которые указывают на присутствие прибалтийско-финских или подобных им языков в прошлом на обширной территории к востоку от территории нынешнего распространения прибалтийско-финских языков. Тут я использую, в первую очередь, данные финского исследователя Я. Саарикиви, а также русского исследователя Матвеева и руководимой им рабочей группы. (Топонимическая экспедиция Уральского университета). В последнее время стали снова интересоваться проблематикой прошлого распространения прибалтийско-финских или подобных им языков значительно восточнее территории нынешнего распространения прибалтийско-финских языков — в Северо-Восточной Европе, возможно, вплоть до Урала. Такое предположение основывается на данных исследования субстратного словаря русских диалектов указанной территории. Матвеев и его рабочая группа предполагают наличие в тех же диалектах и саамского субстрата.

Собранный рабочей группой материал связан, конечно, с топонимами и ландшафтными нарицательными существительными (апеллятивами). Неопубликованные материалы рабочей

группы мне, к сожалению, недоступны, но с ними в Екатеринбургe ознакомился Саарикиви. Он дал в мое распоряжение два своих неопубликованных текста (Saarikivi 2001; Сааракиви 2002), за что я выражаю ему мою искреннюю благодарность.

Матвеев считает субстратным топонимическим регионом Северной России Архангельскую и Вологодскую области (Матвеев 2001, 48; см. и карту 1). Тем самым этот регион соприкасается на западе с территорией нынешнего распространения прибалтийско-финских языков. Тем же регионом ограничивается и анализ Саарикиви (Саарикиви 2002). Саарикиви правильно отмечает, что сейчас невозможно определить, на каких уже исчезнувших языках когда-то говорили в регионе. Поэтому нельзя также установить, какие исчезнувшие языки оставляли в регионе субстратные топонимы и ландшафтные нарицательные существительные. В случае предполагаемых саамских субстратных слов региона Саарикиви считает некорректным связывать их со словами современных саамских языков. Такого же мнения он относительно части предполагаемых прибалтийско-финских субстратных слов. Саарикиви пишет, что какая-то часть субстратных слов региона может, в принципе, восходить и к финно-угорским промежуточным праязыкам (или близким с ними состояниям), в том числе к прибалтийско-финско-саамскому праязыку. Особенно с последним утверждением мне трудно согласиться, так как я убежден, что такого праязыка никогда не существовало: на самом деле саамы сменили свой более или менее чужой язык финно-угорского или нефинно-угорского типа на прибалтийско-финский тип языка. В новом языке саамов сохранился субстрат их прежнего языка (см. подробнее: Künnap 2002, 160–164, 171–172).

Естественно, отрицание прибалтийско-финско-саамского праязыка не решает проблем языковой конкретизации происхождения финно-угорского субстрата региона. Часть предполагаемых саамских субстратных слов, несомненно, трудно связать со словами современных саамских языков. Это же в некоторых случаях относится и к предполагаемым прибалтийско-финским субстратным словам. Кроме того, имеются случаи, похожие на сочетания слов этих двух языковых групп, напр., *Чуча/немь* (саам. *gluchar* + приб.-фин. ‘*мыс*’?). Саарикиви, впрочем, отрицает возможность таких сочетаний (Saarikivi 2001).

Саарикиви указывает также на тот факт, что большинство наиболее частых топонимов и ландшафтных апеллятивов прибалтийско-финских и саамских языков — неизвестного происхождения, т. е. им не удалось найти этимологических соответствий в других уральских (финно-угорских и самодийских) язы-

ках. Поэтому он предполагает, что указанные слова являются субстратом из неизвестных неуральских языков, на которых говорили когда-то на нынешней территории прибалтийско-финских и саамских языков. Следовательно, и в регионе Северной России часть субстратных слов, напоминающих прибалтийско-финские и саамские, могут происходить непосредственно из подобных исчезнувших неуральских языков, на которых там когда-то говорили (Saarikivi 2001). Эти замечания Саарикиви следует признать очень меткими. Если исходить из традиционных взглядов, согласно которым уральские языки образовались дивергентным путем из единого праязыка, его предположения вполне логичны. Но так как я убежден, что уральские языки образовались конвергентным путем из более или менее различных языков, то я предпочел бы считать указанные прибалтийско-финские и саамские топонимы и апеллятивы своего рода внутренним субстратом, т. е. словарным наследием тех более или менее различных языков, которые путем конвергенции образовали современные финно-угорские языки.

Но, придерживаясь темы своей статьи, я оставляю в стороне всю эту проблематику и постараюсь ответить только на один вопрос: имеются ли в Северо-русском регионе субстратные топонимы и ландшафтные апеллятивы бесспорно прибалтийско-финского происхождения или, по меньшей мере, прибалтийско-финского типа? Не совсем полную, но достаточно обзорную картину прибалтийско-финского субстратного материала в Северо-русском регионе дает соответствующая таблица в рукописной статье Саарикиви (Саарикиви 2002). Саарикиви представил в своей таблице 50 самых частотных топонимических детерминантов финского языка с их имеющимися субстратными соответствиями в регионе. Приведу из его таблицы только те данные, которые наиболее убедительно подтверждают наличие прибалтийско-финского субстрата в регионе. В первой колонке — финские слова, во второй — их русские субстратные соответствия в регионе (при наличии фонетических вариантов я привожу лишь наиболее близкий к финскому слову; элементы нарицательной лексики написаны курсивным шрифтом), в третьей — их русские переводы. Строка 19 внесена в таблицу на основании текста Саарикиви, а строки 20–22 — по данным в труде Матвеева (Матвеев 2001, 230–242).

1.	-la /-lä	-ла	суффикс ойконима
2.	<i>pelto</i>	-пелда	‘поле’
3.	<i>Niemi</i>	-нем	‘мыс’
4.	<i>saari</i>	-сар	‘остров’
5.	<i>lampi</i>	-ламба, <i>ламбина</i>	‘маленькое озеро’
6.	<i>lahti</i>	лахта	‘залив’

7.	<i>niitty</i>	ниту(шки)	‘луг’
8.	<i>haka</i>	хака	‘выгон’
9.	<i>ranta</i>	-ранда	‘берег’
10.	<i>maa</i>	-ма	‘земля’
11.	<i>kivi-</i>	кив-	‘камень’
12.	<i>kytö</i>	кита	‘пожог’
13.	<i>neva</i>	нёв-, нёб-	‘водоем’
14.	<i>kylä</i>	-кула	‘деревня’
15.	<i>luoto</i>	луда	‘маленький остров’
16.	<i>lehto</i>	лехта	‘роща’
17.	<i>vuori</i>	вора	‘гора’
18.	<i>salmi</i>	салма	‘проток’
19.	<i>selkä</i>	сельга	‘гора, хребет’
20.	<i>korpi</i>	-корба	‘глухой заболоченный еловый лес’
21.	<i>niemeke</i>	-нимак	‘мысок’
22.	<i>rauna</i>	павна	‘сырое место на лугу’ и пр.

В других печатных источниках можно найти еще много подобных случаев (см. карту 2), но достаточно и этих, чтобы убедиться, что на территории Северно-русского субстратного региона проживали когда-то прибалтийские финны. К сожалению, остается пока без ответа другой вопрос: как далеко на восток простиралась территория проживания прибалтийских финнов? Отдельные ссылки на простираение этой территории до Урала в публикациях все же можно найти (см., напр., Матвеев 1980). А Михкель Веске был в своей книге на правильном пути.

ЛИТЕРАТУРА

- Веске 1890 — М. П. Веске. *Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка*. Казань, 1890.
- Кюннап 1998 — А. Кюннап. *Возможный финно-угорский субстрат в славянских языках*. Языки малые и большие... In memoriam acad. Nikita I. Tolstoi. (Slavica Tartuensia IV). Tartu, 1998, 261–267.
- Матвеев 1980 — А. К. Матвеев. *Географические названия Урала. Краткий топонимический словарь*. Свердловск, 1980.
- Матвеев 2001 — А. К. Матвеев. *Субстратная топонимия Русского Севера*. I. Екатеринбург, 2001.
- Саарикиви 2002 — Я. Саарикиви. *Саамская субстратная топонимия Русского Севера с точки зрения сравнительной финно-угристики*. (Рукопись, 2002).
- Künnap 2002 — A. Künnap. *Võimalikud keelevahetused uurali keelte rühmas*. Fenno-Ugristica 24. Keelekontaktidest keelevahetusest/From Language Contacts to Language Shifts. Tartu, 2002, 156–174.
- Ligi 1994 — P. Ligi. *Tuuleveskid, Dulcinea ja Eesti esiajalugu*. Looming, Tallinn, № 6, 812–823.
- Saarikivi 2000 — J. Saarikivi. *Kontaktilähtöinen kielenmuutos, substraatti ja substraattinimistö*. Virittäjä, Helsinki, 393–415.

Saarikivi 2001 — J. Saarikivi. *Maastoappellatiivit proprien iaappellanivien välisenä rajapintana: kontaktlingvistiikan ja etymologian näkökulmia.* (Рукопись, 2001).

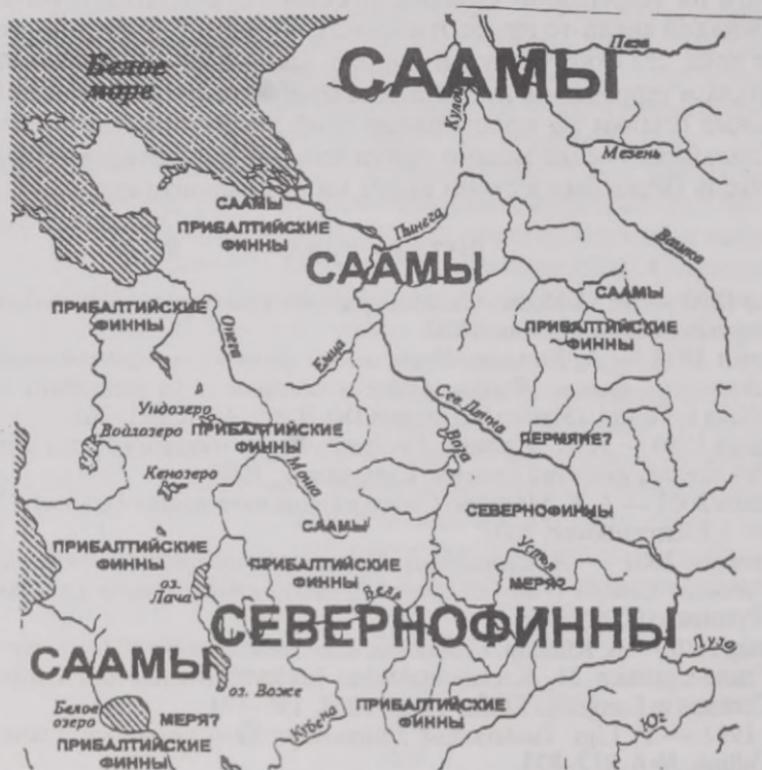
Thomason, Kaufman 1988 — S. G. Thomason, T. Kaufman. *Language Contact, Creolization and Genetic Linguistics.* Berkeley – Los Angeles – Oxford, 1988.

Veenker 1967 — W. Veenker. *Die Frage des finnougriischen Substrats in der russischen Sprache.* (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series 82). Bloomington, 1967.

Приложение

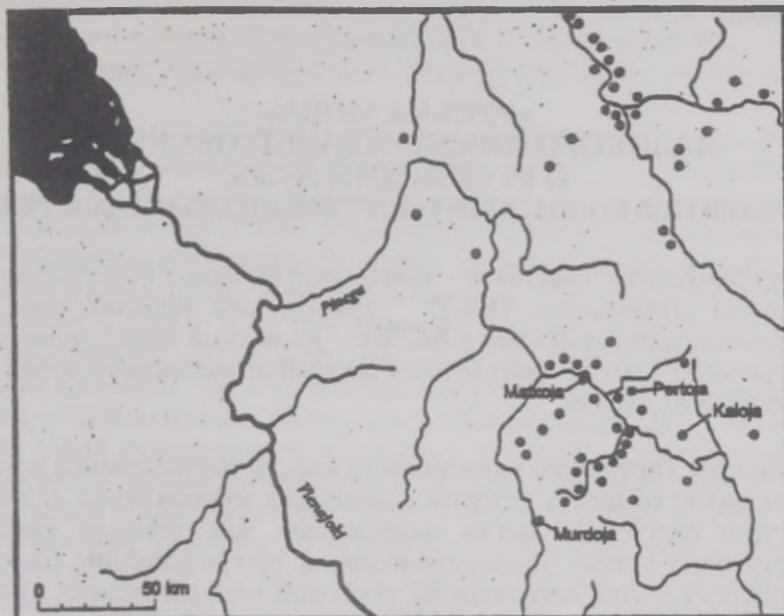
Карта 1

Северно-Русский субстратный регион (*севернофинны* обозначает иное финно-угорское население, чем прибалтийско-финское и саамское; Матвеев 2001, 345).

Карта 2

Прибалтийско-финские субстратные топонимы с частицей -ой(а) в Северно-Русском субстратном ареале (?) (с некоторыми конкретными примерами, черным обозначено Белое море; Saarikivi 2000).

Светлана Ивановна Рагрина
Tallinn

**«РУСЬКА МОВА»
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО
И РУСИНСКИЙ ЯЗЫК**

(К РАЗВИТИЮ КОНЦЕПЦИИ ТАРТУСКОЙ ШКОЛЫ СЛАВИСТИКИ)

Историческая славистика – литературный язык Великого княжества Литовского (ВКЛ) – руська, или проста мова – церковнославянский язык в ВКЛом – русинский язык – история русинского языка – письменная фиксация русинского языка – Леонтий Карнович

Слависты Тартуского университета внесли значительный вклад в развитие теории и истории славянских микроязыков. В концепции тартуской школы микроязыки, как правило, имеют достаточно четкие хронологические и географические рамки, характеризуются собственной системой единиц разных уровней, их вариантами, а следовательно, и нормой, хотя далеко не всегда обладают кодификацией (Дуличенко 1981). Большое внимание в работах А. Д. Дуличенко уделяется теории лингвонимов, поскольку именно лингвоним, при размытости всех перечисленных черт языка и в условиях слабой изученности истории славянских микроязыков, позволяет фиксировать самостоятельность той или иной языковой системы. Однако при этом сам лингвоним является категорией не абсолютной, а относительной, а порой приобретает чисто символическое значение, что мы и попытаемся показать на одном примере.

В статье рассматривается возможность использования в едином терминологическом ряду таких разноуровневых лингвонимов, как *проста/руська мова* и *русинский/рутенский язык*. Первый из этих лингвонимов в современном языкознании принято употреблять скорее для характеристики языковой ситуации Великого княжества Литовского в целом и для обозначения языка т. н. «синкретичной письменности», а не для номинации конкретного языка, хотя такие попытки предпринимались и продолжают предприниматься. Второй лингвоним в настоящее время используется для обозначения нескольких реальных славянских микроязыков (в Восточной Словакии, Югославии, За-

карпатской Украине, Польше, Венгрии, штате Пенсильвания — США).

Несмотря на столь разный объем лингвонимов, история целого ряда текстов дает основание для постановки вопроса об употреблении терминов в едином ряду. Материалом для дальнейших рассуждений могут служить тексты, составленные проповедником конца XVI – начала XVII в. Леонтием (Лонгином) Карповичем, архимандритом Свято-Духова монастыря в Вильно.

В собрании рукописей и старопечатных книг Славянской библиотеки Хельсинкского университета хранится не упомянутый в библиографических описаниях раритет — один из немногочисленных экземпляров старопечатной кириллической книги, содержащей две проповеди архим. Леонтия Карповича. Книга напечатана в православной братской типографии в Евье, близ Вильно, в 1615 г. Уже сам внешний вид книги включает ее в определенную символическую систему. Использован шрифт двух размеров: фрагменты на «мове» напечатаны крупным полууставом, цитаты на церковнославянском языке — мелким, что имеет существенное значение в условиях «семиотизации» графики в ВКЛом, которая стала свидетельствовать о конфессиональной принадлежности текста (Морозова, Темчин 1997, 21). В униатских изданиях цитаты на церковнославянском языке печатались крупным шрифтом; таким образом, использование размеров шрифта противопоставляет одну традицию другой. Форзацы хельсинкского экземпляра плотно исписаны неразборчивой скорописью (которую мы до сих пор, к сожалению, не имели времени расшифровать). Отметим лишь, что в скорописном тексте на форзацах, не имеющем отношения к содержанию книги, упоминается фамилия «Мазепа», и что само противопоставление полуустава и скорописи в ВКЛом соответствует противопоставлению «сакрального – профанного». На титульном листе хельсинкского экземпляра значится заголовок:

Казанье двое одно на Преображеніе Гда Бга и Спса нашего Іс Ха Другое на Успеніе Прчстое и преблагсвенное Владцы нашео Бгцы прсно Двгы Маріи которое мѣла Оцъ Леонтіи Карповичъ, Архімандритъ Монастыря оуцежителного, Братского Виленского, Цркви Сошествіа Стго и Животворящаго Дха. В року ахеі Мсца Лвчуста 5, и єі дна веддѣть старожитнаго в Никеи Дхомъ Стымъ поставленнаго Календаря. Печатано в поместыи его милости князя Богдана Окгинскаго, подкоморія Троцкого въ Евю.

Обращают на себя внимание разночтения на титульном листе одного и того же издания. Так, на другом экземпляре использован полонизированный оборот — «друковано в маєтности его милости, князя Богдана Окгинского, подкоморого Троцкого в Евю» (Левшун 2001, 88).

Обе проповеди Леонтия Карповича в композиционном и содержательном аспекте представляют собой талантливый образец т. н. «русской проповеди под влиянием польско-латинской модели» (Разумихин [б. г.], 62): их характеризует обширный объем и обилие источников (несколько десятков), из которых заимствованы цитаты и мотивы, композиция точно соответствует принципу «*exsordium, narratio, conclusium*». Навыки польско-латинской школы проповеди не выглядят искусственными, как это нередко случается у других «западно- и южнорусских авторов», так как Леонтий Карпович является именно создателем произведений, а не компилятором, а его проповеди — «ученой», но при этом весьма эмоциональной беседой, построенной по ассоциативному принципу и побуждающей слушателя к сопереживанию.

Проповеди Леонтия Карповича написаны одновременно на двух языках — церковнославянском (многочисленные и пространственные цитаты) и «простой, или русской мове» (толкования на Евангелия, Апостол, Минею и Псалтырь, мотивные заимствования из более ранней гомилетики, авторские рассуждения).

О соотношении церковнославянского языка и «русской мовы» в тексте можно судить, напр., по небольшим начальным фрагментам «Казаня на Преображение». Текстовый блок 1 представляет собой оригинальный авторский текст на «мове»; блок 2 — заимствованный гимнографический текст — стихиру празднику, которая цитируется на церковнославянском языке. В блоке 3 после авторского текста на «мове» следует пересказ, также на «мове», текста Псалтыри.

1. Црковь Стал восточная, Православные Христиане, о вышнѣшнѣмъ презацномъ дни и хвалебномъ празднице пѣсни и гимны ѿ вышнее бгословіи оутвореные в дѣховномъ веселию и оутѣсѣ спѣваючи в єдномъ з нихъ тыми словы мовить:
2. Прийдѣте възидемъ на гору Гданю, и въ домъ Бга нашего и оцзримъ славу Превраженіа его, славу яко единачадца ѿ Отца, свѣтомъ примѣмъ свѣтъ, и предложени вышше дхомъ, троицу единосущнѣю въспоемъ въ вѣки.
3. З радостю ѿ тебе слышимъ, матко наша Цркви, тот твой так мильи и солодкій к намъ голос, вѣачне приймѣмъ тое напоминане, хутливими се ставимъ на выконане того розказаня твоего. И хто бо вѣмъ того бы совѣ не зычыл абы тые всѣ слова скѣткомъ вымовити могл, хто бы на так сличный видокъ не рад глэдѣл, хто бы къ такъ милому и пожаданому кресу не рад вѣѣжалъ, хто бы с пѣвцемъ его Щемъ крилъ голубиныхъ не потребовалъ, абымогл възлетѣти на тою гору, для которое радѣются и играютъ дргѣи горы а пагорки скачѣтъ яко баранки, на тою мовлю, гору, которая вторымъ небомъ са стала для показане на ней небсаго црл славы.

Распределение «мовы» и церковнославянского языка в цитатах не единообразно. В целом почти всегда по-церковнославянски

цитируется гимнография, в то время как другие источники могут цитироваться либо на церковнославянском языке, либо на «мове». Такое распределение демонстрирует блок 4, в котором приводится церковнославянский текст Евангелия от Матфея (однако с местной чертой – «створымъ»), и блок 5, в котором Евангелие от Луки передается на «мове»:

4. верховный Апостолъ Петръ, якъ в нѣякомъ изцплению оныѣ слова заволааъ
Господи добро есть намъ здѣ быти. Яще хоцещи сътворимъ здѣ три сѣни,
тебѣ едину, и Моисеови единоу и едину Илии
5. Не вѣдаешъ Петре и самъ што мовишь естесъ бо вѣмъ пиянымъ.

О том, что автор «Казаний» знал как церковнославянские, так и польские первоисточниками и пользовался ими в рамках характерного для своего сословия билингвизма или гомогенного двуязычия, в особенности убедительно свидетельствуют литургические термины и ключевые слова темы Преображения и Успения. Среди ключевых слов встречаются как церковнославянизмы:

преовражение, Господь, воскреснѣть, в воскресение животу, бесконечная слава, три скинии, закон, завет, вера, надежда, любовь, тело и душа, богоразумие, святой, нерукотворенный, честь и слава),

так и параллельные им восточнославянизированные полонизмы:

преображене/пременье, Господь/Панъ, прооврозование/фигура, слава/хвала, прореченный/пророкованный, преовразися/прекфигуровался, завеса/покрывало albo заслона, надежда/надея, скиния/привыток, тленне/зепсование, жертва/офера, благодать/ласка,

Наличие этих синонимических пар в пределах одного текста доказывает, видимо, и знакомство Леонтия Карповича с двумя параллельными литургическими практиками — традиционной и с реформационными элементами. Эквивалентами слов, которые могут быть отнесены к наиболее частотным в церковнославянских текстах, в проповедях Леонтия Карповича во многих случаях являются синонимы «мовы» (полонизмы и восточнославянизированные полонизмы, латинизмы), напр.:

видокъ (видение), сличный (преславный), працы (труд), заволаа (воскликнул), шаты (ризы, одѣяние), преможного (всесильного), рокуючого (веседающего), въ кштатѣ и постати, въ овразѣ и фигурѣ (образе и подобии), досконалая (совершенная), припатритися (приовшиться), захвицене (искупление), мовишь (глаголеши), привытки (кущи), скоштовати (вкусити), мѹка (страдание), зезд (собор), прагнене (жажда), триѹмфовати (праздновати), отчизна (отечество), дѹхъ оживляющий (дѹхъ животворящий), цноты (добродетели), пелкрымские (страннические), отрыманием (одержанием), прерокативою (преимуществом), старого закону (ветхаго завета), звитажства (поведы), подарки и упоминки (дары и даяния), фест (празднество), клейноты (сокровица), скѹтки (плоды), подняте (распяtie), оздова (лепота), прагнул (жаждал, возжелал), невымовне (неизреченно), речах (предметах), палацах (чертогах), велможность (величие),

педаггоги (наставники), дишкүрүець (рассуждает), лист (послание), сүмнение (совесть), префримарчати (променять), зацность (достоинство), скарвы (стяжания), преможного Кроля (всемогущего царя), литера, силлава (буква), сметье (прах).

Большая часть приведенных выше слов относится к общему фонду польского, старобелорусского и староукраинского языков. Фонетика и грамматика текстов «Казаний» в высокой степени восточнославянизированы, но в то же время имеют и польские черты, что нередко входит в явное противоречие с кириллической графикой и орфографией, напр.:

естесь, естесмо, обачы, отрымане, през, звыгяжства, кгы

Таким образом, лексический и грамматический состав проповедей Леонтия Карповича, создавая противоречивую картину, не позволяет однозначно определить диалектную основу варианта «мовы», представленного в «Казанях», и лишь кириллическая графика дает основание чисто символически определять ее как «руську» (в оппозиции «польской»), а соотношение шрифтов как «православный» (в оппозиции «униатскому») текст. Именно в первом смысле язык произведений Леонтия Карповича может быть определен как «русинский». Примечательно, что в значении «не-поляк» слово *русин* зафиксировано, напр., у Лазаря Барановича:

«Русин до поляка шось по-польску балака», «звір се дикий для русина — що польцизна, що латина», «тішся, ляще, що русини твою мову цінять нині», «русин од ляха у тім не одстане».

Сопоставление проповедей Леонтия Карповича с другими манифестациями «руської мовы» еще раз убеждает в том, что этот лингвоним может употребляться лишь в собирательном значении. Как известно, Н. И. Толстой на ранней стадии изучения проблемы «западно- и южнорусского» литературного языка справедливо отмечал, что в одних случаях этот язык приближался к белорусскому, в других — к украинскому, в третьих — к польскому языку, но никогда не являлся фиксацией того или другого белорусского или украинского диалекта, представляя собой часто «эксперимент создания своеобразного литературного койне» (Толстой 1963, 245).

Сложность и неоднозначность определения диалектной основы той или иной манифестации «мовы» нередко отражается в разногласиях исследователей украинской и белорусской литературы [напр., в случае с Леонтием Карповичем в таких источниках, как *Українські письменники* (Українські письменники 1960) и *Кніга Беларусі* (Кніга Беларусі 1986)], где Леонтий Карпович называется соответственно украинским или белорусским писателем. В недавно вышедшей работе Л. Левшун (Лев-

шун 2001) Леонтий Карпович однозначно называется белорусским писателем, а язык его произведений «старобелорусским», как нам представляется, без достаточно убедительных доказательств. Факт излишней политизации проблемы «русской мовы» хорошо известен ее исследователям:

«при разделе культурного наследия ВКЛого на отдельные национальные составляющие неизбежно теряются процессы их взаимодействия и взаимовлияния, которые и делали этот сложный литературно-языковой комплекс относительно единым целым» (Морозова, Темчин 1997, 7).

Не проясняют картину и данные, представленные в работах биографов Леонтия Карповича, так как демонстрируют феномен двух версий биографии проповедника. Согласно первой из этих версий (Харлампович 1898; Українські письменники 1960), весь жизненный путь Леонтия Карповича был связан с Вильно: родился в 1580 или 1581 г. в шляхетской православной семье, образование получил в братской школе в Вильно, стал членом православного братства. Был энергичным защитником православия: в 1609 г. выступал на Варшавском сейме против униата Ипатия Потя, в 1610 г., будучи старшим типографом и корректором православного виленского братства, руководил изданием «Френоса», полемического произведения Мелетия Смотрицкого против Унии. В 1610–1612 гг. устраивает новый общежительный монастырь (Смирнов 1888; Сцепуро 1899), а в 1613 г. становится его архимандритом и ректором братской школы. В 1620 г. за «ревность по вере» Леонтий Карпович был номинирован во Владимирские и Брестские епископы, однако в том же году скончался.

Согласно другой биографической версии (Нечаенко 1843–1844; Леонид 1878), жизнь Леонтия Карповича была связана не только с Вильно, но и с Волынью, а также с Киево-Печерской Лаврой. Так, архим. Леонид уточняет, что образование Карпович получил не в Вильно, а на Волыни в русских школах Острожских, где, как известно, были сильны не только традиционные православные, но и реформационные и ренессансные идеи. А с 1613 г. Карпович, по данным архим. Леонида и П. С. Нечаенко, стал иеродиаконем Киево-Печерской Лавры.

Таким образом, в образовании и, что очень важно отметить, в языке этого образования, а следовательно, и проповедничестве отразились как «литовские», так и «волынские», «киевские» черты, которые все вместе составляли основу «мовы» Леонтия Карповича.

Как уже отмечалось, А. Д. Дуличенко в работах, посвященных славянским микроязыкам, показал, что неустойчивость лингвонима сама по себе непосредственно связана с отсутствием устойчивых норм и кодификации того или иного языка (Ду-

личенко 1981, 20), что ярко проявляется и в рассматриваемом случае. Как средство общения «мова» в ВКЛом полифункциональна и в статусном отношении высоко престижна (это язык канцелярии, многих церковных и светских произведений, «государственный язык») ВКЛого (Морозова, Темчин 1997, 14), язык как православной, так и униатской, а в некоторых случаях, и католической проповеди). Но эта языковая система, насколько позволяют судить известные на сегодня факты, в XIV–XVI вв. не кодифицирована и существует по законам «саморегуляции», хотя и делаются попытки ее описать (так, в 1643 г. И. Ужевич в Париже издает на латинском языке «Грамматику словенскую», описывающую нормы «простой мовы»). Современные исследователи называют эту грамматику «староукраинской», «старобелорусской» и «русинской».

Безуспешно пытаюсь как можно точнее уловить и определить термином диалектную или лингвоэтническую основу этой языковой системы, зачастую с позиций ретроспективы, что неизбежно приводит к анахронизмам, исследователи используют в качестве лингвонимов такие, как *западнорусский литературный, старобелорусский, староукраинский, малорусский, малороссийский, русско-польский язык, проста мова, руськая речь, польский язык* (имея в виду кириллическую транслитерацию польских текстов), *русско-польский жаргон, народный, наш, литовский, волынский язык*. Обзор проблемы представлен в работе Б. А. Успенского (Успенский 1994, 67).

Примечательно, что каждый из этих терминов по-своему справедлив, но при этом ни один не является точным и полным лингвонимом, так как *руська мова*, при бесспорно доминирующей восточнославянской основе (графика, фонетика, словообразование, грамматика и в целом лексика, хотя и сильно полонизированная и латинизированная), имеет множество конкретных манифестаций и разновидностей, связанных с соотношением всех указанных черт в творчестве того или иного автора. Немаловажным для выбора лингвонима является символическая система, в которой он рассматривается, — этническая, конфессиональная, культурная или же чисто языковая.

В конфессиональную систему оппозиций *русинский = православный/униатский, католический* произведения Леонтия Карповича попадают вторично в XIX в. благодаря работам Нечаенко и архим. Леонида (Кавелина). Один из первых биографов Леонтия Карповича Нечаенко, профессор церковнославянского языка, русской и польской истории духовной семинарии в г. Холм (Helm) Люблинской губернии, использовал применительно к проповедям Карповича термин «язык русинов львовских».

Прежде чем перейти к разбору замечаний Нечаенко о деятельности и о языке произведений Леонтия Карповича, следует отметить, что холмский профессор является далеко не единственным биографом Леонтия Карповича. Судьбе православного проповедника уделили внимание его современники (Смотрицкий 1620; Лямент 1620), церковные историки и слависты XIX в. (достаточно подробный перечень этих работ указан в монографии: Рагина 1999, 158), ссылки на произведения Леонтия Карповича встречаются в библиографических указателях нашего времени (см. также указ. соч., 223–239), из последних работ следует отметить опыт биографической реконструкции Левшун (Левшун 2001). Но одним из первых обратил внимание на незаурядные произведения виленского проповедника именно Нечаенко.

По характеру эпитетов вокруг имени Леонтия Карповича, полуполюбопытным сведениям о нем и судьбе его «Казаний» ощущается острота межконфессиональной борьбы как в XVII в., так и в середине и конце XIX в. (и, как это ни странно, по характеру современных публикаций — острота политической борьбы в наши дни). Напр., Нечаенко и архим. Леонид рассказывают о том, что весь тираж «Казаний» был истреблен иезуитами.

«Леонтия скупали езуиты весом золота: запретили печатание его; распространили штрафы, кары; позаботились изгладить его с лица земли русской всеми возможными средствами, догадались — и дела пошли их лучше; Уния стала распространяться» (Нечаенко 1843–1844, 8).

«Рассказывают, что иезуиты скупали это издание на вес золота для истребления его, — так что в настоящее время известно едва лишь несколько экземпляров этого редкого сочинения, мы знаем два: один в Московской публичной библиотеке из бывшего Румянцевского Музеума, другой в частной библиотеке И. Т. Яковлева (в Петербурге)» (Леонид 1878, 2, отдельная пагинация).

По-видимому, эти высказывания следует признать преувеличением, так как современные библиографические источники указывают на существование экземпляров Российской Государственной библиотеки (№№ 2021, 5118, 2022), Российской Научной библиотеки (1.8.7.), Государственного Исторического музея (Щап. 309, Цар. Б 60), Государственной Публичной библиотеки Украины (Кир. 4479 п), БАН Украины, Львов (Ст-II-2668), Музея украинского искусства во Львове (№ 412) (Книга Беларусі 1986), и этот список, конечно, не является исчерпывающим. Кроме того, сам сюжет истребления книг довольно широко распространен в истории межконфессиональной борьбы. Напр., рассказанное о Карповиче вызывает ассоциации с историей о том, что книги Кирилла Транквиллиона, перешедшего в 1625 г. в Унию, написанные «новым слогом», по указу царя Михаила

Федоровича и патриарха Филарета велено было собрать и сжечь, «чтобы та ересь и смута в мире не была». В то же время, якобы, полному уничтожению был подвергнут весь тираж «Френоса» Мелетия Смотрицкого, полемического произведения против Унии, изданного в типографии, которой руководил Леонтий Карпович.

В контексте межконфессиональных споров обратимся к публикации Нечаенко. Его учебная и научная деятельность проходила в г. Холм, вошедшем в состав Польши с 1366 г. Немаловажным для последующего изложения является тот факт, что город являлся центром Холмской Руси, был основан в начале XIII в. кн. Даниилом Галицким, находился в составе Галицко-Волынского княжества до середины XIV в., что, конечно, было хорошо известно профессору истории. Сама же публикация Нечаенко относится ко времени формирования «русинской идеи», или «русинского возрождения», которую часть русинской интеллигенции воспринимает как идею «русскую». Не так далеко от Холма находится и Почаевский монастырь, в 1831 г. вернувшийся из-под юрисдикции униатской церкви в русское православие, в 1833 г. возведенный в ранг Почаевской Лавры [подробнее у А. Наумова (Naumov 1996, 177 и след.)]. Символичен, как представляется, рассказ Нечаенко о том, каким образом ему стал известен текст «Казаний»: его принес

«некий клерик из русинов из-под Тернограда, что на границах Галиции»,

недавний его семинарист (Нечаенко 1843–1844).

Особого внимания заслуживает собственно лингвистический комментарий П. С. Нечаенко, который включает произведения Карповича в оппозицию *русинский* = *общеславянский/неславянский*. Язык, на котором написаны проповеди Леонтия Карповича, является для Нечаенко настоящим филологическим открытием прежде всего в аспекте его общеславянской универсальности:

«За сто лет с лишком до нашего Ф. Прокоповича был же у нас вития, который простыми, разговорными и письменными своего века словами — языком, понятным вельможам и поселянам, от *гор Карпатских и рек Сона и Нарева до Западной Двины и до Донца Северского*, предлагал истины высокие безыскусственно, но пленительно» (Нечаенко 1843–1844, 4–5).

Показывая текст своим знакомым, он убеждался, что его прекрасно понимают как русские, так и поляки («мы центральные Руссы-над-Днепряне: нам понятны все ветви от древнего языка нашего» (там же, с. 20). Более того, в этом языке Нечаенко видел потенциал для диалога разных поколений: тайна этого языка состоит в том, что «Леонтий разом иногда говорит и для

современников, и для дальнейшего потомства — и часто слова своего века тут же поясняет словами веков грядущих» (там же, с. 4). Не стоит забывать, что идея создания универсального языка славян и поиски ее основы были особо популярны в XIX в. в связи со славянским возрождением, кодификацией ряда славянских языков, волновала эта идея и русинских просветителей Волыни и Галиции.

Таким образом, анализ контекстов, в которых употребляется термин *русинский язык* как синоним термину *руська мова*, позволяет утверждать, что:

- 1) термин *русинский язык* не является аналогом этого термина в современном понимании, так как он лишен географической, временной и лингвистической определенности;
- 2) значение данного термина в XV–XVII вв. определяется в разного рода конфессиональных и культурных оппозициях (русин, т. е. в одних случаях — не-поляк, в других — не-католик/не-униат/не-протестант, в третьих случаях — славянин, восточный славянин).

Рассмотренный материал проповедей и биографии Леонтия Карповича, а также история созданных им текстов не исключают и возможности трактовки этих терминов как хронологически последовательного ряда, равно как в случаях с другими разновидностями текстов на «мове» — как хронологически последовательных рядов *руська мова – белорусский язык, руська мова – украинский язык, руська мова – русинский язык*. Однако безусловно и то, что для более убедительного доказательства преемственности между «руськой мовой» и русинским языком, прежде всего в его т. н. лемковской, наиболее полонизированной редакции, необходим значительно больший корпус текстов и детальный лингвистический анализ. Оставляем в стороне также другие оппозиции, в которые входит термин *русинский*, в частности, *русинский = не-украинский, русинский = не-русский* и др., поскольку они не связаны напрямую с рассматриваемым фактическим материалом.

ЛИТЕРАТУРА

- Дуличенко 1981 — А. Д. Дуличенко. *Славянские литературные микро-языки. Вопросы формирования и развития*. Таллин: Валгус, 1981.
- Кніга Беларусі 1986 — *Кніга Беларусі 1517–1917. Зводны каталог*. Мінск, 1986.
- Левшун 2001 — Л. Левшун. *Леонтий Карпович. Жизнь и творчество*. Минск, 2001.
- Леонид 1878 — Леонидъ (Кавелинъ). *Архим. Леонтій Карповичъ. Церковный витія православной юго-западной Руси въ XVII столетіи и два его слова. Посвящается православным, возсоединившимся отъ униі в 1875*

- году. Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете, Москва, 1, 1878, 1–118.
- Лямент 1620 — *Лямент на смерть Леонтия Карповича*. Вильно, 1620.
- Морозова, Темчин 1997 — Н. А. Морозова, С. Ю. Темчин. *Об изучении церковнославянской письменности Великого княжества Литовского*. Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne, Kraków, 1997, t. 2, 7–39.
- Нечаенко 1843–1844 — П. С. Нечаенко. *Леонтий Карпович, русский проповедник 1615 года*. Маяк, 1843–1844, т. II.
- Рагрина 1999 — С. И. Рагрина. *Календарный цикл славянских рукописных текстов на праздник Преображения Спаса (XII–XVII вв.): культурно-исторический и лингвотекстологический аспекты*. Хельсинки – Таллинн, 1999.
- Разумихин [б. г.] — А. И. Разумихин. *История русской проповеди*. Москва.
- Смирнов 1888 — Ф. Смирнов. *Виленский Свято-Духовъ монастырь*. Вильна, 1888.
- Смотрицкий 1620 — Мелетий Смотрицкий. *Казане на погреб Леонтия Карповича*. Вильно, 1620.
- Сцепуро 1899 — Д. Сцепуро. *Виленское Свято-духовское братство в XVII и XVIII столетиях*. Киев, 1899.
- Толстой 1963 — Н. И. Толстой. *Взаимодействие локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI–XVII вв.)*. Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). Москва, 1963, 230–272.
- Українські письменники 1960 — *Українські письменники. Біобібліографічний словник. У п'яти томах. Сост. Л. Е. Махновець*. Київ, 1960.
- Успенский 1994 — Б. А. Успенский. *Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.)*. Москва, 1994.
- Харлампович 1898 — К. Харлампович. *Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви*. Казань, 1898.
- Naumov 1996 — A. Naumov. *Wiara i historia*. Kraków, 1996.

Ирина Валерьевна Абисогомян
Tartu

**СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
В ТАРТУСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ
(1992–2002 ГОДЫ)**

Традиции славяноведения в Тарту до 1992 г. – открытие кафедры славянской филологии в 1992 г. – состав кафедры – преподавательская деятельность: теоретические и практические курсы – бакалаврский, магистерский и докторский этапы обучения – научная деятельность: основные направления исследований.

В нынешнем, 2002 г., кафедра славянской филологии отделения русской и славянской филологии философского факультета Тартуского университета отмечает свою первую юбилейную дату — десятилетие со дня основания кафедры в 1992 г. Эту дату мы рассматриваем в непосредственной связи с 200-летием русско-славянской филологии в Тартуском университете, поскольку преподавательская и научная деятельность, проводимая членами кафедры в течение последних десяти лет, основывается на традициях, заложенных предшествующими поколениями славистов, которые работали или учились в Тартуском университете в разные периоды времени, начиная с XIX в. Отметим, что история русской и славянской филологии в Тартуском университете является предметом детального рассмотрения в ряде работ (Биографический словарь 1903; Петухов 1902–1906; Смирнов 1975, 132–141; Issakov, Smirnov 1982, 473–484; Дуличенко 1996б, 83–88), а также в статьях С. Г. Исакова и А. Д. Дуличенко, представленных в этом сборнике.

Наша статья посвящена новейшей истории кафедры славянской филологии с 1992 г. и до наших дней.*

Итак, в 1992 г. на отделении русской и славянской филологии Тартуского университета инициативой профессора Александра Дмитриевича Дуличенко открылась кафедра славянской филологии. Первоочередные задачи, стоявшие перед новой кафедрой, заключались в следующем: во-первых, необходимо было разработать учебные программы по новой специализации под названием *славянская филология* (до этого студенты могли

специализироваться только по двум направлениям — по русскому языку или по русскому литературоведению, включая предметы педагогического цикла); во-вторых, наладить связи с университетами славянских стран с целью обмена преподавателями и студентами, а также создания и укрепления научных связей; в-третьих, определить основные направления научной деятельности.

Преподавательская деятельность

В течение первых двух лет существования кафедры были разработаны и утверждены учебные программы по двум направлениям — чешской филологии и польской филологии. С 1992 г. началась учебная работа по богемистике, а с 1993 г. — по полонистике (о возрождении полонистики в Тартуском университете в 1990-е гг. см.: Duliczenko 1998, 165–175). В дальнейшем эти два направления чередовались каждый новый учебный год.

Для обеспечения выполнения этих двух программ за первые три-четыре года был создан преподавательский коллектив, в составе которого были представлены два профессора — ординарный профессор А. Д. Дуличенко (лингвистическое направление) и экстраординарный профессор, а с 1997 г. профессор-эмеритус Сергей Геннадиевич Исаков (литературоведческое и культурологическое направление); лектор и ассистент чешского языка [И. В. Абисогомян (Сорока), Майри Кырвель — одни из первых выпускников по специальности «Славянская филология» в Тартуском университете]. Кроме того, начиная с 1993 г. и до сих пор, на кафедре славянской филологии Тартуского университета работают приглашенные из Польской Республики профессор и преподаватели (1993–1994 гг. — Henryk Rietz; 1994–1995 гг. — Henryk Lewandowski, 1995–1997 гг. — Jan Lewandowski и Romana Skrzyńska-Lewandowska; 1998–2000 гг. — Wiesław Stefańczyk, 2000–2001 гг. — Magdalena Wasielewska, 2001–2003 гг. — Robert Bielecki). Начиная с 2002/2003 учебного года на кафедре появился собственный специалист по польскому языку — выпускник кафедры Элена Романчик.

По объективным причинам в 1992 и 1993 гг. на утверждение были представлены, как уже отмечалось, две программы — по чешской и польской филологии соответственно. Эти программы предусматривают практические курсы по чешскому и польскому языку, пропедевтические дисциплины «Введение в польскую филологию» и «Введение в чешскую филологию», традиционные филологические курсы по истории этих западнославянских языков, а также курсы истории чешской и польской литературы, спецкурсы по истории Польши и Чехии. В учебные

программы включены также обязательный курс практического польского языка как второго славянского для студентов, выбравших в качестве основного языка изучения чешский язык, и курс практического чешского языка для студентов-полонистов; на последнем этапе обучения все студенты-слависты посещают обзорный курс по истории славянских литератур и теоретический курс по сравнительной грамматике славянских языков. Помимо этого в корпус общеобязательных предметов для всех студентов отделения русской и славянской филологии включен курс «Основы славянской филологии», который входит в программу первого года обучения. В течение бакалаврского этапа обучения студенты посещают специальные семинары, пишут и защищают три научные работы: просеминарское, затем семинарское сочинения и заключительную работу на степень бакалавра. Со времени основания кафедры славянской филологии было защищено свыше 50 выпускных работ. В основном это работы сравнительно-сопоставительного характера, посвященные изучению славяно-славянских (напр., польско-русских) и славяно-неславянских (напр., чешско-немецких или чешско-эстонских) языковых отношений, а также работы по истории славистики. Студенты, выбравшие литературоведческое и культурологическое направление, занимаются изучением эстонско-русских и шире — эстонско-славянских культурных и литературных отношений (напр., выпускное сочинение Яануса Силлавере было посвящено рецепции чешской литературы в Эстонии).

Преподаватели кафедры славянской филологии предлагают для широкого круга слушателей — как для студентов отделения русской и славянской филологии, так и для студентов других отделений Тартуского университета — разнообразные спецкурсы, среди которых выделим следующие: «Эстонско-славянские культурные и литературные отношения», «Русские в Эстонии. История культуры» (проф. С. Г. Исаков); «Введение в общую теорию языка», «Славянские литературные микроязыки», «Новейшие процессы в современных славянских языках (в типологическом аспекте)» (проф. А. Д. Дуличенко); «Из истории современной польской литературы» (проф. Я. Левандовский), «Чешское лингвострановедение», «Обзорный курс истории чешской культуры» (асс. М. Кырвель), «Новейшие процессы в современном чешском языке» (лек. И. В. Абисогомян). В качестве общеуниверситетского курса для студентов других отделений каждый год преподаватели кафедры славянской филологии проводят практические занятия по польскому или чешскому языку.

Как уже отмечалось выше, в течение первых десяти лет существования кафедры славянской филологии в Тартуском уни-

верситете велась работа по двум основным направлениям, связанным с чешским и польским языками и литературами. Разработка именно этих направлений обусловлена реальными возможностями и преподавательским составом. Однако руководство кафедры проводило и проводит работу по увеличению количества предлагаемых для изучения славянских языков. Так, с 1992 г. были прочитаны следующие семестровые или годовые курсы: «Теоретические основы словенского языка», «Теоретические основы сербско-хорватского языка», «Славянские литературные микроязыки» (А. Д. Дуличенко), «Курс практического сербско-хорватского языка» (О. Г. Алова), «Курс практического болгарского языка» (П. Кехайов). Сейчас ведутся переговоры по поводу работы на кафедре лекторов украинского языка.

Отметим также, что многие студенты, изучающие польский и чешский языки в Тартуском университете, совершенствуют свои знания в летних школах языков (в Польше при университетах в Люблине, Кракове, Лодзи, Катовице, Сопоте; в Чехии — в Праге, Пльзени, Брно) или проходят определенный этап обучения в университетах Польши (университеты в Люблине, Кракове, Гданьске) и Чехии (университеты в Праге, Брно, Пльзени). Помимо этого, некоторые студенты и магистранты кафедры славянской филологии получили возможность изучать в летних школах словацкий язык (в Братиславе) и словенский язык (в Любляне).

Наряду с программой бакалаврского этапа обучения, с 1992 г. в университете был утвержден новый план дальнейшего обучения в магистратуре и докторантуре. Отделение русской и славянской филологии представило на утверждение три учебные программы для магистерского и три программы для докторского этапов обучения по русской литературе, русскому языку и славянской филологии соответственно, которые были приняты Советом Тартуского университета. За первое десятилетие существования кафедры славянской филологии степень магистра (*magister artium*) по специальности «Славянская филология» получили 5 человек: О. Кустова (1997), И. Голиньская (Ягинцева) (1998), И. Абисогомян (Сорока) (1998), О. Шлыпкина (2000), Э. Романчик (2002). В рамках этих двух учебных программ разработаны и читаются следующие предметы: «Общее языкознание», «История лингвистических учений», «Методология научной работы», «Методика преподавания славянской филологии» (магистратура); «История славянской филологии», «Проблемы и методы современной лингвистики», «Принципы исследования в современной славянской филологии» (докторантура). Кроме того, регулярно проводятся научные семинары

по славянскому языкознанию/литературоведению для магистрантов и докторантов. Конечно, основная задача обучения в магистратуре и докторантуре заключается в написании диссертаций. Научное руководство этим процессом осуществляет А. Д. Дуличенко, а также С. Г. Исаков.

Заканчивая обзор преподавательской деятельности членов кафедры славянской филологии, отметим, что с текущего 2002/2003 учебного года Тартуский университет перешел на новую программу обучения: трехлетний бакалаврский этап + двухлетний этап обучения в магистратуре. В новую учебную программу отделения русской и славянской филологии внесен ряд существенных корректив, тем не менее, в ней продолжают фигурировать как уже читаемые курсы по общей славистике, по чешской и польской филологии, так и новые предметы, напр., «История культуры западных и южных славян».

Научная деятельность

Основные направления научных исследований кафедры славянской филологии явились логическим продолжением предшествующей научной деятельности проф. А. Д. Дуличенко и проф. С. Г. Исакова.

Проф. С. Г. Исаков известен прежде всего как крупнейший исследователь *эстонско-славянских литературных и культурных связей*. Отметим, что вся педагогическая и научная деятельность проф. С. Г. Исакова связана с Тартуским университетом, работу в котором он начал в 1954 г. О масштабах его научной деятельности свидетельствуют две опубликованные библиографии научных трудов, насчитывающие более 800 наименований (см.: Коор 1991; Коор 2001, 12–40).

Начиная с 1991 г. основным направлением научной деятельности проф. С. Г. Исакова является *изучение русского национального меньшинства в Эстонии*, его культуры, литературы и искусства (Шор 2001, 9). Результатом этого исследования, помимо многочисленных статей на страницах различных изданий, явились книга С. Г. Исакова «Русские в Эстонии, 1918–1940. Историко-культурные очерки» (Исаков 1996); а также коллективная монография «Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940)», ответственным редактором и автором ряда разделов в которой был С. Г. Исаков (Русское национальное меньшинство 2001); а также антология «Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918–1940 гг.» (составление, вступительная статья, биографические справки и комментарии проф. С. Г. Исакова) (Исаков 2002).

Из работ, посвященных эстонско-славянским культурным отношениям, особого упоминания заслуживает книга на польском языке «Университет в Тарту и поляки», появление которой является результатом сотрудничества проф. С. Г. Исакова и работавшего на кафедре славянской филологии Тартуского университета с 1995 по 1997 г. профессора Люблинского университета Я. Левандовского (Uniwersytet w Tartu a Polacy 1999).

Отметим, что в дальнейшем С. Г. Исаков планирует вместе с уже сложившимся авторским коллективом завершить создание «Биографического словаря русских деятелей в Эстонии (до 1940 г.)», издать курс лекций «Русская культура в Эстонии» (Шор 2001, 10–11).

Относительно лингвистических исследований следует отметить, что «на кафедре славянской филологии (Тартуского университета — И. А.) ведутся исследования истории, современной структуры и типологии как русского, так и других славянских языков — сербского и/или хорватского, словенского, серболужицких, литературных микроязыков — югославо-русинского (южнославянско-русинского), градищанско-хорватского в Австрии, молиско-славянского и резьянского в Италии, кашубского в Польше, карпаторусинского, ляшского и некоторых других, русско-инославянских языковых связей и истории русско-славянского языковедения, общей лингвистики и интерлингвистики, в том числе и славянской» (Дуличенко 1996б, 85). По всем этим направлениям ведет активные научные исследования проф. А. Д. Дуличенко, количество публикаций которого составляет более 420 наименований.

Напомним, что исследования в области славянских языков вновь начинают проводиться в Тартуском университете лишь с середины 70-х гг. XX в., поскольку после Второй мировой войны была фактически прервана традиция изучения других, кроме русского, славянских языков. Из выше представленного перечня направлений исследований выделим ключевые, разработка которых велась, начиная с последнего десятилетия XX в.

Традицию изучения славянских языков в Тартуском университете успешно продолжает проф. А. Д. Дуличенко. Так, напр., в ряде его публикаций исследуется проблема социальной дифференциации сербско-хорватского языка в конце XX в. (см., напр.: Дуличенко 1996в, 155–163). В 1998 г. был опубликован очерк словенского языка. В данной работе представлена история возникновения словенской письменности и литературы, процесс формирования фонетики и грамматики словенского языка, диалектное и социальное членение, контакты с другими языками (Дуличенко 1998а, 58–113). На материале верхне- и нижнелужицкого литературных языков этим же автором пред-

лагается к рассмотрению идея создания бинарной грамматики (синхронно-сопоставительной грамматики двулитературного языка) (Дуличенко 1992, 129–136).

Нельзя не отметить факт постоянного интереса исследователя к изучению русского языка, особенно его состояния в конце XX в. Большой научный резонанс получила монография А. Д. Дуличенко «Русский язык конца XX столетия», где впервые был представлен комплексный анализ изменений, произошедших в русском языке в период «перестройки» (Дуличенко 1994а). Как продолжение и существенное дополнение к этому исследованию можно рассматривать выпущенную этим же автором книгу «Этносоциолингвистика ‘Перестройки’ в СССР. Антология запечатленного времени», где отражаются бурные и неоднозначные события эпохи «перестройки» середины 1980-х – начала 1990-х гг. (Дуличенко 1999). Как исследователя, работающего в Эстонии, А. Д. Дуличенко не могут не волновать проблемы развития и изучения русского языка в условиях диаспоры. Так, при кафедре славянской филологии под его руководством был разработан и осуществлен проект «Русское меньшинство Эстонского Причудья: язык, традиции, соседство культур и народов» (1997–2000 гг.) (см. также: Дуличенко 2000, 135–141), а в 2001 г. разработан новый проект «Русский язык в постсоветской Прибалтике: социолингвистическое исследование».

В Тарту на славянском языковом материале были заложены основы разработки *теории литературных микроязыков* (Дуличенко 1981). Из работ последнего десятилетия, посвященных этой проблематике, стоит особо выделить издание первого тома избранных трудов по югославо-русинской филологии (Дуличенко 1995) и очерк этого славянского литературного микроязыка, представленный, как и указанный очерк словенского языка, в серии «Основы балканского языкознания. Языки балканского региона» (Дуличенко 1998б, 247–272), а также только что вышедшее в Югославии «Введение в югославо-русинскую филологию» (2002).

Из работ по *истории славистики* необходимо назвать «Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности [академика Н. И. Толстого]», написанный его учеником и последователем — проф. А. Д. Дуличенко (Дуличенко 1993, 9–29). Этим же исследователем ведется активная и успешная работа по поиску в библиотеках и архивах разных стран документов и лингвистических трудов, связанных с историей русского и славянского языкознания. В этой связи отметим, напр., публикацию обнаруженной в Архиве АН России в Санкт-Петербурге рукописи поэтического сборника Г. Костельника — основоположника югославо-русинского языка и литературы

(Дуличенко 1994б). Через четыре года был осуществлен следующий, теперь уже совместный с проф. Геттингенского университета В. Лефельдтом, проект: в 1998 г. была издана первая кашубская грамматика Ф. Цейновы, найденная А. Д. Дуличенко в архиве в Петербурге (Duličenko, Lehfeldt 1998). О зарождении белорусско-финских связей в области славистики свидетельствуют письма И. Микколе от П. А. Бузука и М. И. Каспяровича, обнаруженные в Национальном архиве Финляндии в фонде И. Микколы (Дуличенко 1996а, 42–45). Из тартуских находок А. Д. Дуличенко выделим 12-ый экземпляр (до его обнаружения насчитывалось 11 экземпляров!) «Pŕŕalter Daidou» (1566 г.) П. Трубара (Duličenko 1997 125–132; см. также: Duličenko 2001, 190–201), тартуский список 1712 г. словаря Епифания Славинецкого и рукопись Габриеля Корбута «Deutsche Lehnwörter im Polnischen...» 1890 г. (об этом см.: Языки малые и большие 1998, 310–317).

Особой областью научных интересов проф. А. Д. Дуличенко является *интерлингвистика*. Среди большого количества публикаций назовем работу, посвященную *истории славянской интерлингвистики*. Это статья, в которой исследуется влияние «Сравнительной грамматики славянских языков» Ф. Миклошича на научные воззрения М. Маяра и его попытку создания всеславянского языка во второй половине XIX в. (Duličenko 1992, 431–444).

Под руководством проф. А. Д. Дуличенко с 1985 г. выходит серия «Slavica Tartuensia», последний четвертый выпуск которой вышел в 1998 г. и был посвящен памяти Н. И. Толстого (Языки малые и большие 1998). По инициативе кафедры славянской филологии в 1993 г. был основан Национальный Комитет славистов Эстонии, первый бюллетень которого вышел в 1996 г. и был приурочен к XII международному съезду славистов в Кракове, в работе которого принимали участие и слависты из Эстонии (НКСЭ 1996).

Как уже отмечалось выше, в число членов кафедры славянской филологии входит ряд магистрантов и докторантов, которые продолжают разрабатывать некоторые из указанных направлений исследований. Среди защищенных магистерских диссертаций есть работы, посвященные истории славистики в Тартуском университете [напр., первая магистерская диссертация по специальности «Славянская филология» О. Кустовой «Славистическая деятельность и труды профессора Н. К. Грунского в Тарту (Юрьеве) в 1903–1915 гг. (Очерки истории славяноведения в Тарту)»]; работы сравнительно-сопоставительного характера [напр., диссертация О. Шлыпкиной «Русские и чешские пословично-поговорочные структуры в сравнительном

освещении)]. Последняя успешная защита магистерской диссертации состоялась в июне 2002 г. Это работа Э. Романчик «Из польско-кашубских языковых сопоставлений (существительные на *-ośc*, *-stwo*)», посвященная кашубскому языку, давно привлекающему к себе внимание тартуских славистов. Среди разрабатываемых проектов, которые должны закончиться написанием докторских и магистерских диссертаций, укажем на исследование по истории чешской лексикографии в эпоху национального Возрождения; работы, посвященные изучению в сопоставительном плане чешско-немецких и эстонско-немецких языковых отношений, а также анализу переводов текстов художественной литературы с чешского и польского на русский язык; исследование соотношения письменной и устной формы современного чешского языка; изучение славянских микроязыков (ляшский язык О. Лысогорского, кашубский язык) и др.

Предпринятый краткий обзор преподавательской деятельности и основных направлений научных исследований, проводимых славистами Тартуского университета в последнее десятилетие, позволяет, как нам кажется, говорить о сохранении и развитии славистических традиций в Тартуском университете и надеяться на дальнейшую плодотворную работу.

---

* Отметим, что после Второй мировой войны в Тартуском университете было создано отделение русской филологии, на котором были представлены две кафедры — кафедра русского языка и кафедра русской литературы. Как отмечают исследователи, изучение и преподавание других славянских языков и литератур, к сожалению, отошло на задний план (Issakov, Smirnov 1982, 482). При этом в разные периоды времени студенты все же имели возможность изучать в качестве второго славянского языка чешский (преподавал С. В. Смирнов), польский (П. С. Сигалов) и сербско-хорватский (А. Д. Дуличенко) языки.

ЛИТЕРАТУРА

- Биографический словарь 1903 — *Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования*. Под ред. Г. В. Левицкого. Том II. Юрьев, 1903.
- Дуличенко 1981 — А. Д. Дуличенко. *Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития)*. Таллин, 1981.
- Дуличенко 1992 — А. Д. Дуличенко. *О синхронно-сопоставительной грамматике двулитературного языка (на материале верхне- и нижнелужицкого литературных языков)*. *Slavica Slovaca*, год. 27, Bratislava, 1992, č. 2, 129–136.
- Дуличенко 1993 — А. Д. Дуличенко. *Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности [Н. И. Толстого]*. Никита Ильич Толстой. Сост. Л. В. Шутько. Автор вступительной статьи А. Д. Дули-

- ченко. (РАН. Материалы к биобиблиографии ученых. Серия литературы и языка. Вып. 23). Москва, 1993, 9–29.
- Дуличенко 1994а — А. Д. Дуличенко. *Русский язык конца XX столетия*. (Slavistische Beiträge, Bd. 317). München: Otto Sagner Verlag, 1994.
- Дуличенко 1994б — А. Д. Дуличенко (ред. и издатель). *Габор Костелник Гомзов. Жалосцинки — серенчи и милей. (По народним руск. [им] шпиваню у IV. шпиванюх)*. Публикация текста и вводное слово проф. др. Александер Д. Дуличенко. Нови Сад, 1994.
- Дуличенко 1995 — А. Д. Дуличенко. *Jugoslavo-Ruthenica. Роботи з рускей филології*. Нови Сад, 1995.
- Дулічэнка 1996а — А. Дулічэнка. *Лісты беларускіх моваведаў Іосіфу Мікале. (Да гісторыі беларуска-фінскіх славістычных сувязей)*. Кантакты і дыялогі, Мінск, 1996, № 7–8, 42–45.
- Дуличенко 1996б — А. Д. Дуличенко. *Русско-славянское языкознание в Эстонии*. Russian Linguistics, Dordrecht etc., 1996, vol. 20, 83–88.
- Дуличенко 1996в — А. Дуличенко. *Сербский, хорватский, боснийский, черногорский: распад «договорного» языка? Emakeel ja teised keeled II*. 18.–20. oktoober 1996. Ettekanded. Tartu, 1996, 155–163.
- Дуличенко 1998а — А. Д. Дуличенко. *Словенский язык. Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2: славянские языки*. Под ред. А. В. Десницкой и Н. И. Толстого. С.-Петербург, 1998, 58–113.
- Дуличенко 1998б — А. Д. Дуличенко. *Язык русин Сербии и Хорватии (югославо-русинский язык)*. Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2: славянские языки. Под ред. А. В. Десницкой и Н. И. Толстого. С.-Петербург, 1998, 247–272.
- Дуличенко 1999 — А. Д. Дуличенко. *Этносоциоллингвистика «Перестройки» в СССР*. Антология запечатленного времени. (Slavistische Beiträge, Bd. 378). München: Otto Sagner Verlag, 1999.
- Дуличенко 2000 — А. Д. Дуличенко. *Русские недисперсные языковые массивы Эстонии: проблемы и перспективы изучения*. Язык диаспоры. Проблемы и перспективы. Материалы III международного семинара, Рига, 3–5 февраля 2000 г. Москва, 2000, 135–141.
- Исаков 1996 — С. Г. Исаков. *Русские в Эстонии, 1918–1940: Историко-культурные очерки*. Тарту, 1996.
- Исаков 2002 — *Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918–1940 гг. Составление, вступительная статья, биографические справки и комментарии проф. С. Г. Исакова*. Таллинн, 2002.
- Коор 1991 — Профессор С. Г. Исаков. *Библиографический указатель 1953–1990*. Сост. М. Коор. Тарту, 1991.
- Коор 2001 — М. Коор. *Библиография работ С. Г. Исакова за 1991–2001 г.* Труды Русского исследовательского центра в Эстонии. Вып. I. Сост. В. Бойков. Таллинн, 2001, 12–40.
- НКСЭ 1996 — *Национальный Комитет славистов Эстонии (НКСЭ) 1996*. Отв. ред. А. Д. Дуличенко. Тарту, 1996.
- Петухов 1902–1906 — Е. В. Петухов. *Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902)*. Т. 1–2. Юрьев, 1902–1906.

- Русское национальное меньшинство 2001 — *Русское национальное меньшинство в Эстонской республике (1918–1940)*. Под ред. проф. С. Г. Исакова. Тарту, 2001.
- Смирнов 1975 — С. Смирнов. *Русское и славянское языкознание в Тартуском университете*. Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi, 1975, № 1, 132–141.
- Шор 2001 — Т. Шор. *Призвание — ученый*. Труды русского исследовательского центра в Эстонии. Вып. I. Сост. В. Бойков. Таллинн, 2001, 4–11.
- Языки малые и большие 1998 — *Языки малые и большие ... In memoriam acad. Nikita I. Tolstoi*. (Slavica Tartuensia IV). Тарту, 1998.
- Duličenko 1992 — A. D. Duličenko. *Франц Миклошич и Матия Маяр Зильский: от языка праславянского к языку всеславянскому*. Miklošičev zbornik. Mednarodni simpozij v Ljubljani od 26. do 28. junija 1991. (Obdobja 13). Ljubljana, 1992, 431–444.
- Duličenko 1997 — A. D. Duličenko. *О находке экземпляра издания «Psalter Davidou» (1566) Приможя Трубара*. Slovenski jezik/Slovene Linguistic Studies, Ljubljana–Lawrence, 1997, № 1, 125–132.
- Duličenko, Lehfelddt 1998 — A. D. Duličenko und W. Lehfelddt (Hrsg.). *F. Ceynowa. Kurze Betrachtungen über die kašubische Sprache als Entwurf zur Grammatik. Herausgegeben, eingeleitet und kommentiert von A. D. Duličenko und W. Lehfelddt*. (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Dritte Folge. № 229). Göttingen, 1998.
- Duliczenko 1998 — A. D. Duliczenko. *Odradzanie się studiów polonistycznych na Uniwersytecie w Tartu*. Polacy w Estonii. Pod red. E. Walwandra. Lublin, 1998, 165–175.
- Duličenko 2001 — A. D. Duličenko. *Slovenica XVI–XIX vv. v fondah Naučne biblioteki Tartuskega (Dernptkego) univerzitetna (v bibliografičeskem predstavljenju)*. Slovenski jezik/Slovene Linguistic Studies, Ljubljana–Lawrence, 2001, № 3, 190–201.
- Issakov, Smirmov 1982 — S. Issakov, S. Smirmov. *Vene ja slaavi filoloogia Tartu Ülikoolis*. Keel ja kirjandus, Tallinn, 1982, № 9, 473–484.
- Uniwersytet w Tartu a Polacy 1999 — *Uniwersytet w Tartu a Polacy. Rola dorpatczyków w polskiej nauce, kulturze i polityce XIX i XX wieku*. Pod red. S. G. Isakowa i J. Lewandowskiego. Lublin, 1999.

Ирина Павловна Кюльмоя
Tartu

О НЕКОТОРЫХ ВЕХАХ В РАЗВИТИИ ТАРТУСКОЙ РУСИСТИКИ

История русского языкознания – Тарту – функциональное и контрастивное исследование языков

Что характеризует развитие тартуской русистики? Можно ли говорить о каких-либо ее отличительных чертах? Представляется, что можно, хотя, несомненно, в ее развитии есть немало таких особенностей, которые будут общими с русистикой Латвии или Литвы или любой другой не монолингвальной страны. Сосуществование и функционирование нескольких языков в одном ареале, наличие языковых контактов естественным образом пробуждает интерес исследователей к этим контактам, к тому, чтобы содействовать их исследованию, а также обучению этим языкам, один из которых, как правило, оказывается неродным.

«При самом основании Дерптского университета, по дарованным ему временным правилам <...> полагался 'учитель российского языка' который должен был, кроме обучения желающих русскому языку, исполнять еще обязанности университетского переводчика» (Петухов 1900, 3).

Русский язык в единственном в России немецкоязычном Дерптском университете в то время преподавался как неродной. Сходной была и ситуация в гимназиях. Соответственно, актуальными становились проблемы методики его преподавания нерусским, сопоставительного исследования русского и, прежде всего, немецкого и др. языков. Совершенно ясно, что раньше или позже во всех исследованиях такого рода возникал вопрос не только о сопоставлении систем двух или более языков, но и о сопоставлении их функционирования. Поэтому целый ряд работ тартуских преподавателей связан именно с этой проблематикой. Иногда этой направленности содействовали еще и некоторые сопутствующие внешние обстоятельства. Такая ситуация была характерна уже для начального периода деятельности университета непосредственно после ее возобновления. Рамки статьи не позволяют не только сказать обо всех подобного рода

работах тартуских русистов, но даже назвать их. Ограничусь лишь некоторыми, показавшимися чем-либо примечательными.

Г. А. Глинка (1802–1810) — первый профессор русского языка и литературы в Дерптском университете, избранный сначала, в 1802 г., на должность «учителя российского языка и литературы», а затем очень скоро переизбранный на должность профессора, читал ряд курсов как по русскому языку (русский язык по грамматике изд. АН, 1802) и по всеобщей грамматике (по D. de Tracy «Grammaire raisonnée», Paris, 1803), так и по литературе (русская литература, стихосложение, о похвальных речах Ломоносова, об эпических поэмах Хераскова) (Биографический словарь 1903, 349–350). Один из его курсов — «Сокращенный курс российской словесности» — послужил основой для публикации в «Вестнике Европы» «Рассуждения о российском языке», в котором сопоставляются русский и французский языки. Ко времени публикации Глинка, правда, уже не работал в Дерпте, но при статье дается специальное примечание о том, что «Рассуждение» взято именно из этого курса.

Глинка, по его словам, «считает за нужное сделать беспристрастное сравнение российского языка с французским и произнести о них суд без всякого предубеждения в пользу того или другого» (Глинка 1813, 180). Представляется небезынтересным проследить за одним из первых опытов (в Тарту, по всей вероятности, первым опытом) такого сопоставления. Автор отмечает, что отличительные свойства русского языка, «составляющие прочную основу славы его, суть *богатство его, сила, величество и приятность*» (там же, с. 178). В то же время он признает большую «зрелость» французского языка. Сравнивая ряд русских и французских лексем, он указывает, что *друг* и *приятель* переводится на французский одним словом *ami*;

«всякому однако ж ведомо, сколько значение сих слов не одинаково. Приятель может расположить нас к себе с приятною своими дарованиями, умом, или иными приятными качествами, и связь между им и нами хотя и самопроизвольная, но весьма слабая и непрочная; друг же для нас все, это другое *мы*. Для таких слов, как например, *свойственник, родственник* или *родня, родители* французы не имеют иного термина, опричь *parent*, неизражающего нимало сии столько отдаленного сходства понятия» (там же, с. 183).

Однако Глинка не ограничивается прослеживанием различий лишь на таком поверхностном уровне, его наблюдения касаются также словообразования и грамматики. Так, он считает богатством (*обилием*) языка российского несравненно большее число уменьшительных имен — как существительных, так и прилагательных, относя к последним также суффиксальные прилагательные со значением ослабленного признака (*желто-*

ватый). «Гений русского языка обнаруживается в полном своем блеске и велелепии» в сложных словах, под которыми имеется в виду как ряд суффиксальных образований от одного производящего, так и слова, образованные способом словосложения (от наречия *криво* приемлют начало: *кривизна, кривовер, кривляться, кривотолк, криволинейный, криводонный, криводушный, криводушничать*). Во французском же языке возможно только сложение двух «одиноких слов, посредством соединительной черты взаимно сближенных»: *bel-esprit, esprit-fort, sang-froid* и др. (там же, с. 202).

Недостаток русского языка — отсутствие артиклей, но наличие их во французском языке он представляет в конечном счете не как достоинство, а как ненужное излишество, которое

«не допускает делать в предложениях извороты по образцу древних языков и наводит еще самую фразу бесконечным множеством нимало не нужных частиц, членов и местоимений *des, du, je, moi, il, vous, nous, elle, le, la, les* и *que*, без которых французы ступить не могут».

По мнению автора, это особенно затрудняет перевод стихов. В пользу русского языка говорит и свободный порядок слов.

«Французу не позволительно сделать какую-либо в словах перестановку, не обезобразив совершенно смысла», тогда как «русского языка предложение может по имеющейся в том надобности составлено быть различным образом <...>, поелику различные слов окончания, ознаменующие падежи имен и времена глаголов, показывают у нас взаимное их соотношение, хотя и находятся они в некотором друг от друга отдалении» (там же, с. 194).

Преимуществом русского языка, по мнению Глинки, является также сам синтетический способ выражения грамматических значений по сравнению с аналитическим французским:

«Мы нашли тайну привязывать к глаголам посредством окончаний многие отношения, не умножая для сего слов, отношения сии изражающих» (там же, с. 202),

тогда как во французском для этого нужны особые вспомогательные глаголы.

Такое своеобразное и «беспристрастное» сопоставление русского и французского языков в определенной мере оправдывается историческим фоном — публикация относится к 1813 г. Если же оставить в стороне оценочную часть, то в работе Глинки содержится ряд наблюдений, небезытересных для сопоставительных работ.

Другое сопоставительное исследование двух языков выполнено И. М. Николичем, учителем немецкой Дерптской губернской гимназии, в которой он преподавал русский язык с 1842 по 1848 гг. Позднее, в 1868 г., он был назначен помощником попечителя Дерптского учебного округа. Его «Синтаксис русского

языка, составленный сравнительно с языком немецким» по сути дела является практическим руководством для перевода различных типов синтаксических конструкций с немецкого языка на русский и наоборот. Рассматриваются различные способы выражения подлежащего и сказуемого, особенности согласования между ними, сравнивается глагольное управление в двух языках, разные типы простых и сложных предложений, обсуждается их перевод. Примечательно то, что автор обращает внимание на различные способы выражения определенной семантики в этих двух языках (напр., «Безличный способ выражения в сравнении с немецким», «Отрицательные предложения сравнительно с немецким языком» и др.). Книга содержит раздел «Об употреблении некоторых особенных выражений и оборотов», в котором анализируются специфические случаи функционирования некоторых грамматических форм (переносное употребление форм императива и будущего времени, особенности сослагательного наклонения и др.), ряда лексем и идиом (Николич 1847; см. об этом также: Щаднева 1996, 89–91).

Сопоставительное исследование языков продолжалось и в ХХ в. В частности, с конца 60-х гг. контрастивное изучение русского и эстонского языков стало одним из направлений работы кафедры русского языка. Доминирующим же направлением кафедральной научной работы с конца 70-х – начала 80-х гг. становится функциональная грамматика. Если обратиться к прошлому, то и в этой области можно найти своих предшественников. С. Г. Исаков отмечает, что в остзейских гимназиях и уездных училищах в XIX в. существовала традиция выступлений учителей с научными докладами на ежегодных торжественных актах (Исаков 1973, 125). Тексты выступлений обычно издавались в виде отдельных брошюр. Многие из них интересны не только с точки зрения истории методики преподавания какой-либо темы или предмета, но и любопытны в теоретическом отношении. Обратимся к двум изданиям такого типа. Автор одного из них, И. М. Николич, уже упоминался выше. В 1843 г. вышла его книга «Опыт пояснения видов русских глаголов» (Николич 1843). Николич указывает, что

«к числу трудностей, сопряженных с воздѣльваніемъ русскаго языка въ училищахъ остзейскихъ губерній, принадлежатъ: произношеніе словъ, склоненіе именъ существительныхъ, спряженіе глаголовъ и, въ особенности, понятіе о видахъ, умение различать и употреблять ихъ (там же, с. 1).

Николич пишет, что учение о видах должно распадаться на 2 части: во-первых, на объяснение способа узнавать их и, во-вторых, на изложение правил об их употреблении (там же, с. 5). Он представляет свою, довольно оригинальную концепцию видов в русском языке, не совпадающую ни с теорией Й. Фатера

(1809), ни с теорией А. В. Таппе (1810), которые были представлены в школьных учебниках того времени. Николич считает, что «виды могут делиться на виды продолжения действия и на виды исполнения оногo» (там же). Важно отметить, что автор, понимая трудности изучения видов глагола неносителями языка, пытается по возможности опираться на определенные формальные показатели как при определении вида, так и — что особенно важно — при его употреблении. Последнее связывается с определенными наречиями, требующими после себя лишь одной видовой формы. Кроме того, Николич пытается также провести параллели между употреблением русских видовых форм, с одной стороны, и немецких и латинских временных форм — с другой.

Вторая книга такого же типа принадлежит перу Феофила Невдачина, старшего учителя русского языка при Дерптской гимназии. Уже само ее название содержит указание на функциональный аспект: «Несколько замечаний касательно употребления видов в русских глаголах» (Невдачин 1852). Она издана уже после работ А. Х. Востокова и Г. П. Павского о виде глагола, тем не менее и эта работа, хотя и не получившая известности и не вошедшая в лингвистический обиход, заслуживает внимания. Несмотря на, казалось бы, более узкое и конкретное название книги, Невдачин тоже делает попытку определить формальные признаки видов, опираясь на суффиксы и тематические гласные глаголов. Правда, под видами он, как и Николич, понимает не только СВ и НСВ, а включает сюда и такие характеристики, часть из которых в современном понимании относят к способам действия. Деятельность он распределяет в зависимости от характера проявления во времени (однократная, длительная, многократная) или в пространстве. По отношению к пространству она может быть определенной или неопределенной (т. е. проявляющейся на неопределенном пространстве однообразно или разнообразно). Кроме того, «некоторые явления могут происходить на пространстве, чрезвычайно отдаленном по отношению к лицу, говорящему об них» (Невдачин 1852, 14). Отсюда выводятся 4 различных вида: неопределенный, длительный, однократный, многократный. Если же учитывать деление неопределенного вида еще на однообразный и разнообразный, то видов окажется 5 (там же). Идею ограничения деятельности пространством или временем Невдачин заимствовал у Павского, однако далее он рассматривает ее связь с различными глагольными категориями и возможностями формообразования, а также пытается объяснить через эту семантику употребление того или иного вида в различных формах времен и наклонений. В этой части своего сочинения он

вполне оригинален. Особенно примечательным представляется то, что завершается книга Невдачина некоторыми наблюдениями, касающимися сочетаемости видовременных форм, которыми после него не занимались еще более 100 лет и обратились к изучению этих закономерностей совсем недавно, в том числе и в Тарту.

Д. Н. Кудрявский (1867–1920) был профессором немецкого и сравнительного языкознания Тартуского университета (1898–1920), однако ряд его трудов значим прежде всего для русистики. Имеются в виду работы «К истории русских прошедших времен» (1910) и «К истории русских деепричастий» (1916), а также неоднократно издававшийся курс лекций «Введение в языкознание». В связи с двумя первыми отмечу лишь одну любопытную деталь: эти работы были подарены русским германистом Кудрявским слависту Л. Г. Мазингу сразу после их выхода в свет, однако Мазинг их не читал: страницы оставались неразрезанными еще более 90 лет.

Во «Введении в языкознание» в части, посвященной развитию глагольных категорий, содержится очень существенное, с точки зрения функциональной характеристики грамматических категорий, рассуждение о наличии в русском языке настоящего времени совершенного вида. Кудрявский указывает, что русское будущее простое есть категория сравнительно новая, что во многих языках значение будущего времени может выражаться формой настоящего времени. Так и в русском языке:

«форма настоящего времени совершенного вида всегда может иметь значение будущего времени. Школьный педантизм считает эту форму будущим временем, но при этом забывают, что эта форма часто употребляется без всякого оттенка времени, подобно настоящему, сохраняя неизменно лишь свое видовое значение. Так бывает чаще всего в описаниях, где так называемое будущее совершенное чередуется с настоящим временем» (Кудрявский 1912, 105).

Для подтверждения Кудрявский приводит примеры К. С. Аксакова и опирается на выводы его работы «О русских глаголах» (Аксаков 1875) о том, что т. н. будущие формы глагола независимы от времени и что в русском глаголе нет формы будущего времени (Кудрявский ссылается на более позднее издание собрания сочинений Аксакова). Результатом такого рассуждения является заключение о том, что в подобных случаях мы встречаемся с настоящим временем СВ.

Эта мысль Кудрявского, однако, еще довольно долго не получала дальнейшего развития. К ней вернулись лишь через 60 лет, когда А. В. Бондарко определил статус этой формы как будущее-настоящее СВ и описал особенности ее функционирования.

Таким образом, нынешние направления научной работы кафедры русского языка — контрастивное изучение языков, функциональная грамматика (которая, как считает Бондарко, получила развитие на основе известных аспектологических исследований, в том числе и проф. М. А. Шелякина), историко-этимологические исследования, о которых здесь не говорилось, поскольку это требует отдельного рассмотрения, — имеют корни уже в начальном периоде существования русской и славянской филологии в Тарту.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксаков 1875 — К. С. Аксаков. *О русских глаголах*. К. С. Аксаков. Полное собр. соч. Т. 2. Москва, 1875, 407–438.
- Биографический словарь 1903 — *Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802–1902)*. Под ред. Г. В. Левицкого. Т. II. Юрьев, 1903.
- Глинка 1813 — Г. А. Глинка. *Рассуждение о российском языке*. Вестник Европы, Москва, 1813, ч. LXX, № 15, 172–208; № 16, 259–276.
- Исаков 1973 — С. Г. Исаков. *Русский язык и литература в учебных заведениях Эстонии XVIII–XIX столетий*. Ч. I. Тарту, 1973.
- Кудрявский 1912 — Д. Н. Кудрявский. *Введение в языкознание*. Юрьев (Дерпт), 1912.
- Невдачин 1852 — Ф. Невдачин. *Несколько замечаний касательно употребления видов в русских глаголах*. Dooput, 1852.
- Николич 1843 — И. Николич. *Опыт пояснения видов русских глаголов*. *Рассуждение И. Николича, ст. учителя русского языка при Дерптской гимназии*. Dooput, 1843.
- Николич 1847 — И. Николич. *Синтаксис русского языка, составленный сравнительно с языком немецким*. Дерпт, 1847.
- Петухов 1900 — Е. В. Петухов. *Кафедра русского языка и словесности в Юрьевском (Дерптском) университете*. Юрьев, 1900 (оттиск из «УЗ Имп. Юрьевского ун-та»).
- Щаднева 1996 — В. П. Щаднева. *Страничка истории дерптской русистики середины XIX в. (Иван Михайлович Николич и его исследования русской грамматики)*. Национальный Комитет славистов Эстонии (НКСЭ) 1996. Тарту, 1996, 89–91.

Елизавета Илмаровна Костанди
Tartu

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА В ТРУДАХ ТАРТУСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

*Славистика и русистика – история синтаксической науки –
Дерптский/Тартуский университет*

Если иметь в виду синтаксис в традиционном понимании, а тем более синтаксис русского языка, то почти до середины XX столетия в трудах исследователей, работавших в Тартуском (Дерптском/Юрьевском) университете, синтаксическая проблематика представлена не очень широко. Однако в современном языкознании само понятие синтаксиса существенно изменилось, границы его раздвинулись. Как отмечают такие авторы, как Ю. С. Степанов, Г. А. Золотова, Н. Д. Арутюнова и многие другие, в современной лингвистике синтаксис выдвинулся на центральное место, но при этом имеется в виду «не тот <синтаксис>, который противопоставляется фонетике, лексике и морфологии, а синтаксис в его новом понимании» (Степанов 2002, 31). За последние десятилетия центр внимания переместился с языка как системы на язык «в действии», в коммуникативном акте. Соответственно представление об основной синтаксической единице — предложении — стало включать в себя понятия предложения и высказывания. Последнее, в свою очередь, может пониматься как результат и как процесс, акт, речевое действие. Именно синтаксис акта высказывания, в котором задействованы языковые средства всех уровней и изучение которых должно быть комплексным, и можно считать занимающим центральное положение в современной лингвистике.

При таком подходе в самых разных, «несинтаксических», работах можно найти ряд идей, без которых современный синтаксис невозможно представить. При этом совсем необязательно говорить о каком-либо конкретном, в частности, русском языке. В этой связи нельзя не вспомнить имя И. А. Бодуэна де Куртенэ, десять лет проработавшего в Императорском Дерптском университете. С одной стороны, в его работах содержится

ставшее основополагающим для всей лингвистики XX в. положение о системности языка как обобщающей конструкции, что предполагает именно комплексное, целостное ее описание, включающее и описание морфологических признаков предложения. Особенно важно подчеркнуть представление Бодуэна де Куртенэ о том, что система не складывается механически из ее составляющих, а, напротив, формирует их, что отношения (а ведь именно они основа синтаксиса) доминируют над элементами. С другой стороны, подчеркнутое внимание Бодуэна де Куртенэ к индивидуальному языку, к единичному акту коммуникации, утверждение, что сущность языка заключается в речевой деятельности, в речевом общении людей, предвосхитило понимание синтаксиса как синтаксиса высказывания, речевого акта. Таким образом, сочетание системного, обобщающего подхода с признанием значимости процессуальности, коммуникативности в тартуской традиции берет свое начало в трудах этого выдающегося ученого (Бодуэн де Куртенэ 1963).

Возникновение функционального подхода, функциональной грамматики, значение которых для современного синтаксиса переоценить невозможно, также в значительной степени связано с именем Бодуэна де Куртенэ. Идеи последнего об особенностях языкового мышления, в частности, о количественности в языковом мышлении, не совпадающей с «математической количественностью»; попытка именно комплексного ее рассмотрения, т. е. учета различных языковых средств, формирующих количественность, и более частные наблюдения в этой области также предвосхищали более поздние исследования понятийных категорий, полей и т. п. В определенной степени с таким подходом пересекаются и представления о глубинных функциях, глубинных падежах, глубинных структурах, учение о которых порой называют «синтаксической Библией XX века».

Из общих идей ученого, ставших также основополагающими для современного синтаксиса, необходимо, несомненно, назвать и его представления о синхронии и диахронии, синтагматике и парадигматике.

Можно указать и на ряд более частных положений Бодуэна де Куртенэ, без которых невозможно представить современный синтаксис. Так, напр., последний, как известно, пересекается с рядом смежных дисциплин, в частности, с психолингвистикой, для которой характерно в первую очередь рассмотрение языка именно в действии, в процессе, начиная с порождения речи и заканчивая ее восприятием. С точки зрения порождения речи, высказывания интерес представляют различного рода патологии, системное изучение которых начинается во второй половине XIX в. Не последнюю роль в этом сыграла работа Бодуэна

де Куртенэ «Из патологии и эмбриологии языка», вышедшая в 1885 г.

Следует вспомнить и о том, что традиционные представления о синтаксической системе существенно изменились в результате изучения живой устной речи, имеющей во многом совершенно иной синтаксис, нежели речь письменная, и, пожалуй, именно своим синтаксисом в наибольшей степени отличающейся от письменной речи. Необходимость изучения живой звучащей речи постоянно подчеркивалась Бодуэном де Куртенэ, сам он неоднократно обращался к такому речевому материалу.

Таким образом, современный синтаксис органически включает ряд высказанных Бодуэном де Куртенэ идей, каждая из которых может быть предметом специального рассмотрения.

Ряд идей общего характера, применимых и в синтаксисе, мы находим также в работах А. С. Будиловича, Н. К. Грунского, Д. Н. Кудрявского, работавших в Дерптском (Юрьевском) университете. Кудрявский обращался и к собственно синтаксической проблематике. Так, в своем «Введении в языкознание», рассматривая логическое и психологическое определения предложения и приводя в качестве примера определения Г. Пауля и В. Вундта, Кудрявский анализирует их и приходит к выводу, что и в том, и в другом случае авторы сосредоточены на характеристике содержания. По этому поводу он отмечает:

«Дело объясняется довольно просто: все приведенные определения почти совершенно забывают о том, что предложение есть форма выражения нашей мысли. Ясно, что и определение предложения должно быть формальным. В данном случае и психологическое направление впало в такую же ошибку, как и старое логическое. Будем ли мы видеть в предложении логическое или психологическое содержание, все равно нам не удастся определить форму, характеризующую содержание» (Кудрявский 1912, 99).

Далее автор развивает мысль о том, что необходимо выявление формальных признаков предложений разных языков в разные исторические периоды. Эти мысли Кудрявского соответствовали общему пафосу того времени, когда действительно поиск формальных признаков стал насущной потребностью, без удовлетворения которой синтаксис уже не мог далее развиваться. Высказывается в указанной работе автор и по поводу более частных синтаксических проблем, напр., спорит с теорией Ф. И. Буслаева о сокращении придаточных предложений до причастий и деепричастий. Таким образом, Кудрявский предлагает свое решение ряда собственно синтаксических вопросов.

Если иметь в виду синтаксис в таком более узком, более традиционном понимании, то следует вспомнить о работе

И. М. Николича «Синтаксис русского языка, составленный сравнительно с языком немецким», вышедшей еще в 1847 г. и неоднократно переиздававшейся (см. об этом: Щаднева 1996, 89–91). Автор ее — учитель гимназии, тесно связанный с университетом. Данная работа — один из первых трудов такого рода в области контрастивной грамматики, что для Тарту, в условиях сосуществования разных языков, актуально всегда.

Постоянный же интерес к синтаксису русского языка наблюдается начиная с середины XX в. Если обобщить работы исследователей 50-х – 60-х гг. (А. Б. Правдина, Т. Ф. Мурниковой, С. А. Оленевой, С. О. Мазик, Х. Я. Пак и др.), курсы лекций, которые ими читались; работу руководимых ими семинаров и защищенные под их руководством дипломные работы; то можно дать следующую общую характеристику. Синтаксическая проблематика не была основной для большинства названных авторов, однако все они в той или иной степени к ней обращались. В целом основная проблематика, более всего привлекавшая внимание в данный период, — это изучение синтаксиса русского языка в сопоставлении с эстонским, анализ некоторых синтаксических особенностей говоров Причудья, исторический синтаксис, особенности использования синтаксических единиц разных типов в художественных текстах. Таким образом, можно сказать, что какие-либо вопросы общетеоретического характера мало затрагивались, часто работы имели чисто практическую направленность. Однако любой вклад в науку достоин внимания.

Существенно изменяется положение в 70-е годы, когда в течение примерно десяти лет на кафедре русского языка Тартуского университета работает Б. М. Гаспаров, один из интереснейших синтаксистов того времени. Блестящий лектор, он читает очень разные курсы: введение в славянскую филологию, курсы фонетики и синтаксиса современного русского языка, спецкурсы по ареальной типологии языков, по истории лингвистики XX в.; разрабатывает вопросы синтаксиса текста, функционального синтаксиса, прагматического аспекта языка, социолингвистики; исследует проблемы культурологического, семиотического характера. Столь же широкий охват различных вопросов обнаруживается и в опубликованных работах данного автора. При всем разнообразии проблематики центральное место в трудах Гаспарова постепенно занимает изучение функционирования языка, языка в действии. Охарактеризовать его вклад в синтаксическую науку полностью в рамках одной статьи обзорного характера, посвященной более чем столетней истории синтаксической проблематики в трудах тартуских исследователей, не представляется возможным, поэтому отметим

лишь некоторые моменты. Докторская диссертация Гаспарова, основные положения которой нашли отражение и в его курсе лекций, и в соответствующем учебном пособии (Гаспаров 1971), — представляет собой первую в русистике функциональную классификацию простых предложений, в основе которой лежит рассмотрение предложения с точки зрения того, как оно включается в контекст, каковы грамматические средства (время, наклонение, вид, лицо, число, род) и, соответственно, постоянные признаки предложения, обеспечивающие его функционирование. На основе такого подхода были выявлены и описаны функциональные типы предложений. С функциональной же точки зрения сложное предложение рассматривает в своей кандидатской диссертации и в ряде статей ученица Гаспарова Э. А. Флоренская (см., напр., Флоренская 1977, 46–60), постоянно не работавшая в Тартуском университете, однако читавшая курс по синтаксису сложного предложения в конце 70-х гг.

Также с функциональных позиций решаются в то время Гаспаровым и другие синтаксические вопросы: общее определение предложения, членов предложения, типов синтаксических связей, вопросы актуального членения, синтаксиса текста. В 1980 г. Гаспаров уезжает из Тарту (эмигрирует в США) и его более поздние работы уже не относятся к тартускому периоду. Тем не менее думается, что тенденции того времени, лишь намечавшиеся, полностью реализовались в дальнейшем, напр., в его книге «Язык, память, образ», где, по словам автора, предпринята

«попытка выработать такой подход к языку, при котором на первый план, в качестве первичного объекта изучения, выступил бы бесконечный и нерасчлененный поток языковых действий и связанных с ними мыслительных усилий, представлений, воспоминаний, переживаний, сопровождающих нас повсюду в качестве неотъемлемого аспекта нашего повседневного существования» (Гаспаров 1996, 5).

В этой связи интересно отметить, что, говоря об исследовании языка с позиции личности говорящего, автор отсылает нас, в частности, к Бодуэну де Куртенэ, отмечая, что

«представление об индивидуальном характере всякого владения языком, о неповторимости языкового мира каждой личности получило значительное развитие в конце XIX – начале XX в.; особенно настойчиво подчеркивали эту идею Бодуэн де Куртенэ и К. Фосслер» (Гаспаров 1996, 19).

Таким образом, мы видим явную перекличку идей двух исследователей, работавших в свое время в Тартуском университете.

Наконец, нельзя не отметить работы в области синтаксиса многолетнего заведующего кафедрой русского языка Тартуского университета, известного аспектолога М. А. Шелякина,

который в последнее десятилетие много внимания уделяет и синтаксическим проблемам. Так, несомненный интерес представляет, напр., вышедшая в 2001 г. «Функциональная грамматика русского языка», частью которой является и функциональный синтаксис (Шелякин 2001). Характеризуя предложение, автор описывает его семантическую структуру, формальные, структурно-информативные и коммуникативно-прагматические признаки, что далее используется при выделении и описании базовых моделей простого предложения, возможностей их расширения и моделей сложного предложения.

Таким образом, мы видим, что более чем за сто лет синтаксическая наука в Тарту проходит путь от самых общих (и очень важных) идей и одновременно частных наблюдений до разработки завершенных оригинальных синтаксических концепций, которые, несомненно, оставят заметный след в лингвистической науке.

ЛИТЕРАТУРА

- Бодуэн де Куртенэ 1963 — И. А. Бодуэн де Куртенэ. *Избранные труды по общему языкознанию. Т. I–II*. Москва, 1963.
- Гаспаров 1971 — Б. М. Гаспаров. *Из курса лекций по синтаксису современного русского языка*. Тарту, 1971.
- Гаспаров 1996 — Б. М. Гаспаров. *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. Москва, 1996.
- Кудрявский 1912 — Д. Н. Кудрявский. *Введение в языкознание*. Юрьевъ (Дерптъ), 1912.
- Степанов 2002 — Ю. С. Степанов. *Методы и принципы современной лингвистики*. Москва, 2002.
- Флоренская 1977 — Э. А. Флоренская. *К построению классификации сложного предложения*. УЗ Тартугу, Тарту, 1977, вып. 425, 46–60.
- Шелякин 2001 — М. А. Шелякин. *Функциональная грамматика русского языка*. Москва, 2001.
- Щаднева 1996 — В. П. Щаднева. *Страничка истории дерптской русистики середины XIX века (Иван Михайлович Николитч и его исследование русской грамматики)*. Национальный Комитет славистов Эстонии 1996. Тарту, 1996, 89–91.

Вера Юрьевна Франчук
Київ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ ТАРТУСКИХ И ХАРЬКОВСКИХ СЛАВИСТОВ

Славистика в Тартуском университете – подготовка научных кадров – требования к работам, представленным к защите на степень магистра и доктора – этика научного общения – переписка А. А. Потебни и Э. А. Вольтера, А. А. Потебни и И. А. Боуэна де Куртенэ

В архивах Украины хранится большое количество писем преподавателей и воспитанников Тартуского университета. Особый интерес представляют письма, адресованные Александру Афанасьевичу Потебне. Они вносят новые подробности в историю университета, в частности, освещают процесс учреждения в нем кафедры славистики и роль в этом процессе проф. Павла Александровича Висковатова.

Рекомендательная записка Висковатова, в которой он обращается к Потебне с просьбой помочь выпускнику университета Эдуарду Александровичу Вольтеру¹ советами и консультациями, характеризует ученого как человека, равнодушного к судьбе своих воспитанников, дополняет его облик симпатичными чертами. Ниже она приводится полностью:

2 февраля 1880, Дерпт

Многоуважаемый Александр Афанасьевич!

Пятнадцать лет тому назад² мы с Вами виделись в Берлине. Припоминаете ли? Сохранив о Вас самую добрую память, я был бы рад, если бы Вы не совершенно затеряли в своей памяти образ еще не устоявшегося юноши, каким Вы меня знали.

Направляю я к Вам кандидата здешнего университета, моего специального слушателя. Могу сказать о нем лишь доброе. Но так как я весьма мало мог быть ему полезен со стороны филологии и языковедения, то и решился его направить к Вам. Он года два был учеником Лескина в Лейпциге. И Лескин о нем отличного мнения. Вольтер (Эдуард Александрович) был его *Famulus*. Меня он слушал 2 ½ года.

Таких студентов здесь немного. Не оставьте же его советом. Желал бы я, чтобы ему Русь понравилась и чтобы глянула на него так, как объяснил я ее ему.

Ваш Павел Висковатов

Приписка в конце важна для понимания обстановки, в которой проходило становление славистики Тартуского университета:

Здесь учреждается кафедра славянской филологии. Но еще не знаю, кого на нее пригласить. Конечно, предложение кандидатов зависит от меня. Я с немалыми усилиями провел это дело. Если Вы дадите совет, я, конечно, им буду дорожить. Только вообще прошу не говорить об этом. Тут надо соблюдать известную политику³.

Написанная в начале февраля, записка попала к адресату лишь в начале июня вместе с письмом Вольтера, отосланным из Москвы 30 мая 1880 г. Его текст приводится ниже:

Милостивый государь Александр Афанасьевич!

При занятиях своих с словообразованием и особенно с суффиксами русского языка я давно уже желал пользоваться Вашим почтенным советом. Как приложенное к сему письмо проф. П. А. Висковатова указывает, я откомандирован Дерптским университетом в другие русские университеты для подготовки к магистерскому экзамену. Для меня весьма важен Ваш совет. Если бы я знал, что Вы летом будете в Харькове и советуете мне приехать, то я бы и явился туда. Если же там работать нельзя, да и Вы не соблаговолите помочь, может быть, даже и сами уезжаете, то мне лучше оставаться в г. Москве, где уже кое-что начал делать.

Будьте столь добры известить меня хотя бы словом.

Примите уверение в искреннем уважении и совершенной преданности покорный слуга

Эд. Вольтер⁴

Потебня ответил немедленно (письмо из Харькова датировано 4 июня) в свойственной ему сдержанной манере, но приветливо:

Милостивый государь Эдуард Александрович!

В двадцатых числах этого месяца я предполагаю выехать на дачу в 35-и верстах от Харькова. Возвращусь в половине августа.

Будет ли Харьков удобен для Ваших занятий, решить не могу; но если я в состоянии буду чем-либо облегчить эти занятия, за мною дело не станет. Если переписываетесь с проф. Висковатым, прошу Вас передать ему мой поклон.

С совершенным уважением к Вам

А. Потебня⁵

О пребывании Вольтера в Харькове известно мало. Следующее его письмо Потебне отослано из Риги с датой 8 июня 1881 г. Непринужденный тон, подробности о встречах и разговорах с учеными, событиях политического характера и даже слухах разного рода свидетельствуют, что за проведенное в Харькове время Вольтер успел сблизиться с А. А. Потебней и его семьей, а

также познакомился с немногочисленными представителями русско-славянской филологии университета.

Выразив сожаление, что ему «с этого далека трудно советовать» с наставником, Вольтер завершает длинное послание таким оригинальным образом:

Но довольно. Получайте мое истинное спасибо за все руководство, все указания, доставленные мне с Вашей стороны, благодарствие и поклон Марии Францовне и детям, кланяюсь Дринову, Кирпичникову. С особенным уважением

Ваш Эдуард Вольтер

Дальнейшая переписка Вольтера и Потевни посвящена вопросам защиты его магистерской диссертации. Детали этой истории, роль в ней Потевни и И. В. Ягича хорошо известны. (Письма Ягича 1960, 102–110; Письма Ягича 1963). Известна и рецензия Потевни на книгу Вольтера «Разыскания по вопросу о грамматическом роде», вошедшая в изданный после его смерти 3-й том «Из записок по русской грамматике». Ниже приводится завершение этой рецензии, не вошедшее в печатный текст:

Ввиду этого я присоединяюсь к мнению об этом сочинении, представленному в историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета академиком Ягичем, который «отдает полную справедливость богатству собранного материала (хотя не совсем критически и слишком односторонне по словарям, а не по памятникам)», находит недостатки в применении этого материала, «но, имея в виду, что разбор вопросов такого рода, как о грамматическом роде, принадлежит к самым трудным», в заключение говорит, что это обстоятельство заставляет «отнестись к сочинению Вольтера при оценке его снисходительно».

И на это я замечу, что г. Вольтер собирал материал не исключительно в словарях, но и в памятниках великорусских, малорусских, латышских; что он, как мне положительно известно, сам знает эту слабую сторону своего сочинения, но справедливо полагает, что на собрание такого материала исключительно из памятников потребовалось бы несколько лет.

Ввиду этого я со своей стороны считаю возможным допустить сочинение Вольтера к публичной защите⁶.

В дальнейшем Вольтер получает от Потевни его труды. И отзывается рецензией на 1-й том «Объяснения малорусских и сродных народных песен» в журнале «Archiv für slavische Philologie» (1884, Bd. VII, 629–639). В свою очередь, он посылает учителю свои публикации. Эти творческие контакты прервались, когда Ученый совет Харьковского университета отклонил представленную Вольтером к защите на степень доктора русской словесности диссертацию «Литовский катехизис Н. Даукши по изданию 1595 г.». Вольтер заподозрил в этом случае интриги со стороны И. А. Бодуэна де Куртенэ, в то время профессора Тар-

туского университета, и его ученика А. И. Александрова, работавшего тогда в Харькове. О своих сомнениях Вольтер сообщил Потембне со свойственной ему непосредственностью. Потембня отозвался резким письмом, тон которого не смягчило даже заболевание по поводу смерти жены Вольтера:

Милостивый государь Эдуард Александрович!

Могу Вас уверить, что Вы введены в заблуждение относительно Бодуэна и Александрова. Мнения того и другого нам совершенно неизвестны. Ни о какой интриге здесь не может быть речи. Я не отвечал на Ваши письма, как по нездоровью, занятиям и пр., так и потому, что полагал, что ответ факультета Вам уже сообщен деканом. В факультете было единогласно решено, что Ваш труд «Катехизис Даукши», независимо от его достоинств, по содержанию не соответствует цели, так как отношение его к русской словесности крайне отдаленное. Если это решение кажется Вам несправедливым, Вы можете обратиться в Санкт-Петербургский или Московский университет. В последнем, как Вам известно, Миллер и Фортунатов знакомы с литовским языком. Благодарю Вас за Вашу книгу и брошюры. 1 экземпляр «Катехизиса Даукши» я передал Дринову.

Весьма сожалею о постигшем Вас горе.

С совершенным уважением к Вам

А. Потембня

Тем не менее Вольтер сохранил благодарную память о своем харьковском наставнике. После его смерти он издал «Библиографические материалы для биографии А. А. Потембни» (СПб., 1892, 32 с.)⁷, где были собраны сведения о трудах ученого и работах, ему посвященных. Так было положено начало созданию научной биографии Потембни.

Иначе складывались отношения Потембни и Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ. Их объединяло многое во взглядах на предмет славяноведения и на методы языковедческого исследования. Оба филолога прошли замечательную школу отечественного языкознания, для которой было характерно понимание языка как исторической категории. Следует особо отметить, что к тому времени, когда началась научная и педагогическая деятельность Бодуэна де Куртенэ и Потембни — 60-е и 70-е гг. XIX в. — идея развития языка, тесной связи его современного состояния с историей была настолько актуальной для русского языкознания, что даже получила отражение в школьном курсе.

Уже в выполненной под руководством И. И. Срезневского магистерской диссертации «О древнепольском языке до XIV столетия» (1870 г.) Бодуэн де Куртенэ применил описательный и исторический принцип изучения языка. На первый план в этом исследовании был выдвинут анализ фонетики, словообразования и отчасти склонения и спряжения польского языка

до XIV столетия, но вместе с тем для исторического сопоставления привлекаются памятники письменности XIV и первой половины XV вв. Этот исторический подход дал возможность представить изучаемую эпоху в связи с последующим развитием польского языка.

В близких по времени к этой работе Бодуэна де Куртенэ трудах Потевни, прежде всего в его докторской диссертации «Из записок по русской грамматике» (1874), также прослеживаются черты исторического описания языка. Структура предложения восточнославянских языков в XIX в., различные грамматические категории этого же периода с их формами и значениями, части речи и их особенности сопоставляются Потевней с данными прошлых столетий. В этом смысле работы Бодуэна де Куртенэ и Потевни значительно отличаются от современных им западноевропейских лингвистических работ, в которых отдается предпочтение анализу древних явлений языка, его истории.

Как и Бодуэн де Куртенэ, Потевня использует методы сравнительно-исторического языкознания. Примеры современного языка сопровождаются в его трудах сопоставлением с примерами из древнерусского и родственных языков, восточнославянских диалектов.

Оба филолога не ограничиваются лишь практическим применением описательного и исторического аспектов исследования языка, но и разрабатывают эти вопросы теоретически. Так, напр., Бодуэн де Куртенэ в 1870 г. подготовил статью «Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний», в которой говорит о том, что корни или основы слова, как и вообще все в языке, подвергаются постоянным фонетическим изменениям и изменениям по аналогии, приводящим к появлению новых границ между морфемами слов. Эти положения ученый прослеживает на всех этапах развития языка, начиная со стадии праязыка. Итогом такого морфологического переоформления явилось, по его мнению, смешение типов склонения, исчезновение категорий основ в их прежнем значении, появление новых основ, что наблюдается в развитии древнерусского языка, а также ряда других древних славянских языков. Подобные положения высказывает Потевня в разделе об именах существительных, вошедшем в четвертый том «Из записок по русской грамматике» (Потевня 1985, IV/1).

Потевня, опираясь на работу И. И. Срезневского, говорит о том, что морфологические изменения в грамматическом строе языка обуславливаются как внутренними законами развития, так и внешними влияниями. По мнению исследователя, это

может способствовать глубоким изменениям грамматического строя, что видно на примере болгарского и романских языков.

Изучая современное состояние языка, Бодуэн де Куртенэ особо отмечает значимость и необходимость при этом описания его структуры, обосновывая важность статического (описательного) анализа языка. Это положение было для лингвистов XIX в. новым. Повышенный интерес Бодуэна де Куртенэ к описательному методу при анализе современного языка, конечно, не означал умаления им роли сравнительно-исторического метода. Выделяя в лингвистике статический (синхронный) и динамический (диахронный) планы, ученый отмечает:

«Нет неподвижности в языке <...> Статика языка есть частный случай его динамики» (Бодуэн де Куртенэ 1963, I, 349).

Потебня также выдвигает идею о том, что статическое описание крайне важно для исследования, так как в синхронном состоянии язык представляет не однородное явление, а совокупность разных по времени проявлений языковых фактов. Это наличие различных пластов или слоев в языке определяет разные методы его изучения — в современном состоянии (Потебня называет это синтаксисом) и в историческом развитии (по терминологии А. А. Потебни — этимологическое).

«Будет ли перед нами вещественное или формальное значение слова, — писал Александр Афанасьевич, — мы равно а) или определяем его, что возможно только из контекста, из сочетания его с другими — точка синтаксическая; б) или изыскиваем путь, которым язык дошел до этого значения — точка этимологическая» (Потебня 1958, I-II, 47-48).

Смысл, который Потебня вкладывает в термины «синтаксис» и «этимология», напоминает взгляды Бодуэна де Куртенэ на статику и динамику. Как и он, Потебня, противопоставляя эти понятия, указывает на их тесную связь:

«<...> Этимология и синтаксис относятся друг к другу, как история и описание современного состояния; последнее объясняется первым» (Потебня 1958, I-II, 48).

Идеи, связанные с развитием языка, в частности, идея о тесной связи описательного и исторического его изучения, как и многие другие теоретические положения, выдвинутые Бодуэном де Куртенэ и Потебней, приобрели особую значимость и получили широкое распространение в XX в.

Многие идеи, теоретические положения, связанные с принципами и методами языковедческого анализа, взгляды на развитие славянских языков у Потебни и Бодуэна де Куртенэ были близкими. Это, бесспорно, способствовало развитию дружеских отношений ученых, помогало находить интересные для обеих темы и проблемы, а также способствовало и письменному

общению. И. А. Бодуэн де Куртенэ одно время предполагал преподавать в Харьковском университете и с этой целью приезжал в Харьков. Тогда ученые познакомились лично и стали переписываться⁸. В письмах Бодуэна де Куртенэ говорится о многом: научных планах, необходимости помочь своим ученикам, студентам, исключенным из Казанского университета по политическим мотивам. С подобными просьбами, бесспорно, можно было обратиться лишь к человеку, близкому и по взглядам, и по убеждениям.

В июле 1883 г., накануне переезда в Тарту, Бодуэн де Куртенэ просит Александра Афанасьевича помочь поступить в Харьковский университет студентам, исключенным из Казанского университета за участие в сходке, а также за то, что «выразили письменно свое несочувствие проректору». Это дело, как сообщает Иван Александрович, раздули «вследствие беззаконности и трусости начальства, до невероятных размеров». В ответном письме от 13 августа 1883 г. Потебня обещает, что то малое, что от него будет зависеть, он сделает.

В августе 1883 г. Бодуэн де Куртенэ покинул Казанский университет и стал профессором кафедры сравнительной грамматики славянских наречий Дерптского (Тартуского) университета. Вместе с профессором в Дерпт переехал один из его лучших учеников А. И. Александров, племянник Н. А. Добролюбова. Иван Александрович внимательно следит за успехами ученика, всячески способствуя его научной деятельности. В 1886 г. Александров успешно защищает магистерскую диссертацию на тему «Язык национального поэта Литвы Донелайтиса. Т. I. К семасиологии». В 1888 г. он публикует на немецком языке докторскую диссертацию «Литовские этюды. Т. I. Именные сложные слова», которую подготовил под руководством Бодуэна де Куртенэ. С 1886 по 1888 г. Александров работал в Харьковском университете на кафедре сравнительного языковедения и санскрита.

Беспокоясь о судьбе ученика, талантливого исследователя, Бодуэн де Куртенэ просит Потебню рассмотреть докторскую диссертацию Александрова, высказать о ней мнение в письме, считая, что анализ Александра Афанасьевича окажет существенную помощь автору исследования и его учителю:

Многоуважаемый Александр Афанасьевич!

Вы очень обяжете меня, написав мне вполне откровенно, приняли бы Вы в Харьковском университете работу А. И. Александрова «Litauische Studien. I. Nominalzusammensetzungen» как докторскую диссертацию, конечно, если б она была написана по-русски? Вашего ответа, если Вы пожелаете, я никому сообщать не буду. Вас же усердно прошу не говорить ни самому Александрову, ни другим, что я Вас об

этом спрашивал. Александров мог бы этим огорчиться... Буду ждать с нетерпением Вашего мнения об этом труде.

Пользуюсь случаем, чтобы от души поблагодарить Вас за богатые подарки, а именно за 2-е издание «Из записок по русской грамматике» и за «Объяснения малорусских и сродных песен». Очень жалею, что могу Вам посылать только мелочи без значения. Может быть, через несколько месяцев будет готов 1-й том моих «Материалов для южнославянской диалектологии и этнографии», и тогда уж, хотя по крайней мере по объему, не будет совестно явиться перед Вами.

Дерпт, 28 ноября/10 декабря 1888

Преданный Вам

И. Бодуэн де Куртенэ

В ответном письме от 9 (21) декабря 1888 г. Потебня спешит сообщить Бодуэну де Куртенэ о том, что выполнил его просьбу и готов помочь Александрову:

Многоуважаемый Иван Александрович!

Я только теперь прочел диссертацию А. И. Александрова, чем отчасти замедлился ответ на Ваше письмо. Эту диссертацию я бы принял... , хотя нахожу в ней некоторые недостатки: автор даже не упоминает о латышском языке, слишком доверчиво относится к своему материалу и еще кое-что.

Александрю Ивановичу я, согласно с Вашим желанием, ничего не говорил.

С совершенным уважением к Вам

А. Потебня.

Последним в этой переписке стало письмо Александрова, который после успешной защиты докторской диссертации вернулся в Тарту и просил Потебню содействовать в подготовке к научной деятельности выпускнику Харьковского университета М. П. Савинкову⁹.

¹ Вольтер Эдуард Александрович (1856–1941) — специалист по балтийским языкам и литературам, этнографии, библиотековед, библиограф, приват-доцент Петербургского университета (1895–1918), профессор Каунасского университета (1922–1933).

² П. А. Висковатов ошибся. Он виделся с А. А. Потебней в Берлине в 1862–1863 гг.

³ Письмо-рекомендация П. А. Висковатова хранится в фонде А. А. Потебни: Центральный государственный исторический архив Украины, ф. 2045, оп. 1, ед. хр. 55, лл. 1–1/об.

⁴ Восемь писем Э. А. Вольтера хранятся в том же фонде, что и рекомендация П. А. Висковатова: ед. хр. 57, лл. 1–8/об.

⁵ Три письма А. А. Потебни Э. А. Вольтеру хранятся в фонде Э. А. Вольтера, см.: Архив Академии наук России. Санкт-Петербургское отделение: ф. 178, оп. 2, ед. хр. 235, лл. 1–4.

⁶ Ф. 2045, оп. 1, ед. хр. 207, лл. 28–28/об.

⁷ Отдельный оттиск из: Сборник ОРЯС Имп. АН, 1892, т. 53, № 8.

- ⁸ Письма И. А. Бодуэна де Куртенэ к А. А. Потебне хранятся в Центральном государственном историческом архиве Украины: ф. 2045, оп. 1, ед. хр. 45, лл. 1–6. Ответные письма А. А. Потебни — в Санкт-Петербургском отделении Архива Академии наук России: ф. 102, оп. 2, ед. хр. 253, лл. 1–2/об. Подробнее о переписке ученых см.: Мовознавство, Київ, 1979, № 6, 36–39.
- ⁹ Центральный государственный исторический архив Украины: ф. 2045, оп. 1, ед. хр. 34, лл. 1–1/об.

ЛИТЕРАТУРА

- Бодуэн де Куртенэ 1963 — И. А. Бодуэн де Куртенэ. *Избранные труды по общему языкознанию*. Т. I. Москва, 1963.
- Письма Ягича 1960 — *Письма И. В. Ягича к А. А. Потебне*. Публикация О. А. Лантевой. Вопросы языкознания, Москва, 1960, № 2, 102–110.
- Письма Ягича 1963 — *Письма И. В. Ягича к русским ученым 1865–1886 гг.* Издание подготовили Г. П. Блоки, Т. И. Лысенко. Москва – Ленинград, 1963.
- Потебня 1958–1985 — А. А. Потебня. *Из записок по русской грамматике*. I–IV/1, 2. Москва, 1958–1985.

Елена Евгеньевна Королева
Daugavpils

О БАЛТИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР 50-Х ГГ. XX В. И ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Балтийская экспедиция Института этнографии АН СССР в Эстонии – диалектологические исследования Тартуского университета – народное жилище, орудия земледелия, одежда

1. Становление этнографии как науки в Эстонии приходится на начало 1920-х гг. Напр., Этнографический музей в Тарту занимался сбором вещевого и документального материала по этнографии эстонцев, а с 30-х гг. этнографы начинают привлекать и русский материал (Рихтер 1976, 7–8).

По наличию этнографических материалов, собранных в досоветский период в Прибалтике, на первое место следует поставить Эстонию. Центром собирательской работы явился Этнографический музей в Тарту, располагающий богатейшим собранием коллекций и большим научным архивом (Терентьева 1954, 108–109).

Заслуживает внимания опыт эстонских фольклористов по исследованию устного народного творчества в связи с решением проблем этногенеза эстонского народа (Терентьева 1954, 110). Таковы достижения эстонских этнографов и фольклористов к началу работы комплексной экспедиции.

Летом 1952 г. начала свою работу комплексная Балтийская этнографо-антропологическая экспедиция под руководством профессора Н. Н. Чебоксарова, организованная Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР совместно с Институтом истории и права и Историко-этнографическим музеем Академии наук Литовской ССР, Институтом истории Академии наук Эстонской ССР и Народным музеем, Институтом этнографии и фольклора Академии наук Латвийской ССР и Музеем народного быта, а также отделом охраны памятников архитектуры Управления по делам архитектуры при Совете Министров Латвии.

В задачи экспедиции входило всестороннее антропологическое и этнографическое исследование народов Прибалтики с целью выяснения их происхождения, этнической истории и культурных взаимоотношений с соседними народами, в особенности с русскими и белорусами. Деятельность экспедиции была рассчитана на несколько лет, она длилась почти десять лет. В 1955 г. должны были быть подготовлены к печати «Труды» экспедиции (Труды 1959). На последующих этапах к экспедиции подключились фольклористы и лингвисты. Экспедиция способствовала научным разысканиям в области архитектуры, археологии, этнографии, диалектологии, производимым на местах, но выполняемым в рамках обозначенной Балтийской экспедицией проблематики. Делалась попытка скоординировать работу экспедиции и самостоятельные исследования, проводимые прибалтийскими учеными на местах.

В 1952 г. в работе первой Балтийской экспедиции участвовало 50 человек, в том числе аспиранты и студенты. Выбор районов для обследования определялся указанными выше задачами экспедиции. Маршрут работы трех экспедиций эстонского отряда охватывал территорию вдоль границы с Латвийской ССР и с РСФСР: Вастселинский район Тартуской области, граничащий с Латвией и Псковской областью, жителями являлись эстонцы и латыши; последние переселились сюда из Латвии в 70–80-х гг. XIX в., во время начавшегося выкупа крестьянами земли в собственность. В некоторых населенных пунктах этого района, а также в Печерском и Качановском районах Псковской области живут сету — своеобразная этническая группа эстонцев, происхождение которой до настоящего времени остается еще не выясненным. Следующим районом обследования явился Йыхвиский район Таллинской области, поскольку он расположен вдоль древней границы эстонско-русской этнической территории. Последними пунктами изучения эстонского отряда Балтийской экспедиции стали Печерский и Качановский районы Псковской области.

Антропологическое обследование проводилось во всех трех Прибалтийских республиках, в Печерском районе Псковской области и в Сморгонском районе Молодечненской области Белоруссии. Антропологами изучено 19 групп, различных по национальному составу (всего около 2000 человек).

Антропологические материалы экспедиций позволили выделить на территории Прибалтики три антропологических типа: восточнобалтийский, западнобалтийский и северночер-

номорский. Особенности культуры (жилища, одежды, традиционных орудий земледелия) позволяют восточнобалтийскую историко-этнографическую область разделить на три своеобразные подобласти: северную, восточную и западную.

Эстонская экспедиция изучала прежде всего материальную культуру, особенно поселения, жилища и одежду. В Йыхвиском районе Эстонии и в Печерском районе Псковской области производилось монографическое обследование эстонцев и сету.

В Йыхвиском районе обследована южная территория: сельские советы Ййсаку (Ййзаку), Ййуча, Вайкла и Катасе, включающих в свой состав в то время 17 деревень.

Работниками экспедиции собран ценный и разносторонний материал по истории поселений, социальному составу их жителей в прошлом, сняты планы деревень, отдельных наиболее типичных крестьянских дворов, жилых и хозяйственных построек; подробно описаны внутреннее убранство жилищ, мебель и утварь.

Среди жителей Йыхвиского района выделяется особая этническая группа, отличающаяся от остального эстонского населения некоторыми особенностями культуры и быта, характерными для русского народа. Эстонские этнографы предполагают, что предками этой группы были русские, воспринявшие в результате длительного проживания среди эстонского населения эстонский язык, лютеранское вероисповедание и основные черты культуры и быта. Вопрос об этническом происхождении этой группы требует дальнейшего детального исследования, однако полевые материалы, собранные в то время, говорят в пользу этого предположения. Обиходным языком отмеченной группы 3–4 поколения назад был русский (старики во время обследования первых Балтийских экспедиций говорили по-русски). Эстонский язык обследованной группы включал в свой состав много русизмов и заметно отличался от эстонского языка окружающего населения в фонетическом отношении.

Русские черты прослеживались и в отдельных элементах материальной культуры. Так, наиболее старым типом жилого дома в поселениях этой группы была изба с русской печью и холодными сенями, к которым затем была пристроена *рехетуба* — рига, которая в Эстонии использовалась как жилой дом. Здесь она использовалась только как помещение для сушки хлеба, т. е. прямо по назначению, как это принято у русских крестьян. Более поздние пристройки уже мало отличаются от эстонских, но в них еще сохраняются отдельные детали, характерные для русских строений. Старинным го-

ловным убором замужних женщин был повойник. Женщины русского Севера носили сарафаны. Современную юбку в этих местах в дни первой Балтийской экспедиции называли сарафаном. Мужчины носили косоворотки, вышитые крестом, которые у русских старообрядцев Латвии до сих пор называются русской рубахой или рубашкой с русским воротом. В пище большое место занимал творог, способ приготовления которого отличался от эстонского. Принято было также делать конопляное молоко, гущу, печь пироги.

В Вастселинаском районе исследования проводились в Параметском сельсовете — среди эстонского и латышского населения и в Калачовском, где живут только сету. Членами экспедиции были собраны материалы по одежде и жилищу и национальному составу населения.

Изучение показало, что поселения и жилище у эстонцев и сету, живущих на территории одного района, имеют существенные различия. Формой поселения эстонцев Параметского сельсовета являются деревни кучевого плана, со свободным расположением построек внутри двора. Сету живут в деревнях с уличной планировкой: во многих дворах сохранился старый тип планировки с расположением построек в три ряда фронтонами на улицу (посредине жилой дом, по одну сторону через небольшой двор — хлев, по другую — клеть). Старинным типом жилого дома эстонцев является *рехетуба*. Старый тип жилого дома у сету представлял собой характерное для русского населения жилище, состоящее из избы с русской печью, обращенной устьем к окну, и сеней. Изба делилась на *печной угол*, *постельный угол*, *иконный угол* и *посудный угол*.

Тип народного костюма в Вастселинаском районе также неоднороден. Женский эстонский костюм на территории Параметского сельсовета перестали носить примерно 60–70 лет назад, мужской еще раньше. Сведения о народной одежде собирались этнографами по воспоминаниям местных жителей, из слов которых стало ясно, что в прежние времена здесь бытовал костюм, типичный для южной Эстонии (Вырумаа). На юге Эстонии носили одежду наподобие южнорусской поны.

Переселившиеся в Параметса в 70-х гг. XIX в. латыши, как и эстонцы, в то время уже не носили народного костюма. Однако в их одежде, по покрою, как и у эстонских крестьян, близкой к городской, имелись существенные отличия от одежды эстонцев. В рабочей и праздничной одежде эстонцев и латышей времен той Балтийской экспедиции различий уже не было, за исключением некоторых узоров перчаток.

У сету, живущих в Калачовском сельсовете, женщины во времена экспедиции еще носили народный костюм, мужской костюм можно было увидеть только во время праздников. Женская рубаха сету второй половины XIX в. сходна с новгородской.

Эстонским отрядом было сделано много фотоснимков, демонстрирующих отдельные производственные процессы, внутреннее убранство дома, этапы одевания костюма, напр., повязывания головного убора или завязывания пояса. В составе эстонского отряда был и кинооператор, который зафиксировал певческий праздник в Вастселинаском районе и народное гулянье *кирмаш* в Печерском районе (Терентьева 1953, 182–190).

Материалы экспедиций позволили четко выделить в пределах Прибалтики три основных типа жилища, границы распространения которых совпадают с северной, восточной и западной подобластями. Для решения вопросов этногенеза представляет большой интерес сходство жилища латышей, эстонцев и литовцев с жилищем соседних народов. Так, планировка жилища восточных районов Прибалтики очень близка к планировке восточнославянского дома, прежде всего русских и белорусов, а западный *нумас* — к западнославянскому. Жилая рига, распространенная на севере Прибалтики, напоминает финский дом.

Один из отрядов Балтийской этнографо-антропологической экспедиции под руководством К. И. Козловой летом 1952 г. работал по сбору этнографического материала в Калластеском и Муствеэском районах, т. е. на западном побережье Чудского озера. Были обследованы русские селения Нина (Нос), Ротчино, Большие и Малые Кольки и Казепиль в Калластеском районе и селения Кикида, Раэ (Раюша) и Тихеда в Муствеэском районе.

Как считает Козлова, причинами переселения русских в эти места послужили гонения на старообрядцев, бегство от крепостной зависимости и солдатчины. Основная масса русского населения в этих местах была старообрядческого вероисповедания, православных было мало, и селились они первоначально отдельно от старообрядцев (примером может служить село Нина, в котором почти не было старообрядческих семей). Старообрядцы принадлежали к двум толкам: поморцы и федосеевцы, при этом федосеевцы появились позже поморцев.

Первая волна поселенцев прибыла во второй половине XVII в. после раскола в русской церкви, новые поселенцы

прибыли в первой четверти XVIII в. Со второй половины XIX в. наблюдались уже единичные случаи переселения.

Судя по воспоминаниям стариков и по остаткам старинных жилищ в старообрядческих селениях, жилище русских в эпоху феодализма представляло собой трехраздельную срубную постройку, состоящую из двух изб и сеней между ними.

У русских западного Причудья в результате изменившегося направления их хозяйства утратила свое значение клеть, бывшая при земледельческо-скотоводческом направлении хозяйства необходимой постройкой у большинства русского населения.

Вытянутый вдоль улицы дом был покрыт соломенной крышей. Сзади к нему пристраивался четырехугольный замкнутый со всех сторон открытый двор. Такой тип двора и дома был широко распространен в средних и южных великорусских областях, откуда, вероятно, он был принесен переселенцами на западный берег Чудского озера. Несомненно, этот тип жилища изменился под влиянием новых климатических условий, к которым вначале был мало приспособлен, а также под влиянием позднейших переселенцев из ближайших северных великорусских областей. Но коренные изменения в жилище произошли лишь в середине XIX в., когда у русских западного Причудья особенно большое значение получило отходничество, так как рыболовство при слабо развитом земледелии не могло удовлетворить всех потребностей населения (Козлова 1954, 156).

В результате Балтийских экспедиций были написаны 4 кандидатских диссертации: две из них посвящены описанию специфики материальной культуры печерских и ийзакусских полуверцев (Е. Рихтер, А. Моора), а две посвящены проблемам билингвизма, языковых контактов, смешения языков (М. Муст, Х. Хейтер). Важным этапом в изучении истории и этнографии русского населения западного Причудья является монография Рихтер «Русское население западного Причудья», в которой рассматриваются особенности занятий и хозяйственной деятельности, построек, одежды, пищи и утвари, семейной обрядности, общественной жизни и духовной культуры и приводятся исторические этапы формирования русского населения западного Причудья (Рихтер 1976).

Трудно переоценить результаты Балтийской экспедиции не только для дальнейших этнографических и антропологических исследований на местах, но и для диалектологических, особенно полевых, которые в эти годы становятся систематическими. В какой-то мере Балтийская экспедиция дала импульс для этих исследований, позволила продолжать их на

новом витке научной мысли. Экспедиция, на наш взгляд, дала возможность осознать, что только комплексное изучение языка, духовной и материальной культуры, учитывающее социальную историю народа, его прошлое и настоящее, даст полную картину языкового и этнического взаимодействия, а также этногенеза народов, его составляющих.

2. Можно выделить следующие этапы в развитии научной мысли, сделавшие возможными современные диалектологические и этнолингвистические исследования русских говоров, расположенных на территории Эстонии:

а) 1928–1939. Проводилось изучение русских говоров на территории Эстонии в рамках плана научной работы славянского отделения Тартуского университета. Под руководством профессоров П. Аристэ и П. Арумаа, возглавлявших в то время это отделение, был собран фольклорный и диалектный фонд, который хранится сейчас в Литературном музее им. Ф. Р. Крейцвальда Тарту. Этот фонд составляет около 15000 страниц рукописного текста. Описанию этого фонда посвящена статья Т. Ф. Мурниковой «Русские фольклорные и диалектологические материалы в Литературном Музее г. Тарту» (Мурникова 1970б, 227–237). Так, фольклорные записи, собранные студентами славянского отделения Тартуского университета, представляют собой сотни рукописных страниц живого разговорного текста. Напр., записаны рассказы местных жителей о том, почему в соседней деревне много больных и слабоумных, почему кукушки кукуют, что такое Китов камень, как проводятся в деревне *бабий праздник*, *бабьи заговины*. В связи с заговорами и уроками записываются рассказы о местных колдунах, оборотнях, дворовиках, приводятся сведения по народной медицине. Многие записи связаны с народным крестьянским календарем (Никола весенний, Егорьев день, Иван-день, Анастасия Плющиха). Язык этих записей отражает состояние местного диалекта первых десятилетий нашего века (Мурникова 1970б, 237). В наше время об этом фонде писала также Э. А. Вайгла, обратившая внимание на роль П. Аристэ в собирании материалов указанного фонда; в этой же работе приводятся и образцы записей фольклора и лексики (Vaigla 1998, 301–309).

б) 1952–1962. Комплексная Балтийская антрополого-этнографическая экспедиция. Она подготовила базу для дальнейшего комплексного изучения русских говоров Эстонии. Этнографический аспект изучения лексики проявляется, напр., в вопроснике, составленном В. Мюркхейм и Х. Хейтер и посвященном сбору диалектного материала тематических

групп лексики, являющейся обозначением одежды, жилища и типов постройки (Инструкция 1972).

в) 1955–1960. Диалектологические исследования были связаны с обследованием населенных пунктов острова Пийриссаар (Мурникова 1970а, 7–8) по вопроснику Общеславянского лингвистического атласа (Аванесов 1970, 13–27). Материал собирался Мурниковой и составил картотеку в 5000 лексических единиц.

г) 1960–1970. Сбор лексики русских говоров с целью составления сводного словаря старожильческих русских говоров Прибалтики (Немченко и др. 1963). Словарь был задуман как пробный, однако до сих пор остается единственным собранием диалектной лексики Прибалтики. Для словаря были обследованы следующие территории Эстонии: в Йыгеваском районе — д. Муствез, д. Раз; в Тартуском районе — д. Калласте, Нина, Колкья, Казепа, Варнья.

Важным этапом научных диалектологических исследований, проводившихся в Прибалтике, следует считать состоявшуюся 23–25 сентября 1968 г. в Тарту Третью диалектологическую конференцию Прибалтики. Результатом этой конференции явилась публикация «Трудов Прибалтийской диалектологической конференции 1968 г.» (Труды 1970).

По словам М. С. Семеновой, являющейся редактором изданного в Прибалтике диалектного словаря,

«русские говоры Эстонии наиболее консервативны, они сохраняют некоторые особенно древние черты, например, нестяженные формы прилагательных, безличные обороты со страдательным причастием» (Немченко и др. 1963, 5),

поэтому диалектный материал, записанный на эстонской территории, является уникальным. В количественном отношении этот материал проигрывает литовскому и латышскому, однако отличается большим своеобразием, отражая, в частности, занятия старообрядцев рыболовством и огородничеством. В качестве примера диалектных слов, встречающихся в языке старообрядцев только на территории Эстонии, можно привести следующие примеры из словаря: *будара* ‘большая лодка для дров’; *буй* ‘стая птиц’; *вагуша* ‘узкая грядка для посадки овощей в один ряд’; *глевь* ‘рыбья чешуя’; *глушина* ‘крышка для самовара’.

Лингвистический анализ словаря не входит в наши задачи. Обратим внимание только на один интересный, с нашей точки зрения, момент. По идеологическим соображениям, связанным с установкой Советского государства на атеизм, лексика церковной сферы, жизненно важная для старообрядцев, не является предметом изучения и описания, поэтому не

фиксируется диалектологами и не подается в качестве заглавных статей в диалектных словарях. Однако в анализируемом словаре иллюстративный материал, зафиксированный на эстонской территории, такие сведения содержит. Возможно, это объясняется тем, что Мурникова всегда была приверженцем старообрядческой веры, никогда не скрывала своих религиозных убеждений и хорошо владела этим пластом лексики (одно время ее муж был наставником моленной в Тарту) (Киселева 1998, 116). Так, интересующий нас материал находим в словарной статье на *гугнивый* (*Гугнивая головщица, никуда гонная*) и в словарной статье на *дэрюга* (*Пасхальный стол обкладывали дэрюгой, така сухая, красивая травка*). Можно говорить о том, что в этом отношении авторы словаря в какой-то мере опережают современную диалектную лексикографию.

Таким образом, Комплексная антрополого-этнографическая Балтийская экспедиция и диалектологические изыскания тартуских филологов 50–70 гг. подготовили базу для дальнейших исследований как этнолингвистического, так и собственно лингвистического характера. Вопрос о том, как воспользовались этими достижениями последующие поколения филологов отделения русской и славянской филологии Тартуского университета, в данной статье не обсуждается.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов 1970 — Р. И. Аванесов. *О проблематике Общеславянского лингвистического атласа*. Труды Прибалтийской диалектологической конференции 1968 г. Тарту: ТартуГУ, 1970, 13–27.
- Балтийский этнографический сборник*. (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, т. XXXII). Москва, 1956.
- Инструкция 1972 — *Инструкция по собиранию материалов для словаря русских говоров Эстонской ССР*. Тарту: ТартуГУ, 1972.
- Киселева 1998 — Л. Киселева. *Парадоксы одной биографии. О Татьяне Филаретовне Мурниковой*. Вышгород, Таллинн, 1998, № 3, 115–118.
- Козлова 1954 — К. И. Козлова. *Русские западного побережья Чудского озера*. Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.). (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия. Т. XXIII). Москва, 1954, 152–158.
- Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.)*. (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. т. XXIII). Москва, 1954.
- Мурникова 1970а — Т. Ф. Мурникова. *Об изучении русских говоров Эстонии*. Труды Прибалтийской диалектологической конференции 1968 г. Тарту: ТартуГУ, 3–12.
- Мурникова 1970б — Т. Ф. Мурникова. *Русские фольклорные и диалектологические материалы в Государственном Литературном музее*

- г. Тарту. Труды Прибалтийской диалектологической конференции (Кязэрику), 1968 г. Тарту: ТартуГУ, 1970, 227–237.
- Немченко и др. 1963 — В. Н. Немченко, А. И. Сеница, Т. Ф. Мурникова. *Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики*. (УЗ Латвийского гос. ун-та. Т. 51. Филологические науки, вып. 8А). Рига, 1963.
- Рихтер 1976 — Е. В. Рихтер. *Русское население западного Причудья (очерки истории, материальной и духовной культуры)*. Таллин, 1976.
- Терентьева 1953 — Л. Н. Терентьева. *О работе комплексной Балтийской экспедиции в 1952 году*. Советская этнография, Москва, 1953, № 1, 182–190.
- Терентьева 1954 — Л. Н. Терентьева. *Работа Балтийской комплексной антрополого-этнографической экспедиции в 1953 – начале 1954 года*. Советская этнография, Москва, 1954, № 3, 106–111.
- Труды 1959 — *Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Т. 1*. Москва, 1959.
- Труды 1970 — *Труды Прибалтийской диалектологической конференции 1968 г.* Тарту: ТартуГУ, 1970.
- Vaigla 1998 — E. Vaigla. *Пауль Аристэ и собрание материалов 20–30 гг. по русским диалектам и фольклору в Литературном музее Эстонии. Языки малые и большие... In memoriam acad. Nikita I. Tolstoi (Slavica Tartuensia IV)*. Tartu, 1998, 301–309.

Марина Юрьевна Досталь
Москва

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В
«УЧЕНЫХ ЗАПИСКАХ ТАРТУСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА»
70–80-Х ГГ. XX В.**

История славянской филологии – тематические сборники Тартуского университета 1970–80-х гг. – труды по истории российского славяноведения

70–80-е годы в советском славяноведении ознаменовались возрастанием интереса к разработке проблематики истории отечественного славяноведения, что свидетельствовало о достижении определенной степени зрелости этой науки в СССР. Это проявилось, в частности, в издании ряда коллективных трудов (Методологические проблемы 1978; Славяноведение 1988 и др.), тематических сборников (Вопросы 1970–1989; Вопросы 1973; Исследования 1981 и 1991; Историографические исследования 1984; Историография 1986), биобиблиографических словарей (Булахов 1976–1978; Славяноведение 1979), хрестоматий (Березин 1973; Смирнов, Сафронов, Дмитриев 1980 и 1991 и др.), индивидуальных монографий (Лагева 1978; Смирнов 1993 и др.), вузовских учебников (Березин 1976; Виноградов 1978 и др.) во многих тогдашних славистических центрах: Москве, Ленинграде, Воронеже, Саратове, Киеве, Львове, Минске и, наконец, Тарту, где славистика имеет славные и глубокие традиции с позапрошлого века. Мы отмечаем ныне 200-летие отделения славянской филологии здешнего университета. И именно во многом силами сотрудников названного отделения было предпринято издание серии тематических сборников по истории российского славяноведения в указанный период. Нам удалось зафиксировать выпуск 5 таких сборников «Ученых записок Тартуского университета = УЗ ТартуГУ» (выпуски 310, 573, 649, 710, 811). В 1973 и 1975 гг. они имели подзаголовки «Труды по русской и славянской филологии. Серия лингвистическая. Из истории русского языкознания» (отв. ред. А. Метса). В 1981 и 1983 гг. одна из подсерий называлась «Из истории славяноведения в России. Труды

по русской и славянской филологии» (отв. ред. С. В. Смирнов). Сборник 1983 г. был издан в честь 60-летия будущего академика Н. И. Толстого. В 1985 и 1988 г. (и далее) стала издаваться новая серия «*Slavica Tartuensia*»; подзаголовок первого выпуска — «Исследования по истории славянского языкознания. (Посвящается 150-летию отечественного университетского славяноведения)», второго — «Славянские литературные языки и историография славяноведения» (отв. ред. серии А. Д. Дуличенко).

Сразу отметим, что до распада СССР эти сборники представляли собой плод совместных усилий и результатов сотрудничества славистов страны, параллельно разрабатывающих указанную проблематику. Предметом нашего рассмотрения будут примерно 40 статей специалистов из Тарту, Москвы, Ленинграда, Киева, Львова и Вильнюса. Хронологическо-тематически эти статьи можно подразделить на несколько блоков. В первый входят статьи, посвященные проблемам становления российской славистики в первой трети XIX в., во второй — работы по проблемам организации кафедр славистики в российских университетах; третий блок составляют статьи о творческом наследии отечественных славистов и разработке ими определенной тематики, четвертый — об их связях с зарубежными славянами. Подавляющее большинство статей не переходит рубеж дореволюционного славяноведения. Остановимся на освещении отдельных вопросов истории славяноведения более подробно.

Проблемы начального этапа развития российского славяноведения освещаются в серии содержательных статей М. В. Никулиной (тогда сотрудницы Института славяноведения и балканистики АН СССР). В работе «К истории изучения славянских языков нового времени в России в первой трети XIX в.» (1988, вып. 811, 130–152) детально рассматриваются первые опыты русских ученых по классификации славянских языков, по описанию особенностей белорусского, малорусского (украинского), польского, чешского, словацкого, серболужицких, сербского/хорватского, словенского, болгарского языков и их диалектов. Автор убедительно показала, что уже в первой трети XIX в. в работах М. А. Максимовича, Н. И. Надеждина, П. И. Кеппена, А. Х. Востокова, К. Ф. Калайдовича, Ю. И. Венелина и др. были заложены прочные основы изучения древних и новых славянских языков в России. В другой статье «Первые научные путешествия в славянские земли и их роль в истории русского славяноведения (первая треть XIX в.)» (1981, вып. 573, 75–94) Никулина наглядно показала, что формирование отечественного славяноведения было тесно связано с установлением тесных связей с зарубежными славистами во время путешествий русских уче-

ных в славянские земли. Они же дали мощный толчок развитию славистических исследований. Рассмотрев итоги путешествий А. И. Тургенева, А. С. Кайсарова, З. Доленги-Ходаковского, П. И. Кеппена, Ю. И. Венелина, автор пришла к справедливому выводу:

«отличительной чертой этих путешествий был энциклопедизм, широкий спектр интересов исследования — язык, литература, фольклор, история и др., что определялось в значительной степени самой недифференцированностью славяноведения на первом этапе его развития» (с. 89–90)

и что они заложили крепкие основы для последующих научных связей первых университетских славистов.

В статье Г. К. Венедиктова (сотрудника тогда Института славяноведения и балканистики АН СССР) «Новые материалы к биографии Ю. И. Венелина» (1983, вып. 649, 30–54) впервые рассмотрены архивные материалы, связанные с попыткой ученого получить кафедру в Московском университете. Автор внес ряд уточнений в предшествующую литературу предмета. Он показал, в частности, что Венелин, составил «Конспект преподавания истории славянских наречий и литературы вообще» до утверждения в новом университетском уставе положения о создании кафедры истории и литературы славянских наречий и потому не мог на нее претендовать. Венедиктов доказал также, что составление Венелиным «Граматики нынешнего болгарского наречия» никак не связано с его намерением получить кафедру в Московском университете, и составил он ее по поручению Императорской Академии наук. В статье попутно приведены также любопытные подробности, связанные с утверждением славистической кафедры в Московском университете и личностью ее первого профессора М. Т. Каченовского.

В другой статье «К начальной истории изучения в России памятников новоболгарской письменности» (1985, вып. 710, 25–44) Венедиктов на основе скрупулезного анализа литературы и архивных материалов не только подтвердил вывод Е. И. Деминой о том, что истоки изучения новоболгарской письменности в России связаны с именем Венелина, который привез из своего путешествия по Болгарии, Валахии и Молдавии (1830–1831) в числе разных болгарских книг и Тихонравовский дамаскин XVII в., но и пошел дальше. Он установил, что Венелин работал еще над одним новоболгарским сборником XVIII в., ныне известным как Тихонравовский сборник XVIII в. (Тихонравовский дамаскин Б), который хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеке (ОР РГБ). Этот сборник он приобрел, вероятно, в Кишиневе, на обратном пути в Москву, весной 1831 г. Венедиктов показал также, что

связанные с именем Венелина новоболгарские рукописи: «Вспоминание святого мученика и млада отрока Андрея», «Казание на погребение», «Слово от Петра Мытаря», воспринимавшиеся отдельно, суть копии соответствующих «слов» из сборника № 262 собрания Тихонравова.

Большое внимание в тематических сборниках уделялось начинателям университетской славистики в России. Об их весомом вкладе в отечественное славяноведение говорилось во вступительной статье А. Д. Дуличенко «К 150-летию отечественного университетского славяноведения» (1985, вып. 710, 3–5) к сборнику, посвященному этой дате. Более детально этот вопрос освещался в нескольких статьях о деятельности П. И. Прейса, И. И. Срезневского, менее подробно — О. М. Бодянского и В. И. Григоровича. Большинство публикаций по этим сюжетам принадлежало перу недавно скончавшегося проф. Тартуского университета С. В. Смирнова. В своей статье «К биографии П. И. Прейса» (1983, вып. 649, 55–66) он опубликовал несколько архивных документов из Ленинградского Государственного исторического архива (ЛГИА; ныне Центральный Государственный исторический архив в Санкт-Петербурге = ЦГИА), которые уточняют и дополняют известные в литературе сведения о службе ученого учителем в дерптской гимназии, об обстоятельствах его подготовки в Петербурге под руководством А. Х. Востокова к путешествию в славянские земли и составлению им содержательной «Записки о путешествии по заграничным славянским землям», его болезни, возвращении в Петербург и нескольких годах преподавания в тамошнем университете.

Венедиктов в статье «И. И. Срезневский и начало болгарской лексикографии» (1981, вып. 573, 46–74) осветил малоизученный вопрос о побудительных мотивах, лексикологических представлениях и работе ученого над составлением словаря болгарского языка, начатого им еще во время путешествия в славянские земли. Автор показал роль Срезневского в побуждении молодых болгарских филологов, прежде всего К. Д. Дмитриева-Петковича, Н. Герова к работе по созданию первых словарей болгарского языка, особенно в разработке принципов составления «Болгарского словаря» Н. Герова и в издании начала этого словаря Императорской Академией наук в 1856 г.

Н. И. Толстой (сотрудник тогда Института славяноведения и балканистики АН СССР) посвятил свою статью «И. И. Срезневский — диалектолог» (1981, вып. 573, 27–45) детальному анализу роли ученого в развитии славянской диалектологии. Автор справедливо считал, что монографическая разработка данной

темы очень перспективна и может принести большую пользу истории славяноведения:

«она дала бы более ясное и полное представление об И. И. как слависте, <...> показала бы на примере трудов и записей выдающегося русского филолога состояние славянской диалектологии в середине XIX в., <...> представила бы современной диалектологической науке очень ценный, в основном неопубликованный материал в записях более чем столетней давности, наконец, она бы дала новые факты о научных и личных связях русских филологов с филологами зарубежными на раннем этапе развития мирового славяноведения» (с. 27).

Сам Толстой в содержательном очерке представил только вершину этого айсберга и основные подходы к разработке темы. По верному определению А. Д. Дуличенко, он «с позиций современной диалектологии и лингвогеографии» кратко оценил «пионерский вклад И. И. Срезневского в изучение словацких, польских, словенских, сербско-хорватских и др. славянских диалектов» (1983, вып. 649, 13).

Особого внимания заслуживает статья С. В. Смирнова «Первые русские слависты в Чехии» (1973, вып. 310, 47–176), в которой автор на основе опубликованных и отчасти архивных источников представил достаточно полную картину пребывания П. И. Кеплена, М. П. Погодина, О. М. Бодянского, И. И. Срезневского, В. И. Григоровича в чешских землях, их связей с чешской научной интеллигенцией и в меньшей степени вклад названных ученых в становление богемистики в России. Отметим, что нарисованная автором картина была бы много полнее, если бы автор при характеристике, скажем, чешских связей Бодянского использовал материалы архива Отдела рукописей Института литературы = ОРИЛ в Киеве, а Срезневского — Российского Государственного архива литературы и искусства = РГАЛИ и Петербургского филиала Архива РАН = ПФ АРАН, на которых построены позднейшие исследования Л. Н. Алексашкиной (Алексашкина 1973) и М. Ю. Досталь (Досталь 1977). В частности, было установлено, что, помимо начала 1840-х гг., Срезневский посетил Чехию с научными целями еще в 1860, 1869 и 1871 гг.

Тему о вкладе университетских славистов в отечественное славяноведение Смирнов продолжил в статье «О понятиях 'научная школа' и 'научное направление' в истории языкознания» (1981, вып. 573, 136–147), где вслед за С. Б. Бернштейном осветил проблему одной из форм организации научного труда. Проанализировав существующие в литературе определения этого понятия, автор попытался ответить на вопрос, можно ли говорить о научных школах Востокова, Бодянского, Срезневского, В. И. Ламанского и других славистов. Признавая существо-

вание двух видов научных школ — научно-образовательной и научно-исследовательской, Смирнов приходит к выводу, что применительно к первым университетским славистам уместнее говорить о первом типе школы, а в отношении к Востокову, Ф. Ф. Фортунатову, Ламанскому, И. А. Бодуэну де Куртенэ и др. — о втором типе научной школы. Отмечая много справедливого в рассуждениях автора, считаем, что этот вопрос еще нуждается в детальном обсуждении и разработке.

Ряд статей в рассматриваемых сборниках закономерно посвящен славистам, деятельность которых была тесно связана с Дерптским (Юрьевским) университетом. Прежде всего речь идет о Бодуэне де Куртенэ, который преподавал здесь в 1883–1893 гг., занимая кафедру «сравнительной грамматики славянских наречий», учрежденную накануне в 1880 г.

Сложный вопрос об этике отношений ученика и учителя осветил в своей статье «И. А. Бодуэн де Куртенэ и И. И. Срезневский» (1973, вып. 310, 183–219) Смирнов. Он наглядно показал, что утверждение своего нового направления в лингвистике, отличного от линии Ф. Боппа, Я. Гримма, А. Шлейхера и младограмматиков, молодой Бодуэн проводил путем безжалостной критики своих предшественников, к коим относился и его учитель и покровитель Срезневский. С осуждением сочинений и методов преподавания последнего он выступил сразу после смерти маститого ученого. К статье приложена публикация 17 писем Бодуэна к Срезневскому за 1870–1879 гг., отличающихся уважением и почтительностью. Они представляют не только биографический, но и историко-лингвистический интерес.

В статье А. В. Каупуж (Вильнюсский университет) «К вопросу о поездках И. А. Бодуэна де Куртенэ в Литву» (1988, вып. 811, 153–159) на основании анализа двух писем ученого своему другу и соратнику Я. Карловичу дополнены имеющиеся в литературе сведения о посещении ученым Литвы в 1875 и 1885 гг. Автор показала, что посещая имение Карловича в Вишневе, ученый проездом через Литву также проводил свои диалектологические исследования. В другой статье «‘Докладная записка’ (1873) И. А. Бодуэна де Куртенэ об изучении резьянских говоров» (1985, вып. 710, 63–69) Каупуж изложила содержание этого документа, адресованного декану Историко-филологического факультета С.-Петербургского университета Срезневскому, наглядно показав практику изучения резьянских говоров, проводимую молодым ученым. В конце статьи опубликовано личное письмо Срезневского Бодуэну.

Статья Смирнова «А. С. Будилович как лингвист» (1985, вып. 710, 70–81) освещала научное творчество еще одного профессора Юрьевского университета, ректором которого он был в

1892–1901 гг. Автор кратко изложил основные вехи научной биографии ученого, который преподавал также в Нежинском Историко-филологическом институте и Варшавском университете, и, главное, впервые основательно, без политической ангажированности проанализировал его важнейшие ученые труды, показав их сильные и слабые стороны в контексте развития науки XIX и XX вв. Среди них: «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях. Исследования лингвистической палеонтологии славян» (1878–1882) и «Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы» (1892). Статья Смирнова является почти единственной работой в советской историографии, посвященной анализу научного творчества этой неординарной фигуры в отечественном славяноведении. Остается пожалеть, что автор не вышел за рамки заявленной темы и не попытался связать направления исследований этого, по выражению И. В. Ягича, «воинственного слависта», с программой его общественно-политической деятельности, что позволило бы, на наш взгляд, глубже понять многие мотивы его умозаключений.

Ряд статей в тематических сборниках посвящены творчеству российских славистов, не связанных с Тартуским университетом. В статье Е. И. Гурьевой и С. В. Смирнова «Вопросы русского и славянского языкознания в трудах П. А. Лавровского» (1983, вып. 649, 77–89) по существу впервые в советской историографии давалась обстоятельная характеристика славистической деятельности названного ученого, чье имя прочно связано прежде всего с Харьковским университетом. Авторы показали, что он оставил заметный след в отечественной науке прежде всего как историк славянских языков и культур, лексикограф и деятель просвещения.

В. Ю. Франчук (сотрудница тогдашнего Института языковедения АН УССР в Киеве) в статье «К истории распространения идей А. А. Поттебни в начале XX в.» (1983, вып. 649, 106–121) на новом материале показала, что его идеи были восприняты и развиты (при посредничестве маститого А. А. Шахматова) в трудах молодых талантливых ученых, в числе которых были А. В. Попов и И. М. Белоруссов.

150-летию со дня рождения академика Ягича была посвящена статья Смирнова (1988, вып. 811, 108–129), в которой автор (один из немногих) детально характеризует в совокупности преподавательскую, издательскую, научно-исследовательскую деятельность прославленного хорватского слависта, показывает его вклад в российскую и мировую славистику.

Статьи о научном творчестве отдельных славистов удачно дополняются в тартуских тематических сборниках статьями об

их связях с зарубежными славянами. В статье М. М. Криля, В. А. Моторного, К. К. Трофимовича (Львовский университет) «Неизвестные документы о серболужицко-восточнославянских связях» (1985, вып. 710, 101–107) опубликованы 4 письма 1867–1868 гг. известного деятеля серболужицкого национального возрождения Я. А. Смолера к ученому и общественному деятелю Галицкой Руси Я. Ф. Головацкому, вынужденному переехать в Россию в 1868 г. Публикацию предваряет краткий очерк контактов Смолера с русскими учеными в связи с развитием его книгоиздательской деятельности.

В статье Л. П. Лаптевой (МГУ) «Пребывание у лужицких сербов русского ученого Льва Владимировича Щербы» (1985, вып. 710, 82–87) на основе опубликованных и архивных материалов, прежде всего писем Щербы к известному серболужицкому слависту А. Муке, восстановлены подробности этнографических экспедиций русского ученого в Верхнюю Лужицу в 1907, 1908 и 1913 гг. Попутно автор вносит уточнения в датировку писем Щербы 1913 г.

Особо хотелось бы остановиться на статье (фактически рецензии) П. А. Дмитриева и Г. И. Сафронова (тогда ЛГУ) «Еще раз на тему ‘Вук Караджич и Россия’ (в связи с выходом книги Миодрага Поповича ‘Йот’)» (1983, вып. 649, 67–76). Авторы в основном положительно оценили содержание этой книги, согласились с ее автором в том, что введение Караджичем латинского «йот» в кирилловскую азбуку для более адекватного выражения звукового состава кодифицируемого сербско-хорватского языка было неординарным событием, которое породило 50-летнюю «орфографическую войну». В то же время авторы выступили против отдельных положений М. Поповича. Они возражали, в частности, против утверждения, что с помощью буквы «йот» Караджич «символически обозначил уже в 1818 г. свою европейскую ориентацию», полагая, что в то время его больше занимали проблемы развития сербской национальной культуры. Неверным они считали и положение автора книги о том, что «хотя В. Караджич был противником русификации сербского языка и литературы, в политике он никогда открыто не выступал против русских». Они полагали, что Караджич не лицемерил, выражая свои глубокие симпатии к России. Особые возражения Дмитриева и Сафронова вызвала глава «Йот под защитой русского самодержца», где автор утверждал, что, предоставляя пенсию Караджичу, Николай I строил широкие панславистские планы. Они убедительно доказали, что этот акт не был связан с какими-то конкретными внешнеполитическими акциями царского правительства. По их мнению, царь мог руководствоваться здесь прежде всего общим

мотивом покровительства единоверным и единоплеменным народам.

Несколько статей в тартуских тематических сборниках носят более общий характер и представляют освещение определенной славистической проблемы в работах отечественных славистов. Так, С. Б. Бернштейн (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) в статье «Cyrilo-methodiana в России» (1983, вып. 649, 22–29) определил предмет ее изучения (все стороны жизни и деятельности солунских братьев, их учеников и последователей) и указал, что эта тема долгое время была в центре научных интересов славистов разных стран. Автор осветил два эпизода, связанные с определенными трудностями в разработке этой проблематики, связанные с именами П. И. Кеппена и Н. В. Ястребова.

А. Д. Дуличенко (Тартуский университет) в статье «Диалект молизских славян Италии и русская славистика XIX – начала XX в.» (1981, вып. 573, 95–109) осветил малоизученную проблему изучения диалекта жителей трех деревень близ Неаполя, выходцев из Далмации, насчитывающих ныне примерно 3–4 тыс. человек. Автор пришел к важному выводу:

«Как эстафету передавали русские слависты разных поколений (Бодянский → Макушев → Бодуэн де Куртенэ) свое внимание и интерес к небольшому славянскому островку, заброшенному среди итальянцев, но стойко сохраняющему свое славянское этническое и языковое сознание. В. В. Макушев был первым славистом, который посетил молизских славян; И. А. Бодуэн де Куртенэ оказался первым славянским языковедом-славистом, который на месте всесторонне обследовал этот диалектный островок. В этом заключается лидирующая роль русской славистики XIX – начала XX вв. в открытии для мировой общественности и науки переселенцев Южной Италии, называющих себя весьма символическим именем ‘славяне’» (с. 107–108).

Проблемы развития современной славистики рассматривались по существу только в двух статьях в тартуских сборниках: 649-й выпуск «Из истории славяноведения в России» (1983) был посвящен 60-летию Н. И. Толстого. Его творчеству посвящена статья А. Д. Дуличенко «Н. И. Толстой как славист» (1983, вып. 649, 3–21). Автор серьезно, с большим знанием предмета, проанализировал основные пути исследований этого выдающегося слависта, показав его вклад и новаторство в разработке как традиционных направлений славянского языкознания (старославянский язык, периодизация истории древнеславянского языка, славянская мифология), так и в создании новых направлений (этнолингвистика, сравнительная славянская семасиология и пр.). Автор справедливо отметил, что Толстому свойственен «энциклопедизм познаний и всеохватывающая осведомлен-

ность практически обо всех трудах в области лингвистики и славистики» (1983, вып. 649, 12).

В статье Дмитриева и Сафронова «Некоторые проблемы организации изучения зарубежных славянских языков и литератур в вузах СССР» (1985, вып. 710, 6–14) дан краткий обзор учебных программ по славянской филологии в главных славистических центрах страны, указаны основные координационные центры, определены факторы, сдерживающие развитие совершенствования качества преподавания славянских языков и литератур, намечены пути улучшения работы в этой области.

Подведем некоторые итоги. Говоря о вкладе участников тартуских тематических сборников в разработку проблем истории российской славистики, следует отметить, что в целом они шли в ногу с развитием подобных исследований в других славистических центрах СССР. Это и неудивительно, так как эти сборники представляли собою прекрасный пример научного содружества советских славистов из разных городов страны. Среди активных авторов выступали Г. К. Венедиктов, М. В. Никулина, С. В. Смирнов, А. Д. Дуличенко, А. В. Каупуж и др. Отметим, что в сборниках практически не публиковались статьи, освещающие общетеоретические проблемы истории славистики. Тем не менее в статьях на конкретном материале была выражена позиция авторов по проблеме начала возникновения славистических исследований в России. Они не привязывались строго к 1835 г., времени образования кафедр славистики в российских университетах, а относилась к первой трети XIX в.; был показан также синкретизм первых славистических исследований и т. д.

Главный упор здесь делался на освещении проблем дореволюционного славяноведения, уточнении отдельных моментов научной биографии отечественных славистов, анализе научного вклада многих ведущих славистов в славянскую филологию, без чего невозможно составить общую, достаточно объективную картину ее развития. Тем самым здесь прокладывались пути к утверждению популярного ныне жанра научной биофилистики. Ценность статей тартуских сборников определялась еще и тем, что они прочно вошли в арсенал общесоюзной историографии, о чем свидетельствовали частые ссылки на них в последующей литературе и, в частности, в обобщающем труде «Славяноведение в дореволюционной России» (1988). Хотелось бы пожелать, чтобы традиции содружества славистов были продолжены и в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексашкина 1973 — Л. Н. Алексашкина. *О. М. Бодянский и его роль в развитии русско-чешских связей (40–70-е годы XIX века)*. АҚД. Москва, 1973.
- Березин 1973 — Ф. М. Березин. *Хрестоматия по истории русского языкознания*. Москва, 1973.
- Березин 1976 — Ф. М. Березин. *Русское языкознание XIX–XX вв.* Москва, 1976.
- Богатова 1985 — Г. А. Богатова. *И. И. Срезневский*. Москва, 1985.
- Булахов 1976–1978 — М. Г. Булахов. *Восточнославянские языковеды. Библиографический словарь. Т. I–III*. Минск, 1976–1978.
- Виноградов 1978 — В. В. Виноградов. *История русских лингвистических учений*. Москва, 1978.
- Вопросы 1970–1989 — *Вопросы истории славян*. Вып. 3–10. Воронеж, 1970–1989.
- Вопросы 1973 — *Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений*. Москва, 1973.
- Досталь 1977 — М. Ю. Досталь. *И. И. Срезневский и его роль в развитии русско-чешских научных и культурных связей в 40–70-е годы XIX в.* Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата истор. наук. Москва, 1977.
- Исследования 1981 — *Исследования по историографии славяноведения и балканистики*. Москва, 1981.
- Исследования 1991 — *Исследования по историографии стран Центральной и Юго-Восточной Европы*. Москва, 1991.
- Историографические исследования 1984 — *Историографические исследования по славяноведению и балканистике*. Москва, 1984.
- Историография 1986 — *Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы*. Москва, 1986.
- Лаптева 1978 — Л. П. Лаптева. *Русская историография гуситского движения*. Москва, 1978.
- Методологические проблемы 1978 — *Методологические проблемы истории славистики*. Москва, 1978.
- Русское языкознание 1971 — *Русское языкознание в Петербургском Ленинградском университете*. Ленинград, 1971.
- Славяноведение 1979 — *Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь*. Москва, 1979.
- Славяноведение 1988 — *Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян*. Москва, 1988.
- Смирнов 1993 — С. В. Смирнов. *Очерк истории славяноведения в России*. Таллинн, 1993.
- Смирнов, Сафронов, Дмитриев 1980 — С. В. Смирнов, Г. И. Сафронов, П. А. Дмитриев. *Русское и славянское языкознание в России середины XVIII–XIX вв. (в биографических очерках и воспоминаниях современников)*. Ленинград, 1980.
- Смирнов, Сафронов, Дмитриев 1991 — С. В. Смирнов, Г. И. Сафронов, П. А. Дмитриев. *Русское и славянское языкознание в России середины XIX – начала XX вв.* Ленинград, 1991.
- Советское славяноведение 1969 — *Советское славяноведение*. Минск, 1969.

Наталья Алексеевна Нечунаева
Tallinn

СЛАВЯНСКИЕ ГИМНОГРАФИЧЕСКИЕ РУКОПИСИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научная библиотека Тартуского университета – библиотека Псково-Печерского монастыря – коллекция рукописей – гимнография – Минея – писец – приписки на полях – устав – пам'ятки псковским святым – лексическая вариативность – маркирующая лексика

В Научной библиотеке Тартуского университета с 1941 г. по 1990 г. находилось собрание рукописных книг, насчитывавшее, согласно описанию, 81 рукопись XV–XX вв. (Бегунов, Панченко 1960, 299–308). Это были рукописи исторического, литературного и богослужебного содержания. Основную часть коллекции составляли рукописи, поступившие в библиотеку в 1941–1943 гг. из Псково-Печерского монастыря. В эти же годы было сделано краткое охранное описание рукописей, выполненное профессором Тартуского университета В. Мартинсоном.

В библиотеку Тартуского университета рукописи поступили из Псково-Печерского монастыря, где они находились в «книгохранительнице» — монастырской библиотеке. Об этом свидетельствует опись библиотеки 1586–1587 гг. (Псково-Печерский монастырь 1904, 255–274) и записи на листах и полях рукописей, относящиеся ко времени их пребывания в монастыре.

По этим записям можно установить некоторые источники монастырской коллекции рукописей. В Псково-Печерский монастырь поступали рукописи из других монастырей: из Савоупустынского (Mscr. 687 Минея служебная за сентябрь, сер. XV в.), из Новгород-Печерского монастыря (Mscr. 690 Минея служебная за декабрь, сер. XVI в.), из обители на Желатком острове (Mscr. 713 Триодь постная, вторая четверть XVI в.), из Верхнеостровского монастыря (Mscr. 756 Псалтырь, сер. XVI в.) В некоторых рукописях имеются владельческие приписки Псково-Печерского монастыря — Mscr. 732 Требник, кон. XV – нач. XVI вв., Mscr. 749 Ирмологий, нач. XIX в.: «Сия книга Псково-

Печерскова первокласна монастыря». Книги из монастырской библиотеки выдавались в другие церкви: Mscr. 695 Минея служебная за февраль, первая половина XVI в., была выдана в церковь Николая Чудотворца на святые врата.

В 1960 г. было сделано упомянутое выше описание рукописей и старопечатных книг Научной библиотеки Тартуского университета (Бегунов, Панченко 1960, 299–308).

В 1990 г. рукописи, относящиеся к Псково-Печерскому собранию, были возвращены их первоначальному владельцу — Псково-Печерскому монастырю. В библиотеке Тартуского университета остались рукописи, не связанные с этой коллекцией. В настоящей статье использованы материалы, собранные автором при работе с рукописями Псково-Печерского собрания в 1989–1990 гг.

Гимнография — Минея, Триодь и Октоих — составляла значительную часть этой рукописной коллекции. Минея, книга с календарным расположением служб святым и праздникам, была представлена 24 рукописями. На Триодь, вторую гимнографическую книгу, включающую части богослужения для подвижных дней года, зависимых от праздника Пасхи, приходилось 6 рукописей. Третья книга, Октоих, сборник церковных песнопений, собранных по восьми недельным циклам с музыкальными характеристиками — гласам. Эта книга имела в собрании 9 списков.

Основное назначение гимнографических книг — прославление святых и церковных праздников. Они обязательно используются при богослужении и включаются в корпус первых славянских переводов. Такова позиция историков русской церкви (Голубинский 1880) и лингвистов (Верещагин 2001). Гимнографические славяно-русские тексты древнейшего периода XI–XIII вв. представлены в рукописных собраниях Санкт-Петербурга, Москвы, Софии, Ватикана, Хиландарского монастыря, Ярославля. В коллекцию Научной библиотеки Тартуского университета входили рукописи Минеи, Триоди и Октоиха более позднего периода XV–XVI вв., а также старопечатные гимнографические тексты.

Среди 24 рукописей Минеи представлены списки на все месяцы церковного года, кроме ноября. Кроме того, для некоторых месяцев сохранилось несколько списков: Минея на февраль представлена четырьмя списками, на май и август — каждая тремя списками, на декабрь, январь, март, апрель, июнь, июль — каждая имеет по два списками. В приведенной ниже таблице суммированы основные данные о входящих в коллекцию рукописях Минеи.

№	№ в оп.	Шифр	Месяц	Название рукописи	Век	Службы русским святым	Приписки
1	1	Mscr. 687	сент.	Миня служебная	сер. XV		О принадлежности Савопустынского монастырю
2	22	Mscr. 688	окт.	Миня служебная	втор. четв. XVI	от. Сава (только запись о наличии службы)	1. Писец Ивашко Алексеев сын; 2. «Сколь рад заец...»; 3. указания на пропуски
3	30	Mscr. 689	дек.	Миня служебная	сер. XVI		
4	31	Mscr. 690	дек.	Миня служебная	сер. XVI		1. Принадлежность Новгород-печерскому монастырю; 2. «Хто украдет...»
5	23	Mscr. 691	январь	Миня служебная	втор. четв. XVI		«В руцы всяведняго бога...»
6	32	Mscr. 692	январь	Миня служебная	сер. XVI		
7	19	Mscr. 695	фев.	Миня служебная	пер. пол. XVI		Принадлежность Печерскому монастырю и выдача в церковь Николая Чудотворца
8	20	Mscr. 696	фев. – март	Миня служебная	пер. пол. XVI		
9	24	Mscr. 693	фев.	Миня служебная	втор. четв. XVI		
10	33	Mscr. 694	фев.	Миня служебная	сер. XVI		
11	58	Mscr. 697	март	Миня служебная	тр. четв. XVI		
12	60	Mscr. 705	март	Миня служебная	тр. четв. XVI	моск. митропол. Иона; нов. арх. Евфимий	
13	9	Mscr. 698	апр.	Миня служебная	кон. XV – нач. XVI		

14	16	Mscr. 706	апр.	Минея служебная	пер. четв. XVI		
15	14	Mscr. 699	май	Минея служебная	нач. XVI		Записи о выдаче жалования «Две полтеньх хлеборезу...»
16	17	Mscr. 707	май	Минея служебная	пер. четв. XVI		
17	37	Mscr. 708	май	Минея служебная	сер. XVI	Борис и Глеб; Феодосий Печерский; Леонтий и Игнатий Ростовские; моск. митр. Алексей; Евфросин Псковский	
18	34	Mscr. 700	июнь	Минея служебная	сер. XVI		1. «Сколь рад заец...»; 2. «Братие не вело ж...»
19	35	Mscr. 701	июнь	Минея служебная	сер. XVI		
20	36	Mscr. 702	июль	Минея служебная	сер. XVI	кн. Владимир; Борис и Глеб	
21	38	Mscr. 709	июль	Минея служебная	сер. XVI	кн. Владимир; Борис и Глеб	Подпись пономаря Ивана Ушакова
22	6	Mscr. 704	авг.	Минея служебная	тр. четв. XV		
23	39	Mscr. 710	авг.	Минея служебная	сер. XVI		
24	59	Mscr. 703	авг.	Минея служебная	тр. четв. XVI	моск. митр. Петр	

В корпус русских памятней в псковско-тартуских Минеях включены как памяти общерусским святым Борису и Глебу (Mscr.708, Mscr.702, Mscr.709), Феодосию Печерскому (Mscr.708), князю Владимиру (Mscr.709), Леонтию и Игнатию Ростовским (Mscr.708), московским митрополитам Алексею (Mscr.708), Петру (Mscr.703), Ионе (Mscr.705), так и «местным»

святым Евфросину Псковскому (Mscr.708), новгородскому архиепископу Евфимию (Mscr.705). Рассмотрим некоторые особенности этих списков.

Миняя — строгий богослужебный текст, все изменения в котором предписаны уставом (Нечунаева 2000, 10–14). Однако поля рукописи и конец текста — это те части книги, которые могут быть источником сопутствующей информации о личности писца, о времени и месте написания того или иного списка, о традициях скриптория. К древнейшим рукописям Миней относятся Новгородские служебные Миней 1095–1097 гг. На полях памятника есть приписки, судя по которым две Миней, на сентябрь 1095 и октябрь 1096, писал один писец — Домка. Одна из приписок:

гѣ̄ прости мѧ грѣшнаго| оубогаго оубылаго недосто| инаго рава своего
ѡкова а| мирьскы дѣмька (Сент. 56)

Текст приписки свидетельствует о традиции той эпохи давать человеку два имени: при рождении мирское дѣмька и при крещении — церковное имя ѡковъ. Аналогичный факт засвидетельствован в самой древней русской датированной книге — Остромировом Евангелии 1056–1067 гг.:

написахъ же еѣ̄ | се̄· равноӯ вѣию̄ нареченоӯ сжцоӯ| въ крѣ̄щении носифъ· а
мирьскы остро|мирь·

Приписка становится источником сведений культурологического характера. Путятину Минею, рукопись XI в., завершает фраза писца:

аминь· поутѣта пьсалъ· даче криво да исправите не кльните (л.135/об.).

Она позволила дать название рукописи по имени писца; по слову даче вместо да аще определить его как новгородца, работавшего с болгарским оригиналом и констатировать разницу в употреблении глагольных форм в живой речи и в тексте Миней. В записи Путяты используется перфект без связки пьсалъ как, напр., в надписи 1068 г. на Тьмутараканском камне:

гавъ князь мѣрилъ м̄|ре по ледѣ .

В самой же рукописи обычен аорист:

ницѣли днѣ̄ моӯ|дрость невѣрижъ (л. 51–51/об.).

Запись писца становится источником информации о нем самом, о языковых процессах в живой речи и так же, как и первая приписка, позволяет вписать рукопись в корпус текстов, отражающих древнейший этап становления русского языка.

В псковско-тартуских Минеях встречается несколько типов приписок.

1. Указание на поступление в монастырскую библиотеку рукописи из Савопустынного монастыря — Миняя на сентябрь (Mscr. 687), на принадлежность Новгородпечерскому монастырю — Миняя на де-

кабрь (Mscg. 690) и Печерскому монастырю — Минея на февраль (Mscg. 695) и о выдаче рукописи в церковь Николая Чудотворца — та же Минея на февраль.

2. Сведения о писцах. Писец Ивашко Алексеев сын — такую запись о себе оставил писец октябрьской Минеи (Mscg. 688), а в Минее на июль содержится подпись пономаря Ивана Ушакова (Mscg. 709).

3. Записи о выдаче монастырем жалованья. В майской Минее (Mscg. 699) есть приписка:

«Две полтеньх хлеборезу Тимохе Горьеву, 30 алтын трапезнику Иванку Пашукову, две 17 алтын денег московскому кваснеку Сисою Матвееву, рукавицы, две полтены кваснеку Гриши Москве, две полтены церковным сторожем Мене Бьку, рукавицы, полтена Сенки Гдовлянину рукавиц[ы] здеяни, 17 алтын денег московских воротнеком Сергею Козмену, 17 алтын Луке Буркову (1 л. об.), 17 алтын Гриши Козмену волосану, часовщику Сенки Володимерову, две полтены муковозом Ондрюше Долгому, 21 алтын Онесемку Яковлеву поденно, 17 алтын Иванку Худьнену, ему же за преказ ферезь Прошка Онаньина сукно сине, 17 алтын болниному келеинеку Васки Балую, полтена Клему Яндовинскому» (Бегунов, Панченко 1960, 299).

4. Традиционные приписки-предостережения в декабрьской Минее: «Хто украдет, тому бог суд» (Mscg. 690) и размышления в январской Минее — «В руцы всяведняго бога всдержителя» (Mscg. 691).

5. Приписка типа присказки «Сколь раз заец от тенет отбежав, столь раз писец списавши книгу сию», повторяющаяся в двух Минеях — в октябрьской (Mscg. 688) и в июньской (Mscg. 700).

Последняя запись писца позволяет локализовать текст. По данным словаря В.И. Даля слово «тенета» имеет помету *новг., пск., тверск.* Т. е. писец и рукопись связаны с названным ареалом. Кроме того, в словаре приводится фразеологизм *Тенетить зайцев* 'ловить в тенета', который явно был известен писцу и которым он воспользовался при описании своей участи.

Приписки являются источником сведений по многим сферам жизни человека той эпохи: от хозяйственных и денежных отношений между людьми до процесса осмысления писцом своей деятельности. И, конечно, они являются очень важным источником информации о состоянии языка и характере языковых процессов. Диалектные особенности произношения писца отражены в написаниях *Хто* и *всяведняг*, *полтены*, а форма *В руцы* подтверждает традицию разделения в использовании церковнославянского и русского языков.

Минея как богослужебная книга представлена в двух типах — в студийском (списки XI–XIV вв.) и иерусалимском (XV–XVI вв.). Деление списков Минеи на студийские и иерусалимские учитывает состав и структуру текста в соответствии с уставом, а также языковые различия, рассматриваемые как следствие двух одновременных переводов. Таким образом, псковско-

тартуские списки хронологически попадают во второй тип. Количество дополнительных текстологических признаков, не носящих столь универсального характера, может быть увеличено для списков разных типов и периодов. При этом маркирующим показателем становится, напр., наличие или отсутствие памятней славянским святым.

Если тексты литургические не имели «национальных», локальных признаков и носили общеславянский характер, то гимнография обладает этими чертами за счет включения служб славянским святым (Толстой 1988, 167–169, 173).

В корпус русских памятней в псковско-тартуских Минеях включены как памяти общерусским святым Борису и Глебу (Mscg. 708, Mscg. 702, Mscg. 709), Феодосию Печерскому (Mscg. 708), князю Владимиру (Mscg. 709) Леонтию и Игнатию Ростовским (Mscg. 708), московским митрополитам Алексею (Mscg. 708), Петру (Mscg. 703), Ионе (Mscg. 705), так и «местным» святым Евфросину Псковскому (Mscg. 708), новгородскому архиепископу Евфимию (Mscg. 705).

Памяти славянским святым в Минею помещались уже в самые старшие списки. 28 сентября память Вячеславу Чешскому включена в сентябрьскую Минею 1095 г. Наличие этой памяти позволило И. В./В. Ягичу выдвинуть гипотезу о месте перевода Минеи на славянский — Моравия или Богемия, откуда они, по его мнению, пришли в Россию (Ягич 1886).

Присутствие 24 июля памяти Борису и Глебу в июльской Минеи XI/XII вв. (Сводный каталог 1984, № 42) дало возможность сделать попытку установить авторство минейного текста на русском материале. Создателем борисоглебской службы из июльской Минеи предлагают считать митрополита Иоанна, время нахождения которого в должности до 1039 г. (Творогов 1987, 206; Подскальски 1996).

Однако для студийских списков XI–XIII вв. наличие славянских памятней — скорее исключение, чем правило. Включение памятней русским святым в студийские списки связано с заключительным этапом их функционирования: они начинают появляться в списках XIV в., когда параллельно распространяются списки иерусалимского типа. В качестве примера можно привести рукопись Т. 114 XIV в. (Предварительный список 1966, № 312) с памятью Леонтию Ростовскому, отмечаемой 23 мая. Список соответствует студийскому уставу в расположении текста и в наборе памятней. Фрагмент стихирь звучит следующим образом:

...маломоцныи мѣ покоище скорвацимъ же радостнои к оутѣше
ник. моленникъ теплыи въ напастехъ стражущимъ

Лексика стихирь носит этикетный характер и не дает конкретного представления о деяниях прославляемого святого. Такой же этикетный характер носят биографические подробности Жития Леонтия Ростовского (Творогов 1987, 229). Связано это с тем, что сохранившиеся сведения о Леонтии очень скудны, содержание Жития черпалось из смутного предания, не основываясь на письменном источнике. Только в Московской Академической летописи под 1230 г. упоминается о перенесении мощей великого светителя чудотворца епископа Леонтия в новую церковь.

В Житиях Дмитрия Ростовского лишь констатируется, что 23 мая празднуется обретение мощей (в 1164 г.) св. Леонтия, епископа ростовского, чудотворца, сам же житийный текст отсутствует.

Однако память Леонтию Ростовскому закрепится во многих списках Минеи XV–XVI вв., в том числе и в псковско-тартуской майской Минее (Mscr. 708), и перейдет в старопечатные тексты (СПМ — старопечатные минеи), напр., в СПМ 1646 из того же тартуского собрания. Эти списки и печатный текст следуют иерусалимскому уставу в составе текста и его структуре.

Память Леонтию Ростовскому представлена и в минеях, которыми пользовались в небольших церквях. Так, она помещена в Трефологий XVII в. (Минея праздничная) из рукописного собрания Королевской библиотеки г. Стокгольма (Rålamb 4:0 n: 0 130), принадлежавший церкви Рождества Пресвятыя Богородицы села Горок Ивиных. Фрагмент стихирь создан по тому же принципу и выглядит следующим образом:

Зравие немощнымъ · слѣпымъ | благозрѣние хромымъ течение | вѣжи
не подавалъ дѣховною силою||

Память другому ростовскому святому, Игнатию Ростовскому, включена под 28 мая в Ярославский список XIV в. (Предварительный список 1966, № 717), соответствующий иерусалимскому уставу. Эта же память помещена в тот же псковско-тартуский майский список — Mscr. 708.

Набор «местных» памятней свидетельствует, что список Mscr. 708 был сделан в книжном центре на псковской земле.

В Mscr. 708 под 15 мая помещена память Ефросину Псковскому. В тексте памяти есть указание на способ создания оригинального текста: в той день прѣвнѣ ефросина писѣ ѿ доски (л. 126/об.), сам текст службы отнесен в конец книги, и в его заголовке описывается суть подвига Ефросина:

преставленіе прѣвнѣнаго ѿца нашего ефросина псковьскаго жикѣшама т
олвою рекою нова чюдотворца и създавшѣ швитель пречеіснѣ (л. 252).

Присутствует та конкретизация, которой не было в памяти Леонтию Ростовскому. Языковая формула-характеристика деяний Ефросина повторяется с разной степенью подробности и с некоторой вариативностью в других церковных текстах из собрания Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург): Служебнике 1642 г. из собрания Общества любителей древней письменности (ОЛДЦ, Q. 190):

память прѣвнаго ѡца нашего ефросина псковскаго новаго чѣтворца
(с. 493–494)

или рукопись духовного содержания XVII в. (Q. I № 170):

ѡца мана въ : еі днь житіе и подвизи и отчасти чюдєсь исповеданіе
отца нашго ефросина нова чѣтворца живѣша на тоlvкою рекою
(с. 162).

Но именно в Минее назван его главный подвиг — основание Псковского Елеazarова (в названии монастыря использовано его мирское имя): *сздавш ѡбитель пречеінь*

В СПМ 1646 количество русских памятей значительно увеличено: такие памяти приходятся на многие дни месяца. В этом тексте называются авторы оригинальных служб и принцип создания текста — по образцу: 1 мая традиционно помещена память пророка Иеремии и память Пафнутия Боровского, «творение ученика его Иннокентия, инока той же обители, служба ему писана по сей службе» (лл. 1–17).

Норма книжных текстов диктовала регулярное воспроизведение языковых единиц по образцовому тексту. Однако реально списки каждого типа Минеи организуют языковую систему по собственным правилам (студийский — иерусалимский). Некоторым правилам подчиняются и списки, объединенные по такому признаку, как наличие в них памятей местным святым. В них употребляется особая лексика, отличающая их от других списков: синтагма *мудрость неверная* в списке Mscr. 707 имеет вариант *неверный смысл*.*

*Работа выполнена при финансовой поддержке The New Vistby Programme (Svenska Institutet, Sweden), 2002 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Бегунов, Панченко 1960 — Ю. К. Бегунов, А. М. Панченко. *Описание древнерусских и старопечатных книг Научной библиотеки Тартуского гос. ун-та*. УЗ ТартуГУ, Тарту, 1960, вып. 98, 299–308.
- Верещагин 2001 — Е. М. Верещагин. *Церковнославянская книжность на Руси*. Москва, 2001.
- Голубинский 1880 — Е. Голубинский. *История русской церкви. Т. I*. Москва, 1880.

- Нечунаева 2000 — Н. Нечунаева. *Минея как тип славяно-греческого средневекового текста*. Галлинн, 2000.
- Псково-Печерский монастырь 1904 — *Псково-Печерский монастырь, 1586*. Старина и новизна, 1904, № 7, 255–274.
- Подскальски 1996 — Г. Подскальски. *Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237)*. С.-Петербург, 1996.
- Предварительный список 1966 — *Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР*. Археографический ежегодник за 1965 г. Москва, 1966, 177–272.
- Сводный каталог 1984 — *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.* Москва, 1984.
- Творогов 1987 — О. В. Творогов. *Иоанн (XI в.)*. Словарь книжников и книжности Древней Руси (XI – первая половина XIV в.). Вып. 1. Ленинград, 1987, с. 206.
- Толстой 1988 — Н. И. Толстой. *История и структура славянских литературных языков*. Москва, 1988.
- Ягич 1886 — И. В. Ягич. *Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095–1097 гг.* С.-Петербург, 1886.

Олег Викторович Никитин
Москва

**В. И. ГРИГОРОВИЧ
И РАЗВИТИЕ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
В РОССИИ В XIX ВЕКЕ
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ)**

История славянской филологии в России XIX в. – основные направления научных исследований В. И. Григоровича – церковно-славянский язык – памятники славянской письменности

В истории русского славяноведения есть страницы, которые с течением времени стали забываться, как и далеко минувшие события и имена, чей авторитет в прежнее время выходил за рамки корпоративных интересов и распространялся не только на наше филологическое «поле», но и гораздо дальше — в сферы общегуманистические, в политику, философию и культуру. Именно XIX в. дал тот импульс в развитии отечественного славяноведения и определил те его опорные компоненты, которые до сих пор стоят в центре внимания ученых, подтверждая, развивая и исследуя весь комплекс научных проблем века нынешнего. Имена А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, П. И. Прейса, О. М. Бодянского, И. И. Срезневского, А. Ф. Гильфердинга, а позднее Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, И. А. Бодуэна де Куртенэ и многих других давно уже стали хрестоматийными, но смеем заметить, не только не «заросли» сложившимися стереотипами, но и показывают сейчас реальные пути развития филологии. Среди первопроходцев-славистов одним из первых стоит замечательное имя Виктора Ивановича Григоровича (1815–1876), которого, по словам Д. Н. Овсяннико-Куликовского, «любили и уважали. В нем ценили *настоящего*, большого ученого и *настоящего*, призванного профессора».

Не случайно, что на конференции, приуроченной к 200-летнему юбилею славистики в стенах Тартуского университета, фигура В. И. Григоровича выделялась докладчиками особо. Прежде всего потому, что на заре своей учености он здесь жил и обучался, проходил, так сказать, школу науки, отличную от той, с которой свыкся у себя на родине, на Украине, в стенах Харьковского университета.

Но Григорович не задержался надолго в Тарту. Это не была его стихия. Молодого ученого влекли те звуки славянской природы, которые можно почувствовать и понять, только соприкоснувшись наяву с культурами, традициями, языками и диалектами хранителей славянского духа.

Самым замечательным в жизни Григоровича, да и, пожалуй, в развитии российского славяноведения в то время стала его поездка с научными целями по славянским государствам центральной и южной Европы и в Турцию, хотя, разумеется, его путь пролегал по столь пересеченной в лингвистическом отношении местности, что он слышал и немецкую, и итальянскую речь. Но основным делом жизни стало изучение языка, этнографии, фольклора и в целом литературного творчества славян, которое тогда только зарождалось в России.

Немного ранее, в отчете о занятиях в Москве в 1842–1843 гг., написанном на имя попечителя казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина, он уже четко выразил направление своей деятельности в следующих словах:

«Не простирая своих заключений за пределы науки, вижу, что главнейшая мысль, одушевляющая ныне все словенские (такое написание здесь и далее у автора. — О. Н.) племена, есть мысль, давно сознанная в нашем отечестве и развиваемая по благу нашему с таким успехом просвещенным правительством нашим. Всем известное одно из оснований отечественного просвещения, народность, усилия из внутренней жизни, обогащенной очищенным европеизмом, развить *самостоятельную* (курсив наш. — О. Н.), непоколебимую внешним влиянием образованность, это центр, около которого вращается вся нравственная деятельность словен. Не чуждаясь, подобно варварам, всего того, что можем заимствовать у европейцев, мы усиливаемся дать заимствованному своеобразное, самобытное значение. Такое направление естественно ведет нас к познанию всего родного, того, что слагается из одинаковых элементов. Вот почему соплеменники наши чувствуют необходимость узнать все русское и, обратно, в нас родилась потребность сблизить с нашим сознанием все соплеменное» (Донесения 1915, 7).

Каковы же были основные задачи и цели того памятного путешествия? В. И. Григорович их так обозначил в «Проекте путешествия по словенским землям» (1843), представленном попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину:

«Занимающемуся изучением словенщины предстоят, осмелюсь сказать, две цели. Первая — познакомившись с настоящим кругом этого изучения, стараться привести разнообразные сведения в известный порядок. Этим будет исполнена обязанность, возложенная начальством на преподавателя слов[вянских] языков и литератур. Вторая — по мере возможности усиливаться самому расширить круг сведений, объясняющих весь объем словенщины. <...> Удовлетворяя первой це-

ли, как преподаватель теории словенских языков и литературы словен, я поставляю себе в обязанность заняться составлением сравнительной грамматики словенских языков, истории литературы и собиранием образцов, поясняющих грамматику и успехи литературы.

Стремясь ко второй цели, желаю обратить особенное внимание на такие словенские племена, которых история, языки и письменность еще мало приведены в известность. Южные словене и именно болгары и сербы будут исключительным предметом занятий моих, которыми, быть может, и мне возможно будет расширить настоящий круг сведений о словенах» (Донесения 1915, 19).

Даже сейчас, с позиции современных знаний, нельзя не поражаться широте и глубине замысла ученого, цельности проекта и его, так сказать, действенной силе.

Приобретенные Григоровичем в путешествии немалые познания в области языков и в целом памятников славянской культуры, а также четкие общественно-исторические ориентиры (об этом см.: Сергеев 1978) получили интенсивное развитие в его многочисленных трудах и прежде все в «Очерке ученого путешествия по Европейской Турции» (1848). По мысли М. Петровского, это исследование

«открыло новый материк с его неизвестными дотоле обитателями. Вся история древнеславянской письменности, все исследования об языке восточной половины Балканского полуострова должны были принять новый вид, постройка их должна была производиться из того вновь открытого материала, который лежал в забросе до прибытия туда нашего ученого славянина» (Петровский 1892, 263).

Через несколько лет Григорович выпускает книгу, куда вошли его «Статьи, касающиеся древнего славянского языка» (Казань, 1852). Это целая россыпь историко-лингвистических исследований, посвященных главным образом древним памятникам письменности. Книга открывается программной речью, произнесенной ученым в торжественном собрании Общества любителей отечественной словесности при Казанском университете 20 сентября 1851 г. Она назвалась так: «О значении церковнославянского языка» (Григорович 1852а, 1–25). Он подчеркивает важную роль его «как начала духовного единства, скрепившего разрозненные племена» (там же, с. 13). Особенно рельефное выражение он находит на русской почве, и это также выделяет ученый:

«Церковнославянский язык с характером, усвоеннымъ ему в России, былъ выше всехъ делений, местностью и отношениями производимыхъ, и потому *оживлял* (курсив наш. — О. Н.) начало родства, которымъ эти наречия постоянно связывались. Притом, охраняя древний состав наречий, он представлял собою то, что каждое наречие теряло во времени, ибо нельзя представить себе отсутствия такихъ же свойствъ и в русскомъ языке в периодъ более отдаленный. В этомъ отношении

церковнославянский язык можно бы назвать связью древних русских наречий» (Григорович 1853а, 13–14).

Весьма ценны и примечательны и другие высказывания Григоровича, выраженные им, напр., в статье «О трудах, касающихся древнего славянского языка до М. Смотрицкого» (Григорович 1852б, 26–52). Ученый говорит здесь о том, что

«древний славянский язык небессознательно переходил от поколения к поколению, от народа к народу. Судя по последовательности, с какою писаны лучшие рукописи, можно заключать, что изменения, их отличающие, вводимы были по соображениям, более или менее обдуманньм» (там же, с. 26).

И в других работах указанной книги Григорович страстно проповедует связь церковнославянской словесности «с существенною потребностью народов славянских» (Григорович 1852в, 53). Она выражена прежде всего в духовном просвещении. Вот как об этом пишет ученый:

«Стоит только бегло ознакомиться с памятниками ее, чтобы убедиться, что они не суть следствие случайной нужды, частного труда или внешнего внушения, но плод благого попечения, доказывающего глубокое сознание существенной пользы христианского просвещения. Попечение это могла лишь оказать Церковь, как выражение общего направления известного народа. С понятием Церкви мы, православные славяне, имеем счастье соединять еще понятие народности. Древнюю нашу словесность, следственно, можем рассматривать не как случайное явление или чужое внесение, но как доказательство созревающих понятий предков наших о самостоятельном вразумлении себя в христианстве» (там же, с. 54).

В деятельности Григоровича гармонично сочетались и глубокие лингвистические познания, и умение их преподнести слушателям, и горячее желание всеми возможными способами развивать культуру славистических исследований, совершенствовать ее. И это не просто «прихоть» ученого, а убеждение. Ведь его идеи обрели новое дыхание в трудах Ф. И. Буслаева, исследователей его поколения, которые в «мифологической реальности» находили корни национальной культуры. То же, но по-своему, делал и Григорович, ставший, без преувеличения, одним из первых национальных героев, своими поступками и трудами пробуждавший в современниках высокие чувства языкового и духовного братства славян и необходимость исследования их письменных памятников.

«Ученость Григоровича, — отмечал его современник, русский историк и публицист В. И. Модестов, — была поразительная, и не только в его специальной области, но и во многих других. Со Срезневским можно было не только спорить, но и выходить из спора победителем, с Григоровичем — никогда. С ним было даже страшно говорить о науке, несмотря на всю его младенческую кротость и самую утон-

ченную вежливость. Касалось ли дело филологии, этнографии, географии, истории, везде он обнаруживал подавляющую массу самых разнообразных и мелочных сведений. Всецело преданный науке, только одной науке, он в каждый данный момент, по какому угодно предмету, преподающемуся в историко-филологическом факультете, буквально засыпал своего собеседника данными, даже относившимися к специальной области последнего» (цит. по изд.: Смирнов 2001, 105).

Отметим и еще одно свойство Григоровича как организатора славяноведения в России. Большинство его известных коллег работали в столицах. Он же как «чернорабочий» (выражение самого ученого) скитался по России и закончил свой жизненный путь в Елисаветграде, последние годы проработав в Новороссийском университете (в Одессе). И оттуда, издав далеко, его голос был слышим на многие версты. При исключительной человеческой скромности, некоторой неуклюжести и неумении преподносить себя «как классика» — он все же им стал. Он добывал факты путем кропотливых исследований и открытия многих ценных для науки памятников. Он был подвижником-собирателем славянской старины и ее «охранителем». Здесь, на периферии империи, он обозначил ее главные гуманистические ценности, выраженные в такой триаде: язык — народная культура — духовность. Этим благородным стремлением, во многом благодаря Григоровичу, и жила русская наука в XIX столетии.

ЛИТЕРАТУРА

- Григорович 1852а — В. И. Григорович. *О значении церковнославянского языка*. Статьи, касающиеся древнего славянского языка, Виктора Григоровича. Казань, 1852, 1–25.
- Григорович 1852б — В. И. Григорович. *О трудах, касающихся древнего славянского языка до М. Смотрицкого*. Там же, с. 26–52.
- Григорович 1852в — В. И. Григорович. *Предварительные сведения, касающиеся литературы церковнославянской*. Там же, с. 53–70.
- Донесения 1915 — *Донесения В. И. Григоровича об его путешествии по славянским землям*. Казань: Издание ОРЯС Имп. АН, 1915.
- Петровский 1892 — М. Петровский. *Виктор Иванович Григорович в Казани. Библиографический очерк*. Славянское обозрение, С.-Петербург, 1892, т. 2, июль – август, цит. по отд. оттиску: С.-Петербург, 1892, [57 с.].
- Сергеев 1978 — А. В. Сергеев. *Исторические взгляды В. И. Григоровича*. Казань, 1978.
- Смирнов 2001 — С. В. Смирнов. *Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX вв. Справочное пособие*. Москва, 2001.

Jerzy Treder
Gdańsk

PIOTR I. PREJS I IZMAEL I. SRIEZNIEWSKI A KASZUBY

История славистики – история кашубологии – кашубологические исследования П. И. Прејса, И. И. Срезневского – связи Срезневского с Ф. Цейновой – оценка работ российской кашубологии

Zainteresowania Rosjan Kaszubami zbiegły się z ogłoszeniem relacji z podróży do Prus, Rosji i Polski (1777–1778) Szwajcara J. Bernoulliego, który opisał m. in. kaszubską wieś Szczepkowice na południe od jez. Łebsko, charakteryzując też stosunki językowe (Treder 2001, 11). Wpłynąć to mogło na redakcję petersburskiego słownika «Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій» (1787–1789), w których uwzględniono słownictwo kaszubskie zebrane właśnie wśród tamtejszych Kaszubów (Popowska-Taborska 1994; 1998)¹. Relacja Bernoulliego powinna była zwrócić też uwagę sławisty, Łuzyczanina K. G. Antona, który gromadził leksykę kaszubską z tegoż obszaru Pomorza (Anton 1783–1789; Hinze 1965 297–305; Popowska-Taborska 1998, 163–171). Pośrednio, m. in. od sławistów J. Dobrovského i P. J. Šafarika, mógł wiedzieć o tym interesujący się Kaszubami K. C. Mrongowiusz, mieszkający w Gdańsku (Treder 2000 165–236).

Skąpe wiadomości o Kaszubah znane były w wąskim gronie. Więcej wiedziano by już wtedy, gdyby znana była zawartość rękopiśmiennego «Słowniczka kaszubskiego» Mrongowiusza, powstałego w efekcie badań terenowych (1826), zainspirowanych częściowo przez M. P. Rumiancowa, kanclerza i ministra oświaty Rosji, który z recenzji słownika Mrongowiusza z 1823 r., napisanej przez rosyjskiego uczonego P. I. Keppena, dowiedział się o Kaszubah, a chcąc otrzymać więcej informacji, zwrócił się do Mrongowiusza listownie. Rumiancow interesował się kulturami małych i mało znanych ludów, ale w tym przypadku intrygowała go dodatkowo uwaga (przypadkowa) Mrongowiusza z 1823 r., że kaszubski jest po części podobny do rosyjskiego, potem odświeżona przez F. Ceynowę. Punktem wyjścia było „nieporozumienie” wywołane przez Keppena, który trafił uwagę Mrongowiusza o kaszubskim akcencie rozszerzył na podobieństwa obu języków w ogóle (Францев 1912, 39–40, 54). Ni-

żej o innych «nieporozumieniach» związanych z badaniami Mrongowiusza.

W badaniach kaszubologicznych poł. XIX w. znaczącą rolę odegrali trzej słowianoznawcy rosyjscy²: P. I. Prejs³, I. I. Sriezniewski⁴ i A. F. Hilferding⁵ — i dwaj Polacy: Mrongowiusz z Mazur i Ceynowa z Kaszub. Ich badania wzajemnie się wiążą, a Hilferding, którego tu dla pełni częściowo uwzględniamy, je ukoronował, gdyż dziełem «Остатки Славянъ на южном берегу Балтійскаго моря» (Гильфердинг 1862) «wybił ku nim (Słowincom. — J. T.) pierwsze okno od strony Słowiańszczyzny» (Ramułt 1900, 93); wyzyskał też w niej inne prace, m. in. Prejsa: uogólnienia i materiał językowy, zwłaszcza słowniczek (Prejs 1840, 1–24). Od niej zaczyna się czas głębszych analiz kaszubszczyzny.

Prejs pracą nauczycielską związany był z Tartu. W latach 1839–1842 on i Sriezniewski odbyli podróż naukową, podczas której się spotykali. Prejs udał się na Kaszuby (Gdańsk) (Prejs 1840, 1–24), Sriezniewski zaś na Śląsk⁶. Cele i trasa ekskursji ustalone były wcześniej (Francew 1912, 52), np. kontakty z F. Boppem w Berlinie czy z Šafarikiem w Pradze. Przedtem poznawali odpowiednią literaturę sławistyczną, np. K.-G. Antona, J. Dobrovského; z niej brali cele szczegółowe, a dalsze ustalali w drodze.

Sriezniewski mieszkał w 1840 r. we Wrocławiu u profesora J. E. Purkiniego, czeskiego słowianofila, niezłe zorientowanego w sprawach kaszubskich. Poznał tu Łużyczan, m. in. J. A. Smolerja, domowego nauczyciela dzieci Purkiniego. Gdy Sriezniewski drugi raz był we Wrocławiu w 1842 r., studiował tam (od jesieni 1841 r.) Kaszuba F. Ceynowa (1817–1881), który często bywał u Purkiniego i znany tu był szczególnie po odczycie w Towarzystwie Literacko-Słowiańskim (od maja 1842 r. jego członkiem) «O germanizacji Kaszubów <...>» (1843) czy potem po publikacji kaszubskich tekstów folklorystycznych (1843). Zachodziła możliwość spotkania się tu Rosjanina z Kaszubą, co może dałoby się ustalić z korespondencji Sriezniewskiego? Dla Rosjanina byłby to niemal informator idealny, co prawda amator lingwista i początkujący folklorysta, jednak znający kaszubski. Podobnie dla Prejsa doskonałym informatorem był K. C. Mrongowiusz (1764–1855), który wszakże jako Mazur rodem nie mówił po kaszubsku.

Z tych trzech Rosjan tylko Prejs poznał osobiście tego pierwszego terenowego badacza kaszubszczyzny. Sriezniewski korespondował z Kaszubą Ceynową, gdy ten opisywał kaszubszczyznę i tworzył podwaliny języka literackiego, natomiast Hilferding jeździł z nim po Kaszubach i wymieniał poglądy. Kaszuba nie mało się od obu Rosjan nauczył, pośrednio także z raportu Prejsa, który ukazał się m. in. razem z jego broszurą (Ceynowa 1850, 38–64). Rosyjscy słowianofile wiele materiałów i informacji zawdzięczali Ceynowie, le-

karzowi, też słowianofilowi. Kontakty Ceynowy ze Sriezniewskim i Hilferdingiem urywają się nagle po 1861 r., nie bez związku z powstaniem styczniowym 1863 r. Ceynowa mógł mieć też żal, że nie drukowano jego słownika i gramatyki. Z wyjazdem Ceynowy w 1867 r. na zjazd słowiański w Petersburgu wyszły:

«Zemjobroz dokładni [Prus Zachodnich], mapa pjierso. Patrz anons na końcu książeczki: *Trze rozprave*» ([Karnowski] 1921–1922, 68, 80) i z. 1. «Skórbu Kaszébškoslovjnskjé mǒvé» (1866).

1. Prejs nie wszedł do podręczników historii językoznawstwa, ale na badaniach kaszubszczyzny wycisnął piętno w skali słowiańskiej, choć niezasłużenie, co ujawniło się jednak niedawno. Nie ma wątpliwości, iż jego raport jako pierwsza opublikowana rozprawa naukowa na tematy języka kaszubskiego sprawie kaszubskiej nadała rozgłos, zaspokajając podstawową ciekawość i aktywizując dociekania nad kaszubszczyzną, nie tylko Rosjan, ale w kontaktach z nimi także Kaszuby Ceynowy, a potem Polaków L. Biskupskiego, S. Ramuła. Poza tym Prejs zostawił wartę opublikowania: «Заметки о польском и кашубском наречиях» (1840), zawierający słownik polsko-kaszubski, odpis «Ojczenasz» Szadowskiego — i rękopis wykładu «Польское нарѣчїе съ Кашебскимъ» (Дуличенко 2001, 242). Reperkusje raportu Prejsa były natychmiastowe (np. Šafarik) i trwały 150 lat, na szczęście z dość rzetelną informacją dzięki przejęciu autentycznych materiałów i dojrzałych przemyśleń Mrongowiusza.

Prawdą jest, że «sprawozdanie Prejsa było dla późniejszych długo wyrocznią» (Karnowski 1997, 17). Znał je już Sriezniewski, jak dowodzą wzmianki w jego «Замечаниях о наречии кашебском» (Дуличенко 1997, 52–60), które wcześniej były znane z kaszubskiego tłumaczenia-recenzji Ceynowy pt. «Móje spóstrzeženjo prze przazeranju wuvog Ismaela Sreznjevskjeho nad móvą Kaszébšką» (Ceynowa 2001, 61–106). Kaszuba sam na Prejsa niewiele się powoływał, domyślając się okoliczności jego badań, napisał bowiem:

«Tej za pomocą teho sameho Mraǵi czele Mrongoviusa <...> napjiseł pon Prais s Pjotrogarde (Petersburga) rozprave wó móvjé Kaszébški e posleł ją dodom, dze je vedrekovale» (Ceynowa 1850, 39).

Szkoda, że Sriezniewski i Ceynowa wprost nie odnieśli się do treści raportu Prejsa. Nie ma wiadomości, aby był on znany Mrongowiuszowi, który na ten temat milczał, ale raczej tak tego sobie nie mógł wyobrażać. Raport trzykrotnie tłumaczono na polski (Prejs 1840, 201–211; 1843, 203–205, 209–213; 1850, 20–36), a poza tym wyzyskał go Hilferding, z wersji Prejs 1850 (Hilferding 1989, 175), a przez niego, Ceynowę i P. Stremlera także F. Miklosich w słowniku etymologicznym (Treder 2000, 221). Reperkusje jego są też np. w Šafarika «Slovanské narodopisi» (1842) (Францев 1912, 60).

Obecnie po znalezieniu w Petersburgu (Popowska-Taborska, Boryś 1996, 18) i Szczecinie (Szultka 1991–1993, 213–240, 153–191) ręk-

kopisów Mrongowiusza nie ma wątpliwości, że krótki opis Prejsa właściwości kaszubszczyzny i słowniczek, poza drobiazgami i samym układem, pochodzi od Mrongowiusza, wobec czego jego są również ogólne refleksje o kaszubskim. Skąd by też z tego skromnego materiału Prejs mógł wywieść konstatacje, że «język Kaszubów» (Prejs 1840, 201) czy «język kaszubski» (Prejs 1850, 20) — za ros. «языкъ Кашубовъ» (Преїс 1840, 2) — jest

«bliski dzisiaj wygaśnięcia», «najmniejszego nie okazuje podobieństwa z rosyjskim; cała jego budowa nie dozwala powątpiewać, że jest to gałąź dyalektu Lechitów»

i że wreszcie

«<...> równie jak język Słowian nadbałtyckich, bezsprzecznie należą do dialektów polskich» (Prejs 1840, 206).

Prejs przyznał:

«Wniosek ten zgadza się zupełnie ze zdaniem terażniejszym Mrongowiusza, który Kaszubów uważa za szczątki Wendów <...>» (Prejs 1840, 206).

Franczew uważał, że długie rozmowy Prejsa z Mrongowiuszem pozwoliły na wyrobienie poglądu, a jego wskazówki pomogły mu zorientować się w «nowej dziedzinie» (Францев 1912, 54, 55). Nieporozumieniem jest jednak tłumaczenie, że Mrongowiusz rzekomo większą wagę przywiązywał do słownictwa (Преїс 1840, 2); notabene, czy dlatego Prejs i Sriezniewski nie byli zbyt gorliwi w notowaniu słów? Owszem, Mrongowiusz był przede wszystkim leksykografem, zachęcającym m. in. do spisania „*idioticonu kaszubskiego*”, ale doceniał również fonetykę i był doskonałym fonetykiem, jak tego w oryginale «*Słowniczka kaszubskiego*» dowodzi: notowanie wyrazów różniących się tylko wymową (np. *chłopc* i *chwopc*), stosowanie odrębnych znaków (np. *oa* z łukiem u góry: *gnoat*), zaznaczanie akcentu (np. *szczężùle*) i liczne komentarze (Treder 2000, 189–190). «*Słowniczek*» zawiera elementy porównawcze, etymologiczne i fonetyczne i miał uzasadniać wnioski o genezie i aktualnym stosunku kaszubszczyzny do polszczyzny i innych języków. Prejs otrzymał jego skróconą wersję, a poza tym zapisów Mrongowiusza nie docenił i je uprościł, popełniając w dodatku błędy (Treder 2000, 206). Byłoby znacznie lepiej, gdyby go po prostu wydal, jak potem Sriezniewski wydal mektóre prace Ceynowy. Więcej odczytaliby z tego inni, m. in. Sriezniewski i Hilferding.

Analiza konkluzji i metody badawczej Mrongowiusza dowodzi, że on: 1. założył sprawdzenie podziału Dobrovského na słowiańskie języki południowo-wschodnie i zachodnie, zauważając trafnie analogie (np. akcent, sufiks *-iszce*, kilka wyrazów), ale nigdzie nie dowodził istnienia trwalszych związków kaszubszczyzny z rosyjskim (por. Францев 1912, 53, 54). 2. Nie łączył też kaszubszczyzny z łużyckimi, wskazując bliżej na połabski jako część dialektów staropomorskich (te z kaszubskim); notabene *Wenden*, *wendischen* to u nie-

go Słowianie pomorscy, nadbałtyccy (z Połabianami), gdy dla Łużyczan używał określenia *Lausitz*. Mając wreszcie wiedzę z realiów lokalnych rozróżniania tzw. *Muttersprache* (w domu) i języka oficjalnego (np. w kościele), uznawał też, że «mowa kaszubska jest narzeczem języka polskiego» (1842) (Treder 2000, 226-231).

Niejasności i sprzeczności we wnioskach Prejsa zauważył m. in. K. Wójcicki, który słusznie i złośliwie zarzucał Prejsowi zbytne uzależnienie od Mrongowiusza i brak własnych materiałów (Францев 1912, 54). Jednak dla większości (np. Poblocki) Prejs udowodnił przynależność kaszubszczyzny do polszczyzny. Niewykluczone, że zadecydowała opinia z 1827 r. A. Brylowskiego, weryfikującego «Słowniczek» Mrongowiusza:

«W rzeczywistości odróżnia się kaszubszczyzna mało od polszczyzny» (Karnowski 1997, 11).

Mógł ją znać od samego Mrongowiusza. Zawilość konkluzji Prejsa jest pochodną wtórności jego materiałów i uogólnień oraz braku należytego oddzielenia poszczególnych myśli Mrongowiusza, streszczonych tu wyżej.

Na badania Prejsa cieniem kładzie się jego stosunek do Mrongowiusza, nie zaznaczył bowiem wielkiej zależności od Mrongowiusza, pisząc, że jego uwagi powstały

«podług wiadomości udzielonych mi przez Mrongowiusa, Marwica i Borkowskiego. O wielu rzeczach dowiedziałem się od samych Kaszubów. W bibliotece berlińskiej znalazł się szczupły zbiór wyrazów i 'Ojcie nasz' w języku kaszubskim» (Prejs 1840, 201-202).

Notabene, wzmianka o Marwicu i Borkowskim pozostaje niejasna, nic bowiem oni dla kaszubszczyzny nie zrobili. W tekście nie ma niczego, co pochodziłoby od nieokreślonych «samych Kaszubów». Otrzymał też zapewne w Gdańsku w słownikach Mrongowiusza (Popowska-Taborska, Boryś 1996, 15-17) cytowany katechizm M. Pontanusa z 1643 r. («w tém narzeczcu»), czyli poznał wydanie językowo całkowicie zmodernizowane z 1752 r., wznowione przez Mrongowiusza (1828), skąd słuszna ocena, że «ten katechizm pisany jest właściwie w polskim języku» (Prejs 1840, 202). Otrzymał odpis rękopiśmiennego «Sammlung einiger Kaschubischen Wörter <...>» Mrongowiusza z eksploracji wśród Kaszubów w par. cecenowskiej (Popowska-Taborska, Boryś 1996, 18). Dał mu też Mrongowiusz list polecający do Józefa Łukasiewicza, wydawcy poznańskiego «Orędownika naukowego» (Treder 2000, 210). Znamienne też, że u Prejsa i Mrongowiusza nie ma żadnego tekstu kaszubskiego.

2. **Sriezniewski** i Hilferding z kolei na trwałe weszli do historii językoznawstwa, ale encyklopedyczne i syntetyczne wydawnictwa rosyjskie (i radzieckie) nie wspominają – podobnie jak przy Prejsie – ich badań kaszubologicznych (Булахов 1976, I, 219-232; 70-72; Славяноведение 1979, 121-125, 318-321), nie wymienia się nawet książki

Hilferdinga (Гильфердинг 1862). Specjaliści pamiętają, że odegrała ona sporą rolę w klasyfikacji języków A. Schleichera, w tym języków lechickich («lechische Sprachgebiet»). Wiadomo dziś, że Hilferding przejął i rozbudował pogląd opublikowany przez Prejsa, który użył określenia «отрасль диалекта Лехитовъ» (Преис 1840, 2), w tłum. pol. ‘gałąź dialektu Lechitów’ (Prejs 1840, 201) lub ‘gałąź mowy Lachów’ (Prejs 1850, 22), u Hilferdinga «ветвь Славянской рѣчи, которую можно назвать Ляшскою» (Гильфердинг 1862), po pol. ‘gałąź mowy słowiańskiej, którą można nazwać lechicką (laska)’. Prejs tę koncepcję — bez samego określenia — powziął od Mrongowiusza.

Wpływ Sriezniewskiego na kaszubologię miał inny charakter niż Prejsa. Dysponując jak i Prejs ubogim i niepewnym materiałem własnym oraz wtórnym Antona i Prejsa, nie odważył się tego opublikować⁷. Odpis Sriezniewskiego tych materiałów wydał niedawno Duliczenko (Дуличенко 1997, 52–60), a oryginalne materiały Antona omówili F. Hinze (Hinze 1965, 297–305) i Popowska-Taborska (Popowska-Taborska 1998a, 145–156). Potwierdzają to m. in. rękopisy jego prac: «Замѣчания о нарѣчии Кашебскомъ», «Замѣчания касательно Кашебскаго нарѣчія» i «Кашубы» (Дуличенко 2001, 243), które Duliczenko zamierza wydać; ostatni cytowany był m. in. przez Francewa (Francew 1912, 81). W rękopisie innej rozprawki pt. «Нарѣчїе Славянъ Прибалтійскихъ», powstałej po 1854 r., tj. po pobycie Hilferdinga na Połabiu, na co się w niej powołuje, Sriezniewski charakteryzuje (na podstawie skąpych zapisów) język Drzewian i osobno „polskie narzecze”.

Jak Prejs raczej wahał się (?) on w ocenie relacji kaszubszczyzny wobec polszczyzny, pisał bowiem:

1. «Наречіе Кашебское, сколько ни отличается оригинальными особенностями, есть, однако, без сомнения наречіе языка Польского <...>» (Дуличенко 1997, 55);

zaraz potem dodaje:

«Главное отличие <...> от языка Польского (литературного) заключается в произношении». 2. «Поляки прусскія называются Кашубами или Кашебами и наречіе их весьма резко отличается от Польскаго» (Sriezniewski rps, cyt. wyżej, przygotowany do druku).

Ceynowa tego nie komentował. Z korespondencji nie wynika, by Rosjanin orientował się, że Ceynowa traktuje kaszubski jako samostny język słowiański, a przecież przesłane do Petersburga «Wuvogj nad móvą kaszëbską» zaczyna zdanie:

«Me Kaszëbji godome móvą słovjanską, to je: pòdobną jak Pòlosze, Serbovje, Łuzanamji zvani, nji dovni Pòlabjanji, Czechovje, Resce, Serbovje Naddunajsci, Bulgarze» (Ceynowa 1850).

Wiedział za to, że kaszubski dla Ceynowy

«w niektórych przypadkach jest bliższem języka rosyjskiego» (Francew 1912, 83).

Jednak ostatecznie rola Sriezniewskiego była spora, choć bardziej pośrednia, m. in. jako autorytetu w slawistyce i natury organizacyjnej, też w ramach działania w Akademii, gdyż w jakimś sensie stymulował dłużej badania nad kaszubszczyzną, zwłaszcza przez aktywizowanie Ceynowy do zbierania i drukowania materiałów w redagowanych przez siebie «Извѣстіяхъ ОРЯС» (1852–1863). W tych kontaktach powstały prace:

a) **językowe**, jak wspomniane «Móje spóstrzeżenjo <...>» (1850) (Francew 1912, 87–93, 118–124, 157–166; Treder 2001, 61–130) — pierwsza naukowa praca po kaszubsku, w znacznej części też najstarszy przekład kaszubski tekstu naukowego z rosyjskiego, sumujący ówczesną wiedzę o kaszubszczyźnie. Powstały one niejako na życzenie Sriezniewskiego, który przez Akademię zwrócił się do Ceynowy o ocenę jego «Замечаний о наречии кашубском» z 1840 r. (Дуличенко 1997, 52–60), w których Rosjanin zawarł uporządkowane skąpe i niepewne materiały, pochodzące przeważnie od Kaszubów służących w wojsku pruskim, napotkanych w 1840 r. we Wrocławiu i Berlinie. Wnioski jego są często wątpliwe, więcej i trafniej już Prejs. Zestawia je stale z odpowiednikami polskimi, gdyż kaszubski narzeczem polskiego. Nie wiadomo dokładnie, dlaczego Ceynowa przetłumaczył je na kaszubski («Wuvogj nad móvą kaszebską»), kiedy we wstępie stwierdza:

«moj spósob pjsanjo ju v 'Xażeczce dlo Kaszebov' sę znajdeje» (Ceynowa 1850, 39),

czyli korzystał z okazji pokazania, że po kaszubsku można pisać na tematy lingwistyczne, a poza tym demonstrował znajomość rosyjskiego.

Ceynowa miał zatem okazję do wypowiedzenia się w wielu kwestiach, ale trzymał się poruszanych przez Rosjanina, informując wszakże o aktualnej sytuacji języka kaszubskiego, rozszerzając uwagi o akcencie (zaznaczanym regularnie w przykładach, co może reakcją na wzmiankę u Mrongowiusza o podobieństwach z rosyjskim?), wspominając inne cechy kaszubskie i dodając paradygmat czasownika *reszac*. Pominął z kolei «Ojczenasz» i słownik Antona. Materiałów tych chyba wcześniej nie znał, ale potem je wyzyskał. Notabene, Francew widział oryginał rosyjski, na końcu bowiem dopisał: «W rękopisie Sriezniewskiego następuje: kaszubski 'Ojczenasz' <...>» (Francew 1912, 166). Wybór przez Francewa do druku bogatszej w treści wersji kaszubskiej — mimo opuszczenia «Ojczenasz» i wyrazów Antona — był słuszny; ona bardziej interesowała Kaszubów ze względu na Ceynowę, jego poglądy i przykłady.

Sriezniewski uznał w 1851 r., że Ceynowa do «Uwag» dodał «dużo rzeczy ciekawych i oryginalnych» (Francew 1912, 85), zapowiedział ich poprawienie i opublikowanie, ale tego nie zrealizował. Nie był chyba w stanie odnieść się do ogromu informacji i materiału, jaki wniósł Ceynowa. Jego «Uwag» i tak leżały od 1840 do 1850 r., gdyż nie był ich pewien. Potrzebował weryfikatora i korzystał z Ceynowy, podobnie jak kiedyś Prejs z Mrongowiusza. Podkreślić warto, że Ceynowa niemal nigdy w pełni nie aprobował ustaleń Sriezniewskiego, zwykle słusznie, a kontrowersje między nimi wynikają najczęściej z samej formy zapisu (Ceynowa obstaje przy swej pisowni literackiej, gdy Sriezniewski ma półfonetyczną), a poza tym Ceynowa poza wyjątkami odwołuje się do kaszubszczyzny i Kaszub z Pomorza Gdańskiego, kiedy materiał Sriezniewskiego pochodzi raczej z Pomorza Zachodniego. Oczywiście, zawsze różnią się liczbą, trafnością i wiarygodnością przykładów: Sriezniewski ma ich łącznie ok. 165, od 2 do 8 dla danej kwestii, Ceynowa dodał razem ok. 1600, zwykle bez potrzeby aż tak dużo, gdy kilka starczyłoby do wydedukowania reguły.

Tekst Ceynowy wydał w 1912 r. Francew (Francew 1912, 87–93, 118–124, 157–166) i drugi raz J. Treder (Treder 2001, 61–130), porównując go z oryginałem wydanym z rękopisu w 1997 r. przez Duliczenkę (Дуличенко 1997, 52–60), który podkreślił, że stoi on u początków kaszubologii. Pamiętać jednak trzeba, że w nauce mógł on być spożytkowany dopiero od 1912 r., choć już w innej wersji: bogatszej i krytycznej, ale językowo kaszubskiej, w której sam język narracji dostarczał nowych przykładów i ukazywał funkcjonowanie kaszubskiego; był to więc zarazem długi tekst kaszubski. Przy okazji wydania tych tekstów wydawcy wypowiadają uwagi na marginesie konstatacji obu badaczy. Duliczenko odnosi się do pisowni i paradygmatu czasownika *reszac* (Дуличенко 1997, 53). Treder dał obszernie studium «Wiedza Ceynowy o kaszubszczyźnie w świetle <...>», odwołując się do Prejsa i Hilferdinga (Treder 2001, 27–60). Nie miejsce tu, aby w to bliżej wchodzić.

«Eine kleine Sammlung kaschubischer Wörter, welche eine grössere Ähnlichkeit mit der russischen, als mit der polomischen Sprache haben» Ceynowa przesłał do Petersburga w 1850 r.

«Już tytuł zdradza tendencję przypodobania się Rosjanom. Ceynowa podjął tutaj myśl Mrongowiusza <...>» (Karnowski 1997, 39),

nie dochodząc zrazu jego intencji. Rękopis Ceynowy to wykaz ok. 1150 wyrazów rosyjskich podobnych do nich ekwiwalentów kaszubskich, z zaznaczonym akcentem, np. *августь* – *augüst*, *балка* – *bälka*, *видъ* – *vjid*, *горцы* – *gorce* (tj. mieszkańcy gór). Nie był to słownik gwarowy, o czym świadczy m. in. dbałość o kompletność derywatów czy par aspektowych czasownika. Słusznie budził wątpliwości Sriezniewskiego:

«<...> zawierają one niewielki zbiór słów kaszubskich podobnych do rosyjskich. Pomimo że treścią praca ta nie może zadowolić badacza, zasługuje jednakowoż na uwagę i poparcie wydziału <...>» (Francew 1912, 82–83),

przesadzona jest opinia Francewa, przytaczającego zeń wstęp i wyrazy na literę A, że «не имѣеть научной цѣны и значенія» (Францев 1912, 65). Przecież zawiera on wiele wyrazów autentycznie kaszubskich, w tym niektóre nigdzie poza tym nierejestrowane, np. *vjilk* 'główka kapusty'. Oryginalnie i krytycznie, wraz z omówieniem, wydała go Popowska-Taborska (Popowska-Taborska 2001, 131–166). Hilferding mógł o nim wiedzieć, ale nie wyzyskał go w «Остаткахъ <...>».

«Сборникъ основныхъ словъ кашубскаго нарѣчія» (Цейнова 1861, стлб. 257–272) — ok. 1340 wyrazów, różnych od zawartych w zbiorze omówionym wyżej, z zaznaczoną labialną wymową *o*. Niejeden wyraz znalazł się tu pod wpływem zbiorów Antona, np. *czopki/kłobuk*, *gafla/vjidelce*, *kuchnalkurva*, *szatal/ruchna* — i Mrongowiusza, np. *jotrocznjik*, *klusa* (Treder 2000, 215). Słownik pierwotnie był wykazem odpowiedników kaszubsko-niemieckich, ale wydany został jako kaszubsko-rosyjski (Popowska-Taborska, Boryś 1996, 24–25). Tłumaczenia czasem są błędne. Ceynowa przesłał go Sriezniewskiemu przez Hilferdinga, który był nim zainteresowany w związku ze słowniczkiem w «Остаткахъ <...>», gdzie został włączony bez owych błędów (np. *brzech*, *jałóvica*, *siżeń*, i nieraz z odniesieniami do «Сборника» w «Извѣстіяхъ», np. *rzegac*, *znija* ...), na które on pierwszy zwrócił uwagę (Гильфердинг 1862, 174–175). Jako «rzecz całkiem chybną» ocenił J. Baudouin de Courtenay, ale słusznie broni jej E. Breza (Breza 1974).

«Kurze Betrachtungen über die kašubische Sprache als Entwurf zur Grammatik», przesłane Sriezniewskiemu w 1860 r. to pierwsza kaszubska gramatyka, której powstanie A. D. Duliczenko – inicjator i autor w pełni filologicznego wydania w 1998 r. — mylnie powiązał z pracą Ceynowy z 1850 r. «Wuvogj nad móvą kaszébską» (Ceynowa 1850, 38–64), zatytułowaną po niemiecku w liście z 1851 r. jako «Bemerkungen über die Kaschubische Sprache» (Францев 1912, 68). Ciekawa dla sprawy jest informacja, że Ceynowa zapowiadał (w «Szkole narodowej», 1850, nr 16) druk «Zarysu gramatyki kaszubskiej czyli porównanie narzecza kaszubskiego z językiem polskim» (Bukowski 1950, 25), a w liście do ks. Malinowskiego z 1862 r. to samo określił jako

«Krotkj spôgląd na różnjęc mjedze mówą kašebską e jazekę pòlskjm» (Kamowski 1997, 70).

Stąd też mylny jest dalszy wniosek, że powstała ona do końca lat 40. XIX w. (Ceynowa 1998, 12). Treść wstępu nie ma wyraźniejszych analogii w innych jego pracach, zwłaszcza te o mitologii i etymologii, gdyż historyczna częściowo podobna do «Kile słov <...>» (Cey-

nowa 1850), niektóre etymologie, np. *Bog*: *bòjec*, *Mogila* – są u Mrongowiusza (Treder 2000, 224); o mogiłach i żalach pisał też Brylowski (Karnowski 1997, 10). Nie znalazł jeszcze książki Hilferdinga. Moim zdaniem uzasadnia ona tezę, że Ceynowa najpierw zaczął pisać po kaszubsku, m. in. rozprawki językoznawcze, a dopiero potem zaczął opracowywać teorię swej kaszubszczyzny literackiej, tworząc częściowe studia szczegółowe (np. 1848 r.) i zamykając je gramatyką z 1879 r.

Trudno zgodzić się z Duliczenką, iż petersburska wersja ma w większym stopniu być opisem gwar kaszubskich niż gramatyka poznańska (Ceynowa 1998, 22), którą dialektolodzy błędnie brali za opis gwary jego rodzinnej wsi Sławoszyño. P. Smoczyński po analizie materiału doszedł do konkluzji:

«<...> język Cenowy wykazuje stan względnej równowagi, więc nic dziwnego, iż robi wrażenie znacznie większego podobieństwa i zbliżenia do polskiego języka ogólnego niż język dzisiejszy jego wsi rodzinnej» (Smoczyński 1956, 81).

Potwierdził tak tylko u Ceynowy polonizowanie, które okazać się musi jeszcze większe po przypomnieniu, że Smoczyński uwzględnił «Skòrb», zawierający przecież teksty słowińskie i kabackie z książki Hilferdinga, choć językowo normalizowane przez Ceynowę. Gdyby je pominąć, kaszubszczyzna Ceynowy wykazywałaby jeszcze większą zbieżność z polszczyzną (Treder 1992, 77; Treder w: Hilferding 1989, 249; Treder 1993, 281). Ceynowa zatem w «Kurze Betrachtungen <...>» wskazał tylko na cały obszar tzw. Kaszub właściwych, a aktualny pozostał wniosek, iż Ceynowa zmierzał w nich do kodyfikacji kaszubszczyzny literackiej. Zauważył to już Hilferding:

«Przejął on za normę mowę swej rodzinnej okolicy <...>; norma ta jednak jest znacznie bliższa językowi polskiemu niż narzecze Kaszubów, a szczególnie Słowińców w Pomeranii, równocześnie zaś znacznie dalsza od niego niż mowa Kaszubów w południowej części wejerowskiego oraz w kartuskim i kościerzynskim powiecie» (Hilferding 1989, 99).

Wreszcie porównanie jej przez Duliczenkę z gramatyką poznańska musiało doprowadzić do wniosku, że to dwie różne prace, o czym dawno pisano:

«Ale pisany zarys różni się od drukowanej gramatyki znacznie, tak co do treści układu, jak i pisowni. Są to zdaniem moim dwie odrębne rzeczy» (Karnowski 1997, 69).

b) **etnograficzne**, mianowicie wydanych w «Памятникахъ и образцахъ народнаго языка и словесности» jako «Образцы кашебскаго нарѣчя» (Ce[j]nova 1852, стр.б. 93–112), z tytułem ogólnym od Sriezniewskiego, autora dwustronicowego wstępu, w którym nic nowego: ogólnie o Kaszubach: granice, statystyka (wedle Ceynowy 300 tys.), o Ceynowie i jego pracach, zwłaszcza publikowanych przez Sriezniewskiego w «Извѣстіяхъ». Informacje te pochodzą z wymie-

nionej książeczki Šafarika i Ceynowy oraz «Moje spóstrzeženjo <...>». Zawiera teksty kaszubskie, mianowicie:

1. «Przesłowjo kaszebskje» (wydrukowano 495, z numeracją co piątą, bez obscoen w nadesłanych 514); bardzo podobny zbiór Ceynowy wydał K. W. Wójcicki w Warszawie w 1856 r. (Treder 1995, 62), potem większość z nich w jego «Skórbie» (1866);
2. «Pjesn ledowo: Zołnerz» (22 zwrotki) i dumka o swataniu pt. «Na'ni stro nie goj» (4 zwrotki), w oryginale i w tłumaczeniu niemieckim, ale nie wydrukowano tłumaczenia (Treder 1995, 63), powtórzone potem w książce Hilferdinga (Hilferding 1989, 167), jak streszczenie większej części zbioru;
3. «Zabobone, guśla e jinsze fraszki» — 27 tekstów, zwykle jednozdaniowych.

c) **inne**, jak: odpowiedzi na pytania Akademii: 1) miejsca zamieszkania Kaszubów, 2) cechy mowy kaszubskiej i ustalenie gwar, 3) książki drukowane po kaszubsku od Pontanusa w 1643 r., 4) kilka pieśni i przysłów ludowych zgodnie z wymową kaszubską w poszczególnych gwarach. Ceynowa wziął to wszystko na siebie i pozwoli realizować, choć chyba nie zawsze po myśli Akademii, np. granice podał ogólnie, wymieniając ważniejsze miejscowości i odsyłając do swej rozprawki «Wuwogj nad mową kaszebską» (1850). Ogólnie informował o różnicach gwarowych, dołączając teksty etnograficzne i książeczkę: «Rozmówa Pólocha s Kaszebą» itd. (Францев 1912, 68–70).

Artykuł niniejszy stanowi pośrednio aktualizację rzetelnego (wraz z ważnymi dokumentami) studium W. Francewa sprzed 90 lat, którego nie wykazał J. Karnowski w rozprawie o Ceynowie, choć je często niemal tłumaczy. Zdezaktualizował się on najbardziej w obrazie relacji Prejs – Mrongowiusz. Franczew i Karnowski rozwiiali i oddalili posądzenia (np. G. Pobłocki) o uwikłania polityczne czy pracę za obce pieniądze (Францев 1912, 60; Karnowski 1997, 41; por. Treder 2000, 172–176), do czego się tu nie wraca. Bezpodstawność takich podejrzeń potwierdza krytyczne spojrzenie na historyczne uwarunkowania tych badań, którym wtórnie towarzyszyły podteksty polityczne. Kaszubi i kaszubszczyzna bowiem uwikłani zostali w wielką politykę.

W analizie tej chodzi o to, aby do starych ustaleń szczegółowych i ujęć syntetycznych włączyć nowe, potem zaś od nowa całość zinterpretować. Poruszane wyżej zagadnienia były omawiane wielokrotnie przez wielu autorów, m. in. Duliczenkę (Дулеченко 1988, 76–79). Wiążą się one tutaj zasadniczo z działalnością 5 osób: 3 Rosjan i 2 Polaków, ale jednocześnie dotyczą całości stosunków naukowych kaszubsko-rosyjskich w poł. XIX w. W wielu sprawach istnieje już tzw. opinio communis, ale wiele ważnych problemów, a szczególnie

drobniejszych kwestii wymaga pogłębionych analiz, gdyż wpływają one na ustalenia natury ogólnej.

Po wstępnych badaniach Mrongowiusza (Prejsa) właśnie Ceynowa ożywił zainteresowania Rosjan Kaszubami, zwłaszcza zaś Sriezniewskiego. Ich współpraca stanowiła kontynuację kontaktów Akademii w Petersburgu z Mrongowiuszem. Wiadomości od Ceynowy, przeważnie z literatury, były zbyt lakoniczne i nie można było na nich polegać. Sriezniewski nie dysponował nowymi materiałami kaszubskimi, ale jako uznany w Słowiańszczyźnie autorytet odegrał w omówionych badaniach znaczną rolę. Z kolei szerokie kontakty Ceynowy z Petersburgiem, jak też ze Szczecinem, Warszawą, Krakowem i Gdańskiem, Czechami i Łużyczanami, mogły mieć dla sławistyki poł. XIX w. spore znaczenie. Miałyby one większy wydźwięk, gdyby prace Ceynowy ukazały się drukiem zaraz po ich napisaniu. Ostatecznie w kontaktach z Rosjanami powstało 6 różnorodnych i dość obszernych jego prac. Dzięki współpracy ze Sriezniewskim poznał Ceynowa kaszubskie materiały Antona (tylko częściowo opublikowane) i gdyby nie wzmianki o nim u Ceynowy, udział jego dłużej pozostałby nieznanym.

Zasługi Prejsa sprowadzają się do: usystematyzowania przykładów i podania konkluzji Mrongowiusza, do przekazania światu uogólnień Mrongowiusza. W tym może bardziej w sławistyce zorientowany i młodszy Prejs był temu rzetelnemu filologowi potrzebny; notabene, najczęściej wyzyskiwana była najbardziej skrócona wersja raportu (Prejs 1850, 20–36). Sriezniewski w swej niepewności przypomina Mrongowiusza: niepewnie i z uproszczeniami powtarzał materiały i konkluzje «Prejsa», dodając trochę — nieco więcej niż Prejs — własnych materiałów, do których dołożył też materiały z drugiej ręki, tj. Antona. Trafił na swej drodze na śmiałego Kaszubę Ceynowę, nielingwistę, ale z gotowym programem kaszubskim Mrongowiusza, wychodzącym poza teorię, tj. świadomie tworzącym z kaszubszczyzny osobny język, czyli wydobywającym ją z «prześciowości», tj. z bycia gwarą Słowian nadbałtyckich.

Od wystąpienia Ceynowy istnieją już dwa byty: gwary kaszubskie i odmiana literacka, co zaczęli powoli odróżniać Rosjanie (bardziej dopiero Hilferding), krytycznie podchodząc do informacji Ceynowy. Wysyłają z misją Hilferdinga w celu: a) weryfikacji informacji nadesłanych w ramach programu Rumiancowa, Mrongowiusza i Sriezniewskiego; b) przeprowadzenia własnych badań terenowych i zdobycia tekstów dla poszczególnych gwar; c) dotarcia na pn.-zach krańce Słowiańszczyzny, wiedząc już — od Antona, Šafarika (i Mrongowiusza?) — o istnieniu Słowińców. Hilferding po części także «kontrolował» i uzupełniał Ceynowę, przekazującego do końca niejednoznaczne materiały i wiadomości, m. in. z powodu języka dołączanych własnych broszur. Hilferding poza tym znał już

tę część Europy (m. in. stosunki polsko-niemieckie) i może język polski z domu w Warszawie, ponadto lepiej po prostu «trafil», tj. prowadząc badania terenowe (dłużej i intensywniej niż Mrongowiusz), dotarł do «mitycznych» Słowińców, zadziwiając tym sympatyków i zaskakując przeciwników czy wręcz wrogów (Niemcy, np. Knopp – i niektórzy zgermanizowani Kaszubi). Efekty zawdzięczał przede wszystkim własnym badaniom terenowym. Ile w tym pośredniego udziału Ceynowy?

Podkreślić na koniec trzeba, iż w kontaktach Rosjan z Kaszubami wzbogacał się i konkretyzował sam program badawczy. Mrongowiusz miał już jakiś plan przed 1823 r., ale rozbudował go potem o życzenia Rumiancowa w 9-punktowy plan (przesłany do Szczecina), z którym korespondował plan Sriezniewskiego (Akademii w Petersburgu), wyrażony w 4 punktach. Mrongowiusz znał plan Wutstracka z aktualizacją raportu Hakena, skąd wiedział o Pontanusie i etnionimie *Kabatkowie* (Treder 2000, 165–236).

- ¹ A. D. Duliczenko (Duliczenko 2001, 239–241) obcuje, że zebrał je pastor S. A. Kummer ze Szupska, gdy H. Popowska-Taborska (Popowska-Taborska 1998, 163–171) uważa, że Duliczenko odnalazł całkiem inny zbiór wyrazów; ów zbiór liczy 455 wyrazów. Zauważmy tu, że «bezpownotnie zaginął rękopis słownika Ch. W. Hakena *Hinterpommersche Idioticon*, zakupiony w 1790 r.» przez Ewalda F. von Hertzberga, który miał też opisywać stosunki językowe wschodu Pomorza Zachodniego (Z. Szultka, *Studia nad rodowodem i językiem Kaszubów*, Gdańsk 1992, s. 27 wg K. Gassen, *Die Anfänge neuer niederdeutscher Literatur in Pommern 1770–1780*, P. Jb. 29: 1935, s. 160–161). Haken był też respondentem Antona.
- ² Wyzyskano nadto: М. Г. Булахов. *Восточнославянские языковеды. Библиографический словарь. Т. I*. Минск, 1976, 202–203; *Славяноведение в до-революционной России. Библиографический словарь*. Москва 1979, 283–284; *Язык кашубски. Poradnik encyklopedyczny*, Gdańsk, 2002.
- ³ Piotr Iwanowicz Prejs (1810–1846), filolog, słowianoznawstwa, pierwszym prof. katedry historii literatury i gramatyki porównawczej języków słowiańskich Uniwersytetu w Petersburgu (1843).
- ⁴ Izmil Ivanovič Sriezniewski (1812–1880), filolog, sławista i paleograf, prof. w Charkowie i Petersburgu. W 1840 r. odpisał odkryte w zgorzeleckim archiwum rękopiśmienne kaszubskie materiały słownikowe K. G. Antona, który miał je od k. XVIII w. od Ch. W. Hakena ze Szupska.
- ⁵ Aleksander Fiodorowicz Hilferding (1831–1872) filolog, słowianoznawca, folklorysta, etnograf i historyk, badający m.in. historię i język Słowian nadbałtyckich. Z listu do I. I. Sriezniewskiego (Ostenda 21 VIII/2 IX 1856) po zakończeniu miesięcznej podróży po Kaszubach, dowiadujemy się, że z Kaszub «...вывез я отуда пропась всякого этнографического и филологического добра [...], целое наречие, вообразите, новое словянское наречие: не кашубское, а словинское. Да, в самом деле, между Leba See a Garden See, которые увидите на карте, есть несколько деревень за болотом так об них говорят, где тип народа совсем рознится от польского и кашубского,

где наречие какое-то архаистическое, с разными признаками языка [...] балтийских славян, где жители называют себя Slovinstji ledze и где лет через двадцать пять одного словинского человека не будет. Месяц целый прощатался я между Данцингом и Слупском, отыскал Цейнову, с ним попутешествовал четыре дня, а остальное время представлен был своим средствам, т.е. чудотворной силе водки и жевательного табаку. И с помощью этих непобедимых союзников сколько я записал по корчмам Кашубчины и словинским! (w: *Документы к истории славяноведения в России*, Москва 1948, 7–8). Publikował to w książce *Ostatki słaian na jużnom beregu Bałtійского моря* (Петербург, 1862). Omówił ją R. Zmorski («Przegląd Europejski», t. II 1862, s. 213–42). Na niemiecki przetłum. ją Łuczyczanin J. A. Smoler (*Zeitschrift für Slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft*, Bautzen, 1862, I, 81–97; 1864, II, 81–111), na pol. rozdz. I–IV przetłum. A. Starzyńska («Gryf» 1921–22), całość zaś O. Kolberg (druk w 1965 w *Dzielałch wszystkich*, t. 39. *Pomorze*); nowe tłum. N. Perczyńskiej pt. *Resztki Słowian na południowym wybrzeżu Morza Bałtyckiego*, oprac. i posł. H. Popowskiej-Taborskiej i J. Tredera (Gdańsk, 1989). Najpełniej zajął się Słowincami z okolicy Gardny i Smoldzina oraz Kabatkami z okolicy Cecenowa i Główczyc. Daje bogatą dokumentację tekstową i dobry opis mowy Kaszubów (wraz ze słownikiem liczącym 1800 wyrazów, w którym poza 800 własnymi też słowa z Mrongowiusza przez Prejsa, Ceynowy i Lorka). Orzekł, że językowa różnica między Słowincami, Kabatkami i Kaszubami «polega na większym lub mniejszym zbliżeniu do języka polskiego».

⁶ E. Kucharska, A. Nasz, S. Rospond, *Wieś śląska w 1840 r. Relacje z podróży naukowej I. I. Sriezniewskiego po Śląsku*. Prace i materiały etnograficzne, Wrocław, 1973, t. XXVII. Kucharska wydała (z tłumaczeniem) z rękopisów po 130 latach teksty Sriezniewskiego *Zapiski o narzeczach śląskich* i *Pieśni ludowe Górnoszlązaków*; A. Nasz skomentował materiały etnograficzne, a S. Rospond dialektologiczne.

⁷ Przypomina to Mrongowiusza, który nie zdecydował się sam opublikować swoich materiałów lub polemizować, np. z Prejsem. Część i tylko ukazała się w sprawozdaniach Tow. Dziejów i Starożytności Pomorskich w Szczecinie. Czy powodami ich nieopublikowania być mogły: 1. Szczerpłość i niepewność samych materiałów, które włączał do swoich drukowanych słowników (Popowska-Taborska, Boryś 1996, 15–17); 2. Wpływ wyżej wymienionego Towarzystwa i weryfikacja A. Bryłowskiego; 3. Uwikłanie badań kaszubskich w politykę; 5. Nie zdażył przed Prejsem? Notabene, Sriezniewski miał żal do Mrongowiusza, że tak mało dla Kaszub zrobił, z czego usprawiedliwił go Ceynowa (Franczew 1912, 55).

LITERATURA

- Anton 1783–1789 — K. G. Anton. *Erste Linien eines Versuches über der alten Slaven Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse. I–II*. Leipzig, 1783–1789; reprint: Bautzen, 1976.
- Breza 1974 — E. Breza. *Leksykografia kaszubska (historia, osiągnięcia, potrzeby)*. Komunikaty Instytutu Bałtyckiego, Gdańsk, 1974, t. 21, 63–88.

- Bukowski 1950 — A. Bukowski. *Regionalizm kaszubski. Ruch naukowy, literacki i kulturalny. (Prace Instytutu Zachodniego, № 15)*. Poznań, 1950.
- Ceynowa 1850 — F. Ceynowa. *Wuwogj nad móvą kaszebską*. [F. Ceynowa]. Trze rozprawy przez Śtanjislawa <...>. Kraków, 1850, 38–64.
- Sej[e]nova 1852 — F. S. W. Sej[e]nova. *Образцы кашебскаго нарѣчя. Памятники и образцы народного языка и словесности*. С.-Петербург, 1852, тетрадь I, листъ VI, стлб. 93–112.
- Ceynowa 1998 — F. Ceynowa. *Kurze Betrachtungen über die Kasubische Sprache als Entwurf zur Grammatik*. Hrsg., eingeleitet und kommentiert von A. D. Duličenko und W. Leheldt. (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Dritte Folge. Nr. 229). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1998.
- Ceynowa 2001 — F. Ceynowa. *Móje spóstrzeženjo prze przezeranju wuwog Ismaela Sreznjevskjeho nad móvą kaszebską*. Oprac. J. Treder. Słownik Floriana Ceynowy. (Biblioteka Kaszubska). Wejherowo, 2001, 61–106; toż wyd. Francew 1912.
- Francew 1912 — W. A. Francew. *Fl. Cenowa i prof. Izmael Srezniewski. (Przyczynek do historii stosunków naukowych kaszubsko-rosyjskich)*. Gryf, rok IV, Gdańsk, 1912, № 4, 81–93; № 5, 118–124; № 6, 157–166.
- Hilferding 1989 — A. F. Hilferding. *Resztki Słowian na południowym wybrzeżu Morza Bałtyckiego*. Gdańsk, 1989; oryginał: Гильфердинг 1862.
- Hinze 1965 — F. Hinze. *Karl Gottlob von Antons kaschubische Studien. (Zu den Anfängen der kaschubischen Lexikographie)*. Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, Warszawa, 1965, t. 5, 297–305.
- [Karnowski] 1921–1922 — J. Karnowski. *Dr Florian Ceynowa*. Gryf, rok V, Kartuzy, 1921, № 2, 56–62; № 3, 65–84; № 4, 103–118; rok VI, 1922, № 1, 9–20; № 2, 44–56.
- Karnowski 1997 — J. Karnowski. *Dr Florian Ceynowa. Opracował i postawiem oparzył J. Treder*. Gdańsk, 1997.
- Lewaszkiwicz 1987 — T. Lewaszkiwicz. *Słowiańskie zagadnienia porównawcze w twórczości naukowej K. G. Antona (1751–1818)*. Prekursorzy słowiańskiego językoznawstwa porównawczego (do końca XVIII w.). Wrocław, 1987, 296–303.
- Popowska-Taborska 1993 — H. Popowska-Taborska. *Dzieje kolejnych wydań kaszubskiego słowniczka P. I. Prejsa*. Slavia occidentalis, Poznań, 1993, t. L, 131–138.
- Popowska-Taborska 1993a — H. Popowska-Taborska. *Głos językoznawcy w obronie Aleksandra Hilferdinga*. Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, Warszawa, 1965, 1993, t. 31, 255–265.
- Popowska-Taborska 1994 — H. Popowska-Taborska. *Słownictwo kaszubskie w osiemnastowiecznych porównawczych słownikach Europy i Azji*. Rocznik slawistyczny, Kraków, 1994, t. XLIX, z. 1, 41–46.
- Popowska-Taborska 1998 — H. Popowska-Taborska. *Raz jeszcze o materiałach kaszubskich w «Słownikach porównawczych języków i narzeczy Europy i Azji»*. Rocznik Gdański, 1998, t. LVIII/1, 163–171.
- Popowska-Taborska 1998a — H. Popowska-Taborska. *Oryginalna wersja «kaszubskiego słowniczka» Karla Gottloba Antona*. Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, Warszawa, 1998, t. 34, 145–156.

- Popowska-Taborska 2001 — H. Popowska-Taborska. *Rosyjsko-kaszubski słownik Floriana Ceynowy widziany oczyma językoznawcy. Słownik Floriana Ceynowy.* (Biblioteka Kaszubska). Wejherowo, 2001, 131–166.
- Popowska-Taborska, Boryś 1996 — H. Popowska-Taborska, W. Boryś. *Leksyka kaszubska na tle słowiańskim.* Warszawa, 1996.
- Prejs 1840 — *Raport P. Preussa, b. profesora gimnazjum dorpackiego, nadesłany z Berlina pod dniem 20 czerwca 1840 roku JW Ministrowi Oświecenia Narodowego Uwarów z Dziennika Ministerjum Ośw. w Petersburgu.* Magazyn powszechny użytecznych wiadomości. R. VII, 1840, zes. IX, 201–211.
- Prejs 1843 — *O narzeczku kaszubskim z raportu p. Preissa do Ministra Oświecenia Publicznego w Rossyi. Z Berlina 20. czerwca 1840 r. przesłanego.* (Tłum. z rosyjskiego). Orędownik naukowy, Poznań, 1843, nr 26–27, 203–205, 209–213.
- Prejs 1850 — *O języku kaszubskim.* [F. Ceynowa]. Kile słów wó Kaszebach e jich zemi przez Wójkasena. Tudzież Rzecz o języku kaszubskim ze zdania sprawy Prajsa. Kraków, 1850, 20–36.
- Ramułt 1900 — S. Ramułt. *Kilka słów o Słowieńcach pomorskich.* Lud, 1900, VI, 81–95.
- Smoczyński 1956 — P. Smoczyński. *Stosunek dzisiejszego dialektu Sławoszy-na do języka Ceynowy.* Konferencja Pomorska (1954). Prace językoznawcze. Warszawa, 1956, 49–86.
- Szultka 1991–1993 — Z. Szultka. *Nowe spojrzenie na kaszubskie badania K. C. Mrongowiusza.* Slavia occidentalis, Poznań, cz. I, 1991/1992, t. 48/49, 213–240; cz. II, 1993, t. 50, 153–191.
- Szultka 1993 — Z. Szultka. *Postówie historyka do nowego wydania «Resztek Słowian na południowym wybrzeżu morza Bałtyckiego» Aleksandra Hilferdinga.* Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, Warszawa, 1993, t. 31, 231–254.
- Treder 1992 — J. Treder. *Niektóre cechy kaszubszczyzny tzw. zrzeszeńców.* Problem statusu językowego kaszubszczyzny. Gdańsk, 1992, 65–79.
- Treder 1993 — J. Treder. *Hilferding nadal wiarygodny.* Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, Warszawa, 1993, t. 31, 268–292.
- Treder 1995 — J. Treder. *O Ceynowie na marginesie dawnych i najnowszych prac.* Rocznik Gdański, 1995, t. LV/2, 21–78.
- Treder 2000 — J. Treder. *Mrongowiusz jako kaszubolog.* W dwusetną rocznicę zamieszkania w Gdańsku. Gdańskie studia językoznawcze, 2000, VII, 165–236.
- Treder 2001 — J. Treder. *Kontakty naukowe Floriana Ceynowy z Rosjanami.* Słownik Floriana Ceynowy. (Biblioteka Kaszubska). Wejherowo, 2001, 11–25.
- Zwoliński 1982 — P. Zwoliński. *Zastugi Izmaila Sriezniewskiego dla językoznawstwa polskiego.* Práce z dějin slavistiky, Praha, 1982, 6, 23–32.
- Булахов 1976 — М. Г. Булахов. *Восточнославянские языковеды. Библиографический словарь. Т. I.* Минск, 1976.
- Гильфердинг 1862 — А. Гильфердинг. *Остатки Славянь на южномъ берегу Балтійскаго моря.* С.-Петербург, 1862.

- Дуличенко 1997 — А. Д. Дуличенко. *И. И. Срезневский. Замечания о наречии кашебском. Публикация, вступительная статья и примечания А. Д. Дуличенко.* Известия Российской Академии наук, серия литературы и языка, т. 56, Москва, 1997, № 1, январь — февраль, 52–60.
- Дуличенко 1988 — А. Д. Дуличенко. *Kashubiana в русской славистике XIX века.* Вестник Ленинградского государственного университета, серия 2. История, языковедение, литературоведение, 1988, вып. 1 (№ 2), январь, 76–79.
- Дуличенко 1998 — А. Д. Дуличенко. «Кашебский словарь» конца XVIII века из наследия К. Г. Антона (в копии И. И. Срезневского 1840 г.). Предисловие и публикация А. Д. Дуличенко. *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, Warszawa, 1998, 34, 129–144.
- Дуличенко 2001 — А. Д. Дуличенко. *Из архивных кашубологических находок в России: первая рукописная кашубская грамматика и другие документы XVIII–XIX вв.* *Badania kaszuboznawcze w XX wieku. Materiały pokonferencyjne pod red. J. Borzyszkowskiego i S. Obracht-Prondzińskiego.* Gdańsk, 2001, 237–250.
- Прейс 1840 — *Донесение П. Прейса, г. Министру Народнаго Просвѣщенія, изъ Берлина, отъ 20 Іюня 1840 года.* ЖМНП, С.-Петербург, 1840, ч. XXVIII, сентябрь, отд. IV, 1–24.
- Славяноведение 1979 — *Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь.* Москва, 1979.
- Францев 1912 — В. А. Францев. *Къ исторіи такъ называемаго кашубскаго возрожденія (Хр. Ц. Мронговіуś и Фл. Ценова въ ихъ сношеніяхъ съ русскими учеными).* Известія ОРЯС, С.-Петербург, 1912, т. XVII, кн. 3, 31–76.
- Цейнова 1861 — [Ф.] Цейнова. *Сборникъ основныхъ словъ кашубскаго нарѣчія. Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики.* С.-Петербург, т. V, стлб. 257–272.

**НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ
ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Е. ТРЕДЕРА
“PIOTR I. PREJS I IZMAEL I. SRIEZNIEWSKI A KASZUBY”**

Статья «Петр И. Прейс, Измаил И. Срезневский и кашубы» известного кашуболога, профессора Гданьского университета Ежи Тредера была представлена в качестве доклада на юбилейную конференцию «200 лет русско-славянской филологии в Тарту». Однако из-за того, что докладчик не смог приехать, текст по его просьбе был прореферирован нами и на одном из заседаний озвучен по-русски. Статья посвящена истории кашубологии и, в частности, роли русских ученых в изучении кашубского языка. В действительности содержание работы шире, чем ее название, так как автор затрагивает также и кашубологический вклад Ф. Цейновы, а также А. Ф. Гильфердинга. Поскольку в статье неоднократно затрагиваются наши публикации и теоретические взгляды по ряду фундаментальных кашубологических проблем и нередко при-

водится их дискуссионная оценка, считаем своим долгом внести некоторые разъяснения в обсуждаемые вопросы.

1) В 1994 г. в Архиве РАН в С.-Петербурге мы обнаружили рукопись первой кашубской грамматики, написанной кашубским будителем XIX в. Ф. Цейновой (хотя, правда, еще в начале XX в. эту рукопись смотрел В. А. Францев, однако, назвав ее статьей, он ничего не нашел в ней ценного). Рукопись, названная как «Kurze Betrachtungen über die kaubische Sprache als Entwurf zur Grammatik», была подготовлена нами совместно с профессором Геттингенского университета В. Лефельдом и издана в «Трудах Геттингенской АН» в 1998 г. (Сеунова 1998). Об этом в статье почему-то сказано так: «A. D. Duliczenko — inicjator i autor w pełni filologicznego wydania w 1998 r.» (с. 237). Т. е. не ясно, кем все-таки была обнаружена в архиве грамматика.

2) Здесь же (с. 238) автор статьи утверждает, что мы, якобы, ошибочно связали найденную грамматику с работой Цейновой «Wuvogj nad mówa kaszëbską» 1850 г. издания. В действительности мы связывали текст Санкт-Петербургской грамматики не с работой Цейновой 1850 г., но с опубликованным им в 1848 г. под псевдонимом «Ein Slawe» грамматическим фрагментом, содержащим парадигмы склонения местоимений 1 и 2 лица, а также возвратного, спряжения глагола в настоящем, будущем, перфекте и плюсквамперфекте и др. ([Сеунова] 1848, 75–78). Сравнение этого фрагмента с найденной в С.-Петербурге рукописью грамматики, проведенное нами в отдельной статье (Дуличенко 1996, 121–122) и во вступительной статье к геттингенскому изданию грамматики ([Дуличенко] 1998, 12–17), не оставляет сомнения в том, что речь идет о грамматическом сочинении, над которым Цейнова работал по крайней мере с конца 40-х гг. XIX в. Трудно понять, почему автор статьи не замечает этой аргументации.

3) Именно на основании такого сравнения мы и пришли к выводу о времени написания первой кашубской грамматики.

4) Автор статьи пишет также:

«Trudno zgodzić się z Duliczenką, iż petersburska wersja [gramatyki] ma w większym stopniu być opisem gwar kaszubskich niż gramatyka poznańska [Сеуновы 1879 г.]».

Однако ни в одной из наших работ не было и нет утверждения о том, что Санкт-Петербургская грамматика является в значительно большей степени описанием кашубских говоров, чем Познанская печатная грамматика Цейновой же 1879 г. Так, в нашей статье 1996 г. написано:

«В предисловии к ней [грамматике] Ф. Цейнова пишет буквально следующее: 'в уездах нейштадском [= Вейхеровском], картузском, берентском [= Косцежинском] и других кашубы составляют и теперь еще большинство населения. Поэтому я в своих наблюдениях над грамматикой кашубского языка буду преимущественно держаться того наречия, которым говорят в нейштадском, картузском и лауэнбургско-бютовском [= Лемборкско-Быговском] уездах (л. 3/об). Таким образом, Ф. Цейнова ориентировался на кашубские говоры, очерченные границами Вейхерово – Картузы – Лемборк – Быгув. <...> как

будитель он понимал важность учета более широкого ареала, что и отразилось как в его грамматических, так и неграмматических текстах» (Дуличенко 1996, 130); то же самое по-немецки см. в издании грамматики: *Сeynowa* 1998, 22.

Речь, таким образом, идет о каком-то досадном недоразумении.

5) Что касается эксперимента П. Смочиньского, проведенного им в 50-е гг. XX в. по сравнению языка текстов Цейновы и живого говора его родного села Славошино спустя 70–80 лет, то этот диалектолог действительно считал, что тексты Цейновы базируются на славошинском говоре, ср.:

«<...> podstawą nie tylko jego literackiego języka, ale także studiów językoznawczych jest wyłącznie jego gwara rodzinna» (Smoczyński 1954, 244).

В действительности, как показывает фрагмент, приведенный в пункте 4), Цейнова, создавая не диалектное описание, а нормативную грамматику кашубского литературного языка, опирался на более широкий ареал, чем только его родной говор. Это было ошибкой исследователя, пришедшего к заключению о том, что славошинский говор 50-х гг. XX в. фонетически сильно изменился за прошедшие со времени Цейновы 70–80 лет (см.: Smoczyński 1956, 49–86).

6) В одном месте статьи автор как бы напоминает нам, что Я. Карновский еще в 20-е гг. XX в., обнаружив в Щецине фрагмент кашубской грамматики Цейновы, написал, что она сильно отличается от печатной познанской грамматики Цейновы 1879 г. (*Sęnowa* 1879) — см.: *Karnowski* 1921–1922; переизд. см.: *Karnowski* 1997, 68–69. Как окажется, фрагмент, с которым познакомился Карновский, — одна из копий найденной нами грамматики. Между тем в геттингенском издании грамматики мы как раз и пишем:

«Nach Meinung von Karnowski handelte es sich hierbei um eine von *Сeynowa* erarbeitete kaschubische Grammatik, deren Text sich in bedeutendem Maße von der 1879 veröffentlichten Grammatik unterschied» ([Duličenko] 1998, 7).

Более того, мы не ограничились лишь констатацией различий между двумя грамматиками, но провели их детальное сравнение — этого требовала научная аргументация, заключающаяся в том, чтобы доказать, что речь идет о двух разных сочинениях. Правда, сам пишущий эти строки провел лишь краткое сравнение двух лингвистических текстов (Дуличенко 1996, 123–129); более детальное сопоставление принадлежит В. Лефельдту — см. его статью к геттингенскому изданию грамматики: *Lehfeldt* 1998, 85–110.

Из-за ограниченности жанра замечаний у нас нет возможности коснуться и некоторых других дискуссионных вопросов. Оставим это для какого-либо иного случая. Вызывает только некоторое удивление, что найденная и опубликованная нами первая кашубская грамматика Цейновы так и не получила, насколько нам известно, цельной оценки в современной полонистике и в польской кашубологии в частности (обычно она упоминается в сносках мелким шрифтом, как бы мимохо-

дом), в то время как мировая славистика и кашубология давно откликнулись на это событие, см., напр.: Hinze 2000, 460–465; Comtet 2001, 254–257; Schmidt 2001, 120–123.

ЛИТЕРАТУРА

- Дуличенко 1996 — А. Д. Дуличенко. *Рукопись первой кашубской грамматики Флориана Цейновы*. Rocznik gdański, t. LVI, 1996, zes. 1, 117–133.
- Cěnova 1879 — F. Cěnova. *Zarés do Grammatikj Kašébsko-słovjnskjè Mòvél Entwurf zur Grammatik der kassubisch-slovinischen Sprache*. W Poznaniu, 1879, 96 s.
- [Ceynowa] 1848 — [F. Ceynowa]. *Ein Slawe. Ein Beitrag zur Kenntniss der kaschubischen Sprache*. Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft, [VI Jg.], Leipzig, 1848, N 7, 75–78.
- Ceynowa 1998 — F. Ceynowa. *Kurze Betrachtungen über die kasubische Sprache als Entwurf zur Grammatik*. (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Dritte Folge. Nr. 229). Hrsgb., eingeleitet und kommentiert von A. D. Duličenko und W. Lehfeldt. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1998, XI, 151 s.
- Comtet 2001 — R. Comtet. *Rec.: Florian Ceynowa <...>*. Revue des études slaves, t. LXXIII, Paris, 2001, fasc. 1, 254–257.
- [Duličenko] 1998 — [A. D. Duličenko]. *Florian Ceynowa und seine Grammatik der kaschubischen Sprache aus der Mitte des 19. Jhdts*. F. Ceynowa. *Kurze Betrachtungen <...>*, 1–25.
- Hinze 2000 — F. Hinze. *Rec.: Ceynowa, Florian <...>*. Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. 59, Heidelberg, 2001, H. 2, 460–465.
- Karnowski 1921–1922 — J. Karnowski. *Dr Florian Ceynowa*. Gryf, rok V, Kartuzy, 1921, N 2, 56–62; N 3, 65–84; N 4, 103–118; rok VI, 1922, N 1, 9–20; N 2, 44–56.
- Karnowski 1997 — J. Karnowski. *Dr Florian Ceynowa. Opracował i posłowiem oparzył J. Treder*. Gdańsk, 1997.
- Lehfeldt 1998 — W. Lehfeldt. *Vergleich der Sankt-Petersburger und der Posener Grammatik von 1879*. F. Ceynowa. *Kurze Betrachtungen <...>*, 85–110.
- Schmidt 2001 — K. H. Schmidt. *Rec.: Florian Ceynowa <...>*. Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, Bd. LXVIII, Stuttgart, 2001, H. 1, 120–123.
- Smoczyński 1954 — P. Smoczyński. *Zmiany językowe w rodzinnej wsi Cenowy*. Język polski, Warszawa, 1954, XXXIV, 242–249.
- Smoczyński 1956 — P. Smoczyński. *Stosunek dzisiejszego dialektu Sławoszy-na do języka Cenowy*. Konferencja Pomorska (1954). Prace językoznawcze. Warszawa, 1956, 49–86.

A. Д. Дуличенко

Людмила Александровна Рябова
Tartu

В. Н. ПОЛЕВОЙ: ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ОПЫТОВ СОЗДАНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ*

История славянского языкознания – сравнительно-историческое изучение славянских языков – сравнительная грамматика В. Н. Полевого

В 1851 г. в Дерпте выходит сочинение В. Н. Полевого под названием «Опыт сравнительной грамматики словенскихъ языковъ» (Полевой 1851). Труд Полевого появляется в середине XIX в. — в то время, когда в языкознании окончательно начинается утверждаться сравнительно-исторический метод. Однако несмотря на то, что сравнительное изучение индоевропейских языков, начатое Ф. Боппом, было огромным шагом вперед, новый метод исследования медленно и с большим трудом пробивает себе дорогу в науке. В связи с этим Ф. И. Буслаев писал:

«<...> дело нисколько не двинулось вперед; <...> приемы остались те же и при том же отсутствии всех учебных пособий, все дело решалось тем же остроумным сближением слов, для которого надежным основанием полагалось внешнее созвучие. Между тем, высокое значение таких сравнительных изысканий, каковы исследования Потта и Сравнительная грамматика Боппа, было признано весьма немногими, потому что добросовестное изучение подобных книг требует значительных усилий» (Буслаев 1852, 21).

В России возможности и преимущества нового метода исследования наглядно показывают открытия А. Х. Востокова. Тем не менее проходят многие годы, прежде чем новые идеи в изучении русского и славянских языков получают широкое применение. Такое положение, как отмечает С. В. Смирнов, может объясняться, с одной стороны, «малочисленностью в то время научных сил, причем не все языковеды были готовы к восприятию сравнительно-исторического метода», с другой — тем,

* Пользуемся случаем выразить благодарность проф. А. Д. Дуличенко, обратившему наше внимание на забытую работу В. Н. Полевого и консультировавшему нас в процессе работы.

что лучшие ученые увлекались описанием и изданием письменных памятников и этому отдавали все свое время и силы. Еще одной немаловажной причиной явилась необходимость составления новых руководств для гимназий после изъятия из учебных планов философской грамматики (Смирнов 1993, 41).

Первые опыты сравнительного изучения русского языка относятся к началу 40-х гг. В 1841–1842 гг. Г. П. Павский издает «Филологические наблюдения над составом русского языка» (Павский 1841–1842; 2-е издание вышло в 1850 г.). Выход этой книги был встречен с большим воодушевлением — ведь это был первый опыт освещения русского языка с позиций сравнительного языкознания. Однако время позволило дать более объективную оценку этому сочинению. Буслаев верно оценил «Филологические наблюдения» как переходное явление от теорий А. С. Шишкова к В. Гумбольдту, Ф. Боппу, Я. Гримму (Смирнов 1993, 45).

Решительный поворот в сторону исторического изучения русского языка начинается с появления работы И. И. Срезневского «Мысли об истории русского языка» (Срезневский 1849), которые:

«заложили основы исторического изучения русского языка, впервые осветили основные этапы его развития, явились образцом сравнительно-исторического изучения славянских языков и представили своего рода программу будущих исследований» (Смирнов 1993, 47).

Книга получила высокую оценку многих видных ученых того времени. К середине XIX в. были изданы и описаны многие древние памятники, установлены основные соответствия звуков и грамматических форм русского и славянских языков; появляется и ряд специальных исследований по истории звукового состава и грамматического строя. С утверждением нового научного метода естественным образом возникает вопрос о необходимости сравнительной грамматики славянских языков. Одним из первых к созданию такой грамматики подходит Полевой. В этой связи любопытно отметить, что одновременно над сравнительной грамматикой работает Ф. Миклошич — его фундаментальный труд по сравнительно-исторической фонетике выходит годом позже (Miklosich 1852). Сам Полевой, объясняя необходимость создания сравнительной грамматики славянских языков, пишет:

«необходимо все донныне известные Словенские наречия взаимно сравнить в их целости и частностях, а заключения представить в связанной картине — *сравнительной Словенской грамматике*. Если подобная книга, предшествуя *сравнительному словарю Словенских языков*, впоследствии, вместе с ним, соделается предметом ученых изысканий, тогда одно наречие пояснится и дополнится другим, богатство

каждого из них представится в настоящем своем блеске, независимо от влияния чужестранного, и тогда только Словенской филологии возможно будет вывести заключения о *первобытном*, некогда всем Словенам *общем языке*» (Полевой 1851, 1).

Однако прежде чем непосредственно перейти к рассмотрению работы, скажем несколько слов о личности самого автора. Необходимо сразу отметить, что известно о нем достаточно мало. Личное дело В. Н. Полевого хранится в Эстонском Историческом архиве = ЭИА, ф. 405 (Dorpaten Gümnasium), оп. 1, ед. хр. 4156; а также ф. 402 (Tartu Ülikool), оп. 2, ед. хр. 19188. Владимир Николаевич Полевой (1824–1863) родился в Москве. О его детских и гимназических годах никаких сведений не сохранилось. В 1843 г. он поступает на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, затем переводится в Дерпт. В 1849 г. получает звание *кандидата дипломатических наук*:

«При сем испытании оказал следующие успехи в науках и языках, именно: во всеобщей Истории, всеобщей Географии и истории России хорошие, в Русском языке очень хорошие познания и в бытность в университете вел себя беспорочно» (ЭИА, ф. 405, оп. 1, ед. хр. 4156, лл. 14–15).

На основе своего прошения Полевой был определен младшим учителем русского языка при дополнительных классах Дерптской гимназии, где в общей сложности проработал 5 лет. В 1855 г. Полевой защищает диссертацию «*Das Heimfallsrecht vom völkerrechtlichen Standpunkte*» (сейчас диссертация находится в Научной библиотеке Тартуского университета) и получает степень *Magistri Diplomatae*. В этом же году он переводится в С.-Петербург, продолжая там свою преподавательскую работу сначала в Ларинской гимназии, Petri-Schule, а затем и в сиротском приюте в Гатчине. Таким образом, автор грамматики — это молодой (ко времени издания «Опыта» Полевому было только 27 лет) учитель Дерптской гимназии, недавно окончивший университет.

Свою книгу автор начинает с утверждения, что языки «в своих стихиях и видах» обнаруживают общее происхождение. Только одни «далеко отстоят друг от друга», другие имеют сходство, близкое, родственное. Таковы языки славянские.

«Стараясь пояснить некоторые особенности в грамматических формах родного мне языка, я обратился к Словенским наречиям, и для большей успешности изучал их сравнительно. Сие последнее обстоятельство и тем более слова г-на Шевырева: 'Сравнительная грамматика и такой же Словарь Словенских наречий, принадлежат к числу первых необходимых трудов, вызываемых потребностью современною' — побудили меня заняться составлением 'Краткой Сравнительной Грамматики'. <...> Несовершенство моего труда пусть извинят новизною самого дела» (Полевой 1851, 1).

Следует сразу уточнить, что в действительности перед читателем предстает лишь фрагмент задуманной грамматики: «здесь осмелюсь представить отрывок моего ‘Опыта’: отдел имен существительных». Анализ проводится на материале четырех славянских языков — старославянском, русском, чешском и польском. При этом в качестве основы сравнения, как «корня всей словенской письменности», принимается язык старославянский, далее стоит язык «великороссийский», как

«самый близкий к нему [старославянскому] по духу, оборотам речи, лексикологии; как такой, в котором первый [старославянский] составляет еще доселе живую стихию, исторически и внутренне с ним слитую неразрывным, существенным образом» (там же, с. 2);

затем следуют языки чешский и польский, «удержавшие, особенно Чешский, многие старинные грамматические формы».

Тематически работу можно поделить на две части. Первая представляет собой сравнительный анализ фонетики и графики рассматриваемых языков, вторая касается непосредственно имени существительного (подробно рассматриваются категория рода и система склонения). При этом, что касается раздела, посвященного анализу фонетики, то он является скорее лишь дополнением для освещения «общего состав Словенских имен существительных». Полевой прежде всего пытается показать, как читается та или иная буква. Интересно в этой связи, что каждую букву исходных языков он приводит в сравнении между собой, а также со звуками некоторых европейских языков, выводя, таким образом, общее соответствие. В качестве примера приведем фрагмент таблицы «Взаимного сравнения букв и их произношения», предлагаемой автором (с. 4):

ц.-сл.*	рус.	чешск.	польск.	греч.	соответствующие звуки разных языков
А а азъ	А а	А а	А а	Α	Lat. a
Б б буки	Б б	В в	В в	—	„ b
В в вѣди	В в	В в	W w	В	„ v
Г г глаголь	Г г	Г г	G g	Γ	„ g
Д д добро	Д д	Д д	D d	Δ	„ d
Е е есть	Е е	Е е	E é	Ε	„ e
Ж ж живѣте	Ж ж	Ж ж	Z' z' (Rz, rz)	—	frzf. j (jeune)
С с зѣло	—	—	—	ζ	„ z
З з земля	З з	З з	Z z	ζ	„ z (zèle)

* за неимением церковнославянского шрифта, здесь всюду поставлен русский курсив. — Прим. Полевого.

Автор выделяет гласные, согласные и полугласные (в число последних попадают *û/j* и *ь, ъ*, при этом «полугласные буквы суть

ничто иное, как придыхания»). В этой связи следует отметить, что Полевой не всегда разграничивает звук и букву. Так, напр., появляется «согласование букв», когда речь идет о сочетании звуков, или же говорится о «разделении букв на гласные». Любопытно также, что польские носовые автором рассматриваются как дифтонги (или «двугласные»), а русскому языку приписываются такие «дифтонги» (ед. ч. у Полевого — *дифтонга*) как *ай, ей, ий, уй, ый, ьй, эй, юй, яй* (с. 8). Для гласных выделяется признак твердости/мягкости, напр., *а – я, о – ё, у – ю, ы – и*. Отдельно говорится о чередовании (или «превращении») согласных — приводятся типичные чередования для каждого из рассматриваемых языков: рус. *друг – дружище, катить – качу*; чеш. *noha – noze, ruka – ruce*; пол. *starzec – starcze* (зват. п.), *kościel – kotła* (род. п.) (с. 12–13). Очень ценно замечание о смысловоразличительной роли твердых и мягких согласных: рус. *кровь – кровъ, шесть – шестъ, дань – дань* (с. 10).

Основную же часть работы составляет разбор имени существительного. Подробно рассматривая категорию рода, Полевой пытается выделить общие, универсальные признаки этой категории на основе семантики существительного, т. е. «по значению», и по формальному показателю, т. е. «по окончанию» (с. 14–22). Далее он переходит к склонению:

«Особенное внимание при склонении Словенских существительных должно обращать 1) на то, какой предмет выражается склоняемым словом: одушевленный или неодушевленный и 2) на то, к какому окончанию принадлежит склоняемое слово: к твердому или мягкому?» (с. 22).

Затем автор представляет таблицу окончаний существительных мужского рода, горизонтально располагая в ней данные церковнославянского, русского, чешского и польского языков, при этом подаются и варианты флексии, напр., дат. п. в чеш. *-owī (-u)*, пол. *-owī (-u)* и под. После этого следуют парадигмы четырех языков, имеющие «окончание твердое» и «окончание мягкое». Аналогично представлено склонение существительных женского и среднего родов. Полевой говорит также о «словах среднего рода с наращением слога при склонении» (с. 30), особенно характерного, по его мнению, для церковнославянского языка (*слово – словесе* и под.). Замечание автора о том, что «в Чешском нет слов на *мя*» (с. 30), не соответствует действительности: в чешском до сих пор живы слова на *-mě*: *břímě, plémě, vůně* (Trávníček 1951, 520). Парадигмами с наращением и завершается морфологическая часть работы Полевого. В заключении автор говорит о неполноте своего изложения, так как он пока оставляет в стороне существительные общего рода, *pluralia tantum*, а также все те отклонения от регулярных парадигм, ко-

торые характеризуют рассматриваемые им славянские языки. Кратко подводя итоги вышесказанного, Полевой замечает:

«Все это сделано не без цели: настоящий отрывок в кратком очерке показывает семейное сходство и неразрывную связь между языками Словенскими, но уже и теперь, взирая на трудность предприятия, невольно уподобляю себя путнику, который, желая обозреть страну для него неизвестную, взбирается на гору: и точно! Горизонт делается обширнее? Странник усматривает предметы дотоле им не виденные? Но чем выше поднимается он, тем более взор его теряется в беспредельности» (Полевой 1851, 32).

Очевидно, что автор понимает всю трудность, сопряженную с созданием подобной сравнительной грамматики, однако несмотря на это собирается работать над продолжением. Последним обстоятельством может служить объяснение самого автора:

«Я не вдавался ни в какие этимологические изыскания только по тому, чтобы представить их при изложении других частей речи. Все это в будущем» (с. 32).

Последнее заявление, таким образом, разъясняет, что автор не прибегал к историческому аспекту морфологии. По существу Полевой применяет т. н. «параллельный метод» представления морфологических особенностей четырех языков, и лишь наличие церковнославянского языка в известной мере связывает его сочинение с историческим аспектом, но все это ограничивается уровнем констатации.

На следующий год после выхода грамматики в печати появляются сразу два отзыва на нее. Автором первого, опубликованного в «Известиях ОРЯС», был И. И. Срезневский (Срезневский 1852, стлб. 57–70). В рецензии Срезневский преднамеренно не делает подробного разбора сочинения Полевого, оставляя полный анализ этой грамматики до выхода ее в полном объеме: «считаем излишним, до выхода целого сочинения, входить в подробности суждения о нем» (с. 68). При этом редактор «Известий» высказывает свое мнение на предмет и предлагает обзор уже существующих трудов по сравнительной грамматике, замечая здесь же о сочинении Полевого:

«<...> будучи составляемо, повидимому, с целью практической, [оно] ограничивается в кругу важнейших фактов о четырех избранных наречиях и не входит ни в объяснение одного наречия другим, ни в общие объяснения характера Славянского языка со стороны его разнообразного проявления в наречиях. <...> Выразим еще желание, чтобы автор, для более успешного продолжения своего труда, мог пользоваться большим запасом пособий, достойных нашего времени» (Срезневский 1852, стлб. 67–68).

В свою очередь, другой рецензент, Т. И. Филипов не скрывает, что сочинения Полевого в руках не держал, однако, несмотря на

это, весьма смело дает такую оценку:

«Ясно, что для труда, с которым является г-н Полевой на суд ученого мира, не собрано пятой доли пригласительных сведений, а без этого выводы ученого, как он ни будь остроумен, не могут иметь твердой опоры. <...> не имел в руках сочинения г-на Полевого, но понимая требования науки, мы в полном праве сказать, что оно преждевременно. И тем неприятнее нам покажется это явление, чем более найдем мы (если только найдем) в авторе филологических способностей, которые могли бы быть употреблены с пользою на другом пути, более скромном и может быть утомительном, зато прочном» (Филипов 1852, 57).

Больше о сочинении Полевого, насколько нам известно, никто не писал. Отчасти это было связано также с тем, что ожидаемого продолжения не последовало и отрывок так, к сожалению, и остался отрывком. При этом причины, помешавшие Полевому продолжить работу над грамматикой, остаются нам неизвестными. Тем не менее появление этой грамматики в середине XIX в., когда сравнительно-историческое языкознание набирает темп, знаменательно.

Весьма примечательным обстоятельством является тот факт, что Полевой был далеко не единственным языковедом-славистом, работавшим учителем в Дерптской гимназии. Кроме него, назовем П. И. Прейса, а также приват-доцента А. А. Соколова. Таким образом, можно говорить уже об определенной научной традиции, культивировавшейся в Дерптской гимназии.

ЛИТЕРАТУРА

- Буслаев 1852 — Ф. И. Буслаев. Рец.: *Филологическіе наблюденія надъ составомъ русскаго языка Г. Павскаго*, изд. 2. С.-Петербургъ, 1850. Отечественные записки, С.-Петербург, 1852, т. LXXXI, отд. V, апр., 49–76; т. LXXXII, май, 21–48.
- Павский 1841–1842 — Г. П. Павскій. *Филологическіе наблюденія надъ составомъ русскаго языка протоиерея Г. Павскаго. Рассужденія 1–3*. С.-Петербург: тип. Имп. АН, 1841–1842.
- Полевой 1851 — В. Н. Полевой. *Опытъ сравнительной грамматики словенскихъ языковъ по четыремъ главнымъ нарѣчьямъ: церковно-словенскому, велико-россійскому, чешскому (богемскому) и польскому, составленный Учителемъ Русскаго языка при Дополнительныхъ классахъ Дерптской Гимназіи Владиміромъ Полевымъ. Имя существительное. Als Einladung zu den öffentlichen Prüfungen im Gouvernements-Gymnasium und in den übrigen öffentlichen Schulen zu Dorpat*. Dorpat: I. S. Schünmanns Wittve und S. Mattiesen, 1851, (2), 32 с.
- Срезневский 1849 — И. И. Срезневскій. *Мысли объ исторіи русскаго языка*. С.-Петербург, 1849.
- Срезневский 1852 — И. И. Срезневскій. *Труды по сравнительной грамматикѣ Славянскихъ нарѣчій*. Известия ОРЯС, С.-Петербург, 1852, т. I, вып. 2, стлб. 57–70.
- Смирнов 1993 — С. В. Смирнов. *Очерк истории славяноведения в России*.

Таллинн, 1993.

Филипов 1852 — Т. И. Филипов. *Критика и библиография*. Москвитянин. Москва, 1852, т. V, отд. V, № 18, 57–68.Miklosich 1852 — Fr. Miklosich. *Vergleichende Lautlehre der slavischen Sprachen*. Wien: Wilhelm Braumueller, 1852.Trávníček 1951 — F. Trávníček. *Mluvnice spisovné češtiny. Č. I*. Praha, 1951.

358 B. 162

О П Ы Т Ъ

СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ

СЛОВЕНСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ

ПО ЧЕТЫРЕМЪ ГЛАВНЫМЪ НАРѢЧІЯМЪ:

ЦЕРКОВНО-СЛОВЕНСКОМУ, ВЕЛИКО-РОССІЙСКОМУ,
ЧЕШСКОМУ (БОГЕМИСКОМУ) И ПОЛЬСКОМУ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

Учителемъ Русскаго языка при Дополнительныхъ классахъ Дерптской Гимназии

Владиміромъ Полевымъ.

Имя существительное.

Als Einladung

zu

den öffentlichen Prüfungen im Gouvernements-Gymnasium

und in den übrigen öffentlichen Schulen zu Dorpat.

Dorpat, 1851.

Verdruckt bei J. G. Schönmanns Witwe und C. Matzeien.

Людмила Васильевна Дуличенко
Тарту

**О ЗАБЫТЫХ СЛОВАХ И ЗНАЧЕНИЯХ
(НА МАТЕРИАЛЕ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ
ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В. И. ДАЛЯ)**

Антропологическая система – утрата компонентов антропологического значения – сравнение материала антропологем из словаря В. И. Даля и современных словарей – утрата значений как факт издержек при лексикографической обработке слов

В детективном телесериале, показанном в 2001 г. по одному из московских каналов, храбрая следователь, перевоплотившись в предстоящую жертву и встретив в условленной квартире своего будущего убийцу, в ответ на его интимные домогательства ‘обнюхивает’ героя и, назвав его *михрюткой*, отправляет сначала в ванную помыться. Из этого эпизода следует, что слово *михрютка* героиня телесериала использует в значении ‘неряха’, ‘грязнуля’ и под. Разумеется, это слово именно с таким значением было вложено в уста героини фильма составительницей детективного чтива А. Марининой. Между тем современные словари русского языка придают этому слову иное значение. Так, Малый академический словарь (МАС) трактует его, как ‘прост, пренебр. О невзрачном, тщедушном человеке’; то же самое в ‘Большом толковом словаре русского языка’ (МАС 1982, II, 278; БТС 2000, 546). Как видим, связи между словарным толкованием слова *михрютка* и значением, использованным в фильме, нет. Но даже если мы углубимся в ранние словарные фиксации слова *михрютка*, то и там не найдем необходимых семантических соответствий. Напр., в словаре В. И. Даля *михрютка* трактуется как областное нижегородско-семеновское слово со значением ‘домосед, бирюк, мистрюк, нелюдим’, в псковских и тверских говорах это слово выступало уже с иным значением — ‘неловкий, неуклюжий человек’. Из этого следует, что слово *михрютка* немногим более чем за столетие (1-е изд. вышло в 1866 г.; нами используется изд.: Даль 1989–1991). утратило свои локально маркированные значения. Но и новое антропоморфное значение, отраженное в МАСе и в дру-

гих словарях второй половины XX в., также может оказаться утраченным — возможно, из-за формально-фонетической ассоциации со словом *замухрышка*, как это случилось в упомянутом телесериале.

Этот интересный в лингвокультурологическом плане случай заставил нас заняться вопросом изменчивости антропоморфной семантики слова, для чего мы обратились к словарю Даля, сравнив его данные с данными современных словарей (см. выше).

В результате такого сравнения выявляются изменения различного плана — от наращения нового значения или отдельных его признаков до утраты таковых. Так, обнаруживается немало антропоморфных по существу со смещением антропоморфного значения. К ним, напр., относятся:

любовник, -ница: по Далю, это 'влюбленные друг в друга, чета любящая или состоящая в супружеских отношениях', ныне — 'мужчина по отношению к женщине, находящейся с ним во внебрачной связи'; в качестве устарелого сейчас выступает значение 'влюбленный человек, возлюбленный', но никак не 'чета, состоящая в супружеских отношениях';

кикимора: по Далю, 'укорит. домосед, нелюдим, неведимка, кто веч-но сидит за работою, особ. кто очень прилежно прядет', ныне 'бранно о неряшливой, неопрятной или сварливой женщине';

буквоед: 'шуточное прозвище педантных филологов' — 'неодобр. тот, кто обнаруживает склонность к буквоедству, формалист' (семантическая связь сохраняется, однако ныне значение не только 'филолог', но и вообще 'любой человек').

боевик: 'задорный драчун, охочий до бою, драки' — 'член вооруженного формирования, действующего в интересах каких-л. групп общества, политических группировок'; здесь напротив, характерное для одного человека противопоставлено уже группе.

баран: 'смирный, простоватый человек, которым помыкают' — в МАСе антропоморфное значение слова отсутствует, БТС приводит его в виде 'разг.-сниж. о глупом, упрямом человеке', ср. различие: 'смирный, простоватый', но 'глупый, упрямый'.

В ряде случаев семантическая связь так или иначе сохраняется, но различия в интерпретациях налицо, ср.:

байбак: по Далю, слово содержит три антропоморфных значения: 1) 'сонный, плотный, малорослый человек'; 2) 'неповоротливый, мешковатый человек, лентяй и соня'; 3) 'бездомок, бобыль; одинокий и холостой домосед' — современный словарь отражает всего лишь два синтезированных в одном определении признака (№ 2 и 3): 'разг. о ленивом или одиноком, не имеющем своей семьи человеке'; первое значение, таким образом, утрачено;

кащей, кощей: 1) 'изможденный, непомерный худобою человек, особенно старик, скряга, скупец, ростовщик, корпеющий над своею казною'; 2) 'стар. смерд, подлый раб' — ныне отражается только первое антропоморфное значение.

Значительно чаще обнаруживается несоответствие отдельных сем-признаков в определениях, даваемых Далем и не отражающихся в современных изданиях. Речь, таким образом, идет об утрате тех или иных признаков семантического образа, что можно квалифицировать как, напр., упрощение или обобщение. Проиллюстрируем это на таких примерах:

балбес: по Далю, это 'болван, повеса, рослый, неуклюжий невежа' — сейчас это 'рослый, бестолковый и неотесанный молодой человек (о подростке, юноше)'; также '*разг.-сниж.* о бестолковом человеке, бездельнике'; здесь утрачивается далевское 'повеса', но зато добавляется новое — 'бездельник', а также признак возраста ('молодой, о подростке, юноше');

мужлан: '*пек.* грубый, неотесанный мужик, неуклюжий парень' — '*разг. сниж.* грубый, невежественный человек'; здесь социальный ('мужик') и возрастные ('мужик — парень') параметры в современном определении обобщены в 'человек';

межеумок: 'среднего роста либо средственного ума, недоумок, полоумок' — '*разг.-сниж.* о недалеком и посредственном во всем человеке'; здесь обнаруживается утрата физического признака человека ('среднего роста');

молокосос: 'незрелый, по летам и суждениям, но самоуверенный человек' 'очень молодой, незрелый человек'; '*пренебр.* очень молодой, неопытный, не знающий жизни человек (обычно возрастом моложе, чем говорящий)'; утрачен весьма актуальный, по нашему мнению, признак 'самоуверенный';

бездельник: 'праздный шатун; промышляющий плутовством и мошенничеством; бессовестный плут' — '1. тот, кто бездельничает, ведет праздный образ жизни; 2. *обычно бран.* пустой и бессовестный человек'; утрачен признак 'промышляющий плутовством и мошенничеством';

болтун: 'враль, врун, пустобай, пустомеля, утомительный говорун или оглашающий тайны' — '*разг.* 1. тот, кто много болтает, пустослов; 2. тот кто не умеет хранить тайны (обычно о сплетнике)'; отпал признак 'враль, врун';

краснобай: 'говорун, рассказчик, шутник' — '*пренебр.* красноречивый, пустой говорун, любитель красивых фраз'; в современном толковании введен оценочный момент ('красноречивый, пустой, красивые фразы') и выпущен признак, связываемый со словом 'шутник'.

Создается впечатление, что составители современных словарей 'редактируют' антрополексические статьи своих предшественников (в нашем случае — Даля), иногда без достаточных оснований решая вопрос об актуальности или неактуальности того или иного вторичного значения. На это указывают также и случаи синтезированного представления семантики антрополексемы (в отличие от такового у Даля). Все это говорит о том, что при изучении современной антрополексической парадигмы следует регулярно заглядывать также и в старые словари.

Приведенный материал показывает, что антропоморфная семантика (как, впрочем, и любая другая семантика) претерпевает изменения, которые, могут проявляться по-разному — от полного забвения старого значения до потери отдельных, нередко значимых, семантических признаков.

Если обратиться к сравнению на уровне антропологического гнезда, когда слова объединены общим корневым компонентом, то обнаруживается картина, заслуживающая теоретического осмысления. Возьмем в качестве примера гнездо с корневым гол- (< голый) у Даля и сопоставим его с данными МАСа:

Словарь В. И. Даля		МАС	
антропологичесема	антропоморфное значение	наличие слова	антропоморфное значение
голь	нищета, бедность и самые бедняки, в знач. <i>собирают</i> .		1. <i>собр.</i> беднота
голяк	нагой; нужий или бедный нищий		<i>прост.</i> человек, ничего не имеющий; бедняк
голянка	то же	—	
голичник	рукавичник, работающий голицы [кожаные рукавицы по себе, без вареги]	—	
голуха/галуха	голая женщина	—	
голушка	то же	—	
голец	гольш или нагиш, бедняк, нищий	—	
голиха	то же	—	
гольш	голый, нагой человек, не одетый; бедняк, нищий		1. <i>разг.</i> голый ребенок, голый человек; 2. <i>устар.</i> неимущий человек, бедняк
гольшка	то же		то же, что гольш 1.
гольдьба/ голотьба	<i>собр.</i> голь, голянь, голяк, гольш, в знач. бедняк, нищий		<i>собр.</i> <i>прост.</i> беднота
годоба	то же	—	
гольтена	то же		то же, что гольгьба
головер	исповедующий головерие; протестант	—	
головерка	то же	—	
головерец	то же	—	

<i>головес</i>	повеса	—	
<i>головесина</i>	то же	—	
<i>голошат</i>	праздный шатун, бездельник	—	
<i>голомыс</i>	то же	—	
<i>голомага/ голошмыга</i>	то же	—	
<i>гологуз</i>	<i>непристойн.</i> у ко- го голый зад или короткая одежда, напр., куртка	—	
<i>голодер</i>	жестокий владе- лец, обирающий крестьян	—	
<i>голодомок</i>	<i>собр.</i> плохой хо- зяин, бедняк; ни- щета в доме	—	
<i>голокарман- ник</i>	гольщ, голяк, бедняк	—	
<i>голоколенник</i>	оборванец, голодранец	—	
<i>голоштанник</i>	то же	—	
<i>голомозгун</i>	пустой умствова- тель или лжемуд- рец	—	
<i>голомозгач</i>	то же	—	
<i>голомозговник</i>	то же	—	
<i>голопяточник</i>	тот, кто ходит в изодранной обуви	—	[голопятый, <i>прост.</i> с голыми пятками, босой]
<i>голопяточница</i>	то же	—	
<i>голосов</i>	бездоказательный спорщик	—	
<i>голохваст</i>	бахвал, хвастун, пускающий пыль в глаза	—	
<i>голошея</i>	у кого шея голая; кто не носит плат- ка на шею	—	[голошей, <i>разг.</i> с голой шейей, не- прикрытой одеж- дой шейей]
<i>голошейка</i>	то же	—	
<i>голошпан</i>	голоштанник, голохваст	—	
—		<i>голодранец</i>	<i>прост.</i> нищий, оборванец, бедняк
—		[<i>голоногий</i>]	<i>разг.</i> 1. с непри- крытыми, голыми ногами

Нетрудно заметить, что современный словарь доносит до нас «крохи» из этого гнезда: 37 далевских антрополексем и 6 единиц современного словаря. Налицо 6-кратная лексическая потеря и лишь одно приобретение после Даля — *голодранец*. Разумеется, часть лексических утрат следует объяснить субъективными причинами, т. е. подходом современного лексикографа, в поле зрения которого то или иное слово может не попасть. Однако только этим объяснить такое внушительное сокращение лексического гнезда нельзя — есть и причины объективного характера: некоторые единицы устарели, а иные дублируют друг друга за счет различного суффиксального оформления.

Но вот возникает вопрос: значит ли это, что непопавшие в современный словарь антрополексемы не нужны носителю языка? На наш взгляд, в приведенном случае далеко не все является «лексическим балластом»: многие слова совершенно четки по своей внутренней форме, т. е. их значения легко «прочитываются» и в силу этого могут еще сослужить полезную службу. Уменьшение или ослабление синонимических связей внутри микросистемы ведет к упрощению структуры гнезда и ослаблению того семантического антропоморфного пространства, которое во времена Даля могло считаться достаточно объемным. Мы уже не знаем, кто такой *голичник* или *головер*. А ведь за этими антрополексемами стоят фрагменты мира, связанные с бытом и занятиями русского народа и с его представлениями о вере в высшую силу! А возьмем слово *бедняк*: разные стороны бедности были детально отмечены народом и запечатлены в его языке. Совершенно исчезают образования, напр., с суффиксоидом *-щан*, ср.: *голощан* 'голоштанник, голохваст'; *губощан* 'человек с малыми, резкими, сжатыми губами; человек скрытый, хитрый'; *верхощан* 'верхогляд, ветренный; человек, который судит не осмысляя, самоуверенный'.

Побледнели ли наши представления о людях, обозначения которых сформированы корневым элементом *гол-* и соответствующими суффиксами? Можно почти с уверенностью сказать, что да. Пример показывает, как важно не торопиться с пометами типа «устарелое», которыми пестрят современные словари.

ЛИТЕРАТУРА

- Даль 1989–1991 — В. И. Даль. *Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV*. Москва: Русский язык, 1989–1991.
- МАС 1982 — *Словарь русского языка. Т. I–IV. Изд. 2-е, испр. и доп.* Москва: Русский язык, 1981–1984.
- БТС 2000 — *Большой толковый словарь русского языка. С.-Петербург: Норинг, 2000.*

Искра Васильевна Чуркина
Москва

А. С. БУДИЛОВИЧ

А. С. Будилович – путешествие по славянским землям – мировоззрение – Дерптский университет – русификация

Антон Семенович Будилович родился 24 мая 1846 г. в селе Комотове Гродненской губернии в семье униатского священника. Сначала, думая пойти по стопам отца, он учился в литовской духовной семинарии, но в 1864 г. резко изменил свою судьбу, поступив на историко-филологический факультет Петербургского университета. Блестящая учеба стала основанием для оставления Будиловича в университете, где с октября 1868 г. по октябрь 1870 г. его готовили к званию профессора славянской филологии два крупнейших российских слависта И. И. Срезневский и В. И. Ламанский. Магистерская диссертация молодого ученого, посвященная списку XI в. Григория Богослова, была им написана под влиянием Срезневского. Будилович успешно ее защитил в 1871 г. Одновременно он занимался и педагогической деятельностью: с осени 1869 г. он являлся преподавателем славянских наречий в Петербургской Духовной академии, а с 1871 г. — и в Петербургском Историко-филологическом институте. Согласно послужному списку Будиловича из Юрьевского университета, 11 сентября 1871 г. он был уволен с занимаемой должности в Духовной академии и Историко-филологическом институте по случаю заграничной командировки, которая продолжалась с 1 сентября 1872 г. по 24 сентября 1874 г. (Эстонский Исторический архив = ЭИА, ф. 402, д. 195, лл. 93/об, 98/об).

Эта командировка сыграла большую роль в формировании мировоззрения Будиловича. Он побывал в славянских землях Германии, Австро-Венгрии, Европейской Турции, Сербии, Черногории. В переписке с М. Ф. Раевским, священником церкви при русском посольстве в Вене, сохранились сведения о пребывании Будиловича в славянских землях Австро-Венгрии. С ним ученый был знаком еще до приезда в Вену. Раевский, человек энергичный и любознательный, находился в Габсбургской монархии с 1843 г., и общался со всеми видными деятелями славянских народов. Через него последние обращались за помощью к славянским комитетам, к русской православной церкви, к русским научным и общественным учреждениям, к отдельным русским благотворителям. И те посылали им через

Раевского деньги, книги, церковную утварь и пр. Будилович, находясь в Петербурге, вступил в Петербургский отдел Славянского комитета и вскоре стал в нем секретарем. В качестве такового он завязал сношения с венским священником. В первом письме Раевскому от 29 мая 1871 г. Будилович сообщал о получении Петербургским отделом Славянского комитета письма от хорвата Петра Томича из Вены с просьбой о назначении ему единовременного пособия в 60–70 руб. Будилович просил Раевского узнать о Томиче «и буде окажется возможным выдать ему пособие из сумм комитета». В следующем письме от 23 июня 1871 г. Будилович разрешал оказать помощь Томичу, а также благодарил Раевского за поздравления по поводу избрания его секретарем Петербургского отдела Славянского комитета.

«Если я когда-нибудь оправдаю сравнение меня с Н. А. Поповым (секретарем Московского славянского комитета. — И. Ч.), — отмечал Будилович, — то сочту это великой для себя честью, но не менее назидательным представляется мне пример и Вашей общественной деятельности, столь уже продолжительной и <... > столь постоянной».

В этом же письме Будилович выражал положительное отношение к съезду учителей в Загребе (Отдел письменных источников Государственного Исторического музея = ГИМ, ф. 347, д. 13, лл. 205–206/об). Но уже 28 июня 1871 г., т. е. буквально через несколько дней, Будилович, ознакомившись с брошюрой об этом съезде, присланной Раевским, решительно изменил о нем свое мнение.

«Он совсем не заслуживает того сочувственного к нему отношения со стороны русского общества, — писал Будилович, — какое выражено было как в Вашем письме к Славянскому комитету, так и в нашем на него ответе».

Будиловича возмутило, что распорядители известили Славянский комитет об учительском съезде только в июне, в то время как приглашение на съезд чешским, немецким, итальянским и прочим газетам были разсланы гораздо раньше. Будилович считал, что это было сделано намеренно с тем, чтобы съезд мог получить большие субсидии от венского и пештского правительств.

«Славянский комитет после этого, — заключал Будилович, — не желает навязываться г. г. хорватам с услугами, которых, как видно, они собственно и не желают» (Зарубежные славяне 1975, 80, 81).

Когда Раевский предложил Петербургскому отделу Славянского комитета вступить в члены славянских матиц и тем самым материально поддержать эти важные славянские просветительские общества, Будилович послал ему от имени отдела сначала 450, а затем еще 145 руб. для взноса в 9 славянских матиц.

«Все Ваши распоряжения по сему делу, — указывал Будилович в письме от 22 ноября 1871 г., — комитет признал вполне целесообразными и согласными с его собственными предположениями и желаниями» (Зарубежные славяне 1975, 81, 82).

Надо отметить, что Будилович заинтересовался деятельностью матиц еще до обращения Раевского с просьбой об оказании им помощи. В «Журнале Министерства народного просвещения» в 1869 г. была опубликована его статья «Славянские матицы и ученые дружества», сохраняющее определенное значение и в настоящее время.

Прибыв в Вену, Будилович прежде всего отправился к Раевскому. Тот снабдил его рекомендациями к славянским национальным деятелям. По-видимому, именно в доме Раевского произошла у Будиловича встреча с лидером венгерских русин Адольфом Ивановичем Добрянским, сыгравшая большую роль в его жизни.

«Начиная с того незабвенного дня, — вспоминал много лет спустя русский ученый, — когда я впервые встретил А. И. (Адольфа Ивановича. — И. Ч.) осенью 1872 г. в Вене с юною его дочерью Еленой, которая потом стала моею женою, воспоминания эти обнимают почти 30 лет, в течение которых я имел возможность не только видеться с А. И. ежегодно, но и находиться с ним в непрерывной дружественной и родственной переписке» (Будилович 1901, 1).

Взгляды Добрянского оказали решающее влияние на формирование мировоззрения Будиловича. Добрянский стоял за опору славян на Россию. Он был убежден, что существует единый русский народ, состоящий из великороссов, малороссов, белорусов и червонороссов, в число которых он включал русинуатов Галиции, Буковины, Закарпатья. Добрянский считал православие истинной религией славян. Вместе с тем он чтит униатскую церковь и, по словам Будиловича, был «искренним поборником ее специфических идей и стремлений». В униатстве он видел мост для перехода католиков в православие (Будилович 1901, 2–17).

Затем Будилович отправился в чешские земли.

«За это время, — сообщал он Раевскому из Праги 13/25 февраля 1873 г., — я успел кое-где побывать и кое-чему поучиться. Вооруженный Вашим именем и Вашими поклонами, я встречал всюду радушный прием и откровенную беседу как в Берне (Брно. — И. Ч.) и Оломоуце, так и в Праге, где я в настоящее время пребываю» (ГИМ, ф. 437, д. 13, л. 217).

В чешских землях Будилович пробыл довольно долго. Следующее его письмо Раевскому из Праги датируется 6 ноября/26 октября 1873 г. Но оно посвящено в основном русинским делам. Будилович выражал тревогу по поводу судьбы русинского

общества «Русская основа», созданного в 1868 г. при активном участии Раевского. Последний заботливо опекал его: нашел для него учителя русского языка, устраивал лекции по русской истории и искусству, добился помощи благотворителей. Но развитие среди членов «Русской основы» украинофильских тенденций охладило Раевского. Будиловича тревожили неурядицы в Обществе.

«Некоторые из членов 'Русской основы' в Вене, — писал он Раевскому, — просили меня переговорить с Вами насчет будущих отношений этого общества к нашим благотворителям <...> Думаю и надеюсь, что во всяком случае Вы найдете возможность, несмотря на печальные известия из Москвы, предохранить это общество от падения, так как роспуск и устройство этого общества принадлежит преимущественно Вам <...> Во всяком случае было бы очень прискорбно, если бы вольные и невольные ошибки или промахи одного лица (председателя) могли изменить установившиеся наши отношения к целому обществу».

Будилович просил дать Обществу 400–500 флоринов, если же у Раевского их нет, то он обещал похлопотать об этой сумме у И. П. Корнилова, являвшегося в то время председателем Петербургского отдела Славянского комитета (Зарубежные славяне 1975, 82, 83). Особый интерес Будиловича к русинам объяснялся, с одной стороны, тем, что он сам происходил из униатской семьи; а с другой стороны, имела значение и его встреча с Добрянским и его дочерью Еленой.

В феврале 1874 г. Будилович отправился в южнославянские земли Австро-Венгрии. После недельного пребывания в Загребе он отмечал в письме Раевскому от 4/16 февраля, что живет ему хорошо, что он познакомился с некоторыми хорватскими учеными, которые расспрашивали его о Раевском (ГИМ, ф. 223, д. 224). В следующем письме от 18/30 февраля Будилович называл этих ученых — хорватские историки Ф. Рачки и И. Кукулевич, и просил прислать Загребскому хорватскому театру драматические сочинения А. Н. Островского, А. К. Толстого, А. С. Грибоедова и др. Будилович сообщал о том, что хорватские артисты готовят постановку «Ревизора». Кроме того, он просил прислать русские учебники и книги русских классиков 16 болгарам, учившимся в загребских учебных заведениях.

«И между хорватами, — заключал свое письмо Будилович, — я замечаю теперь здесь очень дружелюбное отношение к русским, интерес к нашему языку и литературе».

Он предлагал Раевскому подумать об организации бесплатного обучения русскому языку в крупнейших славянских центрах — Загребе, Любляне, Праге, Белграде, Пеште и т. д. В письме из Любляны от 3/15 апреля 1874 г. Будилович просил своего корреспондента, чтобы он адресовал книги для хорватского театра

и болгар в Загребе на имя Ф. Рачкого, который в то время являлся президентом Югославянской Академии наук и искусств. В этом же письме Будилович делился своими впечатлениями о люблянских политиках.

«Печальный раздор и разлад царит в их среде, — писал он, — и причин его было бы ошибочно искать лишь на одной из двух сторон: старой или молодой. Мне только кажется, что последняя с каждым днем здесь усиливается и с тем вместе умнеет. Конечно, наше положение должно быть совершенно нейтральное» (Зарубежные славяне 1975, 84, 85).

В ноябре 1874 г. Будилович был уже в Петербурге. Здесь он произнес на заседании Славянского комитета речь, в которой рассказал о своих впечатлениях о славянских землях, в которых он побывал. Выступление Будиловича пересказал А. Н. Пыпин, молодой славист демократических убеждений. Пыпину понравилась трезвая оценка, которую Будилович дал славянскому движению. Последний отметил, что

«положение славянства западного и южного не только тяжело в настоящее время <...>, но и что в будущем его судьба чрезвычайно проблематична».

Продолжается процесс вытеснения и исчезновения славянства, особенно в Познани, Силезии, Старой Сербии, несколько медленнее — в Чехии, Моравии. Причины этого Будилович видел в особенностях территории славян, часто вдающихся в территории других племен, в честолюбии и хорошей организации соседей славян. Но главной причиной всех несчастий славян Будилович считал их раздробленность. Во-первых, политическая раздробленность: только один славянский народ, сербо-хорваты, разделен между пятью государствами (Австрия, Венгрия, Турция, Сербия, Черногория). Во-вторых, литературная раздробленность: славяне имеют 10 литературных языков. Для международных сношений, для торговли они пользуются чужими языками — немецким, итальянским, турецким. В-третьих, для славян характерна раздробленность общественная: их высшие классы примыкают к господствующей национальности, а ведь именно высшие классы представляют силу экономическую, политическую и наиболее образованную. Наконец, Будилович отмечал и религиозную разрозненность славян.

«Все почти славянские народы, — делал вывод Будилович, — не только не имеют признания на своей территории как народности равноправные с другими, но даже всюду должны терпеть над собою по несколько инородных порабитителей, все усилия которых направлены к искоренению народностей славянских».

Для спасения славян необходимо их объединение, и прежде всего языковое. Ссылаясь на мнения чеха Й. Юнгмана и слова-

ка Л. Штура, Будилович предлагал сделать общеславянским литературным языком русский язык. Для распространения его среди славян он предлагал устроить в городах кружки по его изучению, направлять туда русские книги. Это возможно, так как Будилович заметил среди славян тягу к изучению русского языка.

Победить многочисленных славянских врагов можно только преодолением внутренней и внешней раздробленности славян. Нравственным и материальным центром для них природой и историей предназначена быть Россия.

А. Н. Пыпин с оговорками, но все же соглашался с Будиловичем. Он также считал, что

«славянскому освободительному движению <...> естественно при-
мкнуть к России», которая стала бы для славян если не центром, то
опорой. По мнению Пьпина, и «для России было бы не лишним даже
в чисто политическом расчете иметь в середине Европы 27 миллионов
сочувствующего племени» ([Пьпин] 1877, 805–830).

Таким образом, поездка Будиловича по славянским землям в 1872–1874 гг. окончательно оформила его взгляды на славянство, на его положение в настоящем, на его перспективы в будущем, на способы спасения его от гибели. Как совершенно справедливо отмечают исследователи, занимавшиеся Будиловичем, его мировоззрение складывалось под воздействием Ламанского, но одновременно на него оказали большое влияние взгляды славянофила А. С. Хомякова, лидера словаков Штура и прежде всего его тестя, видного деятеля русинского движения Добрянского. Именно памяти этих трех лиц Будилович посвятил последний сборник своих политических статей «Наука и политика», вышедший в Петербурге в бурный 1905 г. (Будилович 1905, 1). Вся дальнейшая деятельность Будиловича не только публицистическая, но и научная определялась именно этими его убеждениями.

В 1879 г. Будилович защитил докторскую диссертацию «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным». Она была опубликована в 1878–1882 гг., и хотя тема эта не была завершена ученым, но несомненно носила новаторский характер. Будилович пытался на основе языкового материала определить территорию расселения индоевропейцев и славян, описать их жизнь. Это был своего рода сравнительный словарь славянских языков. Многие в нем были подвергнуты критике учеными рецензентами, но сама идея воссоздания жизни древнего народа на основе лексики имела будущее. В 1892 г. вышла книга Будиловича «Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы» (Варшава, I–II), в которой он стремился доказать неизбежность принятия славя-

нами русского языка. Русский славист А. Степович подчеркивал, что автор потратил много труда, обнаружил огромную начитанность и «вообще своею работою оказал большую услугу русско-славянской науке» (Степович 1895, 3). Вместе с тем Степович указывал на слабую научную доказанность основных положений труда Будиловича. Кроме указанных главных трудов, Будилович издал несколько работ, носивших описательный характер: «Чехия и Моравия» (СПб., 1871), «Очерки из сербской истории» (Славянский сборник. Т. 2. СПб., 1877), «Учебник церковно-славянской грамматики» (1883) и др. В 1882 г. Будилович был избран членом-корреспондентом Академии наук России, затем стал членом Сербской королевской Академии, членом-корреспондентом Чешской Академии наук и искусств, почетным членом многих других русских и славянских научных учреждений и обществ.

После возвращения из заграничной командировки Будилович в 1875–1881 гг. исполнял должность ординарного профессора русско-славянской филологии в Историко-филологическом институте князя Безбородко в Нежине, затем в 1881–1892 гг. являлся профессором русского и церковнославянского языков в Варшавском университете.

Юрьевский (Дерптский) университет был вторично открыт в декабре 1802 г. Согласно Уставу 1803 г., в нем была создана кафедра русского языка и словесности. Согласно уставу 1865 г., она была преобразована в кафедру русского языка в особенности и славянского языковедения вообще. В 1880 г. появилась кафедра сравнительной грамматики славянских наречий.

С самого начала деятельности Дерптского университета обучение в нем велось на немецком языке. Несмотря на многочисленные указы петербургских властей, русский язык там почти не употреблялся. При Николае I министр просвещения С. С. Уваров стремился изменить положение, заставив студентов изучать русский язык, но безуспешно. В правление Александра-II попытки усилить роль русского языка в Дерптском университете были фактически прекращены. В статье о Дерптском университете др. Николай называл его «форпостом немецкой науки и рассадником немецкой культуры» в Прибалтике. Он заканчивал свою статью словами:

«Самым утешительным является то, что немецкий дух остался победителем в Дерпте после различных препятствий и борьбы» (Петухов 1906, 5).

Именно так рассматривали прибалтийские немцы Дерптский университет, который играл значительную роль в их планах германизации местного (эстонского и латвийского) населения. В 1882 г. все профессора Дерптского университета являлись немцами и читали свои курсы на немецком языке. Исключение представляли профессора русской словесности и православного богословия, которые вели преподавание по-русски (Будилович 1899, 1–4, 29, 30).

С конца 80-х гг. XIX в. в царствование Александра III петербургские власти стали проводить русификацию Дерптского университета более решительными методами. Весной 1887 г. был издан указ о введении в Дерптском университете преподавания на русском языке. 27 июля того же года министр народного просвещения И. Д. Делянов писал по этому поводу Александру III:

«Выделение русского языка <...> при немецком преподавании не достигает цели. Это доказывается примером Дерптского университета <...> Без преподавания на русском языке все меры к усилению знания государственного языка в Прибалтийском крае будут бесплодны. В течение 60 лет правительство увеличивало не раз число уроков по русскому языку, а между тем несколько поколений, прошедших через школу, не в состоянии говорить по-русски» (Будилович 1899, 56).

Для того чтобы все эти указы провести в жизнь, необходимы были люди, которые сумели бы сделать это. Попечитель Рижского учебного округа Н. А. Лавровский остановил свой выбор на профессоре Варшавского университета Будиловиче, являвшемся одновременно там и деканом историко-филологического факультета. Выбор Лавровского оказался верным. Будилович полностью поддерживал идеи Ламанского о существовании ряда культурных миров, среди которых находился и греко-славянский мир, создавший свою могучую государственность, возвышенную церковь и самобытную культуру. В орбиту этого мира входили и некоторые соседние народы, в том числе латыши и эстонцы (Будилович 1896, 15–17, 22).

27 сентября 1892 г. Будилович был назначен ректором Юрьевского университета и одновременно сверхштатным ординарным профессором по кафедре сравнительной грамматики славянских наречий. Спустя год, 14 августа 1893 г., он стал штатным ординарным профессором по этой кафедре (ЭИА, ф. 402, д. 195, лл. 107/об, 108/об, 109/об). В том же году Дерптский университет был переименован в Юрьевский.

«Будилович должен был исполнить трудную задачу, — пишет его биограф профессор М. Е. Красножен, — он должен был преобразовать по воле незабвенного императора Александра III прежний немецкий Дерптский университет в университет русский Юрьевский» (Красножен 1909, 4).

И, действительно, задача была не из легких. Будилович одной из главных причин создавшегося положения считал неясность правительственной программы, безразличное отношение ряда русских крупных чиновников в Прибалтике к указам правительства о русском языке, саботирование профессором введению русского языка в Дерптском университете. Особенно большое значение имела оппозиция этому со стороны местного образованного общества, которое являлось по преимуществу немецким или онемеченным и которое презирало все русское. Стремлением ввести русский язык в учебные заведения вызывалась «в сердцах учащейся немецкой молодежи, сознающей де свое

превосходство перед русскими, глубочайшая ненависть к ним». Учащаяся молодежь имела корпорации, фереины, организованные по немецким образцам, она воспитывалась по немецким учебникам, читала только немецкие книги. Будилович приводил данные от 1887 г., предоставленные прежним попечителем Рижского учебного округа, о том, что в Прибалтике немцы, составляющие 1/3 населения, взяли под свой контроль почти все учебные заведения, в которых преподавание ведется на немецком языке. Русских школ мало, и государство тратит в Прибалтике средств на немецкое среднее и высшее образование в 3 раза больше, чем на русское (Будилович 1899, 57, 60–64, 70–72).

Деятельность Будиловича не вызывала сочувствие дерптских профессоров и студентов — наоборот, по свидетельству Красножена, ей всячески препятствовали. В высших петербургских кругах ее не одобрял министр финансов граф С. Ю. Витте.

После прихода Будиловича в Дерптский университет было издано несколько новых указов о введении русского языка. В 1892 г. был опубликован указ о повышении пенсий тем профессорам, которые преподают по-русски, а также сделано предписание вести все делопроизводство (в том числе протоколы заседаний правления и совета университета) на русском языке. В 1893 г. был установлен срок в 2 года для перевода преподавания в университете на русский язык, приказано принимать экзамены и писать диссертации на русском языке. В 1894 г. предписывалось проводить диспуты на русском языке (Будилович 1899, 5–8, 28). В 1892–1893 гг. сопротивление профессуры нововведениям было особенно сильным. Будилович не пытался заставить ее изучить русский язык: он стал заменять наиболее неподатливых преподавателей новыми, приглашенными из других российских университетов. К концу 1899 г. в Юрьевском университете осталось всего 6 профессоров, не знавших русского языка (Петухов 1906, 82). Пришлось позаботиться и об изменении состава студентов. Поскольку большинство уроженцев Прибалтики не желали учиться русскому языку, Будилович стал привлекать абитуриентов из коренных русских губерний. Большое значение для этого имело разрешение в 1897 г. поступать в Юрьевский университет воспитанникам духовных семинарий. По сведениям Будиловича, если в 1891 г. три четверти студентов университета было из Рижского учебного округа, то в 1898 г. их было всего около одной трети (Будилович 1899, 73).

Будилович попытался реконструировать работу научных обществ, объединявших преподавателей университета. Ученое эстонское общество, основанное в 1838 г., имело своей целью изучать историю и археологию, его членами были немецкие профессора-гуманитарии. С заменой немецкой профессуры рус-

ской оно постепенно угасло. Второе университетское сообщество, Общество естествоиспытателей, развивалось успешно. Его материально поддерживали правительство и университет, оно имело несколько научных изданий на немецком языке. В 1897 г. по инициативе проф. истории русской литературы Е. В. Петухова было создано Учено-литературное общество, в которое вошли русские преподаватели университета, а также некоторые преподаватели местных средних учебных заведений. Целью его было содействие разработке и распространению знаний в области археологии, истории литературы и права и взаимному обмену мыслей, относящихся к этим наукам. Первым председателем его был избран Будилович (Исаков 1982, 49, 50). Общество интенсивно работало. За первый год существования (март 1897 – апрель 1898 гг.) на его заседаниях было заслушано 13 научных рефератов, в том числе три реферата проф. А. Н. Ясинского (по средневековой истории балтийских славян, чехов, русских), один реферат проф. Петухова о лужичанах. Сам Будилович прочитал два реферата: о причинах гибели балтийских славян и о возможности разработки славянской истории как самостоятельной науки (Сборник 1898, XVI, XVII). Почти все рефераты публиковались в печатном органе Общества «Сборнике Учено-литературного Общества при Имп. Юрьевском университете». В следующем году Будилович выступил на заседании с докладом «Об успехах русского языка в Юрьевском университете в истекающем столетии».

Учено-литературное общество активно популяризировало в городе русскую культуру. Оно устроило открытые торжественные заседания, напр., посвященные столетию со дня рождения А. С. Пушкина (1899), столетию со дня рождения В. И. Даля (1901) и др. (Исаков 1982, 50).

Русская профессура с симпатией относилась к местному населению — эстонцам. В частности, в «Сборнике Учено-литературного общества» за 1901 г. вышла статья Красножена «Эстонцы и немцы в Прибалтийском крае». В ней он комментировал книгу А. Гренцштейна «Церковь господ или церковь народа». Как и автор книги, Красножен решительно вставал на сторону эстонцев, отказавшихся в 1899 г. принять немецких пасторов от евангелическо-лютеранской консистории в Лифляндии. Красножен, как и Гренцштейн, был убежден, что эстонцы потому так настроены против немецких пасторов, что последние всегда принимали сторону господ и помогали последним онемечивать местное население. Если эстонцы не были ассимилированы немцами, то благодаря

«прежде всего собственной храбрости и сопротивлению <...>, а в большей степени благодаря соседнему русскому народу, который храбро сражался против общего врага» (Сборник 1901, 4, 39–45).

Мнение Красножена тем более примечательно, что он был сначала товарищем председателя Учено-литературного общества, а с 1902 г. — его председателем.

Жена Будиловича Елена Адольфовна стояла у истоков основания Общества пособия нуждающимся студентам и была его бессменным председателем. Она сумела найти благотворителей и обеспечить общество средствами. Красножен подчеркивал, что Будилович любил молодежь «любовью искреннюю, любил сердечно, берег ее, приходя к ней на помощь в самых затруднительных обстоятельствах». Примером этого стало поведение Будиловича во время студенческих волнений в 1899 г. Из-за них студенты должны были потерять год, но Будилович упрямил министерство разрешить ему устроить переводные экзамены зимой, чем для многих студентов спас год (Красножен 1909, 10, 11). Об этих волнениях свидетельствует и Петухов. Он отмечал, что в результате из университета исключили 1392 студента, однако большинство из них были потом приняты назад, вне его стен осталось всего 11 человек (Петухов 1906, 171). Конечно, такой массовый возврат студентов в университет мог произойти только после больших хлопот ректора.

18 мая 1901 г. Будилович был назначен членом Совета министра народного просвещения. Накануне отъезда из Юрьева его чествовали в русском обществе «Родник». Один из выступавших сказал:

«Застав еще Дерптский университет совершенно немецким, он оставляет его нам, нынешний Юрьевский университет, русским как по языку преподавания, так и по составу учащихся и учащихся» (Красножен 1909, 10).

Будилович переехал в Петербург. Здесь он являлся одним из руководителей Славянского благотворительного общества и одновременно возглавлял Галицко-русское общество. В конце 1907 г. Будилович перебрался в Москву, став издателем и редактором «Московских ведомостей». Умер он 12/25 декабря 1908 г. в Петербурге.

В свете вышесказанного деятельность Будиловича по русификации Юрьевского (Дерптского) университета, по моему мнению, имела в то время положительное значение для эстонцев, так как перекрыла один из важных каналов их германизации.*

* Напомним, что существует и негативная оценка деятельности А. С. Будиловича в связи с введением им в процесс университетского преподавания русского языка. Видимо, этот вопрос требует дальнейших разысканий. — Прим. отв. редактора.

ЛИТЕРАТУРА

- Будилович 1896 — А. С. Будилович. *Культурная отдельность народов греко-славянского мира*. Русское обозрение, 1896.
- Будилович 1899 — А. С. Будилович. *Об успехах русского языка в Юрьевском университете в истекающем столетии*. Сборник Учено-литературного общества при Имп. Юрьевском университете. Юрьев, 1899.
- Будилович 1901 — А. С. Будилович. *Об основных воззрениях А. И. Добрянского*. С.-Петербург, 1901.
- Будилович 1905 — А. С. Будилович. *Наука и политика*. С.-Петербург, 1905.
- Зарубежные славяне 1975 — *Зарубежные славяне и Россия*. Москва, 1975.
- Исаков 1982 — С. Г. Исаков. *Учено-литературное общество при Тартуском университете (1897–1910)*. Филологические науки в Тартуском ун-те. (Тезисы конференции — 15 дек. 1982 г.). Тарту, 1982, 49–53
- Красножен 1909 — М. Е. Красножен. *А. С. Будилович*. ЖМНП, С.-Петербург, 1909, отд. IV, август.
- Петухов 1906 — Е. В. Петухов. *Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902)*. Т. 2. С.-Петербург, 1906.
- [Пьпин] 1877 — А. Н. [Пьпин]. *Будущность славянства*. Вестник Европы, С.-Петербург, 1877, № 12, 805–830.
- Сборник 1898, 1901 — *Сборник Учено-литературного общества при Имп. Юрьевском университете*, 1898, т. 1; 1901, т. 4.
- Степович 1895 — А. И. Степович. *Вопрос об общеславянском языке в решении А. С. Будиловича*. Киев, 1895.

Светлана Борисовна Евстратова
Tartu

**ОТРАЖЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
ПЕРВОБЫТНЫХ СЛАВЯН О ПРИРОДЕ
В РАБОТАХ А. С. БУДИЛОВИЧА И В СОВРЕМЕННОЙ
ЭТНОЛИНГВИСТИКЕ**

Первобытные славяне – А. С. Будилович – этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого «Славянские древности» – мифологический аспект проблемы – преемственность

А. С. Будилович одним из первых понял важность сравнительного исследования словарного состава славянских языков как источника для изучения жизни древних славян. Вопросам славянской лингвистики и этнографии посвящены обе диссертации Будиловича, в частности, защищенная 5 февраля 1879 г. в качестве докторской первая часть задуманного большого сочинения по славянской «лингвистической палеонтологии» под названием «Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Изслѣдованія въ области лингвистической палеонтологіи Славянъ Антона Будиловича» (Кіевъ, 1878), имевшая значительный отклик среди специалистов. Именно данное исследование ученого привлекло наше внимание. В этой оставшейся незавершенной работе Будилович вслед за А. Фиком, А. Альквистом, А. Пикте и другими западноевропейскими языковедами пытается, опираясь на материал славянских языков, определить место славян среди прочих индоевропейцев, территорию их расселения, т. е. славянскую прародину, описать материальную и духовную культуру праславян. Швейцарский лингвист Пикте сделал попытку восстановить картину жизни индоевропейцев по данным языка. Для этого он, сопоставляя названия явлений природы, животных и растений, религиозных понятий, стремился установить первоначальное значение корня. В славяноведении аналогичными исследованиями занимались Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, А. Ф. Гильфердинг, П. Шафарик, Я. Воцель. Будилович, следуя прежде всего Пикте, поставил задачу

«произвести рядъ изслѣдованій по хронологіи словъ славянскаго языка, съ примененіемъ добытыхъ лингвистическим путемъ выводовъ к

целям исторической географии, этнографии, народной психологии и культурной истории славян» (Будилович 1878, 14).

В своей диссертации ученый пишет:

«Въ ряду источниковъ для изученія первобытныхъ эпохъ жизни народовъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ языкъ. По своей древности онъ ровесникъ первыхъ человѣческихъ могилъ, костей, орудій; но по своей выразительности онъ далеко превосходитъ эти нѣмые слѣды человѣческаго прошлаго» (Будилович 1878, 3).

Здесь же Будилович подчеркивает, что история слов является самым надежным материалом для истории человеческого быта, понятий и учреждений.

Диссертация представляет собой своего рода сравнительный словарь славянских языков, где слова расположены не в алфавитном порядке, а по тематическому принципу. Будилович предложил семантико-тематическую классификацию древнего лексического фонда славянских языков, рассмотрев ок. 10 000 слов, с выделением из этого числа 2000 общеславянских лексем, и представив эту сложную проблему в сравнительно-историческом освещении. На основе праславянской лексики он рассматривает представления праславян о природе, ископаемых, растениях, животных; связи с другими народами и делает вывод, что праславяне находились уже на высоком уровне развития: имели понятия о мире, светилах, были знакомы с минералами и металлами, знали травы, грибы, злаки; занимаемая ими территория находилась среди лесов, вдали от моря, имела умеренный климат.

При этом Будилович выделяет дославянский, праславянский, древнеславянский и новейший пласты, определяя возраст слова, но оговаривая, что этого недостаточно самого по себе, чтобы сделать слово материалом историческим. Многочисленные вопросительные знаки показывают, что сам автор часто затрудняется, к какой «возрастной» группе отнести то или иное слово. Более важным фактором является определение древнего смысла древнего слова — лишь тогда оно станет «граммотой вѣковъ минувшихъ» (Будилович 1878, 12). Поэтому в некоторых случаях дается этимологический анализ слов, указываются его соответствия в других родственных славянских и неславянских языках. Вообще для этимологии слов Будилович сделал мало, он редко пользуется сопоставлениями для определения корня и уяснения его первоначального значения, ограничиваясь сопоставлением слов по разным языкам и наречиям. Практически все этимологии заимствованы из трудов А. Пикте, А. Фика и Ф. Миклошича. Так, описывая значение слова *voda*, Будилович отмечает: «оно родственно лит. *vandũ*, гот. *vata* 'Wasser', лат. *unda*, сан. *uda* (L. P.; Pictet II, 604; Fick W. I, 208, 289; II, 659)» (Будилович

1878, 22). Многие этимологии Будиловича оказались ошибочными — в частности, на наивность этимологических выводов ученого и сомнительность родства славянского *вода*, лит. *vandū*, лат. *unda* указывал И. А. Бодуэн де Куртенэ в своем критическом отзыве о диссертации (Бодуэн де Куртенэ 1879, 169). В тех случаях, когда невозможно было опереться на предшественников, Будилович уклоняется от этимологических выводов, не выясняет корня слова и его первоначального значения. Именно эта часть труда Будиловича оказалась наиболее уязвимой для критики.

Надо сказать, что сочинение Будиловича оценивалось неоднозначно. На эту монографию ученого появились положительные отзывы академиков И. И. Срезневского и Я. К. Грота, а также М. А. Колосова и С. П. Микуцкого. Очень высоко оценил монографию академик И. И. Срезневский, который писал о ней буквально следующее:

«Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій нашей современной филологической литературы долженъ сдѣлаться трудъ А. Будиловича» (Протоколы 1878, 411).

Бодуэн де Куртенэ и А. Брюкнер выступили с критическими рецензиями. Так, Бодуэн де Куртенэ, не отрицая ценности собранного Будиловичем в единое целое «болѣе или менѣе достовѣрнаго матеріала» (Бодуэн де Куртенэ 1879, 200), подвергает его критике и сомневается в объективности некоторых проводимых Будиловичем параллелей и в забывании им некоторых звуковых законов и звуковых соответствий, указывая на «фантастическія произвольныя ‘сближенія’ словъ, вопреки всѣмъ извѣстнымъ звуковымъ законамъ» (Бодуэн де Куртенэ 1879, 193). Бодуэн де Куртенэ не признает и положения Будиловича о зависимости между распространенностью слов и их относительной древностью, отмечая, однако, что, несмотря на все свои недостатки, сочинение Будиловича представляет большой замечательный труд и является одним из главных этапов на пути к решению вопросов, которым оно посвящено.

«Ни в одной славянской литературѣ не было до сихъ поръ подобнаго сочиненія. Но окончательная научная обработка вопросов еще впереди» (Бодуэн де Куртенэ 1879, 206).

Несмотря на серьезные недостатки, труд Будиловича был значительным явлением, так как в нем впервые в русской славистике рассматривался вопрос о праславянской материальной культуре и территории на основе языковых данных.

Чтобы выявить, каким образом представления первобытных славян о природе отражаются в работах Будиловича и в современной этнолингвистике, мы выбрали из рассматриваемой выше монографии описание семи лексических доминант, относя-

щихся к природе и к традиционной духовной культуре славян, и сравнили этот материал с представленным в этнолингвистическом словаре «Славянские древности», составленном под руководством Н. И. Толстого, основоположника славянской этнолингвистики, которая развита им на основе многолетних экспедиций в Полесье. Словарь, на наш взгляд, является квинтэссенцией достижений славянской этнолингвистики конца XX — начала XXI столетия, и мы попытались сопоставить два подхода — более чем столетней давности и современного. Для нас важно было установить при этом, что видел за выделенными словами Будилович, и сравнить эти данные с фактами, накопленными этнолингвистикой конца XX столетия. В качестве языкового материала, сквозь призму которого рассматриваются представления праславян о природе, были выбраны следующие лексемы: *вода, воздух, ветер, гром, дождь, звезда, земля*. Рассмотрим, как они представлены в двух интересующих нас источниках.

Гром (см. табл. 1): особенность подхода Будиловича к описанию предъявленного материала заключается в том, что он каждому обозначению дает параллели, — правда, не реконструируя праформу, а давая возможность читателю самому представить древнейший вид слова. Такой подход вызывает некоторое удивление: параллели перечисляются, а праиндоевропейская форма не приводится. То, что этимологический подход, подход реконструкции слова, не используется в «Славянских древностях» (Толстой 1995, 558–560 и т. д.), можно объяснить тем, что к концу XX в. существовало немало авторитетных этимологических словарей славянских языков, которых не было за сто лет до этого. Будилович избегает реконструкций, видимо, не вполне доверяя существовавшим в то время этимологическим словарям. Он подходит к этим словам как имеющим духовную, мифологическую ценность как в прошлом, так и в настоящем, пытается войти в индоевропейский контекст, но останавливается на пороге этого анализа.

Табл. 1

А. С. Будилович (1878 г.)	Славянские древности (1995, 1999 гг.)
<i>Громъ tonitru</i>: слово праславянское, Фикъ обличает его съ лит. <i>grumena leiser Donner</i> и считает словом праарийскимъ (W. I, 84, 582; II, 730). Въ ц слав. громъ tonitru (Л.Р.); рус. громъ удары и раскаты по воздуху во время грозы (Даль); болгар. гръмел, гръмеж Donner (Цанк), гръмотевица tonnette (Богор.); серб. гром Donner (Вукъ), хорв. <i>grom tonitru, fulmen</i> (Стул.);	<i>Гром</i> — в народной традиции грозовой разряд и удар молнии. Воспринимается как карающая сила, орудие Бога или иного сверхъестественного начала и вместе с тем как сила оплодотворяющая, связанная с небесной влагой и плодородием. Г. чаще всего управляет пророк Илья. Согласно древним славянским верованиям, эту роль выполнял Перун. Почитание грома было известно у

хорут. Grom Donner (Янеж.); словац. hrom fulmen (Бернол.), чеш. hrom, hřmot Donner (Юнгм.); в.-луж. hrímanje Donner (Пфуль); полаб. grām Donner (Шлейх.); пол. grom id. (Б. Арк.), grzmot id. (ib.).

Корневое значение слова громъ было, какъ кажется, fragor: такъ въ рус. громъ оглушительный стукъ (Даль); болгар. гръмъ detonation, гръмежъ bruit (Богор.); хорут. Hrum tiefes Geräusche (Янеж.); словац. hřmot fragor (Бернол.) и т. п. Связь между значеніями fragor и tonitru не требуетъ объясненія.

Корневое значение слова *громъ* тождественное древнеслав. *трескъ fragor, fulmen*.

Въ слове *трескъ fulmen*, какъ и въ предыдущемъ, уже въ древнее время совершился переходъ отъ праславян. значенія fragor къ югослав. fulmen.

Множество арийскихъ мифовъ связано съ явлениями грома и молніи. Изъ этого круга представленій развился и верховный богъ Праславянъ Перунъ.

По всему видно, что праславяне жили в странѣ, где грозовыя явленія не рѣдкость, слѣдовательно въ поясѣ не холодномъ, ибо далѣе 65 градусовъ сев. шир. гроза бываетъ очень рѣдко, а въ Исландіи например громъ совсѣмъ неизвѣстен (Кл. 784).

всехъ славян, но способы почитанія различались. Такъ сербы в Лесковацкой Мораве не тушили дерево, пораженное громомъ и охваченное огнемъ, не употребляли его на дрова.

Отчего бываетъ громъ. Чаще всего возникновение Г. объясняютъ темъ, что Илья Пророкъ ездитъ по небу на колеснице с огненными конями. Сербы пророка Илью зовутъ *Илија Громовникъ*.

Въ кого бьетъ громъ. Почти повсеместно у славян существовало верование, что Богъ или пророкъ Илья, небесный змей и т. п. громомъ преследуютъ дьявола.

Куда бьетъ громъ. Г. бьетъ в те места, где преимущественно водятся черти и другая нечистая сила.

Предварительная защита отъ грома заключалась в целомъ рядѣ магическихъ действий и мер. Такъ, на Сретеніе, называемое у вост. и зап. славян *Громниці*, (пол. *Matka Boska Gromniczna*, чеш., словац. *Hromnice*), освятилась громничная свеча, собираемая в красномъ углу с иконами и зажигаемая отъ Г.

Страхъ передъ громомъ, по представленію вост. славян, можно было преодолеть вкушениемъ гнилого, т. е. заплесневелого, хлеба.

Запреты, связанные с громомъ. Словаки в окр. Сабинова считали, что когда гремитъ Г., нельзя переступить черезъ порогъ, а то Г. ударитъ. Сербы и мусульмане в Боснии не жгли черешневое дерево из опасенія, что ихъ поразитъ Г. (запретъ основан на народной этимологіи: *трешка* 'черешня', *тресакъ* 'громъ', *треснути* 'ударить').

Дождь (см. табл. 2): Будиловичъ приводитъ однокоренные слова и пытается такимъ образомъ определить значеніе описываемой лексемы, стремясь связать его со средой обитанія праславян. Представляя языковой материал, Будиловичъ обращаетъ большое вниманіе на то, какъ онъ отражаетъ среду обитанія праславян, что даетъ возможность приблизиться къ определению ихъ прародины. А это была одна изъ задачъ, сформулированныхъ исследователемъ.

Авторъ указываетъ на особую роль рассматриваемого явленія в мифологіи славянскихъ народовъ, не разворачивая, однако, данного аспекта проблемы и не объясняя природныхъ явленій с мифологической точки зренія достаточно подробно. Это было

сделано сто с лишним лет спустя в словаре «Славянские древности». Что касается собственно лингвистической стороны проблемы, то она, на наш взгляд, более полно представлена в монографии Будиловича. В этнолингвистическом словаре тоже есть языковые параллели, но у Будиловича это принцип, а в «Славянских древностях» — необходимость, вызванная жанром словарной статьи.

Табл. 2

А. С. Будилович (1878 г.)	Славянские древности (1995, 1999 гг.)
<i>Дождь imber</i>: праславянское слово; корень его обликаютъ съ правсврор dhadh saugen и санскр. dūh, dadhi mulgere (L.P.; Pictet II, 27; Fick W. I, 120, 630). Въ ц.-слав. дъждь pluvia (L.P.); рус. дождь вода в капляхъ изъ облаковъ (Даль); болгар. даждь pluiе (Богор.), дъждовнигъ Regenwasser (Цанк.); серб. дажд Regen (Вукъ), хорв. daх, dахd pluvia, imber (Стул.); хорут. dež Regen (Янск.); чеш. dešť id. (Ранкъ), в.-луж. dešć id. (Пфуль); полаб. dāzd id. (Шлейх.); пол. deszcz id. (Линде). Областные названия: ц. слав. тача pluvia (L.P.); серб. киша Regen (Вукъ), хорв. kiska pluvia (Стул.); рус. бусь, ситникъ, ситуха, морось, парось, мясичка мелкай дождь (Даль); серб. измаглица Nebelregen (Вукъ), хорут. peršavica Staubregen (Янск.); датъе: рус. ливень, лева, налой, проливной дождь (Даль), пол. ulewa Regenguss (Б. Арк.); малорус. плота, плуха долгий дождь (Петруш.), серб. плъусак Platzregen (Вукъ), хорут. Pljuskavica Regenguss (Янск.); ploha Platzregen (ib.), pliš, plišovina Strichregen (ib.); словац. priwal Schlagregen (Бернол.), чеш. přival id. (Ранкъ). Праславянам хорошо были знакомы всѣ три формы метеорологическихъ осадковъ: дождь, снѣгъ и градъ. Корневое значение ихъ не ясно; по крайней мѣрѣ оно совсѣмъ забыто въ славянщинѣ. Наибольшимъ числомъ мифовъ сопровождаются явления дождя, этихъ слезъ неба и молока облачныхъ коровъ; но и снѣгъ, и градъ появляются, хотя и рѣже, въ системѣ славянскихъ мифовъ. Изъ	<i>Дождь</i> — в народной традиции объект почитания и магического воздействия (вызывания или остановки); связанные с ним верования и обряды сохраняют древнеслав. космологические представления и формы примитивной магии. Символизирует оплодотворяющую силу и ассоциируется с мотивами иерогамии неба и земли. <u>Власть над Д.</u> приписывается обитателям того света — умершим предкам и особенно заложенным покойникам, которые считаются хозяевами и предводителями туч — небесных стад коров, быков, волов, иногда овец. Метафора тучи — говяды находит продолжение во многих верованиях и магических действиях, где Д. уподобляется молоку. <u>Обряды вызывания Д.</u> у славян чрезвычайно многообразны, однако в основе большинства из них лежат магические действия с водой и у воды: магия у колодца, характерная главным образом для вост. славян; «предание воде»; обливание (могло носить «искупительный» характер, если причиной бездождия считали нарушение определенных запретов); магия с муравейником. Для прекращения засухи могли применяться общие защитные меры, к которым прибегали в случае стихийных бедствий: опаживание села или придорожного креста, обходы села и полей, жертвоприношения. Языческие способы вызывания Д. сурово осуждались церковью, тем не менее в процессах и молельствах о Д., а иногда и в магич. ритуалах, участвовали и священники.

этого можно сделать историческое предположение, что Праславяне занимали страну, где дожди составляют преобладающую, но не единственную форму воздушных осадков, что соответствует умеренному поясу переменных осадков, с перевесом дождей (ср. Кл. 776).

Земля (см. табл. 3): рассматривая интерпретацию данного слова в диссертации Будиловича, Бодуэн де Куртенэ в своем отзыве пишет:

«Трудно понять, каким образом то обстоятельство, что земля является в языкѣ синонимомъ суши, поля, а в мифахъ матерью и кормилицей человѣка, можетъ служить отраженіемъ взглядовъ народа сухопутнаго и осѣдлаго» (Бодуэн де Куртенэ 1879, 187).

Табл. 3

А. С. Будилович (1878 г.)	Славянские древности (1995, 1999 гг.)
Земля <i>terra</i>: слово дославянское; его роднятъ съ литов. <i>zeme</i>, лат. <i>humus</i> (L.P.; Fick W. I, 80, 322). Въ ц.-слав. <i>земля terra, terra continens, regio</i> (L.P.); рус. <i>земля планета, шаръ, на которомъ живемъ, суша (Даль)</i>; болгар. <i>земя tetge, pays</i> (Богор.); хорут. <i>zemlja, rozemljica Erde</i> (Янеж.); чеш. <i>zeme id.</i> (Юнгм.); пол. <i>ziemia id.</i> (Линде). Слова <i>небо, земля</i> восходятъ къ дославянскому времени. Изъ славянскихъ гомонимовъ <i>неба</i> видно, что въ первоначальномъ значеніи его заключалось представленіе облачнаго покрыва, высокимъ сводомъ повисшаго надъ землею. То же подтверждаютъ и многочисленные общерайские и славянские мифы, устремленные на небеса (Гриммъ Миф. 398 сл.; Афан. во мн. мѣстахъ, см. указат.). <i>Земля</i> является въ языкѣ синонимомъ суши, поля, а въ мифахъ матерью и кормилицей человѣка (ср. Гриммъ Миф. 368 сл.; Манг. во мн. мѣстахъ, см. Reg.; Афан. тоже). Не служитъ ли это отраженіемъ взглядовъ народа сухопутнаго и осѣдлаго	Земля — одна из основных стихий мироздания (наряду с огнем, водой и воздухом); центральная часть трехчастной Вселенной (небо – земля – преисподняя), населенная людьми и животными; символ женского плодородящего начала, материнства; осмыслялась как прародительница и кормилица всего живого. В космогонических мифах земная твердь возникла как результат первого акта божественного творения мира. По о.-слав. поверьям, З. — это плоская твердь, окруженная водой и накрытая сверху небесным куполом. С З. как границей между освоенным человеком пространством и хтоническим нижним миром связана фразеология, обозначающая приближение смерти: <i>ужъ вин зэмнѣю смэрдытъ</i> (вольн.), <i>мирише на проѣст</i> [пахнет землей] (болг.) — о безнадежном больном; <i>умирающий землей пахнет</i> (рус.), <i>смердит землей</i> (бел.). Широко известен у славян обряд <i>выкупать землю при похоронах</i>: перед опусканием гроба в могилу бросали медные монеты, чтобы «откупить» ее у покойников для очередного умершего. Из З. (глины, праха), согласно апокрифам и народным легендам, создано тело человека: душа его после

	смерти попадает в верхний мир, а тело — в З. Универсальная для всех слав. традиций <u>женская символика З.</u> раскрывается через метафору материнства. Известное в рус. фольклорных текстах и фразеологии выражение <i>Мать — сыра земля</i> обозначает прежде всего З., оплодотворенную небесной влагой (готовую родить). Соответственно, пересошая, бесплодная З. сравнивается в рус. духовных стихах со вдовой.

Обратимся к лексеме *вода* (Будилович 1878, 22 и 280–281): в словарной статье приводятся славянские, латинское, греческое соответствия и подчеркивается, что стихия воды играет видную роль в общеарийских мифах, означая вещество беспокойное и подвижное. Что касается «Славянских древностей», то в посвященной ей статье *вода* рассматривается как одна из первых стихий мироздания, источник жизни, средство магического очищения (Виноградова 1995, 386–390). Символика воды связана, с одной стороны, с такими ее природными свойствами, как свежесть, прозрачность, быстрое движение, с другой стороны — с мифологическими представлениями о воде как о «чужом» и опасном пространстве. Подобная оценка воды как оздоравливающей и в то же время смертоносной стихии проявилась в сказочных мотивах живой и мертвой воды. Очистительная, апотропейная и продуцирующая семантика воды раскрывается в многочисленных обрядовых формах ее применения: в ритуалах вызывания дождя, в лечебной и хозяйственной магии; у западных славян проточная вода часто использовалась в любовной магии. В формулах-обращениях, адресованных воде, представлен ее персонифицированный женский образ, наделенный личными именами и такими эпитетами, как *милая, чистая, быстрая, Христова мати, Богова сестрица* и т. д.

Особый интерес представляют во многом перекликающиеся статьи о *воздухе* в сопоставляемых нами источниках. В диссертации Будиловича (Будилович 1878, 13 и 278) приводятся общеславянские соответствия данного слова, отмечается, что оно редко употребляется в северо-западных наречиях, обыкновенно заменяясь словом *повѣтрѣ*, что в русском языке может означать и наносные пальные болезни. Следует указать на артельные связи данного слова. Лексемы *воздух, ветер, вихрь, смерч* объединяются Будиловичем в одну группу:

«Изъ праславянскихъ словъ: *воздухъ* (§ 12, 1), *ветеръ* (§12, 2), *вихорь* (§ 12, 3), *смерчь* (? § 12, 4), *буря* (§ 12, 5) видно, что понятие о газообразной жидкости, окружающей землю, не было чуждо первобытнымъ Славянамъ <...>. Въ корневомъ значеніи словъ *воздухъ, вѣтеръ* отра-

зился взгляды на сходство дыханія животныхъ и движеній атмосферы. То — же воззрѣніе выразилось и въ мифическомъ олицетвореніи воздуха» (Будилович 1878, 278).

В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» (Афанасьева, Плотникова 1995, 401–402) *воздух* — это стихия, сфера пребывания души и различных невидимых демонологических персонажей; один из четырех первоэлементов космоса наряду с водой, огнем и землей. Воздух служит средой, через которую насыляется порча, распространяется болезнь: пол. *powietrze* ‘воздух’ означает также ‘зараза’, ‘эпидемия’ (ср. у Будиловича). Воздух — это сфера обитания души, а душа может принимать облик воздушного столба, ветра, дымка, пара, и здесь *ветер* и *воздух* сближаются между собой. К тому же многие демонологические персонажи, обитающие в воздухе, в том числе болезнь, имеют облик пара, ветра, воздушного столба и могут вызывать вихрь, смерч, поднимающие человека в воздух и сбрасывающие его вниз.

Как отмечалось выше, следующая рассмотренная нами лексема, *ветер*, объединяется в одну группу со словами *воздух*, *буря*, обозначающими сходные природные явления (Будилович 1878, 13 и 278).

«Для обозначенія отгѣнков вѣтра употребляется много специальныхъ названій, но между ними мало согласія по нарѣчіймъ» (Будилович 1878, 13).

Эти названия выражают специальные метеорологические условия разных местностей, что ослабляет возможность совпадений в названиях по наречиям.

В этнолингвистическом словаре *ветер* — явление природы, в народных представлениях персонифицируется или наделяется свойствами демонического существа.

«Невидимость, незримое присутствие в природе, около человека объединяют ветер и воздух» (Плотникова 1995, 357).

Душа, представляемая как дыхание, дуновение, отождествлялась с воздухом, паром, ветром, вихрем. К ветру обращаются за помощью в случае беды, несчастья, болезни. Различным богествам и мифологическим персонажам приписывается мощь повелевать ветрами, у болгар распорядителем ветров считается и Св. Дух. Источниками болезней являются злые ветры, особенно *вихрь*. Ветер как мифологический персонаж описывается в виде огромного сильного человека, сидящего на поваленном дереве и дующего оттуда во все стороны света, или четырех человек, стоящих «в четырех концах мира» (Плотникова 1995, 359).

Описывая значение лексемы *звѣзда*, Будилович приводит параллели из других славянских языков, а в историко-географи-

ческом и этнографическом разделе объединяет звезды в группу небесных светил вместе с солнцем, луной и месяцем и, подходя к мифологическому аспекту, пишет не только о славянах, но и об индоевропейцах:

«Всѣ эти названія и понятія окутаны у арійскихъ народовъ въ безчисленные мифы, свидѣтельствующіе о наивномъ умиленіи нашихъ прародителей предъ недосыгаемыми и благодѣтельными кочевниками въ просторахъ неба» (Будилович 1878, 275).

Из названий созвездий Будилович особо выделяет *Плеяды*, *Воз* и *Млечный путь* как относящиеся к глубокой древности. Эти созвездия как имеющие особое значение в народной астрономии названы и в этнолингвистическом словаре (Плотникова 1999, 291). Здесь же подчеркивается особое влияние звезд на судьбы людей (рус. *под счастливой звездой родился*, хорв. *rodija se pod sritnom zvezdom* и т. п.) и на земные события, а это порождает множество мифов и вызывает преклонение людей перед «недосыгаемыми кочевниками», о чем писал Будилович.

Далеко не все этимологии и рассуждения Будиловича оказались верными, и последующие авторы по-разному относились к его изысканиям и по-разному цитировали его.

Современная этнолингвистика, изучая духовную культуру, собрала огромный материал, и для нее важен уход в сторону мифологии, обрядов. Как отмечалось ранее, этой стороны проблемы касается и Будилович, но у него вход в мифологический аспект природных явлений только намечен, он подробно не комментируется и не интерпретируется. Да, у него не развернут этот материал, однако он чувствует, что именно в этом направлении следует идти, указывает на мифы как на один из источников для историко-этнографического отдела. Именно в этом выражается связь современной этнолингвистики и рассматриваемой работы Будиловича.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьева, Плотникова 1995 — Н. Е. Афанасьева, А. А. Плотникова. *Воздух*. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 1. Москва, 1995, 401–402.
- Белова, Виноградова, Топорков 1999 — О. В. Белова, Л. Н. Виноградова, А. Л. Топорков. *Земля*. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 2. Москва, 1999, 315–321.
- Бодуэн де Куртенэ 1879 — И. А. Бодуэн де Куртенэ. *О культурѣ первобытных и древних славян*. РФВ, Варшава, 1879, т. 2, № 4, 165–206.
- Будилович 1878 — А. С. Будилович. *Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Изслѣдованія въ области лингвистической палеонтологіи Славянъ. Часть первая*. Кіевъ, 1878.

- Булахов 1976 — М. Г. Булахов. *Восточнославянские языковеды. Библиографический словарь. Т. 1.* Минск, 1976.
- Виноградова 1995 — Л. Н. Виноградова. *Вода. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 1.* Москва, 1995, 386–390.
- Протоколы 1878 — *Протоколы ОРЯС. Записки Имп. АН. С.-Петербургъ, 1878, т. XXXI, кн. II, 410–412.*
- Добродомов 1996 — И. Г. Добродомов. *Антон Семенович Будилович (1846–1908). Русский язык в школе, Москва, 1996, № 2, 102–105.*
- Колосов 1879 — М. Колосов. *Антон Будиловича «Первобытные Славяне в ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Исслѣдованія в области лингвистической палеонтологіи Славянъ. Часть первая. Кіевъ, 1878».* РФВ, Варшава, 1879, т. 1, № 1, 108–113.
- Плотникова 1995 — А. А. Плотникова. *Ветер. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 1.* Москва, 1995, 357–361.
- Плотникова 1999 — А. А. Плотникова. *Звезды. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 2.* Москва, 1999, 290–294.
- Смирнов 1985 — С. В. Смирнов. *А. С. Будилович как лингвист. Slavica Tartuensia I. Tartu, 1985, 70–81.*
- Толстая 1999 — С. М. Толстая. *Дождь. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 2.* Москва, 1999, 106–111.
- Толстой 1995 — Н. И. Толстой. *Гром. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 1.* Москва, 1995, 558–560.

Юрий Сергеевич Кудрявцев
Валентина Петровна Щаднева
Tartu

Л. Г. МАЗИНГ КАК ПРЕПОДАВАТЕЛЬ И УЧЕНЫЙ

*Славянская и общая акцентология – Тартуский университет –
Л. Г. Мазинг*

Профессор Дерптского-Юрьевского-Тартуского университета Леонхард Готтхильф Мазинг (1845–1936) прожил очень долгую, насыщенную трудами жизнь. Он родился при императоре Николае-I и умер при К. Пятсе в возрасте 91 года. Он получил два законченных высших образования и защитил три диссертации, достиг разнообразных ученых степеней. 45 лет читал лекции в аудиториях университета. Поздно женился и воспитал без матери двух дочерей. Неизвестно, чувствовал ли он в конце жизни довольство своими учеными трудами или, как стоик, преодолевал холод бытия, забыв о гордых мечтаниях научной юности. Основное открытие, сделанное Мазингом в середине 70-х гг. позапрошлого столетия (Masing 1876), по истечении шестидесяти лет, т. е. до самой его смерти, все еще оставалось непризнанным, обойденным вниманием*. Можно ли было на что-то надеяться? Желал ли славы этот человек? Поразительным явлением выступает тот факт, что в наше время трудами акад. П. Ивича и эстонско-американского лингвиста, землячки Мазинга И. Лехисте диссертация Мазинга (Masing 1876) была извлечена из реки Леты и во всех главных положениях подтверждена с помощью самой современной фонетической аппаратуры (см., напр., Булатова 1975, 142–158; Lehiste 1970; Lehiste, Ivíć 1986). Жалко, что об этом не узнал автор. Хорошо то, что хорошо кончается. Теперь на Мазинга обильно ссылаются, языковеды называют его идеи знаменитыми (напр., Николаева 1991, 113). Возник интерес к его жизни, работе, личности.

Над отдельными моментами биографии и творческого наследия Мазинга работали проф. С. В. Смирнов (Смирнов 1965, 116–139), И. Лоосме и Т. Шаховская (Loosme 1974, 686–688; Шаховская, Лоосме 462–465), Р. В. Булатова (Булатова 1975, 142–158; 1979, 228–229) и др. В ряде справочных изданий находим неточности, часть из которых мы постараемся разяснить.

Биография. Мазинг получил при рождении два имени: Готтхильф и Леонхард. В быту предпочитал пользоваться вторым. В результате к старости первое имя как бы потерялось, и в справке об эстонском гражданстве Готтхильф уже не фигурирует. На русской службе он именовался Леонгардом Карловичем. Обычно лютеране, поступавшие на службу к русскому царю, принимали условные имя-отчество, никак не связанные с их реальной биографией. В данном случае это не так. Отца Леонхарда Мазинга действительно звали Карлом.

Мазинги — старый и весьма разветвленный остзейский род. И сейчас в Эстонии живет много Мазингов. Его отец Карл Йоханнес Мазинг был пастором, в момент рождения Леонхарда служил на острове Сааремаа. В 1860 г. он был переведен в приход св. Михаила в Петербург, где почтенное духовное лицо служило и скончалось 18 лет спустя.

Мать Леонхарда по рождению была баронессой и принадлежала к еще более известному роду фон Унгерн-Штернбергов. Два представителя этого рода отличились в истории. Один был свирепым морским разбойником, последним балтийским пиратом. Его личностью живо интересовался Ф. М. Достоевский. Писатель А. Хинт написал о нем роман «Берег ветров», по сюжету которого создана первая эстонская национальная опера. Другой фон Унгерн принял буддизм и в годы гражданской войны командовал белыми отрядами в Монголии и Забайкалье. Этих людей не назовешь заурядными.

Леонхард Готтхильф Мазинг родился в 1845 г., по новому стилю 3 декабря. Мазинг был ровесником И. А. Бодуэна де Куртенэ, их связывали дружба и доверие. Опубликованная С. В. Смирновым переписка свидетельствует, что в переезде Бодуэна из Казани в Тарту Мазинг сыграл не последнюю роль (Смирнов 1965, 116–139). В тартуский период Бодуэна они вместе вели для студентов семинар по новой языковедческой литературе.

Жизнь Мазинга сложилась так, что ему пришлось очень долго учиться. Сначала он намеревался пойти по стопам отца и 6 лет (1863–1869) занимался на теологическом факультете Дерптского университета, получив в итоге степень кандидата богословия, что по тем временам означало законченное высшее образование. Но пастором не стал. Служил домашним учителем. В 1871 г. выехал в Германию — сначала, по традиции российских студентов, в Геттинген, где слушал лекции по широкому спектру гуманитарных дисциплин, выбирая новую специальность. В результате выбрано было сравнительно-историческое языкознание. Это время было поворотным моментом в мировой лингвистике. В 1870 г. стал профессором молодой А. Лескин, начавший исподволь формировать новое научное направление, прославившееся затем под названием младограмматизма. Именно Лескина выбрал своим научным руководителем Мазинг, переехавший в 1872 г. в Лейпциг. В год защиты Мазингом докторской диссертации (Masing 1876) в Лейпциг приезжает учиться Ф. де Соссюр, Г. Остхоф и К. Бругман делают свои принципиальные открытия слоговых сонантов в праиндоевропейском языке. Обстановка была творческой и благоприятной для научной деятельности.

Младограмматиком Мазинг не становится. Но он слушает лекции у знаменитых филологов Г. Курциуса, А. Куна, Ф. Царнке. Главным его

авторитетом становится на всю жизнь Лескин, которому Мазинг много позднее посвящает прочувствованные строки, в которых выражена глубокая благодарность старшему товарищу и учителю, великолепному знатоку предмета и проницательнейшему научному деятелю, можно сказать, пророку в лингвистике.

И свое научное открытие Мазинг также делает: в диссертации на соискание ученой степени доктора философии он выдвигает, сравнив современное ему сербско-хорватское ударение с древнегреческим и древнеиндийским, оригинальную теорию двусложных акцентов (Masing 1876). Она намного опережает свое время. К сожалению, шквал открытий более принципиального характера в индоевропеистике и связанные с этим споры, разразившиеся сразу вслед за защитой Мазинга, заслоняют от научной общественности значение его диссертации. Долгое время она пылится в библиотеках, и Мазинг, проживший очень долгую жизнь, так и не узнает о том признании, которое в среде специалистов наконец найдет его работа... Зато сейчас Мазинг принадлежит к числу наиболее цитируемых авторов в области славянской и общей акцентологии.

На пути преподавательской деятельности Мазинга стоят и определенные препоны. Российская империя не признает иностранных дипломов. Как мы знаем, у Мазинга не было даже базового образования по филологии. Он должен экстерном сдавать экзамены на звание кандидата русского языка и литературы. В личном деле хранится трехстраничное рукописное сочинение Мазинга на тему о Н. И. Новикове и Н. М. Карамзине. Такие сочинения сейчас пишут абитуриенты. Но Мазинг получает степень кандидата. Возможно, преподаватели учитывают, что тридцатичетырехлетний экстерн является доктором философии Лейпцигского университета, и подходят к этому вопросу как к формальности.

Уже читая лекции в университете, Мазинг пишет магистерскую диссертацию по Изборнику Святослава 1073 г. Для этого ему приходится совершить длительную научную поездку («во внутренние губернии империи»). В ходе командировки Мазинг доезжает до Кирилло-Белозерского монастыря, где хранится один из поздних списков памятника. Тщательное историко-филологическое и лингвистическое исследование происхождения и судьбы Изборника Святослава, к сожалению, остается опубликованным только частично, причем главная часть — разбор самого памятника 1073 г. — хранится в рукописном виде. И в этом случае другие, более счастливые опубликованием работы заслоняют фигуру Мазинга, его роль в деле изучения этого древнейшего памятника русской письменности. Но магистром Мазинг становится (1886).

Наконец, в 1890 г. Мазинг защищает третью свою диссертацию, посвященную фонетике македонских говоров, получает ученую степень доктора сравнительного языковедения (Masing

1890). Сорокапятилетний ученый имеет теперь формальное право на научную карьеру в пределах Российской империи.

Правда, к этому моменту Мазинг уже 10 лет преподает в университете. У него должность доцента по русскому языку и литературе, сначала экстраординарного, а затем ординарного. По некоторым сведениям, последнюю он получает очень поздно, лишь после защиты второй докторской диссертации. (Заметим в скобках, что Мазинг никогда не читал литературоведческих курсов. Зато его коллега и декан Е. Петухов, читавший студентам только литературоведение, имел должность «профессора русского языка в частности и славянского языковедения вообще». Такова была система).

Преподавательскую должность Мазинг получает в 1880 г., а первые курсы объявляет в весеннем семестре 1881 г. Об учебной нагрузке Мазинга пойдет речь ниже. Примерно в это же время в университете создается кафедра сравнительной грамматики славянских наречий, которую занимает сначала Бодуэн де Куртенэ (1883–1893), а затем переведенный из Варшавы А. С. Будилович. Только с отъездом последнего в Петербург Мазинг становится профессором. Становится очень поздно: ученому уже 57 лет. Но он теперь получает возможность преподавать наиболее интересные его курсы.

Со сроками профессорства Мазинга существует определенная путаница. В остзейском биографическом словаре, вышедшем в Кельне и Вене в 1970 г., указано следующее. Согласно данному словарю, Мазинг два года исполняет обязанности профессора сравнительного языковедения, а потом 6 лет является уже профессором кафедры славянской филологии.

В 1910 г. он выходит на пенсию в звании статского советника. И на этом, похоже, преподавательская деятельность Мазинга прекращается (Lexikon 1970, 491). Под портретом, который наши преподаватели и студенты имели возможность видеть десятилетиями — он висел в коридоре старого здания, а теперь на кафедре славянской филологии — указаны совсем другие сроки: профессор славянской филологии с 1919 по 1926 г.

Надо сказать, что профессорские должности Мазинга со временем менялись, но сама должность и учебная нагрузка оставались по сути теми же. Только в эстонский период произошло известное обобщение: кафедра впервые стала называться «кафедрой славянской филологии», а в учебные обязанности Мазинга вернулось преподавание старославянского языка. Никогда он не был профессором сравнительного языковедения. Правы те, кто пишет, что Мазинг получил должность профессора в 1902 г., а последним его учебным семестром была осень 1925 г. (хотя возможно, что формально он был уволен в 1926 г.) (напр.: Булатова 1979, 228).

Путаница происходит из-за учета различных источников и разного понимания их. По архивным документам, Мазинг стал в 1902 г. экстраординарным, в 1904 ординарным, а в 1910 заслу-

женным ординарным профессором. Последнее означало выход на пенсию (возраст — 65 лет, выслуга — 30 лет), и Мазинг действительно получил пенсию размером в 3000 руб. годовых. Кафедра при этом формально сделалась вакантной, но факультет никогда не объявлял на нее конкурс. Напротив, он все время поручал исполнять прежние обязанности проф. Мазингу. В архиве имеется переписка, касающаяся выплаты Мазингу 1200 руб. годовых в дополнение к пенсии за эти труды. Такая система позволяла университету экономить, так как пенсия выплачивалась не из сумм университета, а из Риги, от попечителя учебного округа. Мазинг со своей стороны был готов работать. Ученые мужи так увлеклись, что в 1915 г. просили у министра право для Мазинга по-прежнему занимать кафедру. На что юристы ответили, что нельзя продлить пребывание на службе человека, который уже пять лет формально пенсионер и не находится на службе. Далее были даны рекомендации, в соответствии с которыми статус кво сохранялся до немецкой оккупации.

Оставляя в стороне финансовые и юридические хитрости, мы должны констатировать, что фактический трудовой стаж Мазинга не прерывался, и существо обязанностей, которые он выполнял как профессор, тоже не менялось.

Работал Мазинг и в немецком университете, читал свои дисциплины по-немецки, в Воронеж не поехал. С открытием эстонского университета имперские возрастные ограничения перестали действовать, как и пенсии, как и прежние должности. Мазинг теперь просто профессор славянской филологии (эта должность в 1922 г. получает приставку «ординарный»). Материальное положение сложное, и в архиве есть ходатайство о получении вспомоществования, которое выдавалось правлением университета, если в семье был ребенок школьного возраста.

Мазинг читает теперь свои курсы вперемежку по-немецки и по-русски. 80-летний юбилей становится формальной вехой, после которой факультет находит нужным освободить престарелого профессора от исполнения служебных обязанностей.

Невозможно обойти вопрос об эстонском языке. Р. В. Булатова со слов акад. П. Аристэ пишет, что эстонский был родным языком Мазинга (Булатова 1975, 145). Возможно, это преувеличение. Мы не знаем точно, как проходило его. Если он рос на Сааремаа в семье отца-пастора, он должен был общаться с ребятами-эстонцами. Пастор Карл Йоханнес Мазинг издавал духовные книги по-эстонски. По-видимому, и его четвертый сын владел устным эстонским языком, но, возможно, не в литературной, а в диалектной форме.

Лекций по-эстонски проф. Мазинг не читал. Но это ни о чем не говорит. В отличие от недолго просуществовавшего немецкого университета, эстонский университет языковых запретов не накладывал. Преподаватели читали на том языке, на котором им было удобно, и второй фактор, который учитывался, — потребности студентов. Об этом ясно говорит расписание лекций.

Кроме того, параллельно с Мазингом работал В. Эрнитс, который объявлял свои занятия по-эстонски. Так что, вероятно, имело место разделение студентов внутри кафедры — как и сейчас. Запрет читать лекции на иностранных языках исходил от президента Пятса и вышел в 1937 г.

Акад. П. Аристэ говорил о знании Мазингом эстонского языка горячо. Аристэ видел один из источников теории двусложных акцентов в наблюдениях над эстонским языком. В нем существуют тональные контуры, похожие в чем-то на сербские тоны и охватывающие внутренние звуки слова, т. е. корневой и следующий за ним слог. Теорию слоговых акцентов для эстонского впервые разработал Е. Д. Поливанов (Поливанов 1928, 197–202), у которого жена была эстонка. В наше время этой теории продолжает придерживаться ряд специалистов по экспериментальной фонетике, в том числе и эстонский фонолог Т.-Р. Вийтсо (Вийтсо 1979, 1–17). В типологическое сходство сербской и эстонской просодики можно верить.

Аристэ знал Мазинга лично, слушал лекции в последнем семестре его долгой преподавательской деятельности. По его свидетельству, Мазинг и после завершения работы в университете посещал Общество родного языка. Зачем бы он стал ходить на заседания, если бы не понимал обсуждаемых там тонкостей эстонского языкового употребления? Для самой смерти Мазинга поводом послужило такое посещение — старец на десятом десятке шагал в гололед, поскользнулся, упал и через несколько дней скончался.

Учебная нагрузка. На всем протяжении своей преподавательской деятельности Мазинг занимается со студентами польским и сербско-хорватским языками, чтением и филологическим разбором текстов. Со второго семестра 1889 г. в его нагрузку входит также новоболгарский язык. С начала работы в университете по первый семестр 1902 г. под разными названиями он преподает старославянский язык — читает лекции и ведет практические занятия. Эти занятия Мазинг возобновляет в связи с перестройкой работы университета во втором семестре 1919 г. и ведет их до окончания преподавательской карьеры. Трижды за 45 лет объявляет курс новоцерковнославянского языка.

Значительно меньшее место занимает в преподавательской деятельности Мазинга история русского языка. Лекционные курсы и практические занятия в данной области объявляются им в 1881, 1889–1894, 1897–1903 гг. После занятия кафедры сравнительной грамматики славянских наречий/языков эта научная область уходит из его нагрузки и возвращается в нее только в эстонский период (1922–1925). Спорадически — каждый раз только по семестру — преподает Мазинг современный русский язык (в 1887, 1889, 1891, 1902 гг.).

Ученик Лескина, Мазинг пытается ввести в университете преподавание курсов по литовскому языку со сравнительно-исторической целью. Один из таких курсов ведется *privatissime*

и бесплатно. Однако обе попытки (в 1882 и в 1895 гг.) носят изолированный характер. По-видимому, таких специфических компаративных интересов у тартуских студентов не было.

Новаторским замыслом является (1888, I семестр) курс «Объяснение источников по славянской археологии». В 1891–1894 гг. несколько раз объявляется семинар по новой лингвистической литературе, причем в первый раз — совместно с Бодуэном де Куртенэ.

Начиная с 1901 г. научные интересы Мазинга получают выражение в занятиях по общей фонетике, или, как он предпочитает говорить вслед за Бодуэном де Куртенэ, антропофонике. Соответствующие курсы он предлагает не только славистам, но и всем «лингвистам и филологам различных областей». Сначала даются только упражнения, потом читаются и лекции. До последнего своего учебного семестра Мазинг отдает дань этой излюбленной им проблематике. В период доцентства интересны курсы «Упражнения по южнославянской диалектологии» (1894, II семестр) и ... немецкого языка (чтение и объяснение текста повести немецкого романтика Клейста «Михаэль Кольхаас»).

В 1902 г. учебная нагрузка Мазинга претерпевает существенное изменение в связи с тем, что он занимает кафедру сравнительного изучения славянских наречий/языков. Сравнительная грамматика становится его основным учебным предметом. Сначала (1902, I семестр) читается небольшой курс «Славянские наречия», затем систематическая «Сравнительная грамматика славянских наречий». По мере увеличения накопленного материала и углубления анализа этот курс растет в объеме и в 1906–1916 гг. читается 5 раз как двухгодичный. Выделяются смысловые части: введение, фонетика, склонение, спряжение. В 1914–1915 гг. различаются также фонетика и фонология.

Наряду с этим Мазинг продолжает вести занятия по отдельным славянским языкам, а в эстонский период, как уже было сказано, — и старославянский язык. Последним новшеством в учебной программе Мазинга выступают практические занятия по этимологии — славянской и, шире, индоевропейской. Такие занятия объявляются, начиная с 1910 г., в шести семестрах. Видно, что вопросы происхождения лексики все более занимают немолодого уже профессора, и он охотно делится со студентами результатами своих изучений и разысканий. В последний раз занятия по этимологии объявляются Мазингом в весеннем семестре 1925 г.

Рукописные научные материалы по русскому языку. В рамках данной статьи нас более всего интересует научный подход Мазинга к русскому языку. Это подход проникательного и хорошо знающего теорию лингвиста, который ищет ответ на вопрос о причинах многих грамматических фактов русского языка. Напомним, что русский не являлся для него родным языком.

В рукописном отделе Научной библиотеки Тартуского университета имеется большой фонд Мазинга, и, в частности, не-

сколько папок с выписками на отдельных листках. Карточки или листки бумаги представляют собой свидетельства живого русского грамматического употребления. Частично они классифицированы и разложены по конвертам самим ученым. На некоторых имеются краткие грамматические и иные пометы, но обычно под знаком вопроса.

Ознакомление с этим материалом показывает, что он собирался Мазингом не в процессе овладения русским языком, а в процессе его преподавания. Почерки разные — вероятно, профессор пользовался студенческими материалами. Есть печатные образцы с подчеркнутыми языковыми фактами. На некоторых карточках пометы проф. Д. Н. Кудрявского. Очевидно, Мазинг проверял, имеет ли он дело с языковой ошибкой или же с правильным, но неразъясненным грамматиками явлением. Кудрявский выступал в качестве квалифицированного информатора.

По собранному ученым материалу можно судить, во-первых, в каком направлении двигалась грамматическая мысль самого Мазинга, во-вторых, какие детали русского языкового механизма создают специальные трудности как для употребления, так и для разъяснения в процессе обучения языку. В этом их ценность для нашего времени. Надо сразу сказать, что многие из заинтриговавших Мазинга фактов и сейчас не получают исчерпывающего объяснения в грамматиках и справочниках.

Как и следовало ожидать, огромное количество выписок касается употребления грамматических видов (помета латинскими буквами: *vid*). Мазинга интересует не вопрос об образовании трудной видовой формы и не общие дидактические правила употребления видов. Он выписывает трудные случаи, чаще всего такие, в которых контекст допускает оба вида (почему?). Нередки примеры, в которых контекст как будто диагностирующий, а выбор вида нестандартный. Напр.: *он всегда войдет и скажет ...* — всегда указывает на НСВ; к тому же здесь формы СВ не имеют значения будущего времени. Или: *как стрекнет он мимо меня вдруг*. В ряде случаев автор фиксирует устную профессорскую речь: «Я не могу укорить вас за это» (можно и «укорять») — Крашенинников, декан; «зачастую мы можем подметить» (почему не «подмечать»?) — Д. Н. Кудрявский. Было бы хорошо просмотреть эту часть карточек и отсеять примеры, которые уже получили объяснение, скажем, кратнo-соотносительные конструкции, и выделить те, которые, быть может, все еще требуют пытливого мысли исследователя.

Мы не специалисты в области аспектологии. Нас больше заинтересовала папка номер 120, где собраны факты, относящиеся к морфологии имени и некоторым синтаксическим явлениям. Охарактеризуем ряд интересных тем.

Употребление дательного падежа. Субъектный датив при инфинитиве: не только банальное *нам здесь работать* (инфинитив долженствования, субъект понижается в падежном ранге из-за принудительности действия), но и «моросить — идти мелкому дождю» (Даль). Почему при спряжении да-

тельный субъекта невозможен? Нельзя *«дождю моросит»*? Сюда же при-
мькает *«воспращение содержать евреям аптеки»* (из газет). Особый во-
прос — дательный при предикатах отношения: *равносильный* чему, *чуж-*
дый чему — какое значение имеет здесь дательный падеж?

Порядок слов.

а) в случае приложения: *«прах труженицы матери»* (из объявления) —
определение впереди, но: *«и рюмку за рюмкой хлопал водку-простеца»*
(Щедрин) — определение позади;

б) в двойных согласованных определениях; Мазинг выписывает из раз-
ных мест того же словаря Даля то *«бабий головной убор»*, то *«головной*
бабий убор»;

в) употребление частицы между компонентами устойчивого сочетания:
«не от Михайла же Иваныча!» (из разговора), *«большое весьма влияние*
на...» (грамматист Г. Павский), *«почему же нибудь да не согласилась Ан-*
нинька...» (Щедрин).

Прямой объект в винительном или родительном падеже: *«Если полицию*
днем с огнем не сыщешь, то ночью тем паче» (из газет) почему не поли-
ции, как следовало бы при отрицании? Факторы, влияющие на выбор
падежа в данном случае, в настоящее время выявляются лингвостатисти-
ческим и другими методами.

Pluralis абстрактных существительных: *«русско-славянские изучения»*,
«вызывало много сочувствий».

Согласование по числу слов *кто, что*. Обычно употребляется единст-
венное число независимо от количества предметов или существ: — *Кто*
это пришел? — *Студенты*. Мазинг знает это правило и поэтому выписыва-
ет примеры: *«те одиночки, что делают это для аферь»* — вероятно,
что здесь союз, но как тогда объяснить *«те, кто составляли дружину?»*

Обращает внимание профессор и на возможность деепричастного
оборота при безличных конструкциях, нарушающую правило единства
субъекта: *«принимая в соображение ... (то-то и то-то), приходится благо-*
дарить».

Верно ли употребление *бы* при причастии (а не только при форме на
-л и инфинитиве)? Выписанный Мазингом пример: *«не произвести на*
свет ни одного сколько-нибудь возвышавшегося бы над уровнем посред-
ственности человека».

Вопрос, занимающий специалистов по именам собственным: должно
ли согласовываться в падеже местное название с родовым термином? При-
мер Мазинга: *«в селъце Малых Ремезенках произошло следующее явление»*.

Собранные много лет назад Л. Г. Мазингом языковые материа-
лы и в наши дни представляют серьезный научный интерес и
свидетельствуют об огромном внимании к фактам грамматиче-
ской системы русского языка и неизменном стремлении уста-
новить логику ее построения.**

* В действительности уже на третий год после публикации диссертации
Л. Мазинга о сербско-хорватском ударении появилась обширная ре-
цензия о ней в крупнейшем международном славистическом издании:
Lj. Kovačević. *L. Masing. Die Hauptformen* <...>. Archiv für slavische

Philologie, Berlin, 1879, Bd III, 685–696. Основательную оценку труд Мазинга получил впервые в раб.: I. Lehiste, P. Ivić. *Accent in Serbo-croatian. An experimental study*. Ann Arbor, 1963. — Прим. отв. редактора.

- ** Использованы фонды Эстонского Исторического архива (ф. 402, оп. 2, ед. хр. 16076, лл. 3, 5, 60; оп. 3, ед. хр. 1039, лл. 50, 87, 88, 131, 140–141, 142, 191, 192, 193; ф. 2100, оп. 2, ед. хр. 619, л. 16; оп. 2^b, ед. хр. 48, л. 16) и Отдела рукописей Научной библиотеки Тартуского университета (ф. 43, ед. хр. 121, passim).

ЛИТЕРАТУРА

- Булатова 1975 — Р. В. Булатова. *Леонгард Готтхильф Мазинг (1845–1936)*. Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi, Tartu, 1975, I, 142–158.
- Булатова 1979 — Р. В. Булатова. *Мазинг Леонгард Готтхильф*. Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. Москва, 1979, 228–229.
- Вийтсо 1979 — Вийтсо Т.-Р. *Проблемы количества в эстонском языке*. Советское финно-угроведение, Таллин, 1979, т. XV, № 8, 1–17.
- Николаева 1991 — Т. М. Николаева. *Попытка фонетической интерпретации неоштокавского акцентного сдвига*. *Studia slavica*. Москва, 1991, 112–123.
- Поливанов 1928 — Е. Д. Поливанов. *Введение в языковедение для восточковедных вузов*. Ленинград, 1928.
- Смирнов 1965 — С. В. Смирнов. *Письма И. А. Бодуэна де Куртене Л. К. Мазингу*. Труды по русской и славянской филологии VII (УЗ Тартугу, вып. 166), 1965, 116–139.
- Шаховская, Лоосме 1978 — Т. Шаховская, И. Лоосме. *Материалы по изучению Изборника Святослава 1073 г. в фонде Л. Мазинга*. Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. XXXVII, Москва, 1978, № 5, 462–465.
- Lehiste 1970 — I. Lehiste. *Suprasegmentals*. Cambridge – Massachusetts – London, 1970.
- Lehiste, Ivić 1986 — I. Lehiste, P. Ivić. *Word and sentency prosody in Serbo-croatian*. Cambridge – Massachusetts – London, 1986.
- Lexicon 1970 — *Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1710–1960*. Köln – Wien, 1970.
- Loosme 1974 — I. Loosme. *Leonhard Masingu käsikirjad TRÜ raamatukogus*. Keel ja kirjandus, Tallinn, 1974, № 11, 686–688.
- Masing 1876 — L. Masing. *Die Hauptformen des serbisch-chorwatischen Accents. Nebst einleitenden Bemerkungen zur Accentlehre, insbesondere des Griechischen und des Sanskrit*. Inauguraldissertation <...> (Mémoires de l' Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg, VII série, t. XXIII, N 5). St. Pétersbourg, 1876, VIII, 96 s. (оттиск).
- Masing 1890 — L. Masing. *Zur sprachlichen Beurteilung der macedonischen Slaven. I. Vertretung von tj und dj*. Inaugural-Dissertation. St. Petersburg, 1890, (4), 109 s.

Елена Викторовна Антушева
Tartu

ИЛЬИНСКИЙ-ЭТИМОЛОГ (ТАРТУСКИЙ ПЕРИОД)

История славянского языкознания – Г. А. Ильинский и Юрьевский (Тартуский) университет – этимологические этюды

В литературе о Григории Андреевиче Ильинском (1876–1937) недостаточно внимания уделялось периоду его работы в Юрьевском (Тартуском) университете, что неизбежно повлекло за собой ряд противоречий и неточностей в публикациях: иногда не совсем верно указывается время избрания его здесь профессором, иногда время его работы в Тарту вообще игнорируется¹. Настоящее сообщение является попыткой разрешить эти противоречия, осветить, по возможности, деятельность Ильинского в Юрьеве и сделать краткий обзор его этимологических исследований за этот период².

Избрание Ильинского на должность. 19 октября 1915 г. на заседании историко-филологического факультета Юрьевского университета встал вопрос о замещении вакантной должности по кафедре русского языка в особенности и славянского языковедения вообще, а также сравнительной грамматики славянских наречий (Эстонский Исторический архив³, ф. 402, оп. 9, № 544, л. 62). На следующем заседании, которое состоялось 16 декабря того же года, проф. Е. В. Петухов, исполняющий обязанности декана факультета, указал, что желательным кандидатом он считает ординарного профессора Нежинского Историко-филологического института Григория Андреевича Ильинского. Ввиду этого факультет постановил: просить проф. Л. Г. Мазинга представить на следующее заседание свой отзыв о научной деятельности проф. Ильинского и пригласить последнего в качестве кандидата на замещение профессуры (там же, л. 90). 8 февраля 1916 г. на факультете состоялось заседание, посвященное избранию Ильинского на вышеуказанную должность. На этом заседании было заслушано curriculum vitae профессора, затем подробный обзор его трудов, составленный проф. Ма-

зингом, в котором последний отметил исключительные научные достоинства Ильинского, его «поразительную работоспособность, соединенную с оригинальностью мысли, редким критическим тактом и умением выбирать для своих исследований темы, представляющие наибольший научный интерес». Докладчик считал избрание Ильинского на эту должность «в высшей степени желательным» и подчеркнул, что «в его лице университет приобрел бы высокоталантливую ученого и преподавателя» (черновики этого обзора находятся в зале редких книг и рукописей библиотеки Тартуского университета — ф. 43, №17). Далее декан прочел обращенные к нему письма об Ильинском от акад. А. А. Шахматова и проф. Е. Ф. Карского, а проф. В. Э. Регель зачитал общий отзыв о нем. В результате Ильинский был единогласно избран на вакантную должность (ЭИА, ф. 402, оп. 9, № 544, л. 98), о чем 22 февраля 1916 г. было сообщено Совету университета (ф. 402, оп. 4, № 1523). 21 марта в Совет университета было прислано отношение директора Историко-филологического института с препровождением копии послужного списка и других документов проф. Ильинского⁴. 20 июня приходит указ о назначении Ильинского с 6 февраля 1916 г. ординарным профессором кафедры русского языка в особенности и славянского языковедения вообще, а также сравнительной грамматики славянских наречий (ф. 402, оп. 9, № 544, л. 116). Таким образом, дата избрания, указанная В. К. Журавлевым (март 1916 г.), является не совсем точной (Журавлев 1962, 30).

Приезд в Юрьев. Ильинский присылает в Совет университета уведомление о невозможности вступления в должность ранее двадцатых чисел июля (ф. 402, оп. 4, № 1523). Следует предположить, что он прибыл в Юрьев в промежутке между двадцатыми числами июля и концом августа (или началом сентября), так как на 3 сентября была уже намечена его вступительная лекция на тему «Древнецерковно-славянский язык как центральный предмет славянского языкознания» (там же). Лекция, по-видимому, состоялась (хотя и не была опубликована), так как на заседании факультета, которое проходило также 3-го сентября, Ильинский уже присутствует и, более того, вносит предложение обратиться к правлению с просьбой о содействии в выписке последних изданий по славяноведению из Германии и Австрии (ф. 402, оп. 9, № 544). Таким образом, Григорий Андреевич приступил к обязанностям преподавателя Юрьевского университета со второго (осеннего) семестра 1916 г. К началу марта 1918 г., в связи с вступлением немецких войск в Юрьев, чтение лекций и сдача экзаменов были завершены (ф. 402, оп. 9, №

595); в июле и сентябре этого же года специальные поезда с русскими преподавателями и студентами были отправлены в Воронеж. В одном из этих поездов уехал и Ильинский.

Исполнение обязанностей. В Юрьеве Ильинский, проживавший в доме № 1 на улице Л. Н. Толстого (ф. 402, оп. 4, № 1520), читал лекции по трем дисциплинам — русскому языку, древнецерковнославянскому, и по истории славянских литератур (Обозрение 1916, II, 10; 1917, I, 10; 1917, II, 9; 1918, II, 9); помогал Д. Н. Кудрявскому в издании университетского журнала «Византийское обозрение», где печатались статьи по вопросам ранней истории и культуры славян; избирался в Особую комиссию (которая, кажется, так и не начала свою работу) по вопросу об основании уральского отделения при историко-филологическом факультете (ф. 402, оп. 9, № 544, л. 177), а также в совместную с физико-математическим факультетом комиссию по вопросу о вакантной кафедре географии, этнографии и статистики (там же, л. 178); ходатайствовал об оставлении при кафедре некоторых студентов, предлагал кандидатуры молодых исследователей на вакантные должности и пр.

О научной деятельности в юрьевский период. Исследователи отмечают малую, по сравнению с общей плодотворностью Григория Андреевича, продуктивность его научной работы во время пребывания в Юрьеве. Так, из более чем пятисот опубликованных работ на тартуский период приходится не более десяти. Но это имеет объективные причины. Дело в том, что в это время университетская библиотека уже частично была эвакуирована в Нижний Новгород и Пермь. Причем была вывезена часть, ценная «не столько для преподавания, сколько для производства самостоятельных научных работ» (ф. 402, оп. 9, № 595). Оставшейся семинарской библиотеки было явно недостаточно для серьезных исследований, особенно Ильинскому, для которого, как отмечают, всегда была важна библиографическая полнота, «стремление учесть все точки зрения по интересующему его вопросу» (см.: Журавлев 1962, 42), а те статьи и рецензии, которые он печатает за эти годы, по времени написания скорее всего относятся к более раннему, «доюрьевскому» периоду. На это указывает и то, что самые последние исследования, на которые он ссылается в этих работах, датированы не позднее 1915 г.

Этимологические работы юрьевского периода. Речь идет о двух публикациях — «Славянские этимологии» (Ильинский 1916–1918/1921) и «Мнимая ассимиляция редуцированных гласных в праславянском языке» (Ильинский 1917)⁵.

Последняя работа представляет собой критический отклик на статью А. И. Соболевского «Одно из редких явлений русской фонетики» (РФВ, 1910, т. LVIV, 114–117), основанный на этимологическом анализе примеров. Разобрав подробно этимологию 13 примеров, которые Соболевский приводит в качестве доказательства своей теории, Ильинский показывает, что «дело обстоит не так просто». Его вывод сводится к тому, что дубли-ты с ъ/ь являются не результатом спорадической ассимиляции, происходившей в праславянскую эпоху в том случае, если в следующем слоге слышался ъ, как утверждал Соболевский, а отражают древние параллельные формы, возникшие из вариантов общего и.-е. корня, различающихся степенью аблаута, или же возникают по аналогии вследствие влияния других форм.

К подобным же выводам Ильинский стремится и во всех остальных случаях, когда встречается с неясными спорадическими явлениями, напр., в случае славянских вариантов с *i/y*, описанном им в «Этимологических исследованиях» 1917 г. в ИОРЯС, ср.: *ryba* — перв. 'животные с чешуйчатой или линяющей кожей' < **(e)reub(h)* 'отделять, рвать' // **(e)rei-* (гр. *ἐρείπω*) > *riba*; или объяснение срхв. *voće* без нач. *o* в (РФВ, 1916): формы с *o-* < и.-е. **aueg-* 'расти', от которой, в свою очередь, > **uog-* (*auog-*) > **vog + tь* (ср. **mogtь*) > **vogtь* 'овощ, т. е. то, что растет', мн. **vogtьje* > срхв. *voće*.

В общей сложности за эти годы Ильинским представлено около ста этимологических этюдов по словам русского, украинского, чешского, польского, сербско-хорватского, словенского, старославянского и праславянского языков (напр., прасл. *svěžb, lata* 'материя, заплата', *ryba, visěti, bagati* 'желать', *rešeto*, ст.-сл. *овоць, вацци*; з.-сл. *kat* 'палач', чеш. *hlesnout* 'издавать звуки', *tisic*, пол. *zbroj* 'вооружение', ю.-сл. *kip* 'изображение', срхв. *lâst* 'удобство' и др.). Каждый из этюдов включает в себя историю вопроса и оригинальное этимологическое решение автора.

Стремление Ильинского возвести как можно больше слов к общей и.-е. праформе и доказать исконность лексемы в славянских языках, его этимологии имели большую ценность для развития славянского исторического языкознания (подробный обзор истории вопроса, большой объем материала — примеры из диалектных и древних славянских текстов, неопубликованных рукописей).

Как уже упоминалось ранее, все эти статьи скорее всего были подготовлены Ильинским еще до приезда в Юрьев и, возможно, являются не опубликованными все эти этимологические этюды ранее расширенными фрагментами его «Праславянской грамматики», вышедшей в Нежине перед отъездом ученого. На это может указывать то, что отдельные расположенные рядом

этимологии часто можно объединить в группы, так как они либо возводятся к общей праформе, либо отражают одно языковое явление, напр., семантическое сходство образования названий насекомых от звукоподражательных глаголов:

чеш. <i>včela</i>	< <i>vučeti</i>	< * <i>vъk-</i>
пол. <i>pszczoła</i>	< <i>bzučeti</i>	< * <i>bъz-</i>
слов. <i>čbēla</i>	< <i>čdbljāti, ščdbljāti</i>	< * <i>čъb-, (s)/kъb-</i>
ст.-сл. вѣчела	< воучати	< * <i>bъk-</i>

Таким образом, пребывание Ильинского в Юрьеве никак не отражается в его печатных работах по этимологии этого периода. Неопубликованные исследования, планы и открытия ученого без учета личной переписки и рукописных материалов проследить, к сожалению, не возможно.

Однако представляет интерес, на наш взгляд, следующий факт: на заседании совета факультета 5-го декабря 1916 г. выдвигается новая тема на соискание наград студентами — «Финские элементы в русском языке» (ф. 402, оп. 9, № 544). Ранее, в сентябре, было представлено зачетное сочинение В. И. Эрнитса по теме «Обзор разработки хронологии славяно-финских языковых соприкосновений», т. е. тема, видимо, вызвала интерес юрьевских преподавателей-лингвистов. Но сочинение Эрнитса на степень кандидата славяно-русской филологии, представленное в 1918 г, посвящено уже более широкой теме — «Очерки истории разработки вопроса об индоевропейско-уральском прародстве». Следует отметить, что отзыв на эту работу, написанный Мазингом, был подписан также Ильинским (ф. 402, оп. 1, № 30815, лл. 54–66; самих работ в архиве нет, так как их забрал автор). Сведений о том, что в Тартуском университете была все-таки позднее написана работа на выдвинутую факультетом тему, нет.

Казалось бы, ничто, кроме рецензирования кандидатского сочинения Эрнитса, не дает нам повода связывать эту тему с Ильинским, так как нигде ранее и за период работы в Тартуском университете в его исследованиях данная проблематика не затрагивается. Но десять лет спустя в «Известиях общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» выходит статья Ильинского под названием «К вопросу о финских словах в русском языке» (Известия <...>, т. 34, вып. 1–2, с. 179–192). Можно предположить, что эта тема так или иначе заинтересовала Ильинского, и, возможно, уже в Юрьеве он начинает собирать для нее материал⁶.

⁶ Так, напр., указывается, что Г. А. Ильинский стал профессором только эвакуированного в Воронеж Юрьевского университета в 1918–1920 гг. (Булахов 1977, 229).

- ² Первые две задачи осложняются тем, что в местных архивах не удалось обнаружить ни личного дела Ильинского, ни его рукописей. Все документы были отправлены в связи с эвакуацией в Воронеж, и обратно, видимо, уже возвращены не были. Сведения, приведенные в статье, удалось добыть косвенным путем: из протоколов заседаний, списка входящих бумаг в Совет университета, личных дел других преподавателей и студентов и т. п.
- ³ Далее — ЭИА.
- ⁴ Ни самих документов, ни их копий нам обнаружить не удалось.
- ⁵ Этимологический этюд «Река Двина», вышедший в ИОРЯС, В. К. Журавлев, составивший библиографию Ильинского, относит к 1918 г., но в самом журнале он датирован 1919 г. Это стало возможным, видимо, потому, что номер журнала вышел позднее — в 1921 г.
- ⁶ Проверить это нам, к сожалению, не удалось, так как источник оказался недоступным.

ЛИТЕРАТУРА

- Булахов 1977 — М. Г. Булахов. *Восточнославянские языковеды. Библиографический словарь. Т. II.* Минск, 1977.
- Журавлев 1962 — В. К. Журавлев. *Григорий Андреевич Ильинский.* Москва, 1962.
- Ильинский 1916–1918/1921 — Г. А. Ильинский. *Славянские этимологии.* РФВ=Русский филологический вестник, Варшава, 1916, т. LXXVI, вып. 2, № 4, 243–250; 1917, т. LXXVIII, вып. 1–2, № 3–4, 187–212; Известия ОРЯС, 1921 (за 1918), т. 23, кн. 1, 125–182; т. 23, кн. 2, 180–245.
- Ильинский 1917 — Г. А. Ильинский. *Мнимая ассимиляция редуцированных гласных в праславянском языке.* Известия ОРЯС, 1917, т. 22, кн. 1, 188–204.
- Обозрение 1916–1918 — *Обозрение лекций в Юрьевском университете.* Юрьев, 1916, II сем., 10; 1917, I сем., 10; II сем., 9; 1918, II сем., 9=Обозрение лекций в Императорском Юрьевском Университете (1916, II сем. – 1917, II сем). УЗ Юрьевского ун-та, Юрьев, 1916, № 7, 10; 1917, № 1, 10; № 5, 9.

Оксана Николаевна Паликова
Tartu

«РУССКО-ЭСТОНСКИЙ СЛОВАРЬ» (1940–1947) П. АРУМАА, Б. ПРАВДИНА, Й. В. ВЕСКИ

История славистики в Тартуском университете – лексикография – русско-эстонский словарь 1940–1947 гг.

Словарь, который является предметом нашей статьи, выходил дважды:

- 1) 1-е изд.: *Русско-эстонский словарь. В 2-х т.* Тарту: Эстонское литературное общество/Eesti Kirjanduse Seltsi natsionaliseeritud trükikoda, 1940–1947, 848 с. На обложке 1-го тома указано: «Составил проф. П. Арумаа. С грамматическим введением и при участии лектора Б. Правдина»; на обложке 2-го тома авторы не указаны, на последней странице (последней тетради) стоит: Б. Правдин и И. В. Вески. *Русско-эстонский словарь. На русском и эстонском языке.* Тарту: Эгосиздат «Научная Литература», с. 849–1452 (пагинация продолжается с 1-го тома), всего 603 с.;
- 2) 2-е издание: Пеэтер Арумаа, Борис Васильевич Правдин, Йоханнес Вольдемар Вески. *Русско-эстонский словарь. В 2-х т.* Таллин, 1975.

Об авторах

Из трех авторов, указанных на обложке второго издания словаря, самым молодым был *Пеэтер Арумаа/Peeter Arumaa* (11.10.1900–1982; урожд. *Blaubrück* — сменил фамилию в 1926 г.). Родился в Пыльтсамаа, в семье строительного мастера Яана Блаубрюка. Учился в Тарту в гимназии Х. Трефнера (окончил ее в 1920 г.), в Тартуском университете изучал финно-угорские и славянские языки (окончил в 1927 г. со степенью *mag. philosophiae*). Стажировался в Германии, в Берлине (1927–1929) как стипендиат Тартуского университета, учился там у М. Фасмера. Совершал научные поездки в Литву, Польшу, а также в 1931 г. в Прагу по стипендии эстонского правительства. В университете начал преподавать в 1933 г.; в 1934 г. защитил докторскую диссертацию (посвященную истории литовских местоимений), стал экстраординарным профессором кафедры славянской филологии, с 1938 г. также кафедры индоевропейских языков. Позже, 8 апреля 1940 г., стал ординарным профессором кафедры славянской филологии и индоевропейского языкознания. 20 марта 1944 г. в Таллине П. Арумаа расстался с Карин Лутс (род. 29 апр. 1904 г.). 3 июля 1944 г. попросил в

университете предоставить ему два отпуска — обычный и для научных занятий. Получив разрешение на отпуск, уехал и в Тарту больше не вернулся. Через некоторое время стало известно, что П. Арумаа с супругой эмигрировал в Швецию (Ariste 1988, 552).

Борис Васильевич Правдин (1.04.1887 – 4.09.1960). Родился в России; когда ему было около 3 лет, семья переехала в Таллин, затем в Ригу. Окончил Московский университет с дипломом 1-й степени по славянской филологии (1904–1912, *sand. phil.*). В 1912 г. начал работать в Риге в городской реальной школе (русский язык и история). Со школой переехал в Тарту. В 1919 г. начал преподавать в гимназии Х. Трефнера (в это время там еще учился П. Арумаа), в том же году стал лектором Тартуского университета. В 1920-е гг. также работал в Тартуской городской женской гимназии (латинский язык), в Тартуской городской промышленной школе (русский язык) и в Тартуском народном университете на языковых курсах (русский и французский языки). Правдин, много лет преподававший русский язык, по-видимому, хорошо ощущал нехватку русско-эстонских словарей. В 1936 г. он опубликовал в Тарту русско-эстонский словарь, который преследовал, как он сам писал в предисловии, прежде всего учебные цели, а также предназначался в помощь эстонскому читателю русских текстов. При выборе слов он стремился учитывать в первую очередь частотность лексики, что усложняло его задачу, так как «лексика русского языка очень богата, а частотных словарей не существует» (Pravdin 1936). Уже этот небольшой словарь Правдин снабдил грамматическим очерком русского языка. В 1940 г., несмотря на то, что уже готовился к печати 1-й том словаря П. Арумаа, учебный словарь Правдина был переиздан (Pravdin 1940, 2). Второе издание учебного словаря не было простым воспроизведением первого (1 изд. — 353 с., 2 изд. — 383 с.). В частности, словник был дополнен словами, которых не было в первом издании. Так, напр., в букву «Г» было добавлено 19 слов: это и просто не включенные в 1-е издание общеупотребительные слова (типа *геройство, голодать, громоздкий*), и слова, называющие новые реалии (*горком, госбанк, Госплан, ГЭС*).¹ Таким образом, словарная работа не была для Правдина неизведанной областью. Переиздание учебного словаря свидетельствует о том, что он был востребован читателем. Естественно поэтому, что Арумаа подключает Правдина к работе над своим словарем и, кроме того, поручает ему написать грамматическое введение.

Участовавший в работе над словарем Й. В. Вески был его самым старшим автором. Он же стал его самым «постоянным, долгим» автором. *Йоханнес Вольдемар Вески/Johannes Voldemar Veski* (1873–1968). В статье памяти академика Вески Общество родного языка (Emakeele Selts) писало, что с этим человеком «связано развитие эстонского литературного языка на протяжении 70-ти лет» (Emakeele Seltsi aastaraamat 1968–1969, 5).² Перечисление достижений Вески заняло бы много места. Упомянем лишь некоторые факты. Вески был основным автором Эстонского ортологического словаря «Eesti õigekeelsuse sõnaraamat». При его участии вышло около 30 специальных словарей. Особенно заметен вклад Вески в

развитие и упорядочение эстонской терминологии (из самых разных сфер). Приведем лишь два примера устоявшихся сейчас лексем, введенных в употребление или просто придуманных Вески. *Lõiv*: для того, чтобы найти эквивалент слову *пошлина* — «нашел в одной грамматике 18 в., взял его оттуда и стал использовать в значении *пошлина*» (Veski 1961, 66); *puit*: *дерево* — *древесина* «Директор школы из Вяймела предложил различать и *древесину* называть *puut*. Я две недели думал и понял, что не *puut* и не *puund*, а *puit*» (Veski 1961, 67). Вески — единственный из авторов словаря, оставивший воспоминания о том, как словарь писался (Veski 1968–1969).

О предшественниках словаря

Существовавшие в то время русско-эстонские словари либо устарели, либо были невелики.⁴ Об этом, напр., писал в рецензии на седьмую тетрадь словаря Й. Вяйнасте:

«Мы имели полные и современные словари финского, шведского, немецкого, английского и французского языков, что же касается русского, то должны были обходиться или карманными словарями или 'старым Юркатамом'» (Väinaste 1946).

Очевидной поэтому была задача словаря: необходимо было написать словарь достаточно большой, т. е. увеличить словник, и достаточно современный, т. е. представить новую лексику.

К истории создания

П. Арумаа начал работать над словарем в 1936 г. по заказу (проекту?) Эстонского Литературного общества (Словарь 1940–1947, I, 11). Акад. П. Аристэ писал об этом в своих воспоминаниях:

«Будучи профессором Тартуского университета, начал Пезтер Арумаа составлять русско-эстонский словарь. Этой работой он усердно занимался в любой момент, свободный от других занятий. Тогда он жил на улице Якобсони, 6, позднее 10; стол был уставлен ящиками, в них находились карточки со словами, которые Арумаа постоянно пополнял <новыми словами>. В предисловии к словарю сказано, какие финские и эстонские словари и другие издания послужили источником <языкового> материала. <...> Если <мне> случалось оказаться по какому-нибудь делу у Пезтера Арумаа, который как раз был со своими карточками, то Арумаа прерывался, закладывал место, до которого дошел, картонной закладкой и начинал спрашивать о значении какого-нибудь эстонского или русского выражения (сам я занимался в Причудье сбором эстонского и русского фольклора и <поэтому> знал редкие слова). Также я мог знакомиться с готовыми частями рукописи и высказывать свое мнение. Первые шесть тетрадей, 848 страниц, «Русско-эстонского словаря» были напечатаны в 1940 г. в издательстве Tartu RK «Teaduslik Kirjandus». <...> Рукопись словаря была закончена, но не обработана, часть ее даже была набрана, однако во время немецкой оккупации продолжать написание русского словаря было невозможно. Это могло произойти только после восстановления со-

ветской власти. На обложке второй части (с. 849–1452) в качестве авторов словаря упомянуты Борис Правдин и Йоханнес Вольдемар Вески, которые опубликовали словарь до конца. Поскольку Пезтер Арумаа эмигрировал, упомянуть его имя на обложке было невозможно» (Ariste 1988, 552).

Эти воспоминания Аристе позволяют нам судить о той роли, которую сыграл Арумаа в создании словаря, — по сути дела он был основным автором, хотя в предисловии к первому тому скромно назвал себя всего лишь редактором.⁵

Итак, на время войны работа над словарем была прервана. После восстановления Советской власти в Эстонии встал вопрос о том, чтобы закончить издание словаря. Существующую рукопись необходимо было доработать, выправить и дополнить. Четыре последние тетради (7–10) словаря, составившие 2-й том, были подготовлены к печати Правдиным и Вески и напечатаны в 1945–1947 гг. Вески писал об этом:

«Я <с самого> начала участвовал в создании 'Русско-эстонского словаря'. Рукопись составлял П. Арумаа, я читал печатные листы. Редактором первой тетради был Х. Круус. Корректуру мы читали вместе с Б. Правдиным, и автор относился к нашим замечаниям очень серьезно. Но наступило военное время, и работа осталась наполовину незаконченной — на 56 листе, на слове *pretor*. П. Арумаа уехал в Швецию, и продолжение книги осталось на нашем с Правдиным попечении. Мы значительно дополнили готовую рукопись, а также составили недостающую часть. Словарь издавался тетрадями и был окончательно готов в 1947 г.» (Veski 1968–1969, 20).

Словник

Объем словника впечатляет — ок. 45 тыс. слов.⁶ При составлении авторы должны были учесть большое количество слов, которые прежде не фиксировались русско-эстонскими словарями. В этом плане можно выделить три пласта лексики, которые Арумаа включает в словник помимо общеупотребительной лексики (судя по воспоминаниям Аристе, именно Арумаа определил словник будущего словаря). Во-первых, это «устоявшиеся», но более или менее редкие слова русского литературного языка, входившие в русские толковые словари. Во-вторых, неологизмы современной эпохи, связанные с новым общественным строем, — советизмы. И, в-третьих, — диалектная лексика, которая, как правило, не включается в переводные (неспециализированные) словари. Рассмотрим несколько подробнее эти три категории слов.⁷

1. Как Арумаа сам пишет в предисловии, при составлении словника он обратился к «Толковому словарю русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (ТСРЯ 1935–1940). К 1940 г., когда вышел первый том словаря, было доступно три первых тома (из

четырёх) вышеназванного словаря. К каким же еще изданиям обращались авторы для пополнения словарного материала? На этот вопрос можно ответить, проведя анализ включенных слов. Естественно, общеупотребительная лексика, отраженная в большинстве словарей, непоказательна. Обратимся к относительно редкой лексике, обилие которой обращает на себя внимание при чтении словаря. Это специальная и книжная лексика, а также просто малоупотребительные слова, в т. ч. экзотизмы (назовем условно такие лексемы *редкими*). В приведенной ниже выборке (см. табл.) можно увидеть примеры редких слов. Сравнение даже такого небольшого участка словника⁸ показывает, что Арумаа пользовался не только словарем под ред. Ушакова. По-видимому, одним из основных источников был Словарь русского языка Имп. АН (СРЯ 1895–1915) — об этом свидетельствует простое сравнение перечня слов (см. табл.). Отметим, кстати, что в новейшем русско-эстонском словаре (VES 1984–1994) редкая лексика словаря Арумаа частично отсутствует — см. 4-й столбец таблицы.

Словарь (I, с. 208)	СРЯ Имп. АН (1892)	ТСРЯ (1935)	VES (1984)
гебраи'ст Hebraist	+	+	+
гева'н Pukspuu	+	–	–
ге'джра hidžra (araabia ajaarvamissüsteem)	+	+	–
гедони'зм hedonism (õpetus, mille järgi <...>)	–	+	+
ге'зе'ль (< sk. Geselle) arh. apteekriabiline	+	–	–
гезе'нк mäend. umbkaevand, gesenk	+	–	+
ге'йзер geol. geiser (kuuma vee purskallikas)	–	+	+

Кроме того, что составление большого словника потребовало от авторов словаря закономерного обращения к толковым словарям русского языка, необходимо было перевести всю эту лексику на эстонский язык (и эта задача, естественно, была самой трудоемкой). В словаре *редкие* слова переводятся разными способами:

- 1) приводится собственно эстонское соответствие (при заимствованиях иногда указывается язык-источник), напр.:
нувори'ш (< *pr.* nouveau riche) uusrikas, tõusik (I, 595);
- 2) приводится как заимствованное соответствие, так и собственно эстонское (последнее может, условно говоря, играть роль толкования при иноязычном слове):
лю'гер (< *ingl.* lugger) *mer.* lüüger, rannasõidupurjekas (I, 477);
номи|н|ати'вныйй *lgv.* nominatiivne, nimetavaline; ~а'ция nominatsioon, nimetamine (I, 594);
- 3) приводится только заимствованный эквивалент (может сопровождаться толкованием):
лю'джия (< *it.* loggia) *arhit.* lodža (poollahatine kaarkoda) (I, 472);

саги́б (саи́б) *sahib* (hindude viisakas nimetus eurooplase, peremehe kohta) (II, 1024);

ро́стр *ajal. rostrum* (laevaninamik) (II, 1012);

- 4) приводится однословный эквивалент (также заимствованный), который не сопровождается толкованием (в приведенном ниже примере можно объяснить отсутствие толкования тем, что перед нами библеизм, — т. е. авторы, по-видимому, считают, что слово общеизвестно), напр.:

саддуке́й *ajal. saduser* (II, 1024);

- 5) используется описательный перевод, напр.:

ро́стра льный *laevaninamikega kaunistatud* (eriti samba kohta) (II, 1012).

2. Второй пласт лексики, широко отраженный в словаре, — неологизмы советской эпохи. В своей рецензии Й. Вяйнасте писал:

«В отношении полноты словарь не оставляет желать лучшего. В нем мы находим весь общепотребительный русский словарный запас. Отсутствовать могут лишь постоянно возникающие в журналистике и в жизни новые дериваты и сокращения (напр., «особторг»), за которыми исчерпывающе не сможет уследить ни один словарь» (Väinaste 1946).

Словарь содержит очень много советизмов (это и словообразовательные, и семантические неологизмы). Авторам пришлось проделать огромную работу по их переводу на эстонский язык. С учетом исторического момента (словарь создается с 1936 г. по 1947 г.) можно предположить, что во многих случаях авторам приходилось не подбирать эстонский эквивалент, а создавать его. Аббревиатуры при этом расшифровываются, в некоторых случаях дается и описание реалии, стоящей за лексемой. Вот некоторые примеры:

всеработземле́с *lüh.* (= Всероссийский профессиональный союз работников земли и леса) *Ülevenemaaline Maa- ja Metsatöölise Ametiühing* (I, 167);

парти́ец -ийца *neol. parteimees; parteiliige; partilane* (I, 697)⁹;

партма́ксимум *lüh., ajal. parteiliikme kõrgeim kuupalk* (I, 697);

совба́рышня *lüh.* (= советская б.) *nõukogude preili* (ebahiskondlik naisteinistuja Nõukogude võimu algaastail) (II, 1113).

Очень интересно по отношению к советизмам используется система временных помет: время возникновения основной массы советизмов не отражено, очень немногие сопровождаются пометой *neol.* (см. выше *партиец*, а также *партийка* — там же), некоторые имеют помету *ajal.* (*истор.*; см., напр., *партмаксимум*). Встретилось даже такое показательное сочетание помет, которое как бы отражает суть исторической ситуации — происходящее является и чем-то новым, и одновременно относится к истории, ср.: *партми́нимум* *neol., ajal. parteiliikme poliitiliste teadmiste miinimum* (I, 697).¹⁰

В целом можно заключить, что в отношении перевода на эстонский язык советской лексики, которая в настоящее время практически полностью перешла в разряд историзмов, словарь

останется незаменимым справочником. Так, в новейшем четырехтомном русско-эстонском словаре также содержится много советизмов, однако их набор уступает словарю: есть более употребительные лексемы типа *всевобуч* 'всеобщее военное обучение', *партиец*, но нет более редких и давно устаревших типа *всерабис*, *всеработземлес* и т. п.

3. Третий пласт лексики, который Арумаа включил в словарь, составляют диалектизмы. Пометой *murd.* = *диал.* сопровождаются и слова, которые скорее всего относились к местным русским говорам (их меньше), и диалектизмы (?) более широкого распространения (часто понятные или известные и носителям литературного языка), напр.: по'моха *murd.* (*vilja*)rooste; põuavine (I, 803); разгруда й *murd.*, *neol.* isik lahtise särgi- (*kuue*-) rinna-ga (II, 947); калу'га *murd.* mudane v. rabane v. soine koht; luht; põilomp; teatav liik beluugakala (*Acipenser orientalis*) (I, 394); помо'га *arh.*, *murd.* abi, toetus (I, 803); пора'лик *murd.* väike sarv-sai (II, 1006).

На фоне всего словника диалектной лексики не очень много, однако, если учесть объем словаря, этот пласт все же нельзя считать незначительным.

Кроме диалектной лексики, в словаре есть еще один разряд слов, условно говоря, непривычный для пользователя двуязычного словаря: это личные имена с многочисленными диминутивами, причем фамильярные формы личного имени приводятся отдельными статьями со ссылкой на соответствующую производную основу, напр.:

Все'ва *dim.*, vt. Всеволод (I, 166);

Ста'ся *dim.*, vt. Анастасия (II, 1154).

Статья

Словарная статья организована по гнездовому принципу. В ней могут объединяться как однокоренные, так и неоднокоренные лексемы; реальное направление словообразовательного процесса при этом часто не учитывается — здесь работает алфавитный принцип, напр.:

вруч|а'ть <...> ~ну'ю (I, 166);

в|пере|би'вку <...> ~ва'лку <...> ~ги'б <...> ~гонки' (I, 161).

Многие статьи носят отсылочный характер (*мал* отсылает к *малый*, *выдет* к *выйдет*, *рта* к *рот* и т. п.). Кроме грамматической и стилистической, в статьях приводится акцентологическая информация (в том числе варианты ударений), фразеологические обороты.

Пометы

Словарь обладает широкой системой помет самого разного типа — грамматических, стилистических, временных, специаль-

ных и т. п., а также использует условные знаки, которые раскрываются после введения (Словарь 1940–1947, I, 56–60).

Второе издание словаря

Печальная история второго издания словаря связана с именами Вески и Правдина. Как уже было сказано, в 1975 г. в Таллине было напечатано 2-е издание словаря. На обложке впервые указаны три автора: П. Арумаа, Б. Правдин, Й. В. Вески. Во 2-м издании полностью и без изменений воспроизводится текст первого издания словаря. Сохранено предисловие Арумаа, грамматическое введение Правдина.

В отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Тартуского университета хранится рукопись 2-го издания русско-эстонского словаря Арумаа, которая предваряется пояснительной запиской Асты Вески (дочери Й. В. Вески): «Некоторые сведения о настоящей рукописи» (Pravdin, Veski, Mannema 1956–1965). Вески упоминает здесь название словаря, рукопись которого она представляет как «*Suug vene-estli sõnaraamat*» (т. е. «Большой русско-эстонский словарь») — и пишет:

«30 марта 1956 г. Эстонское государственное издательство заключило договор о создании 'Большого русско-эстонского словаря' с Борисом Правдиным, Кустой Маннермаа и Йоханнесом Вольдемаром Вески. Словарь должен был быть 3-томным. Коллектив начал встречаться два раза в неделю с 6 октября 1956 г. Эти, в основном трехчасовые, собрания проводились на квартире Б. Правдина на ул. Викаркааре, 7. К каждому собранию каждый член коллектива составлял определенную часть рукописи, которую на собрании все вместе обсуждали. Готовую рукопись перепечатывали на машинке на двух языках. <...> Когда заканчивали одну букву, относили ее в Эстонское государственное издательство (Валликраави 4) тов. Кохту/Коху <sm. Kohu kätte>. Вначале, в течение нескольких лет, работа проходила очень регулярно. Перерыв произошел в 1958 г. с 25 июня по 18 сентября (в связи с болезнью Маннермаа и Правдина). Июль 1959 г. был отведен под отпуск, работа также прервалась с 14 августа по 21 сентября (болезнь и смерть Маннермаа). После смерти Маннермаа работу продолжили вдвоем. Интенсивно искали новых сотрудников. Трудно было найти человека, который в совершенстве владел бы как эстонским, так и русским языком <...>.

Осенью 1960 г. умер Правдин, и Вески остался в одиночестве. Из-за ухудшения зрения в 1964–65 гг. он также отказался от составления словаря» <добавим, что в 1964 г. Вески был уже 91 год> (A. Veski. *Mõningaid andmeid kääsoleva käsikirja kohta*. TÜ raamatukogu, käsikirjakoogu, f. 100, S. 24, mapp 1).

Сам Вески писал об этом издании так:

«Скоро возникла необходимость в переиздании словаря. <...> за основание был взят 18-томный толковый словарь русского языка¹¹ <...>. Когда части рукописи были готовы, стали дважды в неделю со-

бираться примерно по два с половиной часа каждый раз. Сначала обсудили рукопись Правдина; когда ее закончили, принялись за часть Маннермаа. Так довели рукопись до конца буквы 'м'. Но летом 1959 г. умер Маннермаа. С Правдиным досмотрели его часть до конца. В 1960 г. умер и Правдин, так что я остался один. Все готовые части перепечатали, два экземпляра остались в издательстве, один у автора. Стал искать сотрудников, но с этим были сложности. <...> Издательство «Валгус» нашло нового редактора словаря — В. Мухеля, которому я передал 23 октября 1967 г. около 14 000 карточек с отсылками от одного заглавного слова к другому. <...> после этого я упомянутым словарем более не занимался» (Veski 1968–1969, 20–21).

Мы не имеем сведений относительно того, что произошло с рукописью впоследствии. 4-томный русско-эстонский словарь, издававшийся с 1984 г. под ред. Хелле Лезметс и Хенна Саари, опирается в основном на двухтомный «Большой русско-польский словарь» (Москва – Варшава, 1970).

¹ Кроме того, в основную часть словаря были включены слова из приложения к первому изданию, которое, по-видимому, появилось потому, что часть слов была дописана уже после того, как словарь был набран в типографии. Так, в букву «Г» было добавлено 30 слов из приложения (типа *гадалка*, *галун*, *гарь*, *гастроли* и т. д.).

² Здесь и далее перевод эстонских текстов принадлежит автору настоящей статьи.

³ Ортологический словарь — правописание, произношение, образование форм, элементы толкований, словообразовательные связи.

⁴ Это словари J. Johanson-Pärna, T. Kuusik, J. Jurkatam (Исаков 1996, 227).

⁵ Ср., напр.: «Когда в 1936 г. редактор, при сотрудничестве лектора русского языка Тартуского университета Б. Правдина, приступил к составлению словаря, то имелся в виду лишь словарь небольшого формата, размером не более 800 страниц» (Словарь 1940, I, 11); «Несмотря на использование перечисленных источников, редактор вполне допускает наличие пробелов, которые могут быть обнаружены в настоящем словаре специалистами из разных областей» [там же, с. 11] (разрядка наша. — О. П.).

⁶ Данные о количестве слов, включенных в Словарь, приблизительны. Нам не удалось найти сведений относительно точного объема Словаря, поэтому был произведен приблизительный подсчет: в среднем на странице Словаря содержится 50 статей, однако, поскольку используется гнездовой способ, количество слов превышает количество статей. Среднее число лексем, входящих в статью, — 1,95. Словарь (без введения) содержит 1392 с. Суммирование дает $\approx 45, 240$ слов.

⁷ Все приведенные ниже наблюдения сделаны на материале случайной выборки из Словаря.

⁸ В данном случае мы сознательно обратились к словам на букву Г, так как они входят в первый том Словаря Ушакова, и обязательно проверялись по этому изданию.

⁹ Данный пример демонстрирует, что эквиваленты еще не устоялись.

¹⁰ Впрочем, в данном случае можно предположить опечатку (возможно, что вместо одной из помет должна была быть помета *lüh.* 'сокращение').

¹¹ По-видимому, имеется в виду ССРЛЯ в 17 томах (1948–1965).

СЛОВАРИ

Pravdin 1936 — В. Pravdin. *Vene-eesti sõnaraamat*. Tartu, 1936.

Pravdin 1940 — В. Pravdin. *Vene-eesti sõnastik. 2., parandatud trükk*. Tartu, 1940.

VES 1984–1994 — *Vene-eesti sõnaraamat. Kk. 1–4*. Tallinn, 1984–1994.

Словарь 1940–1947 — П. Арумаа, Б. Правдин, Й. В. Вески. *Русско-эстонский словарь. Т. 1–2*. Тарту, 1940–1947.

СРЯ 1895–1915 — *Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Имп. АН. Т. 1–6*. С.-Петербург, 1895–1915.

ТСРЯ 1935–1940 — *Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4*. Москва, 1935–1940.

ЛИТЕРАТУРА

Ariste 1988 — P. Ariste. *Peeter Arumaa Tartu Ülikooli õppejõuna. Keel ja kirjandus*, Tallinn, 1988, № 9, 549–553.

Emakeele Seltsi aastaraamat 1968–1969 — *Emakeele Seltsi aastaraamat. 14–15*. Tallinn, 1968–1969.

Pravdin, Veski, Mannermaa 1956–1965 — В. Pravdin, J. V. Veski, K. Mannermaa. *Suur eesti-vene sõnaraamat. 1956–1965*. Tartu Ülikooli raamatukogu, käsikirjakogu, f 100, s. 24.

Veski 1961 — J. V. Veski *mälestusi. Vestlavad A. Vinkel ja A. Nagelmaa*. 25.05.1961. Eesti Kirjandusmuuseum, käsikirjakogu, Tartu, M 285:10.

Veski 1968–1969 — J. V. Veski. *Minu sõnaraamatutealasest tegevusest. III. osa. Minu lõpetamata tödest*. Emakeele Seltsi aastaraamat 14–15, Tallinn, 1968–1969, 11–22.

Väinaste 1946 — J. Väinaste. *Vene-eesti sõnaraamat. B. Pravdin ja J. V. Veski. 7 vihik RK «Teaduslik Kirjandus»*. Lk. 849–1008. Sirp ja vasar, Tallinn, 1946, № 13 (118), 30.03.

Исаков 1996 — С. Г. Исаков. *Русские в Эстонии. 1918–1940. Историко-культурные очерки*. Тарту, 1996.

Малле Салупере
Tartu

**В. М. ПЕРЕВОЩИКОВ —
ПРОФЕССОР РУССКОГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ
ДЕРПТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

История славянской филологии – Дерптский (Тартуский) университет – В. М. Перевощиков и его научно-преподавательская деятельность

Василий Матвеевич Перевощиков (1785–1851, профессор в Тарту в 1820–1830 гг.) пока не удостоился специального внимания исследователей. Сведения о нем в анналах трех учреждений, в коллектив которых он в течение своей жизни входил (Казанский, Дерптский университеты и Российская академия, затем ОРЯС АН), довольно скудные, а отзывы и воспоминания противоречивые. Попробуем разобраться.

Самая подробная биография Перевощикова составлена им самим и содержится в двух аттестатах, хранящихся в его личном деле в архиве Тартуского университета (ЭИА, ф. 402, оп. 3, д. 1300, лл. 23–26, 67–68; тексты написаны Перевощиковым собственноручно). Эти аттестаты выданы ему при уходе из Казанского университета в 1820 г. и из Дерптского в 1830 г., а данные о дальнейшей его жизни вкратце и частью неверно изложены в его некрологе, опубликованном П. А. Плетневым в отчетах ОРЯС в 1852 г. В биографических словарях профессоров и преподавателей Казанского и Дерптского/Юрьевского университетов его жизнь отражена весьма поверхностно, причем первый вообще ограничивается только казанским периодом. Нет также полного перечня, сочиненного Перевощиковым, или хотя бы того, что им опубликовано. Однако в его трудах много такого, что по своей эрудиции, основательности и новизне превосходит подробные перечни трудов его предшественников А. С. Кайсарова или А. Ф. Воейкова, приведенные в словаре Левицкого перед статьей

о Перевощикове (Левицкий 1903, Ц, 351–355); все три статьи написаны Е. В. Петуховым, который почти одновременно опубликовал свою юбилейную историю кафедры, где Перевощикову посвящено 13 страниц (Петухов 1900, 47–60), но это компиляция цитат из записок самого Перевощикова, писем к нему и мнений о нем знавших его лиц. Петухов несколько пристрастно пользовался делами университетского архива и вы-

шедшими к тому времени печатными источниками, но, очевидно, не взглянул ни в одно сочинение и не уточнял выходных данных. Поэтому он, напр., и не комментирует сожаления Плетнева о том, что в единственный сборник статей и переводов Перевошикова «Опытъ» (1822) не вошел ряд работ, которые, однако, почти все относятся к более позднему периоду. Плетнев перечисляет их весьма приблизительно, как вышедшие «в разных повременных изданиях» (Плетнев 1852, 348–349), хотя в их числе были и отдельные издания.

По опубликованным данным трудно понять, как и почему он стал академиком. Но если приглядеться, то оказывается, что Перевошикова можно причислить к лучшим славистам Тартуского университета, преподававшим здесь до И. А. Бодуэна де Куртенэ, тоже прибывшего из Казани. Начнем с его биографии, для воссоздания которой мы пользовались данными разных, в т. ч. и ранее не использовавшихся источников.

Перевошиков родился в Саранске в бедной дворянской семье, почему и в Казанской гимназии и в Казанском университете учился за казенный счет. Зачислен в день открытия 14 февраля 1805 г. вместе с младшим братом Дмитрием (1788–1880; стал видным математиком-астрономом и также академиком), «окончил полный курс университетских наук испытанием 26 сент. 1806» и был определен старшим учителем философии, словесности и политической экономии в Пензенскую гимназию, где замещал и директора в его отсутствие. За опубликованные сочинения получил в 1809 г. звание магистра и перешел преподавателем словесности в Казанский университет, где стал адъюнктом в 1811, экстраординарным профессором в 1814 г. 5 июля того же года состоялось официальное открытие Казанского университета, где Перевошиков произнес торжественную речь о пользе наук вообще и о пользе Казанского университета, которая под его фамилией напечатана в «Вестнике Европы» (1814, № 18, сентябрь), где он раньше помещал свои переводы как «помещик села Покровского». Публиковаться в различных изданиях начал с 1811 г.

В Казани он активно участвовал в разных организациях, комиссиях и комитетах от Училищного комитета и редакции «Казанских известий» до члена-корреспондента Имп. Человечколюбивого общества. Орден св. Владимира 4 степени получил в 1819 г. Ординарным профессором истории, географии и статистики России он стал в 1820 г., но затем последовал перевод в Дерпт, где он был зачислен профессором с 20 августа, но куда фактически, в связи с болезнью жены, прибыл в апреле 1821 г. Присягу он дал 8 апреля по-русски и вообще избегал говорить по-немецки, хотя понимал. Все его письменные обращения, мнения и записки в немецкоязычном университетском архиве написаны по-русски.

В Дерпте у него через полгода внезапно умер 4-летний сын, что, очевидно, повлияло на всю его дальнейшую жизнь, сделало его для посторонних сухим и замкнутым. Он аккуратно исполнял свой долг, но перестал стремиться к поставленной еще в 20-летнем возрасте цели — составить полную историю русского языка и словесности, хотя сбором материалов занимался до конца жизни и опубликованные отрывки заставляют жалеть об отсутствии целого.

За 8 лет Перовициков объявлял курсы русской литературы и русского языка под разными названиями, но читал почти одно и то же, пренебрегая современной литературой и вообще отвергая А. С. Пушкина, — из принципа, что живущих авторов оценит время. По грамматике и языку студенты упражнялись в переводах, чаще по текстам Н. М. Карамзина.

Дважды (в 1824 и 1827 гг.) Перовициков был деканом философского факультета. На выданных в 1827 г. в честь 25-летия университета митрополитам Евгению и Филарету дипломах почетных докторов философии Дерптского университета представлена и фамилия Перовицикова в качестве декана. Сверх профессорских обязанностей и работы в училищной комиссии, он в течение четырех лет занимался всем делопроизводством университета на русском языке, т. е. переводом переписки с Петербургом. Его предшественник Воейков в письме от 7 ноября 1824 г. комментировал:

«Немецкие профессора плодовицы; с ужасом вспоминаю о том времени, когда сия обязанность на мне лежала. <...> Говоря о том, что буйный студент выбил два зуба у педеля, они ссылаются на Аристотеля и, уведомляя министра о том, что обрушился сарай на Доме, витийствуют, как будто дело идет о взятии Рима галлами» (Воейков 1890, 89).

Перовициков ходатайствовал о том, чтобы в университете работал штатный переводчик и рекомендовал в 1826 г. на это место К. Фр. фон дер Борга, автора первой немецкой антологии русской поэзии (1821–1823). В своей записке он пишет о переводах Борга, что они «удивительно верны и точны, сохраняют красоту подлинников и чистоту и правильность немецкого языка» (ЭИА, ф. 402, оп. 3, д. 169, л. 7/об). Переводы бумаг поручили лектору, а Борг стал многолетним синдиком университета.

Между тем, хотя его отношения со студентами уже годом раньше стали натянутыми, Перовициков был назначен директором учрежденного при Дерптском университете знаменитого Профессорского института, где его конфликты с молодыми людьми продолжались. Когда 20 февраля 1830 г. у Перовицикова было выбито окно (весьма обычный способ изъясления недовольства дерптских студентов), он усматривал в этом угрозу своей жизни и пожаловался в Петербург насчет ухудшения духа студентов под ректорством бессменного Г. Эверса. Тот разослал циркуляр всем профессорам с тремя вопросами на этот счет и сообщил куратору К. Ливену, что результаты «оказались радующими» (Leppik 2001, 182; Anders 1892, 287). Перовициков подал в отставку по состоянию серьезно пошатнувшегося здоровья, и Эверс, несмотря на неприятный инцидент и на недостающие полтора года службы, хлопотал ему полную пенсию, которая равнялась профессорскому окладу и полагалась после 25-летней службы. Явно расположенный к нему Эверс писал в докладе куратору:

«Хотя проф. Перовициков неизлечимую болезнь не документировал, но ректор университета видит необходимость засвидетельствовать, что его здоровье в последнее время настолько повлиало на его душевное состояние, что следует серьезно опасаться, как бы в случае дальнейшего пребывания при здешнем университете он полностью не лишился трудоспособности. Университетский совет отмечает, что г. проф. Перовициков за все время своей здешней работы отличался

строгой добросовестностью исполнения своих обязанностей и этим существенно способствовал успехам изучения русского языка в здешнем университете» (ЭИА, ф. 402, оп. 3, д. 1300, л. 64).

Перевощиков получил полную пенсию и был возведен в ранг статского советника. Спустя два года университет представил его к знаку беспорочной службы, а министр Уваров наградил его за Профессорский институт орденом св. Станислава III степени.

Перевощиков поселился сначала в своей деревне Курковицы и собирался, наверное, окрыленный успехом исторических романов Ф. В. Булгарина, М. Н. Загоскина и И. И. Лажечникова, написать роман в духе В. Скотта. За это его в письме от 8 августа 1833 г. укорял митрополит Евгений, считая, что надо сперва закончить историю литературы (Евгений 1892, 446).

Сохранилось обращение Перевощикова к М. М. Сперанскому от 30 декабря 1831 г. из той же деревни с попыткой вновь поступить на службу. После представления своего послужного списка и уведомления о том, что проведенный в деревне год и уход хорошего врача восстановили его силы и пробудили желание быть еще полезным, он пишет в самохарактеристике:

«Я изучал различные знания, преподавал в Российских учебных заведениях. Любимыми моими занятиями всегда были политическая история и словесность. Я разумею книги на латинском, французском, немецком и польском языках; по-французски могу несколько изъясняться письменно и словесно; читал на сих языках некоторых лучших писателей. О законах Римских и других народов имею токмо поверхностные сведения; Российскими правами занимался я гораздо прилежнее, в их повременном развитии, и как профессор истории и как гражданин».

Письмо заканчивалось надеждой работать при таком человеке как Сперанский. К нему прилагались послужной список, аттестат и два последних печатных издания (РО РНБ, ф. 731, № 2146).

Сперанский пометил на письме «Иметь в виду», но Перевощиков остался в своей деревне. В 1832 г. поступило предложение о сотрудничестве от группы профессоров, издателей Дерптских ежегодников (1833–1836), на что он радостно отреагировал в письме от 21 сентября 1832 г.:

«Почтенное отношение Ваше и объявление о журнале, который Вы предполагаете издавать, доставили мне истинное удовольствие. Первое уверило меня, что почтенные и знаменитые мои сотоварищи не усумнились в любви моей ко всему истинному, доброму и изящному и нашли меня достойным участвовать в их благих намерениях» (РО БГУ, Мсст 657–1–138).

Одобрив план издания, Перевощиков считает необходимым рекомендовать его всем учебным заведениям России и обещает выполнять задаваемые ему поручения. Все же в письме от 27 января 1833 г., уже из Петербурга он просит уволить себя от рассмотрения Повременного издания Российской академии, ибо

«поставил себе за непреложное правило: никогда публично не судить живущих писателей. Притом, ученая история представляет

бесчисленные примеры, что приговоры современников редко подтверждаются потомством» (РО БТУ, Мстг 657 П л 38).

Кажется, такими принципами и руководствовался Перевощиков в своей академической, обращенной в далекое прошлое, работе. В исторических разысканиях он остановился на древнеславянском и средневековом периодах, считая кропотливую подготовку необходимой для написания настоящей истории языка и словесности, которую он так и не завершил.

Перевощиков и современники. Намерение сочинить историю российской словесности появилось у Перевощикова не позднее 1813 г., когда на этой почве возникла его долголетняя переписка с историком и библиографом, Псковским епископом, с 1822 г. Киевским митрополитом Евгением (Болховитиновым; 1767–1837), автором словаря духовных писателей, работавшим также над словарем светских писателей (1845). Митрополит обещал ему всякую помощь, обменивался с ним материалами и мнениями до своей смерти в 1837 г., будучи его самым близким коллегой по научным интересам, взглядам и направлению деятельности. Хотя письма самого Перевощикова к митрополиту неизвестны, письма последнего, опубликованные в «Русском архиве» в 1892 г. позволяют судить о его планах, занятиях и связях. Перевощиков посещал его во Пскове, а сам он, кажется, побывал в Дерпте до Перевощикова и собирался здесь даже напечатать свой словарь. К нему на просмотр посылали свои работы и Н. И. Греч и А. П. Куницын, он живо интересовался трудами дерптских ученых, о которых его информировал Перевощиков. Последнего он неотступно подбадривал к продолжению и завершению своей истории, считая его лучше подготовленным и более способным, чем, напр., Греча, смело взявшегося за историю словесности и заслужившего лавры первооткрывателя.

В конце 1821 г. митрополит укорял Перевощикова за «плаксивую часть о давно умершем сыне» в последнем письме и продолжал:

«Если бы я не знал ипохондрического вашего темперамента, в котором воображение обыкновенно увеличивает предметы, то подивился бы Вашей отчаянной грусти <...>» (Евгений 1892, 436).

На этот выговор Перевощиков отвечал в предисловии к переводу статьи И. Г. Гердера «О темных и светлых видах при гробе», защищая право памяти (Опыты 1822, 435). 7 сентября 1821 г. митрополит Евгений пишет:

«Прилагаю письмо от Анастасевича. Он пишет мне, что вас обременяет задачами. Не слушайте сих Петербургских прожектеров, которые только собирают, а сами ничего не издают <...> хотя только нашими трудами пользоваться, вместо того, чтобы из столицы нам по-

могать. Вы же и не так крепки здоровьем, чтобы на других работать» (Евгений 1892, 431).

В другом месте он пишет о нем же:

«Он редкий сборщик материалов всякого рода, но и редкий лентяй пользоваться ими».

Возможно, эта черта и роднила Перевощикова с историком, библиографом и переводчиком В. Г. Анастасевичем (1775–1845). Из их многолетней переписки удалось найти 10 его неопубликованных писем из Дерпта за 1827–1830 гг. и одно письмо Анастасевича, хранящиеся в РО РНБ (ф. 18, д. 92). В письме от 31 декабря 1827 г. Перевощикова описывает юбилейные торжества в связи с 25-летием университета, ожидает «Богемскую летопись и источники Нестора и сочинение г. Барона». Барон Г. А. Розенкамф (1762–1832), член комиссии по составлению законов, автор работ о Кормчих книгах, вообще часто упоминается, как и его семья. Во всех письмах много говорится об обмене историческими материалами и источниками, о дерптских учебных новостях, о новинках исторической литературы и т. п.

Признаваясь, что он всем сердцем привязан к Казанскому обществу, где прошла лучшая половина его жизни, он просит:

«Не забывайте меня отшельника на чужой стороне. Все известия из матушки России для меня крайне любопытны и дороги. Я живу и дышу только ими». О себе в начале 1829 г.: «Что касается до меня, то здоровье мое тянется по-прежнему, а ученые мои работишки весьма медленно. Новая моя должность, Директорство в профессорском институте отнимает у меня все время и только ночью я могу спокойно заниматься. <...> Прежде я много грустил; ныне же совершенно предался в волю Святого Провидения». Через полгода он сообщает, что продолжает заниматься «историей российской словесности по должности, особенно по любви к самому предмету, который в свободные часы доставляет мне вернейшее наслаждение. Я занимаюсь для себя, не думая о публике. Что из того выйдет, не знаю и не беспокоюсь о том; я получаю награду от удовольствия в самом труде» (РО РНБ, ф. 18, д. 92, л. 4, 6/6б).

В трех письмах Перевощикова сообщает о выходящем в Дерпте исследовании древнерусского права, автором которого не является «ни Эверс, ни Рейц, а человек, который не хочет быть назван». Анастасевич в своем длинном письме от 19 февраля 1830 г. передает литературные новости, рассказывает о неслыханном успехе исторических романов, разбирает критику и интересуется, кто, кроме Эверса и А. Рейца, в Дерпте еще мог бы писать о «Русской правде» (РО РНБ, ф. 18, № 46). Здесь подразумевается готовящийся Эверсом сборник трудов «*Studien zur gründlichen Kenntnis der Vorzeit Russlands*», который вышел в конце 1830 г. с неоконченным предсмертным предисловием

Эверса, и до последнего времени он считался и автором опубликованных там исследований «Развитие русского права от первой до второй Правды», «Нестор и Карамзин» и «Правление Новгорода в средние века». Однако со времени публикации переписки Эверса с академиком Ф. Кругом (Wolle 1984–1989) выяснилось авторство проф. И. Г. И. Нейманна (1780–1855), вошедшее в научный оборот в трудах современных гартуских ученых (Салупере, Леппик 1997, 92–93; Järvelaid, Leppik, Teder 1998, 199–218; Leppik 2001; Leppik, Järvelaid 1997, 12–22). Письма Перевощикова доказывают, что близкие современники знали автора. Юрист Нейманн был профессором Казанского университета одновременно с Перевощиковым, являлся большим почитателем русской литературы и свои лекции по истории русского права вел даже по-русски. Следовательно, они непременно общались, а может быть, и дружили. Нейманн серьезно занимался древнерусской историей, особенно историей права. Главная работа Эверса «Древнейшее русское право в его историческом развитии» (1826, рус. перевод 1835 г.) тоже включает значительное соавторство Нейманна, который, как писал Эверс, ни за что не хотел назваться автором. Очень вероятно, что Перевощиков как знаток древней славистики и истории мог оказать Эверсу и Нейманну услуги при обработке их совместных трудов. Возникшая в 1827 г. идея славянской библиотеки в Дерпте могла принадлежать всем троим, а не только ректору Эверсу, который просил дозволить ему «купно с профессором Российского языка и словесности» употребить часть отпущенных сумм на покупку книг на славянских языках, со включением рукописей и с особенным вниманием на часть истории и первоначальных прав всех славянских народов (Мыльников 1988, 230).

Письма А. Ф. Воейкова свидетельствуют о живом интересе Перевощикова к литературной жизни столицы, но Воейков довольно откровенно делится с ним политическими надеждами в связи с новым царствованием и сменой министров просвещения. Можно думать, что он предвидел в нем единомышленника, когда писал:

«Мы надеемся отставки Магницкого, Рунича и других; надеемся законов, облегчения податей, уменьшения войск и позволения гулять, танцевать, мыслить и писать» (Воейков 1890, 91).

Он, разумеется, не упускает случая просить об «украшении» своего журнала, хотя понимает, как перегружен Перевощиков, но надеется через него получить гостинец от Н. М. Языкова.

Сам Языков оставил о Перевощикове больше всего отзывов. В марте 1824 г. он описывал особое расположение к себе

Перевощикова, считая, что это очень много со стороны человека с «самым сухим темпераментом, скромного, осторожного в словах» (Языков 1913, 119). Н. И. Пирогову, который встретился с ним почти 4 года спустя, он показался даже человеконенавистником. Вот его отзыв:

«Перевощиков был тип сухого, безжизненного, скрытного или по крайней мере ничего не выражающего бюрократа; самая походка его, плавная, равномерная и как бы предусмотренная, выражала характер идущего. Цвет лица пергаментный; щеки и подбородок гладко выбриты; речь, как и походка, плавная и монотонная, без малейшего повышения или понижения голоса» (Пирогов 1962, 235).

Пирогов также рассказал историю оставшегося без последствий доноса Перевощикова на его поведение (Пирогов 1962, 235–236). Однако надо сказать, что он сильно преувеличил «ненависть» к себе профессора, который, хотя и по своему разумению, очень серьезно воспринимал задачу подготовки для государства будущих профессоров. Черновики его полугодовых докладов сохранились и в них о Пирогове говорится в целом положительно. О первом семестре 1829 г. читаем:

«Пирогов, хотя с великим прилежанием посещал преподавание гг. Профессоров, обучающих главным его наукам, но небрежен о вспомогательных лекциях; получил также замечание» (ЭИА, ф. 402, оп. 4, д. 512, л. 214). За второй семестр 1829: «Воспитанники Пирогов и Сокольский, замеченные в некотором нерадении, ныне исправились: первый награжден за сочиненное им рассуждение на вопрос медицинского факультета золотой медалью. <...> Сверх сего весьма ревностно занимался в хирургической клинике и часто принимал участие в диспутах. Его ревность и успехи заставляют надеяться, что он приобретет отличные знания в анатомии и хирургии» (ЭИА, ф. 402, оп. 4, д. 526, лл. 30, 32).

Совсем иначе, чем Пирогов, видел Перевощикова в своих мемуарах Ю. Арнольд, который описывает русское хлебосольство в семействе Перевощикова, в доме которого против университетского здания царя «естественная непринужденность в пределах столь же естественных требований приличия», и где по воскресеньям собиралась почти вся малочисленная русская колония. Он же хвалит лекции Перевощикова за ясность изложения и умение привить (русским) слушателям любовь к русской литературе, добавляя:

«Вместе с тем был он чрезвычайно добросовестным и основательным доцентом» (Арнольд 1892, 148–149).

Русская колония и связанные с ней (т. е. понимающие по-русски или по-французски) лица собирались также в салоне Е. А. Воейковой-Протасовой в доме профессора Х. Мойера,

известном по многим связанным с В. А. Жуковским материалам как русский культурный очаг в Дерпте. Тесные связи с этим домом у Перевощикова установились сразу (Уткинский сборник 1904). Здесь он познакомился с Жуковским. Их знакомство продолжалось и в Петербурге. Об этом говорит посвящение Жуковского на титульном листе вышедшего в 1835 г. издания «Орлеанская дева. Лирические стихотворения». Перевощиков, в свою очередь, подарил в 1842 г. эту книгу своей внучке Е. К. Пистолькорс. Ныне это издание находится в фонде Жуковского (РО РНБ, ф. 286, оп. 2, д. 422).

В этой среде вращался и библиотекарь Э. Андерс (1806–1887), бывший прилежным слушателем Перевощикова в течение трех лет. Перевощиков остерегал Андерса от чрезмерного увлечения новой романтической русской поэзией (т. е. прежде всего от Пушкина), однако всегда радушно принимал у себя дома, где Андерс «узнал его как нежного отца семейства» (Anders 1892, 286).

Андерс описал случай с Пироговым как причину увольнения Перевощикова и заметил, что последний рассматривал университет, как школу, и не имел никакого понятия об академической вольности. Это действительно так, но его ли здесь вина? Можно себе представить, что находящийся в стадии организации Казанский университет, где Перевощиков числился студентом всего полтора года, едва мог иметь какую-либо академическую атмосферу. Порядки русских университетов, по мнению Пирогова много лет спустя, не шли ни в какое сравнение с дерптской вольностью (Пирогов 1962, 248–249). Поэтому Перевощиков никогда не смог примириться с девизом дерптского студенчества, которое ставило себя в мировой иерархии на третье место после Господа Бога и русского царя.

Несомненное влияние Перевощикова испытал Н. М. Языков, письма которого составляют настоящую Дерптскую хронику за 1823–1828 гг., в которой постоянно упоминается Перевощиков, его мнения и оценки. Литературоведы часто цитируют якобы неверные суждения Перевощикова о Пушкине как о великом таланте, не имеющем твердых моральных устоев и сочиняющего без правил и плана. Однако так порой считали и другие современники. Языков передал также довольно строгую критику на «Историю» Карамзина, которую профессор считал превосходным литературным сочинением, стоящем наряду с Титом Ливием, но никак не с Тацитом. Он находил

«два недостатка: 1) то, что она не представляет верной картины нравов тех всков и 2) что автор судит о намерениях лиц только по их по-

следствиям, а не по их истинному достоинству, и что в его Истории успех или неуспех действий приписывается то Року, то Провидению» (Языков 1913, 77).

Почти так же думал о труде Карамзина выдающийся историк, ректор Г. Эверс (Салупере, Леппик 1997, 92–93).

20 ноября 1826 г. в актовом зале университета имел место праздник коронации, на котором Перевошиков произнес «Слово о превосходстве самодержавного правления». Эта речь стоит особняком в ряду его известных трудов и верно охарактеризована Языковым:

«<...> говорил профессор Перевошиков речь, следственно по-русски, следственно имея перед собой несравненно большее число зрителей, нежели слушателей, и доказывал очень сильно, понятно и учено, что все то, что хорошо — хорошо. Эта речь будет напечатана, я пришлю ее тебе, да познаешь красноречие нашего оратора и да подивисься его анахронистическим мнениям о предметах, давно обсужденных умами не ему чета» (Языков 1913, 281).

Брошюра в 40 страниц содержит, кроме ученых доказательств правоты заглавия, обзор истории России и на двух страницах возвеличение вдовствующей императрицы Марии Феодоровны, от которой Перевошиков получил бриллиантовый перстень за то, что один из пяти воспитанников ее воспитательного дома, который в Дерпте курировал Перевошиков, получил золотую медаль.

Ученый комитет Главного правления училищ изъявил желание иметь предисловие и введение к учебнику истории российской словесности, над которой, со слов самого Перевошикова, он работал. Слухи об этом 5 июля 1828 г. комментировал Языков:

«Перевошиков послал уже в Главное Училищ Правление свою учебную книгу истории русской словесности <...> Никто не видел ее до сих пор; говорят, что есть надежда к осени получить печатную. Перевошиков, верно, многое разыскал, открыл, соустановил и объяснил, конечно, в историческом отношении. Приговоры его писателям, разумеется, не мудры: он раскольник, старовер, даже скопец по сей части. Впрочем, все-таки он берет себе оружие не из арсенала невежества: обстоятельство редкое, особенно у нас» (Языков 1913, 365).

История, как мы знаем, не состоялась, но жалобы об отсутствии пособий содействовали заложению той славянской библиотеки (см. выше), которая сыграла не последнюю роль в том, что в Тартуском университете в XIX в. оказалось так много выдающихся славистов.

Труды Перевошикова. В 1835 г. Перевошиков был предложен А. С. Шишковым в члены Российской академии с приложением скромного и неточного списка его ученых

трудов, который в последующие годы получил немногочисленное, хотя и весомое дополнение. Приведем этот список (по: Сухомлинов 1885, VII, 474–475) с нашими примечаниями в скобках:

1. Речь о пользе наук, говоренная при открытии Казанского университета (Опыты 1822).
2. Рассуждение о превосходстве самодержавного правления, читанное в Дерптском университете (отд. изд., 1826).
3. Приветственная речь, поднесенная в Казанском университете его имп. высочеству великому князю Михаилу Павловичу (Опыты 1822).
4. Три рассуждения о теории словесности: I, о средствах пленять воображение, II, убеждать разум и III, возбуждать и утолять страсти (Опыты 1822).
5. Жизнеописание князя Якова Федоровича Долгорукова (Опыты 1822).
6. Жизнеописание Богдана Федоровича Кнорринга (отд. изд., 1828).
7. Жизнеописание и рассмотрение сочинений св. Дмитрия Ростовского («Вестник Европъ», 1822).
8. Жизнеописание и рассмотрение сочинений Феофана Прокоповича («Вестник Европъ», 1822).
9. Жизнеописание и рассмотрение сочинений Кантемира («Вестник Европъ», 1822).
10. Жизнеописание и рассмотрение сочинений Ломоносова («Вестник Европъ», 1821).
11. Избранные места из латинских писателей: Саллюстия, Ливия и Тацита. Из Тацита переведено все жизнеописание Агриколы (Опыты 1822).
12. Слово Гердера о бессмертии души (Опыты 1822).
13. Отрывок из истории швейцарского союза Иоанна Мюллера (?)
14. Бронзеровы идиоллы (Опыты 1822).

Шишков отдельно перечислил все вошедшие в изданный в Дерпте в самом начале 1822 г. сборник «Опыты» (Опыты 1822). П. А. Вяземский назвал этот том хорошей книгой, а Перевощикова писателем мыслящим, сожалел только о его «устаревших литературных вкусах». По рассуждениям о теории словесности П. А. Плетнев видит в нем профессора, мыслящего самостоятельно и убежденного в предлагаемых истинах. Выше уже отмечалось, что взгляды Перевощикова, несомненно, оказали влияние на творчество Языкова, также его правила грамматики: отрицание э и пр. Здесь с некоторой степенью условности можно говорить о связи с семиотикой, ибо он полагал, что звуки, телодвижения и физические предметы сами передают информацию, слова же как условные знаки «понятны только разумеющему их». Воздействие поэзии усиливается тем, что к знаковому значению слов присоединяется подражание звукам и действию описываемых предметов.

Большая самостоятельная статья «Житие Якова Федоровича Долгорукова» принадлежит, по Плетневу, «к числу немногих биографий, составленных по источникам многочисленным и достоверным», и читается поныне с интересом.

«Жизнь генерала Кнорринга» (Москва, 1828) посвящена хорошему дерптскому приятелю Перевощикова и сослуживцу Г. А. Потемкина Б. Ф. Кноррингу (1746–1828), владельцу имения Камбья, где бывали и Воейковы, и Языков. Книжка содержит, кроме биографии генерала, и личные воспоминания о нем.

Полное заглавие упомянутой Плетневым книжки в 60 страниц — «О Русских летописях и летописателях по 1240 год. Материалы для истории Российской словесности»; разрешение цензора Фрейганга выдано 9 июня 1836 г. В предисловии сказано:

«Я хотел показать, кто были наши летописатели, что именно они сочинили, и каковы их творения по содержанию, по филологическим и эстетическим свойствам».

Непритязательное заглавие и обилие прямых цитат шрифтом летописей (больше половины текста), наверное, обусловили невнимание современников и полное забвение потомками этого кропотливого и замечательного для своего времени труда, результаты и выводы которого вновь открыты исследователями XX в., а частью поныне забыты. Перевощиков проанализировал все известные рукописи русских летописных сводов с точки зрения языка, стиля и эрудиции их авторов и переписчиков, ограничиваясь описанием событий до 1240 г. (битва на Калке и начало монгольского ига). Он пришел к убедительному выводу, что сам Нестор (или первый летописец — как бы он ни назывался) вел повествование до 1074 г. Он заключает:

«По предложенному выше и по самому сочинению Нестора можно заключить, что он заимствовал свои знания о России из преданий изустных, письменных свидетельств и, что доказано, из византийских писателей. Некоторые из его сказаний неправдоподобны, напр. об Олеге, Ольге и др.: его повести народные <...>; другие противоречат известиям современных писателей <...>. Нестор ошибался и не мог не ошибаться; но сохраненные им истины проливают великий свет на историю Севера» (с. 30–31).

О слоге Нестора:

«Нестор употребляет слова и выражения, которые в продолжателе не находятся; в Несторе встречаются слова и выражения для нас вовсе непонятные: таких нет у продолжателя; вообще слововыражение Несторова древнее, неправильнее; слововыражение продолжателя новее, чище. <...> Можно сказать вообще, что его слог есть смесь церковного языка с народным» (с. 28–29).

Свои рассуждения Перевощиков завершает выводом:

«И так семь было летописателей до нашествия монголов; в Южной России, в Киеве и его окрестностях: Нестор, Василий и их два безымянные продолжателя; в Северозападной, в Новгороде: неизвестный именем священник и пономарь Тимофей; в Северовосточной, во Владимире на Клязьме: духовная особа, которого имя также неизвестно. <...> Их недостатки суть недостатки их времени: где лучше писали историю в XI и XII столетиях? Все они были необыкновенными мужами; но Нестор и первый продолжатель Василия, при лучшем образовании, были бы красноречивыми и великими писателями: из под грубой их наружности блещут ум и таланты» (с. 38–39).

Ю. Арнольд называет Перевощикова автором «известного сочинения о корнях славянского языка» (Арнольд 1892), Петухов же со слов М. И. Сухомлинова в его Истории Российской академии пишет, что Перевощиков дал в 1841 г. отзыв известном труде Шимкевича «Корнеслов русского языка». Равнялся ли отзыв самому сочинению, или Арнольд, как это с ним часто бывало, опять что-то перепутал, не берусь судить. Однако кажется, что это последняя известная работа Перевощикова, и что его «гипохондрический темперамент» окончательно победил. Плетнев писал, что его трудов гораздо более осталось в рукописях, чем было напечатано и что многое он в припадках меланхолии сам уничтожил. Сохранилось ли где-то остальное, неизвестно.

Многие признаки указывают на то, что Перевощиков мог страдать такой же психастенией, как и Нейманн. Это невроз, поражающий людей мыслительного типа и выражающийся в нерешительности, чувстве неполноценности, неуверенности в себе, в сомнениях и фобиях. В благоприятных условиях эти явления отступают, в неблагоприятных могут серьезно помешать жизни человека в обществе. Такой диагноз был поставлен и Вольтеру.

Обстоятельства как внешние, так и внутренние или личные ему не благоприятствовали, он остался чуждым и непонятым и студентам, и большинству коллег. Этого не сгладила и поддержка тех, кто ценил его способности и познания.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

РО РНБ — Рукописный отдел Российской Национальной библиотеки, С.-Петербург: ф. 18 (Анастасевич); ф. 286 (Жуковский); ф. 731 (Сперанский).

РО БТУ — Рукописный отдел Библиотеки Тартуского ун-та: ф. Manuscriptica (Msc).

ЭИА — Эстонский Исторический архив: ф. 402 (Тартуский ун-т).

ЛИТЕРАТУРА

- Арнольд 1892 — *Воспоминания Юрия Арнольда*. Москва, 1892.
- Воейков 1890 — *Из писем А. Ф. Воейкова к В. М. Перевоицкому*. Русский архив, 1890, № 9, 89–94.
- Евгений 1892 — *Из писем митрополита Евгения Болховитинова в Дерпт к профессору В. М. Перевоицкому*. Русский архив, 1892, № 4, 425–448.
- Левицкий 1903 — Г. В. Левицкий. *Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1802–1902)*. Юрьев, 1903.
- Мыльников 1988 — А. С. Мыльников. *А. Х. Востоков и славянская библиотека в Дерпте*. Литературные связи славянских народов. Ленинград, 1988, 230–236.
- Петухов 1900 — Е. В. Петухов. *Кафедра русского языка и словесности в Юрьевском (Дерптском) университете*. Юрьев, 1900.
- Пирогов 1962 — Н. И. Пирогов. *Автобиографические произведения*. Н. И. Пирогов. Собр. соч. в 8 тт., т. 8. Москва, 1962.
- Плетнев 1852 — П. А. Плетнев. *Отчеты Имп. АН по ОРЯС*. С.-Петербург, 1852.
- Салупере, Леппик 1997 — М. Г. Салупере, Л. М. Леппик. *Г. Эверс и Н. Карамзин*. Новое литературное обозрение, Москва, 1997, т. 27, 82–105.
- Сухомлинов 1885 — М. И. Сухомлинов. *История российской академии*. Т. VII. С.-Петербург, 1885.
- Уткинский сборник 1904 — *Уткинский сборник*. Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой. Под ред. А. Е. Грузинского. Москва, 1904.
- Языков 1913 — *Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни*. Под ред. Е. В. Петухова. С.-Петербург, 1913.
- Anders 1892 — *Erinnerungen des Bibliothekars Emil Anders (1810–1840)*. Baltische Monatsschrift, 1892, Bd. 39, 286–287.
- Leppik, Järvelaid 1997 — L. Leppik, P. Järvelaid. *Vene õigusajaloo koolkond Tartus ja professor Neumann*. Kleio, Tartu, 1997, № 4 (22), 12–22.
- Järvelaid, Leppik, Teder 1998 — P. Järvelaid, L. Leppik, O. Teder. *Die historische Rechtsschule Russlands und Professor Neumann*. Steinbrücke, Tartu, 1998, № 1, 199–218.
- Leppik 2001 — L. Leppik. *Rektor Ewers*. Tartu, 2001.
- Leppik, Salupere 1989 — L. Leppik, M. Salupere. *Uusi materjale J. Ph. G. Ewersi tundmaõppimiseks*. TRU toimetised, Tartu, 1989, v. 851, 81–95.
- Wolle 1984–1989 — S. Wolle. *Die wissenschaftliche Korrespondenz zwischen Gustav Ewers (1781–1830) und Philipp Krug (1764–1844)*. Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas, Berlin, 1984–1989, Bd. 28, 29, 32, 33.

Людмила Павловна Лаптева
Москва

**РОССИЙСКИЙ ФИЛОЛОГ-СЛАВИСТ Е. В. ПЕТУХОВ
И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В ЮРЬЕВСКОМ (ТАРТУСКОМ) УНИВЕРСИТЕТЕ
(1895–1918)**

*Славистика в Юрьевском (Тартуском) университете – славист
Е. В. Петухов (1863–1948) – его исследования по русской
литературе, истории науки и др.*

Евгений Вячеславович Петухов прожил большую жизнь, из которой более 50 лет приходится на дореволюционный период истории России, причем 23 года из них он проработал в Юрьевском (Тартуском) университете. Остальное время его жизни выпало на годы советской власти. Юрьевский период деятельности ученого был особенно плодотворным; именно в это время он создал труды, весьма значительные для русской культуры.

Однако его смерть в 1948 г. не вызвала, видимо, никаких откликов в печати — во всяком случае автору этих строк не удалось разыскать ни одного некролога. Такое явление объяснимо. Ведь в то время в Советском Союзе не только не ценилось, но и просто отвергалось культурное наследие дореволюционной России.

О судьбе русских ученых гуманитарного профиля имеется довольно значительная литература советского времени (см., напр.: Ашнин, Алпатов 1994). Большинство их погибло из-за репрессий, от голода и лишений, другие уехали или были высланы за границу, а оставшиеся доживать свой век в России чаще всего были забыты. Е. В. Петухову повезло больше, чем другим. Он не был репрессирован, дожил до преклонного возраста и практически до конца жизни имел возможность заниматься профессиональной деятельностью. Однако сведений о Петухове в литературе все же мало — они в основном содержатся в словарных изданиях дореволюционного периода (см.: Историко-филологический институт 1900, 51–53; Биографический словарь 1898, 142–144; Биографический словарь 1903, 362–364; Словарь членов ОЛРС 1911, 237–239; Императорское МАО 1915,

296). В советское время о нем упомянули два справочника (КЛЭ 1968, 5, 732–733; Славяноведение 1979, 270), а в 1927 г. была опубликована статья, посвященная 40-летию его научной деятельности (Лукьяненко 1927, 145–147). Настоящее же сообщение составлено главным образом на основе сохранившегося архивного материала¹ и опубликованных трудов ученого.

Петухов родился в 1863 г. в городе Томске. В 1885 г. он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета и по рекомендации проф. М. И. Сухомлинова был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской литературы². С этого времени Петухов стал вести преподавательскую работу по русскому языку и словесности в средних учебных заведениях — в Мариинском женском институте и на Бестужевских женских курсах. В 1889 г. он был принят приват-доцентом на историко-филологический факультет Петербургского университета, где читал специальные курсы — «Переводная литература Древней Руси» и «Слово о полку Игореве».

Первый свой опубликованный труд Петухов посвятил древнерусской литературе, назвав его «Древние поучения на воскресные дни великого поста» (петухов 1886, I–XIX, 1–44). В 1888 г. Петухов защитил в Петербургском университете диссертацию «Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в.» и получил степень магистра русской словесности³. В 1889 г. он назначается экстраординарным профессором Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине по кафедре русской словесности⁴. Здесь он в течение 6 лет читал лекции, вел и другие занятия по русской литературе и славистическим предметам, написал очерк «Гимназия высших наук князя Безбородко» (Петухов 1895а) и статью о рукописях, хранящихся в библиотеке историко-филологического института кн. Безбородко (Петухов 1895б), а также подготовил докторскую диссертацию — «Очерки из литературной истории Синодика» (Петухов 1895в). В 1895 г. Петухов получил степень доктора русской словесности и был назначен ординарным профессором Императорского Юрьевского университета «по кафедре русского языка в особенности и славянского языковедения вообще»⁵. Так началась плодотворная педагогическая деятельность Петухова в этом университете, продолжавшаяся вплоть до закрытия университета.

Вступительную лекцию профессор прочитал на тему «О главнейших направлениях в русской литературе в XVIII – первой половине XIX в.»⁶ В Юрьевском университете царила своеобразная научная обстановка, обусловленная близким соседством с германской высшей школой и сильным влиянием ее традиций. Славистические темы не привлекали учащихся, профессор Петухов не был загружен педагогическими обязанностями, зато развил широкую общественную и научную деятельность. Часто он выезжал в научные командировки за границу. С 1889 г. по 1912 г. он ежегодно работал в архивах Праги, Вены, Парижа, Берлина, Белграда⁷, посещал Болгарию, Черногорию и другие славянские земли. Дважды (в 1905 и в 1915 гг.) он избирался деканом историко-филологического факультета, заведовал Юрьевскими педагогическими курсами по подготовке учителей для средних учебных заведений. В 1911 г. Петухов был избран директором Высших женских курсов в Юрьеве⁸, выполнял и ряд других функ-

ций подобного характера. Кроме того, ученый поддерживал тесный контакт с коллегами Петербурга и Москвы, являлся с 1896 г. членом Московского Археологического общества (см.: Императорское МАО 1915, II, 296) — и в том же году участвовал с докладом в работе X Археологического съезда (Петухов 1899–1900). С 1898 г. он состоял членом Общества любителей российской словесности (ОЛРС) (Словарь членов ОЛРС 1911, 237–239) и активно в нем работал, в 1902 г. был командирован в Москву для участия в публичных собраниях ОЛРС, посвященных юбилеям Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского⁹, на заседании 6 апреля 1902 г. выступил с докладом «Жуковский в Дерпте» (Клейменова 2002, 370), а в 1909 г. специально прибыл в Москву на открытие памятника Н. В. Гоголю¹⁰.

В творчестве Петухова можно выделить несколько самостоятельных направлений. Это исследование русской литературы, изучение истории науки и высших школ, славистическая проблематика. Большое место занимает также публикация документов по указанным темам, как и по другим вопросам.

В области истории русской литературы Петухов в юрьевский период его творчества постепенно переходил от изучения древнерусской словесности к исследованиям по более поздним периодам времени. Он писал и о сатирических стихотворениях М. В. Ломоносова, публиковал статьи по истории русской литературы XVIII в. Постепенно его труды стали оценивать и ряд характерных моментов истории новой русской литературы.

Охватив в своих исследованиях многие эпохи развития русской литературы, Петухов создает капитальное произведение общего характера под названием «Русская литература. Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода» (Петухов 1911a). Первый том (древний период) выдержал три издания и получил премию Академии наук¹¹. Труд этот занял видное место среди синтетических обзоров истории русской литературы. Ряд поколений студентов различных гуманитарных высших школ пользовались этим произведением в качестве пособия при прохождении курсов истории русской литературы.

Исследуя материалы о деятелях русской литературы, Петухов основывался на новых, еще неизвестных науке данных. Некоторые из найденных документов были им напечатаны. Так, он нашел несколько новых документов, касающихся научной деятельности А. Х. Востокова и опубликовал их в 1890 г. (Петухов 1890, 56–118). Востоков был всегда известен прежде всего как великий русский филолог, а вот его творчество в области «Изящной литературы» не привлекало к себе достаточного внимания. На основании архивных документов Петухов восполнил этот пробел. Он опубликовал неизданные материалы «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», членом которого Востоков являлся с 1802 г.

В своей публикации Петухов предлагает ознакомиться с документами названного Общества, написанными рукой Востокова и носящими следы его личной литературной деятельности. Это отзывы ученого о различных сочинениях и переводах (прозаических и стихотворных), «записки» для докладов на заседаниях Общества, рецензии и т. д.

Ценные документы извлечены Петуховым из различных архивов и для создания очерка биографии его учителя М. И. Сухомлинова (Петухов 1911б, 182–247). Академик Сухомлинов был специалистом по русской литературе и по истории культуры России. Он окончил Харьковский университет в 1846 г., а дальнейшая его карьера связана с Петербургским университетом, где он стал профессором русской словесности. Петухов опубликовал в основном не изданные ранее материалы о Сухомлинове, хранившиеся в архиве Петербургского университета, снабдив их множеством комментариев, дополнений и пояснений. Весьма интересны в этих документах сведения, касающиеся славянства. Во время зарубежных командировок с ученой целью Сухомлинов посещал и славянские страны, а в донесениях в университет и в письмах И. И. Срезневскому сообщал свои мнения о состоянии науки и текущих научных делах у славян, давал характеристики отдельным славянским ученым.

Петухов обнаружил также некоторые документы о русско-чешских ученых связях в первой половине XIX в. В 1895 г. в архиве Национального музея в Праге он обнаружил в сборнике писем к В. Ганке корреспонденции русских ученых, а в 1896 г. издал 13 писем и один отрывок письма О. М. Бодянского к Ганке, по одному письму А. С. Хомякова и С. М. Соловьева и два письма Н. И. Греча (Петухов, 1896). Сведения достаточно интересны. Напр., в письме в Ганке от 4 июня 1843 г. из Москвы О. М. Бодянский осуждает статью серболужицкого деятеля Я. П. Йордана «Panslavismus», напечатанную в издававшемся им же в Лейпциге журнале. Петухов опубликовал на немецком языке выдержки из статьи Йордана, вызвавшей недовольство Бодянского (Петухов 1896, 18–21). Что касается материалов из бумаг П. Й. Шафарика, то Петухов разыскал в них данные, относящиеся к русскому языку и литературе. Обнаружение указанных документов было важно как дополнение к сведениям о чешско-русских ученых связях, особенно если иметь в виду, что основные публикации источников об этих связях появились значительно позже. Все публикации источников осуществлены Петуховым квалифицированно, на уровне научных требований XX в.

Наряду с названными публикациями юрьевский профессор издал и ряд самостоятельных исследований об истории науч-

ных учреждений и о творчестве отдельных ученых. Так, он написал историю кафедры русского языка и литературы Юрьевского университета. В обширной статье, посвященной этой институции (Петухов 1900), автор охарактеризовал деятельность всех ученых, когда-либо занимавших эту кафедру, а именно Г. А. Глинки, А. С. Кайсарова, А. Ф. Воейкова, А. А. Котляревского, П. А. Висковатова и всех прочих, изложив их биографии и приведя списки их трудов. Тот же материал об этих лицах с некоторыми коррективами он поместил в «Биографическом словаре Юрьевского университета» (Биографический словарь 1903). Данные об этих, а также и о других, уже скончавшихся к началу XX в. ученых, Петухов извлек из архива Юрьевского университета. Сам «Словарь» представляет собой серьезное исследование по истории науки и просвещения. Отметим, что Петухов интересовался состоянием высшего образования в Дерпте и в период, предшествовавший созданию здесь университета нового времени. Так, в статье «Латино-шведский университет в Дерпте и Пернове в XVII – начале XVIII века» (Петухов 1901, 120–149) автор познакомил читателей с тем, как во время столкновений соседних государств Дерпт по меньшей мере четыре раза оказывался под господством различных держав, и что несмотря на это университет здесь существовал уже с XVII в.; тогда преподавателями были преимущественно немцы, а среди слушателей преобладали шведы. В XVIII же веке восстановленный университет был уже шведским по профессорскому составу и немецким по составу студентов. Местный элемент не прослеживался в этом университете ни в каком качестве. Что касается «Биографического словаря», отражающего историю университета в новое время, то этот фундаментальный труд обладает существенными отличиями от словарей многих других университетов России того времени. Прежде всего он содержит очерк истории Юрьевского (Дерптского) университета, составляющий целый первый том издания с приложениями в виде статистических таблиц и личных списков (Императорский Юрьевский университет 1902, I). Кроме того, это — произведение в основном автора (а не только составителя), самостоятельно разработавшего огромный пласт архивных материалов. Труд Петухова о Юрьевском университете был награжден премией Академии наук¹².

Некоторые работы Петухова относятся к славянским сюжетам. Интерес ученого к славянам не был случайным. Прежде всего самую тесную связь с южнославянской письменностью имеет, как известно, древнерусская литература, т. е. предмет главных профессиональных интересов ученого. Во время своих заграничных командировок он исследовал книгохранилища и

архивы Сербии, Боснии и Герцеговины, Болгарии, Хорватии, Словении¹³. Изучая Синодик XVII–XVIII вв., Петухов должен был выяснить ряд обстоятельств возникновения первой русской редакции чина православия и не мог обойтись без славянских рукописей — болгарских, сербских и др. Выдающиеся знания древней болгарской литературы проявил Петухов в статье «Болгарские литературные деятели древней эпохи на русской почве» (Петухов 1893, 298–322). В этой работе автор на примере рассмотрения трех древнеболгарских писателей показывает, как их деятельность отразилась в древнерусской письменности и изучалась в русской литературе нового времени.

Болгарская литература была и предметом университетских чтений профессора, о чем свидетельствует сохранившаяся в его архиве рукопись под названием «Южнославянские литературы. Болгарская литература до второй половина XIX века»¹⁴. В процессе университетского преподавания Петухов читал лекции по всем славянским литературам. Так, в его архиве имеется рукопись, представляющая собой подробное изложение истории чешской литературы с древнейших времен до второй половины XIX в.¹⁵ С чешскими учеными он был в контакте, много раз посещал Чехию.

Во время заграничной командировки в 1897 г. Петухов посетил также Лужицу. По возвращении в Россию он опубликовал содержательный очерк «Лужицкие сербы» (Петухов 1898а). Сам автор считал, что эта работа носит «этнографический и туристический характер»¹⁶. Однако это была не просто фиксация впечатлений от путешествия. Очерк представляет собой определенный вклад в очень немногочисленную русскую литературу того времени о лужицких сербах, в рамках которой он занял почетное — если не сказать уникальное — место (подробнее об этом см.: Лаптева 1997, 63–64; Лаптева 2000). Лужицкие сербы были известны в России лишь узкому кругу славистов, которые, проезжая из России через Германию в другие страны и возвращаясь из них в Россию, иногда заглядывали в район Восточной Саксонии, где обитали в небольшом числе потомки полабско-балтийских славян. Сохранив своеобразный славянский язык и некоторые архаические особенности быта, лужицкие сербы вызвали интерес славистов, но прочая образованная публика России о них мало что знала.

К серболужицкой теме Петухов обращался и в своих университетских лекциях, озаглавленных «Введение в славяноведение. Историко-статистическое обозрение южного и западного славянства с древнейших времен до начала мировой войны 1914 года»¹⁷.

К числу этнографических описаний славянства относится еще статья Петухова «По берегам Адриатики», помещенная в газете «Рижский вестник» в 1898 г. (Петухов 1898б). Писал Петухов и работы об отдельных славистах. В «Биографическом словаре Юрьевского университета» имеется несколько таких заметок, но наиболее интересной представляется характеристика А. А. Котляревского, о котором Петухов написал, кроме словарной статьи, еще две работы (Петухов 1894, 165–169). В отклике на издание 1-го тома сочинений Котляревского (П[етухов] 1899, 182–185) Петухов в общих чертах характеризует Котляревского как ученого-критика. Автор статьи отмечает:

«С особой строгостью относился Котляревский к тем сочинениям, которые обнаруживают недостаточную полноту сведений их авторов по данному вопросу и несовременность, отсталость методов научного исследования; мистицизм и туманность в научных работах, пристрастная точка зрения на предмет, партийность в суждениях и взглядах, скороспелость и преждевременность выводов — находят в критике судью сурового и очень часто резкого. Вообще струя живого отношения к делу науки и научным вопросам очень ярко сквозит в рецензиях Котляревского и придает им особый интерес в настоящее время» (П[етухов] 1899).

На наш взгляд, Петухов дал исчерпывающую оценку творчеству Котляревского, характеристику объективную, с которой нельзя не согласиться. Кроме того, Петухов отмечает, что лучшим путем для достижения удовлетворительных результатов в исследовании старины Котляревский считал сравнительно-исторический метод. По мнению рецензента, «это иногда доводило критика Котляревского до таких странностей, как отрицание эстетики». Обратив внимание на симпатии Котляревского к западной науке и цивилизации, рецензент 1-го тома его сочинений отмечает, что они заметны у него почти на каждой странице, а прямым следствием этих суждений являются отрицательное отношение ученого к мнениям «славянофильского кружка» и его «самостоятельные суждения». Вообще же в отношении литературно-общественных и научных понятий и взглядов Котляревский представляется, по оценке Петухова, личностью «вполне ясно очерченной» и определенной, которой никто не откажет в убежденности и солидной научной подготовке. А библиографические познания «составили Котляревскому специальную известность — превосходного образцового библиографа». Петухов глубоко понимал значение Котляревского в истории славяноведения и по праву высоко оценивал его вклад в науку. Заметим, что Котляревский занимал кафедру славянской филологии в Дерптском университете в 60-х – начале 70-гг. XIX в., т. е. за 20 лет до самого профессора Петухова.

На славистические темы Петухов писал также рецензии и заметки о трудах своих коллег, в том числе и зарубежных ученых. Он обладал высокой славистической эрудицией, великолепно владел чешским, немецким и французским языками, знал и английский. Словом, юрьевский профессор принадлежал к числу первоклассных русских ученых; он создал ряд важнейших трудов преимущественно по русской литературе, но внес также весомый вклад в разработку истории и культуры славян.

Творчество Петухова было по достоинству оценено современной ему научной общественностью: в 1916 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук по Отделению Русского языка и Словесности (ОРЯС)¹⁸ и в том же году утверждён в звании заслуженного профессора¹⁹.

В связи с Первой мировой войной часть личного состава Юрьевского университета был переведен в штат только что созданного Воронежского университета²⁰. Так закончился юрьевский период жизни проф. Петухова, когда он написал свои главные сочинения, внося большой вклад в изучение русской литературы, в ее пропаганду, в распространение русского языка в Прибалтике. Воспитал он и ряд учеников, ставших, в свою очередь, профессорами высшей школы. Это Л. К. Ильинский, Н. К. Пиксанов, А. М. Путинцев, В. З. Кунцевич²¹. Как ученый, Петухов принадлежал к числу исследователей, которые за основу своих выводов брали источники (документы или памятники письменности), подвергали их анализу сравнительно-историческим методом, учитывали достижения предшественников в изучении вопроса и стремились к объективному, беспристрастному освещению проблем. По своему мировоззрению Петухов был человеком либеральным, но лояльным к властям, как и большинство профессоров; существующего режима он открыто никогда не осуждал. Правительство доверяло ему высокие должности в университете и вообще в сфере образования в России.

После революции 1917 г. Петухов перебрался в Воронеж, но там его жизнь не сложилась, и в 1919 г. он переехал в Крым, где стал профессором Таврического университета в Симферополе и преподавал славянскую филологию и русскую литературу. В 1925 г. Таврический университет был преобразован в педагогический институт, в котором Петухов работал профессором по кафедре русской литературы. Во время войны институт не функционировал, Симферополь был до 1944 г. оккупирован немецкими войсками. По окончании войны Петухов вновь стал работать профессором в Крымском пединституте, занимал и должность заведующего кафедрой литературы.

Скончался он 2 ноября 1948 г., оставив потомству более 90 печатных работ, среди которых имеются и многотомные издания по русской литературе и истории высшего образования в России.

- ¹ В ИРЛИ (Санкт-Петербург) хранится личный фонд Е. В. Петухова (№ 669). Документы о нем имеются также в ЦГАЛИ (Москва).
- ² ИРЛИ, ф. 669 (Е. В. Петухов), № 154: Послужной список Е. В. Петухова, датированный 4 марта 1918 г. (Юрьев).
- ³ Указ. послужной список 1918 г.
- ⁴ Некоторые даты, приведенные в биографических статьях о Е. В. Петухове, а также в упомянутом послужном списке 1918 г., не совпадают между собой. Это объясняется тем, что в послужной список вносились даты утверждения приказа или представления, тогда как дата их написания проставлялась раньше. Напр., между датой защиты диссертации и утверждения результатов диспута прошло около полугода.
- ⁵ Указанный послужной список 1918 г. — таково официальное название кафедры. В литературе же оно часто меняется — именуется «кафедра русской словесности», «кафедра русского языка и словесности» и т. п.
- ⁶ ЦГАЛИ, ф. 449 (Соболевские), оп. 1, д. 34, л. 99^а.
- ⁷ ИРЛИ, ф. 669 (Е. В. Петухов), № 154, л. 24/ об. — Трудовой список Е. В. Петухова, 1938.
- ⁸ Послужной список 1918 г.
- ⁹ Послужной список 1918 г.
- ¹⁰ Послужной список 1918 г.
- ¹¹ ЦГАЛИ, ф. 449 (Соболевские), оп. 1, д. 34. — Документ именуется так: «Дело: Библиографические и биографические сведения о кандидатах в действительные члены Академии наук с приложением предворительно-го письма к ним от 29 сентября 1928 года». На листе 99а содержится характеристика Е. В. Петухова.
- ¹² ЦГАЛИ, ф. 449 (Соболевские), оп. 1, д. 34, л. 99а.
- ¹³ ИРЛИ, ф. 669, № 230. — Текст доклада о научной деятельности Е. В. Петухова (1847 г.).
- ¹⁴ ИРЛИ, ф. 669, № 12.
- ¹⁵ Там же, № 10: Е. В. Петухов. *Чешская литература до второй половины XIX в. Лекции*. 148 листов (1920 г.).
- ¹⁶ ИРЛИ, ф. 669, № 230. — Текст доклада о научной деятельности Е. В. Петухова (1947 г.).
- ¹⁷ ИРЛИ, ф. 669, № 11. — Лекции 1920 года (135 листов). Здесь — лл. 81–86.
- ¹⁸ ИРЛИ, ф. 669, № 157. — Диплом об избрании Е. В. Петухова членом-корреспондентом РАН по ОРЯС, 5 декабря 1916 г.
- ¹⁹ ИРЛИ, ф. 669, № 157. — Диплом об избрании Е. В. Петухова членом-корреспондентом РАН по ОРЯС, 5 декабря 1916 г.
- ²⁰ ЦГАЛИ, ф. 449 (Соболевские), оп. 1, д. 34, л. 99а.
- ²¹ Там же.

ЛИТЕРАТУРА

- Ашнин, Алпатов 1994 — Ф. Д. Ашнин, В. М. Алпатов. «Дело славистов». 30-е годы. Москва, 1994.
- Биографический словарь 1898 — *Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Петербургского университета 1869–1894*. Т. I. С.-Петербург, 1898.
- Биографический словарь 1903 — *Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Юрьевского университета за 100 лет его существования (1802–1902)*. П. Юрьев, 1903.
- Императорский Юрьевский университет 1902 — *Императорский Юрьевский (бывший Дерптский) университет за сто лет его существования*. Т. I. 1602–1865. Исторический очерк с фототипическими приложениями. Юрьев, 1902; отдельно изданное приложение: *Статистические таблицы и личные списки (1802–1901)*. Юрьев, 1902.
- Императорское МАО 1915 — *Императорское Московское Археологическое общество в первое 50-летие его существования (1864–1914)*. Т. II. Москва, 1915.
- Историко-филологический институт 1900 — *Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1875–1900*. Нежин, 1900.
- Клейменова 2002 — О. Н. Клейменова. *Общество Любителей Российской Словесности (1811–1930)*. Москва, 2002.
- КЛЭ 1968 — *Краткая литературная энциклопедия*. Т. 5. Москва, 1968.
- Лаптева 1997 — Л. П. Лаптева. *Российская сорабистика XIX–XX веков в очерках жизни и творчества ее представителей*. Справочник. Москва, 1997.
- Лаптева 2000 — Л. П. Лаптева. *Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX в. до Первой мировой войны (1914 г.)*. Москва, 2000.
- Лукьяненко 1927 — А. М. Лукьяненко *Очерк научной и педагогической деятельности проф. Е. В. Петухова к моменту ее сорокалетия (1887–1927)*. Известия Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе. Кн. I. Симферополь, 1927, 145–147.
- Петухов 1886 — Е. В. Петухов. *Древние поучения на воскресные дни великого поста*. Сборник ОРЯС РАН. Т. XL, № 3, I–XIX, 1–44. С.-Петербург, 1886.
- Петухов 1890 — Е. В. Петухов. *Несколько новых данных из научной и литературной деятельности А. Х. Востокова*. ЖМНП, 1890, ССLVIII, № 3, 56–118.
- Петухов 1893 — Е. В. Петухов. *Болгарские литературные деятели древней эпохи на русской почве*. ЖМНП, 1893, № 4, 298–322.
- Петухов 1894 — Е. В. Петухов. *К биографии А. А. Котляревского*. Киевская старина. Киев, 1894, № 4, 165–169.
- Петухов 1895а — Е. В. Петухов. *Гимназия высших наук князя Безбородко*. С.-Петербург, 1895.
- Петухов 1895б — Е. В. Петухов. *Заметки о некоторых рукописях, хранящихся в библиотеке историко-филологического института кн. Безбородко*. Киев, 1895.
- Петухов 1895в — Е. В. Петухов. *Очерки из литературной истории Синодика*. С.-Петербург, 1895.

- Петухов 1896 — Е. В. Петухов. *Из бумаг П. И. Шафарика и В. В. Ганки. К истории русско-чешских ученых и литературных сношений в первой половине XIX века.* Юрьев, 1896.
- Петухов 1898а — Е. В. Петухов. *Лужицкие сербы (лужичане). Из путевых заметок летом 1897 года.* Юрьев, 1898.
- Петухов 1898б — Е. В. Петухов. *По берегам Адриатики. I. Приморская Хорватия и Далмация. II. Черногория. Путевые впечатления.* Рижский вестник, 1898, № 98, 100, 103, 105, 108, 110, 113, 115, 116, 119.
- П[етухов] 1899 — Е. П[етухов]. *Рец. на кн.: Сочинения А. А. Котляревского. Т. 1. С.-Петербург, 1881.* Исторический вестник, 1899, июль, 182–185.
- Петухов 1899–1900 — Е. В. Петухов. *О некоторых литературных фактах, связанных с именем Успенского Псково-Печерского монастыря в XVI–XVIII столетиях.* Труды X Археологического съезда в Риге (1896), Рига, 1899–1900, т. 3.
- Петухов 1900 — Е. В. Петухов. *Кафедра русского языка и словесности в Юрьевском (Дерптском) университете.* Юрьев, 1900 (оттиск из «УЗ Имп. Юрьевского ун-та»).
- Петухов 1901 — Е. В. Петухов. *Латино-шведский университет в Дерпте и Парнове в XVII и начале XVIII века.* ЖМНП, 1901, ч. СССXXXV, № 5, 120–149.
- Петухов 1911а — Е. В. Петухов. *Русская литература. Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода. Т. 1. Древний период.* Юрьев, 1911; 3-е изд., Петроград, 1914; том, посвященный новому периоду, вышел в Юрьеве в 1914 г.
- Петухов 1911б — Е. В. Петухов. *Материалы для биографии М. И. Сухоминова.* Известия ОРЯС, 1911, т. XVI, кн. 3, 182–247 (отд. оттиск, 65 с.).
- Словарь членов ОЛРС 1911 — *Словарь членов Общества Любителей Российской словесности при Московском университете.* Москва, 1911.
- Славяноведение 1979 — *Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь.* Москва, 1979.

Любовь Николаевна Киселева
Tartu

**Ю. М. ЛОТМАН — ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

История славистики в Тартуском университете – вторая половина XX в. – русская литература – семиотика – Ю. М. Лотман (1922–1993) – его преподавательская и научная деятельность

Если самым выдающимся славистом в Тарту в XIX в. был И. А. Бодуэн де Куртенэ, то в XX в., конечно, Юрий Михайлович Лотман (1922–1993). Ниже речь пойдет лишь об одной грани его деятельности в Тартуском университете, и я постараюсь показать, какой смысл, с моей точки зрения, он вкладывал в работу заведующего кафедрой¹. Я далека от мысли приписывать все, что делалось в 1960–1970-е гг. на кафедре русской литературы усилиям одного заведующего. Это было бы наивно и несправедливо. По глубокому убеждению самого Лотмана, кафедра может действовать только как единство всех ее членов. Кроме того, Юрий Михайлович начал свое заведование не на пустом месте. Он всегда ощущал себя преемником своего предшественника Б. Ф. Егорова, которого высоко ценил. Лотман также мыслил себя частью высокой традиции российского и европейского высшего образования, ориентируясь на своих учителей, — профессоров Ленинградского университета (преемников филологической школы старого Санкт-Петербургского университета), а также на историю Тартуского университета, которую знал, любил и ценил².

Когда мы говорим о Лотмане-заведующем, проблема организаторского дара приобретает актуальность. Начну с эпизода, о котором Юрий Михайлович любил рассказывать и которым гордился. Р. О. Якобсон, побывав в Тарту и Кяэрику в конце 1960-х гг., сказал, что Лотман — прекрасный организатор. При этом Юрмих³ всегда с лукавой усмешкой добавлял, что с этим отзывом никто из его друзей и близких, а тем паче из университетского начальства не согласится, но что, мол, Якобсон —

единственный человек, который его правильно понял. Воздержимся от выводов, пусть факты говорят сами за себя.

Известно, что Лотман приехал в Тарту в 1950 г. после окончания Ленинградского университета и после долгих мытарств в поисках работы в родном городе, когда ему удалось получить преподавательское место в тартуском Учительском институте⁴. Однако академическая его карьера всецело связана с Тартуским университетом, где он начал свою работу на кафедре русской литературы — сначала на почасовых основаниях (с 15.09.1950.), потом — по совместительству на полставки старшим преподавателем (параллельно продолжая работать в Учительском институте). С 1.09.1954. занял штатное место доцента⁵, а с 1962 г. — профессора; в 1960 г. он сменил Б. Ф. Егорова на посту заведующего кафедрой (приказ ректора был подписан 8.07.1960.). 6 января 1977 г. Лотман был вынужден подать заявление об освобождении его от должности заведующего — «в связи с ухудшившимся здоровьем». Здоровье, действительно, было не в лучшем состоянии, но подлинные причины заключались в усилившемся административном давлении, которое, в свою очередь, было вызвано указаниями компетентных органов. «Добровольное» заявление помогало избежать дополнительных неприятностей и унижений. Вскоре вердикт был вынесен, и 16.02.1977. Лотман был перемещен с поста заведующего на место профессора, а с 1.09.1980. и вовсе переведен на кафедру зарубежной литературы. Он невесело шутил, что высылка Солженицына на Запад может объяснить, почему профессор по русской литературе работает на зарубежной кафедре.

Таким образом, на посту заведующего кафедрой русской литературы Тартуского университета Лотман проработал немногим более шестнадцати с половиной лет — с июля 1960 по февраль 1977 гг., но эти годы составили эпоху в науке, эпоху в истории Тартуско-Московской школы, в истории Тартуского университета и, конечно же, отделения русской и славянской филологии.

В настоящее время основной административной единицей в университете является отделение, в лотмановские времена это было не так: базовой единицей была именно кафедра. Однако в его сознании кафедра была не просто местом работы и уж, конечно, не административной единицей, а живым организмом, за само существование и за жизнедеятельность которого он был в ответе.

«Кадры решают всё»

Как свидетельствует справочник «Структура и личный состав Тартуского государственного университета», изданный в 1961 г.

и содержащий данные на июнь того года (как раз первый год заведования Лотмана), кафедра русской литературы имела в своем штатном расписании шесть ставок (две с половиной — доцента и три с половиной — старшего преподавателя) и состояла из восьми человек. Доценты: Ю. М. Лотман, В. Т. Адамс, Б. Ф. Егоров (полставки); старшие преподаватели: кандидаты филологических наук З. Г. Минц и П. С. Рейфман (полставки) и преподаватели без степени: С. Г. Исаков, а также В. И. Безубов и Й. А. Фельдбах (оба на полставки). Таким образом, в составе кафедры не было ни одного доктора наук и ни одного профессора. Уже очень скоро ситуация меняется. Сам Лотман защищает докторскую диссертацию, становится профессором. Кандидатскую диссертацию защищает С. Г. Исаков. Егоров окончательно покидает кафедру. Зато в 1963 г. приходит неожиданное пополнение: Лотман добился перевода с кафедры русского языка известного диалектолога Т. Ф. Мурниковой (1913–1989), которой грозило увольнение из университета по религиозным мотивам⁶. Это был типично лотмановский жест: он всегда был деятелен в отстаивании интересов своих коллег, часто в ущерб собственным. Результатом активной позиции заведующего, продуктивной работы всей кафедры и доброжелательности университетского руководства (в первую очередь, ректора Ф. Д. Клемента) явился кадровый рост: в 1967 г. — уже девять ставок, а осенью 1976 г. — десять.

В конце 1960 – начале 1970-х гг. происходит резкое омоложение кафедры. В 1969 г. уходит на пенсию Фельдбах (в сталинские времена присланный в университет для идеологического контроля и бывший на кафедре инородным телом)⁷, в 1974 г. — В. Т. Адамс (1899–1993) и Мурникова. В конкурсе на освободившиеся места старших преподавателей Лотман призывает участвовать А. Э. Мальц (работавшую на кафедре с 1967 по 1999 гг.; в 1967–1974 гг. — в должности старшего лаборанта) и Л. Н. Киселеву (с 1970 по 1974 гг. занимавшую должность лаборанта). Юрий Михайлович всегда рассматривал лаборантские места как «трудовые резервы», как этап для будущей преподавательской карьеры, поэтому из нынешних работников Тартуского университета лаборантами кафедры русской литературы были С. Г. Исаков (еще в долотмановские времена), Л. Н. Киселева, Н. Г. Пустыгина (ныне преподает в Нарвском колледже), П. Х. Тороп (заведует отделением семиотики).

В конце 1960-х гг. открылся еще один «резерв»: кандидаты наук П. С. Рейфман, З. Г. Минц, С. Г. Исаков один за другим переходят на должность старшего научного сотрудника (т. е. уходят в двухлетнюю докторантуру). Вместо них на временные ставки берут новых преподавателей, что дает возможность при-

влекать новые силы (с надеждой со временем добиться их перехода на постоянное место). Не все здесь получается гладко. В 1968 г. приехал в Тарту П. А. Руднев, которому удалось создать на кафедре свое направление исследований — стиховедческое, собрать вокруг себя активный студенческий стиховедческий семинар (его выпускниками являются, в частности, М. Ю. Лотман и С. А. Шахвердов). Однако в 1972 г. Рудневу пришлось покинуть Тарту, так как постоянных мест одновременно для него и его жены Л. П. Новинской добиться не удалось. Отъезд Руднева воспринимался всеми как большая потеря для кафедры.

Продолжалась полоса защит. Приведем полный список диссертаций, защищенных сотрудниками кафедры русской литературы за период заведования Лотмана (сент. 1960 – янв. 1977 гг.):

Докторские:

Ю. М. Лотман. Пути развития русской литературы преддекабристского периода (1961).

П. С. Рейфман. Отражение общественно-литературной борьбы на страницах русской периодики 1860-х годов (1972).

З. Г. Минц. Александр Блок и русская реалистическая литература XIX века (1972).

С. Г. Исаков. Русская литература в Эстонии в XIX веке (1974).

Кандидатские:

С. Г. Исаков. Прибалтика в русской литературе 1820-х – 1860-х годов (1962).

В. И. Беззубов. Леонид Андреев и русский реализм начала XX века (1968).

П. А. Руднев. Метрика Александра Блока (1969).

Е. В. Душечкина. Художественная функция чужой речи в Киевском летописании (1973).

И. А. Чернов. Литературная культура русского барокко (пути и методы изучения) (1975)⁸.

На момент ухода Лотмана с поста заведующего кафедрой имела двух профессоров (Лотман, Рейфман), трех доцентов (из них двое — Минц, Исаков были докторами наук⁹; один, Беззубов, — кандидатом), и пятерых старших преподавателей, из которых двое уже были кандидатами наук (Душечкина и Чернов) и трое (Мальц, Киселева, Тороп) — без степени (двое защитили свои диссертации позже). Никто из «кафедралов» даже не приближался к пенсионному возрасту: старшему Ю. М. Лотману в 1977 г. исполнялось 55 лет, младшим (Киселевой и Торопу) — 27.

Таким образом, две тенденции кадровой политики Лотмана-заведующего прослеживаются отчетливо: укрепление научного потенциала кафедры и омоложение состава, смена поколений. Это были принципиальные лотмановские установки, которые шли вразрез с общей ситуацией на факультете и вообще с кадровой политикой советских вузов.

Научная жизнь кафедры

Для самого Лотмана работа — преподавание и занятие наукой (обе составляющие были неразрывны и перетекали друг в друга) — была органической частью его жизни. От всех недугов он лечился работой. Так было всегда, особенно это стало очевидно в последние годы и месяцы жизни: смертельно больной, в весеннем семестре 1993 г. он читал лекции, за месяц до кончины диктовал статью и давал интервью. Но вот пример из другой эпохи. Приведу цитату из письма ко мне, написанного Лотманом 24.01.1981 из Москвы, где он был на конференции. Письмо грустное: Юрий Михайлович выражает недовольство конференцией, говорит об общем научном кризисе и потом дает автокомментарий к собственному настроению: «Занимался в этот раз мало. Это тоже не способствует».

О научной активности Лотмана красноречиво свидетельствует список его печатных трудов: с 1961 по 1976 гг. им было опубликовано 322 работы (и мы все время должны помнить, что в 1960–70-е гг. возможностей для публикации было гораздо меньше, чем теперь). Конечно, с 1964 г. начинают появляться переводы трудов Лотмана на разные языки, но 202 из упомянутых 322 — это впервые напечатанные тексты, т. е. в среднем по 12 новых работ в год¹⁰. Монографии, изданные в этот период¹¹, отражают сферы его интересов: *поэтика, история литературы, кино* — могли бы мы сказать, вспоминая название сборника статей Ю. Н. Тынянова. Можно сказать и иначе: *поэтика и семиотика культуры, методология науки*.

Большинство статей, изданных за интересующий нас период, стали классикой литературоведения и семиотики. Выберем для иллюстрации по десять наиболее значимых из каждого направления, понимая всю условность такого выделения и то, что с начала 1960-х гг. эти два направления в наследии Лотмана уже трудно разграничить¹².

Жить в постоянной работе мысли было для Лотмана делом настолько естественным, что он не признавал иного *modus a vivendi* для любого, кто переступил порог учебного заведения: и для тех, кто учит, и для тех, кто учится. Я помню его «непедагогические» советы нам, первокурсникам: надо стараться урывать время от сна для того, чтобы читать — всегда, везде, все время читать. Он сам читал очень быстро и много, но всегда сетовал на то, как мало успеваешь прочесть. Одним из главных принципов педагогики Лотмана был синтез учебной и научной работы — не только в собственной деятельности, но и по отношению к коллегам — преподавателям и студентам. Он считал, что хороший студент сразу должен включиться в научную работу. Здесь быва-

ли иногда странные «накладки». Напр., я лишь задним числом узнала о том, что Юрий Михайлович был удивлен, что на первом курсе ни я, ни мои однокурсники не посещали его спецкурса для четвертого курса. Ему и в голову не приходило, что мы ни о каком таком спецкурсе и не подозревали, а тем более не знали, что нам можно туда ходить. На втором курсе мы уже были умнее и ошибку исправили. Вообще нормой для каждого преподавателя кафедры было каждый год читать новый спецкурс, а для студента слушать их все (получалось по четыре-пять спецкурсов в год в дополнение к основному расписанию).

Центром учебной деятельности стали курсовые и дипломные работы. Отношение к ним было серьезным и ответственным. Список дипломных работ, составленный Г. М. Пономаревой¹³, ясно демонстрирует усилия преподавателей кафедры русской литературы превратить учебные сочинения в пусть небольшие, но научные исследования. Постепенно занятия в архивах и библиотеках Москвы и Питера становились для студентов нормой. В результате страдали «количественные показатели», что вызывало недовольство деканата: почему студенты пропускают занятия или имеют задолженности. Начальственные установки выражались неоднократно и недвусмысленно: надо давать такие темы, которые можно разработать, не выезжая из Тарту! Но Лотман не сдавался. Был ли он требовательным преподавателем? И нет, и да. Он был либеральным экзаменатором, но умел вызвать в студенте чувство неудовлетворенности своей подготовкой и стыда за незнание. В научной работе требовал полной отдачи, предельной добросовестности и ответственности. В результате дипломных работ, написанных под его руководством, не так много, как можно было бы ожидать. За весь период работы Лотмана в Тартуском университете под его руководством защищены 84 дипломные работы (1953–1991); за период заведования (1961–1976) — 23 работы.

И все же главное в научной деятельности «кафедры Лотмана» — это научные семинары, конференции, а также собственные научные издания. Для Лотмана это был показатель научной работы и ее стимул, ее условие и способ ее осуществления. Лекции считались важным, но недостаточным способом самореализации, главным считалась научная продукция. Представим издания кафедры за 1961–1976 гг. (курсивом обозначены совместные издания с кафедрой русского языка, ТРСФ — Труды по русской и славянской филологии):

1. *ТРСФ IV* (1961);
2. *ТРСФ V* (1962);
3. *ТРСФ VI* (1963);
4. *Русская филология I. Сборник студенческих научных работ* (1963);

5. Программа и тезисы докладов в летней школе по вторичным моделирующим системам, 19–29 августа 1964 (1964);
6. Труды по знаковым системам. I. (Ю. М. Лотман Лекции по структуральной поэтике) (1964).
7. Блоковский сборник I (1964);
8. Труды по знаковым системам 2 (1965);
9. ТРСФ VIII: Литературоведение (1965);
10. ТРСФ IX: Литературоведение (1966);
11. Тезисы докладов во второй летней школе по вторичным моделирующим системам, 16–26 августа 1966 (1966);
12. *Материалы XXI научной студенческой конференции* (1966);
13. Труды по знаковым системам 3 (1967);
14. *Материалы XXII научной студенческой конференции* (1967);
15. III Летняя школа по вторичным моделирующим системам: Тезисы [Доклады]. Кязерику, 10–20 мая 1968 (1968);
16. ТРСФ XI: Литературоведение (1968);
17. ТРСФ XIII: Литературоведение: Горьковский сборник (1968);
18. *Русская филология. II. Сборник студенческих научных работ* (1968);
19. Труды по знаковым системам 4 (1969);
20. Литературоведение и школа (1969);
21. *Материалы XXV научной студенческой конференции* (1970);
22. ТРСФ XV: Литературоведение (1970);
23. Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам, 17–24 августа 1970 (1970);
24. Труды по знаковым системам 5 (1971);
25. ТРСФ XVIII: Литературоведение (1971);
26. *Материалы XXVI научной студенческой конференции* (1971);
27. *Русская филология III. Сборник студенческих научных работ* (1971);
28. Блоковский сборник II (1972);
29. *Материалы XXVII научной студенческой конференции* (1972);
30. *Quinquagesimo*. Сборник статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю. М. Лотмана (1972);
31. Труды по знаковым системам. 6 (1973);
32. Сборник статей по вторичным моделирующим системам (1973);
33. ТРСФ XXI: Литературоведение (1973);
34. *Сборник студенческих научных работ* (1973);
35. *Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам I (5)* (1974);
36. Труды по знаковым системам 7 (1975);
37. ТРСФ XXIV: Литературоведение (1975);
38. ТРСФ XXVI: Литературоведение (1975);
39. Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века» (1975);
40. *Русская филология IV. Сборник студенческих научных работ* (1975);
41. Литературоведение и школа. II (1976).

Конечно, издания не возникали на пустом месте. Во многом они являлись результатом научных семинаров и конференций. Для проведения больших научных встреч нужны были официальные разрешения и деньги. Тогда они добывались долгими «хождениями по начальству». Если ходатайства оказывались безуспешными и конференцию невозможно было провести, то просто устраивались заседания кафедры, философского семинара или кафедральные научные сессии с участием гостей. Перечислим конференции и семинары, проведенные кафедрой с сентября 1960 по январь 1977 гг.:

- 1960: 1) 24–25 октября: Юбилейная научная конференция, посвященная 20-летию ЭССР.
2) 26–28 ноября: Научная конференция, посвященная 50-летию со дня смерти Л. Н. Толстого.
- 1961: 3) Апрель: Конференция, посвященная 100-летию со дня смерти Т. Г. Шевченко.
4) 9 апреля: Студенческая научная конференция.
5) 13 июня: Научная сессия, посвященная 150-летию со дня рождения В. Г. Беллинского.
6) 23 ноября: Конференция, посвященная 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова.
- 1962: 7) Научный семинар по знаковым системам.
8) Апрель: Студенческая научная конференция.
9) Май: Первая Блоковская конференция.
10) Научное заседание кафедры, посвященное 150-летию Отечественной войны 1812 года.
- 1963: 11) Апрель: Студенческая научная конференция.
12) 2–4 декабря: Республиканская научная конференция, посвященная изучению русско-эстонских литературных связей.
- 1964: 13) 3 марта: Научный семинар, посвященный 400-летию печатной русской книги.
14) Апрель: Студенческая научная конференция.
15) 7 июля: Кафедральный семинар с докладом М. Г. Альтшуллера («Костров и проблема русского предромантизма»)
16) 19–29 августа: [Первая] Летняя школа по вторичным моделирующим системам.
17) 23–25 октября: Конференция, посвященная 150-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова.
18) 29 октября: Кафедральный семинар с докладом В. И. Беззубова («Л. Андреев и МХТ»).
- 1965: 19) Апрель: Студенческая научная конференция.
- 1966: 20) Апрель: Студенческая научная конференция.
21) 4 мая: Заседание, посвященное 350-летию со дня смерти Сервантеса и Шекспира.
22) 16–26 августа: Вторая летняя школа по вторичным моделирующим системам.

- 23) 24 ноября: Конференция, посвященная 200-летию со дня рождения Н. М. Карамзина.
- 1967: 24) Апрель: Студенческая научная конференция.
25) Май: Вторая Блоковская конференция.
26) 15–17 декабря: Вторая республиканская конференция по русско-эстонским отношениям.
- 1968: 27) 15 марта: Научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения А. М. Горького.
28) Апрель: Студенческая научная конференция.
29) 10–20 мая: Третья летняя школа по вторичным моделирующим системам.
30) Осень: Конференция, посвященная 150-летию со дня смерти Н. И. Новикова.
- 1969: 31) Апрель: Студенческая научная конференция.
32) 13 июня: Кафедральный семинар с докладом Т. Венцлова («Творчество Балтрушайтиса как двуязычного поэта»).
- 1970: 33) Апрель: Студенческая научная конференция.
34) 17–24 августа: Четвертая летняя школа по вторичным моделирующим системам.
- 1971: 35) Март: Кафедральный семинар с докладом Ю. М. Лотмана («К типологии русской культуры XVIII века»);
36) Апрель: Студенческая научная конференция.
37) 20–21 ноября: Конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского
38) 11–12 декабря: Конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова.
39) Декабрь: Кафедральный семинар с докладом Ю. М. Лотмана и Т. Ф. Мурниковой. («Методика и современная наука»).
- 1972: 40) 10 января: Кафедральный семинар с докладом Ю. М. Лотмана («Театр и проблемы культуры XIX века»);
41) 11 февраля: Кафедральный семинар с докладом И. А. Чернова («Научная проблематика барокко»);
42) Апрель: Студенческая научная конференция.
43) Май: Кафедральный семинар с докладом Ю. М. Лотмана («Современные проблемы теории литературы в свете постановления ЦК КПСС о задачах литературной критики»). *Это, конечно, «протокольное» название. Реальна первая его часть.*
- 1973: 44) Апрель: Студенческая научная конференция.
45) 2–5 мая: Конференция «Литературоведение и школа. II»;
46) 30 мая: Кафедральный семинар с докладом Ю. М. Лотмана («Марксистско-ленинская методология и проблемы фрейдизма»). *«Протокольное» название. Реальна вторая его часть.*
47) 12 июня: Кафедральный семинар с докладом В. Килька («О романе И. С. Тургенева «Отцы и дети»»);
48) Декабрь: Кафедральный семинар с докладом З. Г. Минц («Проблема языка в культуре XX века (теоретический доклад)»).

- 1974: 49) 9 января: Философский семинар с докладом Ю. М. Лотмана («Вопрос о структурной необходимости индивидуальности в системе культур»).
50) 8–13 февраля: I Всесоюзный симпозиум по вторичным моделирующим системам в Тарту.
51) 28 марта: Кафедраальный семинар с докладом Ю. М. Лотмана («Прагматика текста»).
52) Март: Кафедраальный семинар с докладом В. И. Беззубова («Л. Андреев и революция 1905 года»).
53) 12–14 апреля: Студенческая научная конференция.
54) 30 мая: Философский семинар с докладом Ю. М. Лотмана о разных типах сознания.
55) Май: Кафедраальный семинар с докладом И. А. Чернова («Методология литературоведческого анализа»).
- 1975: 56) 5 марта: Кафедраальный семинар с докладом Ю. М. Лотмана («Пути и методы изучения народной культуры XVIII века»).
57) 11–13 апреля: Студенческая научная конференция.
58) 20–24 апреля: III (I Всесоюзная) конференция «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века».
59) 27 декабря: Научная сессия кафедры с докладами Ю. М. Лотмана, З. Г. Минц, Б. М. Гаспарова, Б. А. Успенского, А. Ф. Белоусова, С. Г. Исакова, А. К. Жолковского.
- 1976: 60) 8 апреля: Кафедраальный семинар с докладом Ю. М. Лотмана («О прагматике текста»).
61) 16–18 апреля: Студенческая научная конференция.
62) 10 сентября: Кафедраальный семинар на тему «Проблемы семиотики устной речи» с докладами Б. М. Гаспарова, Ю. М. Лотмана.
63) 22 октября: Студенческая научная конференция республик Прибалтики и Белоруссии по гуманитарным и естественным наукам. Секция русской литературы.
64) 2 ноября: Кафедраальный семинар с докладом Ю. М. Лотмана («'Русский Пелам' и 'Повесть о капитане Копейкине'»). <Часть 1>.
65) Ноябрь: Кафедраальный семинар с докладом Ю. М. Лотмана («Проблема X главы 'Евгения Онегина' и 'Повесть о капитане Копейкине'»). <Часть 2>.
66) 24 ноября: Кафедраальный семинар с докладом Л. И. Вольперт («Традиции французской комедии у Пушкина и комедиографов его поры»).
- 1977: 67) 8 января: Философский семинар на тему «Дискретные и недискретные языки в механизме культуры».

«Мы учим этике!»

Именно так сформулировал Ю. М. Лотман свое педагогическое кредо на одном из заседаний кафедры, где обсуждался некорректный поступок коллеги, использовавшего в своей статье разыскания студентки без соответствующей ссылки (см. книгу протоколов за 1956 г., хранящуюся в кафедральном архиве).

Результаты научной деятельности, при всей их важности для Лотмана, никогда не заслоняли для него, как заведующего, критерия личной порядочности, осознанной и выраженной этической позиции. Этот критерий прилагался им, в первую очередь, к самому себе, но и к каждому из членов кафедры. Этическая составляющая, по мнению Лотмана, является важнейшей в личности педагога — как университетского, так и школьного. В одной из своих многочисленных статей на педагогические темы он пишет:

«Я не считаю, что можно разделять обучение и воспитание, видя в них две различные педагогические задачи. <...> Обучение подразумевает, что один *хочет* учить, а другой *хочет* учиться»¹⁴.

Подготовку учителей русского языка и литературы Лотман воспринимал не только как свой служебный долг (отделение русской филологии готовило тогда именно учителей, преимущественно для эстонской школы), но и как внутреннее призвание. В этом он видел и одну из миссий своей кафедры.

Другой важнейшей, с точки зрения Лотмана, миссией кафедры было представлять русскую культуру в Эстонии (сюда следует отнести и популяризацию русской художественной культуры в эстонской читательской аудитории, и сотрудничество с эстонскими коллегами, и исследование русско-эстонских культурных контактов, и разрушение стереотипов в межнациональных отношениях, обусловленных историческими причинами и т.д.)¹⁵.

Концепция кафедры

По мысли Лотмана, кафедра должна была стать той средой, в которой могли бы существовать и воспроизводиться (биологический термин здесь вполне уместен, он присутствует и в слове «среда») интеллигентные, порядочные, образованные люди. Эти люди (молодые преподаватели, студенты), в свою очередь, должны были, по его замыслу, со временем создавать вокруг себя свою среду, передавая культурную эстафету дальше¹⁶. В каком-то смысле это был утопический проект, сродни идеям педагогов-просветителей XVIII в. (напр., И. И. Бецкого в России), стремившихся создать «новую породу людей» в закрытых учебных заведениях, изолировав своих воспитанников от жестоких и низких нравов современной им действительности и противопоставив им возвышенные устремления, почерпнутые из искусства и философии. Лотман всегда с энтузиазмом относился к самой идее созидания мира усилиями отдельных людей (Н. И. Новиков был одним из любимых его героев). По своим установкам он был просветителем (в смысле XVIII в.). Созвуч-

ность его культурологических концепций (культура как память, семиосфера) и жизненных установок очевидна. Он хотел иметь возможность делать то дело, которое считал делом своей жизни. И в этой связи неизбежен вопрос о том, как он уживался с начальством советского вуза и с советским строем.

Об эволюции своих политических взглядов Лотман пишет в «Не-мемуарах». Сам он считал 1968 г. и чешские события (ввод советских танков в Прагу) моментом окончательного перелома и моментом полной утраты иллюзий насчет советской власти. Упоминает он (бегло, скромно и затушевывая свою роль) и о своем участии в диссидентском движении. Результаты не замедлили сказаться: в 1970 г. — обыск в квартире, вызовы в КГБ, в конечном счете — свертывание Летних школ и вынужденный уход с заведования кафедрой. Ясно, что выбор был неизбежен: или уезжать на Запад, или садиться в тюрьму, или, оставаясь университетским профессором, не участвовать прямо и демонстративно в диссидентской деятельности (хотя Юрмих продолжал помогать ее участникам много и разнообразно). Политическая (диссидентская) деятельность входила в противоречие с академической. Выбор был сделан в пользу академической, но выбор был не простым и не раз подвергался Лотманом мучительной рефлексии.

Уход с заведования явился для Юрия Михайловича тяжелым испытанием (со временем это как-то подзабылось, но в письмах ко мне эта тема ясно прослеживается). С одной стороны, заведование отнимало много времени и душевных сил и дорого ему стоило (Зара Григорьевна Минц признавалась, что была рада, когда заведование кончилось). Заседания ученых советов (университетского и факультетского) он терпеть не мог, всякого рода бюрократические документы — тоже, хотя и управлялся с ними виртуозно, но, как правило, с опозданием, иногда значительным — это вызывало недовольство начальства. Однако, с другой стороны, заведование было возможностью хоть в какой-то мере влиять на ситуацию (говоря сейчас о «руководящей» сфере: чины и регалии помогали добиваться нужных решений, ограждали от вмешательства в кафедральные дела). Кроме того — и это самое главное — кафедру он ощущал как свое детище, и отставка (пусть и вынужденная и, с точки зрения внутрикафедрального отношения к ситуации, — условная) этого детища лишала (своего рода лишение отцовских прав!). Можно сказать, что Лотман пережил серьезный душевный кризис, который долго давал о себе знать. Но потом он был преодолен. Я хочу закончить цитатами из его писем из Мюнхена 1989 г.:

«Душой я все время в Тарту <...>. Как продвигается подготовка семинара? Вообще, в голове тысяча 'как'» (23.02.1989);
 «Что-то делается в Тарту на родной кафедре?» (28.02.1989).

- ¹ Из-за ограниченного объема статья написана почти в тезисной форме. Выбирая между рассуждениями и фактами, я старалась отдавать предпочтение фактическому материалу, поскольку он позволит читателю прийти к собственным заключениям.
- ² Напомню, что первая монография Лотмана была посвящена одному из его предшественников, второму профессору российской словесности в Дерпте А. С. Кайсарову. См.: Ю. М. Лотман. *Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени*. УЗ Тартугу, Тарту, 1958, вып. 63.
- ³ Так, с легкой руки Б. Ф. Егорова, называли Лотмана все, знавшие его.
- ⁴ См. об этом: Ю. М. Лотман. *Не-мемуары*. Лотмановский сборник 1. Москва, 1995, 36–41.
- ⁵ Диплом доцента, выданный ВАК, датируется 5.06.1954., приказ ректора Тартуского университета был подписан 24.08.1954.
- ⁶ Подробнее см. об этом: Л. Н. Киселева. *Парадоксы одной биографии. О Татьяне Филаретовне Мурниковой*. Вышгород, Таллинн, 1998, № 3, 115–118.
- ⁷ Фельдбах Йоханнес Александрович (1901–1972) работал на кафедре с 1951 г. См.: Г. М. Пономарева. *Перед оттепелью. История кафедры русской литературы конца 1940-х – начала 1950-х годов*. Вышгород, Таллинн, 1998, № 3, 57.
- ⁸ Перечислим кандидатские диссертации, защищенные под руководством Лотмана до 1977 г.: Р. А. Папаян. Типологическая характеристика русской метрики (в сопоставлении с армянской) (1973); Х. Д. Лезметс. Метафора в русской романтической прозе 30-х годов XIX века (на материале произведений А. А. Бестужева-Марлинского, Н. А. Полевого и В. Ф. Одоевского) (1974); И. А. Чернов. Литературная культура русского барокко (пути и методы изучения) (1975).
- ⁹ Докторская степень З. Г. Минц еще не была утверждена ВАК, за что ее в шутку называли «бабушкой русского ВАК'а». Шутка была горькой: пять лет (с 1972 по 1977 гг.) тянулась процедура утверждения ее блестящей, новаторской докторской диссертации.
- ¹⁰ См.: Список трудов Ю. М. Лотмана, составленный Л. Киселевой: Ю. М. Лотман. *Избранные статьи*. Т. 3. Таллинн, 1993, 444–460.
- ¹¹ *Лекции по структуральной поэтике*. Тарту, 1964; *Структура художественного текста*. Москва, 1970; *Анализ поэтического текста*. Ленинград, 1972; *Статьи по типологии культуры*. Вып. 1 и 2. Тарту, 1970–1973; *Семиотика кино и проблемы киноэстетики*. Таллинн, 1973; *Динамическая модель семиотической системы*. Москва, 1974; *Роман в стихах «Евгений Онегин»*. Спецкурс. Тарту, 1975; *Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры*. Тарту, 1975 (совместно с Б. А. Успенским; издано в УЗ Тартугу); *Антологии, изданные в 1961–1976 гг.* (подготовка текста, вступ. статьи и комментарии). *Поэты на-*

чала XIX века. Ленинград, 1961; Н. М. Карамзин. Полное собрание стихотворений. Москва — Ленинград, 1966; Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. Москва, 1969 (автор статьи); Поэты 1790–1810-х годов. Ленинград, 1971. (комментарии совместно с М. Г. Альтшуллером); Семиотика и искусствознание. Современные зарубежные исследования. Сб. переводов. Москва, 1972 (сост. и ред. совместно с В. М. Петровым).

- ¹² «Классические» статьи 1961–1976 гг. (не повторяется то, что вошло в монографии). «Историко-литературные»: 1. Идеальная структура «Капитанской дочки»; 2. Истоки «толстовского направления» в русской литературе 1830-х годов (1962); 3. «Человек природы» в русской литературе начала XIX века и «цыганская тема» у Блока (1964) (совместно с З. Г. Минц); 4. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя (1968); 5. Декабрист в повседневной жизни. (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) (1975); 6. Игровые моменты в поэме «Двенадцать» (совместно с Б. М. Гаспаровым); 7. О Хлестакове; 8. Тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века (1975); 9. Бытовое поведение и типология культуры в России XVIII в.; 10. К вопросу об источниковедческом значении высказываний иностранцев о России (1976). «Семиотические»: 1. О разграничении лингвистического и литературоведческого понятия структуры (1963); 2. Игра как семиотическая проблема и ее отношение к природе искусства (1964); 3. К проблеме типологии культуры (1967); 4. О метаязыке типологических описаний культуры (1968); 5. Проблема «обучения культуре» как ее типологическая характеристика (1971); 6. Знаковый механизм культуры; 7. Каноническое искусство как информационный парадокс; 8. Миф — имя — культура (совместно с Б. А. Успенским); 9. Тезисы к семиотическому изучению культур. (В применении к славянским текстам) (совместно с В. В. Ивановым, А. М. Пятигорским, В. Н. Топоровым, Б. А. Успенским) (1973); 10. К семиотической типологии русской культуры XVIII в. (1974) (совместно с Б. А. Успенским).

¹³ См.: ТРСФ. Литературоведение III: К 40-летию «тартуских изданий». Тарту, 1999, 332–371.

¹⁴ J. Lotman. *Hinge kasvatamine*. Rahva hääl, Tallinn, 1984. 29 aug. Цит. по оригиналу.

¹⁵ Я не имею возможности подробнее останавливаться на этом аспекте, но внимательное изучение списка трудов Лотмана даст заинтересованному читателю богатый материал для выводов.

¹⁶ Такое толкование понятия «кафедра», с моей точки зрения, является одной из составляющих понятия «школа», по Лотману.

Леа Пильд
Tartu

О ГЕНЕЗИСЕ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА В ТРУДАХ З. Г. МИНЦ

История русского литературоведения – Тартуский университет – З. Г. Минц – труды по русскому символизму

Зара Григорьевна Минц (1927–1990) — профессор Тартуского университета, известный исследователь русского символизма. Среди современных российских и западных литературоведов, изучающих историю литературы первой половины XX в., ее труды по праву считаются классическими. Литературными явлениями, которые в работах Минц второй половины 1980-х гг. будут названы предсимволистскими, исследовательница начала заниматься уже в начале 1960-х гг. Обращение к названной проблематике было обусловлено по крайней мере двумя причинами. Во-первых, необходимостью внести уточнения в существующие в науке представления о зарождении русского символизма. Во-вторых, внутренней логикой эволюции Минц как ученого. В этой связи следует, в первую очередь, упомянуть ее работу «Поэтический идеал молодого Блока» — о «соловьевском» пласте в творчестве Александра Блока (Минц 1964, 172–225), статью «К генезису комического у Блока (Вл. Соловьев и Блок)» (Минц 1971, 124–194), а также тезисы «Две модели времени в лирике Владимира Соловьева» (Минц 1966, 96–104). В 1974 г. вышло в свет подготовленное Зарой Григорьевной издание из серии «Библиотека поэта»: «Владимир Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы» (1974). Книга открывалась ее вступительной статьей «Владимир Соловьев — поэт» (Минц 1974, 3–56). Предсимволистские явления в русской литературе продолжали интересовать Минц и в 1980-е гг. Она уделяла им большое внимание в спецкурсах о творчестве Ф. М. Достоевского (Mints 1986, 74–77) и А. П. Чехова (Минц 1997, 5–20; жизнестроительство Чехова рассматривалось в спецкурсе в очевидной соотнесенности с символистским жизнетворчеством), в спецкурсе о раннем символизме (об импрессионистической поэтике Фета говорилось как явлении, предшествующем декадентскому импрессионизму).

К изучению предсимволизма как отдельного периода в литературе последней трети XIX в. Минц обратилась в середине 1980-х гг. Непосредственно этой теме посвящено две ее статьи: «'Новые романтики' (К проблеме русского пресимволизма)» (Минц 1988а, 144–158) и «Статья Н. Минского 'Старинный спор' и ее место в становлении русского символизма» (Минц 1989а, 44–57). Отчасти связаны с темой русского предсимволизма и тезисы «'Дворянский бунт' и две повести К. Случевского» (Минц 1989б, 397–515).

В статье «'Новые романтики' <...>» находим теоретическое и историко-литературное определение понятия *предсимволизм*:

«<...> выделение пре-системы как самостоятельной ступени в эволюции художественных направлений имеет смысл, если она соотносится с развивающейся последующей системой (кроме определенного набора структурных сходств/различий и исторически зафиксированных фактов обращения 'детей' к 'отцам') еще по двум признакам: 1) пре-система, к наследию которой обращена формирующаяся система, предстает как ряд объективно различных, обособленных друг от друга подсистем <...>; 2) пре-система в целом и все ее составляющие нечетко отграничены от других явлений литературы своего времени <...>» (Минц 1988а, 145).

В дореволюционной истории литературы и в советских исследованиях о раннем символизме существовало представление о том, что русское декадентство зародилось в 1880-е гг. Такая точка зрения, в частности, была высказана в работах авторитетного историка литературы и литературного критика С. А. Венгерова (Венгеров 1892, 282–285). Некоторые советские исследователи символизма поддерживали это представление, не пытаясь внести в него коррективы (Муратов 1984, 35). Зарождение декадентства в России возводилось к западноевропейским, в первую очередь французским, истокам. Вместе с тем упомянутые авторы не разграничивали эстетические представления ранних декадентов и их предшественников. Таким образом, переход к «новому искусству», декадансу, в 1880-е гг. трактовался в упомянутых работах, во-первых, как достаточно неожиданный (визальный), и, во-вторых, как заимствованный с «чужой», западноевропейской, почвы. Соответственно даже в исследованиях 1980-х гг. сохранялось актуальное для русской критики конца XIX в. отношение к русскому декадентству как неорганичному, «чужому» феномену, имеющему в русской культуре случайный характер. Этот негативизм русских критиков в отношении декадентства и декадентов активно поддерживало в конце XIX – начале XX вв. большинство русских символистов, в том числе и сами декаденты (Гиппиус 1900, №17–18).

Следует обратить внимание и на то, что декадентство в названных трудах приписывалось в 1880-е гг. и поэту Н. Минскому, который, как известно, на позициях декадентского индивидуализма оказался позже — в 1890-е гг.

Таким образом, статьи Зары Григорьевны о предсимволизме преследовали две цели. Первая заключалась в том, чтобы про-

демонстрировать различие между ранним русским символизмом и его предшественниками в 1880-е гг. И вторая — в стремлении показать собственно отечественные истоки русского символизма (и в особенности — декаданса).

Первый предсимволистский манифест — статья Минского «Старинный спор» был создан, как показывает Зара Григорьевна, в ходе полемики 1884 г. в киевской газете «Заря». Poleмика была посвящена вопросу о целях и специфике искусства. Ее инициатором был известный писатель И. Ясинский, отошедший от позитивистского мировоззрения и демократических идеалов и считавший, в отличие от своих идеологических оппонентов в газете, основной целью искусства не познание, не этическое совершенствование, а эстетическое наслаждение («цель искусства — делать людей счастливее»).

Однако позиция Ясинского не была до конца последовательной, поскольку он пытался эклектически соединить некоторые положения позитивистской эстетики (признание познавательной и дидактической функции искусства) с апологией эстетизма, восходящей к эстетике Ф. Шиллера и И. Канта. Минский, по мнению Зары Григорьевны, вывел полемику на новый уровень. Он попытался доказать, что спор о значении искусства в жизни общества — это весьма актуальная для русской культуры дискуссия и что она началась, по меньшей мере, в 1840-е гг. XIX в. Начало «спора», по Минскому, было связано с «притеснением» «вечно свободного человеческого духа», противостоянием сторонников автономного искусства и его противников (Минский имел, вероятно, в виду и враждебную самоценному эстетизму «теорию» реализма В. Г. Белинского и политическую реакцию эпохи Николая I). Эстетизм исчезает, как считает автор «Старинного спора», в 1860-е гг. Исчезает не только в результате нигилистического отношения к искусству революционных демократов, но и в связи с активизацией социально-политической жизни. Наконец, дискуссия о значении искусства возрождается в 1880-е гг. и знаменует, по Минскому, движение к «синтезу» оторванной (в результате «разрушения эстетики» шестидесятников) от искусства реальности и эстетической деятельности. Для Зары Григорьевны важно было подчеркнуть, что автор статьи «Старинный спор» связывает дискуссию об искусстве на протяжении всего XIX в. с развитием социальной жизни. Никакого «автономного» существования искусства, никакого «чистого искусства», оторванного от действительности, Минский в русской культуре пока не усматривает. Отрицание эстетики, по Минскому, — следствие неприглядных социальных условий, а возрождение эстетизма («вечно свободного человеческого духа») — результат некоторой обще-

ственной стабилизации, относительного равновесия политических и социальных сил. Помещение споров об искусстве в российский исторический контекст и объявление искусства феноменом, создающим новую, «объективную» действительность, свидетельствует о том, что взгляды Минского почти не имеют точек соприкосновения с культурой «декаданса» (в статье «Старинный спор» есть апология личности творца, но нет эстетизации зла и неверия в возможность преобразовать объективную действительность). Минский объясняет генезис споров об эстетизме и, что особенно важно, доказывает органичность таких споров именно для русской культуры. Однако эстетическая программа нового направления (символизма) у Минского отсутствует, и поэтому «Старинный спор» нельзя считать символистским манифестом. Минский лишь предвосхищает некоторые положения религиозно-эстетических утопий символистов конца XIX – начала XX вв. (Минц 1989а, 56).

Вместе с тем среди предшественников русского символизма Зара Григорьевна видит и писателей, непосредственно подготовивших русский «декаданс». Таким автором для нее, как показано в статье «'Новые романтики' <...>», является Ясинский-прозаик. Здесь следует обратить внимание на одну существенную черту методологического подхода Зары Григорьевны к анализу поэтики и эстетики литературного направления. Изучая вопросы литературной эволюции, Минц совмещает диахронический анализ с синхронным подходом к литературным феноменам: очень часто один и тот же автор оказывается носителем разных точек зрения (и даже различных эстетических программ) в какой-либо конкретный период его собственного литературного развития. Так, Ясинский, защищая самоценность искусства в своих эстетических декларациях середины 1880-х гг., оказывается «преддекадентом» в своих прозаических произведениях. Характерно, что, изучая стилистическое и сюжетное построение романа Ясинского «Великий человек» (1884), Зара Григорьевна и здесь исключает из анализа западноевропейские истоки мотивов, образов, стилистических фигур сочинения Ясинского. Не подлежат, напр., рассмотрению те произведения писателя 1880-х гг., которые со всей очевидностью говорят о его ориентации на предшественников французских символистов (переводы «'Стихотворений в прозе' Шарля Бодлера <...>», опубликованные впервые в киевской газете «Заря» в том же 1884 г.) ([Ясинский] 1885).

Выявляя различные стилистические пласты романа «Великий человек», исследовательница называет среди них поэтику «петербургского романа», «идеологические споры», характерные для романов И. С. Тургенева, объективные «натуралисти-

ческие» описания (речь идет о стилевой тенденции, уже усвоенной русской литературой из романов Э. Золя и произведений других французских натуралистов). Эта стилевая пестрота уравновешивается в романах Ясинского, с точки зрения Зары Григорьевны, авторской оценкой, приближающейся к декадентской, — нейтрализацией добра и зла. Она приводит цитату из романа: «А разве на могиле не растут розы? И разве жизнь и смерть — не сестры» (Минц 1988а, 152).

В целом, однако, Зара Григорьевна видит в романе скорее эклектизм: декадентское равнодушие к различению добра и зла, соседствует здесь с признанием имманентной нравственности искусства.

В прозе другого предшественника русского символизма, Виктора Бибикова, самого талантливого литератора среди членов киевского литературного кружка «Новые романтики» — Зара Григорьевна усматривает своеобразный «прообраз» лейтмотивной поэтики символистского романа, реализованной позднее в романной трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист»:

«Все это сложное построение романа, с парадигмой 'выглядывающих' друг из-за друга смыслов и 'поэтикой цитат', мало связано с зарождающейся декадентской литературой; зато оно прямо предсказывает структуру младосимволистских произведений 1900-х гг.» (Минц 1988а, 158).

При этом не так важно, кто из западноевропейских авторов повлиял на Бибикова и повлиял ли вообще. Зару Григорьевну интересует сам механизм смыслопорождения в прозаическом тексте Бибикова (в романе «Чистая любовь», 1887), который близок процессам симвообразования у «старших» и «младших» символистов-прозаиков (Д. С. Мережковского, Андрея Белого, Ф. Сологуба).

Если в случае с Ясинским для Зары Григорьевны было необходимо подчеркнуть, что в его произведениях на русской литературной почве формируются элементы декадентской картины мира, то в случае с Бибиковым указывается на то, что структура будущего символа у символистов, предвосхищенная писателем, также является продуктом творчества русского литератора, оперирующего образами и мотивами отечественной литературной традиции.

Целью Зары Григорьевны вовсе не является доказать, что русский символизм (и в особенности — декадентство) не имеет западноевропейских истоков. Последнее было уже давно доказано — в трудах русских литературных критиков, русско-советских литературоведов и западных славистов. Важно было показать, что декадентство и символизм в целом имели также

отечественные истоки, и детально исследовать пути возникновения русского символизма на собственно русской культурной почве.

Описанный подход к анализируемому материалу зависел, конечно, не только от состояния изучения литературы начала XX в. Он был обусловлен и логикой эволюции Зары Григорьевны как исследователя русского символизма. Уже тема ее докторской диссертации, которую исследовательница начала писать в 1960-е гг., была сформулирована так, что в центре внимания оказались традиции классической русской литературы как объект рецепции виднейшего представителя русского символизма — поэта Александра Блока (Минц 1972). Зару Григорьевну как автора диссертации характеризует своеобразный исследовательский универсализм. Освоение Блоком русской реалистической традиции почти не было до того времени затронуто блоковедами. Рассмотрению подвергались в основном лирика поэтов романтической эпохи (В. А. Жуковский) и поэтическое творчество представителей «чистого искусства» середины XIX в. (Я. П. Полонский, А. А. Фет), их творческое переосмысление в блоковской лирике. С одной стороны, тема, выбранная Зарой Григорьевной, как бы заполняла существовавшие пустоты (объектом анализа в диссертации стала главным образом русская классическая проза — в дополнение к отчасти изученной блоковской рецепции русской поэтической традиции). С другой стороны, Зара Григорьевна мыслила свое исследование только в контексте будущего заполнения «лакун». Во введении к диссертации говорится о том, что более или менее полное представление о блоковской оценке русского реализма мы будем иметь только, изучив темы: «Блок и русский фольклор», «Блок и древнерусская литература», «Блок и литература XVIII века» (Минц 1972, 15) и т. д. Очевидно, что речь здесь идет о получении предельно полной картины поэтической эволюции Блока. Поскольку в течение нескольких десятилетий символизм в целом воспринимался как «чужое» для русской литературы явление, необходимо было продемонстрировать его укорененность в своей культуре, чем Зара Григорьевна и занималась.

В 1970-е и 1980-е гг., когда Минц обратилась к изучению творческого наследия других русских символистов (как декадентской, так и младосимволистской ориентации), продолжал действовать тот же методологический принцип. Изучались разные этапы эволюции отдельных авторов и различные периоды эволюции направления (см.: Минц 1980, 98–172; Минц 1986, 7–24; Минц 1988б, 3–21; Минц 1990, 3–20). Это многоаспектное изучение предполагало детальное описание каждого периода в разви-

тии символизма, что, в конце концов, привело Зару Григорьевну к мысли о синхронном существовании внутри каждого этапа эволюции символизма трех эстетических программ («декадентство», «утопический эстетизм», «эстетизм»). На протяжении каждого периода одна из перечисленных программ занимала доминантную позицию, две другие находились на периферии. Так, напр., в период раннего символизма — в 1890-е гг. — его доминантой становится декадентство, в начале 1900-х гг. эта доминанта смещается на периферию, место декадентства занимает утопический эстетизм и т. д. Предложенная схема эволюции русского символизма упраздняла, по сути дела, представления о несущественности декадентского пласта в русском символизме, четко указывала на его историко-эволюционную функцию в рамках направления.

Второе важнейшее направление в изучении русского символизма, наряду с проблемами эволюции, — это исследование механизмов смыслопорождения в символистском тексте. Минц интересовала структура поэтической лексики, механизмы образования символов в стихотворных, прозаических и драматических текстах символистов (см.: Минц 1987а, 95–101; Минц 1987б, 104–118; Минц 1989в, 5–26 и др.).

Конструирование смысла, поэтической семантики, поиски новых возможностей смыслопорождения — это для Минц важнейшие характеристики эстетики символизма. Символизм воспринимается ею как направление созидающее, конструирующее, синтезирующее (сводящее воедино и переосмысляющее многовековой опыт культуры — не только русской, но и европейской). Отсюда интерес, в первую очередь, к авторам, выполняющим в рамках символистской культуры конструктивную, созидательную функцию. Начиная с Блока, выстраивающего свою поэтическую биографию и одержимого целью создания исторически справедливого общества, и заканчивая созидательным русский символизм Брюсовым (см.: Минц 1988в, 215–240), переосмысляющим ход русской истории и культуры Мережковским. И, наоборот, авторы, чья эстетическая картина мира и творчество были далеки от символистского «синтеза», привлекали Зару Григорьевну в меньшей степени. Напр., она почти не писала о декадентской поэзии. Поэтическая семантика, актуальная для некоторых русских декадентов в 1890-х гг. и описывающая процессы «аннигиляции» и нейтрализации смыслов, не имела для Минц такого значения как, напр., многоплановость символа у символистов. Хотя историко-эволюционный аспект формирования символа в декадентской поэзии ее интересовал. Зара Григорьевна считала, напр., что символы в поэзии дека-

дентов 1890-х гг. образовались на основе аллегористики народной поэзии.

Долгий опыт изучения модернистской эпохи привел Минц к заключению о том, что резкие изменения (скачки) в литературном развитии зачастую бывают кажимостью или же соседствуют с непрерывностью литературной эволюции, которую не сразу замечают исследователи (тем более — современники). Обращение к эпохе предсимволизма как бы лишний раз убедило Зару Григорьевну в этой закономерности развития русской литературы.

Статью «Новые романтики» она начинает с корректного и мягкого уточнения (сама она называет его «развитием») тыняновской схемы литературной эволюции:

«Непосредственное обращение 'детей' к опыту 'отцов' с самоочевидностью предполагается, в частности, тогда, когда исследователь имеет дело с отрезком эволюционного процесса типа 'предромантизм' — 'романтизм' (Минц 1988а, 145);

«<...> не упоминание Тыняновым ряда 'тривиальных' (в смысле хорошо известных науке XIX–XX в.) механизмов литературной эволюции, таких, например, как сознательная ориентация на прямых предшественников — 'отцов' — никак не должно становиться поводом для дискредитации соответствующих представлений» (Минц 1988а, 144).

В статьях, посвященных предсимволистской эпохе в русской литературе, как раз и говорилось о том, что, несмотря на видимое отгораживание символистов от своих предшественников 1880-х гг. (предсимволистов), между предшественниками и последователями существует очевидная преемственная связь.

После смерти Минц в печати появились работы, авторы которых ненавязчиво (впрочем, даже мягко) говорили о том, что некоторые статьи Зары Григорьевны о символизме (в частности, работы начала 1960-х гг.) несут на себе печать своей эпохи, т. е. в той или иной степени зависят от официальных идеологических установок. Необходимо, однако, помнить и о том, что статьи о предсимволизме писались Зарой Григорьевной уже в эпоху перестройки, когда необходимость какой-либо «зависимости» от идеологического контекста исчезла. Однако Минц осталась верна выбранным ранее принципам подхода к материалу — всесторонне изучать материал одной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Венгеров 1892 — С. А. Венгеров. *Виктор Иванович Бибииков*. Критико-биографический словарь. Т. 3. С.-Петербург, 1892, 282–285.
- Гиппиус 1900 — З. Гиппиус. *Торжество в честь смерти*. Мир искусства, 1900, № 17–18.
- Минц 1964 — З. Г. Минц. *Поэтический идеал молодого Блока*. Блоковский сборник. Тарту, 1964, 172–225.

- Минц 1966 — З. Г. Минц. *Две модели времени в лирике Владимира Соловьева. Тезисы докладов во второй Летней школе по вторичным моделирующим системам*. 16–26 авг. 1966. Тарту, 1966, 96–104.
- Минц 1971 — З. Г. Минц. *К генезису комического у Блока (Вл. Соловьев и Блок)*. Труды по русской и славянской филологии. 18. Литературоведение (УЗ Тартугу, вып. 226), 1971, 124–194.
- Минц 1972 — З. Г. Минц. *Александр Блок и русская реалистическая литература XIX века. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологич. наук*. Тарту, 1972.
- Минц 1974 — З. Г. Минц. *Владимир Соловьев — поэт*. В. С. Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы. Ленинград, 1974, 3–56.
- Минц 1980 — З. Г. Минц. *Блок и русский символизм*. Александр Блок. Новые материалы и исследования. (Литературное наследство. Т. 92). Москва, 1980, 98–172.
- Минц 1986 — З. Г. Минц. *Об эволюции русского символизма. (К постановке проблемы)*. Блоковский сборник VII. Тарту, 1986, 7–24.
- Минц 1987а — З. Г. Минц. *Несколько дополнительных замечаний к проблеме «Символ в культуре»*. Труды по знаковым системам 20. Тарту, 1987, 95–101.
- Минц 1987б — З. Г. Минц. *К проблеме «символизма символистов»*. (Пьеса Ф. Сологуба «Ванька Ключник и паж Жеан»). Труды по знаковым системам 21. Тарту, 1987, 104–118.
- Минц 1988а — З. Г. Минц. «Новые романтики». (К проблеме русского предсимволизма). Тыняновский сборник (Третьи Тыняновские чтения). Рига, 1988, 144–158.
- Минц 1988б — З. Г. Минц. *Русский символизм и революция 1905–1907 гг.* Блоковский сборник VIII, Тарту, 1988, 3–21.
- Минц 1988в — З. Г. Минц. *Граф Генрих фон Оттергейм и «Московский ренессанс»*. (Символист Андрей Белый в «Огненном ангеле» В. Брюсова). Андрей Белый. Проблемы творчества. Москва, 1988, 215–240.
- Минц 1989а — З. Г. Минц. *Статья Н. Минского «Старинный спор» и ее место в становлении русского символизма*. Блоковский сборник IX, Тарту, 1989, 44–57.
- Минц 1989б — З. Г. Минц. «Дворянский бунт» и две повести К. Случевского. Тезисы докладов научной конференции «Великая французская революция и пути русского освободительного движения». 15–17 дек. 1989 г. Тарту, 1989, 74–76.
- Минц 1989в — З. Г. Минц. *О трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист»*. Д. С. Мережковский. Христос и Антихрист. Трилогия. Т. 1. Москва, 1989, 5–26.
- Минц 1990 — З. Г. Минц. *К изучению периода «кризиса символизма» (1907–1911)*. Блоковский сборник X. Тарту, 1990, 3–20.
- Минц 1997 — З. Г. Минц. *Чеховские лекции*. Вышгород, Таллинн, 1997, № 2–3, 5–20.
- Муратов 1984 — А. Муратов. *Проза 1880-х годов*. История русской литературы. Т. 4. Ленинград, 1984, 35.
- Ясинский 1885 — И. И. Ясинский. *Стихотворения в прозе Шарля Боделлера в переводе Максима Белинского*. Заря, 1885, № 147, 5 июля, 2; № 149, 7 июля, 1; № 178, 14 авг., 1; № 194, 5 сент., 1.

Татьяна Кузминична Шор
Tartu

КУРС СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР В ТАРТУСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ 1875–1918

*История Тартуского университета – история преподавания
славистических наук – история славянских литератур*

С восстановлением в 1802 г. Тартуского (в то время Дерптского) университета и основания в 1803 г. кафедры русского языка и словесности, переименованной в 1865 г. в кафедру русского языка в особенности и славянского языковедения вообще, в Эстонии начал формироваться центр по изучению славянской филологии (Петухов 1906, 29).

Поскольку Тартуский университет был немецким по языку преподавания и по составу преподавателей, то только лекции по русскому языку и словесности велись на русском языке, при этом они были обязательными для студентов. Первым русским преподавателем в университете, оставившим след в истории русской славистики, был воспитанник Геттингенского университета, профессор кафедры русского языка и словесности с 1810 по 1813 гг. А. С. Кайсаров (1782–1813). Он еще до получения кафедры в Тарту стал известен своими трудами в изучении славянских языков и культур.¹ Совместно с А. И. Тургеневым, также «геттингенцем», он в 1804 г. предпринял путешествие по славянским землям, посетил Загреб и Белград (Лотман 1958а, 81–82). В этом же году в апреле в Геттингене вышла небольшая книга Кайсарова в 1/16 листа «*Versuch einer slavischen Mythologie in alphabetischer Ordnung*», которую он посвятил своему учителю А. Л. Шлецеру — «другу русской нации, возродителю бессмертного Нестора» (Kaÿssarow 1804).² Через три года эту книгу издали по-русски в Москве под названием «Опыт славянской мифологии», а в 1810 г. вышло повторное издание, идентичное первому, но с титулом «Славянская и российская мифология» (Петухов 1900, 34; Пыпин 1889, 269–271). Участие в наполеоновской войне и ранняя смерть прервала его научные труды. Кайсаров не успел опубликовать сравнительный словарь славянских наречий, не был осуществлен его проект создания

при университете переводческого союза (Лотман 1958б, 191–203).

Следует упомянуть лекции «История русской литературы по сочинению П. И. Шафарика 'История славянских языков и литературы'» (Schaffarik 1826) другого профессора кафедры русской словесности и литературы В. И. Перевощикова, читанные им в университете во втором семестре 1829 г. (Эстонский исторический архив = ЭИА, ф. 402, оп. 4, д. 521, л. 10).³ Кроме того, в конце 1827 г. Перевощикова совместно с ректором И. Ф. Г. Эверсом составил письмо в Министерство народного просвещения, в котором обосновывал необходимость создания в Дерпте в университетской библиотеке особого отдела русских и вообще славянских книг. Из книги Шафарика извлекли список основных славянских текстов, пособий, грамматик, словарей и направили его в Министерство народного образования с тем, чтобы обосновать выделение средств на их покупку и копирование. Библиография поступила на экспертизу к одному из виднейших русских славистов, лифляндскому уроженцу, автору «Описания русских и словенских рукописей Румянцевского музеума» А. Х. Востокову (Гудзий, 1963, 33, 35), который добавил туда русские грамматики от М. Смотрицкого до М. В. Ломоносова и другие академические издания. В отношении литературы по западным и южным славянам Востоков рекомендовал обратиться к специалистам, в частности, И. Добровскому, Е. Копитару, С. Б. Линде, труды которых также имелись в университетской библиотеке. Директор департамента Министерство народного просвещения Д. И. Языков, переведший, между прочим, «Нестора» А. Шлецера, со своей стороны рекомендовал к этому обширнейшему списку славяноведческой литературы еще 9 книг, в том числе и совершенно свежую книгу «Малороссийские песни», изданные Максимовичем в 1827 г. Фонд славянского отдела постоянно пополнялся и в последующие годы (ЭИА, ф. 402, оп. 5, д. 207, лл. 157–176; 290–292, 295, 440–441, 455; Славяноведение 1988, 49–50).⁴ Из этого следует, что дерптские студенты могли знакомиться с последними достижениями европейской славистической науки того времени. Во всяком случае все славянские штудии, разрабатываемые в немецких университетах, в библиотеке Дерпта имелись. Не случайно не окончивший курса Петербургского университета, скромный учитель Дерптской гимназии, имевший доступ в Университетскую библиотеку, П. И. Прейс и студент философского факультета В. И. Григорович стали первыми российскими славистами. Первый из них преподавал славянские науки в Петербурге, а второй профессорствовал сначала в Казани, а затем в Одессе (Смирнов, 1983, 55–66; Смирнов 1979, 169–177). Заметим, что и Прейс, и Григорович уже в дерпт-

ский период познакомились с трудами и Копитара, и Добровского, и Шафарика — тогдашними светилами европейской славистики. В процессе сближения русских и европейских университетов Дерптскому университету принадлежало не последнее место. По словам А. Н. Пыпина, первой ласточкой в этом направлении был

«Профессорский институт в Дерпте, который в качестве немецкого университета, был все-таки ближе других к подлинным источникам европейской науки» (Пыпин 1910, 106–107).

Согласно университетскому уставу 1835 г., в программы кафедр истории и литературы славянских наречий в Петербурге, Москве, Казани, Харькове, несколько позже в Киеве были включены славянские языковедческие дисциплины, славянский фольклор, этнография и литература. (Славяноведение 1988, 111–135, 208). Однако собственно понятие *славянских литератур* в русских университетских курсах начало складываться в 1840-е гг., а до этого в славяноведении безраздельно господствовали дискурсы этнографии, языка, мифологии, истории и культуры славян.⁵ Об этом свидетельствует, в частности, перевод крупнейшим российским славистом проф. О. М. Бодянским капитального труда Шафарика «Славянские древности», ставшего обязательным пособием в преподавании славистических предметов. Как указывал во введении переводчик, жизнь славян в данном труде излагалась с точки зрения «бытописной» (исторической) и нравоописательной (археологической)» (Шафарик 1848, I, 1; II). Заметим, что если в университетах и читались специальные курсы по истории славянских литератур, то почти исключительно по польской и чешской. Напр., в лекциях проф. М. Т. Каченовского в Московском университете был курс *истории и литературы славянских наречий*. Программа на докторскую степень по славистике также содержала пункт об основных этапах истории польской и чешской литературы XVI–XVII вв. (Славяноведение 1988, 56, 94). Славянская литература большинства других славян представлялась прежде всего как фольклор (Krek 1887; Verneker 1902; Славяноведение 1988, 112; Славянский фольклор 1987, 226–228).⁶

В 1842 г. дерптский питомец В. И. Григорович в Казанском университете защитил диссертацию на звание магистра славянских наречий. В работе «Опыт изложения литературы славян в ее главнейших эпохах» рассматривалась история формирования славянских литератур с IX в. Гегельянец Григорович разработал периодизацию славянских литератур, трактуя ее как единый историко-культурный феномен и выражение народного самосознания на общехристианской основе. При этом он не исключал славян-католиков из общеславянского историко-литературного процесса. Литературу славян Григорович делил на 6 эпох:

- IX – первая половина XI вв., когда элементы славянских литератур обнаруживались в общем богослужении;
- вторая половина XI – конец XIV вв. — время окончательного разделения славян на две религиозные сферы;
- начало XV – начало XVII вв. — эпоха борьбы в литературе между этими двумя сферами под влиянием реформ Я. Гуса; для славян-католиков границей перехода к новой эпохе, по Григоровичу, был 1620 г., для пра-

вославных — данная эпоха ознаменовалась открытием Киевской академии в 1634 г. (в действительности в 1632 г.);

- начало XVII и до первой половины XVIII вв. — время появления элементов новой литературы славян;
- в отдельный этап выделяется литературная деятельность М. В. Ломоносова, С. Конарского, В. Крамериуса, Д. Обрадовича и ряда других славянских деятелей XVIII в.;
- с литературным романтизмом связывался новый этап в славянских литературах (Григорович 1843а, 13, 27–28).

Подвергнутая из-за фактических ошибок довольно резкой критике (напр., П. И. Прейс считал большой натяжкой давать общую периодизацию для всех славянских литератур), классификация Григоровича все-таки использовалась в разных вариациях практически во всех дальнейших общих курсах по данной дисциплине (Славяноведение 1988, 132–134). В 1843 г. Григорович определил основные задачи изучения славистики в университетском курсе как *энциклопедический обзор теории языков и литературы славян в ее главнейших эпохах* (Григорович 1843б).

Годом раньше дифференциацию в подходе к славянским языкам и литературам наметил другой крупный славист и первый доктор славяноведения (защитился в 1846 г. в Харьковском университете) И. И. Срезневский, работавший затем в Московском университете (Славяноведение 1988, 91–92).⁷

Один из ведущих славистов XIX в. А. Н. Пыпин учился и у Григоровича в Казани, и у Срезневского в Москве. Через много лет он вспоминал лекции Григоровича о сербских песнях В. С. Караджича, о произведениях Я. Коллара («*Sláwy dcera*», 1824, и др.), изложение и комментарии «Славянских древностей» П. Шафарика, «*Institutiones*» Й. Добровского, «*Glagolita Sclavianus*» Е. Копитара, «Остромирова Евангелия» А. Х. Востокова. По словам Пыпина, именно Григорович и Срезневский стояли у истоков его интереса к славянству.⁸

В 1865 г., согласно новому университетскому уставу, кафедра русского языка и словесности была переименована в кафедру «русского языка в особенности и славянского языковедения вообще», а также создана доцентура русского языка и словесности (Лаптева 1988, 195–259). Это дало возможность несколько повысить уровень преподавания этих дисциплин.

Согласно уставу Тартуского университета, на историко-филологическом факультете славянские предметы изучались в таком объеме:

- вводные и общие курсы — логика, сравнительный обзор индоевропейских языков, история России;
- специальные курсы — старославянский язык в сравнении с другими славянскими языками и диалектами, интерпретация старославянских языковых памятников (*Sprachdenkmäler*), древнерусские языковые памятники, славянские древности, история русского языка (*Vorschriften* 1869, Beilage Н. 4).

Как видим, литературоведческий дискурс в славянских предметах общероссийской программой не предусматривался. Однако в 1868 в Дерптский университет был приглашен квалифициро-

ванный разносторонний славист А. А. Котляревский. Собственно с Котляревского начинается новая эпоха в содержании преподавания славистики. Представитель и московской, и петербургской славистических школ, он первым начал читать непосредственно лекции по русской литературе и славянским литературам.⁹ Хотя это был необязательный курс, такая традиция закрепилась в тартуской славистической школе вплоть до 1918 г. (правда, были и перерывы в его преподавании).

Помимо языковедческих штудий, Котляревский вел такие курсы, как энциклопедия славяноведения, славянские древности, толкование «Краледворской рукописи»¹⁰, история славянских литератур. Часовой пропедевтический курс энциклопедия славистики. По Котляревскому, курс «Филологическое обозрение славянских наречий» представлял из себя историю, этнографию, географию славян и обзор славянских штудий.

В 1868 г. Котляревский писал своему учителю И. И. Срезневскому по поводу своих занятий и спецкурсу по славяноведению, на который, по его словам, записалось только пять студентов,

«но зато постоянных, с любовью занимающихся сим новым в стенах Дерптского университета неслыханным доселе предметом. — Это меня радует и поощряет к работе. Кроме того, с января у меня на дому учреждается маленький семинарий для славяноведения, всего из трех человек: один — русский, один поляк и один 'грек духом, а родом германец'» (Петухов 1900, 70).¹¹

В 1871/1872 г. Котляревский сократил курс с 7 до 6 часов в неделю и добавил для желающих курсы «Избранные памятники сербского, богемского (чешского) и старославянского языка», а во втором семестре следующего года был объявлена история славянских литератур, которую Котляревский давал бесплатно у себя на дому по часу в неделю (Verzeichnis 1871; 1872). Это был последний курс перед тем, как Котляревский окончательно покинул Тарту. Сначала он отбыл в научную командировку в Чехию.¹² Затем он обосновался в Киеве, приняв место профессора в университете Св. Владимира (ЭИА, ф. 402, оп. 3, д. 848, лл. 92, 93).

На смену Котляревскому пришел литературовед, основатель научного славяноведения, доктор философии Берлинского университета П. А. Висковатов (Шор 1985, 48–57; Шор 1987, 24–34; Шор 1988, 71–122; Шор 1999, 33–47). Как профессор славяноведения, он предлагал слушателям лекции: славянские древности, избранные отделы славянской археологии, история славянских литератур, история и литература Болгарии, славянские древности и избранные отделы славянской археологии. Большинство из вышеперечисленных курсов содержали элементы

источниковедения, этнографии, археологии, истории письменности, историографии о древних славянах до IX–XI вв. Литературные курсы читались в основном по пособию «История славянских литератур» («Обзор истории славянских литератур», 1879; «История славянских литератур», 2-е изд., 1881). А. Н. Пыпин был автором глав о болгарской, сербской, хорватской, словенской, чешской, словацкой, серболужицкой литературах. С ним Висковатов, между прочим, состоял в дружеских отношениях и переписке (Шор 1988, 100–102; см. также: Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки = ОР РНБ, С.-Петербург ф. 621, оп. 1, д. 164). В. Д. Спасовичу принадлежал обширнейший отдел по польской литературе (Беляева 1975, 49–50, 52–59). В «Сжатом обзоре истории новой русской литературы с библиографическими примечаниями» Висковатов писал об «Истории славянских литератур», побуждая студентов непременно ознакомиться с ним, следующее:

«Это замечательное произведение, написанное с большим мастерством и знанием дела, обнимает историю литературы всех славянских народов, кроме русского» (Wiskowatow 1881, 8).

В обстоятельной и весьма критичной рецензии на второе издание «Истории славянских литератур» А. С. Будиловича говорилось:

«Труд г. Пыпина имеет достоинства, которые тем резче выступают наружу, чем менее представляется ему соперников. В нашей литературе лишь В. И. Григорович сделал попытку издания полного обзора истории славянских литератур, но в очень малом объеме и в давнее уже время. У славян же западных до сих пор единственным крупным явлением этого рода служит изданная в 1826 и без изменений и дополнений переизданная в 1869 году 'История славянского языка и литературы по всем наречиям'» (Будилович 1879, 278).

Главная полемика велась Будиловичем с точки зрения, так сказать, идеологической, в особенности в определении *мира славянства* и *славянского племени* как определенного типа цивилизации, а также его отношение к византизму и западным *романо-германским мирам*. Будилович выступил противником выделения Пыпиным в отдельные из русской *южнорусские литературы*, помещая их между югославянской и чешской. Он видит суть славянского возрождения не в том,

«что один славянский литературный язык разделялся на два или на три, хотя и такие явления существовали (например, в выделении наречий словацкого и кашубского), а наоборот, в собрании народных сил к одному центру, в общей борьбе за освобождения от гнета языков и литератур инородных, например, турецкого, греческого и итальянского на юге, мадьярского и немецкого на западе» (Будилович 1879, 289).

Критикуя историческую и лингвистическую базу исследования Пыпина, Будилович все-таки вынужден признать, что «со стороны внешнего изложения 'История славянской литературы' представляет мало слабых мест» (Будилович 1879, 310).

Чрезвычайно высоко при этом оценивался обзор болгарской и сербо-хорватской литератур. Симптоматично, что именно эти литературы выдвигались на первый план в лекциях Висковатова.

Кроме пыпинского труда, в его лекциях отразились и собственные наблюдения, почерпнутые им в ходе поездок по южнославянским землям в 1876–1878 гг. в составе санитарного отряда (Висковатов 1876). В мае 1876 г. Висковатов обратился в Совет университета с письмом, в котором писал:

«После долгих теоретических занятий славянскими наречиями и литературами имею я в нынешнем году случай на месте познакомиться с жизнью и положением одной части славянских земель. <...> При этом — так как Дерптский университет получил в свое распоряжение или, лучше сказать, основания для славянского отдела своей библиотеки — я желал бы воспользоваться удобным случаем и для приобретения на месте тех многих преимущественно научно-славянских книг и сочинений, которых невозможно добыть обычным книгопродавческим путем» (ЭИА, ф. 402, оп. 3, д. 329, л. 106; Шор 1989, 40–41).

Читанный им «Курс сербской литературы» в 1877 г. в стенах университета с немецким языком преподавания был просто уникальным явлением. Напр., Котляревский только на 1878/79 гг. объявил в Киевском университете лекции «История литератур сербов и болгар». «Краткие очерки по истории сербской литературы» Т. Д. Флоринского, вошедшие в состав «Всеобщей истории литературы» сначала в 1881 г. (под редакцией В. Зотова), а затем в 1885 г. (под редакцией В. Ф. Корша и А. И. Кирпичникова), стали достоянием академической науки уже несколько позже. В 1880-е гг. выходят монографические очерки П. А. Кулаковского о Лукиане Мушицком, Вуке Караджиче и чуть позже первый обзор хорватской литературы периода возрождения (Кулаковский 1881, 243–280; 1894). Петру II Негошу посвятили работы П. А. Лавров и П. А. Ровинский, творчеством Йована Змая занимался доцент Киевского университета А. И. Степович (Лавров 1887, 1–76; Ровинский 1889; Степович 1901, 22–61).

В отличие от своего предшественника по кафедре Котляревского и служившего с Висковатовым в одно время Бодуэна де Куртенэ, Висковатов не оставил в области славяноведения заметных работ (Лаптева 1979, 104). Тем не менее его популяризаторская деятельность в этой области достойна упоминания. Так, в 1885 г. на эстонский язык Я. Йыгевеком был переведен популярный очерк Висковатова о славянских народных просветителях Кирилле и Мефодии (Wiskowatow 1885). Вспомним, напр.,

опубликованную лекцию Висковатова о Яне Жижке, читанную им в Ревельском общественном собрании в 1892 г. (Висковатов 1892). Написанная живо, с большим количеством привлеченных литературных текстов, она дает представление о лекторской манере Висковатова доносить до слушателей сложные явления в понятной и увлекательной форме. Об этом же свидетельствует и популярность висковатовских лекций в университете, где у него слушателей было не в пример больше, чем у Бодуэна де Куртенэ.

Проф. В. Э. Грабарь в своих мемуарах так описывал манеру приема экзаменов у Висковатова:

«Профессор русского языка П. А. Висковатов, у которого все студенты нерусской национальности обязаны были сдавать экзамены, рассказывал, что он однажды очень быстро провел экзамен на дому. Он встретил студентов у входа и спросил их, что им надо. 'Пришли экзаменоваться по русскому языку'. 'Не выдержали, — ответил он, — приходите в другой раз'» (Грабарь 1954, 68–69).

Упомянем здесь и его учеников. Прежде всего М. Здоховского, окончившего курс по сравнительной грамматике славянских языков кандидатом в 1883 г. (ЭИА, ф. 402, оп. 2, дд. 28109, 28110). Ему Висковатов дал рекомендательную записку к А. Н. Пыпину в Петербург, в которой просил обратить внимание на своего «прежнего слушателя и приятеля Марианна Эдмундовича Здоховского» (ОР РНБ, ф. 621, оп. 1, д. 164, л. 12). Эдуард Вольтер представился А. Н. Веселовскому в Петербурге и А. А. Потебне в Харькове тоже не без помощи Висковатова (Шор 1988, 114). С большой теплотой вспоминал лекции своего учителя Евгений Бобров, приват-доцент Тартуского, а затем профессор Казанского университетов.¹³

Существенный сдвиг в научной разработке славистических дисциплин намечился с учреждением в 1883 г. новой кафедры сравнительных грамматик славянских наречий, которую занял знаменитый славист И. А. Бодуэн де Куртенэ (Issakov, Smirnov 1981, 477–478). Однако он специализировался исключительно в славянском языковедении, а славянские литературы читались в качестве специального курса профессором русского языка в особенности и славянского языковедения вообще. С 1884 г. на историко-филологическом факультете предусматривался выпуск студентов по двум направлениям — учителя русского языка и словесности и специалисты-слависты и историки литературы. К основному курсу относились: русская грамматика, история языка, объяснение русских поэтов и прозаиков, памятников фольклора, церковнославянский язык в связи с диалектологией, история русской и славянских литератур и т. д. Во вспомогательном курсе изучались: логика, психология, классические и славянские языки, литовский и латышский языки, всеобщая история, история европейских литератур, история искусства, археология политическая экономия (Studienpläne 1884).

Наряду со званиями действительных студентов и кандидатов по славянским дисциплинам стали присуждать и ученые степени. Первым непосредственно в стенах университета получил степень магистра, а затем доктора славяноведения Леонхард Мазинг, проработавший здесь более 30 лет, пройдя путь от приват-доцента до заслуженного ординарного профессора сравнительной грамматики славянских наречий/языков. Еще во время своей учебы в Геттингене и Лейпциге в славянском семинаре в 1870-е гг. он сблизился со студенческим кружком сербов и хорватов и под их руководством ознакомился с говорами сербско-хорватского языка. В результате появился его первый научный труд об ударении в сербско-хорватском языке (Masing 1876).¹⁴ В 1886 г. Мазинг, Александр Александров и Оскар Видеман были первыми удостоены магистерской степени по славянским наукам в стенах Тартуского университета. Они же стали первыми докторами по славистике, чьи диссертации защищались в Тартуском университете: Александров — в 1888 г., Видеман — в 1889 г. и Мазинг — в 1890 г.¹⁵

В конце 1890 г. из Петербурга в совет историко-филологического факультета поступили новые «Правила требований и программы испытаний в комиссии историко-филологической». Требования к письменному ответу по славяно-русскому отделу на диплом 1-ой степени предусматривали одну оценку по славянскому языкознанию, другую — по истории русской словесности или западноевропейской литературе. Комитету предоставлялось право предлагать на выбор испытуемых несколько тем. В устном экзамене требовались отметки по греческому, латинскому, церковно-славянскому и русскому языкам. Из литератур на оценку сдавали русскую и западноевропейскую. По славяноведению была одна общая оценка, без разделения на лингвистический и литературоведческий курсы. Экзаменационные требования по славяноведению предусматривали чтение и перевод лучших образцов народной поэзии и писателей — по одному из южных (сербское или болгарское) и по одному из северных (польское или чешское) славянских наречий. Студенты должны были обнаружить знакомство с главными основаниями историко-сравнительной грамматики славянских языков, знание этнографии славян, их истории и литературы. Кроме того, требовалось представить конспект своих занятий по славяноведению в комиссию с указанием пособий, которыми студент пользовался. Надо отметить, что следующая далее программа испытания для студентов по истории славянских народов была разработана гораздо лучше. Все профессора должны были ознакомиться с этой программой и Бодуэн де Куртенэ в особой записке от 23.01.1891 изложил особое мнение по поводу полукурсовых испытаний, в которой предлагал включить в обязательный экзамен логику и психологию (ЭИА, ф. 402, оп. 4, д. 1144, лл. 263/об.–284, 291–292/об.).

После ухода Бодуэна де Куртенэ место ординарного профессора сравнительной грамматики славянских наречий занял ученик И. И. Срезневского и В. И. Ламанского А. С. Будилович (ЭИА, ф. 402, оп. 3, д. 194, л. 195; Биографический словарь 1903, II, 493–503). Известный славист, он принял в свое время участие в знаменитом сборнике Н. В. Гербеля «Поэзия славян», вышедшем в 1871 г. в типографии Академии наук. Будилович был

автором статей о сербско-хорватской, хорутанской (словенской), словацкой, польской и лужицкой литературах (Поэзия славян 1871, 223–232, 312–314, 385–388, 398–410, 529–530). При этом произошел любопытный инцидент, характеризующий его (в ту пору ему было 27 лет) как добросовестного ученого и знатока славянских литератур. Возвращая Гербелью корректуру своей статьи о сербско-хорватской литературе, он писал:

«<...> я не соглашусь подписать свою фамилию под статьей, где Кукулевич, Казали и Богович пожалованы в гениальных поэтов!!» (Левин 1968, 119).¹⁶

В Тарту Будилович приехал уже именитым ученым и начал с лекций «Введение в славянскую филологию». Параллельно к этому курсу Висковатов продолжал еще чтение «Древнерусской литературы» и «Славянских древностей». В 1895 г., когда на смену Висковатову пришел Е. В. Петухов, лекций по славянским литературам не читавший, Будилович объявил двухчасовой специальный курс славянских языков и литератур и дополнительно историю славян, которая до этого никогда в университете отдельным курсом не преподавалась (*Vorschriften* 1895, II, 9–10). Правда, потом вплоть до 1900 г. Будилович больше к литературе славян не обращался, зато на рубеже двух столетий (1900–1901) прочел цикл лекций, посвященных «Обзору истории югославских литератур» (Обзор лекций 1900, II; 1901, I).

Профессор русского языка в особенности и славянского языкознания вообще Петухов свою литературоведческую деятельность начинал как славист, специализировавшийся по древнеболгарской и древнерусской литературам (Петухов 1887; 1895; Лаптева 1988, 217, 253). В Тарту же он читал лекции исключительно по русской литературе (Issakov, Smirnov 1982, 478–479). Правда, по принятии кафедры он тут же отправился в командировку в славянские земли и в результате опубликовал работы в Тарту «Из бумаг П. И. Шафарика и В. В. Ганки» (Петухов 1896а), «Комментарии к письмам Ганки к Булгарину» (Петухов 1896б). В следующие вакации он опять совершил путешествие в Европу, впечатления о котором отразились в небольшой книге «Лужицкие сербы» (Петухов 1898). Но это были работы преимущественно культурно-исторического и источниковедческого плана, не затрагивающие специально вопросов славянских литератур.

Следует сказать, что в начале XX в., в то время когда славянское литературоведение как самостоятельная дисциплина получает в России все более широкое распространение, в Тарту оно занимало среди славистических дисциплин самое скромное место¹⁷ (Лаптева 1997, 160–204). Проф. Л. Мазинг, принявший после Будиловича в 1901 г. кафедру сравнительной грамматики и славянских наречий, вплоть до 1918 г. вел текстологический

курс славянских языков, который лишь в определенной степени касался и литературных проблем. Затем только в 1907 г. в то время еще магистр, а затем и доцент русского языка и литературы Н. К. Грунский предложил лекции «Чтение и разбор древнейших текстов церковно-славянских и русских» и собственно «Историю славянских литератур». Двухчасовой специальный курс истории славянских литератур остался в программе университета вплоть до 1915 г. Замечательный лингвист, Грунский еще до приезда в Тарту интересовался и славянскими литературами. В Воронеже он опубликовал очерк о новейшей хорватской литературе, посвященный творчеству А. Шеноа, в Харькове напечатал статью о чешском романтике К. Махе (Грунский 1895, 1–18; Грунский 1904, 143–151). Несмотря на то, что в Тарту Грунский вел и литературоведческий курс, все-таки весь его научный интерес был сосредоточен на лингвистических проблемах. Литературоведческий курс 1907 г., подкрепленный доцентурой по славянской истории приват-доцента М. В. Бречкевича, был, так сказать, вынужденным шагом. К этому обязывало желание Грунского получить кафедру русского языка в особенности и славянского языковедения вообще, а также сравнительной грамматики славянских наречий.¹⁸

14 февраля 1912 г. в Министерстве народного просвещения была составлена записка для попечителей учебных округов, в которой обсуждался вопрос о расширении историко-филологических факультетов за счет введения отделений философских наук, истории искусств, лингвистического (или сравнительного) языковедения и славянской филологии. В записке говорилось:

«Изучение славянской филологии только в Москве было организовано в виде особой группы; в Одессе оно предполагалось, а в Киеве допускалось при словесном отделении».

12 апреля 1912 г. вопрос о введении дополнительных дисциплин был рассмотрен в совете историко-филологического факультета Юрьевского университета и вынесено следующее решение:

«Признать желательным открытие лингвистического отделения с тем, чтобы оканчивающим курс этого отделения было предоставлено право преподавания немецкого языка во всех классах средних учебных заведений, а русского, латышского и греческого лишь в первых пяти классах средне-учебных заведений. Открытие отделений философских наук, истории искусства и славянской филологии при данных условиях неисполнимыми» (ЭИА, ф. 402, оп. 4, д. 1465, лл. 3–4/об., 9–9/об).

Как видим, юрьевская профессура не поддержала создания отдельной славянской кафедры. Это объяснялось, с одной стороны, отсутствием необходимых профессорских кадров, а с другой, и не в последнюю очередь, из-за пассивности студентов. Напр., в 1909 и 1912 гг. впервые были объявлены славяноведческие темы по литературоведению для медальных студенческих работ «Поэзия Залеского и ее отношение к народной малорус-

ской поэзии», и «Юлий Словацкий и его творчество» (Горский 1975, 56–57). Ни одного сочинения на соискание медали подано не было.

В I семестре 1914 г. на лекции Н. К. Грунского «История славянских литератур» записалось четверо человек, в их числе В. Эрнитс, денег за слушание не внесший (ЭИА, ф. 402, оп. 4, д. 1489). В 1915 г. только у Мазинга были объявлены «Славянские тексты», на которые записались 11 человек (ЭИА, ф. 402, оп. 4, д. 1501). С первого семестра 1917 г. проф. Г. А. Ильинский, заменивший Грунского, восстанавливает курс славянских литератур, доведя его до 4 часов в неделю в 1918 г. Однако начавшаяся эвакуация с последующим закрытием Юрьевского университета прервала учебный процесс и славянская кафедра возродилась в новом, уже эстонском университете, в 1919 г.

¹ Мы здесь сознательно не упоминаем работу первого профессора русского языка и словесности Г. А. Глинки (1774–1818), выпустившего в свет в 1804 г. в Митаве книгу «Древняя религия славян», не имевшей научного значения. Он посвятил свою книгу Александру I и, между прочим, во введении писал: «Описывая произведения фантазии или мечтательности, я думаю, что не погрешу, есть ли при встречающихся пустотах и недостатках в ее произведениях, буду наполнять собственно под древнюю статью фантазиею» Глинка 1804, 9–10). А. Н. Пыпин в обзоре «Русское славяноведение» писал так: «Не будем останавливаться на других подобных произведениях, как, например, подобная мифология Григория Глинки и др., или другие рассуждения о славянской древности: такое не критическое отношение к предмету продолжалось и много позднее, пока более серьезные исследования не успели бросить прочного корня и воздействовать на популярную литературу» (Пыпин 1889, 272).

² «Книжка Кайсарова о славянской мифологии еще носит на себе отпечаток прежнего критически беспомощного отношения к делу, но была уже и одним из первых опытов поставить дело на научную почву», см.: Пыпин 1889, 270.

³ П. Й. Шафарик рассматривал историю русского языка и литературы во второй части первой главы, посвященной юго-восточным славянам. Исходя из политической истории Руси и русского государства, Шафарик выделял следующие периоды в изложении развития языка и литературы:

I период от возникновения Руси до Петра I

- От Рюрика до Владимира 850–989 гг.
- От введения христианства до свержения монголо-татарского ига (989–1462 гг.)
- От свержения монголо-татарского ига до воцарения Петра I (1462–1689 гг.)

II период от Петра I до наших дней (т. е. до 1825 г.)

- 1689–1741 гг. до воцарения Елизаветы Петровны
- 1741–1796 гг. до смерти Екатерины-II

- 1801–1825 гг. от начала царствования Александра-I до наших дней.

Русская литературная история Шафарика представляла из себя перечень литераторов с краткими биографическими сведениями и важнейшей библиографией. О Пушкине, который шел сразу же после Алексея Ефимовича Измайлова, говорилось: «Алекс. Серг. Пушкин, из Ст.-Пг., кол. секрет., (род. 1799), имели успех его романтические стихи (mit allgemeinem Beifall aufgekommen romantisch Gedichte: Ruslan i Ljudmila (SP 920), Kawkazskij plennik (SP 822), Bakčisaraiskij fontan (M 824), Eugeni Onegin (SP 825)». Далее следовал В. С. Подшивалов из Москвы (1765–1813), чуть позже шел А. Х. Востоков из Арнсбурга и заканчивался обзор русских писателей П. И. Шаликовым (Schaffarik 1826, 134–190).

⁴ После ухода Перевощикова из университета в 1830 г. славянский отдел пополнялся уже не так интенсивно, так что в 1875 г. профессор Висковатов докладывал историко-филологическому факультету о его неудовлетворительном состоянии. Он писал, что не было учебников Галахова, филологических сочинений И. И. Срезневского и А. А. Потебни, «не говоря уже о польских, чешских и других славянских писателях», см.: Петухов 1906, 117–118. Совместно с И. А. Бодуэном де Куртенэ Висковатову удалось к началу 1890-х гг. существенно пополнить этот отдел. В 1899 г. по инициативе профессоров Е. Ф. Шмурло, Е. В. Петухова, А. Н. Ясинского и А. В. Никитского была создана специализированная семинарская библиотека историко-филологического факультета, в которой славистический отдел был представлен уже, преимущественно, отечественной литературой (Dubjeva 1997, 23–24).

⁵ Прежде всего в России стали известны труды сербского ученого, собирателя и исследователя славянского фольклора В. С. Караджича.

⁶ Уроженец Эстонии известный филолог А. Х. Востоков опубликовал в альманахе «Северные цветы» ряд переводов с сербского (Востоков 1829, 277–281). Ю. И. Венелин в книге «О характере народных песен у славян» напечатал несколько текстов в русском переводе из сборника В. Караджича (Венелин 1835). Славянские песни, собранные В. И. Григоровичем во время поездки по Балканам, опубликовал в Загребе видный деятель иллиризма хорватский поэт С. Враз (Vraz 1847, 37–56, 24–57).

⁷ В 1844 г. был издан труд Срезневского «Исторический очерк сербо-лужицкой литературы», который содержал подробный экскурс в историю литературы и этнокультурное движение лужицких сербов с XVI в. до начала 1840-х гг. В архиве Срезневского были обнаружены рукописные сборники серболужицких песен (373 текста) (Славяноведение 1988, 123).

⁸ «Этим двум ученым из числа первых русских славистов, начавших непосредственное, живое изучение славянства, я на первое время обязан и своим интересом к славянству, хотя и не хотел быть славистом», см.: Пыпин 1910, 39.

⁹ Родом из малороссийских дворян, А. А. Котляревский учился в Московском университете славистическим наукам под руководством виднейших русских славистов того времени Ф. И. Буслаева и О. М. Бодянского. В 1857 г. Котляревский получил звание действительного

студента и продолжил образование в С.-Петербургском университете уже под руководством Срезневского. В Петербурге Котляревский в 1862 г. получил звание кандидата историко-филологического факультета, а 3.06.1868 защитил магистерскую диссертацию «О погребальных обычаях языческих славян».

- ¹⁰ В это время, т. н. старочешские памятники — Краледворская и Зеленогорская рукописи, сфальсифицированные В. Ганкой (последняя с помощью Й. Линде), еще были под сомнением только слависта словенца Е./В. Копитара, который, как указывал А. Н. Пыпин, первым заподозрил подделку Краледворской рукописи, см.: Пыпин 1889, 695. В действительности первым подверг сомнению подлинность Краледворской рукописи Й. Добровский в 1824 г., см.: J. Dobrowsky. *Literarischer Beitrag. Archiv für Geschichte, Statistik Literatur und Kunst*, Jg. XV, Wien, 1824, № 46, S. 260. В России это сделал О. Сенковский в рецензии на издание рукописи, см.: Библиотека для чтения, 1847, т. 84, отдел 6, с. 1–10.
- ¹¹ Среди первых слушателей Котляревского были: Рудольф Детлов, окончивший курс по сравнительной грамматике в 1870 г. действительным студентом (затем он учительствовал в гимназиях Каунаса, Уральска, Казани); Аркадий Соколов, окончивший курс кандидатом, продолживший свое образование за границей (работал учителем русского языка в гимназиях в Митаве, Дерпте, приват-доцентом Тартуского университета, с 1883 г. заведовал III Варшавской мужской гимназией. В бытность свою приват-доцентом в Тарту в первом семестре 1879 г. читал «Историю болгарской литературы до 14 века и ее влияние на русскую литературу», а также сербскую грамматику и чтение сербских текстов); Рихард Гримм курс окончил со степенью кандидата, в дальнейшем преподавал в Петербурге в Petri-Schule, работал библиотекарем и консерватором имп. библиотеки Арсенала; Иван Гициский (Gishitzki = Gizyiski) окончил курс по сравнительной грамматике со степенью кандидата в 1870 г., работал в Митавской гимназии учителем русского языка (ЭИА, ф. 402, оп. 4, д. 949; Album academicum 1889).
- ¹² См. его прошение 25 апреля 1872 г. о командировании в славянские земли. (ЭИА, ф. 402, оп. 3, д. 848, л. 63).
- ¹³ «Особенно нравились Боброву лекции Висковатова по русской литературе, Тејхмюллера по философии, Дицеля по пол[итической] экономике. Кроме них, слушал еще Льва Мейера, Бодуэна де Куртенэ, Брикнера, Кеннеля (по зоологии и др.). Сердечную признательность сохраняет Б[обров] к профессорам П. А. Висковатову и Вильгельму Гершельману, принимавшим в нем участие», см.: Биографический словарь 1903, II, 415–416.
- ¹⁴ Эту работу первым отметил в своей статье, посвященной Л. Мазингу, С. Штейн в 1925 г. (Штейн 1925). Затем труд Мазинга долгое время оставался в тени, и только в 1960-х гг. лингвисты Ильзе Лехисте и Павле Ивич на базе акустическо-фонетического метода провели ряд экспериментов с применением новейшей аппаратуры и доказали те положения, которые Мазинг на слух описал в молодости (Issakov, Smirnov 1992, 479). **Прим. отв. ред.:** работа Мазинга была отрецензирована, см.: Lj. Kovačević. *L. Masing. Die Hauptformen <...>*. Archiv für slavische Philologie, Berlin, 1879, Bd. III, S. 685–696. Новейшая работа, в которой

рассматриваются идеи Мазинга: I. Lehiste, P. Ivič. *Accent in Serbocroatian. An experimental study*. Ann Arbor, 1963.

- ¹⁵ Докторские диссертации, защищенные при историко-филологическом факультете Дерптского университета: L. Masing. *Studien zur Kenntniss des Izbornik Svätoslav's*. Dorpat, 1885; A. Alexandrow. *Sprachliches aus Nationaldichter Litauens Donalitus*. Dorpat, 1885; O. Wiedemann. *Beiträge zur Conjugation des Altbulgarischen*. Dorpat, 1885. Может быть, этот факт может оспорить утверждение о том, что Бодуэн де Куртенэ в Тарту своей школы не создал? (Issakov, Smirnov 1982, 478). Вообще же после 1898 г. историко-филологический факультет университета до 12 декабря 1902 г. не присуждал магистерских и докторских степеней. По случаю столетнего юбилея звание почетного доктора Юрьевского университета получил А. Н. Пьпин.
- ¹⁶ Позже стали выходить подобные сборники в более популярной форме, напр., изданный на патриотической волне балканских событий 1876 г. А. Васильевым поэтический сборник «Славяне» (Славяне 1876). Там, наряду с переводами, были и оригинальные стихи известных русских поэтов, в том числе и фрагменты из пушкинского цикла «Песни западных славян».
- ¹⁷ Так, лекции по истории сербской, хорватской и словенской литературам читал в Петербургском университете в 1908–1911 гг. проф. П. А. Лавров, в Нежинском историко-филологическом институте кн. Безбородко в 1906–1915 гг. — В. Н. Кораблев, в Киевском университете в 1909 г. — Т. Д. Флоринский (Беляева 1975, 47–48). В процессе становления славянского литературоведения этого периода принял участие и будущий доцент университета поэт-переводчик С. В. Штейн (Штейн 1908; 1915, 138; Ponomarjova, Šor 2001, 51–56).
- ¹⁸ Н. К. Грунский (1872–1951) начал преподавание в Юрьевском университете в 1903 г. После защиты докторской диссертации в 1907 г. стал профессором названного университета. В письме из Министерства народного просвещения о назначении Грунского ординарным профессором по кафедре русского языка в особенности и славянского языковедения вообще, а также сравнительной грамматики славянских наречий делалось пояснение по поводу этого курьеза. Поскольку упомянутая кафедра министром разделена не была, то Грунский и был назначен на кафедру «русского языка в особенности и славянского языковедения вообще, а также сравнительной грамматики славянских наречий», т. е. как она поименована в законе. При этом департамент общих дел присовокуплял «что таковая редакция высочайшего приказа отнюдь не обязывает поручать Грунскому чтение лекций полностью по всем частям кафедры». В сентябре 1915 г. Грунский продолжил свою карьеру в университете св. Владимира по кафедре русского языка и русской литературы (ЭИА, ф. 402, оп. 3, д. 537, л. 82; Issakov, Smirnov 1982, 479–480).

ЛИТЕРАТУРА

- Беляева 1975 — Ю. Д. Беляева. *Сербская литература в русской науке и критике последней четверти XIX – начале XX века. Русско-югославские литературные связи. Вторая половина XIX – начало XX века*. Москва: Наука, 1975, 27–59.

- Биографический словарь 1903, II — *Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп., бывшего Дерптского, университета за сто лет существования (1802–1902)*. Т. II. Под ред. Г. В. Левицкого. Юрьев, 1903.
- Будилович 1879 — А. Будилович. *Критические и библиографические заметки. История славянских литератур*. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изд. 2-е, вновь перераб. и доп Т. 1. С.-Петербург. 1879. ЖМНП, 1879, ч. ССШ, отд. 2, июнь, 277–311.
- Венелин 1835 — Ю. И. Венелин. *О характере народных песен у славян задунайских*. Ч. 1. Осман Шеович. Женильба Павла Плетикосы. Москва, 1835.
- Висковатов 1876 — П. Висковатов. *Письма из Сербии*. Голос, С.-Петербург, 1876, № 245–251, 5 (17) – 12 (24) сент.
- Висковатов 1892 — П. А. Висковатов. *Иван Жижка*. Ревель: печ. в тип. «Кольвани», 1892, 24 с. (В пользу пострадавших от неурожая). Рукою Висковатова: *В Рус. Публичную биб-ку в г. Дерпте*. Без авторской корректуры.
- Висковатов, 1892а — П. А. Висковатов. *Сжатый обзор истории новой русской литературы с библиографическими примечаниями*. Изд. Е. Бобров. Дерпт, 92 с.
- Востоков 1829 — А. Х. Востоков. *Сербские песни*. Северные цветы. С.-Петербург, 1829, 277–281.
- Глинка 1804 — Г. Глинка. *Древняя религия славян*. Митава: в тип. Штеффенгагена и сына, 1804.
- Горский 1975 — И. К. Горский. *Об одной особенности поэзии Словацкого*. Славяне и запад. Сборник статей к 70-летию И. Ф. Балзы. Москва, 1975, 56–66.
- Грабарь 1954 — В. Э. Грабарь. *Четверть века в Тартуском университете*. УЗ Тартугу, 1954, вып. 35, 55–72.
- Григорович 1843а — В. И. Григорович. *Опыт изложения славянских литератур в ее главнейших эпохах. Часть 1 второй эпохи*. Казань, 1843.
- Григорович 1843б — В. И. Григорович. *Программа преподавания теории славянских языков и литературы славян в ее главнейших эпохах*. Казань, 1843.
- Грунский 1895 — Н. Грунский. *Очерки из истории новейшей хорватской литературы*. Август Шеноа. Филологические записки, Воронеж, 1895, № 6, 1–18.
- Грунский 1904 — Н. К. Грунский. *К характеристике одного из чешских романтиков*. Сборник статей по славяноведению, посвященный проф. М. С. Дринову. Харьков, 1904, 143–151.
- Гудзий 1963 — Н. К. Гудзий. *Традиции литературы Киевской Руси в старинных украинской и белорусской литературах*. Славянские литературы. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. Москва: Наука, 1963, 14–46.
- История 1997 — *История литератур западных и южных славян*. Т. I: *От истоков до середины XVIII в.* Под ред. Л. Н. Будагова, А. В. Липатова и др. Москва: Индрик, 1997.
- Кулаковский 1881 — П. Кулаковский. *Лукиан Мушицкий. Очерк истории новой сербской литературы*. ЖМНП, 1881, № 8, отд. наук, 243–280.

- Кулаковский 1894 — П. Кулаковский. *Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода возрождения*. Варшава, 1894.
- Лавров 1887 — П. А. Лавров. *Петр II Петрович Негош Владыка Черногорский и его литературная деятельность*. Москва, 1887.
- Лаптева 1979 — Л. П. Лаптева. *П. А. Висковатов*. Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. Москва, 1979, с. 104.
- Лаптева 1988 — Л. П. Лаптева. *Преподавание славистических дисциплин в университетах. Подготовка кадров. Изучение истории славян. Исследования в области литературы и этнографии*. Славяноведение в дореволюционной России. Москва: Наука, 1988, 195–259.
- Лаптева 1997 — Л. П. Лаптева. *Славяноведение в Московском университете в XIX начале XX века*. Москва, 1997.
- Лаптева, 1999 — Л. П. Лаптева. *Изучение славянских литератур в университетах России в XIX – начале XX веков*. Зарубежные славяне в прошлом и настоящем. Сборник научных трудов. Москва, 100–118.
- Левин 1968 — Ю. Д. Левин. *Н. В. Гербель и его антология «Поэзия славян»*. Славянские литературные связи. Москва: Наука, 1968, 95–123.
- Лотман 1958a — Ю. М. Лотман. *А. С. Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени*. (УЗ ТартуГУ. Вып. 63). Тарту, 1958.
- Лотман 1958b — Ю. М. Лотман. *Рукопись А. Кайсарова «Сравнительный словарь славянских наречий»*. Труды по русской и славянской филологии 1 (УЗ ТартуГУ, № 65), Тарту, 1958, 191–203.
- Никольский 1978. — С. В. Никольский. *Славянские литературы эпохи национального возрождения*. Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVII – XIX вв. Материалы международной конференции ЮНЕСКО. Москва: Наука, 1978, 198–208.
- Петухов 1887 — Е. Петухов. *К вопросу о Кириллах – авторах в древней русской литературе*. С.-Петербург, 1887.
- Петухов 1893 — Е. В. Петухов. *Болгарские литературные деятели древней эпохи на русской почве*. ЖМНП, 1893, № 4, отд. наук, 298–322.
- Петухов 1895 — Е. В. Петухов. *Очерки из литературной истории Синодика*. С.-Петербург, 1895.
- Петухов 1896a — Е. В. Петухов. *Из бумаг П. И. Шафарика и В. В. Ганки. К истории русско-чешских ученых и литературных сношений в первой половине 19 в.* Юрьев, 1896.
- Петухов 1896b — Е. В. Петухов. *Комментарии к письмам Ганки к Булгарину*. УЗ Имп. Юрьевского ун-та, 1896, вып. 1, приложения.
- Петухов 1898 — Е. В. Петухов. *Лужицкие сербы (лужичане). Из путевых заметок летом 1847 г.* Юрьев, 1898.
- Петухов 1900 — Е. В. Петухов. *Кафедра русского языка и словесности в Юрьевском (Дерптском) университете. К столетию существования университета 1802–1902*. Юрьев, 1900.
- Петухов 1906 — Е. В. Петухов. *Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет в последний период своего столетнего существования (1865–1902). Исторический очерк*. С.-Петербург, 1906.
- Поэзия славян 1871 — *Поэзия славян*. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей. Под ред. Н. В. Гербеля. С.-Петербург, 1871.

- Пыпин 1889 — А. Н. Пыпин. *Русское славяноведение в XIX столетии*. Вестник Европы, 1889, № 7, 238–277; № 8, 683–728.
- Пыпин 1910 — А. Н. Пыпин. *Мои заметки*. Под ред. В. А. Ляцкого. Москва, 1910.
- Ровинский 1889 — П. А. Ровинский. *Петр II (Раде) Петрович Негош Черногорский, 1830–1851*. С.-Петербург, 1889.
- Сиротинин, 1913 — А. Сиротинин. *Россия и славяне*. С.-Петербург, 1913.
- Славяне 1876 — *Славяне. Сборник стихотворений, касающихся жизни славянского народа*. Изд. Аф. Васильева. С.-Петербург, 1876.
- Славяноведение 1988 — *Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян*. Москва: Наука, 1988.
- Славянский фольклор 1987 — *Славянский фольклор. Тексты*. Сост. Н. И. Кравцов, А. В. Кулагина. Москва: МГУ, 1987.
- Смирнов 1979 — С. В. Смирнов. *В. И. Григорович — питомец Тартуского университета*. Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi, Tartu, 1979, VII, 169–177.
- Смирнов 1983 — С. В. Смирнов. *К биографии П. И. Прейса*. УЗ ТартуГУ, 1983, т. 649, 55–66.
- Степович 1901. — А. И. Степович. *Змай Йованович и новейшие сербские поэты*. Ежегодник коллегии Павла Галагана. Киев, 1901, вып. 4, ч. 2, 1–97.
- Шафарик 1848 — П. И. Шафарик. *Славянские древности. Пер. с чеш. О. Бодянского. Часть историческая*. Т. 1, кн. 1, 2.; т. 2, кн. 1, 2, 3. Изд. 2-е испр. Москва: Университетская тип., 1848.
- Шор 1985 — Т. К. Шор. *Курс истории русской литературы П. А. Висковатова в Тартуском университете 1873–1895*. Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi, Tartu, 1985, XVI, 48–57.
- Шор 1987 — Т. К. Шор. *Лермонтоведение в Тартуском университете*. Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi, Tartu, 1987, XIX, 24–34.
- Шор 1988 — Т. К. Шор. *Из истории русского литературоведения второй половины XIX века. П. А. Висковатов (1842–1905)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тарту, 1988. (Машинопись).
- Шор 1999 — Т. К. Шор. *А. С. Пушкин в курсе русской литературы профессора Тартуского (Дерптского) университета П. А. Висковатова в 1880-е гг. А. С. Пупкин и Эстония*. Сборник статей к 200-летию со дня рождения поэта. Сост. С. Г. Исаков. Тарту, 1999, 33–47.
- Штейн 1908 — С. Штейн. *Славянские поэты. Переводы и характеристики*. С.-Петербург, 1908.
- Штейн 1915 — С. Штейн. *Призвание славянина*. Славянские известия, С.-Петербург, 1915, № 10/11, с. 138.
- Штейн 1925 — С. Штейн. *Профессор Леонгард Мазинг. (К 80-летию со дня его рождения)*. Последние известия, Таллин, 1925, № 279, 3 дек.
- Album Academicum 1889 — *Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat*. Bearb. von A. Hasselblatt und Dr. G. Otto. Dorpat, 1889.
- Berneker 1902 — *Slavische Chrestomathie mit Glossaren*. Von E. Berneker, ao Prof. an der Deutschen Universität Prag. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1902.

- Chmielowski 1899–1900 — B. P. Chmielowski. *Historia literatury polskiej. T. I–IV.* Warszawa 1899–1900.
- Dubjeva 1997 — L. Dubjeva. *Tartu Ülikooli ajaloo-filoloogia teaduskonna seminarraamatukogu 1899–1918.* Kleio, Tartu, 1997, № 4 (22), 23–26.
- Issakov, Smirnov 1982 — S. Issakov, S. Smirnov. *Vene ja slaavi filoloogia Tartu Ülikoolis. Keel ja kirjandus,* Tallinn, 1982, № 9, 473–484.
- Kayssarow 1804 — *Versuch einer Slavischer Mythologie von Andrey von Kayssarow, Russisch-Kayserlichen Stabs-Capitain.* Göttingen: gedr. mit Barmeierischen Schriften, bey J. C. Baiet, 1804.
- Krek 1887 — Gr. Krek. *Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte.* (Akademische Vorlesungen Studien und kritische Streifzüge). Graz, 1887.
- Masing 1876 — L. Masing. *Die Hauptformen des serbisch-chorwatischen Accents. Nebst einleitenden Bemerkungen zur Accentlehre insbesondere des Griechischen und des Sanskrit.* St.-Petersburg, 1876.
- Masing 1890 — L. Masing. *Zur sprachlichen Beurteilung der macedonischen Slaven. I. Vertretung von tj und dj. Inaugural-Dissertation <...>.* St. Petersburg, 1890.
- Ponomarjova, Šor 2001 — G. Ponomarjova, T. Šor. *Sergej Štein kao predavač Tartuskoga sveučilišta.* Književna smotra (Časopis za svjetsku književnost), god. XXXIII, Zagreb, 2001, br. 119 (1), 51–56.
- Schaffarik 1826 — P. J. Schaffarik. *Geschichte der slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten.* Ofen: mit königl. Universitäts-Schriften, 1826.
- Studienpläne 1884 — *Studienpläne für die Studierenden der historisch philologischer Fakultät.* Dorpat, 1884, 12 S.
- Verzeichnis 1871 — *Verzeichnis der halbjährigen Vorlesungen auf der Kaiser Universität zu Dorpat 1871.* Dorpat, 1871, 1802–1899.
- Vorschriften 1869–1895 — *Vorschriften für die Studierenden der Kayserlichen Universität Dorpat 1869.* Dorpat: Druck von W. Gläser.
- Vraz 1847 — S. Vraz. *Narodne pësme bugarske.* Kolo, Zagreb, 1847, № 4, 37–56; № 5, 24–57.
- Wiskowatow 1881 — P. Wiskowatow. *Geschichte der russischen Literatur in gedrängten Uebersicht. Ein Leitfadens nebst bibliographischen Notizen, mit besonderer Berücksichtigung der neueren Literatur.* Dorpat und Fellin, 1881.
- Wiskowatow 1885 — P. Wiskowatow. *Slaavi rahvaste valgustajate Kirilluse ja Methodiuse elu ja tööd. Eesti keelde J. Jõgever.* Празднование 1000-летия блаженной кончины св. Мефодия в Риге и других местах Прибалтийского края. Митава, 1885, 21–221.

Кира Павловна Алликметс
Tartu

СПОСОБЫ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В УЧЕБНИКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ЭСТОНЦЕВ

История славистики – изучение русского языка в Эстонии в XIX–XX вв. – учебники и учебные пособия – методические концепции

Преподавание русского языка как иностранного насчитывает не менее 300 лет. Первая грамматика русского языка, предназначенная для иностранцев, была напечатана в 1696 г. Это была «Русская грамматика» Г. В. Лудольфа (Верещагин, Чернявская 1981, 225). Первым учебником по русскому языку для эстонцев, экземпляр которого находится в Научной библиотеке Тартуского университета, был учебник Johann'a Schwelle «Weike wenne keli ABD-õpik, ramat meie armsa tallo-rahwa kasuks», изданный в 1844 г. Всего в библиотеке имеется 11 учебников и учебных пособий по русскому языку, изданных с 1844 по 1890 гг.

Процедура анализа учебников и пособий, созданных в предшествующие периоды преподавания русского языка, названа Е. И. Верещагиным и Т. Н. Чернявской актуально-исторической.

«Само название говорит о том, что анализ лишь по материалу является историческим, а по своей конечной цели он, безусловно, является современным» (Верещагин, Чернявская 1981, 226).

Подобный анализ, на наш взгляд, заслуживает пристального внимания, поскольку способствует обогащению современной теории учебников и практики преподавания русского языка как иностранного.

Социокультурный подход к обучению иностранным языкам тесно связан с коммуникативным методом, при котором язык используется как средство приобщения к культуре страны изучаемого языка, как способ достижения межкультурного взаимопонимания. Однако в рамках других методов тоже прибегают к социокультурной информации, правда, в ограниченном

объеме. Это находит отражение и в учебниках. Социокультурный компонент учебника складывается, во-первых, из содержания отобранных учебных материалов (текстов, зрительной наглядности, семантизируемых языковых единиц) и, во-вторых, из способов презентации этих материалов.

Предъявление в учебниках социокультурных фактов осуществляется несколькими способами. Рассмотрим некоторые из них:

- 1) включение культурологических фактов в диалоги и грамматические упражнения;
- 2) введение лингвокультурологических сведений через семантику фразеологии и языковой афористики;
- 3) истолкование безэквивалентной, фоновой или концептуальной лексики;
- 4) обращение к культурологическим текстам и к текстам из художественной литературы;
- 5) комментарий (лингвострановедческий, этимологический, комплексный);
- 6) использование иллюстраций страноведческого плана.

Это перечисление способов ознакомления с культурой страны изучаемого языка далеко не полно. В рамках данной статьи ограничимся этими шестью способами.

Явления культуры, находящие отражение в учебниках, целесообразно рассматривать в системе, организованной эпохой, методом преподавания, самим текстом. Во второй половине XIX в. в методике господствует грамматико-переводной метод, при котором единицей обучения оказывались прежде всего морфологические категории. В то время на изучение языка смотрели как на новый код для выражения содержания, переносимого из родного языка, поэтому списки слов состояли из нейтральной «общечеловеческой» лексики, а тексты «вне времени и пространства» носили назидательный характер. Композиционное оформление учебников за 50 с лишним лет претерпело незначительные изменения. Все они (за этот период было издано 26 учебников) разбиты на небольшие параграфы, отмеченные цифрой. Каждый параграф содержит список слов (с переводом на эстонский язык); затем приводятся отдельные предложения (тоже с переводом) и, наконец, маленькие (в 4–5 строк) тексты. Единичные, так сказать, «осколки» фактов культуры встречаются крайне редко. Напр., в учебник, изданный в Тарту в 1860 г. (Русский букварь. Сост. Г. Пороменский), включен следующий диалог:

- *Любезный Иван! Скажите, пожалуйста, какова сегодня погода?*
— *Погода прекрасная.*

Единственным же текстом, в котором отражаются фоновые знания об истории России, был текст в учебнике 1888 г. Juhan'a Kunder'a «Esimene õpetus vene keeles», озаглавленный как «Бережливость»:

Петр Великий, император Российский, щедро награждал заслуги, но был весьма бережлив относительно самого себя и часто говаривал: «Кто копейки не бережет, тот сам рубля не стоит».

Следует отметить, что на протяжении всего периода существования методики преподавания иностранных языков использование текстов биографий является одним из средств формирования страноведческих знаний обучающихся. Разные эпохи выдвигают своих героев, на примере жизни которых воспитывается молодое поколение. Укажем на некоторые примеры:

- «Требовательность к работе — характерная черта Сталина» (Учебник русского языка для VII класса. Х. Майсте, 1949).
- «Владимир Ильич был чрезвычайно скромным человеком» (Учебное пособие по русскому языку для эстонских вузов. Под ред. Л. Ватман, 1968).

Воспитательная (назидательная) функция изначально заложена в содержании басен, которые представлены почти во всех учебниках этого периода. А текст «Четыре времени года» в силу своей выразительности и емкости «кочует» из учебника в учебник вот уже 150 лет.

В «Учебнике русского языка для эстонских училищ» (1888 г.; составители А. Полещик и М. Тыниссон) из способов презентации фактов культуры выделяется обращение к художественной литературе и лингвострановедческий комментарий. Здесь приводятся стихотворения А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, а также и «Сказка о рыбаке и рыбке». Более того, приводится и загадка с комментарием, отражающим экономическое устройство России в XVIII–XIX вв. «Петр I и мужик»:

Я деньги на три части кладу: во-первых, долг плачу, во-вторых — в долг даю, в-третьих — в воду бросаю.

Следующий период — с начала XX в. до 1918 г. (до образования Эстонской республики). За это время в библиотеке имеется лишь один учебник — «Vene keele iseõpetaja/Руководство эстонских и русских разговоров» И. Яковлева, изданный в 1917 г., и один разговорник (1913 г.). На 276 страницах приводится фонетический комментарий, список наиболее употребительных выражений (*Ни в коем случае. В самом деле? Я голоден*), словосочетания, отобранные по ситуативно-тематическому принципу («Город», «Кофейная», «В обществе») и формулы речевого этикета (Приветствие. Благодарность. Подтверждение). Этот учеб-

ник отличается тщательным отбором языкового материала, но никаких фактов культуры в нем не приводится.

Как уже говорилось, отношение к языку и методам его преподавания определяется заказом общества, зависит от исторических и политических условий. В период Первой Эстонской республики (1918–1939 гг.) Министерство просвещения Эстонии не включало русский язык в учебные программы средних школ, не говоря уже о программах начальных школ. Русский язык изучался в основном только в торговых школах и коммерческих гимназиях. В этот период вышло 10 учебников русского языка, которые можно разделить на две группы:

- 1) учебники и сборники упражнений для обучения русскому правописанию и грамматике (6 пособий);
- 2) учебники, целью которых в основном является формирование умений чтения и говорения (4 учебника).

Автор одного из них, В. Федорова, в предисловии отмечает, что учебник составлен по системе Петцольда, который был приверженцем прямого метода. Прямой метод обучения получил широкое распространение в начале XX в. (в противовес господствовавшему ранее переводно-грамматическому методу) в связи с потребностями общества в обучении языку как средству общения. Для этого метода характерны, напр., такие особенности: резко ограничивалось использование перевода, лексика изучалась во фразах, которые отбирались преимущественно из разговорной речи и вводились тематическими группами, грамматике в целом отводилась служебная роль. Учебники Федоровой методически тщательно продуманы и имеют большую познавательную ценность.

В учебнике для чтения (автор А. Глотова) весь материал разделен на 46 уроков. Все имеющиеся тексты довольно короткие и во многом связаны с введением новой лексики и грамматического материала. В учебниках данного периода представлена исключительно бытовая тематика. Как и в учебниках предыдущих периодов, из способов презентации социокультурных фактов используется обращение к художественной литературе. Для чтения предлагается разнообразный по жанру материал: здесь и рассказы, и стихотворения, и басни, и сказки, и загадки. Напр., рассказы из книги Л. Н. Толстого («Косточка», «Девочка и грибы»); стихотворения А. С. Пушкина («Перелетная птичка», «Зимний вечер»), А. Майкова («Ласточка», «Сенокос»); в учебники включены басни И. А. Крылова («Стрекоза и муравей», «Мартышка и очки»). Учащихся знакомят также со сказками: «Репка», «Козлятки и волк», «Лиса и тетерев» и др., с пословицами, поговорками и загадками русского народа.

В 1940 г. произошли значительные изменения в системе образования, в том числе и в преподавании русского языка. В соответствии с постановлением от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» все оканчивающие среднюю школу должны были хорошо владеть русским языком. Особенностью этого периода, характеризующегося повышением интереса к русскому языку и осознанием необходимости усвоения русского языка, является массовое появление русско-эстонских разговорников, справочников, учебников для взрослых и учебников для учащихся.¹

При установке на овладение языком как в устной, так и в письменной форме в достаточно длительные сроки обучения опираются на его сознательное усвоение. Такой подход предполагает возврат к грамматико-переводному методу, который через некоторое время сменяется сознательно-практическим (в 60-е гг. XX в.).

Учебники названного периода составлены с опорой на принципы грамматико-переводного метода. Подтверждением этому служат возросшее количество упражнений на перевод. Так, напр., в учебнике Х. Майсте-Аллер из 187 упражнений 65 ориентированы на перевод с эстонского на русский, т. е. почти одна треть. А в учебнике Н. Maiste-Aller, Н. Hildebrand, E. Jaanvärk «Vene keele õpik täiskasvanuile» (Tallinn, 1941) — приводится 223 упражнения, из них 110 — для перевода. Для учебников этой группы характерной особенностью является то, что все правила даются на эстонском языке, большое внимание уделяется фонетическим упражнениям, практически отсутствуют тексты из художественной литературы. Редким исключением является представление такого факта русской культуры, как обращение по отчеству с объяснением, как оно образуется [E. Ardlä. «Vene keele rahvakursus»; и в учебнике J. Kivisilla «Praktiline vene keele õpik», Tallinn, 1948 — три рассказа Л. Н. Толстого: «Воробей и ласточка», «Пожарные собаки», «Как вор сам себя выдал»].

Вторую группу составляют русско-эстонские разговорники, целью которых было развитие разговорной речи. Во многом построение данных пособий совпадает: весь материал сгруппирован тематически: «На улице», «Здоровье», «В магазине», «Возраст», «В путешествии» и т. д., где нет и намек на страноведческий материал.

В соответствии с социальным заказом общества — воспитание в подрастающем поколении чувства патриотизма и дружбы между народами («Наша страна», «Москва», «Советский Союз», «Республики Советского Союза»), воспитание чувства ответст-

венности, верности своим убеждениям, готовности к защите Родины («Мирная страна», «На страже», «Письмо красноармейцу»), — изменилась и тематика текстов учебников. Многие тексты знакомят с жизнью крупных политических деятелей («В. И. Ленин», «Письмо Ворошилову», «Из воспоминаний о Сталине») и с жизнью советского народа («О Ленинграде», «Стахановцы», «Днепрогэс» и др.). Почти не приводятся тексты из художественной литературы. Из способов презентации фактов культуры используются русские пословицы и поговорки, правда, без перевода и комментариев.

В годы немецкой оккупации (1942–1943 гг.) может показаться удивительным не то, что русский язык был исключен из учебных планов, а то, что в это время появились учебники русского языка. Их было 5. В основном это были переиздания учебников, вышедших в довоенный период. Они были дополнены новыми текстами, было увеличено число упражнений и дополнен раздел фонетики. Авторами 4 учебников были А. Aleksejev и L. Mahoni (соавтором двух из них и А. Krims) и одного — R. Sõmer. В них представлены отрывки из произведений художественной литературы (напр., стихотворения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. Я. Брюсова и многих других авторов), смещены акценты при выборе других текстов. Они направлены на воспитание честности, справедливости, трудолюбия («Братская помощь», «Не суди по наружности», «Заработанные деньги»). Включены и тексты, воспитывающие доброе отношение к немецкой нации: «Знакомый из Германии», «Король Фридрих Великий» в учебнике «Живая речь II» (авторы G. Aleksejev и L. Mahoni, Tallinn, 1942). Все правила, установки к упражнениям и тексты для перевода даются параллельно на немецком и эстонском языках.

Учебник Р. Сымера «Самоучитель русского языка для эстонцев» был издан в Москве в 1943 г. Тематика текстов для чтения в учебнике Р. Сымера связана с идейно-политическим воспитанием и во многом отражает события войны. Уже названия текстов («Наши силы растут», «Жены рабочих к станку», «Смелые красноармейцы», «Из приказа народного комиссара страны») говорят об их содержании. Кроме т. н. патриотических текстов, в учебнике представлены также тексты из художественной литературы (басни И. А. Крылова, стихотворения А. С. Пушкина, рассказы И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя). Новым же в учебнике Сымера является то, что в нем дается много лексических упражнений с установками: найти синонимы, антонимы, назвать однокоренные слова и т. д.

В период с 1944 по 1945 гг. ситуация с русским языком опять претерпевает изменения: во всех классах (начиная с 3-го)

вводится обучение русскому языку. В 1945 г. вышли учебники русского языка, являющиеся переизданием соответствующих учебников 1940/1941 гг. Авторы — те же: G. Aleksejev, L. Mahoni и H. Maiste-Aller. В учебник «Живая речь II» (авторы Алексеев и Махони) были включены тексты из художественной литературы, как, напр., произведения Брюсова, Лермонтова, Тютчева, Пушкина и др. В учебнике для III класса (автор Х. Майсте-Аллер) даны и тексты идейно-воспитательного характера («Вперед, под флагом Ленина-Сталина», «Наши вожди», «В Москве на Красной площади» и др.). Учебники этого периода ярко демонстрируют связь с политической обстановкой в стране и стоящими перед ней задачами. Если в учебниках, изданных с 1920 г. по 1939 г. преобладали тексты, нацеленные на воспитание «общечеловеческих» черт характера, — таких как честность, трудолюбие, отзывчивость, то тексты учебников 1950-х гг. способствовали идейно-политическому воспитанию учащихся. Многие из них были посвящены наиболее актуальным проблемам военных лет и отражали события военного времени.

Послевоенный период (1945–1950 гг.) отмечен изменением статуса русского языка, который стал не только мостом для овладения научными знаниями и культурными ценностями, но и основным средством коммуникации в многонациональной республике. В то же время в прессе² отмечалось плохое знание учащимися русского языка, причиной чего выдвигалось недостаточное количество учебников, а также неудовлетворительный уровень имеющихся.

На создание учебников послевоенного периода значительное влияние оказала общая атмосфера и внутренняя обстановка в республике: нехватка квалифицированных педагогических кадров, отсутствие необходимой методической литературы, отсутствие преемственности в издании учебников (вышедшие издания за 1945–1950 гг. носят эпизодический характер). За этот период было создано 22 учебника русского языка для эстонских школ. Цель этих учебников — сформировать необходимые навыки и умения для чтения, говорения и письма, причем с опорой на русскую художественную литературу. Учебные тексты в учебниках рассматриваемого периода отличаются жанровым разнообразием. Видное место в учебниках занимают отрывки из произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, И. В. Крылова, В. М. Гаршина, М. Горького, И. Ильфа и Е. Петрова, а также большое число пословиц, шуток, загадок. Наряду с отрывками из произведений названных авторов, в учебниках встречаются краткие обзоры о жизни и деятельности видных художников, композиторов, ученых, напр., И. Е. Репи-

на, П. И. Чайковского, Д. И. Менделеева и др. Кроме того, нередко помещались и биографические очерки о великих русских поэтах. Напр., много писалось об А. С. Пушкине, М. Ю. Лермонтове и др. На этом этапе в учебниках мало внимания уделялось разговорному стилю. Тексты, отражающие социокультурную среду, были слишком идеологизированы.

Таким образом, из перечисленных выше способов презентации социокультурной информации в учебниках в течение столетней практики их создания были представлены в основном следующие:

- а) обращение к текстам страноведческого характера;
- б) использование художественных текстов;
- в) наличие пословиц, поговорок, шуток, загадок.

Основное содержание страноведческих текстов и есть социокультурная информация в отличие от художественных текстов, где такую информацию можно получить в результате лингвостилистического анализа, из комментариев преподавателя, из дополнительных источников. Интересно отметить, что самыми предпочтительными писателями в учебниках были И. В. Крылов и Л. Н. Толстой.

«Народная мудрость» — явление интернациональное, а сравнение двух одинаковых по содержанию фраз дает хороший материал для выявления общего и различий в двух культурах; более того, глубокое содержание пословиц, поговорок, афоризмов не только развивает мышление учащихся, но и имеет большое воспитательное значение.

На смену грамматико-переводному методу пришел сознательно-практический. Основными положениями этого метода считаются следующие:

- а) параллельное овладение видами речевой деятельности;
- б) организация обучения в последовательности — от приобретения знаний к речевым навыкам и умениям;
- в) разграничение учебного материала на активный и пассивный;
- г) учет родного языка учащегося.

Правда, в учебниках этого периода еще много элементов грамматико-переводного метода, напр., в «Учебном пособии по русскому языку», изданном преподавателями кафедры русского языка Тартуского университета (Tallinn, 1968), в котором на с. 80–83 подряд идут 8 упражнений на перевод. Отличительной особенностью учебников этого периода вообще и данного учебника, в частности, является содержание упражнений, опирающееся на тексты из художественной литературы. В школах наряду с уроками по грамматике русского языка были и уроки литературного чтения. Это давало материал для наполнения за-

даний предложениями из литературных источников, которые иллюстрировали те или иные грамматические явления, напр.:

Установки:

- Объясните значение существительных в родительном падеже.
Ваня Земнухов на прошлом заседании был избран организатором пятниц (с. 53).
- Спишите предложения, вместо точек поставьте частицы *-то* или *-нибудь*.
Надо сказать что... хорошее, правдивое и искреннее (М. Г.).
- Спишите отрывок; из глаголов, заключенных в скобки, выберите нужный.
Вдруг Павел (видел, увидел) Жухрая. Тот что-то хотел (сказать, говорить Павлу). (Н. О., с. 181).

В 70–80-е гг. в методике обучения иностранным языкам доминирует коммуникативно-деятельностный метод. При коммуникативной ориентации обучения языкам

«в центре внимания оказывается сам субъект деятельности говорения — ученик с его потребностями, отношением к содержанию высказываемой мысли. Деятельностный подход определяет необходимость и личностного подхода к субъекту и процессу обучения иностранному языку» (Зимняя 1978, 3).

Система обучения предполагает максимальный учет индивидуально-психологических, возрастных и национальных особенностей личности обучающегося. И учебники создаются теперь с опорой на этот метод. Это прежде всего:

- «Язык... Ситуации... Общение» для студентов эстонских вузов (К. Алликметс, А. Метса, 1980);
- «Поговорим... Поспорим» (для 9–10 классов эстонской школы и учащихся углубленных классов всех союзных республик) (К. Алликметс, А. Метса, 1982, 1983);
- «Пособие по речевому общению» (Л. С. Байкова, П. А. Эслон, 1985);
- "Давайте дружить" (Т. Казесалу, 1987).

Несколько слов о заглавиях учебников. Как можно заметить, они сильно изменились с введением в учебный процесс коммуникативной методики. Если раньше типичным заглавием учебников было «Практический курс русского языка» или просто «Русский язык для ...», то теперь они ориентируют учащихся на последующее восприятие культуроведческого материала: «Встречи», «У самовара», «Многоликая Россия», «Здравствуй, Москва!». Какие способы презентации фактов культуры имеют место в этих учебниках?

- 1) тексты учебника содержат актуальную (для студентов или для учащихся) информацию, напр., о вузах в СССР и о старейшем университете в Тарту. Причем к схеме дается ссылка на «Лингвострановедческий словарь» М. А. Денисовой;

- 2) факты культуры включены в упражнения и диалоги, напр.:
- Выразите согласие с мнением собеседника:
- Булат Окуджава давно завоевал симпатии слушателей.
  - Да, он давно пользуется популярностью среди слушателей;
- 3) если в учебниках раннего периода авторы прибегали лишь к одному из способов семантизации лексики, то в этих учебниках диапазон семантизации уже расширился: здесь и использование средств наглядности, словообразовательный анализ, толкование, комментарии.

В отличие от предыдущих учебников, рассматриваемые характеризуются стремлением приобщить учащихся к культуре России, к познанию национальной и мировой культуры. В качестве источников учебной информации, воздействующей на мыслительно-познавательную деятельность обучающихся, выступает и печатный текст (интервью, рассказы, отрывки из сценариев, тексты песен и т. д. известных русских писателей, поэтов, художников, спортсменов, журналистов, ученых, певцов), и произведения живописи, музыки, изобразительного искусства. Дополнительная информация берется и из средств массовой информации, которая еще более актуализирует принцип новизны. В 80–90 гг. информативность и подчинение содержания учебника узкопрофессиональным интересам стала основным направлением и содержанием работы в методике преподавания русского языка как иностранного.

Кроме школьных учебников, стали издаваться учебные пособия, адресованные будущим специалистам разных профилей. В Эстонии были изданы пособия для медиков (А. Метса, 1987), для юристов (Х. Виссак, 1987), для физкультурников и тренеров (Л. Ведина, Э. Васильченко), для химиков (В. Курвиц, 1980), для филологов (А. Родима и др., 1988), для студентов консерватории (Л. Эпштейн, 1982) и др. Общим же для этих учебников является ориентация на учебно-профессиональную сферу. Многим этим учебным пособиям свойственно отсутствие равновесия между информационной и языковой работой. В названных учебниках содержится много страноведческих текстов. Напр., в учебнике А. Метса «От студента к врачу» (1987): «Рахманинов — Далю» (с. 168), «Первая аптека в Москве» (с. 197), «Встреча А. Бородина с М. Мусоргским» (с. 252), а также разъясняются фразеологические сочетания (*у него нет сердца, положила руку на сердце* и используется юмор. [«Баня — среди разновидностей бани (русская, финская) в последнее время стали усиленно выделять «баню административную», напр., в выражении «Он мне сегодня устроил баню». Этим термином обычно обозначают общение с начальником» (с. 144)]).

Лингвострановедение затрагивает сущность коммуникативного преподавания языка. Этот подход нашел отражение и в учебниках, изданных в Эстонии («У самовара» К. Алликметс; «Встречи-2» К. Алликметс, Л. Вединой; «Многоликая Россия» И. Моисеенко, Н. Замковой; «Здравствуй, Москва!» И. Моисеенко, Н. Замковой; «Страны и люди» А. Метса, Л. Титовой). В этих учебниках широко используются культуроведческие тексты, зрительная наглядность и комментарии. Напр., на с. 137–138 учебника «Встречи-2» дается комментарий к сказке «Курочка Ряба», которая является несомненным фактом культуры русского народа. Комментарий:

Все русские знают с детства эту сказку, хотя обычно не задумываются о том, сколько в ней загадок: столько, что иногда их трудно разгадать. В самом деле, почему яйцо золотое? А если и золотое, то зачем его бить? А если бить, то отчего разбить никак невозможно? И что это за загадочная мышь, без которой и яйца не расколоть, и репки не вытянуть? Наконец, когда яйцо все-таки разбито и цель достигнута, о чем плачут эти дед и баба? Поистине загадочная русская душа!

1. **ЯЙЧКО** золотое потому, что оно — часть тридевятого царства, того мира, который, по предположению сказочника, является местом красоты, совершенства, всех жизненных благ. То есть золото — своеобразный знак качества.

2. И сама **КУРОЧКА** не проста. Ее имя «Ряба» — это ее цветовая характеристика: она пестрая, рябая. Это признак ее необычности. Ведь русские считают, что и трехцветная кошка приносит удачу.

3. **МЫШЬ**. Это существо подземное, скорее ночное, тесно связанное с потусторонним миром. Мышке легко разбить яйцо, ведь она из того же мира, что и золотой предмет.

4. **ДЕД** и **БАБА**. По старой человеческой привычке они обращаются с золотым яйцом, как с обыкновенным. Оттого и не могут его разбить. А плачут-то они почему? Они добились не того, чего хотели. Они ждали обыкновенного яйца, оно им и было нужно, а когда разбили яйцо, да поняли, что оно золотое, то и опечалились, что ни с чем и остались.

5. Почему они **УТЕШИЛИСЬ**, когда курочка обещала снести простое яйцо? Потому что из разбитого обыкновенного яйца рождается новая жизнь, целый новый мир, а от разбитого золотого яйца начинается ... хаос, нарушение всемирного равновесия. Поэтому-то курочка Ряба успокаивает всех обещанием снести простое, а не золотое яичко (По С. Алпатову).

В начале нового века и нового тысячелетия методика преподавания русского языка приступает к четвертому этапу своего развития. На смену коммуникативным ориентациям: «обучение иностранному (русскому) языку как средству общения» — 60–80 гг., «обучение общению на иностранном языке — 80–90 гг.» приходит новая ориентация — «обучение межкультурному об-

щению» (ср. более широкое понятие «диалог культур»). Мы характеризуем этот этап как культуроведческий (Митрофанова 2000, 29).

Изменившаяся в 90-е гг. политическая ситуация как в России, так и Эстонии привела к открытости общества и создала предпосылки для истинного диалога культур. Социокультурная идея современных учебников — воспитание толерантности.

«Ксенофобия — следствие недостатка не интеллекта, таланта или каких-то качеств, она — следствие недостатка культуры. Обеспечить необходимый «культурный» запас способен лишь подлинный диалог культур. И только благодаря диалогу культур происходит формирование человека духовного, человека культуры» (Пассов 2000, 24).

И, как показало исследование, большинство современных учебников, изданных в Эстонии, успешно реализует когнитивно-коммуникативную направленность учебного процесса и идею диалога культур.

¹ Вот некоторые из них:

1) L. Manivalde. *Vene keele iseõpetaja kõigile*. Tartu, 1940.

2) M. Lainevald. *Vene keele kiirõpik (kõige kergem ja praktilisem õppeviis vene keele õppimiseks)*. Tartu, 1940.

3) E. Arda. *Vene keele rahvakursus*. Tartu, 1940.

4) J. Kivisilla. *Praktiline vene keele õpik*. Tallinn, 1940.

5) H. Maiste-Aller. *Vene keele õpik algkoolidele*. Tartu, 1940.

6) A. Klaving, P. Puusepp. *Vene keele õpik koolidele*. Tallinn, 1940.

7) G. Aleksejev ja L. Mahoni. *Живая речь I*. Tallinn, 1941.

² *Vene keele tase eesti koolides nõuab parandamist*. Nõukogude õpetaja, Tallinn, 1947, 3. oktoober; *Vene keele õpetamist eesti koolides tuleb radikaalselt parandada*. Nõukogude õpetaja, Tallinn, 1949, 14. oktoober; P. Puusepp *Tõsta vene keele õigekirja taset keskkoolides*. Nõukogude õpetaja, Tallinn, 1948, 25. jaanuar.

ЛИТЕРАТУРА

Верещагин, Чернявская 1981 — Е. М. Верещагин, Т. Н. Чернявская. *Из опыта представления культуры в учебниках русского языка для иностранцев*. Русский язык для студентов иностранцев. Москва, 1981, 224–231.

Зимняя 1978 — И. А. Зимняя. *Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке*. Москва, 1978.

Митрофанова 2000 — О. Д. Митрофанова. *В поисках новой парадигмы методики преподавания русского языка как иностранного*. Русский язык в центре Европы, Банска Бистрица, 2000, № 2, 29–35.

Пассов 2000 — Е. И. Пассов. *Коммуникативное иноязычное образование как развитие индивидуальности в диалоге культур*. Русский язык в центре Европы, Банска Бистрица, 2000, № 2, 13–28.

Хелле Виссак
Tartu

ТАРТУСКАЯ ТРАДИЦИЯ СОЗДАНИЯ ПОСОБИЙ И СЛОВАРЕЙ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПРАВОВЕДЕНИЕ»

Изучение русского языка в Тарту – коммуникативная направленность обучения – коммуникативные потребности – коммуникативно ориентированные учебники – пособия, разговорники и словари по специальности

На кафедре методики русского языка Тартуского университета к 80-м гг. был накоплен опыт изучения коммуникативных потребностей студентов, послуживший основной при составлении учебников по русскому языку. Так, в 1980 г. вышло пособие К. Алликметс, А. Метса «Язык... Ситуации ... Общение...» (Алликметс, Метса 1980), которое было нацелено на формирование навыков и умений коммуникации в общих сферах для специалистов разных профилей (сфера культуры, науки, общественной и личной жизни). Пособие включало проблемы высшего образования, экологии, науки, здоровья и не ориентировалось на студентов какой-либо конкретной специальности.

Проблемы создания учебных пособий обсуждались в 1983 г. в Тарту на VII Зональной конференции прибалтийских республик «Учет специальности при обучении русскому языку в национальном вузе» (Алликметс, Метса 1983, 84–86) и др. Проблемы же коммуникативно ориентированного учебника были в центре внимания двух конференций:

1) межвузовской научно-методической конференции 1986 г. (Тарту), на которой были выделены три этапа в процессе создания коммуникативно ориентированных учебников (Метса 1986а, 92): а) 1975–1980 — подготовительный этап: изучение коммуникативных потребностей, сфер общения, уровня владения языком и трудностей; б) 1980–1985 — этап реализации, работа по созданию пособий; в) с 1986 г. — этап совершенствования. Была создана также и концепция обучения с учетом будущей профессиональной деятельности студентов, которая получила свое дальнейшее развитие;

2) международной конференции «Теория и практика создания коммуникативно ориентированных индивидуализирован-

ных учебников русского языка» (Таллин, 1988), на которой рассматривались функции и структура учебника (в частности, циклическое построение), эмоциональный тонус учебного материала и др. (Метса, Алликметс 1988, 179). Основным в разработанной концепции являлся тезис о взаимодействии коммуникативной и интеллектуальной деятельности обучаемых.

В 80-е гг. проблемам коммуникативно ориентированных учебников были посвящены два номера «УЗ ТартуГУ», в которых названы основные направления совершенствования концепции коммуникативно ориентированного учебника, а также функции текста в пособии (Метса 1988, 3). В этой научной серии был представлен также коммуникативно ориентированный учебник для медиков, который составлялся с учетом коммуникативных потребностей врача, трудностей врачей в устной коммуникации, языкового и коммуникативного содержания профессионально-трудовой сферы врача, механизма мотивационной активности студентов медицинского факультета (Метса 1986б, 22). В 80-е гг. на кафедре методики русского языка активизировалась работа по составлению пособий с учетом будущей специальности. В эти годы было создано пособие для медиков (Метса 1987), физкультурников (Васильченко, Ведица 1989), юристов (Виссак, Тарве 1986) и студентов гуманитарных специальностей (Родима, Матина, Дуличенко, Ивко, Тийтс 1988).

Созданные пособия по русскому языку можно объединить в две группы: 1) нацеленные на формирование коммуникативных умений в общих сферах коммуникации; 2) профессионально ориентированные пособия, обучающие общению в профессионально-трудовой сфере. Пособия 80-х гг. включали материал по циклам уроков: первый — подготовительный, второй и третий, а иногда и четвертый — основные и последний — итоговый. Цикл имел четкую структуру: название, эпиграф, активная лексика (для реализации коммуникативных целей цикла), проблемы и вопросы для обсуждения, тексты, итоговые задания.

Первое пособие по профессиональному общению для юристов (Виссак, Тарве 1986) было направлено на формирование навыков и умений коммуникации в рамках официально-делового и разговорно-обиходного стиля. Существенное место в нем занимает также научный стиль речи, поскольку в основном учебную и специальную литературу в эти годы читали на русском языке. При составлении пособия нами учитывались основные отрасли права, изучаемые в университете (трудовое, гражданское, административное, семейное, уголовное).

Пособие включает 9 циклов, каждый из которых состоит из 4 уроков. На первом уроке создается установка на восприятие, вводится и активизируется лексика, необходимая для общения

по данной теме. Второй и третий урок направлены на формирование навыков и умений говорения, аудирования и письма (в рамках официально-делового и научного стиля), совершенствуются лексические навыки. Четвертый урок — естественное речевое общение (проводится ролевая игра — судебное заседание, допрос и т. д.), беседа («за круглым столом»), семинар и др. В пособие включены в основном научные и научно-популярные тексты (информативные или проблемные), содержащие терминологическую лексику. Представлены и наиболее значимые для юристов образцы деловых бумаг («Протокол допроса свидетеля», «Протокол осмотра места происшествия», «Исковое заявление» и др). Задания составлялись на основе казусов и деловых бумаг. Они направлены, с одной стороны, на формирование навыков употребления терминологической лексики в устной и письменной речи, а с другой — на развитие диалогической и монологической речи. В конце пособия небольшой русско-эстонский и эстонско-русский словарь, содержащий лексику, необходимую для коммуникации в рамках циклов пособия.

Апробация пособия показала, что и содержание, и методическая стратегия вызывали у студентов юридического факультета мотивационную активность и способствовали формированию навыков и умений общения в профессионально-трудовой сфере.

В связи с произошедшими социальными переменами, изменением законодательства Эстонской Республики к началу 90-х гг. многие темы уже устарели (напр.: «Добровольные народные дружины», «Комиссия по делам несовершеннолетних», «Задачи товарищеского суда и порядок их организации», «Работа и функции народного судьи» и др). Изменились не только законы, но появились и новые понятия, термины. В связи с судебной реформой требовалось пересмотреть, напр., цикл «Под защитой закона», в котором речь шла о советском уголовном праве и уголовном и гражданском процессе.

В 90-е гг. актуальность приобрели новые темы, напр.: наркомания, проституция, банкротство фирмы, купля-продажа недвижимости, экономические преступления, организованная преступность, компьютерные преступления и др. Во многом изменились также и образцы деловых бумаг. Все это требовало создания нового пособия по русскому языку.

Пособие для юристов (Vissak 1997) было составлено на основе материалов, использованных на занятиях по русскому языку со студентами юридического факультета. Если в первом пособии материал представлен по циклам, состоящим из 4 уроков каждый, то теперь оптимальным представлялось создать пособие по тематическому принципу. В пособии 20 тем, включающих терминологическую лексику, знание которой необхо-

димо будущему юристу. Представлена лексика из уголовного, гражданского, административного, трудового, семейного и вещного права. Обсуждению подлежат такие темы, как: организованная преступность и мафия, место лишения свободы в наши дни, «за» и «против» смертной казни, проституция и бизнес, незаконная торговля наркотиками, жертва преступления, работа нотариуса, судьи, адвоката, прокурора и следователя, полиция в разных странах, налоговые преступления, недобросовестная конкуренция, коррупция, экономические преступления в Эстонии и др. Каждая из 20 тем включает подтемы. Напр., в теме «Семья и брак» следующие подтемы: фиктивный брак, брачный договор, установление отцовства, заключение брака, расторжение брака, имущество в семье, причины развода, насилие в семье, международное усыновление и др. Подлежащая усвоению специальная лексика представлена в разных текстах и заданиях для обсуждения. Предлагаемые обсуждению казусы включены в раздел «Какое решение принять?». Общая лексика приведена в начале тем в разделе «Запомним», а новая специальная лексика — перед каждым текстом, за которым следуют вопросы для обсуждения как по тексту, так и на его основе. Всего в пособии около 200, в большинстве проблемных, текстов. Приводятся и тексты для перевода (фрагменты из кодексов и законов). К каждой теме подобраны анекдоты (для чтения, перевода, пересказа и приведения аналогичных). Раздел «Отдохнем» включает кроссворды и всевозможные тесты.

Главными критериями при отборе материала являлись следующие: актуальность, новизна, проблемность, информативность, доступность, объем текста, наличие специальной лексики. В пособие включены тексты из периодических изданий и учебной литературы, причем особое внимание обращалось на то, чтобы они создавали у студентов положительную мотивацию и вызывали желание обсудить те или иные проблемы.

Вторая часть пособия включает таблицы по наиболее трудным для эстонцев разделам русской грамматики, а также конструкции речевого этикета, выражения из деловой переписки.

Если «Пособие по профессиональному общению для юристов» (Виссак, Тарве 1986) включало итоговый урок цикла занятий, на котором нередко проводилась ролевая игра, то по подтемам второго пособия почти каждый урок проводятся разные мини-ролевые игры и обсуждения. В конце темы, как правило, предлагается письменная работа (напр., перевод отдельных терминов и словосочетаний, абзацев, реферативный перевод статьи, комментирование выделенных проблем и др.). К пособию для юристов был составлен эстонско-русский, русско-эстонский юридический словарь (3200 лексических единиц),

включающий основную специальную лексику пособия и дополнительную лексику к темам (Vissak 1996).

В конце 90-х гг. у поступающих в университет абитуриентов снизился уровень владения русским языком по сравнению с 70–80-ми гг. Некоторые первокурсники не изучали или почти не изучали русский язык в школе. Произошли существенные изменения и в ситуациях профессионального общения юристов, а также уменьшилась роль письменной и устной речи на русском языке. Однако выпускникам юридического факультета и в настоящее время, как и 10–20 лет назад, необходимы навыки и умения перевода юридических текстов, составления документов на русском языке, а также владение навыками и умениями профессионального общения.

В конце 90-ых гг. грамматические таблицы, представленные в пособии для юристов (Vissak 1997), уже не удовлетворяли потребностям студентов из-за низкого уровня их языковой компетенции. В 2000 г. автором для юристов был составлен краткий курс русской грамматики в таблицах (Vissak 2000a). Пособие включает около 80 таблиц с заданиями, содержащими специальную лексику. Материал отобран с учетом трудностей для студентов-эстонцев и его значимости для юристов. Здесь упражнения на перевод, вопросо-ответные, трансформационные и подстановочные задания. Поскольку студентам для выполнения предлагаются и дополнительные к приведенным задания, то постоянно присутствует элемент новизны.

На пороге XXI в. встал вопрос о создании разговорников по специальности. В последние годы студенты испытывают значительные трудности при понимании текстов, их переводе и в общении в целом. Составленный автором в 2001 г. разговорник для полицейских (Vissak 2001a) включает более 40 тем. Он ориентирован не только на работников полиции, но содержит целый ряд тем для судей, прокуроров и адвокатов (напр.: «В суде», «Административное правонарушение», «Налоговые правонарушения», «Наркомания и наркоманы», «Организованная преступность», «Экспертиза» и др.). К темам, как правило, прилагается словарик, включающий дополнительную терминологическую лексику. Разговорник может быть использован как в аудиторной работе (работа над диалогическим текстом, специальной лексикой, составление собственного диалога по приведенному образцу, проведение мини-ролевых игр и др.), так и при самостоятельной работе (работа над лексикой, дополнение приведенных реплик, формулировка собственных вопросов, подготовка к допросу, обыску и др.) для формирования и совершенствования навыков и умений профессионального общения.

Кроме названного разговорника, автором составлен «Русско-эстонский, эстонско-русский разговорник-словарь» (Vissak 2000b), в котором более 30 тем. Хотя он не является юридическим, некоторые темы важны и для юристов (напр.: «На работу», «На границе», «В бюро недвижимости», «Полиция 110»).

Автором составлено также 6 эстонско-русских и русско-эстонских юридических словарей, один из которых на CD-ROM. Юридические словари могут быть использованы в аудиторной работе, а также при выполнении домашних заданий, чтении и переводе текстов. Потребность в составлении словарей была вызвана их отсутствием в Эстонии, сложностью перевода терминологической лексики, а также стремительным процессом обновления специальной лексики, необходимой юристу в повседневной работе.

Если первый словарь, составленный нами в 1996 г., был ориентирован на студентов, изучающих право, то следующие словари нашли широкое применение среди юристов-практиков. Так, словарь недвижимости (Vissak 1998a) ориентирован на юристов бюро недвижимости и маклеров. Он включает в основном терминологию из вещного права, а словарь трудовых отношений (Vissak 1998b) — терминологию из области трудового права. При отборе лексики мы исходили из реальных потребностей юристов. Источниками информации служили правовые акты Эстонии с 1991 г., юридическая литература, а также словари, изданные за рубежом. Термины отбирались с учетом частотности их употребления в подъязыке специальности и значимости при профессиональном общении. Словари составлены в алфавитном порядке и включают в основном терминологические словосочетания.

В связи с принятием в Эстонии целого ряда новых законов и постоянным обновлением юридической лексики студентам и юристам-практикам в конце 90-х гг. требовались более полные словари с новейшей терминологией по разным отраслям права. В 1999 г. был издан эстонско-русский и русско-эстонский юридический словарь на CD-ROM (Vissak 1999), включающий 25000 слов и выражений в переводе с эстонского на русский язык и с русского на эстонский. В 2000 г. вышел двухтомный эстонско-русский и русско-эстонский юридический словарь (Vissak 2000c), который заполнил существовавший пробел. Названные словари используются нами в курсе русского языка в университете. К словарям составлены разные виды заданий, способствующих овладению юридической терминологией и формированию навыков и умений профессионального общения.

Поскольку в последние годы все больше проблем возникает у юристов с переводом документов, статей закона, при общении

в суде, адвокатском и нотариальном бюро, то в 2002 г. был составлен краткий юридический словарь делового общения (Vissak 2002), включающий более 3000 коммуникативных фрагментов, необходимых для профессионального общения судьям, адвокатам, прокурорам и нотариусам. Он призван оказывать помощь при деловом общении в устной и письменной форме (напр.: составление и перевод документов, общение с клиентом и др.). Словарь в большей части составлен на основе образцов юридических документов (договоров, исковых заявлений, завещаний и др., справочников для судей, прокуроров, нотариусов, действующих законов и юридических практикумов). Он составлен в алфавитном порядке, так как тематическое построение в данном случае не является целесообразным, поскольку одни и те же коммуникативные фрагменты нередко важны для нотариуса, адвоката, судьи и прокурора. В словарь включены конструкции, имеющие отношение к недвижимости, составлению искового заявления, наследованию, общению в суде и многое другое. Он может быть использован на занятиях по обучению профессиональному общению в вузе.

Нередко трудно отделить юридическую терминологию от экономической, так как один и тот же термин может иметь отношение и к экономике, и к праву. Автором составлены «Малый эстонско-русский и русско-эстонский экономический словарь» (3200 слов и словосочетаний) и «Словарь по предпринимательству» (5000 слов и словосочетаний), которые ориентированы не только на экономистов, но и юристов, а также студентов, интересующихся проблемами предпринимательства и экономики в целом. Названные словари используются при прохождении тем, связанных с банковским делом, предпринимательством, банкротством фирмы, финансами фирмы и др. (при работе над лексикой, чтении, переводе и общении) (Vissak 2000d; 2001b).

Таким образом, в составленных пособиях и словарях, ориентированных на обучение и овладение языком специальности, учитываются: коммуникативные потребности студентов и специалистов, коммуникативная направленность материала, актуальность тем, социальные изменения, изменения в законодательстве, обновление терминологии.

Все названные выше пособия, краткий курс русской грамматики для юристов, разговорники и словари направлены на овладение языком специальности и формирование навыков и умений профессионального общения.

ЛИТЕРАТУРА

- Алликметс, Метса 1980 — К. Алликметс, А. Метса. *Язык ... Ситуации ... Общение ...*. Таллин: Валгус, 1980, 270 с.
- Алликметс, Метса 1983 — К. Алликметс, А. Метса. *О реализации принципа коммуникативности в учебном пособии для нефилологов. Тезисы докладов VII Зональной конференции прибалтийских республик «Учет специальности при обучении русскому языку в национальном вузе»*. Тарту, 1983, 84–86.
- Васильченко, Веди́на 1989 — Э. Васильченко, Л. Веди́на. *Учебное пособие по русскому языку для физкультурников*. Таллин: Валгус, 1989, 188 с.
- Виссак, Тарве 1986 — Х. Виссак, В. Тарве. *Пособие по профессиональному общению для юристов*. Таллин: Валгус, 1986, 178 с.
- Метса 1986а — А. Метса. *Опыт создания коммуникативно ориентированных учебников. Проблемы коммуникативно ориентированного учебника русского языка. (Тезисы докладов межвузовской научно-методической конференции)*. Тарту, 1986, 91–93.
- Метса 1986б — А. Метса. *Коммуникативно ориентированный учебник для медиков как модель профессионального общения. Пути оптимизации обучения русскому языку в вузе. (УЗ ТартуГУ. Вып. 732)*. Тарту, 1986, 22–27.
- Метса 1987 — А. Метса. *От студента к врачу*. Таллин: Валгус, 1987, 287 с.
- Метса 1988 — А. Метса. *Развитие концепции коммуникативно ориентированных учебников русского языка. УЗ ТартуГУ, Тарту, 1988, вып. 797, 3–14.*
- Метса, Алликметс 1988 — А. Метса, К. Алликметс. *Коммуникативно ориентированный учебник — каков он? Теория и практика создания коммуникативно ориентированных индивидуализированных учебников русского языка. (Тезисы докладов и сообщений международной конференции)*. Таллин, 1988, 176–179.
- Родима, Мати́на, Дули́ченко, Ивко, Тийтс 1988 — А. Родима, М. Мати́на, Л. Дули́ченко, М. Ивко, И. Тийтс. *Пособие для студентов гуманитарных специальностей*. Таллин: Валгус, 1988, 270 с.
- Vissak 1996 — H. Vissak. *Eesti-vene, vene-eesti juriidiline sõnastik. Abiks juristile*. Tartu: TÜ, 1996, 168 lk.
- Vissak 1997 — H. Vissak. *Vene keel juristidele*. Tallinn: Juura, 1997, 399 lk.
- Vissak 1998a — H. Vissak, J. Vissak. *Eesti-vene, vene-eesti kinnisvarasõnastik*. Tallinn: Juura, 1998, 142 lk.
- Vissak 1998b — H. Vissak, J. Vissak. *Eesti-vene, vene-eesti töösuhete sõnastik/Эстонско-русский, русско-эстонский словарь трудовых отношений*. Tallinn: Juura, 1998, 222 lk.
- Vissak 1999 — H. Vissak, J. Vissak. *Eesti-vene-eesti suur õigussõnaraamat/Эстонско-русско-эстонский большой юридический словарь*. Tallinn: Juura, Õigusteabe AS, 1999, CD.
- Vissak 2000a — H. Vissak. *Vene keele grammatika lühikursus juristidele*. Tartu: TÜ, 2000, 64 lk.
- Vissak 2000b — H. Vissak. *Vene-eesti, eesti-vene vestmik-sõnastik/Русско-эстонский, эстонско-русский разговорник-словарь*. Tallinn: Õstada, 2000, 356 lk.

- Vissak 2000c — H. Vissak, J. Vissak. *Eesti-vene-eesti õigussõnaraamat. I–II*. Tallinn: Estada, 2000 (I, 758 lk; II, 848 lk.).
- Vissak 2000d — H. Vissak. *Väike eesti-vene ja vene-eesti majandussõnastik/Малый эстонско-русский и русско-эстонский экономический словарь*. Tallinn: Estada, 2000, 127 lk.
- Vissak 2001a — H. Vissak. *Eesti-vene-eesti politseivestmik/Эстонско-русско-эстонский разговорник для полицейских*. Tallinn: Estada, 2001, 183 lk.
- Vissak 2001b — H. Vissak. *Väike eesti-vene ja vene-eesti majandussõnastik ning ettevõtlussõnastik/Малый эстонско-русский и русско-эстонский экономический словарь и словарь по предпринимательству*. Tallinn: Estada, 2001, 255 lk.
- Vissak 2002 — H. Vissak. *Väike juriidiline suhtlemissõnaraamat. Eesti-vene, vene-eesti/Краткий юридический словарь делового общения. Эстонско-русский, русско-эстонский*. Tallinn: Vurtonet, 2002, 163 lk.

Эрика-Оксана Хааг
Tartu

О СИНТАКСИСЕ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ В ДЕРПТЕ В XIX ВЕКЕ

История славистики в Тарту в XIX в. – преподавание русского языка и вопросы синтаксиса – синтаксис в учебных пособиях

Зарождению и развитию русистики в Дерпте (Тарту) на протяжении XIX в. способствовало стремление царских властей укрепить позиции русского языка во всех общественных сферах. Особое внимание уделялось вопросам преподавания русского языка. Однако, несмотря на неоднократные распоряжения об усилении преподавания, в первой трети XIX в. требования об обязательном изучении русского языка практически не выполнялись.

Все учебные заведения Прибалтики, кроме сельских народных школ, были включены в состав Дерптского учебного округа, поэтому по состоянию дел в округе в какой-то мере можно судить о положении дел в Прибалтике в целом.

Русские классы в гимназиях в указанный период были пусты, что объяснялось, с одной стороны, нежеланием остзейцев учиться русскому языку, с другой стороны, слабым уровнем его преподавания.

Проблемы создавало и отсутствие необходимых учебных пособий. Поскольку в то время было принято вместо программы обозначать содержание излагаемого курса указанием на пособие, по которому курс составлен, учебник играл особую роль в учебном процессе (Исаков 1973, I, 15–25). В качестве учебных пособий в гимназиях начала XIX в. использовались различные хрестоматии и грамматики, напр., хрестоматии Г. А. Глинки, И. С. Фатера, А. В. Таппе.

К середине XIX в. намечается прогресс в преподавании русского языка: возрастает количество учебников и хрестоматий для чтения, у преподавателей появляется возможность выбора учебных пособий. Одним из условий освоения языка является знакомство с его синтаксической системой, с правилами по-

строения предложений; в учебном процессе преподавания русского языка синтаксис постепенно начинает выделяться в особую дисциплину.

«Обозрение лекций в Имп. Дерптском университете» свидетельствует о том, что практически до конца XIX в. синтаксис читался в общем курсе русской грамматики (Обозрение 1867). Проф. Г. А. Глинка читал курс русского языка по грамматике, изданной Академией наук в С.-Петербурге в 1802 г. В период с 1814 по 1820 гг. проф. А. Ф. Воейков предпринимает попытку вести «Синтаксис» отдельным курсом. Курсы по русской грамматике читал проф. В. М. Перевошиков (Левицкий 1903, 349–354). С 1830 по 1836 гг. кафедра русского языка и словесности университета была вакантной и экзаменовали студентов лекторы А. В. Тихвинский, И. Я. Павловский (Исаков 1973, I, 44). В 1881 г. приват-доцент А. А. Соколов читал «Русскую грамматику сравнительно с древнеславянским языком» и курс русского языка. В 1884, 1886, 1889, 1893 гг. И. А. Бодуэн де Куртенэ проводил занятия по «Русской грамматике», в 1888 г. читал «Сравнительную грамматику русского языка». В 1889 г. доц. Л. Г. Мазинг занимался со студентами упражнениями по русской грамматике, в 1889 г. читал курс «Пояснения к русской грамматике». Работавшие в конце XIX в. в Дерпте преподаватели внимательно следили за новейшими исследованиями по языкознанию того времени. В 1885 г. Бодуэн де Куртенэ вел со студентами беседу о сочинении В. фон Гумбольдта «Über die Verschiedenheiten des menschlichen Sprachbaues», с 1890 по 1892 гг. вместе с доц. Мазингом вел «Беседу о новых трудах по языковедению» (Обозрение 1867). Отдельным курсом синтаксис вводится только в 1894 г., когда проф. А. С. Будилович читает «Обозрение русского синтаксиса в сравнении с другими диалектами».

В программу гимназий синтаксис входит уже к середине XIX в. Напр., по утвержденному в 1849 г. учебному плану во втором классе Тартуской гимназии введен 1 час синтаксиса (и упражнений) (Исаков 1973, I, 74). Специальной комиссией, состоявшей из учителей и университетских преподавателей, для 3 класса рекомендована грамматика Н. И. Греча (раздел «Синтаксис») (Исаков 1973, I, 87).

Появляются и местные учебные пособия, ориентированные прежде всего на нужды гимназий и школ. В 1838 г. был издан учебник И. Я. Павловского «Russische Sprachlehre für Deutsche», в котором автор следует за Гречем и А. Х. Востоковым, выделяет «Синтаксис» как один из разделов русской грамматики.

Синтаксис в указанный период, в соответствии с ранней лингвистической традицией эпохи универсальных грамматик,

рассматривался как учение о способах выражения мысли и содержал описание предложения и его частей. В грамматиках категории синтаксиса определялись по их способности выражать категории логики. Предложение рассматривалось как языковое выражение суждения: подлежащее — субъекта, сказуемое — предиката, сложное предложение — умозаключения.

В 1847 г. в Ревеле (Таллин) в рамках указанного подхода И. М. Николич издает пособие «Синтаксис русского языка, составленный сравнительно с языком немецким». Эта книга была несколько раз переиздана, что говорит о ее популярности.

В начале работы автор дает понятие синтаксиса, определяет виды предложений: простые подразделяет на распространенные и нераспространенные, сложные — на слитные, составные и многосложные (периоды), далее раскрывая эти понятия. Исследователями работ Николича (см., напр.: Щаднева 1996, 90) уже отмечалась актуальность сведений, проводимых им в «Синтаксисе» и для современного носителя языка, напр., о согласовании подлежащего со сказуемым в роде, числе и падеже (Николич 1847; цит. по изд.: Николич 1870, 17), понятие о вводных конструкциях (Николич 1870, 80) и др. Обращают на себя внимание попытки Николича объяснить значение и особенности употребления отдельных языковых средств, напр., союзов:

«Союзы *то...то* показывают попеременность, а союз *и* означает современность» (Николич 1870, 94).

Изложение научного материала в работе довольно последовательное, логичное, но, вероятно, слишком подробное и детализированное, и потому сложное для гимназистов того времени.

Учебник Николича, предназначенный для практического изучения языка, снабжен разделом о правописании и знаках препинания. Каждая часть пособия сопровождается текстами для упражнений на немецком и русском языках в сопоставлении. Понимая важность связи языка и литературы в процессе обучения, Николич приводит примеры из произведений русских классиков — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, В. А. Жуковского, в специальном разделе о русском стихосложении дает образцы русских стихотворных размеров.

В последующих переизданиях, по свидетельству самого Николича (см. предисловие: Николич 1870, 1), многое заимствуется из вышедшего в 1866 г. «Русского синтаксиса, изложенного сравнительно с немецким» С. Н. Шафранова и «Русской грамматики» Ф. И. Буслаева.

С середины 1870 г. число учебников, разрешенных к использованию в учебных заведениях Дерптского округа, резко возрастает (Исаков 1974, II, 149). В начале 1880-х гг. учебник синтаксиса Николича в гимназии сменяет изданный в 1877 г. в

Либаве «Синтаксис русского языка для употребления в гимназиях Дерптского учебного округа», составленный Н. И. Ленстремом. Эта книга, гораздо меньше по объему («Синтаксис» Николича занимает 142 страницы, пособие Ленстрема — меньше 80 страниц), двуязычная, с дословным параллельным переводом всех объяснений и примеров на немецкий язык. Примеры, чаще поэтические, взяты из художественной литературы: напр., полностью приводится стихотворение М. Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива».

Учебное пособие Ленстрема тоже несколько раз переиздавалось и, вероятно, было более приспособлено для нужд преподавания, чем учебник Николича, так как представляет собой попытку системного изложения теоретических сведений. Н. И. Ленстрем больше внимания обращает на проблемы перевода значений различных слов и конструкций с немецкого языка на русский, напр., на проблемы перевода указательных местоимений, на отличия в немецком и русском языках в отрицании при сказуемом (Ленстрем 1885, 2–0).

Довольно удачным является приложение к работе, в котором даны наиболее употребительные (обозначающие названия частей тела) идиомы русского языка. В то время как в книге Николича список идиом представляет собой приводимые вразброс несколько фраз, Ленстрему удается группировать их по ключевому признаку (Ленстрем 1885, 75).

В учебно-методическом отношении в пособии Ленстрема ощущается воздействие известного составителя русских хрестоматий Е. В. Козина, в работе Николича видно влияние идей русских педагогов, напр., А. Д. Галахова (Исаков 1973, I, 113). Это говорит о том, что в Прибалтике внимательно следили за последними достижениями в области педагогики.

Таким образом, в указанный период в Дерптском учебном округе господствовал переводно-грамматический метод изучения русского языка, пособия по синтаксису издавались преимущественно усилиями учителей гимназий, а не преподавателей университета, и — для нужд средних учебных заведений.

В теоретическом плане они не представляли чего-то нового по сравнению с «Русской грамматикой» Ф. И. Буслаева и другими логико-философскими грамматиками того времени, а интересны для контрастного описания русского синтаксиса, в частности, в сравнении с немецким. С другой стороны, в указанных книгах намечаются элементы функционального и объяснительного описания языка, что затем получило глубокое и полное отражение в классических работах по синтаксису русского языка А. А. Шахматова и А. М. Пешковского. Заметим,

что, несмотря на противодействие логическому направлению, в современном языкознании оно возрождается, но на другом уровне, напр., основой простого предложения признается субъектно-предикатная структура предложения независимо от ее выражения (т. е. подлежащее может выражаться не только именительным падежом существительного).

ЛИТЕРАТУРА

- Исаков 1973–1974 — С. Г. Исаков. *Русский язык и литература в учебных заведениях Эстонии XVIII–XIX столетий. Ч. I–II.* Тарту, 1973–1974.
- Левицкий 1903 — Г. В. Левицкий. *Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1802–1902). Т. 2.* Юрьев, 1903.
- Ленстрем 1885 — Н. И. Ленстрем. *Синтаксис русского языка для средних учебных заведений Дерптского учебного округа.* Либава, 1885.
- Николич 1847–1870 — И. М. Николич. *Синтаксис русского языка, составленный сравнительно с языком немецким.* Ревель, 1870; 1-е изд.: Дерпт, 1847.
- Обозрение 1867 — *Обозрение лекций в Имп. Дерптском университете.* Дерпт, 1867.
- Щаднева 1996 — В. П. Щаднева. *Страничка истории дерптской русистики середины XIX в. (Иван Михайлович Николич и его исследования русской грамматики).* Национальный Комитет славистов Эстонии 1996. Тарту, 1996, 89–91.

Галина Михайловна Пономарева
Tartu

СТУДЕНТЫ СЛАВЯНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1919–1944)

Из истории славянского отделения Тартуского университета – состояние славянской филологии в 1919–1944 гг. – состав студентов, их быт и занятия – перспективы выпускников славянского отделения

Общеизвестно, что изучение русской и славянской филологии занимало в Тартуском университете в межвоенный период скромное место. Но в это время в университете работало много крупных славистов: Л. Мазинг, М. Фасмер, А. Стендер-Петерсен, П. Арумаа. О них писали достаточно много, но практически почти ничего неизвестно о студентах, учившихся в Тартуском университете в 1920–1930-е гг. В статье Б. В. Правдина «Русская филология в Тартуском университете», написанной в сталинское время, в 1952 г., этому периоду уделено всего 2 страницы. Правдин работал в Тартуском университете лектором русского языка с 1919 по 1940 г. и прекрасно знал обстановку, но в своей тенденциозной статье он утверждал, что за межвоенный период «не было написано ни одной магистерской работы по русской филологии» (Правдин 1954, 162). В совместной статье с Т. К. Шор «Сергей Штейн: миф и реальность» (Пономарева, Шор 1999, 327) мы показали, что на самом деле за это время было защищено 7 магистерских работ.

Изучение истории отделения русской и славянской филологии межвоенного периода было начато в 1997 г. Под руководством проф. Л. Н. Киселевой приступили к проекту «История отделения русской и славянской филологии. 1. 1918–1930», финансируемому Тартуским университетом. В него входили руководитель гранта, три магистранта (К. Раннику, Т. Троянова, Э.-О. Хааг) и я. Магистранты просматривали хранящиеся в Эстонском Историческом Архиве (ЭИА) дела студентов, учившихся с 1919 по 1940 г., и составили их список. Был также сделан список преподавателей, работавших на отделении в

этот период, составлен перечень тех предметов, которые они читали, выявлены фамилии студентов, посещавших эти лекции. Была составлена и библиография литературы по истории отделения. Г. Пономаревой и Т. Шор (не входившей в грант) были опубликованы на русском и хорватском языках три статьи о преподавателе отделения, приват-доценте С. В. Штейне и прочитаны два доклада на русском и эстонском языках. В 1998 г. была подана заявка на грант в том же составе, но получен отказ. В моей статье использованы некоторые данные, взятые из грантового отчета (Aastaaruanne 1998).

«Отделение славянской филологии должно было готовить учителей для школ. В Эстонии в 1920–1930-е гг. русское население составляло 92 тысячи населения. В Эстонии было около 100 русских начальных школ (в основном в деревнях), в Нарве, Тарту, Таллине были русские гимназии, а в Печорах — русское отделение в эстонской гимназии. В 1920-е гг. было много маленьких частных русских гимназий и в других городах, которые закрылись в 1930-е гг. Выпускники Тартуского университета работали в основном в русских школах, поскольку с 1923 г. в эстонских школах русский язык не изучали. Правда, в некоторых гимназиях и торговых школах русский язык изучали в качестве второго или третьего иностранного языка. В первой половине 1920-х гг. русские школы в Эстонии были переполнены, поскольку там учились не только русские, но и дети эстонских опантов (репатриантов), русских евреев. В 1930-е гг. найти работу в школе или в училище было уже сложно. По газетным данным, русский язык в Эстонии, включая средние русские школы и два русских профессионально-технических училища в Нарве и Таллине, изучали только 4 тысячи учащихся» (Вести дня 1938).

В 1933 г. в газете «Вести дня» была опубликована серия статей «Из жизни студентов». Одна из них посвящена филологам, А. Соколов с грустью подытоживает:

«Главной целью отдела славянской филологии, кроме научной работы, является подготовка кадров преподавателей русского языка в средние учебные заведения. За последние годы число таких будущих учителей сильно упало. Все меньше шансов на получение службы по окончании университета» (С[околов]1933, 2).

В 1920–1930-е гг. это было единственное отделение в университете, где все обучение проходило на русском языке. В университете учились студенты не только из Эстонии, но из Латвии и Финляндии, но славянскую филологию изучали только жители Эстонии. Среди них были русские, эстонцы, немцы, евреи, финны, но преобладали все же русские.

«В море бесчисленных университетских кафедр, лекторов, семинаров и практик есть небольшой островок, служащий приютом группе студентов почти исключительно русской национальности. Это — отдел славянской филологии, одна из отраслей философского факультета» (там же).

Отделение славянской филологии не было большим. В статье «Из жизни студентов» сообщалось:

«Всего изучающих славянскую филологию наберется человек пятнадцать — из них только двое нерусских» (там же).

Конечно, славянскую филологию, как и сейчас, изучали в основном девушки. В межвоенный период 70% студентов в Тартуском университете были мужчины. Но славянское отделение, как и философский факультет в целом, было исключением. А. Соколов писал не без юмора: «Не беритесь за славистику», советует новичку старый студент, «Это — женское дело. Нашему брату не подходит» (там же). На фотографии празднования Нового года вместе с преподавателями, опубликованной как приложение к воспоминаниям В. В. Шмидт, представлены 14 девушек-слависток и отсутствует единственный юноша А. Райд. Студентами отделения в основном были выпускники русских гимназий в Тарту, Таллине, Нарве, Печорах, но были и выпускники эстонских и немецких гимназий (напр., знаменитой Домской гимназии) Эстонии. По вероисповеданию они были православными, старообрядцами, лютеранами, католиками и т. д. Среди них были дети врачей, пасторов, чиновников, офицеров, рабочих, крестьян. Часть студентов родилась в России — Петербурге, Москве, Псковской области. Было много студентов из смешанных семей с отцом-эстонцем и русской матерью. Часто это были семьи опантов (репатриантов), вернувшихся в Эстонию в 1920-е гг.

По данным, приведенным в трехтомной «Tartu Ülikooli ajalugu» («Истории Тартуского университета»), от платы за обучение было освобождено лишь 13–20% студентов. Стипендию получали 2,6–3,5%. Общежитий не было, поэтому студенты должны были сами искать себе жилье. Обычно студенты летом подрабатывали. Юноши работали на лесопилках, мостили дороги. Девушки занимались репетиторством и работали в деревнях на летних площадках для детей, которые устраивал Союз русских просветительных и благотворительных обществ (Üliõpilaskond 1982, 58–66).

Студенты-слависты в Эстонии не были оторваны от России, потому что, живя в Эстонии, они могли собирать русский фольклор и диалекты. Соколов писал:

«Летом у них поставлена интересная и живая задача по сбору фольклора. В поисках его студентам приходится обходить русские деревни, участвовать в сельских празднествах, гуляньях. Сводить знакомство со старожилами деревень, записывать поговорки, сказанья, песни. Больше всего материал дают частушки.

*У Егора сад на горе   Он не ходит, губу сжавши,
Вишенья раскинувши,   Ходит рот разинувши.*

Такого рода 'академическую' работу прочитывает осенью внушительный, строгий профессор-специалист» (С[околов]1933, 2).

В. В. Шмидт вспоминала об одной из студенток, Людмиле Столейковой:

«Она оставила большой материал по фольклору, который собирала летом среди жителей Печерского края — тогда было еще много неграмотных сказительниц, известных певуний и сказочниц. Мы, филологички, по инициативе П. Аристе подрабатывали этим, т. к. тогда за собранные тексты нам платили. В материалах был в 1930-е годы заинтересован и Литературный музей» (Шмидт 1999, 292–293).

У самой Шмидт интерес к фольклору сохранился и в 1950-е гг., как отмечает Л. Н. Киселева в комментариях к ее воспоминаниям. В 1956 г. в сборнике «Пушкин: исследования и материалы» она опубликовала статью «Новая запись песни 'Разбойники и сестра'». А. Соколов так описывал преподавание языков на отделении:

«Изучают слависты целый ряд языков в их историческом развитии — чешский, сербо-хорватский, русский и, как основу всего, — древне-болгарский (древнеболгарским языком тогда называли старославянский. — Г. П.). 'Како живеше, друже? Почнешь ли ныне фонетику учить?' — разговаривают иногда славистки, увлекшись разбором старинных форм» (Соколов] 193, 2).

У студентов, успешно изучавших славянские языки, была возможность поехать на стажировку в славянские страны. Напр., в Польшу ездили углубленно занимавшиеся польским языком А. Райд, К. Пецольд и ряд других студентов.

Студенты-слависты проходили педагогическую практику. А. Соколов писал:

«Завершением занятий филолога-слависта являются пробные уроки в гимназии в присутствии многих экзаменаторов. 'Новоиспеченный' молодой преподаватель, запинаясь и робея, излагает перед учениками биографию Жуковского. Класс скептически слушает, а маститая профессура, следя за его рассказом, отмечает все достоинства и недостатки юного педагога. После пробных уроков — 'alma mater' позади» (Соколов] 1933:2).

В фонде ЭИА, связанном с Тартуским университетом, сохранились отчеты студенток о педагогической практике. Наиболее интересен отчет Марии Соколовой (Сорк) о педагогической практике в Тартуском колледже. Из него можно получить сведения о колледже, открытом в 1937 г. на базе вечерней гимназии. В тот период это было единственное учебное заведение в Эстонии, где русский язык изучался в качестве первого иностранного (Sokolov, 1939).

Для славянских филологов важно не только изучение истории литературы, но и общение с живыми писателями. Возможность такого общения у них была. В Тарту неоднократно приезжал И. Северянин, друживший с Б. В. Правдиным. Он

участвовал в заседаниях руководимого Правдиным «Юрьевского цеха поэтов», куда входили и студенты-слависты, пишущие стихи. Но наиболее важным был приезд в 1938 г. лауреата Нобелевской премии И. А. Бунина. С писателем переписывалась одна из студенток-слависток Шмидт, бережно сохранившая его письма и опубликовавшая воспоминания о нем. В Тарту жили и преподаватели, хорошо знавшие писателей. Таким образом, возникала литературная атмосфера. Напр., юрист А. П. Мельников был младшим сыном писателя П. Мельникова-Печерского. Он часто выступал с воспоминаниями о своем отце и написал о нем небольшую статью (Мельников 1933, 71–74). С. В. Штейн был женат на сестре А. Ахматовой Инне, переписывался с молодой Ахматовой. Сестра Штейна Наталья была женой сына И. Анненского Валентина. Штейн был знаком с Анненским, знал и А. Блока.

Если сейчас студенты могут выбрать две специальности, то в межвоенный период студенты могли выбрать до 4-х специальностей. Университет нужно было закончить за 5 лет, но у многих это время растягивалось на более продолжительный срок. По наблюдениям В. В. Шмидт, «вовремя сдавали экзамены и продвигались вперед скорее всего те, кому было трудно материально» (Шмидт 1999, 290). Н. И. Пановская, поступившая в университет в 1930 г., вспоминала:

«Наши филологички были народ серьезный. Приходилось очень много учиться» (Приложение 1997, № 3, 181).

Иногда после окончания университета студентки работали по двум специальностям одновременно. Напр., М. Скворцова-Сарниит уже в послевоенные годы преподавала одновременно в Эстонской сельскохозяйственной академии русский и английский языки. Она была автором учебных пособий по английскому языку для студентов сельскохозяйственных вузов.

По официальным данным, с 1919 по 1940 гг. в Тартуском университете училось 812 русских студентов. Многие из них были членами русских студенческих организаций. Студенты-слависты чаще всего были членами «Русского студенческого общества» (далее — ОРС). Общество давало спектакли и концерты, устраивало елки для детей и на вырученные деньги вносило за беднейших членов ОРС плату за учебу в университете. Помогало ОРС и тем, кто был освобожден от платы за учебу. Н. А. Сахарова вспоминала:

«Первый семестр я сдала досрочно и была освобождена от платы за учебу. Но денег не хватало. И я давала уроки, а также получала ссуду из общества» (Приложение, 1977 № 3, 182).

Студенты-филологи активно участвовали в «воскресниках», проводимых ОРС. Напр., 9 февраля 1930 г. на одном из «вос-

кресников» студент Аполлоний Чернов прочел доклад «О формальном методе в литературоведении». Естественно, что «ОРС» нужны были свои поэты. Студентка Елизавета Роос-Базилевская была автором юбилейных стихов к 5-летию ОРС «Юбилей» и 10-летию ОРС «Обществу — привет!» и связанной с этим же юбилеем заметки «Кожаный альбом».

Некоторые девушки из более обеспеченных семей входили в русскую женскую корпорацию «Sororitas Oriens» (напр., Маргарита Лензин).

Эстонцев на отделении было мало, но, безусловно, самым ярким студентом за 25 лет истории славянского отделения был эстонец Виктор Террас. Родители Терраса были оптанты, переехавшие в 1920 г. из Петрограда, поэтому в семье знали русский язык. Террас родился в 1921 г. в Пыльтсамаа, окончил в 1938 г. гимназию Густава-Адольфа в Таллине и поступил учиться в Тартуский университет на философский факультет. Он изучал в университете славянскую и германскую филологию, индоевропейское языкознание, античную филологию. За 3 года он закончил университет и через год, в 1942 г., защитил магистерскую диссертацию по языкознанию. В интервью Террас говорил, что «всему, что он знает, он научился в Тартуском университете» (Terras 1997, 9).

Своим учителем он считал проф. П. Арумаа, занимавшегося сравнительным языкознанием в области индоевропейских языков (Terras 1985, 215–216). Террас утверждал, что на философском факультете Тартуского университета был очень высокий уровень и очень суровые требования. Он был благодарен за это Тартускому университету. Во время войны Террас в течение года работал лектором древних языков, а затем был мобилизован в немецкую армию. Видимо, именно о нем, как о составителе краткого эстонско-русского словаря, пишет ак. Й. В. Вески (Veski 1974, 294). Он не упоминает имени Терраса и пишет его фамилию с одной буквой «р». Я проверила по списку студентов. С такой фамилией были лишь два студента: теолог и экономист. Но они вряд ли бы стали составлять словарь. Террас был эмигрантом и упоминать его фамилию было опасно даже академику. В 1944 г. основная часть словаря была готова, но рукопись погибла в квартире Вески во время пожара. В 1952 г. Террас переехал из Германии в США. Там он сначала был фабричным рабочим, а затем поступил в аспирантуру. Террас работал во многих американских университетах. Он автор нескольких книг о Достоевском, занимался Белинским, Маяковским. Террас — полиглот. Он владеет всеми славянскими языками и читает на всех европейских языках. Хотя Террас много лет живет в эмиграции, он связан не

только с русской, но и эстонской литературой. В 1975 г. он написал книгу об эстонском поэте Алексисе Ранните. Ученый постоянно рецензирует книги, выходящие на эстонском языке.

Среди студентов, учившихся в Эстонии в межвоенный период и оставшихся жить в Эстонии, наиболее известна Татьяна Филаретовна Мурникова-Пруссакова (Киселева 1998, 115–117). Она не защитила диссертации, но была крупнейшим диалектологом Прибалтики. Окончив в 1931 г. Таллинскую русскую городскую гимназию, она 6 лет училась в Тартуском университете (в 1937 г. получила диплом с отличием). Несколько лет она преподавала в школах Таллина. С 1944 по 1947 гг. работала преподавателем русского языка в Таллинском техническом университете. С 1947 г. Татьяна Филаретовна — преподаватель кафедры русского языка Тартуского университета. Она читала русским филологам лекции по диалектологии, ездила с ними на диалектологические и фольклорные практики. Мурникова родилась в 1913 г. в Причудье и была старообрядкой. Ее муж был наставником в молельне. В 1963 г., когда ее преследовали за религиозные убеждения, она перешла на кафедру русской литературы, но не отказалась от своей веры. На кафедре русской литературы она читала лекции по методике литературного чтения и руководила педагогической практикой. Очень много для Мурниковой сделал Ю. М. Лотман. Именно он взял ее на кафедру в 1963 г., добился для ее семьи квартиры. Имя Мурниковой неоднократно встречается в письмах Лотмана к Б. А. Успенскому. Он консультировался у Татьяны Филаретовны по вопросам, связанным со старообрядчеством.

Среди студентов межвоенного времени необходимо отметить Александра Райда (Teder [2000], 435–436), ставшего наиболее известным в Эстонии переводчиком со славянских языков. Райд учился в Тартуском университете с 1934 по 1940 гг. Он изучал польский и чешский языки. В 1936 и в 1938 гг. Райд ездил стипендиатом в Краков и Варшаву. Шмидт вспоминала о нем:

«Отличался он большой кропотливостью и усердием в работе, много занимался польским» (Шмидт 1999, 291).

В 1943 г. Райд защитил магистерскую диссертацию «Польская художественная литература в переводах на эстонский язык». В 1946 г. эта магистерская была засчитана как кандидатская, но аннулирована в 1949 г. Райд работал на кафедре балтославянской филологии Тартуского университета в 1940–1941 гг. и осенью 1944 г. С 1944 по 1949 гг. он преподавал русский язык в Тартуском художественном институте. Во время чисток его сняли с работы, поскольку в 1941 г. он служил в немецкой армии. Райд перевел много произведений с польского, чешского

и русского языков. Был составителем «Чешско-эстонского словаря» (совместно с С. В. Смирновым) и «Польско-эстонского словаря». Посмертно был издан наиболее значительный его перевод «Пана Тадеуша» А. Мицкевича.

Возраст студентов был неодинаков. Среди студентов-славистов были как только что окончившие гимназию девушки и юноши, так и уже известные люди.

Одним из них был Бернард Линде (1886–1954) — литературовед, прозаик, эссеист и переводчик. Линде входил в редколлегия ряда эстонских журналов, основал несколько издательств. Начав литературную деятельность в 1905 г., Линде опубликовал много публицистических статей, рецензий, переводов. Линде уже учился на историко-филологическом факультете Юрьевского университета с 1908 по 1915 гг. В 1925 г. он продолжил учебу в Тартуском университете на философском факультете и окончил его в 1927 г. по специальности «славянская филология». После этого он выпустил несколько справочных изданий, касающихся разных европейских стран. Среди них есть книги о Польше и Чехословакии. Линде переводил произведения польских и чешских писателей, напр., Реймонта, Гашека. В 1940–1941 и в 1944–1949 гг. он преподавал русский язык в Таллинском техническом институте. В 1968 г. в «Трудах по русской и славянской филологии» С. Г. Исаковым были опубликованы интересные воспоминания Линде «Встречи с русскими писателями» (Линде 1968).

На отделении учился студент Дмитрий Цветков, который, окончив Тартуский университет по славянскому отделению и защитив в 1928 г. магистерскую диссертацию «Путь исканий истины Львом Толстым», оставил след в науке не как русский филолог, а как специалист по финно-угроведению. Он был воедь по национальности. В его некрологе в газете «Старый Нарвский листок» (далее — СНЛ) (Цветков покончил жизнь самоубийством в 1930 г.) отмечалось:

«Покойный хорошо знал угро-финские наречия местных финских народностей Ингерманландского края и в этой области имел ценный труд по составлению словаря этих наречий и грамматики вотьского языка» (СНЛ 1930).

О Цветкове писал академик П. Аристе (Ariste 1936, 370–373). О нем как о талантливом ученом вспоминал известный финно-угровед Л. Кеттунен, работавший в 1920-е гг. в Тартуском университете. Кеттунен сделал копию составленного Цветковым словаря и им пользовались финские ученые (Kettunen [1960], 166, 187). В 1995 г. в Финляндии был издан словарь вотьских диалектов «*Vatjan kielen joenperän murteen sanosto*», составленный Д. Цветковым.

Несколько студентов отделения славянской филологии были поэтами. Соколов вспоминает, что когда-то, «в седой древности», славистику изучал «известный академическому миру Б. Тагго-Новосадов» (С[околов] 1933, 2). Он успел до войны выпустить два сборника стихов — «Шершавые вирши» и «По следам бездомных Аонид». Г. Струве в книге «Русская литература в изгнании» выделяет его имя среди русских поэтов Эстонии (Струве 1984, 366). Тагго-Новосадов был талантливым критиком. Он сотрудничал как в русских, так и в эстонских журналах. Отделение окончила и поэтесса Елизавета Роос-Базилевская (Круус 1989; Kruus 1989). Она написала магистерскую диссертацию о поэзии А. Ахматовой под руководством С. В. Штейна. Правда, научный уровень ее работы был не очень высок. В ее стихах чувствуется влияние поэзии Ахматовой. В 1936 г. она выпустила сборник стихов «Домик у леса». Имя Веры Запольской-Кореневой, учившейся на отделении в 1920-е гг., мало известно как поэтессы, хотя в 1940 г. ее стихотворение «Мать» было отмечено премией на литературном конкурсе. Ее больше знают как гражданскую жену поэта И. Северянина.

В послевоенное время в Тартуском университете преподавали русский язык бывшие студентки межвоенного времени: В. В. Шмидт, Е. А. Белоусова, М. А. Бежаницкая. Е. Тигане была долгие годы библиографом в библиотеке им. Крейцвальда в Таллине.

В трудное положение попали студенты, окончившие университет в период немецкой оккупации. В советское время их дипломы были признаны недействительными и им пришлось оканчивать университет второй раз уже после войны. Среди них была В. В. Шмидт. Были и такие студенты, которые начали учиться еще до войны, но окончили университет уже в советское время. Это сын Б. В. Правдина Олег Правдин, Елена Шоттер-Панова.

Часть выпускников отделения уехала на Запад в конце 1930-х гг. или во время войны. Это Верцинская-Аренбургер, преподававшая русский язык в частной торговой школе в Таллине, поэтесса Е. Роос-Базилевская и др. Среди бывших студенток-славистов, уехавших на Запад, литературоведом стала Ольга Николаевна Громова-Сорокина. Она окончила Тартускую русскую гимназию. Изучала сначала химию, а затем перешла на философский факультет. В 1944 г. она уехала в Германию, оттуда переехала в США. Она является автором диссертации об И. Шмелеве, защищенной в Беркли в 1965 г.

Подводя итоги, jnvtxe, что студенты-слависты межвоенного времени оказались между Западом и Востоком. Часть из них

реализовала себя в Советской Эстонии. Линде был арестован и несколько лет провел в лагере, Райд был вынужден уйти с преподавательской работы, его диссертацию аннулировали, Мурникова должна была перейти с кафедры русского языка на кафедру русской литературы. За 1920–1930-е гг. выросло первое поколение эстонцев-славистов: Арумаа и его лучший ученик Террас, но они вынуждены были покинуть родину.

Просматривая русскую периодику Эстонии, я обратила внимание на то, что в межвоенный период очень много писали о русских отделениях Таллинского педагогического университета, готовивших народных учителей для начальных школ в 1930-е гг. Об этом отделении постоянно заботился Союз русских просветительных и благотворительных обществ: выделялись стипендии, выдавали льготные билеты в театр. Союз передал им библиотеку. Ничего подобного не было сделано в отношении славянского отделения. Оно было как бы ничьим. Русскую общественность оно не интересовало, а на философском факультете были заинтересованы в первую очередь в укреплении финно-угорских кафедр. Это и обусловило скромное положение отделения в 1920–1930-е гг.

ЛИТЕРАТУРА

- Вести дня 1938 — *Русскому языку обучается около 4.000 учащихся.*
Вести дня, Таллин, 1938, № 217, 23 сент.
- Исаков 1996 — С. Г. Исаков. *Борис Христианович Тагго-Новосадов Он же.* Русские в Эстонии. 1918–1940. Историко-культурные очерки. Тарту: Кому, 1996, 356–359.
- Киселева 1998 — Л. Киселева. *Парадоксы одной биографии. О Татьяне Филаретовне Мурниковой.* Вышгород, Таллин, 1998, № 3, 115–117.
- Круус 1989 — Р. Круус. *Елизавета Роос-Базилевская.* Радуга, Таллин, 1989, № 11, 36–40.
- Линде 1968 — Б. Линде. *Встречи с русскими писателями [Пер. и прим. С. Исакова].* Труды по русской и славянской филологии XIII: Горьковский сборник. Тарту, 1968, 20–30.
- Мельников 1933 — А. П. Мельников. *П. И. Мельников-Печерский. (К 50 летию смерти).* День Русского просвещения (Вестник Союза русских просветительных и благотворительных обществ), Таллин, 1933, май–июнь, № 5–6, 71–74.
- Пономарева [1996] — Г. Пономарева. *Б. Тагго-Новосадов в газете «Новое время».* Балтийский архив. Т. 1. Таллин: Авенариус, [1996], 252–260.
- Правдин 1954 — Б. Правдин. *Русская филология в Тартуском университете.* УЗ ТартуГУ, 1954, вып. 35, 130–164.
- Приложение 1977, № 3 — *Запись воспоминаний членов Обществурусских студентов при Тартуском университете.* Б. А. Гольдман.

- Литературная и культурная деятельность русских студенческих организаций в Тарту в 1920–1930-ые гг. Дипломное сочинение. Тарту, 1977 (рукопись).
- Пономарева, Шор 1999 — Г. Пономарева, Т. Шор. *Сергей Штейн: миф и реальность*. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение III. К 40-летию «Тартуских изданий». Тарту, 1999, 317–331.
- СНЛ 1930 — † *Магистр филологии Д. П. Цветков*. Старый Нарвский листок, 1930, № 95, 28 авг.
- С[околов] 1933 — А. С[околов]. *Из жизни студентов*. Вести дня, Таллин, 1933, № 198, 25 авг.
- Струве 1984 — Г. Струве. *Русская литература в изгнании*. Paris: YMCA-PRESS, 1984.
- Шмидт 1999 — В. Шмидт. *Из воспоминаний об Обществе русских студентов*. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение III. К 40-летию «Тартуских изданий». Тарту, 1999, 274–301.
- Aastaaruanne 1998 — *Aastaaruanne 1997*. Tartu Ülikooli vene ja slaavi filoloogia ajalugu. 1. 1918–1930. Tartu, 1998 (käsikiri/рукопись).
- Ariste 1936 — P. Ariste. *Dimitri Tsvetkov. Ühest vadja haritlasest*. Eesti kirjandus, Tartu, 1936, № 8, august, 370–373.
- Kettunen [1960] — L. Kettunen. *Matkapakinoita ja muita muistelmia. 1925–1960*. Helsinki, [1960].
- Kruus 1989 — R. Kruus. *Ahmatova-magistritöö*. Edasi, Tartu, 1989, № 145, 24 juuni, 5.
- Sokolov 1939 — M. Sokolov. *Aruanne õpetajaameti-kandidaadi praktikaaja kohta. Tartu kolledž 1937/38 ja 1938/39 õ. a.* Tartu, 1939, aprill, (käsikiri) (ЭИА, ф. 2100, оп. 5, ед. хр. 869).
- Teder [2000] — E. Teder. *Raid, Aleksander*. Eesti kirjanike leksikon. Tallinn: Eesti raamat, [2000], 435–436.
- Terras 1985 — V. Terras. *Peeter Arumaa. In memoriam*. Eesti teadusliku seltsi Rootsisis. Aastaraamat/Annales societatis litterarum Estonicae in Svecia IX. 1980–1984. Stockholm, 1985, 215–216.
- Terras 1997 — V. Terras. *Armastan kõiki keeli, kirjandusi, luuleid*. Maaleht, Tallinn, 1997, № 34, 28. aug, 9.
- Veski 1974 — J. V. Veski. *Mälestuste raamat*. Tallinn, 1974.
- Üliõpilaskond 1982 — *Üliõpilaskond ja õppetöö korraldus 1982*. Tartu Ülikooli ajalugu. K. III. Tallinn: Eesti raamat, 1982, 58–66.

ПАМЯТИ ПРОФ. С. В. СМИРНОВА (С ПРИЛОЖЕНИЕМ БИБЛИОГРАФИИ ЕГО ТРУДОВ)

За месяц до торжественного юбилея, посвященного 200-летию русско-славянской филологии в Тарту, 3 сентября 2002 г., скончался доктор филологических наук, профессор Савватий Васильевич Смирнов. Он проработал на историко-филологическом, а позднее и филологическом факультете Тартуского университета 30 лет.

С. В. Смирнов родился 21 августа 1929 г. в дер. Безина Гора Петраковского сельсовета Красноборского района Архангельской области в семье крестьянина. С 1937 по 1945 г. он учился в средней школе дер. Верхняя Уфтюга. В 1945 г. эта школа закрылась, и с восьмилетним школьным образованием юноша решил поступать в Архангельское мореходное училище. Однако, как он признавался, из-за плохого зрения его туда не приняли. Тогда он надумал устроиться работать в местном лесопункте, но помешал отец, о чем как-то он сам написал: «<...> При царе ему [отцу] пришлось учиться только полтора года. Нужда заставила с 9 лет идти на заработки. И этот полуграмотный деревенский парень, призванный во время Первой мировой войны в армию, смог дослужиться до старшего унтер-офицера, стать Георгиевским кавалером и сыграть немаловажную роль в Февральскую революцию 1917 г. в Ростове-на-Дону. Привыкший с детства к тяжелому труду, испытывавший на своем веку немало трудностей, он более всего мечтал о том, чтобы дать своим сыновьям образование. Но мой старший брат в раннем возрасте умер от эпидемии оспы, второй брат перед войной был призван в армию. Поэтому мне пришлось стать 'козлом отпущения'. И вот, как сейчас помню, в конце августа 1945 г. отец собрал мои скудные пожитки, запряг лошадь, посадил меня на телегу и сказал: 'Езжай-ка, дружок'. Так я оказался в Красноборской средней школе». Здесь он находился под благотворным влиянием учительницы русского языка и литературы Веры Орестовны Спаской, которая сумела привить ему глубокий интерес к родному языку и культуре и о которой он всю жизнь с благоговением вспоминал. Поэтому в 1947 г., закончив среднюю школу, С. В. Смирнов без колебаний отправился в Ленинград (→ С.-Петербург) и поступил на филологический факультет, сначала на отделение русского языка и литературы, а со второго курса стал учиться славистике, в частности, чешскому языку и литературе. «Особенно мне нравились лекции проф. Э. А. Якубинской по сравнительной грамматике славянских языков. Идея исторического развития языков с ее строгими

закономерностями после марровского учения производила большое впечатление. Таким образом я стал лингвистом». В целях совершенствования практического знания чешского языка он был командирован в Карлов университет (Прага). Позднее с коллегами из Чехословакии у него установились тесные связи, он побывает там еще дважды. Получив диплом с отличием за № 784680 от 24 октября 1953 г., в котором квалификация была определена как «филолог-славист, переводчик с русского языка на чешский», С. В. Смирнов направляется в Тарту, где приступает к работе на кафедре русского языка университета. В то время этой кафедрой заведовала Л. О. Ватман. Молодой преподаватель сблизился с видным финно-угроведом проф. П. Аристе и по его совету занялся исследованием истории славянского языкознания в Тартуском университете. В частности, он стал собирать материал о языкеводе Д. Н. Кудрявском и, пройдя в 1956/1957 г. одногодичную аспирантуру, написал под руководством П. Аристе кандидатскую диссертацию «Проф. Д. Н. Кудрявский и основные вопросы русского языкознания». Диссертация была успешно защищена в Тартуском университете в 1959 г. Научной деятельности Д. Н. Кудрявского он посвятил ряд публикаций, среди которых следует назвать статьи «Проблема сущности и происхождения языка в трудах Д. Н. Кудрявского», «Грамматическая система Д. Н. Кудрявского» (обе вышли в 1959 г.) и особенно монографию «Профессор Тартуского (Юрьевского) университета Д. Н. Кудрявский», опубликованную в серии «Труды по русской и славянской филологии Тартуского университета». Одновременно С. В. Смирнов занимается исследованием жизни и деятельности И. А. Бодуэна де Куртенэ, работавшего в Тарту с 1883 по 1893 гг. И делает он это прежде всего на основе архивного материала. В частности, он публикует письма Бодуэна де Куртенэ к И. И. Срезневскому (1973), а позднее и подробный очерк пребывания ученого в Тартуском университете (опубликован польски в 1991 г.). Постепенно контекст интересов С. В. Смирнова расширяется и начинает охватывать также славистов, с Тартуским университетом не связанных. Так, он много пишет о Ф. И. Буслаеве. Богатый материал о нем вскоре вылился в монографию «Ф. И. Буслав и русское языкознание первой половины XIX века» (опубликована в «Трудах по русской и славянской филологии» в 1971 г.). Позднее Московский университет попросит его написать очерк о Буслаеве для серии «Замечательные ученые Московского университета», который в 1978 г. выйдет в Москве отдельной книгой. По признанию самого С. В. Смирнова, «занимаясь в основном изучением развития русской лингвистической мысли, я всегда чувствую себя в душе не только лингвистом, но немножко и историком, но не бросаю и «свою первую любовь» — чешский язык. Вместе с А. Райдом я составил «Чешско-эстонский словарь», вышедший в 1966 г. <...> Чехословацкое языкознание находится на очень

высоком уровне. Поэтому знание чешского языка помогает знакомиться с научными достижениями наших друзей и углублять свои знания». Добавим, что для эстонского читателя он написал два кратких очерка чешской грамматики, напечатанных в качестве приложений к указанному словарю и к «Чешско-эстонскому разговорнику» (1989).

Большой интерес был проявлен С. В. Смирновым к научным связям русских и чешских ученых в XIX в. В 1973 г. он выпускает монографию «Первые русские слависты и Чехия», затем статьи «К истории русско-чешских научных связей в I половине XIX века» (1974), «Из истории русско-чешских научных связей (И. Юнгман и И. И. Срезневский)» (1979) и др.

Систематическое изучение истории русского славяноведения привело С. В. Смирнова к написанию докторской диссертации «Русское и славянское языкознание в России (I половина XIX века)», которую он защитил в 1978 г. в Ленинградском университете. В ней поставлены и решены серьезные задачи: представлен комплексный анализ основных проблем русско-славянского языкознания в России в указанный период, охарактеризованы описательные грамматики русского языка, показан процесс возникновения и развития сравнительно-исторического изучения русского языка и зарождения русского славяноведения как составной части диахронической лингвистики, дано монографическое описание научной деятельности Ф. И. Буслаева, который своими трудами обобщил и завершил рассматриваемый этап русско-славянского языкознания. Материалом для исследования послужили печатные труды, переписка ученых, воспоминания, рецензии, но главное — богатый архивный материал, в том числе и тот, который до него не был введен в науку. Официальными оппонентами по диссертации выступили В. И. Кодухов, М. Г. Булахов и Е. М. Верещагин; внешний отзыв на работу дал Воронежский университет.

2 сентября 1964 г. решением Высшей аттестационной комиссии С. В. Смирнов «утвержден в ученом звании доцента по кафедре русского языка». Диплом доктора наук он получает 6 апреля 1979 г., а спустя два года, 22 января 1982 г., ему «присвоено ученое звание профессора по кафедре русского языка». Вот как выглядит смена должностей, которые занимал С. В. Смирнов: 1953–1956 — преподаватель, 1956–1963 — старший преподаватель, 1963–1971 — доцент, 1971–1973 — старший научный сотрудник, 1973–1979 — доцент, 1979–1983 — профессор. Много лет С. В. Смирнов заведовал и самой кафедрой — в 1963–1971, 1973–1975, 1979–1982 гг. С 1983 г. он перешел работать научным сотрудником Института языка и литературы АН Эстонской ССР, где в основном занимался лексикографической работой, — составлением русско-эстонских и эстонско-русских словарей (см. библиографию его трудов). В первой половине 90-х гг. он читал лекции в Таллинском педагогическом университете.

Обобщающая работа в виде докторской диссертации дала возможность С. В. Смирнову писать синтезированные очерки истории русско-славянского языкознания в России либо сосредоточиваться на отдельных ее периодах. Так, в год защиты диссертации в Праге выходит его «Краткий очерк истории русско-го языкознания», позднее дополненный и переизданный в виде «Очерка истории славяноведения в России» (1993); в сборнике «Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы» — статья «Изучение русского и славянского языкознания» (1979). С. В. Смирнов — один из авторов ряда разделов коллективной монографии «Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян» (1988). Специально он пишет о петербургском центре славяноведения (1988). Большую известность в славистике конца XX в. получил изданный им двухтомник «Русское и славянское языкознание в России середины XVIII – начала XIX вв. (в биографических очерках и воспоминаниях современников)» (1980) и «Русское и славянское языкознание в России середины XIX – начала XX вв.» (1991). Хотя соавторами этого издания указаны П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов, все же как сама идея такого труда, так и основная тяжесть по его составлению легла на плечи С. В. Смирнова.

Наверное, нет русского слависта, о котором бы не писал С. В. Смирнов. Кроме уже названных, это А. Х. Востоков, И. И. Срезневский, О. М. Бодянский, П. И. Прейе, В. И. Григорович, К. Ф. Калайдович, Е. А. Болховитинов, Н. И. Греч, А. А. Потеня, А. А. Шахматов и др. В «Известия РАН» он опубликовал очерки о Г. А. Ильинском и Ф. Ф. Фортунатове (оба в 1998 г.). Существенно, что на протяжении всей своей научной и педагогической деятельности С. В. Смирнов знакомил эстонских читателей с выдающимися именами русского и советского языкознания, с новинками теоретической литературы и т. д., — большое число его статей опубликовано по-эстонски в таллинском жур. «Язык и литература» и др. изданиях. В течении нескольких десятилетий он связывал эстонскую филологическую науку с всесоюзной и российской. С. В. Смирнов активно владел эстонским языком.

За время работы в Тартуском университете С. В. Смирнов читал лекции по введению в языкознание, общему языкознанию, современному русскому языку, истории русского литературного языка, чешскому языку, проводил спецсеминары и практические занятия, руководил курсовыми и дипломными работами. После выхода в 1993 г. «Очерка истории славяноведения в России» он прочитал по нашей просьбе для студентов новоорганизованной кафедры славянской филологии соответствующий курс. Все эти годы рядом с ним работала его супруга — доцент Елена Иосифовна Гурьева, специалист по старославянскому языку и истории русского языка. Под руководством С. В. Смирнова было защищено несколько кандидатских дис-

сертаций. Он был членом специализированного совета Тартуского университета по защите кандидатских диссертаций и членом Научно-методического совета по высшему филологическому образованию Министерства высшего образования СССР, много раз выступал с научными докладами на различных конференциях в разных университетских центрах СССР, России и других стран. Он был избран членом Академии гуманитарных наук (С.-Петербург).

За год до кончины в Москве, в академическом издательстве «Наука», вышла его большая книга «Отечественные филологические слависты середины XVIII – начала XX вв.». В книге даны синтезированные очерки крупнейших русских филологов — от М. В. Ломоносова до Н. С. Трубецкого. Редактор книги акад. О. Н. Трубачев в предисловии пишет: «<...> книга С. В. Смирнова позволяет заглянуть в прошлое науки и, опираясь на опыт великих предшественников, сделать вполне оптимистический прогноз в будущее».

Проф. С. В. Смирнов похоронен 6 сентября 2002 г. на кладбище Раади г. Тарту рядом со своими родителями.

По случаю смерти проф. С. В. Смирнова были получены письма и телеграммы соболезнования. В одном из писем, пришедших на адрес кафедры славянской филологии, сказано: «Вместе с Вами глубоко скорбим по случаю кончины Савватия Васильевича Смирнова — профессора Тартуского университета, много лет возглавлявшего кафедру русского языка, известного ученого, внесшего серьезный вклад в изучение российского славяноведения, русско-славянских научных и культурных связей. Многие годы нас связывали с ним общие научные интересы, участие в конференциях, переписка и пр. Сотрудники Института славяноведения Российской Академии наук и Московского государственного университета Г. К. Венедиктов, А. Н. Горяинов, В. П. Гудков, М. Ю. Досталь, Л. П. Лаптева, М. А. Робинсон, С. М. Фалькович, И. В. Чуркина и др.».

Прилагаем библиографию трудов проф. С. В. Смирнова, составленную на основании предоставленных нам Е. И. Гурьевой его публикаций. К сожалению, случилось так, что не все публикации сохранились. Поэтому мы опирались также на «черную тетрадь» С. В. Смирнова, в которой он по годам (с 1954 г.) вписывал свои публикации. В ряде случаев при отсутствии опубликованного текста приходилось доверять данным «черной тетради».

В оформлении библиографии большую помощь оказала наша магистрантка Л. Рябова.

Библиография трудов проф. С. В. Смирнова (1954–2001)

- МЭ — газ. «Молодежь Эстонии», Таллин
 РЖЯ — Реферативный журнал «Общественные науки в СССР», серия 6, языкознание, Москва
 РР — Русская речь, Москва
 СЭ — газ. «Советская Эстония», Таллин
 ССлав — Советское славяноведение, Москва
 ТГУ — газ. «Тартуский государственный университет», Тарту
 ТРСФ — Труды по русской и славянской филологии (УЗ ТартуГУ), Тарту
 УЗ ТартуГУ — Ученые записки Тартуского государственного университета, Тарту
 KjaK — жур. «Keel ja kirjandus» [«Язык и литература»], Tallinn

1954

- Рец. Юность мира. Сталинская молодежь*, № 96 (635), 12 августа.
Tõehhi sõjajärgse kirjanduse väljapaistvad teosed. Sirp ja vasar, Tallinn, № 9 (531), 26. veebruar. S. Smirnov.

1956

- Почему мы так говорим? Сталинская молодежь*, № 41 (881), 26 февраля.
Слово о словах. МЭ, № 147 (987), 26 июля.

1957

- Первый языковед-марксист в Эстонии. (К 90-летию со дня рождения проф. Д. Н. Кудрявского)*. Альманах «Эстония», Таллин, № VIII, 231–235.

1958

- J. Baudouin de Courtenay tegevus Tartu-perioodil*. KjaK, № 12, detsember, 747–753. S. Smirnov.
Проф. Д. Н. Кудрявский и вопросы славянского языкознания. УЗ ТартуГУ, вып. 65, 173–187.
Из истории нашего университета. Д. Н. Кудрявский. Tartu Riiklik Ülikool, Tartu, 1 сентября.
Последние дни Юлиуса Фучика. (К 150-летию со дня смерти). МЭ, № 177 (1531), 7 сентября.

1959

- M. Veske kiri akadeemik J. Grotile*. KjaK, № 11, november, lk. 688. Kommenteeritud S. Smirnov.
Проблема сущности и происхождения языка в трудах Д. Н. Кудрявского Keeleteaduslikke töid Труды по языкознанию (УЗ ТартуГУ, вып. 77), 101–136. Рез. эст.: Keeleolemuse ja tekke probleem D. Kudrjovski töödes, с. 134; англ.: The Problem of the essence and of the origin of language in D. Kudryavsky's works, с. 135–136.
Грамматическая система Д. Н. Кудрявского. ТРСФ II (УЗ ТартуГУ, вып. 78), 238–257.

Неопубликованная рецензия Д. Н. Кудрявского. ТРСФ II (УЗ ТартуГУ, вып. 78), 284–303.

Проф. Д. Н. Кудрявский и основные проблемы русского языкознания. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тарту: ТартуГУ, 1959, 20 с.

Видный филолог-максист. СЭ, № 120 (4821), 24 мая.

Как возникла человеческая речь? МЭ, № 107 (1717), 3 июня.

Связи ученых Тартуского университета с Чехословакией. СЭ, № 130 (4831), 5 июня; перепечатано: см. 1960 г.

Правильно ли Вы говорите? МЭ, № 207 (1827), 21 октября.

Десять лет в Тарту. (К 30-летию со дня смерти видного ученого-языковеда И. А. Бодуэна де Куртенэ). СЭ, № 260 (4961), 4 ноября.

1960

Связи ученых Тартуского университета с Чехословакией. Československá rusistika, Praha, 1960, № 3, 168–169.

1961

Praha–Tartu. Tatu Riiklik Ülikool, Tartu, № 19 (485), 26 mai. S. Smirnov.

1962

Tšehhoslovakkias õpitakse vene keelt. Nõukogude kool, Tallinn, № 1, jaanuar, 67–69. S. Smirnov.

Об основной единице языка. ТРСФ V (УЗ ТартуГУ, вып. 119), 324–333.

Сделать орфографию простой и доступной. СЭ, № 185 (5805), 8 августа.

Соавтор: Э. Гришакова.

1963

Грамматическая система Ф. И. Буслаева. ТРСФ VI (УЗ ТартуГУ, вып. 139), 250–267.

Послание, поистине, простым людям мира. (К 60-летию со дня рождения Юлиуса Фучика). МЭ, № 38 (2672), 23 февраля.

Экзаменационные впечатления. СЭ, № 217 (6042), 15 сентября.

1964

Решение должно быть кардинальным. СЭ, № 121 (6251), 24 мая.

Об основной единице языка. Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 257–260.

1965

Mihhail Lomonossov vene keeleteaduse rajajana. KjaK, № 4, aprill, 218–224. S. Smirnov.

Письма И. А. Бодуэна де Куртенэ Л. Г. Мазингу. ТРСФ VII (УЗ ТартуГУ, вып. 166), 116–139.

1966

Tšehhi-eesti sõnaraamat/Česko-estonský slovník. Tallinn: Valgus, 443 s. Составители: A. Raid, S. Smirnov.

Lühike ülevaade tšehhi keele grammatikast. Tšehhi-eesti sõnaraamat/Česko-estonský slovník. Tallinn: Valgus, 401–442. [S. Smirnov].

Современный русский язык. Методические указания, программы и контрольные работы. Тарту: ТартуГУ, 113 с.

Составители: А. К. Рейдак, П. С. Сигалов, С. В. Смирнов (с. 3–8, 21–37). 2-е изд. см. 1969 г.

1967

100 aastat Tartu ülikooli professori D. N. Kudrjavski sünnist. Edasi, Tartu, № 252 (5412), 25. oktoober. S. Smirnov.

1968

Keelefilosoofia raamat. Karel Horálek. *Filosofie jazyka. Acta Universitatis Carolinae. Philologica. Monographia XV. Praha, 1967. 160 lk.* KjaK, № 7, juuli, 440–444. S. Smirnov.

Д. Н. Кудрявский и Д. К. Зеленин. (*Биографические материалы*). ТРСФ XII. Серия лингвистическая (УЗ ТартуГУ, вып. 219), 138–153.

В приложении к статье записка Д. Н. Кудрявского в историко-филологический факультет, фрагменты биографии Д. К. Зеленина, письма Кудрявского А. А. Шахматову, В. И. Ламанскому, отзыв Зеленина о Кудрявском (с. 147–153).

Федор Иванович Буслаев. (*К 150-летию со дня рождения*). Русский язык в национальной школе, Москва, № 3, май – июнь, 80–81.

О месте и характере художественных текстов в учебниках. Русский язык в национальной школе, Москва, № 3, май – июнь, 19–21.

Из воспоминаний. Наши славные земляки...[?]: Сев.-Западное книжное изд-во, 61–63.

1969

Современный русский язык. Методические указания, программы и контрольные работы. Пособие для студентов-заочников отделения русского языка и литературы. Изд. 2-е. Тарту: ТартуГУ, 101 с.

Составители: А. К. Рейдак, П. С. Сигалов, С. В. Смирнов (с. 3–8, 21–37).

1970

Профессор Тартуского (Юрьевского) университета Д. Н. Кудрявский. ТРСФ XVI. Серия лингвистическая: Из истории русского языкознания (УЗ ТартуГУ, вып. 247), 3–171. Монография.

О подготовке учителей русского языка для национальных школ. Русский язык в национальной школе, Москва, № 1, январь – февраль, с. 68.

A. Vostokovi Eesti-päritolust. KjaK, № 9, september, 569–570. S. Smirnov.

Отв. ред.: ТРСФ XVI. Серия лингвистическая: Из истории русского языкознания (УЗ ТартуГУ, вып. 247), 208 с.

1971

Jan Šverma. Edasi, Tartu, № 68 (6449), 23. märst. S. Smirnov.

Дмитрий Николаевич Кудрявский (1867–1920). РР, № 3, май – июнь, 137–145.

Из истории естественнонаучной лексики в русском языке (I половина XIX века). ТРСФ XVII. Серия лингвистическая (УЗ ТартуГУ, вып. 266), 200–207.

Ф. И. Буслаев и русское языкознание первой половины XIX века. ТРСФ XX. Серия лингвистическая: Из истории русского языкознания (УЗ ТартуГУ, вып. 279), 3–203. Монография

Отв. ред.: ТРСФ XVII. Серия лингвистическая (УЗ ТартуГУ, вып. 266), 208 с.

Отв. ред.: ТРСФ XX. Серия лингвистическая: Из истории русского языкознания (УЗ ТартуГУ, вып. 279), 223 с.

1972

Александр Христофорович Востоков (1781–1864). РР, № 1, январь – февраль, 101–108.

Хранитель русского слова. СЭ, № 224 (8793), 23 сентября.

Русское языкознание в Тартуском университете (с сокращениями).

Aspekt/Аспект, [Helsinki], № 1 (7), syyskuu/сентябрь, лл. 34–38.

Ротапринтное издание: Suomen Venäjänkielen Opettajien Yhdistys/Объединение преподавателей русского языка в Финляндии.

Измаил Иванович Срезневский (1812–1880). РР, № 6, ноябрь – декабрь, 101–108.

1973

Julius Fučík. Edasi, Tartu, № 46 (7042), 23. veebruar. S. Smirnov.

«Люди, я любил вас...». МЭ, № 39 (5431), 23 февраля.

Федор Иванович Буслаев (1818–1897). Русский язык за рубежом, Москва, № 2, 59–63.

Первые русские слависты и Чехия. ТРСФ XXII. Серия лингвистическая.

Из истории русского языкознания (УЗ ТартуГУ, вып. 310), 47–176.

Монография. О. М. Бодянский, П. И. Прейс, И. И. Срезневский, В. И. Григорович.

И. А. Бодуэн де Куртэнэ и И. И. Срезневский. ТРСФ XXII. (УЗ ТартуГУ, вып. 310), 183–219.

1974

Рец.: Е. А. Игушев. Русские заимствования в ижемском диалекте коми языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Сыктывкар, 1973. Советское финно-угроведение, г. Х, Таллин, № 3, 218–220.

Antonin Zápotocký. Edasi, Tartu, № 296 (7597), 19. detsember. S. Smirnov.

К истории русско-чешских научных связей в I половине XIX века. Acta Universitatis Carolinae. Philologica 3–4. Slavica pragensia XVII, 171–187.

Рез. чеш.: K dějinám rusko-českých vědeckých styků v I. polovině 19. století, с. 187.

1975

Об изучении русского языка в вузах Эстонской ССР. Русский язык за рубежом, Москва, № 2, 63–66. Соавтор: Х. Перемезс.

Vene keel nüüdisaegses maailmas. Rahva hääl, Tallinn, № 154 (9933), 3. juul. S. Smirnov.

Русское и славянское языкознание в Тартуском университете. Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi I (TRÜ ajaloo komisjoni materjalid), 132–141.

1976

J. Baudouin de Courtenay Tartus. Keel, mida me uurime. Koost. M. Mäger. Tallinn: Valgus, 186–189. S. Smirnov.

Uudisteoseid keeleteaduse ajaloost. Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский. Очерки по истории лингвистики. Москва,

1975, 559 lk; Ф. М. Березин. *История лингвистических учений*. Москва, 1975, 304 lk. KjaK, № 3, märts, 183–185. S. Smirnov.

Виктор Иванович Григорович (1815–1876). PP, 1976, № 2, март – апрель, 100–106.

Индивидуум – особь. PP, № 4, июль – август, 76–78.

Tšehhi keel, Ukraina keel, D. N. Ušakov Valgevene keel, Vanaslaavi keel, M. Vasmer, Vene keel, Vene kiri, V. V. Vinogradov. Eesti Nõukogude Entsüklopeedia. T. 8. Tallinn: Valgus, соответственно с. 91, 196, 233, 279, 303, 323, 357, 446. [S. Smirnov].

1977

Sissejuhatus keeleteadusse. Ю. С. Маслов *Введение в языкознание*. Москва, 1975, 328 lk. KjaK, № 1, jaanuar, 54–56. Smirnov S.

Fenno-ugristica. Tartu, 1976. T. 3, 163 с. РЖЯ, № 2, 23–26.

Осип Максимович Бодянский (1808–1877). PP, № 4, июль – август, 116–122.

Рец.: Vaatluse all vene-jugoslaavia kultuurikontaktid. П. А. Дмитриев, Г. И. Сафронов. *Из истории русско-югославянских литературных и научных связей*. Изд. ЛГУ, 1975, 200 lk. KjaK, № 8, august, 505–506. S. Smirnov.

Nõukogude keeleteadusest kuuekümnne aasta jooksul. KjaK, № 11, november, 644–654.

Русское и славянское языкознание в России (I половина XIX века). 10.02.03 Славянские языки. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Ленинград: ЛГУ, 36 с.

1978

Рец. Ю. С. Маслов. *Введение в языкознание*. Москва, «Высшая школа», 1975. Филологические науки, Москва, № 2, 107–109.

Труды по истории славистики. Т. 3. Práce z dějin slavistiky. 3. Praha, 1976. РЖЯ, № 2, 9–12.

Kratkij očerk istorii russkogo jazykoznanija. [Краткий очерк истории русского языкознания]. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 108 s. Книга на рус. яз. На титульном листе ошибочно указано отчество автора (вместо — Васильевич): Savvatij Inokentijevič Smirnov.

Fenno-ugristica. Tartu, 1977, m. 4. РЖЯ, № 3, 207–211.

D. N. Kudrjavski. Eesti Nõukogude Entsüklopeedia. Lisaköide. Tallinn: Valgus, 129. [S. Smirnov].

Федор Иванович Буслаев (1818–1897). (Замечательные ученые Московского университета. 47). Москва: МГУ, 96 с.

«Библиография трудов Ф. И. Буслаева и литература о нем», с. 72–96.

На книгу см. рец.: PP, 1979, № 3, 158–159; РЖЯ, 1979, № 3, 15–16.

Ваба Л. Р. Латышские заимствования в эстонском языке. Таллин, 1978. РЖЯ, № 6, 38–42.

Рятсеп Х. К. Типы простых предложений в эстонском языке. Таллин, 1978. РЖЯ, № 6, 122–126.

1979

Труды по финно-угроведению, т. 5, Tartu, 1978. РЖЯ, № 1, 195–199.

Румянцевский кружок. PP, № 2, март – апрель, 97–103.

Nõukogude sotsiolingvistika päevaprobleemid. KjaK, № 7, juuli, 407–414. S. Smirnov.

Изучение истории русского и славянского языкознания. Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Москва, 242–250.

Рец. *Kirjakeel kommunikatsioonis. Alois Jedlička. Spisovný jazyk v súčasnej komunikácii. Praha, 1978, 227 lk. KjaK, № 11, november, 697–698. S. Smirnov.*

Из истории русско-чешских научных связей (Й. Юнгман и И. И. Срезневский). *Linguistica XI. Tartu, 8–18. С. Смирнов. Рез. англ.: On the history of Russian-Czech scientific connections (J. Jungmann and I. Sreznevsky), с. 18.*

В. И. Григорович — питомец Тартуского университета. *Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi VII (TRÜ ajaloo komisjoni materjalid) Tartu, 169–177.*

1980

Наш Пауль Аристэ. ТГУ, № 2, 28 марта.

Рец.: Ф. М. Березин *История русского языкознания. Москва, «Высшая школа», 1979. 224 стр. Вопросы языкознания, Москва, № 2, 139–143.*

Философские грамматики в России. Сравнительно-исторические исследования русского языка. Воронеж: изд-во Воронежского ун-та, 41–48.

Рец.: А. С. Мильников. *Эпоха Просвещения в Чешских землях. М., 1977, 199 с. ССлав, № 4, июль – август, 112–113.*

Русское и славянское языкознание в России середины XVIII–XIX вв. (в биографических очерках и воспоминаниях современников). Учебное пособие. Ленинград.: ЛГУ, 212 с. Соавторы: Г. И. Сафронов, П. А. Дмитриев.

Рец.: *Славяноведение в дореволюционной России. [Био]библиографический словарь. М., 1979, 427 с. ССлав, № 6, ноябрь – декабрь, 115–117.*

1981

О понятиях «научная школа» и «научное направление» в истории языкознания. Из истории славяноведения в России. ТРСФ (УЗ ТартуГУ, вып. 573), 136–147.

Русская филология. ТГУ, № 2 (95), 27 февраля.

Новогоднее интервью. ТГУ, № 12 (105), 30 декабря.

Сон в новогоднюю ночь. ТГУ, № 12 (105), 30 декабря.

Отв. ред.: Из истории славяноведения в России. ТРСФ (УЗ ТартуГУ, вып. 573), 148 с.

1982

Väitekirja teemaks tõlkesõnaraamatud. KjaK, № 1, jaanuar, 52–53. S. Smirnov. Vene keel ja kirjandus TRÜ-s. Nõukogude õpetaja, Tallinn, № 7 (1974), 13. veebruar. S. Smirnov.

Рец.: *Kõne all slaavi pisikirjakeeled. А. Д. Дуличенко. Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития. Издательство «Валгус», Таллин, 1981. 324 lk. KjaK, № 7, juuli, 384–387.*

Vene ja slaavi filoloogia Tartu ülikoolis. KjaK, № 9, september, 473–484. S. Smirnov. Соавтор: S. Issakov.

Tegeliku keelepoliitika põhihooni Nõukogude Liidus. KjaK, № 12 (300), detsember, 623–632. Smirnov S. Соавтор: A. Dulitšenko.

Ред.: Х. Лезметс, С. Смирнов, М. Эрельт. *Вопросы сопоставительного изучения лексики и грамматики (на материале эстонского и русского языков)*. Таллин: АН Эст. ССР, 120 с.

1983

Рец.: Г. К. Венедиктов *Из истории современного болгарского литературного языка*. София: БАН, 1981. 269 с. Вестник Ленинградского университета, № 8. История, язык, литература, вып. 2, 122–124. Соавтор: А. Д. Дуличенко.

Рец.: *Baltimaade kirjandused tšehhi uurija pilgu läbi. Radegast Parolek. Srovnávací dějiny baltických literatur*. Praha, 1978. 148 lk. KjaK, № 8, august, 452–453. S. Smirnov.

К биографии П. И. Прејса. Из истории славяноведения в России II. ТРСФ: сборник в честь 60-летия доктора филологических наук, профессора Никиты Ильича Толстого (УЗ ТартуГУ, вып. 649), 55–66.

Вопросы русского и славянского языкознания в трудах П. А. Лавровского. Из истории славяноведения в России II. ТРСФ: сборник в честь 60-летия доктора филологических наук, профессора Никиты Ильича Толстого (УЗ ТартуГУ, вып. 649), 77–89. Соавтор: Е. И. Гурьева.

Отв. ред.: Из истории славяноведения в России II. ТРСФ: сборник в честь 60-летия доктора филологических наук, профессора Никиты Ильича Толстого (УЗ ТартуГУ, вып. 649), 136 с.

1984

Рец.: *Потєбнянські читання*. — К.: Наук. думка, 1981. — 183 с. Мовознавство, Київ, № 2 (104), березень – квітень, 76–77. С. Смирнов.

Keelenorm teoorias ja praktikas: pilk väljapoole Eestit («Kirjakeele korraldus nüüd ja praegu»). Kjak, № 9, september, 521–525. S. Smirnov.

Рец.: *Славяноведение и балканистика в зарубежных странах*. М., 1983, 335 с. ССлав, № 6, ноябрь – декабрь, 96–98.

Vene-eesti sõnaraamat/Russko-эстонский словарь. I. Koostanud: R. Kull <...>, S. Smirnov, <...>. Tallinn: Valgus, 959 lk.

С. 28: С. В. Смирнов представил авторскому коллективу критические замечания и предложения по тексту словаря в объеме всей рукописи (преимущественно вопросов входного языка), а также участвовал в обсуждении отдельных вопросов, связанных с разработкой структуры словаря, системой грамматических помет и др.

1985

Рец.: *Tänapäeva keeleteaduse palgejooni*. Современное зарубежное языкознание. Вопросы теории и методологии. Издательство «Наукова думка», Киев, 1983. 207 lk. Kjak, № 3, 186–188. S. Smirnov.

Wilhelm von Humboldt üldkeeleteaduse rajaja. KjaK, № 4, 245–248. S. Smirnov.

Kaks slaavi rahvalgustajat. KjaK, № 5, 315–316. S. Smirnov.

Идеи А. А. Потєбни в трудах Д. Н. Кудрявского. Наукова спадщина О. О. Потєбні і сучасна філологія. До 150-річчя з дня народження О. О. Потєбні. Збірник наукових праць. Київ: Наукова думка, 190–206.

Aleksandr Potebnja 150. KjaK, № 9, 562–564. S. Smirnov.

А. С. Будилович как лингвист. Slavica Tartuensia I: Исследования по истории славянского языкознания (УЗ ТартуГУ, вып. 710), 70–81.

Петр Иванович Прейс. (К 150-летию начала преподавания славяноведения в университетах России и СССР). Palaeobulgarica/Старобългаристика, т. IX, София, № 2, 41–55.
Võrdsed võrdsete seas. Looming, Tallinn, № 12, 1657–1665. S. Smirnov.

1986

Port-Royali grammatika. KjaK, № 3, 189–190. S. Smirnov.
Рец.: Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984, 372 с. ССлав, № 4, июль – август, 109–111.

1987

Беседы о русском языке. Что такое язык? Радуга, Таллин, № 4, апрель, 77–80.

Что такое двуязычие? Слово ученого. Вечерний Таллин, № 106 (12983/4976), 11 мая. С. Смирнов.

Kakskeelsusest. Õhtuleht, Tallinn, № 106, 11. mai. S. Smirnov.

Беседы о русском языке. «Языки» в языке. Радуга, Таллин, № 5, май, 70–74.

A. D. Dulitsenko. Eesti Nõukogude Entsüklopeedia. T. 2. Tallinn, 177. [S. Smirnov].

То же см.: 2000.

Prillidega ja prillideta (M. Hindi artiklist «Vaateid kakskeelsusele roosade prillideta» – «Vikerkaar») 1987, № 6. Rahva hääl, Tallinn, № 163 (13554), 15. juuli. S. Smirnov.

В очках и без очков. (О статье М. Хинта «Проблема двуязычия: взгляд без розовых очков» в журнале «Викерkaar» – «Радуга»). СЭ, № 162 (13620), 15 июля.

Беседы о русском языке. Как устроен язык? Радуга, Таллин, № 7, июль, 78–81.

Петербургский центр славяноведения. Slavia, гоґ. 56, Praha, seš. 3, 304–307.

То же см.: 1988

1988

Учитель — имя твое. (К 140-летию со дня рождения Ф. Ф. Фортунатова). РР, № 1, январь – февраль, 63–67.

Беседы о русском языке. Что такое литературный язык? Радуга, Таллин, № 2, февраль, 87–90.

Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. Отв. ред.: Д. Ф. Марков, Ф. А. Дьяков. Москва: Наука, 415 с. Отдельные разделы; см. ниже:

Начало изучения языков западных и южных славян, 54–65. Соавторы: С. Б. Бернштейн, В. П. Гудков.

Изучение и преподавание южнославянских и западнославянских языков, 155–175. Соавторы: С. Б. Бернштейн, В. П. Гудков.

Результаты научных исследований и подготовка кадров в области славянского языкознания, 259–284. Соавторы: С. Б. Бернштейн, В. П. Гудков.

Славянское языкознание, 368–379. Соавторы: С. Б. Бернштейн, В. П. Гудков.

Сторінка історії: наш видатний земляк. «Шукав правди в ім'я слов'янства». Газ. «Народна трибуна», Балта (Одеська область), № 49 (9232), 23 квітня, с. 2; № 50 (9233), 26 квітня, с. 2; № 51 (9234) 28

квітня, с. 2; № 54 (9237), 7 травня, с. 2; № 56 (9239), 12 травня, с. 2; № 58 (9241), 17 травня, с. 2. Соавтор: В. Н. Грамотін.

О слависте В. И. Григоровиче.

Vene-eesti sõnaraamat/Русско-эстонский словарь. II. Koostanud: <...> S. Smirnov, <...>. Tallinn: Valgus, 863 lk.

Об участии С. В. Смирнова см. комментариев в: 1984, I.

Петербургский центр славяноведения. Славянская филология VI. Межвузовский сборник. Ленинград: ЛГУ, 34–40.

И. И. Срезневский и П. Й. Шафарик. Славянская филология VI. Межвузовский сборник. Ленинград: ЛГУ, 40–51. Авторы: Е. И. Гурьева, С. В. Смирнов.

Ф. И. Буслаев — ученый и педагог. РР, № 3, май – июнь, 64–69.

К 150-летию со дня рождения академика И. В. Ягича. Slavica Tartuensia II: Славянские литературные языки и историография славяноведения (УЗ ТартуГУ, вып. 811), 108–129.

Eestis sünninud akadeemik Aleksei Sahmatov. KjaK, № 7, 423–427. S. Smirnov. Академик И. В. Ягич. *К 150-летию со дня рождения.* ССлав, № 4, июль – август, 78–84.

Полезное начинание. Вопросы истории. Москва, № 9, 157–162. Авторы: Г. И. Чернявский, С. В. Смирнов.

О сборниках по славяноведению и балканистике Института славяноведения и балканистики АН СССР, изданных в 1980–1986-х гг.

1989

Поэтическое наследие А. Х. Востокова. РР, № 1, январь – февраль, 69–74. *Свет вечной правды. (К 125-летию со дня рождения А. А. Шахматова).* РР, № 3, май – июнь, 83–87.

А. Х. Востоков как основоположник славянского сравнительно-исторического языкознания в России. Palaeobulgarica/Старобългаристика, София, № 2, 116–127.

Буслаев Федор Иванович. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. I. Москва: Советская энциклопедия, 373–374.

Размышление о государственном языке. Национально-языковые отношения в СССР: состояние и перспективы. Отв. ред. В. П. Нерозник. Москва: Наука, 142–151.

Tšehhi-eesti vestmik/Česko-estonská konverzace. Tallinn: Valgus, 167 lk.

Авторы: Н. Leemets, Smirnov S.

Lühiülevaade tšehhi keele grammatikast. H. Leemets, S. Smirnov. *Tšehhi-eesti vestmik/Česko-estonská konverzace.* Tallinn: Valgus, 7–48. [S. Smirnov].

1990

«Закон Эстонской Советской Социалистической Республики о языке» и пути его реализации. VI Всесоюзное координационные совещание руководителей отделов и секторов русского языка АН союзных республик и филиалов АН СССР «Русский язык в условиях двуязычия и многоязычия: проблемы функционирования и исследования» (18–20 апреля 1990 г.). Тезисы докладов. Минск: Наука і тэхніка, 9–10. Соавтор: Э. Ю. Вескимяги.

Sada aastat Nikolai Trubetzkoy sünnist. KjaK, № 4, 239–244. S. Smirnov.

Filip Fortunatev kui indoeuropeist. KjaK, № 10, 607–611. S. Smirnov.

1991

О социолингвистическом изучении билингвизма. Совершенствование подготовки учителей-словесников в условиях национально-русского и русско-национального двуязычия. I ч. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научно-методической конференции (Фрунзе, 17–19 октября 1990 г.). Фрунзе, 57–59.

August Schleicher — 170 aastat sünnist. KjaK, № 2, 89–95. S. Smirnov.

Esimene pääsuke. Лингвистический энциклопедический словарь. Москва, 1990. 684 lk. KjaK, № 5, 313–314. S. Smirnov.

Keel ja kultuur. KjaK, № 8, 497–498. S. Smirnov.

Franz Bopp 200 aastat sünnist. KjaK, № 9, 542–546. S. Smirnov.

Działalność Jana Niecisława Baudouina de Courtenay na Uniwersytecie w Dorpacie. Działalność naukowa, dydaktyczna i społeczno-polityczna Jana Niecisława Baudouina de Courtenay w Rosji. Wrocław – Warszawa – Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, PAN, 39–71. S. Smirnow.

И. А. Бодуэн де Куртенэ о Н. В. Крушевском. Минувле і сучасне Волині. Історичні постаті краю. Тези доповідей та повідомлень V Волинської історико-краєзнавчої конференції 11–13 жовтня 1991 року. Луцьк, 154–156.

Русское и славянское языкознание в России середины XIX – начала XX вв. Учебное пособие. Ленинград: ЛГУ, 230 с. Соавторы: П. А. Дмитриев, Г. И. Сафронов.

1992

Академик А. А. Шахматов. (К 125-летию со дня рождения). Diachronica (сборник научных статей по истории русского литературного языка), Таллинн, 65–94.

Professor Grigori Iljinski. (Tartu Ülikooli ajaloost). KjaK, № 5, 286–289. S. Smirnov.

Vene-eesti sõnaraamat/Русско-эстонский словарь. III Koostanud: <...> S. Smirnov, <...>. Tallinn: Valgus, 752 lk.

Об участии С. В. Смирнова см. комментарий в: 1984, I.

1993

Sada aastat Bohuslav Hanránek sünnist. KjaK, № 1, 26–29. S. Smirnov.

Очерк истории славяноведения в России. Учебное пособие. Таллинн, 172 с.

1994

Е. А. Болховитинов. Русская словесность, Москва, № 1, с. 47.

А. Х. Востоков. Русская словесность, Москва, № 1, с. 61.

К. Ф. Калайдович. Русская словесность, Москва, № 1, с. 73

1995

Vene-eesti sõnaraamat/Русско-эстонский словарь. IV. Koostanud: <...> S. Smirnov <...>. Tallinn: Valgus, 752 lk.

Об участии С. В. Смирнова см. комментарий в: 1984, I.

О динамике изменений в овладении эстонским языком русскими за период с 1987 по 1994 г. Language teaching, culture and learner. Proceedings of the methodology conference of the Language Centre «Language teaching culture and learner». March 24–25, 1995. Tartu, 136–140. Авторы: Э. Сеэльман, С. Смирнов, Э. Васильченко.

1996

- Slavistika tragöödia*. Ф. Д. Ашнин, В. М. Алпатов. «Дело славистов»: 30-е годы. Москва, 1994. 284 lk. KjaK, № 10, 705–707. S. Smirnov.
Tartus ja Tartu ülikoolis tegutsenud slaviste. KjaK, № 12, 861–863. S. Smirnov.

1997

- Tartu ülikooli professor Dmitri Kudrjavski. 130 aastat sünnist*. KjaK, № 12, 870–871. S. Smirnov.
Ред.: *Eesti–vene sõnaraamat/Эстонско-русский словарь I*. Tallinn/Таллинн, 981 lk. S. Smirnov.
Один из редакторов.

1998

- Григорий Андреевич Ильинский: судьба ученого*. Известия РАН. Серия литературы и языка, Москва, т. 57, № 2, март – апрель, 65–70.
Николай Иванович Греч (1787–1867). Языки малые и большие... In *memoriam acad. Nikita I. Tolstoi (Slavica Tartuensia IV)*. Tartu, 268–275. *Polacy w Estonii. Lublin, 1998. 411 lk.* KjaK, № 9, 645–647. S. Smirnov.
Академик Филипп Федорович Фортунатов (к 150-летию со дня рождения). Известия РАН. Серия литературы и языка, Москва, т. 57, № 4, июль – август, 67–71.

1999

- Tartu ülikooli professor Aleksandr Kotljarevski*. KjaK, 1999, № 2, 141–143. S. Smirnov.
И. А. Бодуэн де Куртэнэ в Дерпте. Славянская филология VIII. Межвузовский сборник. Санкт-Петербург: СПбГУ, 197–204.
Vene keele grammatika lühiväevaade. Русский проект. Аудиовидеокурс делового русского языка/Vene projekt. Vene ärikeelee audiovideokursus. [Tallinn]: Pangloss, 88–147. S. Smirnov. Соавтор: I. Davidjants.

2000

- Vene–eesti sõnaraamat/Русско-эстонский словарь. 1–2. 2., parand. trükk./ 2-е испр. изд. Koostanud: R. Kull <...>, S. Smirnov, <...>*. [Tallinn]: Eeste Keele Instituut, 1001, 1131 lk.
Об участии С. В. Смирнова см. комментарий в: 1984, I.
A. D. Dulitsenko. Eesti Entsüklopeedia. Т. 14. Tallinn: Eesti Entsüklopeedia, 47–48. [S. Smirnov].

2001

- Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX вв.* Справочное пособие. Под общей ред. акад. О. Н. Трубачева. Москва: Флинта, Наука, 336 с.

* * *

Об отдельных изданиях (монографиях, пособиях и т. д.) и о монографиях в «УЗ ТартуГУ» см. данные за годы: 1959, 1966 (2 ед.), 1969, 1971, 1973, 1977, 1978 (2 ед.), 1980, 1989, 1991, 1993, 1999, 2001.

В СЕРИИ *SLAVICA TARTUENSIA* ВЫШЛИ:

- I. *Исследования по истории славянского языкознания. Посвящается 150-летию отечественного университетского славяноведения.* (УЗ ТартуГУ. Вып. 710). Тарту, 1985, 144 с.
- II. *Славянские литературные языки и историография славяноведения.* (УЗ ТартуГУ. Вып. 811). Тарту, 1988, 171 с.
- III. *Славяно-славянские и славяно-финно-угорские сопоставления/Slovensko-slovenska i slovensko-ugrofinska porođenja.* (УЗ ТартуГУ. Вып. 932). Отв. редакторы тома А. Д. Дуличенко и Б. Тошович. Tartu, 1991, 206 с.
- IV. *Языки малые и большие... In memoriam acad. Nikita I. Tolstoi.* Tartu, 1998, 317 с.
- V. *200 лет русско-славянской филологии в Тарту.* Tartu, 2003, 430 с.

В сборнике содержатся материалы международной конференции «200 лет русско-славянской филологии в Тарту» (10–12 октября 2002 г.). Книга состоит из разделов: Этапы развития славянской филологии в Тарту; И. А. Бодуэн де Куртенэ: проблемы общетеоретического и славянского языкознания (бодуэнологические исследования); Направления и концепции в истории тартуской славистики; Слависты и воспитанники Тартуского университета: вклад в развитие славянского языкознания; Русское литературоведение в Тарту; Из истории преподавания славистических курсов.